

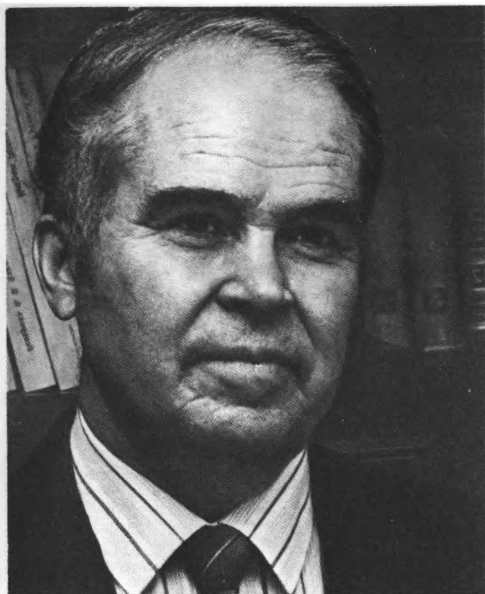
ЛЕНИН

ДМИТРИЙ ВОЛКОГОНОВ

ЛЕНИН

ДМИТРИЙ ВОЛКОГОНОВ

Дмитрий Антонович ВОЛКОГОНОВ (1928—1995) родился в Забайкалье, в станице Мангут. Доктор философских и доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент российской Академии наук, генерал-полковник.

Отец расстрелян как «враг народа», мать умерла в ссылке. Д.А.Волкогонов окончил танковое училище, Военно-политическую академию.

Проходил службу в различных должностях, завершив ее заместителем начальника Главного политуправления, откуда был уволен за демократические взгляды.

Был начальником Института военной истории, снят с должности за «очернение советской истории» Возглавлял Комиссию при президенте по военнопленным, интернированным и пропавшим без вести.

Автор более 30 книг по философии, истории, политике.

В 1996 г. трилогии Д.А.Волкогонова «Вожди» в шести томах («Сталин», «Троцкий», «Ленин») присуждена государственная премия Российской Федерации в области литературы и искусства. «Ленин» — заключительная часть трилогии.

ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ

ДМИТРИЙ
ВОЛКОГОНОВ

ЛЕНИН

КНИГА II

ВОЖДИ

act
ИЗДАТЕЛЬСТВО
Новости
Москва
1999

УДК 947
ББК 66.61(2)8
В 67

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Рецензент Латышев А.Г.

Книга издана в авторской концепции.
Работа над книгой закончена в марте 1993 года.

В книге использованы фотографии
ИТАР-ТАСС, РИА «НОВОСТИ», Издательства
«Новости», личного архива автора.

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Волкогон Д. А.

В 67 Ленин. — Политический портрет. В 2-х книгах.
Кн. 2. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ»: АО
«Издательство «Новости», 1999. — 512 с. — (Всемирная
история в лицах).

ISBN 5-237-00906-9 (АСТ)
ISBN 5-7020-0866-9 (Новости)

В российской истории, кажется, нет человека, о котором было бы известно столько, сколько о Ленине. Но это чистейшая иллюзия, потому что в действительности о Ленине известно на удивление мало. Слишком многое искажалось, еще больше — утаивалось, слишком многие факты могли пролить на личность «вождя революции» неожиданный свет, а потому замалчивались. Книга Волкогодина представляет для современного читателя огромный интерес, так как в работе над нею автор, допущенный к суперсекретным партийным архивам, использовал уникальные документы, впервые представляющие перед читателем...

УДК 947

© Д.А. Волкогодина, 1994

ББК 66.61(2)8

© Оформление.

ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1998

© АО «Издательство «Новости», 1994

Глава 1

ОКРУЖЕНИЕ ЛЕНИНА

Проблема власти была основной у Ленина и у всех следовавших за ним.

Николай Бердяев

Эта глава о соратниках (а может быть, точнее — соучастниках?) вождя русской революции. Вокруг Ленина всегда было немало людей. В силу своих интеллектуальных качеств он заметно выделялся среди российских социал-демократов еще в начале века. К нему тянулись, с ним спорили, враждовали, но игнорировать его было невозможно: Ленин был цельной натурой, способной одним своим присутствием влиять на людей. Но близких друзей у него не было.

Своим интеллектуальным „ростом“ он как бы держал людей на расстоянии. Правда, в отдельные ранние периоды своей жизни Ленин был дружески весьма близок то к Ю.О.Мартову, то к Н.Е.Федосееву (хотя виделся с ним только дважды!), то к А.А.Ванееву. Позже, накануне революции, его теснее, чем с кем-либо, связывали узы теплых товарищеских отношений с Г.Е.Зиновьевым и Л.Б.Каменевым. Временами Ленин проявлял заметное дружеское расположение к Свердлову, Дзержинскому, Подвойскому, Луначарскому или к кому-либо еще. Но, повторю, близких друзей, „на всю жизнь“, у Ленина не было. И хотя он часто интересовался состоянием здоровья и самочувствием окружающих его товарищей, беспокоился, накормлены и отдохнули ли они, это было, по убеждению Ленина, просто партийной обязанностью. Вождь большевиков мог шутить, смеяться, даже быть фамильярным, но он никогда не преступал некоей невидимой грани моральной близости к тому или иному человеку. Возможно, лишь за исключением И.Ф.Арманда. Ленин принадлежал Идее, был ее фанатиком и жрецом. А у таких людей могут быть единомышленники, соратники, соучастники, единоверцы, но они редко бывают личными друзьями. Этому мешала абсолютная ленинская приверженность тем идейным постулатам, которым он поклонялся.

Нас в книге интересуют прежде всего те люди из ленинского окружения, которые оказали заметное влияние на формирование и развитие системы, родившейся после октября 1917 года. Фактически, это весь состав первого Политбюро ЦК РКП(б). Известно, что Политбюро было создано по предложению Ленина 10 (23) октября 1917 года на заседании ЦК, когда решался вопрос о вооруженном восстании. Но этот орган и при захвате власти, и сразу после этого не проявил себя.

Ленин чувствовал, что собираться всем составом ЦК для решения текущих задач трудно. Он хотел иметь в составе Центрального Комитета несколько человек, которые могли бы на регулярной основе решать все вопросы текущего момента. На VIII съезде партии Г.Е.Зиновьев, делавший доклад по организационному вопросу, заявил, что увеличение состава ЦК грозит превратить его в „маленький митинг“. Нужно в коммунистическом ареопаге иметь Политбюро, оргбюро и секретариат. Никто не мог и предположить, что Политбюро, созданное на VIII съезде в марте 1919 года, совсем скоро обретет огромную силу, а со временем в советском государстве превратится в единственный и абсолютный орган власти, сокрытый от глаз людей покровом зловещей таинственности и всесилia.

А тогда, 25 марта 1919 года, в первый состав постоянно действующего органа, избранного пленумом ЦК, вошли: В.И.Ленин, Л.Б.Каменев, Н.Н.Крестинский, И.В.Сталин, Л.Д.Троцкий; кандидатами — Н.И.Бухарин, Г.Е.Зиновьев, М.И.Калинин. Все эти люди, за исключением Николая Николаевича Крестинского, который смог „удержаться“ в составе Политбюро лишь до 1921 года, и Михаила Ивановича Калинина — откровенно декоративной фигуры, в первые годы советской власти, составляя ближайшее окружение Ленина, были основными помощниками главного „архитектора“ системы.

Что касается Н.Н.Крестинского, то он, побывав и в „левых коммунистах“, и в „троцкистах“, занимая ряд заметных постов в ЦК, Совнаркоме, ВЦИК, окончил в конце концов свою жизнь на сталинской гильотине. В толстом томе особого фонда Центрального архива Министерства государственной безопасности СССР заключены документы „Су-

дебного производства по делу Бухарина, Рыкова, Ягоды, Крестинского...". Там есть и небольшая справочка, всего в полстраницы:

„Приговор о расстреле Крестинского Николая Николаевича приведен в исполнение в Москве 15 марта 1938 года. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в Особом архиве 1-го спецотдела НКВД СССР, том № 3, лист № 97.

Начальник 12-го отделения 1-го спецотдела НКВД СССР.

Лейтенант госбезопасности Шевелев¹.

Судьба М.И.Калинина оказалась более удачной. По предложению Ленина 30 марта 1919 года он был избран Председателем ВЦИК. С тех пор, до самой своей почетной кончины в 1946 году в собственной постели, а не в подвале „карательных органов“, Калинин играл роль бутафорского „главы“ советского государства. Как позже, так и в годы жизни Ленина, находясь почти под башмаком вождей, Калинин не оказывал какого-либо реального влияния на судьбы страны.

Уже первое заседание созданного Политбюро, состоявшееся 16 апреля 1919 года, на котором присутствовало лишь четыре человека: Ленин, Каменев, Крестинский и Калинин, показало, что это будет не столько партийный, сколько государственный орган. Рассматривались вопросы экономического положения рабочих, о возможности преподавания закона божия во внеурочное время, о пополнении коллегии Наркомзема, о поездке Калинина на агитпоезде „Октябрьская революция“, о предании суду антисоветских групп и т.д.

Нас интересует не только отношение этих людей к большевистскому лидеру, их взаимоотношения, но и оценка Лениным своего ближайшего окружения. Она содержится в многочисленных записках Председателя Совнаркома, телеграммах, выступлениях. Но, пожалуй, в концентрированном виде в его знаменитом „Письме к съезду“, продиктованном им в несколько приемов в декабре 1922-го и январе 1923 года. В своих диктовках 24 и 25 декабря Ленин характеризует политические, моральные и интеллектуальные качества Троцкого, Сталина, Зиновьева, Каменева, а также Бу-

харина и Пятакова. В добавление к письму от 24 декабря, 4 января 1923 года, Ленин диктует впечатляющий фрагмент, посвященный почти целиком Сталину². Эти записи не только обогащают наше представление о том, каковой видел Ленин ситуацию в стране и партии в начале двадцатых годов, но и позволяют оценить личностное восприятие вождем большевиков своего ближайшего окружения.

Всем „выдающимся“ и вообще „основным вождям“ мы уделим в этой главе достаточно внимания. Несколько удивляет причисление Лениным к основной обойме большевистских вождей Г.А.Пятакова, которого он называет человеком „несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей“³. Действительно, Пятаков занимал ряд постов, которые можно назвать министерскими, но он никогда не оказывал заметного влияния в партии, что касается ее стратегических задач. Участь его также печальна. После исключения из партии, арестов, высылка он был, наконец, привлечен к нашумевшему сталинскому процессу 1937 года. Несмотря на „выдающуюся волю“, Пятаков после долгих пыток написал на тридцати пяти страницах письмо наркому внутренних дел Н.И.Ежову, в котором проявил свои невероятные фантастические способности. То, что говорится в письме, можно объяснить лишь больным от побоев и издевательств воображением. Там приводится, например, прямая речь Троцкого вроде: „Поймите, без целой цепи террористических актов, которые надо провести как можно скорее, нельзя свалить сталинское правительство. Ведь речь идет о государственном перевороте... В этой борьбе должно применять все, самые острые методы подготовки государственного переворота и, в первую очередь, террор, диверсии и вредительство...“⁴

Думаю, бредни о тайной встрече Пятакова и Троцкого в декабре 1935 года в Осло были сочинены ленинско-сталинскими чекистами, а измученный пытками Пятаков (как и его подельцы) писал и говорил, что хотели палачи. Хотя Ленин и причисляет этого человека к лику перспективных, молодых вождей, думаю, что едва ли он был таковым. Во всяком случае, в биографии поступков и свершений Пятакова нет ничего, что поставило бы его рядом, допустим, с Бухариным или другими признанными лидерами партии. Здесь сказыва-

ется просто личная симпатия вождя к человеку, интуитивное ощущение его незаурядности.

В своем рассмотрении ленинского окружения мы ограничимся рамками Политбюро, хотя Ленин часто встречался, общался, обсуждал различные вопросы с Ф.Э.Дзержинским, Г.К.Орджоникидзе, Н.И.Подвойским, М.С.Урицким, В.Володарским, Е.Д.Стасовой, А.В.Луначарским, А.М.Коллонтай, Э.А.Рахья, М.В.Фрунзе, Н.В.Крыленко, Д.И.Курским, А.Д.Цюрупой, В.Д.Бонч-Бруевичем и другими революционерами. Они составляли как бы второй слой непосредственного окружения. Все эти люди интересны прежде всего как исполнители воли вождя, ее интерпретаторы и представители. Именно окружение Ленина явилось тем человеческим звеном, которое обеспечило реализацию курса вождя на вооруженное восстание, „военный коммунизм“ и красный террор, использование всех мыслимых ресурсов ведения гражданской войны, переход к нэпу, инициирование мировой революции... Окружение Ленина — и ближайшее, политбюровское, и люди „второго слоя“, — сохраняя свою индивидуальность и особенности, было носителем ленинской воли, озарений и горьких заблуждений, проводником большевистского курса.

Окружение не было монолитным, многие враждовали друг с другом. Особенно непримиримой была борьба между Троцким и Сталиным, имевшая далеко идущие трагические последствия для страны и партии. Бухарин старался ладить со всеми, но порой ценой беспринципных уступок. Троцкий (правда, уже в 1928 году) называл Бухарина „Колечкой Балаболкиным“⁵. Зиновьев, с трудом поддерживая внешне лояльные отношения, считал Троцкого, не без оснований, фразером, человеком, который в теории лишь повторяет „зады“ Парвуса. В 1925 году Зиновьев в своей книге „Ленинизм“ без обиняков заявил, что Троцкий „не знал (и не знает) пути к победе ни русской, ни международной революции“⁶. И лишь Зиновьев и Каменев представляли собой политический тандем, не доставлявший (за исключением одного эпизода в октябре 1917 года) Ленину никаких хлопот.

Окружение Ленина без колебаний шло за ним (случаи шатаний и самоволия были редки), поддерживало вождя, боролось за степень своего влияния на вершине пирамиды

власти. Обращение к ликам тех, кто был рядом с вождем русской революции, позволяет увидеть в них и некоторые ленинские черты, которые трудно рассмотреть, глядя только на него.

Люди из окружения — это не только фигуры исторического масштаба, это и человеческие рефлекторы ленинского портрета.

„Самый способный человек... в ЦК“

...Именно так: „самый способный человек в настоящем ЦК“ охарактеризовал Троцкого Ленин 24 декабря 1922 года. Назвав Троцкого (как и Сталина) „выдающимся вождем современного ЦК“⁷, Ленин как бы увенчал своей оценкой длинную, противоречивую, сложную, неоднозначную историю своих отношений с Троцким. Незадолго до своего угасания Ленин счел возможным отметить в своем письме высоту интеллекта второго человека в русской революции, не удержавшись, однако, и от упоминаний слабостей этого революционера: самоуверенности и увлечения „административной стороной дела“. Этой „комплексной“ оценке Троцкого Лениным предшествовали долгие годы сотрудничества, ожесточенного, часто неприличного противоборства, внимательного изучения друг друга и вновь сотрудничества.

Отношения Троцкого с Лениным прошли несколько стадий. Можно даже сказать, что на пороге века Ленин был именно тем, кто оказал в трудную минуту поддержку молодому революционеру.

В октябре 1902 года Троцкий ранним утром постучит в квартиру Владимира Ульянова в Лондоне. Адрес ему дал Павел Аксельрод в Цюрихе, куда Троцкий попал после побега из сибирской ссылки. Здесь Троцкий впервые увидел Ленина и Крупскую. Застав в постели будущего вождя будущей русской революции, Троцкий первым делом попросил денег: внизу стоял кеб, с ним нужно было расплатиться...

Ленин ввел Троцкого в круг известных в России и Европе социал-демократов: Плеханова, Потресова, Дана, Засулич, Мартова, приблизил к газете „Искра“. Ленин, присма-

триваясь к двадцатитрехлетнему Бронштейну, взял на первых порах опеку над ним. Троцкий непрерывно и много говорил, чувствовал себя героем (революционер, вырвавшийся из царской ссылки!), жадно впитывая в себя революционные ферменты, которыми была богата жизнь российских эмигрантов. Ленин хотел сделать Троцкого одним из своих молодых помощников, оставаясь по отношению к нему патроном. Но очень скоро почувствовал строптивость, своенравность и сильно развитое самолюбие молодого революционера. На съезде, расколовшем РСДРП на большевиков и меньшевиков, пути Ленина и Троцкого надолго разошлись. Троцкому Мартов, Аксельрод, Дан, Засулич казались неизмеримо более привлекательными людьми, чем Ленин, смахивавший на молодого старика.

А после первой русской революции это были уже два непримиримых политических и идейных противника. Ленин бичевал Троцкого за попытки занять центристское положение, в душе, возможно, завидуя его блестящему афористичному перу, несопоставимому с тяжелыми каменоломнями слога Ульянова... Ленин не скупился на брань в адрес Троцкого, приклеив тому обидный ярлык „идушки“. В одном из своих писем к Инессе Арманд Ленин напишет: „Вот так Троцкий! Всегда равен себе = виляет, жульничает, позирует как левый, *помогает* правым, пока можно...“⁸

Троцкий не оставался в долгу. После революции 1905 года и до октябрьского переворота Троцкий нередко своими статьями то сдергивал с Ленина мантию теоретика, то превращал жезл вождя в обычную дубину. Казалось, они враги навсегда. В марте 1913 года в своем письме Николаю Семеновичу Чхеидзе Троцкий писал: „...Дрянная склока, которую систематически разжигает сих дел мастер Ленин, этот профессиональный эксплуататор всякой отсталости в русском рабочем движении... Все здание ленинизма в настоящее время построено на лжи и фальсификации и несет в себе ядовитое начало собственного разложения...“⁹

Ленин, вплоть до февраля 1917 года, продолжал считать Троцкого прозападным социал-демократом, а это в глазах лидера большевиков было страшным грехом. Еще в июле 1916 года Ленин „величает“ Троцкого лицемером, „каутскианцем“, „электиком“. Эпитеты Ленину понравились, и

он еще в ряде своих статей именуется Троцкого „каутскианцем“, ведь для вождя большевиков Карл Каутский — само олицетворение оппортунизма, предательства, выражающегося в приверженности центризму. А это, по мысли Ленина, и есть предательство интересов рабочего класса. В открытом письме Борису Суварину Ленин касается позиции Троцкого, заявляя, что „в чем я его упрекал — это в том, что он слишком часто представлял в России политику „центра“¹⁰. Чем ближе революция, тем Ленин „мягче“ к Троцкому, хотя при случае корит его в приверженности „софизмам“ и другим антимарксистским „штучкам“.

Приехав в Россию, Ленин прекращает критику Троцкого, называя его уже „заведомым интернационалистом, противником войны“¹¹. Ленин чувствовал, что революция сближает его с Троцким помимо их воли. Правда, не с руганью, но с укоризной Ленин выговорил революционеру, который еще не добрался в Россию: „Чхеидзе есть худшее прикрытие оборончества. Троцкий, издавая газету в Париже, недоговорил, за он или против Чхеидзе. Мы всегда говорили против Чхеидзе, так как он является тонким прикрытием шовинизма. Троцкий до конца недоговорил...“¹² Но в целом позиция Троцкого после февраля 1917 года для Ленина уже столь ясна, что он явно сменил гнев на милость. Выступая на митинге солдат броневых дивизионов в Михайловском манеже в апреле 1917 года, вождь с большим сочувствием говорил, что англичане держат в тюрьме „нашего товарища Троцкого, бывшего председателя Совета рабочих депутатов в 1905 году...“¹³.

Окончательно Ленин нашел в своем сердце достойное место для Троцкого, когда центристская организация так называемых „межрайонцев“ была принята на VI съезде РСДРП в ряды большевиков. Ленин получил сразу заметное подкрепление не только четырех тысяч социалистов, придерживавшихся центристских взглядов, но и мощное личностное: В.Володарский, А.А.Иоффе, А.В.Луначарский, Д.З.Мануильский, М.С.Урицкий, К.К.Юренев. В числе „межрайонцев“ был и Л.Д.Троцкий.

Однако сближение Ленина и Троцкого произошло не на личностной основе. Оба революционера сошлись на необходимости радикальных решений для России. Хотя в

этом сближении у Троцкого нет-нет и проявлялись колебания. Но это были частности. Оба вождя русской революции являлись якобинцами, превозносившими превыше всего восстание, диктатуру, если нужно — террор.

Троцкий, еще недавно именуемый Лениным „каутскианцем“, так отвечал Карлу Каутскому летом 1920 года: „...Революция требует от революционного класса, чтобы он добился своей цели *всеми* средствами, какие имеются в его распоряжении: если нужно — вооруженным восстанием, если требуется — терроризмом... Террор может быть очень действенен против реакционного класса, который не хочет сойти со сцены. Устрашение есть могущественное средство политики и международной и внутренней. Война, как и революция, основана на устрашении. Победоносная война истребляет, по общему правилу, лишь незначительную часть побежденной армии, устрашая остальных, сламывая их волю“¹⁴.

Троцкий все это писал в 1920 году. Революционер знал, что Ленин сразу же после революции, особенно в 1918 году, преподал большевикам уроки, как нужно организовывать террор с устрашениями. В приведенном фрагменте из сочинений Троцкого „Терроризм и коммунизм“ явственно слышны ленинские ноты, сделавшие возможным их быстрое и тесное сближение после революции 1917 года.

Ленин и Троцкий были людьми, быстро сблизившимися на основе принятия ими общей революционной методологии, якобинства, допустимости крайних радикальных мер в деле социального переустройства. Ленину импонировало, что в лице Троцкого он нашел выдающегося организатора, способного в любой области, сфере деятельности, куда бы он ни направлялся, добиваться перелома. При склонности Ленина быть только и исключительно в партийном „штабе“, в центре, он нашел человека, который компенсировал его собственные слабости: неумение и нежелание личным присутствием на фронте, в другом критическом месте добиваться решительного перелома. Троцкий дополнял Ленина с организационно-практической стороны.

Ленина устраивало, что Троцкий фактически сразу же согласился на вторые роли, не претендуя на первенство, хотя какое-то время по популярности он совсем не уступал

признанному лидеру большевиков. Позже, в 1935 году, уже будучи в изгнании, Троцкий, как всегда, не обремененный скромностью, запишет в своем дневнике: „Не будь меня в 1917 г. в Петербурге, Октябрьская революция произошла бы — *при условии наличия и руководства Ленина*. Если б в Петербурге не было ни Ленина, ни меня, не было бы и Октябрьской революции: руководство большевистской партии помешало бы ей свершиться (в этом для меня нет ни малейшего сомнения!)... То же можно сказать в общем и целом о гражданской войне, хотя в первый период, особенно в момент утраты Симбирска и Казани, Ленин дрогнул, но это было, несомненно, преходящее настроение, в котором он едва ли даже кому признался, кроме меня“¹⁵.

Таким необычным образом Троцкий оценил роль Ленина (и свою собственную) в Октябрьской революции и гражданской войне. Так оно и было. Два ярко выраженных лидера октябрьского переворота в глазах общественного мнения олицетворяли большевистскую диктатуру. Как писал в „Новой жизни“ Николай Суханов в ноябре 1917 года: „Кому же не ясно, что перед нами нет никакой „советской“ власти, а есть диктатура почтенных граждан Ленина и Троцкого, и что диктатура эта опирается на штыки обманутых ими солдат и вооруженных рабочих, которым выданы зарвавшимися неоплатные векселя на сказочные, но не существующие в природе богатства?“¹⁶

Троцкий был, как справедливо пишет историк и политолог Дора Штурман, „по личным психологическим качествам — деятель номер 2, верховный исполнитель, а не инициатор, не генератор ведущих идей, маневров и настроений“¹⁷.

Ленин неожиданно нашел в Троцком самого нужного, самого полезного ему человека для самого критического периода. Троцкий был весьма незаурядной личностью, обладавшей не только выдающимися ораторскими и литературными способностями, но и качествами психолога-наблюдателя. Возможно, именно поэтому заметки-воспоминания о Ленине, часть которых вошла в его книгу о вожде, представляют наибольший интерес среди Монблана книг, сочиненных о лидере большевиков после его смерти.

Троцкий вспоминает, что „во время заседаний, обмена

речами Ленин прибегал к записочкам, чтобы навести справку, узнать чье-либо мнение и таким образом сэкономить время. Иногда такая записочка звучала как пистолетный выстрел около уха... Искусство таких записочек состояло в обнажении сути вопроса¹⁸. Однако, размышляя Троцкий, „метод Ленина общаться лично со многими требовал чрезвычайного расхода личной энергии. Нередко Председатель Совнаркома сам писал письма, сам надписывал конверты и сам заклеивал их!“¹⁹. Троцкий расценивает как некое огромное позитивное качество „подписывать и заклеивать конверты“ самому главе правительства, не задумываясь над тем, что этот факт прямо свидетельствует об отсутствии управленческого профессионализма. Да и откуда ему было взяться! Вся его деятельность как Председателя Совнаркома, согласно „Биографической хронике“, укладывается в схему: „читает“, „заседает“, „председательствует“, „принимает“, „подписывает“, „беседует“, „знакомится“... Люди, пришедшие к управлению огромным государством, обладали весьма поверхностными знаниями в этой области.

Троцкий в своих подготовительных материалах к книге о Ленине подмечает много малозаметных деталей, которые ложатся дополнительными штрихами на портрет вождя. „Помню, — писал Троцкий, — ленинский глаз из-под руки, прощупывающий и взвешивающий каждого всякого, кто выступал и говорил; особенный — взгляд с пристрастием...“²⁰

Троцкий, не ограничиваясь нанесением отдельных мазков на ленинский портрет, иногда поднимается до крупных обобщений. В статье „Национальное в Ленине“, опубликованной в „Правде“ в апреле 1920 года (к пятидесятилетию вождя), пишет: „...Самый стиль Маркса, богатый и прекрасный, сочетание силы и гибкости, гнева и иронии, суровости и изысканности, несет в себе литературные и эстетические направления всей предшествующей социально-политической немецкой литературы, начиная с Реформации и ранее.

Литературный и ораторский стиль Ленина страшно прост, утилитарен, аскетичен, как и весь его уклад. Но в этом могучем аскетизме нет и тени моралистики. Это не принцип, не надуманная система и уж, конечно, не рисовка, — это просто внешнее выражение внутреннего сосредоточения сил для действия. Это хозяйская, мужицкая деловитость — только в грандиозном масштабе“²¹.

Сравнение Троцкого недостаточно корректно, ибо Маркс никогда не был главой правительства, а у Ленина не было ничего написанно, равного „Капиталу“. Но автор статьи прав, подчеркивая внешнюю простоту Ленина, за которой стоит мощный ум, хитрость и очень часто коварство. Троцкий прав в одном: Ленин — человек действия. Здесь Троцкий в некотором смысле сильно уступал первому вождю. Дело в том, что Троцкий, это подмечал и Сталин, был крупным руководителем в критические моменты переворота, германского нашествия, гражданской войны. В это время его энергия неиссякаема, речи его бесчисленны; фронтовой знаменитый поезд колесит Россию по всем азимутам. Но, как только стал затухать пожар российской Вандеи, Троцкий стал быстро превращаться — кем, в сущности, он и был всегда — в талантливого политического публициста, оригинального литератора.

Троцкий не любил будничной черновой работы. Уже к концу 20-го года он быстро как вождь „полинял“; его тянуло не к партийной трибуне, а к письменному столу, не на бесконечные заседания Политбюро, а на охоту, не в создаваемые коммуны, а в партийные санатории... Пока он упивался славой создателя Красной Армии, писал „Уроки Октября“ и готовил многотомное собрание своих сочинений, Сталин прибирал аппарат, а значит, и власть к своим рукам. Беззаботность и тщеславие подставили Троцкому подножку в самый решающий момент: когда Ленин отошел от активных дел, а затем и скончался. Человека номер „один“ не стало, отпала необходимость и во „втором“ лидере. Троцкий был нужен русской революции, пока был жив Ленин.

Отношения Ленина и Троцкого в значительной мере высвечиваются в их переписке. Мне удалось установить более 120 писем, телеграмм, записок, которые Ленин адресовал Троцкому. Можно предположить, что их было гораздо больше. Вероятно, немало документов, в которых Ленин явно благожелательно выражал свое отношение к Троцкому, просто уничтожены. Не случайно в так называемом „Полном собрании сочинений“ Ленина, „Ленинских сборниках“ содержатся без изъятия все материалы, где есть хоть какой-либо элемент критики Троцкого, и, естественно, отсутствуют документы, где даются положительные оценки личности Председателя Реввоенсовета и его действий.

Когда Ленин умер, Сталин в борьбе с Троцким вытаскивал на свет всю старую полемику, благо ленинское „красноречие“ давало много уничижительных эпитетов опальному вождю. Работая над книгой о Сталине, я смог установить, что этот „выдающийся вождь“ просмотрел все ленинские тома в поисках критики Троцкого. Ленинские выражения в адрес Троцкого (впрочем, в отношении других он высказывался еще хлеще) вроде: „подлейший карьерист“, „проходимец“, „шельмец“, „свинья“²² — брались Сталиным на вооружение.

Но наследники Ленина начисто „забыли“ его оценки Троцкого, когда они были иными. Например, связанную с выборами в Учредительное собрание. „Само собой понятно, — писал Ленин, — что из числа межрайонцев, совсем мало испытанных на пролетарской работе в *направлении* нашей партии, никто не оспорил бы такой, например, кандидатуры, как Троцкого, ибо, во-первых, Троцкий сразу по приезде занял позицию интернационалиста; во-вторых, боролся среди межрайонцев за слияние; в-третьих, в тяжелые июльские дни оказался на высоте задачи...“²³ Когда в ноябре 1917 года Зиновьев высказался на заседании ЦК партии о включении в состав советского правительства правых эсеров и меньшевиков, Троцкий запротестовал. Ленин оценил эту позицию очень высоко: „Троцкий давно сказал, что объединение невозможно. Троцкий это понял, и с тех пор не было лучшего большевика“²⁴.

Можно привести еще пример, свидетельствующий о высокой степени доверия Ленина к вчерашнему непримиримому противнику. Когда однажды на заседании Политбюро зашел разговор о том, что Троцкий (дело было в 1919 году) не колеблясь принимает решения о расстреле командиров и комиссаров на фронте, если они выпустили нити управления частью или соединением, Ленин встал на сторону Троцкого. Разговор на Политбюро носил оттенок осуждающий. Троцкий, вспоминая случаи расстрелов в 1918 году, зло бросил:

— Если бы не мои драконовские меры тогда под Свияжском, мы не заседали бы здесь в Политбюро!

— Абсолютно верно! — отозвался Ленин и стал что-то быстро писать на бланке Председателя Совнаркома. Затем он этот бланк протянул Троцкому. Там было сказано:

„Товарищи!

Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело.

В.Ульянов-Ленин“.

— Я вам выдам сколько угодно таких бланков, — добавил Ленин²⁵.

Заметьте, высшее доверие Троцкому Ленин оказывал в реализации функций диктатуры. Ленин видел в Троцком „железного комиссара“ революции и одобрял его беспощадность. Жестко, грубо, порой беспощадно полемизируя на европейской скатерти социал-демократизма до 1917 года, после переворота два вождя почувствовали себя тесно прикованными к галере русской революции. Более того, приверженность к бескомпромиссности, крайнему радикализму фактически бросила Ленина и Троцкого в тесные политические объятия. Они были нужны друг другу, нужны большевистской революции.

Однако Троцкий, более впитавший традиции европейской социал-демократии, глубже, нежели Ленин, и раньше, чем он, почувствовал смертельную опасность быстро растущего бюрократизма. То был зловещий сигнал рождения тоталитарности. Ленин заметил эту страшную угрозу, когда у него не осталось ни сил, ни времени для борьбы с нею. Много позже, уже в изгнании, Троцкий напишет о специфическом явлении вырождения советского общества — „сталинской бюрократии“. В писаниях сталинских теоретиков, констатировал критик, этот социальный слой вообще не существует. „Нам говорят лишь о „ленинизме“, о бесплотном руководстве, об идейной традиции, о духе большевизма, о невесомой „генеральной линии“, но о том, что чиновник, живой, из мяса и костей, поворачивает эту генеральную линию, как пожарный — свою кишку, нет, об этом вы не услышите ни слова... Таких чиновников несколько миллионов! — больше, чем было промышленных рабочих в период Октябрьской революции... Возник могущественный бюрократический аппарат, поднимающийся над массой, командующий ею...“²⁶

Не все заметили, что именно в бюрократизации почитания вождей рассмотрел Троцкий зарождающийся культ Ленина и ленинизма. „Опасность начинается там, — писал Троцкий в 1927 году, — где есть бюрократизация почитания и автоматизация отношения к Ленину и его учению“²⁷. Провидение Троцкого в этом вопросе оправдалось. Жаль только, что он не сказал, что ему самому в немалой степени принадлежит заслуга в создании атмосферы идолопоклонства Ленину еще при жизни лидера большевиков. Выступая на заседании ВЦИК 2 сентября 1918 года, Троцкий заявил: „...в лице тов. Ленина мы имеем фигуру, которая создана для нашей эпохи крови и железа... Это — фигура Ленина, величайшего человека нашей революционной эпохи“²⁸. Придет скоро время, и эпитеты „величайший“ заменят на „гениальный“, „непревзойденный“ и другие столь же превосходные слова и выражения. Но Троцкий не только искренне восхищался Лениным, здесь была и моральная корысть: быть „вторым“ подле „величайшего“ что-то значит в истории!

Ленин понимал, что роль Троцкого шире поста наркомвоенмора и Председателя Реввоенсовета. Вождь революции убедился, что вулканическая энергия Троцкого, незаурядные организаторские качества делают его некоей „палочкой-выручалочкой“ новой власти. В критический момент, касается ли это фронтовых дел, положения на транспорте или с продовольствием, Ленин обращался к Троцкому в уверенности, что его участие или вмешательство в ситуацию обеспечат перелом. Правда, нередко Троцкий, перегруженный всевозможными обязательствами и поручениями, отказывался. Так, в июле 1921 года Политбюро решило назначить Троцкого наркомом продовольствия по совместительству. Троцкий отказался и убедил — таки Ленина в правильности своей позиции. Политбюро было вынуждено через несколько дней, 28 июля, отменить свое решение о назначении Троцкого²⁹.

Ленин хорошо знал о неприязненных и даже враждебных отношениях Троцкого и Сталина. Из документов видно, что лидер революции неоднократно пытался помочь нормализовать эти отношения. Ленин, хотя в ряде случаев и занимал сторону одного из соперников, чаще всего стремил-

са быть выше этой междоусобицы. Но в случаях, когда Ленин считал вопрос принципиальным, он возражал и Сталину и Троцкому публично.

Выступая на X съезде РКП(б), Ленин, например, выразил несогласие с позицией Троцкого: „Товарищи, сегодня т.Троцкий особенно вежливо полемизировал со мной и упрекал или называл архиосторожным. Я должен его поблагодарить за этот комплимент и выразить сожаление, что лишен возможности вернуть его обратно. Напротив, мне придется говорить о моем неосторожном друге, чтобы выразить подход к той ошибке, из-за которой я так много лишнего времени потерял и из-за которой приходится теперь продолжать прения по вопросу о профсоюзах, не переходя к вопросам более актуальным“³⁰.

В целом после октябрьского переворота отношения Ленина и Троцкого были равными, даже дружескими. Ленин, безусловно, видел интеллектуальное превосходство Троцкого над другими членами партийного руководства. Это нашло, в частности, свое выражение в характеристике Троцкого как человека с „выдающимися способностями“³¹ в ряде других публичных высказываний. Но после заболевания Ленина личные связи его с Троцким ослабли более, чем с другими „вождями“. Троцкий реже навещал больного Ленина, нежели, допустим, Сталин или Бухарин. Думаю, что Троцкий раньше, чем другие, понял, встречаясь с врачами, лечившими Ленина, что вернуться к активной политической деятельности Председатель Совнаркома уже не сможет. Троцкий был убежден в душе, что революционный жезл Ленина поднять некому, кроме как ему. Он внутренне был готов сменить признанного лидера. Здесь Троцкий сильно ошибался. Не скрывая своего интеллектуального превосходства над другими членами Политбюро, Троцкий породил к себе устойчивую, глухую личную неприязнь своих сотоварищей по партийной коллегии. Давно замечено, что люди трудно и болезненно переносят подчеркивание интеллектуального преимущества кого-либо над собой.

Троцкий где-то в глубине души уже поставил, если так можно упрощенно сказать, „крест“ на Ленине. Он не верил в его возвращение в активную политику. Не случайно Троцкий весьма скептически относился к попыткам тяжелобольного Ленина адресоваться к партии через печать.

Поддерживая ровные, добрые отношения с Лениным, Троцкий порой чувствовал, что его прошлое совсем не забыто и в любую минуту может быть использовано против него как разящий аргумент. Не случайно, что и Ленин в своем „Завещании“ счел нужным упомянуть о былом „небольшевизме“ Троцкого, хотя и в контексте необвинительном. Была политическая близость, но дружбы не было... Седова не встречалась с Крупской, не было привычки бывать друг у друга дома. А Каменев, Зиновьев, Бухарин, Сталин у Ленина в его квартире бывали. Троцкого не тянуло к постели немного и угасающего вождя. Он бывал там реже других. Да и то до последнего удара. Председатель Реввоенсовета проявлял подчеркнутую независимость. Он хуже других знал дорогу в Горки. Сохранилась записка Ленина Троцкому с советами, как к нему приехать в загородный особняк. „По Серпуховскому шоссе около 20—23 верст. Проехав железнодорожный мост, затем второе, — взять первый поворот налево (тоже по шоссе, но небольшому, узкому) и доехав до деревни Горки (бывшее имение Рейнбота). Всего от Москвы верст около 40“. Троцкий синим карандашом заметил на записке: „Проверить“³². Похоже, Троцкому судьба Ленина была ясна раньше, чем другим.

Можно сказать, что где-то на втором плане (может быть, и подсознательно) у Ленина к Троцкому сохранялся элемент недоверия. Об этом свидетельствуют и некоторые факты, неизвестные доселе.

В ряде личных записок Ленина Каменеву, Зиновьеву, Сталину указывается на необходимость совместного „давления“ на Троцкого в целях изменения его позиции, взглядов, подходов.

В записке от 14 марта 1921 года к Каменеву Ленин предлагает ему выступить в прениях на съезде и указать Троцкому на его ошибку: „Скажите Вы (я забыл), что подход Троцкого *весь неверен*, а вот практический опыт (вы за это-де, и это пройдет-де, по иному пункту) покажет Троцкому его ошибку“³³. Ленин уклоняется лично сказать об „ошибке“ Троцкому, а предлагает сделать это Каменеву публично... При обсуждении вопроса на Политбюро (не ясно какого) Ленин вновь пишет Каменеву: „Игнорируйте Калинина, оставьте его мне. Возьмите целиком Троцкого“³⁴. При

внешней загадочности записки видна та же линия „влияния“ на Троцкого, и вновь „дело“ поручается Каменеву...

Троцкий, загруженный до предела множеством поручений и должностей, узнает, что Политбюро хочет поручить ему проверить и Гохран. Троцкий отказывается, приводит аргументы, ссылается на исключительную загруженность, пишет объяснение в Политбюро. Ленин реагирует таким образом: „Письмо Троцкого неясно. Если он *отказывается*, нужно решение Политбюро. Я за непринятие отставки (от этого дела Троцкого)³⁵. И вновь Ленин не объясняется с Троцким лично, предпочитая привлекать для „образумливания“ непослушного Троцкого других членов партийной коллегии.

В июле 1922 года Ленин, выздоравливая в Горках, пишет записку Сталину с просьбой высказать свое и Каменева мнение в отношении Троцкого³⁶. Не ясно, о чем идет речь, но видно, что вырабатывается линия по какому-то вопросу по крайней мере троих: Ленина, Сталина, Каменева в противовес Троцкому или о нем. И вновь о Троцком, за спиной у Троцкого... Возможно, инициатором обсуждений позиции или поведения Троцкого являлся Сталин, а остальные члены Политбюро, опасаясь чрезмерного усиления веса Председателя Реввоенсовета, „подыгрывали“ ему. Вероятно, дело доходило до радикальных предложений, возможно, вплоть до освобождения Троцкого от должности или должностей. Об этом, в частности, свидетельствует ленинская записка Каменеву.

„...Я думаю, преувеличений удастся избежать. „Выкидывает (ЦК) или готов выкинуть здоровую пушку за борт“, — Вы пишете. Разве это не безмерное преувеличение? Выкидывать за борт Троцкого — ведь на это Вы намекаете, иначе нельзя толковать — верх нелепости. Если Вы не считаете меня оглупевшим до безнадежности, то как Вы можете это думать???? Мальчики кровавые в глазах...“³⁷

Ленин, вероятно, почувствовал, что оппозиция Троцкому перешла допустимые пределы и фактически здесь он защищает одного из „выдающихся вождей“. Имеется ряд и других свидетельств, позволяющих сделать вывод о далеко не безоблачных отношениях внутри высшего партийно-

го ареопага. Ленин своим весом и авторитетом регулировал эти отношения, не допуская расколов, открытых конфликтов и прямых схваток между членами Политбюро. Но факт остается фактом: Ленин не всегда был открыт и искренен перед Троцким. Былой „небольшевизм“ не забывался Лениным, хотя он понимал, что в нынешнем составе высшего партийного органа это для него самый полезный человек.

Ленин не раз выражал искреннее изумление и восхищение военной решительностью Троцкого. Большинство своих оперативных распоряжений на фронте Троцкий в копиях посылал Ленину и Свердлову. На многих этих документах пометки Председателя Совнаркома, свидетельствующие об одобрении жесткого курса в баталиях гражданской войны.

Из телеграммы 26 ноября 1918 года в Балашов, в реввоенсовет армии:

„...Надо железной рукой заставить начальников дивизий и командиров полков перейти в наступление какой угодно ценою точка Если положение не изменится в течение ближайшей недели вынужден буду применить к командному составу девятой армии суровые репрессии точка От реввоенсовета девятой потребую первого декабря точного списка всех частей не выполнивших боевых приказов точка

Троцкий“³⁸.

Иногда его телеграммы Ленину звучат как категорические требования, которые Ленин, понимая кризисность обстановки, стремился максимально быстро и полно исполнять. В телеграмме Ленину 28 декабря 1918 года говорится, в частности: „Обращаем внимание Совета Оборона на слишком широкое освобождение так называемых незаменимых сотрудников... Тяжелое положение железных дорог объясняется главным образом отсутствием хороших работников, которых заменяют испуганные и растерянные люди, ни с чем не способные справиться. Обращаю внимание Совета Оборона на критическое положение с топливом на дорогах...“³⁹ Телеграмма похожа на указание высокого начальника нижестоящему органу: „Обращаю внимание Совета Оборона...“ Но Ленин не обижался. Он знал, что ключ от победы или поражений на фронтах гражданской войны находился тогда у Троцкого.

Транспорт, в частности, всю гражданскую войну был узким местом. Ленин вполне разделял жесткие предложения Троцкого. Например, в феврале 1920 года Председатель Совнаркома дал членам Совета Обороны следующие инструкции:

„1. Наличный хлебный паек *уменьшить* для неработающих по транспорту: *увеличить* для работающих. Пусть погибнут еще тысячи, но страна будет спасена...“⁴⁰

Переписка Ленина и Троцкого весьма характерна своей беспощадной решимостью, которая была присуща этим вождям революции.

По прямому проводу:

„Москва, Кремль, Предсовнаркома Ленину.

...Согласен на поездку Сталина с полномочиями партии и Реввоенсовета Республики для восстановления порядка, очищения комиссарского состава, строгой кары виновных...

Предреввоенсовета Троцкий“⁴¹.

„Москва Наркомздрав, копия Председателю Совета Обороны Ленину.

На фронте нет белья, мыла, бань. Вшивость принимает огромные размеры, что придает брюшному тифу эпидемический характер. Необходимо двинуть на фронт белье, мыло, бани.

Предреввоенсовета Троцкий“⁴².

Порой в своих посланиях с фронта Троцкий возражал Ленину.

„Предсовобороны Ленину.

На № 341 отвечаю. Дело сейчас не в настроениях украинских коммунистов, а в снабжении украинской армии, о чем я в свое время телеграфировал из Украины. Ни агитации, ни репрессии не могут сделать боеспособной босую, раздетую, голодную, вшивую армию...“⁴³

Как видит читатель, Троцкий вел себя в своих отношениях с Лениным с достоинством, которое обычно присуще людям, знающим себе цену. Революция, ее катаклизмы в форме гражданской войны были родной стихией Троцкого. Здесь он был просто незаменимым для Ленина. Троцкого как соратника Ленина отличала еще одна черта — он не боялся брать на себя историческую ответственность за шаги и действия, которые могли иметь далеко идущие пос-

ледствия. Достаточно вспомнить, как он поступил в последний день переговоров в Брест-Литовске. Он вышел за рамки ленинских инструкций и, как ему казалось, принял единственно верное решение, поставив на первых порах в тупик и Берлин и Петроград. Стоит привести текст той телеграммы:

„Петроград. Председателю Совнаркома Ленину.

Переговоры закончились. Сегодня после окончательного выяснения неприемлемости австро-германских условий наша делегация заявила, что выходит из империалистической войны, демобилизует свою армию и отказывается подписать аннексионистский договор.

Согласно сделанному заявлению издайте немедленно приказ о прекращении войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией и о демобилизации на всех фронтах.

Нарком Троцкий“⁴⁴.

Ленину импонировала безоглядная убежденность Троцкого в неизбежном пришествии мировой пролетарской революции. Вождь большевиков разделял эту убежденность, но после двух лет гражданской войны стал более сдержан в оценках ее перспектив. Но и Ленин и Троцкий были едины в том, что поскольку „с ходу“ зажечь мировой костер не удалось, нужно делать это постепенно, основательно, наверняка. Эта „постепенность“ выразилась в создании по всему миру родственных РКП коммунистических партий, налаживании нелегальной агентурной работы в капиталистических странах, инициировании рабочего движения, национально-освободительных восстаний. От штурма мировой твердыни нужно было перейти к осаде. Длилась эта осада семь десятилетий, временами заставляя осажденных переживать весьма неприятные минуты. И Ленин и Троцкий — исторические носители зла, ибо их дело, если бы оно (представим на минуту) победило в мировом масштабе, означало бы образование некоей глобальной казарменной коммуны, что было равносильно космическому поражению землян.

Немного было на Земле людей, которые обладали планетарными масштабами своего влияния (лишь некоторые завоеватели, великие идейные проповедники, высокие отцы церкви). Среди них, безусловно, были Ленин и Троцкий.

Это были люди фанатичной веры. За полгода до своей трагической смерти Троцкий напишет в „Завещании“: „Каковы бы, однако, ни были обстоятельства моей смерти, я умру с непоколебимой верой в коммунистическое будущее“⁴⁵. Троцкий до последних своих дней верил в Великую Утопию — мировую коммунистическую революцию.

Как бы чувствуя приближение собственной гибели, Троцкий в последний год своей жизни ведет яростную пропагандистскую войну со Сталиным. В своем манифесте-письме советским рабочим „Вас обманывают!“ изгнанник пишет: „Цель Четвертого Интернационала — распространить Октябрьскую революцию на весь мир и в то же время возродить СССР, очистив его от паразитической бюрократии. Достигнуть этого можно только путем восстания рабочих, крестьян, красноармейцев и краснофлотцев против новой касты угнетателей и паразитов...“⁴⁶

Троцкий был фанатиком планетарного пожара, который, однако, большевикам разжечь не удалось.

Ленин и Троцкий. Это были два лидера, очень разных, неординарных, но нашедших общее поле приложения своих усилий: ристалище революции. Оба верили, что только сила и решительность могут ее, революцию, спасти. Оба знали и сильные и слабые стороны друг друга. Они смогли на время сотрудничества в годы революции и гражданской войны вынести за „скобки“ своей жизни бывшие разногласия. Оба заблуждались в главном: они верили, что та диктатура, которую они создали, может принести счастье людям. Ленин видел опасность для власти в ослаблении пролетарского начала; Троцкий — в Сталине и в том, что он олицетворяет. Но оба не поняли, что опасность и власти, и им самим, и будущему представляла сама Система, архитекторами которой они были.

Приведу один пространный фрагмент из дневников Троцкого, который говорит, по-моему, много о том духовном цементе, который их соединял.

„...Когда я в первый раз собирался на фронт между падением Симбирска и Казани, Ленин был мрачно настроен. „Русский человек добер“, „русский человек рохла, тютя“, „у нас каша, а не диктатура...“. Я говорил ему: „В основу частей положить крепкие революционные ядра, которые поддер-

жат железную дисциплину *изнутри*; создать надежные заградительные отряды, которые будут действовать извне заодно с внутренним революционным ядром частей, не останавливаясь перед расстрелом бегущих; обеспечить компетентное командование, поставить над спецком комиссара с револьвером, учредить военно-революционные трибуналы и орден за личное мужество в бою“.

Ленин отвечал примерно: „Все верно, абсолютно верно, — но времени слишком мало; если повести дело круто (что абсолютно необходимо), — собственная партия помешает: будут хныкать, звонить по всем телефонам, уцепятся за факты, помешают. Конечно, революция закаливает, но временами слишком мало...“ Когда Ленин убедился из бесед, что я верю в успех, он всецело поддержал мою поездку, хлопотал, заботился, спрашивал десять раз на день по телефону, как идет подготовка, не взять ли в поезд самолет и пр.“.

...Когда Троцкий после успехов под Казанью вернулся и рассказал в Горках о первых победах на фронтах, Ленин „с жадностью слушал про фронт и вздыхал с удовлетворением, почти блаженно:

— Партия, игра выиграна, раз сумели навести порядок в армии, значит, и везде наведем. А революция с порядком будет непобедима“⁴⁷.

Ленин и Троцкий не были „рохлями“ и „тютями“. Они были единомышленниками в отношении того, что лишь террор, неограниченное насилие могут спасти власть большевиков. Выступая 12 января 1920 года на заседании коммунистической фракции ВЦСПС с речью (в ней много говорится о терроре, и, естественно, она не вошла в „Полное“ собрание сочинений), Ленин заявил: „...Троцкий вводил смертную казнь (что) мы будем одобрять...“⁴⁸

Это были единомышленники в главном большевистском принципе: революция плюс не ограниченное никакими законами насилие — единственная методология торжества коммунистических идеалов. Беспредельная вера в революционное насилие превратила этих очень разных людей в прагматических союзников. Человек с „выдающимися способностями“ был вторым в большевистской иерархии. Однако позиции его не были прочны. Он был одинок.

Человек с „необъятной властью“

Так Ленин охарактеризовал Сталина в своем „Письме к съезду“ 24 декабря 1922 года. В триумvirате вождей Ленин — Троцкий — Сталин последний был в то время самым заурядным и незаметным. Не случайно Троцкий называл его „выдающейся посредственностью“. Истории было угодно, чтобы этот невзрачный, рябой, невысокого роста человек сыграл, после Ленина, самую злоеющую роль в истории XX века. Я уже однажды писал, что в большевистском эксперименте, циклопическом по масштабам, каждый из трех названных вождей исполнил свою историческую роль: Ленин — вдохновителя, Троцкий — возмутителя, Сталин — исполнителя. Именно Сталин довел до логического реального завершения схемы Ленина о диктатуре пролетариата в стране, „строящей социализм“. Троцкий был отторгнутым певцом этой схемы, которую он мечтал, откорректировав, распространить на весь мир.

Прежде чем подробнее коснуться Сталина — „продолжателя дела великого Ленина“, как на протяжении десятилетий были вынуждены говорить миллионы людей в Советской России, сделаю одно пространное отступление.

Эти вожди оставили для исследователей фантастически огромный документальный материал, который до недавнего времени строго, жестко регламентировался для использования (за исключением некоторой части тех документов, которые Троцкий смог вывезти с собой при изгнании). Благодаря сложившимся культовым традициям, тицеславию Сталина и Троцкого, использованию документов сугубо в идеологических целях, выработался догматический взгляд на эти материалы. Удивительная вещь: самими вождями и о них написаны тысячи томов книг: монографий, воспоминаний, исследований, всевозможных сборников. Но читало их в СССР поразительно мало людей. Основная масса, допустим, ленинских документов интересовала только специалистов пропаганды. Но поскольку иная духовная, идейная пища была запрещена, Система на протяжении десятилетий с помощью ленинского наследия формировала элементарно мыслящих в политике людей.

Ленин сам не издавал своих сочинений. Это делали его последователи и почитатели. Мы никогда не задумывались,

сколько случайного мусора они туда поместили! Пустяковые записки, заметки на полях, подчеркивания, наброски планов... Все собрано под синюю обложку сочинений или „Ленинских сборников“. Например, инструкция „Санитарные правила для жителей Кремля“, подписанная Лениным, в числе его трудов... „Всем приезжающим (по железным дорогам) до занятия помещения — вымыться в бане и сдать свои носильные вещи дезинфектору (при бане)... Уклоняющиеся от выполнения санитарных правил будут немедленно выселяться из Кремля и предаваться суду за нанесение общественного вреда“⁴⁹. Для историка, возможно, подобный материал представляет интерес, но это комендантское „творчество“. Подобных примеров сотни. Со временем все эти бесчисленные тома будут причислены к священным сокровищам. Ибо все ленинское наследие при большевистских навыках, при умелой интерпретации „работало“ на Систему. А что не работало — пряталось в сверхсекретные архивы. В письме к Сталину один из собирателей и хранителей ленинского наследия Тихомирнов докладывал, что „секретность хранения их (ленинских документов) — вполне обеспечена“⁵⁰.

Ленинские документы искали, собирали целые десятилетия, выплачивая за рубежом крупные суммы золотом, шедеврами живописи за отдельные письма, книги с ленинскими пометками, его бытовые и личные записки. За границу командировались целые „экспедиции“ по поиску ленинских документов. Как об успехе большой значимости директор Института Маркса—Энгельса—Ленина В.Адоратский докладывал Сталину: „Тов. Ганецкому удалось после ряда усилий получить около 40 книг с пометками Ленина и 85 книг из его Краковской библиотеки (со штампом Ленина, но без пометок)“⁵¹.

Сталин так реагировал на записки Адоратского, Тихомирнова, Аросева, искавших ленинские документы:

„т. Адоратскому

Ассигновать можно. Но надо знать, что именно получат под видом архивов. Нельзя покупать kota в мешке. Пусть дадут нам список документов в архиве с кратким содержанием документов, а потом можно ассигновать 50 тыс. рублей.

И.Сталин“⁵².

„Десант“ в составе Н.Бухарина, В.Адоратского, Л.Аросева, Тихомирнова сообщал Сталину и Молотову о результатах поездки в Париж, где некий Ролан предлагал за крупную сумму ряд ленинских рукописей. „Сам Р-н претендует на 3 000 000 французских франков (т.е. около 240 000 рублей золотом). Мы считали бы целесообразным, в случае если сделка состоится, определить сумму вознаграждения Р-ну около 100 000 золотых рублей, т.е. около 1 250 000 фр. франков. Ролан оказывал услуги помимо покупки архива и может быть полезен впоследствии.

11.IV.1936 г.

В.Адоратский
Тихомирнов
Н.Бухарин
Л.Аросев⁵³.

Тихомирнов, находясь по поручению властей в Париже, вел прямые переговоры о ленинских документах с неизвестным Г.А.Алексинским, бывшим большевиком, немало сделавшим для национального скандала в 1917 году в связи с „немецкими деньгами“ Ленина. „При первой встрече, — пишет Тихомирнов в записке с грифом „сов. секретно“, — он (Алексинский. — Д.В.) показал мне очень осторожно письма, судя по всему, написанные Лениным. Почерк, насколько я мог убедиться (вчитываться в них Алексинский не давал), абсолютно схож с ленинским.

Эти письма, как говорит Алексинский, писались Лениным одной писательнице, которая была в близких отношениях с ним, но не была членом партии. Лицо это не хочет передавать эти письма нам, пока жива Надежда Константиновна. Эта женщина вполне обеспечена, т.к. получала средства от нас из Москвы и они проходили или через Менжинского, или через Дзержинского, а сейчас получает регулярно соответствующую сумму из вклада в банке⁵⁴.

Я сильно отвлекся, но этим отступлением хотел не только показать маленькие тайны Ленина, но и то, что большевистские лидеры не жалели денег для овладения всем ленинским наследством. Все, что вписывалось в сложившуюся схему ленинско-сталинской идеологии, публиковалось с соответствующими комментариями. Что не вписывалось — отправлялось в бессрочное заточение тайных архивов партии.

Таким же огромным является и архив И.В.Сталина, содержащий документы от рукописей его первых статей до докладов Берия об исполнении страшных указаний „непогрешимого вождя“. Так, хранится, например, протокол № 13 Политбюро от 5 марта 1940 года о создании нового саркофага для мумии Ленина. Это указание Сталина закреплено решением высшей партийной коллегии. На этом же заседании было принято, может быть, одно из самых страшных решений большевистского руководства: постановление об уничтожении более двадцати тысяч польских офицеров, солдат, ксендзов, гражданских лиц, которые были интернированы во время раздела Польши в сентябре 1939 года⁵⁵. Читать этот документ страшно. В числе других подписей под постановлением первым, разумеется, стоит автограф одного из самых близких соратников (соучастников) Ленина — подпись Иосифа Виссарионовича Сталина.

Знакомство с наследием вождей показывает, что их отношения не были безоблачными, солидарными. Особенно это стало заметно, когда заболел Ленин. Складывается впечатление, что соратники быстро поняли обреченность Ленина, особенно в 1923 году. Многие пожелания Ленина просто игнорировались, а некоторые из них удостаивались нелицеприятных оценок. Ленин диктует записку Каменеву о принципах устройства федеративного государства с просьбой ознакомить с нею членов Политбюро.

Сталин читает записку и отвечает на нее достаточно неуважительно:

„...т. Ленин, по-моему, „поторопился“, потребовав слияния наркоматов в федеральные наркоматы... Торопливость даст пищу „независимцам“... По параграфу 5-му поправка Ленина, по-моему, излишняя...“⁵⁶. И так почти по всем пунктам Сталин отклоняет ленинские предложения. При том, что до самой кончины вождя Сталин проявляет к нему внешний пиетет, в душе он, видимо, поставил на нем, как и Троцкий, крест значительно раньше. Однако все это время наибольшей близости Сталина к больному вождю генсек использовал максимально полно для упрочения собственных позиций. Приезжая из Горок (Сталин бывал там чаще других), на заседаниях Политбюро, которые, правда, вел обычно Каменев, Сталин передавал „приветы от Ильича“, говорил о его указаниях и поручениях, исподволь, незамет-

но формируя образ особо доверенного лица Ленина. Некоторые записки, которые Ленин писал (или диктовал) с поручениями ему, Сталину, он доводил до членов Политбюро. Так, в мае 1922 года генсек ознакомил членов высшей партийной коллегии со следующей запиской вождя: „Т. Сталин!.. Кстати. Не пора ли основать 1–2 образцовых санатория не ближе 600 верст от Москвы? Потратить на это золото; тратим же и будем долго тратить на неизбежные поездки в Германию. Но образцовыми признать лишь те, где доказана возможность иметь врачей и администрацию пунктуально строгих, а не обычных советских растяп и разгильдяев.

19.V

Ленин“.

Проявив особую заботу о партверхушке, которая станет традиционной в советском государстве, попутно обрував своих собственных соотечественников, Ленин не заканчивает на этом письмо Сталину. Ему приходит еще одна мысль, на этот раз „секретная“. А конспиративные мысли он очень любил...

„P.S. Секретно. В Зубалово, где устроили дачи Вам, Каменеву и Дзержинскому, а рядом устроят мне к осени, надо добиться починки жел-ветки к осени и полной регулярности движения автодрезин. Тогда возможно быстрое и конспиративное и дешевое сношение круглый год. Напишите и проверьте. Также рядом совхоз поставит на ноги“⁵⁷.

Вообще тема отдыха его соратников была весьма близка Ленину. Тому же адресату в том же году шлет записку:

„т. Сталин. Вид Ваш мне не нравится. Предлагаю Политбюро постановить: обязать Сталина проводить в Зубалове с четверга вечера до вторника утром...“⁵⁸

Как удалось установить, Сталин в разговорах с членами Политбюро, верхушкой партийного аппарата, не раз упоминал свою интенсивную переписку с Лениным, его послания к нему. Постепенно это создавало впечатление каких-то особых отношений Сталина с Лениным, необычного доверия к „чудесному грузину“ (как выразился однажды Председатель Совнаркома)⁵⁹, некоей предопределенности в возможном наследовании.

Сталин часто и сам, не прибегая к личному разговору после заседания или по телефону, слал записки вождю по различным поводам:

„т. Ленин!

Когда можно будет поговорить с Вами о моей работе в центре (мне нужно минут 20)?

Сталин“.

По столь пустяковому поводу завязывается целая переписка. Ленин отвечает:

- „1) Либо сегодня (едва ли: уже устал)
- 2) Завтра, если будет заседание, или приезжайте?
- 3) в субботу?“

Сталин демонстрирует полную лояльность и стоворчивость: „Мне все равно когда; считайтесь со *своими* удобствами и только со *своими* (я могу приехать, если скажете и когда скажете)“⁶⁰.

Ленин ценит подобное рвение Сталина и полагается на него все больше. В марте 1922 года Сталин доложил Ленину запиской о том, что после ревизии финансов НКВД (проводила ее Розмирович) обнаружены крупные упущения и возможно привлечение к суду Карахана и Горбунова. „Ваше мнение?“ — вопрошает Сталин. Ответ последовал быстро:

„Тов. Сталин! Раз Вы убеждены и есть формальное постановление следователя, надо привлечь. Нельзя спускать.

10.III Ленин“⁶¹.

Вообще, порой складывается впечатление, что управление государственными делами с помощью записок — любимый метод Ленина. Он эти записки пишет множеству людей по любым поводам: глубоким и пустяковым, срочным и далеко не срочным.

Многие из этих записок характеризуют Ленина как родоначальника будущих всесильных партocrats, отождествлявших себя с абсолютной властью, считавших собственные потребности государственными. Например, он считает удобным писать секретарю ВЦИК А.С.Енукидзе о том, чтобы тот распорядился „насчет ускорения дров А.И.Елизаровой“ (старшей сестре Ленина. — Д.В.). „С ней живет мой брат (Д.И.Ульянов), у которого теперь приращение семейства...“⁶²

Ленин полагал, что не только секретарь ВЦИК может заниматься дровами для его сестры, но и что Сталин может распорядиться поиском теплого местечка кому-либо из его старых знакомых.

Так, например, в апреле 1922 года Ленин получает из

Германии письмо от Г.Л.Шкловского, старого большевика, исполнявшего в годы войны за границей роль своеобразного доверенного лица Ленина по многим вопросам: он занимался пересылкой ленинских документов, публикациями вождя, не раз предоставлял свою квартиру лидеру большевиков для деловых встреч, а главное, занимался денежными делами Ленина и партии. На протяжении длительного времени, пока шла тяжба с так называемыми „держательными деньгами“ (средства, завещанные фабрикантом Н.П.Шмитом партии), Шкловский исполнял ленинские поручения по „руководству“ адвокатами на суде, занимался подготовкой аргументации, беседами, встречами с нужными людьми и т.д. Имеется много писем и записок Ленина Шкловскому по этому поводу. Даже когда Ленин собрался в Россию, он несколько раз напоминал письмами Шкловскому о том, чтобы тот озаботился переводом из бернской полиции в Цюрих 100 франков, которые Лениным вносились как залог при получении вида на жительство.

Шкловский по заданию Ленина возглавляет комиссию по пропагандистской работе с русскими военнопленными: „Вернуться в Россию они должны сторонниками большевиков!“, устраивает по поручению Ленина на лечение в санатории депутата IV Думы большевика Ф.И.Самойлова, возлагает венок на могилу А.Бебеля, выполняет многие другие ленинские поручения. Это был нужный Ленину человек. Шкловский просит хорошего „места“. Ленин поручает Сталину разобраться: „Шкловский старый партиец... нервничает; является у него опасение, что его „удаляют“ и т.п. (У него семья, дети; нелегко приспособиться в холодной и голодной России...)“. Ленин поручает Сталину выяснить, „чего бы он хотел...“, заканчивает письмо назидательно: „нельзя „швыряться“ людьми, надо повнимательнее отнестись.

С к. пр. Ленин⁶³.

Сталин пишет Шкловскому: „Ваше письмо на имя т. Ленина передано мне с просьбой запросить Вас письменно, где и на какую работу хотели бы вы устроиться. Можете не сомневаться, что партия не откажет в удовлетворении Ваших желаний...“⁶⁴

„Желания“ у Шкловского оказались весьма прагматич-

ными и конкретными. Он хотел бы, чтобы семья осталась за границей и получала его нынешнее жалование, а сам он готов в Россию на „чисто партийную работу“ или в „глав-профобр“, „наркомзем, Коминтерн или наркоминдел“. Но наиболее „счастливым исходом для себя“, писал о своих „желаниях“ Шкловский, он бы видел „поездку полпредом в Швейцарию“.

Сталин информирует Ленина, что Шкловский „просит устроить его в Швейцарии... У нас нет в Швейцарии торгового представительства, есть только Красный Крест, но я не знаю, захочет ли Шкловский (или удобно ли ему, как немедику) служить в Кресте. Это нужно выяснить...“⁶⁵.

Я столь много внимания уделил Шкловскому затем, чтобы показать, что большевистская протекция ничем не хуже и не лучше любой другой. Со временем это станет нормой в высшем партийном аппарате. Ленин частенько писал „записочки“ с просьбами оказать „действие“, „помощь“, „поддержку“ людям, которые когда-либо делали ему одолжение. В последующем практика назначения людей на ответственные посты (впрочем, таково положение и сейчас) в государстве и партии решающим образом зависела от желания и воли партийного руководителя. Сталин, подыскивая в голодное время по указанию Ленина теплое местечко в Швейцарии человеку, бывшему нужным в свое время Ленину, видел в этом „иерархическую справедливость“. Воля вождя — превыше всего. Когда он унаследует после Ленина место „первого лица“ в государстве и партии, то свою волю превратит в символ большевистской „законности“ и „справедливости“.

Ленин всей своей деятельностью научил Сталина беспощадности, непримиримости, хитрости, целеустремленности, умению „работать с кадрами“. Сталин оказался очень способным учеником. Он раньше других понял, что Ленин обречен, раньше других осознал, что мертвый, но канонизированный вождь будет ему более нужен, чем живой, но беспомощный. Еще в 1920 году, в годовщину пятидесятилетия Ленина, Сталин писал, что с „наступлением революционной эпохи, когда от вождей требуются революционно-практические лозунги, теоретики сходят со сцены, уступая место новым людям“⁶⁶. Сталин далее привел примеры „со-

шедших“ — Плеханова, Каутского, еще не зная, что совсем скоро в числе „новых людей“, новых вождей окажется именно он, неприметный большевик Джугашвили. Ибо Сталин еще при Ленине писал, что „удержаться на посту вождя пролетарской революции и пролетарской партии“ могут лишь люди, сочетающие „в себе теоретическую мощь с практически-организационным опытом...“⁶⁷.

Общение с Лениным наполняло „чудесного грузина“ ленинской уверенностью, безапелляционностью, решительностью, грубой непримиримостью. Разве Сталин мог забыть, как однажды в феврале 1922 года Ленин прислал ему и Каменеву записку по поводу бюджета партии, полную грязных выражений. Предлагая тщательнее подбирать финансовых специалистов, Ленин пишет, что „всегда успеем взять говно в эксперты: сначала попытаем выделить нечто путное“. Вождь требует „подтягивать шваль и сволочь, не желающих представлять отчеты... Приучите этих говняков серьезно отвечать и давать полные точные цифры...“⁶⁸ и дальше в этом же духе.

Хотя Сталин лично познакомился с Лениным на Таммерфорсской конференции РСДРП в декабре 1905 года, близких связей до революции между этими людьми не было. Еще в 1915 году Ленин толком не знал даже фамилии грядущего „выдающегося“ вождя. В ноябре того же года он пишет Карпинскому: „Большая просьба: узнайте (от Степко или Михи* и т.п.) фамилию „Кобы“ (Иосиф Дж...?? мы забыли). Очень важно!“⁶⁹ Но с того дня, когда Сталин вместе с другими большевиками встретил Ленина 3 апреля 1917 года на станции Белоостров, до самой смерти вождя это был человек весьма ему близкий, особенно после октябрьского переворота. Хотя Каменев и Зиновьев в личном плане Ленину всегда были ближе.

В самом октябрьском перевороте Сталин как-то затерялся. Документы, хроника, воспоминания (не путать с многочисленными фальсификациями сталинского периода) не могут „сказать“ ничего вразумительного о роли Кобы в те драматические дни. Однако, войдя по предложению Ленина 26 октября в состав первого советского правительства в качестве наркома по делам национальностей, Сталин оконча-

*Степко и Миха — подпольные клички Н.Д.Кикнадзе и М.Г.Цхакая.

тельно всплыл на поверхность. Правда, во время брест-литовских переговоров Сталин чувствовал себя неуверенно и, как часто с ним бывало и впредь, пытался занимать центристскую позицию. Так, 23 февраля 1918 года, когда ультиматум Германии обсуждался на заседании ЦК РСДРП, Сталин попытался занять „промежуточное“ положение, предлагая продолжать переговоры, но „мира можно не подписывать“. Известна ленинская реплика по этому поводу:

— Сталин не прав, когда он говорит, что можно не подписывать... Если вы их не подпишете, то вы подпишете смертный приговор Советской власти через три недели...⁷⁰

Почувствовав, что дал маху, Сталин в дальнейшем лишь следил, чтобы вовремя солидаризироваться с позицией Председателя Совнаркома.

Зарекомендовав себя как ревностный исполнитель ленинских поручений в годы гражданской войны, Сталин по предложению Ленина был избран после VIII съезда партии в состав Политбюро и оргбюро Центрального Комитета.

Ленин явно благоволил Сталину. Это проявляется во многих отношениях: лидер большевиков лично следит за предоставлением Сталину квартиры в Кремле, проверяет, получает ли нарком кремлевский паек, и одному из первых (после Троцкого) выдает 15 октября 1920 года следующее удостоверение:

„Сим удостоверяю, что тов. Сталин, член ЦК РКП, член Совета Труда и Оборона, член Революционного Военного Совета Республики, имеет право пользоваться специальным поездом.

Председатель Совета Труда и Оборона

В.Ульянов (Ленин)⁷¹.

Не отдельным специальным вагоном, а поездом...

К должности наркома по делам национальностей он добавил еще одну: нарком Государственного контроля. Отныне „чудесный грузин“ входил во все мыслимые высшие органы, став к тому же 3 апреля 1922 года первым Генеральным секретарем ЦК. Хотя предложил его на пленарном заседании ЦК Каменев, нет сомнений в том, что вначале эта кандидатура была „обговорена“ с Лениным. Правда, „двойным“ наркомом Сталин был номинально. Его перегруженность фронтовыми делами и поручениями Ленина не дала

возможности Сталину проявить себя на этих постах. В своем письме к А.А.Иоффе Ленин отмечает, что „судьба не дала ему (т.е. Сталину. — Д.В.) ни разу за три с половиной года быть ни наркомом РКИ, ни наркомом национальностей. Это факт“⁷².

Сталин, став Генеральным секретарем, благодаря новой должности был обязан установить с Лениным еще более тесные контакты. Генсек часто бывает у Ленина, информирует его о положении в руководстве, спрашивает советы, регулирует доступ к Ленину наркомов и партийных деятелей. Иногда этот порядок определяет сам Ленин:

„т. Сталин!.. Прошу позвать ко мне на свиданье на полчаса (либо в 12 часов, либо в 5)

Красина

Рыкова

Каменева

Порядок пусть определяют сами

Владимилова

Смилга

О каждом свиданьи надо извещать (утром в день свиданья) через Енукидзе, докторов. Черкните ответ.

16.VIII.1922.

С к. пр. Ленин“⁷³.

Анализируя переписку Ленина и Сталина, их взаимоотношения до конца 1922 года, следует сказать, что будущий „наследник“ был весьма близок к лидеру партии. Только с конца мая по начало октября (эти четыре месяца Ленин безвыездно находился в Горках) Сталин посетил вождя 12 раз! Более чем кто-либо другой. Поэтому выглядят вполне правдоподобными утверждения М.И.Ульяновой, написавшей в президиум Объединенного Пленума ЦК и ЦКК РКП(б) 26 июля 1926 года о том, что „В.И.Ленин очень ценил Сталина... В.И. вызывал к себе Сталина и обращался к нему с самыми интимными поручениями, поручениями такого рода, что с ними можно обратиться лишь к человеку, которому особенно доверяешь, которого знаешь как истинного революционера, как близкого товарища... Вообще за весь период его болезни, пока он имел возможность общаться с товарищами, он чаще всего вызывал к себе т. Сталина, а в самые тяжелые моменты болезни вообще не вызывал никого из членов ЦК, кроме Сталина“.

Конечно, эти строки писались в поддержку Сталина в

период жестокой междоусобной борьбы в партии, но они не лишены правдоподобности. Пока не произошла стычка из-за Крупской, Ленин вполне полагался на Сталина.

Ленин часто поручал Сталину проверку или исполнение „карательных“ распоряжений по линии ЧК. Даже будучи тяжелобольным, Ленин не оставлял своей навязчивой идеи: „Очистить Россию надолго“⁷⁴. Сохранилась собственноручная записка Ленина, набросанная химическим карандашом и адресованная Сталину, в которой вождь задает вопросы генсеку, дает советы, как поступить с остающимися на воле меньшевиками, кадетами, эсерами, другими „злейшими врагами большевизма“.

Сталин в тридцатые годы воспользуется советами Ленина, но весьма своеобразно. Он будет высылать не сотни людей, а миллионы, и не за границу, а на окраины гигантской страны в бесчисленные лагеря. Генсек очень многому научится у Ленина. С тех пор как в мае 1918 года Ленин подписал назначение Сталина руководителем продовольственного дела на юге России с облечением наркома „чрезвычайными правами“⁷⁵, он привык всю свою дальнейшую жизнь ничем не ограничивать своих решений: ни правом, ни моралью, ни элементарными человеческими чувствами сострадания, жалости, сочувствия.

Можно даже сказать, что Сталин олицетворял полночь жуткой эпохи.

Именно Сталину принадлежит пионерство в создании подразделения по политическим убийствам за рубежом. „Помог“ в этом Троцкий. За ним долго охотились, но никак не могли поставить смертельную точку. Изгнанник „обнагел“. Мало кто знает, что в июне 1937 года Троцкий пришлет из Мексики телеграмму в Москву, где будет всего три предложения:

„Политика Сталина ведет к окончательному, как внутреннему, так и внешнему, поражению. Единственным спасением является радикальный поворот в сторону советской демократии, начиная с открытия последних судебных процессов.“

На этом пути я предлагаю полную поддержку.

Троцкий⁷⁶.

Троцкий еще в 1937 году надеялся на возможность при-

мирения со Сталиным! Однако Сталин был непреклонен, и резолюция на телеграмме не оставляет сомнений в его намерениях: „Шпионская рожа! Наглый шпион Гитлера! И.Сталин“. Тут же, ниже, угодливо поставили свои подписи Молотов, Ворошилов, Микоян, Жданов.

В этот же день Сталин отдал распоряжение форсировать операцию по „ликвидации Троцкого“, которая завершится лишь в августе 1940 года.

Когда Троцкого все же убьют, Сталину на другой день принесут из „Правды“ статью „Смерть международного шпиона“, посвященную смерти изгнанника. Сталин согласится с ее содержанием, но собственноручно сделает несколько кратких, но в высшей степени многозначительных вставок. Вот они, характеризующие Троцкого: „организатор убийц“, „он учил убийству из-за угла“, „Троцкий организовал злодейское убийство Кирова, Куйбышева, Горького“, „с печатью международного шпиона и убийцы на челе“⁷⁷.

Человек, лично организовавший это очередное (среди миллионов других) убийство, обвиняет в убийствах других! Навязчивая идея убийства становится стереотипом мышления диктатора. Это качество было не врожденным, а приобретенным в процессе кровавой большевистской практики.

Соратник Ленина еще в ленинские годы „выковал“ в себе черты абсолютного диктатора. Ленин по образованию был юрист-адвокат, но действовал больше как прокурор. Эта черта — „прокурорское“, обвинительное мышление — сформировалась и у Сталина, явно под влиянием Ленина.

Спустя десятилетие после смерти Ленина, когда Сталин стал абсолютным диктатором в стране, каждый его шаг (не рассчитанный на пропагандистское восприятие) несет следы ленинского стиля. Давайте откроем „Журнал регистрации отправлений документов с резолюциями Сталина“. Их множество, но все они — ленинские по духу. Правда, отличаются простоватостью.

От кого документ Резолюции т. Сталина

„От Фриновского о председателе Калмыцкого ЦИКа Хомутильникове“.

„т. Фриновскому. Если Хому-

„Записка Ежова. Протокол допроса Ланда“.

„От Ежова и Берии об изменении порядка репрессирования жен врагов народа“.

„Аношин из Энгельса — Берии. О неблагополучии с руководством НКВД в республике Немцев Поволжья (нарком Рессин)“.

„От Пономаренко Молотову, Берии. О недостатках и извращениях в работе органов НКВД Белоруссии“.

„Записка Берии о шпионской группе Рохлина“.

тинников является кандидатом в Верховный Совет, его не стоит сейчас арестовывать (с ним можно расправиться после выборов). Если же кандидат — арестовать через две недели“. 6.12.37.

„тов. Смирнову (ПУР), Игоденко. Обратите внимание на показания Ланда. Видимо, все лица отмеченные (за исключением Мерецкова) являются мерзавцами“. 17.12.37.

„тт. Ежову, Берия. Правильно“. 11.10.38.

„Тов. Берия. Указание Сталина арестовать Рессина. Поскребышев“. 15.11.38.

„Молотову, Берии, лично. Нужно очистить от грязи белорусские органы НКВД; такой грязи немало во всех других республиках и областях“. 18.12.38.

„Т-щу Берия. Рохлин — давно известная мне сволочь. Я еще год назад говорил Багирову о необходимости изъятия Рохлина. Странно, что Рохлин арестовывается с таким запозданием“⁷⁸.

У Ленина в канцелярии не вели подобного журнала. Но его скупые резолюции, заметки и телеграфные указания по стилю очень, очень схожи с творчеством своего „ученика“. Достаточно вспомнить ленинские лаконичные указания Цюруппе: „Я предлагаю заложников не взять, а назначить поименно...“, нужен „беспощадный военный поход на деревенскую буржуазию“; в Выксу, Ведерникову: „Превосходный план массового движения с пулеметами за хлебом...“; Г.Е.Зиновьеву: „Надо поощрять энергию и массовидность террора...“; С.П.Середе: „Очистить полностью все излишки хлеба...“; Харлову: „Составьте поволостные списки богатейших крестьян, отвечающих жизнью за правильный ход работы по снабжению хлебом...“; Ливенскому исполкому: „...повесить зачинщиков из кулаков...“; Пайкесу: „Расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая...“; Е.Б.Бош: „Сомнительных запереть в концентрационный лагерь...“⁷⁹. Или в записке Сталину и Уншлихту предлагает ужесточить борьбу с расхитителями: „Поимка нескольких случаев и расстрел...“⁸⁰

Социальная методология Ленина и его последователя основана на неограниченном насилии. В политическом почерке Сталина видно много ленинского: уверенность в себе, убежденность в безгрешности, абсолютная вера в универсальность диктатуры пролетариата, пренебрежение к людям, готовность оперировать „массами“, осторожность и коварство, беспощадность. Духовным отцом Сталина был Ленин, хотя во внешних привычках это были очень разные люди. Например, Ленин не любил своих портретов. Для Сталина это было необходимо. Ленин питал слабость к языковым словарям и обычно листал их перед сном. Сталин, ложась в постель, клал на прикроватную тумбочку стопку учебников, монографий, сценариев, которые он должен был просмотреть и определить их судьбу. Так, в сталинском фонде на многих книгах и сценариях, ждавших своего опубликования или постановки, видны безапелляционные резолюции вождя. Они есть, например, на сценариях фильмов „Суворов“, „Великое зарево“, „Выборгская сторона“, „Александр Невский“, „Минин и Пожарский“, „Покушение на Ленина“, „Щорс“, „Первая Конная“ и многих других. Как может убедиться читатель, не всем сценариям было суждено материализоваться в фильмах.

Ленин был воздержан в отношении к спиртному (любил только хорошее пиво). Сталин употреблял и водку, и коньяк, и грузинское вино, к концу жизни отдав предпочтение только вину.

Оба вождя не имели близких друзей в дни своего апогея. Возможно, это закономерность. Кто может быть равным в дружбе с вождем или диктатором? Моральные скрепы дружбы не выносят иерархических отношений, в них не бывает ни благодетелей, ни должников. Кто мог вести себя так с Лениным и особенно со Сталиным?

Н.И.Бухарин пытался спасти себя, направляя бесконечные письма Сталину, именуя его „дорогой Коба“ и подписываясь: „твой Бухарин“. Переписка была односторонней: Бухарин просил, унижался, топтал себя, превозносил Кобу, но это его не спасло. Бухарин был прав, подписываясь: „твой“. Сталин смачнул его со стола жизни, как хлебную крошку.

Ленин в личных отношениях с близкими людьми не был жестоким человеком. Он был жестоким идеологически, политически, философски. В отношении того же Сталина он проявлял заботу о его здоровье, питании, квартире, отдыхе. И, думаю, делал это искренне, как и в отношении других. Так, сохранилось несколько записок по поводу улучшения жилищных условий Сталину. Вот одна из них, адресованная Енукидзе:

„Нельзя ли ускорить освобождение квартиры, намеченной Сталину? Очень прошу Вас сделать это и позвонить мне...“⁸¹ Когда Сталину собирались сделать небольшую операцию, Ленин шлет письмо лечащему врачу Сталина В.А.Обуху:

„Тов. Обух!

Очень прошу послать Сталину 4 бутылки лучшего портвейна. Сталина надо подкрепить перед операцией.

2.1.1921 г.

Ваш Ленин“⁸².

Оба вождя любили секреты и тайны. Ленин почти везде приписывал: „архиконспиративно“, „секретно“, „тайно“; Сталин вообще всю деятельность не только НКВД, но и Политбюро сделал сплошной тайной.

Оба любили отдыхать. Правда, Ленин преимущественно по болезни. Но и не только.

Сталин, когда взобрался на самую вершину пирамиды

власти, отпуск проводил в конце лета—начале осени на южных курортах. Но мало кто знает, например, что после войны, убедившись, что „история подтвердила его правоту“, Сталин стал уделять отпускам, отдыху весьма повышенное внимание. Думаю, что немногие знают, что уже в тридцатые годы Сталин уезжал в Сочи, Гагры, Мухалатку, другие южные места, в специальные санатории на 2—3 месяца, осуществляя руководство страной в перерывах между созерцанием бирюзы ласкового моря, прогулками по аллеям великолепных парков, философскими одинокими размышлениями на белоснежных террасах старинных дворцов. В 1949—1952 годах Сталин отдыхал без перерыва на юге по 4—4,5 месяца, находясь в благодатных местах с августа до дня своего рождения — 21 декабря⁸³. Это уже был не просто сановный вельможа, а земной бог...

В 1922 году „Правда“ попросила Сталина написать статью о том, каково самочувствие Ленина, как дела с его здоровьем. В сентябре появилась его статья: „Тов. Ленин на отдыхе. Заметки“. К слову сказать, была в 1922 году написана с точно таким же названием и статья Г.Е.Зиновьева (не опубликованная). Это еще один соратник и ученик Ленина на нескольких страницах живописует, как Ленин любил и умел отдыхать в Париже, Берне, Цюрихе, Кракове, Куоккола и других зарубежных местах. Коньки, велосипед, пешие прогулки, купания, охота... Но главным образом его „отдых почти всегда сводится к тому, чтобы побольше остаться один на один с природой...“. В Татрах ему „ничего не стоило подбить нас съездить из галицейской деревушки верст за сто в Венгрию за тем, чтобы оттуда в качестве трофея привезти... одну бутылку венгерского вина“⁸⁴.

Сталин же об отдыхе Ленина писал по-другому: „Мне приходилось встречать на фронте старых бойцов, которые, проведя напролет несколько суток в непрерывных боях, без сна и отдыха, возвращались потом с поля боя как тени, падали как скошенные и, проспав все восемнадцать часов подряд, вставали после отдыха, свежие для новых боев... Тов. Ленин произвел на меня именно такое впечатление...“ Сталин пишет, что Ленина интересует все: внутреннее положение, урожай, курс рубля, бюджет, Антанта, роль Аме-

рики, эсеры и меньшевики... Об этом Сталин пишет, ибо на Западе, в эмиграции ходят „невероятные легенды о смерти Ленина с описанием подробностей...“.

Товарищ Ленин, пишет Сталин, улыбается и замечает:

— Пусть их лгут и утешаются, не нужно отнимать у умирающих последнее утешение⁸⁵.

Сталин, независимо от того, говорил ли Ленин подобную фразу, явно перебирает.

В декабре 1922 года в состоянии здоровья Ленина вновь наступает резкое ухудшение. Пленум ЦК принимает специальное постановление, согласно которому на Сталина возлагается обязанность следить за режимом больного Ленина, способствовать врачам в „создании самых благоприятных условий для больного“. И хотя в начале двадцатых чисел декабря удары следуют один за другим, Ленин просит разрешения диктовать письма и распоряжения. Он чувствует, что может в любой момент переступить ту линию, которая отделяет бытие от небытия. Именно в эти дни были продиктованы „Письмо к съезду“, „О придании законодательных функций Госплану“, „К вопросу о национальностях или об „автономизации“ и другие последние работы.

4 января 1923 года Ленин диктует свое знаменитое „Добавление к письму от 24 декабря 1922 г.“, посвященное главным образом Генеральному секретарю. „Сталин груб, — диктует Фотиевой Ленин, — и этот недостаток вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т.д.“⁸⁶.

В эти дни Сталин, узнав, что Ленин по разрешению и согласию врачей продолжает понемногу диктовать, обрушился по телефону на жену Ленина с бранью. Надежда Константиновна, со слезами выслушав гневную тираду генсека, написала тут же письмо Каменеву: „Лев Борисович, по поводу коротенького письма, написанного мною под диктовку Влад. Ильича с разрешения врачей, Сталин позволил

вчера по отношению ко мне грубейшую выходку...⁸⁷ Крупская сдержалась и не рассказала об инциденте мужу. Лишь в начале марта, когда дела у Ленина как будто пошли на поправку, она поведала о выходке Сталина.

Известно, что вскоре после смерти Ленина по инициативе Сталина Институт Маркса и Энгельса преобразуется в Институт Маркса—Энгельса—Ленина. Генсек был дальновиднее других. Специальным решением ЦК все документы, материалы, письма даже личного характера должны были быть сданы в новый центр „изучения ленинского наследия“. Вначале был создан архив Ленина, где первоначально было, как докладывал Тихомирнов Сталину в начале 1933 года, всего 4500 документов. В начале тридцатых годов там насчитывалось уже 26 000. По указанию генсека туда были переданы ленинские документы, находившиеся у Бухарина, Зиновьева, Каменева, других видных большевиков⁸⁸. В архивах Политбюро немало таких, например, документов:

„...О поездке т. Ганецкого в Польшу. Разрешить т. Ганецкому поездку в Польшу сроком на 2 недели по делам архива Ленина“⁸⁹.

„Секретно“

„Секретарю ЦК ВКП(б) товарищу И.В.Сталину.

Мне стало известно, что в архиве недавно умершей Ортодокс (Любовь Исаковна Аксельрод) имеются два письма Ленина и очень много писем Плеханова. Мне кажется, что следовало бы поручить Институту Маркса—Энгельса—Ленина получить эти письма у наследников за какую-либо компенсацию: закрепить за ними квартиру Ортодокс или выдать денежное вознаграждение.

Заместитель народного комиссара иностранных дел А.Лозовский⁹⁰.

8 марта 1946 г.

Мало кто улавливал скрытый, потайной смысл многолетних поисков ленинских документов, тем более что после обнаружения многие из них тут же исчезали в чреве тайных хранилищ. Сталин взял под контроль все эпистолярное наследие Ленина. Таким образом он обезопасил в определенной мере себя, получил инструмент шантажа и запугивания неугодных лиц, имел возможность исключать из науч-

ного оборота тысячи ленинских документов. Я уже говорил, что к 1991 году в спецхранах находилось 3724 неопубликованных ленинских документа и около 3000 с его подписями официальных материалов Совнаркома! Ведь самая большая тайна неуязвимости Сталина, его дьявольской силы и могущества заключалась в монополии на Ленина, монополии на истолкование и „защиту“ ленинского наследия. Именно здесь кроется один из корней живучести и слабой способности к реформированию тоталитарной системы, основанной Лениным. Сталин забальзамировал не только тело Ленина, но и его идеи...

Большевистский тандем

В зале было душно. Август тридцать шестого года как будто уплотнил воздух. Все окна были закрыты. Председатель Военной коллегии Верховного суда Союза ССР армвоенюрист В.В.Ульрих, изредка поднимая голову и рыбьими глазами обводя зал, громким голосом читал текст приговора:

„...устанавливается виновность

1. Зиновьева Г.Е.
2. Каменева Л.Б...“

дальше шли еще четырнадцать фамилий.

Подсудимые словно застыли на скамье обреченных. Каждая произносимая фамилия звучала как выстрел в подвале. Заместители Ульриха корвоенюрист И.О.Матулевич и диввоенюрист И.Т.Никитченко сидели за столом нахохлившись, словно стервятники, переваривающие добычу.

Ульрих, вытирая платком лоб, продолжал вколачивать слова-пули в липкую, звонкую тишину:

„...в том, что они:

а) организовали объединенный троцкистско-зиновьевский террористический центр для совершения убийств руководителей советского правительства и ВКП(б);

б) подготовили и осуществили 1 декабря 1934 года через Ленинградскую подпольную террористическую группу... злодейское убийство тов. С.М.Кирова;

в) организовали ряд террористических групп, подготовлявших убийство тт. Сталина, Ворошилова. Жданова, Кага-

новича, Орджоникидзе, Косиора и Постышева, т.е. преступлений, предусмотренных ст.ст. 58–8 и 58–11 Уголовного кодекса РСФСР...

На основании изложенного... Военная коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила:

1. Зиновьева Григория Евсеевича
2. Каменева Льва Борисовича..."

Дальше пули–слова пробили еще четырнадцать раз. Зловещая тишина была такой, словно давала прислушаться к тому, как лихорадочно бьются сердца обреченных...

„...всех к высшей мере наказания — расстрелу, с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества...“⁹¹.

Подсудимых повели из зала. Каменев поддерживал Зиновьева, который бессвязно шептал: „Обещал, обещал... Сталин обещал... Надо сообщить Сталину... обещал...“ Евдокимов, Бакаев, Тер–Ваганян, Смирнов, Рейнгольд и другие подельцы, опустив головы, с осунувшимися лицами вышли с конвоирами из зала. Официальные представители расходились, разговаривая шепотом.

...В камере Зиновьев сразу же сломал карандаш, никак не мог что–нибудь связно написать.

Наконец на лист бумаги легли кривые строчки:

„О совершенных мною преступлениях против партии и Советской власти я сказал до конца пролетарскому суду. Президиуму ЦИК они известны.

Прошу мне поверить, что врагом я больше не являюсь и остаток своих сил горячо желаю отдать социалистической родине.

Настоящим прошу ЦИК СССР о помиловании меня.

24 августа 1936 г. Г.Зиновьев⁹².

Каменев, зная, что осталось жить несколько часов, ни во что уже не веря, быстро писал казенной ручкой, лежащей на тюремной тумбочке. Прошение было кратким, всего одно предложение:

„В Президиум ЦИК Союза

Глубоко раскаиваюсь в тягчайших моих преступлениях перед пролетарской революцией, прошу, если президиум не найдет это противоречащим будущему дела социализма, дела Ленина и Сталина, сохранить мне жизнь.

24.VIII.36 г.

Л.Каменев⁹³

Каменев писал на имя органа, председателем которого он когда-то был... У Зиновьева и Каменева теплилась надежда: Сталин действительно обещал сохранить им жизнь при условии полного „признания“ и раскаяния. Они не знали, что все было predetermined заранее. Шестнадцать осужденных, которым остался лишь миг жизни, писали прошения о помиловании. Впрочем, не все: Гольцман Эдуард Соломонович, одиннадцатый в списке осужденных на казнь, отказался просить власти о снисхождении⁹⁴. Написал об этом отказе записку. Возможно, он понимал более трезво, чем остальные, что в сыгранном уже чудовищном спектакле ничего изменить нельзя.

Остальные надеялись. Зиновьев и Каменев — особенно. Ведь Сталин им лично (их вызвали к нему из тюрьмы) пообещал в обмен на полные „признания“ сохранить жизнь. Надеялся и Натан Лазаревич Лурье, написавший в прошении, что он „неоднократно подготовлял террористические акты над Ворошиловым, Орджоникидзе, Ждановым, будучи для выполнения этого плана вооружен...“. Почему надеялся этот „террорист“, вновь под диктовку повторяя чудовищные небылицы? Видимо, потому, что ему было лишь 34 года...⁹⁵

Они не знали, что в этой же папке, где лежал приговор „по делу объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра“, уже находилось (!) и „Постановление Президиума ЦИК СССР“ за подписью И.Уншлихта, в котором говорилось, что этот орган „ходатайство о помиловании“ постановляет „отклонить“. Оставалось Ульриху проставить только число: 24 августа 1936 года. Здесь же в комнате, в здании, где проходил суд, Председатель Военной коллегии подписал еще один документ:

„Команданту Военной коллегии Верховного суда Союза ССР
капитану Игнатьеву И.Г.

Предлагаю немедленно привести в исполнение приговор Военной коллегии Верховного суда Союза ССР над осужденными к высшей мере наказания — расстрелу:

1. Зиновьевым Григорием Евсеевичем
2. Каменевым Львом Борисовичем...

Об исполнении донести.

Председатель Военной коллегии

Верховного суда СССР армвоенюрист В.Ульрих“⁹⁶.

Последняя фраза непонятна: зачем доносить? Ибо 25 августа в 2 часа (всего через несколько часов после оглашения приговора, глубокой ночью) осужденные были расстреляны в присутствии В.В.Ульриха и других должностных лиц... Там же, в подвале, составлен

„Акт

Мы, нижеподписавшиеся, составили настоящий акт в том, что сего 25 августа 1936 года приговор в отношении Зиновьева, Каменева... приведен в исполнение в нашем присутствии.

Зам. наркома внутренних дел Я.Агранов

Председатель Военной коллегии Верховного Суда СССР В.Ульрих

Прокурор Союза ССР А.Вышинский

Комендант Военной коллегии И.Игнатъев

25.VIII. 2 часа⁹⁷.

Так закончили свой земной путь два неразлучных товарища—большевика, которые в личном плане были ближе к Ленину, чем кто-либо. Правда, Ленин никогда не забывал их „подлости“: отказ поддержать его план вооруженного восстания в октябре 1917 года. В своем письме „К членам партии большевиков“, написанном 18 октября 1917 года, Ленин метал громы и молнии: „Да ведь это в тысячу раз подлее и в миллион раз вреднее всех тех выступлений, хотя бы Плеханова в непартийной печати в 1906—1907 гг. ... Я бы считал позором для себя, если бы из-за прежней близости к этим товарищам я стал колебаться в осуждении их. Я говорю прямо, что товарищами их обоих больше не считаю...“⁹⁸ Именно этот эпизод был упомянут Лениным и в его „Письме к съезду“. Давая характеристики виднейшим вождям большевистской партии, вождь продиктовал:

„...Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не является случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как и небольшевизм Троцкого“⁹⁹.

Жизнь двух „сиамских близнецов ленинской гвардии“, как назвала их Дора Штурман в своей статье¹⁰⁰, была безжалостно оборвана „продолжателем Ленина“, которого между собой Зиновьев и Каменев называли „азиатом“. Они попали под жернова той самой мельницы, которую так ревностно

строили. Правда, до роковой кончины Сталин поиграл с бывшими соратниками, как кошка с мышью. Он дал им как бы надежду, посадив вначале „на срок“, но затем решил покончить с „близнецами“ одним махом.

Что это были за люди, которые от самого порога века и до ленинской кончины были почти все время рядом с вождем? Влияли ли эти большевистские вожди на Ленина, как их личные качества отражают черты портрета лидера русской революции?

Судьба этих людей, находившихся на самой вершине большевистской власти при Ленине, печальна. После смерти вождя они понадобились Сталину лишь на какое-то время, чтобы справиться с Троцким, а затем целое десятилетие, пока в присутствии верхушки сталинского „правосудия“ у них не отобрали жизнь, они отчаянно боролись, чтобы вернуться в руководящую обойму вождей. В самом дурном сне им не могло и присниться, что „азиат“ будет с ними играть, как сытый кот с полузадавленной мышью, то сжимая шею, то приотпуская смертельную хватку.

Зиновьев и Каменев — одногодки, оба родились в 1883 году. Зиновьев (Радомысльский) — в семье владельца молочной фермы подле Елисаветграда на Украине, а Каменев (Розенфельд) — москвич, из семьи квалифицированного рабочего. Оба рано приобщились к марксизму, оба практически никогда не работали, посвятив себя, как и Ленин, „профессиональному“ революционаризму. Оба (но особенно Зиновьев) считались „теоретиками“ марксизма. В своей статье „О большевизме“ Ленин указывает: „Главные писатели-большевики: Г.Зиновьев, В.Ильин*, Ю.Каменев, П.Орловский и др.“¹⁰¹.

Зиновьев превосходил Каменева по литературной „скорострельности“, особенно после революции. Опала Зиновьева помешала ему почти не отстать от Троцкого в выпуске своего многотомного собрания сочинений. Но если Л.Д.Троцкий обладал несомненным писательским талантом, то Г.Е.Зиновьев был литературным чиновником от марксизма. Тем не менее он приступил было к выпуску более чем

*В.Ильин — один из наиболее распространенных псевдонимов В.И.Ленина (как и Орловский — не кто иной, как В.В.Воровский). Впрочем, Ю.Каменев — это Л.Б.Каменев.

двадцатитомного собрания своих сочинений! Работы Зиновьева почти не сохранились (сталинская охранка уничтожила практически все), но отдельные оставшиеся экземпляры его книг, брошюр, статей свидетельствуют о дилетантском, но напористом пере. Определенную историческую ценность представляют его „Воспоминания“¹⁰², в которых Зиновьев описывает Пражскую конференцию 1912 года, коллизии, связанные с попыткой изобличения провокатора Р.В.Малиновского, размышления автора о встречах с Лениным.

Зиновьев в 1918—1925 годах выступал множество раз в Совете, на предприятиях, в Коминтерне, в ЦК, на различных конференциях. Все тщательно собиралось и готовилось его помощниками к изданию. Например, в спецфонде сохранились его записки на Политбюро в двух томах! Зиновьев (с помощью своих оруженосцев с перьями) написал бесцветные апологетические книги (точнее, материалы к ним) „В.Ульянов (Ленин)“ (в двух томах), „Из истории большевизма“ (в двух томах), „Год революции. Февраль 1917—1918 гг.“ и ряд других работ. В партийном „творчестве“ Зиновьева видно быстрое обюрокращивание партии как ядра Системы. Безликие помощники, инструкторы, референты десятилетиями готовили партийным бонзам речи, доклады, книги, которые после опубликования никто не читал! Но разница лишь в том, что в „ленинское время“ такие, как Зиновьев, много работали над текстом и сами правили, редактировали, вставляли (или убрали) абзацы в речи и доклады.

В последующем во времена Хрущева, Брежнева, Черненко и Горбачева партийные лидеры лишь привычно „озвучивали“ текст или подписывали сборники своих речей. Интеллектуальная проституция стала нормой.

Каменев, на мой взгляд, фигура более привлекательная. Если внимательно вчитаться в строки его биографии, он предстанет перед нами как человек весьма мужественный. Ему приходилось выступать и против Ленина (заметка в „Новой жизни“ о несогласии с курсом на вооруженное восстание), он пытался бунтовать и против Сталина. На XIV съезде партии в декабре 1925 года (как раз был день рождения генсека) Каменев, взойдя на трибуну, произнес в своей

речи вещице слова: „Мы против того, чтобы создавать теорию „вождя“, мы против того, чтобы делать „вождя“. Мы против того, чтобы секретариат, фактически объединяя и политику и организацию, стоял над политическим органом. Мы за то, чтобы внутри наша верхушка была организована таким образом, чтобы было действительно полномочие Политбюро, объединяющее всех политиков нашей партии, и вместе с тем чтобы был подчиненный ему и технически выполняющий его постановления секретариат... Лично я полагаю, что наш Генеральный секретарь не является той фигурой, которая может объединить вокруг себя старый большевистский штаб... Именно потому, что я неоднократно говорил это т. Сталину лично, именно потому, что я неоднократно говорил группе товарищей-ленинцев, я повторяю это на съезде: я пришел к убеждению, что тов. Сталин не может выполнять роли объединителя большевистского штаба... Эту часть своей речи я начал словами: мы против теории единоличия, мы против того, чтобы создавать вождя!“¹⁰³

Спустя многие десятилетия можно сказать, что попытка Каменева (его поддерживал и Зиновьев) избежать насильственного, военного прихода к власти большевиков в 1917 году была той „осторожностью“, которая оказалась пророческой. Выступление на XIV съезде было публичным мудрым предостережением, которое, однако, никто не услышал.

Каменев писал труднее, особенно статьи, связанные с внутривнутрипартийной борьбой. В начале своей большевистской карьеры у него это просто плохо получалось. В одном из своих писем Зиновьеву в августе 1909 года Ленин поведал, как он мучился, редактируя Каменева: „Последние две трети статьи Каменева совсем плохи и едва ли поддаются переделке. Я выправил первую треть (стр. 1 — стр. 5 до конца), но дальше не в состоянии выправить, ибо вижу, что дело тут идет не о правке, а о переделке *заново*...“¹⁰⁴ Может быть, и плохо писал Каменев, но то немногое, что сохранилось после этого большевика, не подтверждает слов „редактора“. Может быть, дело объясняется и тем, что сам Ленин писал очень „темно“ и часто сумбурно. А может быть, это была статья, которая просто не удалась Каменеву. Во всяком случае, когда берете в руки томик „Н.Г.Чернышевский“, написанный Каменевым в серии „Жизнь замечательных людей“,

складывается впечатление, что это зрелый литератор в окружении Ленина, уступающий по мастерству только Троцкому.

Так уж получилось, что эти два человека — Зиновьев и Каменев — чувствовали глубокое личностное внутреннее влечение друг к другу. По своим моральным, политическим, литературным и некоторым иным качествам Каменев был выше, основательнее, чище, мужественнее Зиновьева. Зиновьев запятнал себя, будучи активным проводником большевистского террора; Каменев лично, непосредственно в этом не испачкался. Однако в связке, тандеме этих двух вождей бесспорно лидировал Зиновьев. Каменев всегда как-то покорно, безропотно, послушно следовал за Зиновьевым. Психологическое лидерство Зиновьева труднообъяснимо. Ленин это видел и знал, но не обращал на такие „пустяки“ внимания.

За рубежом Зиновьев был особенно близок к Ленину. Дружили одно время между собой и жена Зиновьева Злата Ионовна Лилина с Надеждой Константиновной. В своих воспоминаниях Крупская не раз упоминает Зиновьевых: „Приехали из России Зиновьев и Лилина. У них родился сынишка, занялись они семейным устройством“¹⁰⁵. Григорий Евсеевич Зиновьев отличался тем, что весьма активно выполнял ленинские поручения, конфиденциально делился своими наблюдениями с лидером большевиков о положении в тех или иных группах революционеров, в частности, обосновавшихся за рубежом. Как обычно всегда бывает, эмиграция не была однородной. Людей сплачивало или разъединяло не только политическое или идеологическое пристрастие, но и личные симпатии и антипатии. Пожалуй, Ленин любил Зиновьева больше всего за преданность ему самому. Правда, после октября 1917 года, хотя отношения между ними уже в ноябре нормализовались, у Ленина остались какие-то сомнения, которые он и выразил в „Письме к съезду“. Случайно или нет, пронизательно отмечает Г.М.Дейч, но „все дореволюционные письма Ленина Зиновьеву начинались, как правило, обращением „Дорогой друг!“, „Дорогой Григорий!“... Послереволюционные письма и телеграммы носили более официальный характер: „т. Зиновьев!“, „тов. Зиновьеву“ и т.д.“¹⁰⁶

О послеоктябрьском охлаждении Ленина к Зиновьеву можно только предполагать, ибо духовный мир человека, особенно унесенного навсегда в вечность, — загадочный и холодный космос; исследователям остается лишь до боли в глазах вглядываться в далекие звезды, многие из которых давно погасли, но светятся отраженным светом...

Зиновьев, при всей его известности, достаточно загадочная фигура. Об этом тучноватом, рыхлом, с одышкой человеке говорили много лишь в „ленинское время“. После смерти вождя Зиновьев как-то быстро сник, недаром меньшевики называли его оруженосцем Ленина. Этот внешне флегматичный вождь преобразался, лишь когда выходил на трибуну. Зиновьев говорил всегда с огромным подъемом. Его сильный голос красивого, звонкого тембра доминировал над залом, над толпой, и, казалось, он создан для митинговых площадей. Как писал А.В.Луначарский, „Зиновьев не может в своих речах быть таким богатым, часто совершенно новыми точками зрения, как истинный вождь всей революции — Ленин; он, разумеется, уступает в партийной мощи, которая отличает Троцкого. Но за исключением этих двух ораторов Зиновьев не уступает никому“¹⁰⁷. Заметим, что Зиновьев не терял этих качеств оратора, когда, допустим, выступал на немецком языке на конгрессе Коминтерна или на партийтаге в Германии. Но Зиновьев, хотя написал (и „наговорил“) очень много, не может быть представлен как глубокий писатель и публицист.

Однако при всей бесцветности его книг, точнее, материалов к ним в работах Зиновьева содержатся порой довольно интересные наблюдения о вожде. В своих „Воспоминаниях“ о жизни и деятельности В.И.Ленина Зиновьев пишет, что уже 25-летним будущий лидер русской революции „чувствует себя ответственным за все человечество, явно чувствует себя вождем (в лучшем смысле слова) рабочего класса и партии“... Автор воспоминаний воспроизводит очень интересное наблюдение: было ли ощущение у него, что Ленин призван к этой роли? Зиновьев отвечает на этот вопрос утвердительно: „Да, это было! Без этого он не стал бы Лениным...“¹⁰⁸

Воспоминания писались, когда Зиновьев давно прошел зенит своей политической карьеры, когда Сталин быстро набирал силу. В этом смысле интересны записи автора о смерти Ленина. Маркс умер окончательно тогда, заметил

Зиновьев, когда умер его наследник — Энгельс. „А вот с Лениным вышло иначе. После него не осталось Энгельса, но он и не умер вовсе... А в то же время во многом вышло хуже, нежели с Марксом“. Немного позже Зиновьев просто проговаривается: „ошибка“ завещания — неточно представил себе, как будет все выглядеть без него...¹⁰⁹

Здесь Зиновьев смело и прямо пишет (на него не похоже), что Сталин не Энгельс и что „во многом вышло хуже“. Думаю, оставляя на бумаге эти строки, Зиновьев (как Каменев, Троцкий, вероятно, Бухарин и некоторые другие) не мог себе простить, что они позволили захватить штурвал гигантского судна форменному пирату, который, монополизировав право на Ленина, быстро превратился в абсолютно го диктатора. Зиновьев не мог забыть, что в 1917-м и позже он относился к Сталину снисходительно, просто как к представителю „нацменов“. На менторские, покровительственные замечания Зиновьева Сталин редко реагировал, предпочитая отмалчиваться. Когда в „партверхушке“ шли разговоры, обсуждения, кого из большевиков рекомендовать председателем создаваемого Интернационала, Зиновьев между делом заметил (а Сталина это больно укололо):

— Нужен человек с европейской культурой, знанием языков...

Как мы знаем, первым председателем Коминтерна и стал сам Г.Е.Зиновьев... Он был страстным сторонником экспорта российской революции в другие страны, особенно в Германию. Ленин соглашался с этой авантюрной стратегией. В январе 1920 года вождь большевиков требовал:

— Нужно ускорить освобождение Крыма, чтобы иметь вполне свободные руки, ибо гражданская война может заставить нас двинуться на запад на помощь коммунистам¹¹⁰.

Когда проходил второй Конгресс Коммунистического Интернационала, начался знаменитый поход на Варшаву, предпринятый по инициативе Ленина. Зиновьев распорядился разместить на сцене Большого театра, где заседала „мировая партия социалистической революции“, огромную политическую карту мира. Каждое утро делегаты с замиранием сердца следили за передвижением красных флажков по маршруту похода „красных“ на Варшаву. Зиновьев не удерживался от взволнованных комментариев, утверждая, что

следующий, третий Конгресс Коминтерна „будем проводить в Берлине, а затем в Париже, Лондоне...“.

Его слова тонули в шквале аплодисментов...

В воспоминаниях Зиновьева верно отмечено, что не Ленин „открыл“ теорию диктатуры пролетариата, он „открыл ее конкретную советскую форму... очистив ее от реформаторских извращений и развив ее дальше“. Что правда, то правда: едва ли кто может претендовать на это „открытие“. Здесь „вклад“ Ленина настолько очевиден, что это весьма сомнительное первенство не рискует быть кем-нибудь оспорено.

Иногда весьма интересны и мелкие детали, приводимые Зиновьевым, которые делают портрет Ленина более рельефным и выразительным. Зиновьев пишет, например, что „дошла остроумная шутка Плеханова: Ленин—де первоклассный философ в том смысле, что по философии он только—де в первом классе“. Или наблюдение: „Ленин любил пугать: если будем делать ошибки — „полетим“.

Любопытны штрихи вроде того, что однажды в Париже „мы с Лениным „пропивали“ выход его книги и сидели до утра в кафе“ (не знаю, право, кого могла интересовать его книга, кроме горстки социал—демократов. — *Д.В.*)¹¹¹. Не сложись редчайшая, уникальная комбинация социальных, политических, военных факторов в России 1917 года, о Ленине люди сегодня знали бы неизмеримо меньше, чем, допустим, о Плеханове, действительно великолепном революционном теоретике и писателе...

Но все достаточно редкие оригинальные находки тонут в многословной россыпи зиновьевского пустословия. Его частые утверждения, что „Ленин родился гением“¹¹², воспринимаются как желание утвердить себя „правоверным“, настоящим большевиком. Ведь писал все это о Ленине Зиновьев в 1933—1934 годах*. Правда, иногда Зиновьев (что было очень редко) уже после революции допускал в своих выступлениях критику Ленина. Выступая 27 ноября 1923 года на Всероссийском съезде работников просвещения, когда вождь большевиков был беспомощен, Зиновьев затронул тему, как ошибались Маркс и Энгельс в определении сроков

*Во множестве статей Зиновьева Ленин величается как человек с „гениальной интуицией“, „гений мировой революции“, „гений ленинизма“ и т.д.

прихода социалистической революции. „Я должен сказать, — заявил докладчик, — что такой же грех случался и с В.И.Лениным“¹¹³. Но это было эпизодом. Славить Ленина стало не только обязанностью, но и признаком хорошего партийного тона.

Тем более что Зиновьев и Каменев вскоре были вынуждены это делать и по прагматическим соображениям — нужно было выжить.

Ни Зиновьев, ни Каменев, ни кто другой не могли уже претендовать на умершего Ленина, он стал „собственностью“ Сталина. И эта необычная монополия нового вождя сделала его неуязвимым.

После 1926 года, когда Зиновьев был выведен из состава Политбюро, его время делилось между попытками борьбы со Сталиным, покаяниями и занятием второстепенных постов, куда его посылал новый вождь. В 1930 году Зиновьев, не имевший высшего образования, был назначен ректором Казанского университета, в декабре 1931 года — заместителем председателя Государственного ученого совета...

Но Зиновьев помнил свою близость к Ленину и полагал, что это рано или поздно поможет ему вернуться на вершину власти...

При всем том, что Каменев считался „сиамским близнецом“ Зиновьева, их роли в ленинском окружении были разными. Каменев не жил так долго вместе с Лениным, как Зиновьев, не прятался с ним, как тот, в шалаше, не ехал в „пломбированном вагоне“ в Россию, но есть основания считать, что чувства Ленина к Льву Борисовичу были глубже. Дело не только в том, что Каменев был заместителем Председателя Совнаркома и заместителем Председателя Совета Труда и Оборона и мог в „деле“ глубже узнать Ленина. У Каменева было больше внутренней порядочности, что не мог не заметить циник по натуре Ленин. Обычно, как замечено мною, люди больше видят в своих партнерах, собеседниках, товарищах то, чего нет в них самих. Каменев был, конечно, российским большевиком, но в нем, как и в Пятакове, Луначарском, Рыкове, не было непрременной жесткости, доходящей до жестокости, что обычно отмечал певец диктатуры Ленин. Каменев мог поднять голос против произвола, прислушаться к зову такого чужого для большевиков

чувства, как человеческое сострадание. Вдове крупнейшего теоретика анархизма П.А.Кропоткина, умершего в России в 1921 году, чинили препятствия на выезд из страны. Ленин поддерживает ее просьбу не без влияния Каменева.

В 1921—1922 годах встречи Ленина с Каменевым весьма часты и продолжительны¹¹⁴. Я думаю, что Каменев мог влиять на Ленина исподволь, незаметно. Это влияние я объясняю умеренностью, высокой выдержкой и спокойствием Каменева, чего так не хватало Ленину. Луначарский в своем очерке о Каменеве отмечал, что „он считался сравнительно мягким человеком, поскольку дело идет о его замечательной душевной доброте. Упрек этот превращается скорее в похвалу, но, быть может, верно и то, что сравнительно с такими людьми, как Ленин или Троцкий, Свердлов и им подобными, Каменев казался слишком интеллигентным, испытывал на себе различные влияния, колебался“¹¹⁵.

Ленин наиболее близко познакомился с Каменевым, когда тот выполнял задание контролировать вопрос о „держательских деньгах“. Хотя с Зиновьевым за рубежом Ленин и Крупская общались неизмеримо больше, с Каменевым, женатым на сестре Троцкого, в одно время установились тоже весьма близкие связи. В апреле 1913 года Каменев получает письмо от Ленина: „Итак, летом свидимся. Милости просим. Мы сняли дачу около Закопане (4—6 часов от Кракова, станция Поронин) с первого мая до первого октября; есть комната для Вас. Зиновьевы недалеко...“¹¹⁶ Ленину импонировало мягкое спокойствие Каменева и его высокая готовность исполнять поручения. Пожалуй, что Ленин даже любил Каменева.

Ленину не помешало после резкого октябрьского конфликта в 1917 году, вскоре после захвата власти, поддержать предложение о назначении Каменева Председателем ВЦИК. Каменев неоднократно выполнял специальные, часто щекотливые поручения Ленина по улаживанию различных дел в качестве личного его представителя. Например, известно, что в 1918 году, в январе месяце, Каменев ездил в Англию и Францию в связи с готовящимся подписанием Брестского мира. Однако посланец был выдворен из Англии через Финляндию, не выполнив задания.

Ленин привык давать Каменеву не только государствен-

ные партийные поручения, но и бытовые, хозяйственные: „12 или 13 приезжает Горький. Можете ли распорядиться дать ему дров?“¹¹⁷ Или: „Тов. Каменев! Очевидно, Ваше распоряжение о дровах для т. Горького не выполняется. Кормят обещаниями. Тов. Гильбо жалуется. На квартире у него 0°. Нужно отдать под суд виновного в неисполнении Вашего распоряжения...“¹¹⁸ Ленин просит помочь детям И.Ф.Арманц в уходе за ее могилкой¹¹⁹, дает десятки других мелких поручений Каменеву.

Но думаю, Каменев в судьбе Ленина сыграл наибольшую роль как публикатор, издатель ленинских работ. Еще в 1907 году Каменев по договоренности с Лениным пытался издать трехтомник его работ под названием „За 12 лет“. Ленин без ложной скромности считал, что написанное им после 1885 года достойно общественного внимания. Каменев заключил договор с издательством социал-демократов „Зерно“, но по ряду причин замысел не удался. Главная причина: после выхода первого тома он не был раскуплен.

После вывода Каменева из состава Политбюро в 1926 году судьба, а точнее, Сталин бросали его на разные участки „социалистического строительства“. Был он наркомом торговли, полпредом в Японии, полпредом в Италии, членом дирекции Института Ленина. В 1934 году назначается директором Литературного института. Казалось, здесь он сможет наконец остановиться и что-то сделать. По ряду косвенных признаков я могу судить, что Каменев хотел написать воспоминания о Ленине, поскольку он больше, чем кто-либо другой, был знаком с литературным наследием вождя.

Каменев первый, кто ознакомился с личным архивом Ленина, на базе которого впоследствии и возник институт соответствующего наименования. Видимо, было справедливо, что Каменев стал и его первым директором. Уже Каменев „отсеял“ при публикации многие письма, записки, распоряжения Ленина, ибо они не „работали“ на ленинизм. В последующем это стало большевистской традицией: показывать, освещать Ленина народу только с одной, „выгодной“ стороны.

Сам Каменев не оставил „сочинений“, хотя томов на пять-шесть и набралось бы. Заслуживают внимания, на наш взгляд, выступления Каменева, посвященные памяти Лени-

на, предисловия к ленинским работам, размышления о Мартове, материалы, являющиеся фактической хроникой внутрипартийных разногласий, переписка Сталина и Каменева. Достаточно информативны материалы Швальбе — личного секретаря Каменева¹²⁰.

Как мы уже писали, Каменев неважно писал политические статьи, но гораздо лучше — литературные очерки. Я уже упоминал книгу о Чернышевском, назову статью о Гёте, предисловия к тургеневским романам, статьи-рецензии на книги „Репин“, „Андрей Желябов“, „Ломоносов“ и другие¹²¹.

Судьба Зиновьева и Каменева печальна. В разгоревшейся после смерти Ленина междоусобице они делали слабые политические ходы. Сначала „близнецы“ помогали генсеку устранить Троцкого, а затем и сами попали под жернова страшного сталинского аппарата. Крушение ленинских оруженосцев нельзя объяснить только различием курсов, борьбой „уклонов“ и платформ. Ленин создал Систему, где на вершине власти было место только одному вождю. Только одному! Но претендентов, особенно вначале, было гораздо больше.

Когда же Сталин одержал над ними политический верх, эти люди стали ему мешать как напоминание о Ленине. Сталин не мог смириться и забыть, что Зиновьев, Каменев, как и другие „октябрьские вожди“, были во многих отношениях ближе к Ленину, нежели он. В этих людях Сталин видел потенциальных соперников. Это роковым образом предопределило их судьбу. Глупые, часто смехотворные выдумки о заговорах и тайных „центрах“ — лишь антураж того процесса, который окончательно утвердил монополию Сталина на Ленина и его наследство.

Первое время „близнецы“, особенно Зиновьев, еще верили в возвращение наверх. Когда 6 ноября 1929 года Зиновьева „проверяли“ на коммунистической ячейке Центросоюза, отвергнутый Сталиным Григорий Евсеевич заявил: „Я думаю, что со временем (и это время, надеюсь, не так далеко) Центральный Комитет даст мне возможность приложить силы на более широкой арене...“¹²² Наивные надежды... Он плохо изучил „верного ленинца“ — Сталина.

Сталин не мог забыть, что при Ленине того же Зиновье-

ва славили куда больше, нежели совсем неприметного Сталина. Когда Троцкий в сентябре 1918 года закончил свою речь перед Петроградским Советом словами: „Мы ученики Ленина, мы стремимся к тому, чтобы хоть капельку походить на этого пламенного трибуна международного коммунизма, на величайшего пророка и апостола социалистической революции...“ — раздалась, как записано в стенограмме, „бурные аплодисменты“. Когда же председательствующий на собрании Зорин прокричал в зал: „Да здравствует лучший ученик товарища Ленина — товарищ Зиновьев!“ — собрание, как утверждает та же стенограмма, разразилось „бурной овацией“¹²³.

Пожалуй, никто, как Зиновьев, не был способен так славить Ленина. По случаю смерти Ленина Зиновьев заявил в своей речи: „Ленин — это Ленин. Могуч, как океан, суров и неприступен, как Монблан, ласков, как южное солнце, велик, как мир, человечен, как дитя...“¹²⁴ Сталин, с его коварством, не мог допустить, чтобы мертвого Ленина с его „ленинизмом“ перехватили другие. Не смогли. Не перехватили.

В десятую годовщину смерти Ленина, в январе 1934 года, Зиновьев написал по этому поводу статью, которую никто не хотел публиковать. Там есть такое место, где Зиновьев приводит цитату из Ленина и пишет: „Эту цитату т. Сталин — продолжатель дела Ленина — смог в начале 1933 года подкрепить данными победоносно завершенной первой пятилетки...“ Затем перед словом „продолжатель“ вставляет слово „великий“...¹²⁵ А ведь Зиновьев знал, кем на самом деле был этот „великий“... Какие чувства испытывал он, уже вынужденно славя удачливого вождя?

Зиновьев чувствует, что хватка Сталина все крепче. Сопратник Ленина уже совсем не думает, как в первые годы после смерти вождя, о возвращении на холм власти, а пытается просто выжить. Бывший „лучший ученик“ Ленина ищет способы продемонстрировать свою лояльность к Сталину. На письменные просьбы принять их с Каменевым генсек не отвечает. Остается одно — все активнее включиться в хор славословия Сталина. Ведь он — обладатель такого сильного и звонкого голоса...

Выходит очередная книга генсека „Марксизм и национально-колониальный вопрос“. Зиновьев тут же пишет ста-

тью (которую вновь никто не хочет брать) „Из золотого фонда марксизма–ленинизма“. Нужно сделать записку сразу же; Зиновьев начинает статью на высокой ноте:

„Есть в сокровищнице марксизма–ленинизма некоторое количество таких книг, без которых не может обходиться ни один марксист и которые составляют золотой фонд мирового коммунизма. Таких книг у нас по количеству немного. Да тут количество и не важно. Этих книг немного, но именно они составляют самое драгоценное состояние мирового рабочего движения. В этой „могучей кучке“ книг одна из работ товарища Сталина уже давно — и вполне заслуженно — заняла выдающееся место. Мы говорим, конечно, о его „Основах ленинизма“. Теперь новая книга столь же заслуженно займет место среди самых выдающихся произведений марксизма–ленинизма...“¹²⁶

Но спасения нет. Может быть, и потому, что Зиновьев и Каменев были столь близки к Ленину. Это не забывается и... не прощается. „Продолжатель“ вождя должен быть один...

После убийства Кирова — арест. Почти сразу, уже 17 декабря, Каменев, отец троих сыновей (двое — Юрий и Владимир — от второй жены Т.И.Глебовой), чтобы спасти себя, решил отмежеваться от Зиновьева. Этим дистанцированием он надеялся облегчить свою участь. На вопрос следователя Рутковского о его теперешних отношениях с Зиновьевым заявил: „...в моих отношениях к Зиновьеву произошло сильное охлаждение. Однако ряд бытовых условий (совместная дача) не дал мне возможности окончательно порвать связь с ним. Считаю необходимым отметить, что, живя на одной даче летом 1934 года, мы жили совершенно разной жизнью и редко встречались. Нас посещали разные люди, и мы проводили время отдельно. Бывавшие у него на даче Евдокимов и, кажется, Ку克林 были гостями его, а не моими. Находя это положение все же для себя неприемлемым, я при первой же возможности стал строить себе дачу по другой железной дороге. Еще в период совместной борьбы с партией я никогда не считал Зиновьева способным руководить партией, последние же годы подтвердили мое убеждение, что никакими качествами руководителя он не обладает“¹²⁷.

Зиновьев же слезно просил о снисхождении в своих

письмах на имя Сталина, Ягоды и Агранова. В письме к Сталину есть такие строки: „Я не делаю себе иллюзий. Еще в начале января 1935 года в Ленинграде, в доме предварительного заключения, секретарь ЦК Ежов, присутствовавший при одном из моих допросов, сказал мне: „Политически вы уже расстреляны“.

Здесь же Зиновьев просил Сталина: „Умоляю Вас поверить мне в следующем. Я не знал, абсолютно ничего не знал и не слышал и не мог слышать о существовании за последние годы какой-либо антипартийной группы или организации в Ленинграде“¹²⁸. Но о Каменеве он уклонился что-либо сказать.

Может быть, это повлияло и на окончательный приговор соратникам Ленина, вынесенный тем же В.В.Ульрихом при членах Военной коллегии Верховного суда Союза ССР И.О.Матулевиче, А.Д.Горячеве 16 января 1935 года. Один из главных инквизиторов сталинского режима зачитал на суде:

„В результате контрреволюционной деятельности „Московского центра“ в отдельных звеньях зиновьевского контрреволюционного подполья вырастали чисто фашистские методы борьбы, появились и крепили террористические настроения, направленные против руководителей партии и правительства, что и имело своим последствием убийство товарища С.М.Кирова...“

Военная коллегия приговорила:

„I. Зиновьева Григория Евсеевича, как главного организатора и наиболее активного руководителя „Московского центра“, руководившего деятельностью подпольных контрреволюционных московских и ленинградских групп, к тюремному заключению на десять лет.

II. Каменева Льва Борисовича, являвшегося одним из руководящих членов „Московского центра“, но в последнее время не принимавшего в его деятельности активного участия, к тюремному заключению на пять лет...“¹²⁹

Через десять дней Зиновьев был отправлен в Верхнеуральский лагерь, а Каменев вначале в Челябинский. Но печальная одиссея „близнецов“ на этом не закончилась. Сталин решил, что даже потенциальных свидетелей и участников реальной расстановки людей в ленинском окружении не должно быть. Толкователем Ленина может быть только

он. Следуют телеграфные распоряжения (легенды о вражеской деятельности, конечно, уже сочинены).

„Верхнеуральск. Тюрьма НКВД. Бирюкову.

Отдельным купе арестантском вагоне, усиленным конвоем во главе вашего помощника отправьте в Москву в мое распоряжение Зиновьева.

Через два дня, тем же порядком, лично, при вашем сопровождении направьте Каменева. Под вашу личную ответственность обеспечьте полную секретность отправки Зиновьева и Каменева как от заключенных, так и работников тюрьмы и тщательное наблюдение пути.

О времени отправки, номерах поездов и вагонов донесите телеграфно. Молчанов¹³⁰.

На втором процессе Зиновьев и Каменев были уже сговорчивей. В ответ на обещание Сталина сохранить им жизнь они соглашались со всеми фантастическими обвинениями. Факт вызова Зиновьева и Каменева в Кремль в начале следствия мною установлен. Но о содержании разговора между ними и Сталиным можно только догадываться. На Западе думали, что арестованные еще при первом процессе могли бы припугнуть диктатора, как писала парижская газета „7 дней“, что, если их осудят, „за границей их друзья опубликуют компрометирующие Сталина документы“¹³¹. Но то ли Сталин не боялся шантажа, то ли документов этих не было, но события стали развиваться по сценарию Кремля.

Вот фрагмент допроса во время следствия 28 июля 1936 года.

„Вопрос: Следствием по Вашему делу установлено, что центр организации тщательно разработал план заговора. Дайте показания по этому вопросу.

Зиновьев: Политической целью заговора было свержение ЦК ВКП(б) и советского правительства и создание своего ЦК и своего правительства, которое состояло бы из троцкистов, зиновьевцев и правых...

Конкретно план переворота сводился к следующему:

Мы считали, что убийство Сталина (а также и других руководителей партии и правительства) вызовет замешательство в рядах руководства ВКП(б).

Мы предполагали, что Каменев, Зиновьев, И.Н.Смирнов,

Рыков, Сокольников, Томский, Евдокимов, Смилга, Мрачковский и другие вернутся при таком обороте событий на руководящие партийные и правительственные посты...

Троцкий, я и Каменев должны были по этому плану сосредоточить в своих руках все руководство партией и государством...¹³²

Дальше все в том же духе...

Иногда Зиновьев в своих письмах из тюрьмы Сталину опускается до глубочайшего унижения: „...я дохожу до того, что подолгу пристально гляжу на Ваш и других членов Политбюро портреты в газетах с мыслью: родные, взгляните же в мою душу, неужели же Вы не видите, что я не враг Ваш больше, что я Ваш душой и телом...“. Зиновьев подписывает уже свои письма Сталину: „Всею душой теперь Ваш — Г.Зиновьев“.

Перед лицом смерти последний экзамен в жизни на достоинство...

„Ленинцы“ пожирали „ленинцев“...

Об остальном, читатель, вы прочли на первых страницах этого раздела. Вечная мгла поглотила неразлучный tandem ленинских соратников. Система безжалостно уничтожала своих творцов.

...Кому сообщить об „отмене судебного дела за отсутствием в их действиях состава преступления“, последовавшей в июне 1988 года? Прозревающее правосудие в затруднении.

У Каменева обнаружены внук — Кравченко Виталий Александрович и жена сына Александра — Кравченко Галина Сергеевна. У Зиновьева „сведений о родственниках не обнаружено“, как гласит постановление Верховного суда СССР¹³³. Все были беспощадно сметены в небытие большевистским серпом террора.

Зиновьев и Каменев — одни из архитекторов преступной Системы и ее мученики.

...Время своим саваном укрывает ушедшее и ушедших.

„Любимец всей партии“

Ленин, в предвидении своего ухода в мир иной, дал очень странную характеристику Бухарину, которого он, судя по всему, весьма ценил.

Зимним днем 24 декабря 1922 года, когда сумерки уже готовятся натянуть свой серый полог над землей, Ленин диктовал М.А.Володичевой характеристики, которые, пожалуй, не столько проясняют ситуацию, сколько запутывают ее. Напомню эти слова.

„Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно них надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены вполне к марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики)“¹³⁴.

Представляется, что это одно из самых парадоксальных умозаключений Ленина: „ценнейший и крупнейший теоретик партии“ и здесь же — „никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики“. Такая высокая оценка одного из „выдающихся сил“ партии и одновременно — „его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским...“. „Схоластическое“ в Бухарине — и вдруг: „законно считается любимцем всей партии...“.

Думаю, что приведенный фрагмент свидетельствует не столько о „воззрениях“ Бухарина, сколько о взглядах самого Ленина. Например, что касается политической „диалектики“, то, если суммировать все сказанное Лениным, она смогла выглядеть как превращение диктатуры одного класса в диктатуру одной партии, а затем — в диктатуру вождя. Ленин не говорил прямо о такой „диалектике“, но она вытекала из его анализа, а главное — практических действий. Бухарин был более мягок, чем все остальные вожди, а это такой недостаток, который не мог позволить Бухарину вполне „понимать диалектику“. Это не укладывалось в жестокую философию Ленина. В этом все дело.

Живость мысли, энергия публициста, преданность идеалам коммунизма и самому Ленину показали вождю достаточно точными, чтобы объявить Бухарина „любимцем партии“. Думаю, что рядовые члены РКП не только не подозревали об

этом, но многие и не знали о существовании самого Бухарина.

Вокруг Ленина было много недоучившихся вождей: Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев и Бухарин тоже. Профессиональный революционаризм Ленин ценил выше, чем университетские курсы.

„Ценнейший и крупнейший теоретик партии“ вначале был откровенным адептом левого коммунизма с его ставкой на мировую революцию и безграничную эффективность диктатуры пролетариата. Через несколько лет Бухарин — уже лидер правого коммунизма, с его упором на постепенность, компромиссы, умеренность. Между этими полюсами большевистского спектра лежит десятилетие. Что же исповедовал Бухарин „посредине“ этих лет? Ведь не мог быть переход из одного „уклона“ в другой мгновенным? Каков же Бухарин, несомненно личность неординарная, талантливая, эмоциональная, был в „теории“ на самом деле?

Ответить на этот вопрос очень помогает малоизвестная книжка Н.И.Бухарина „О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем“¹³⁵. Труд написан в форме ответов академику И.Павлову как раз „посредине“ десятилетия между левыми и правыми большевистскими воззрениями Бухарина, в 1924 году. Шестьдесят страниц бухаринской работы достаточно полно дают ответ о содержании его теоретических взглядов.

Академик Павлов, обладая духовной смелостью, как почти каждый подлинный ученый, заявил в своей вводной лекции, что „марксизм и коммунизм не абсолютная истина, в которой, может быть, есть часть правды, а может быть, и нет правды“. Павлов поставил под сомнение шансы мировой революции, вообще не увидел позитивного содержания в революции, которая ведет к деградации культуры. Павлов выступил против гражданских войн как средства достижения политических целей. Бухарин взялся все это решительно опровергнуть, назвав взгляды академика „тупиками“, предварительно пронумеровав их как „первый“, „второй“, „третий“ и „четвертый“. Что же утверждал Бухарин?

Обругав по ходу дела писателя Мережковского, философа Бердяева, отца Флоренского, Бухарин раскладывает „по полочкам“ свои теоретические воззрения.

Нет шансов мировой революции? Но это „павловский тупик номер первый“. Бухарин возражает, и читатель имеет возможность оценить глубину размышлений „выдающегося теоретика“ марксизма: „Совершенно очевидно, что мировая революция есть факт. Но что она находится в определенной фазе своего развития, когда пролетариат захватил только одну шестую суши, а не шесть шестых, — это тоже факт...“

Революция русская не имеет позитивного содержания? Но это „второй тупик мысли академика Павлова“. Для Бухарина все ясно: „Большевистская революция спасла страну от разгрома и превращения в колонию... Один выход из войны и неплатеж долгов являются двумя факторами, которые определили жизнь страны“. Теоретик считает, что позитивное содержание революции столь очевидно, что этого нет нужды доказывать. „Неплатеж долгов“ своим кредиторам — чего уж тут яснее... Как может думать академик, узнав об этом аргументе, что от „революции нет пользы“? Разбойничья логика не смущает Бухарина.

Разве гражданская война не ужасна, вопрошает Павлов. „Но это третий тупик академика“. Для Бухарина и здесь все ясно: „Без уничтожения власти капитала мы идем к гибели — вот что должно быть выжжено в каждом мыслящем мозгу. И ради спасения человечества мы должны идти на жертвы, которые требует революция...“ Автор книжки еще не знает, что Советская Россия принесет эти жертвы, чудовищные жертвы; только с 1929 по 1953 год будет репрессировано 21,5 млн. человек. И среди них сам Николай Иванович Бухарин... И это все „ради спасения человечества“? Здесь Бухарин обильно приводит ленинскую аргументацию о пользе революционного насилия.

Революция заводит культуру в никуда? Но это „тупик академика Павлова номер четвертый и последний“, считает Бухарин. Он особенно негодует, что Павлов приводит всякие там примерчики. „Сейчас на что-нибудь дают огромные деньги, например на Японию, в расчете на мировую революцию, а рядом с этим наша академическая лаборатория получает три рубля золотом в месяц...“

— Откуда это академик Павлов узнал об „огромных деньгах на Японию“? — вопрошает Бухарин.

Конечно, в контексте рассматриваемого спора этот вопрос частный, но мы-то сегодня знаем, что сотни миллионов, миллиарды рублей передала страна, ведомая бухаринскими и другими последователями Ленина, на „мировую революцию“ во все концы света.

Бухарин поучает академика: „Если положительный исход борьбы есть необходимая предпосылка для *всего остального*, то выбора нет: нужно жертвовать всем“. Вы чувствуете ленинское: жертвовать всем ради сохранения власти. Непонятно только, как в этом „тупике“ оказалась культура? Речь идет о жертвах, которые, по мысли теоретика, вполне оправданны. Академика удручает, например, факт *классового* приема в высшие учебные заведения. Но Бухарин и здесь ловко объясняет: в противном случае мы сползем к „целям либеральной буржуазии“, а это есть не что иное, как „вырождение“.

Все эти вопросы и сомнения академиков и профессоров Бухарин именует „идеологией, достойной каменного века“¹³⁶. Комментировать здесь нечего, только в пору спросить: так чьи же здесь тупики — Павлова или Бухарина?

Одно можно сказать: ответы академику Павлову — квинтэссенция взглядов Бухарина-теоретика, которые он отстаивал в 1918 году, от которых не отказался и в году 1929—м. Все дело в том, что трагическая личная судьба человека, душевность и совестливость этой личности стали как бы фирменным знаком и его теоретических взглядов, что не одно и то же. В своих более ранних работах, касающихся Бухарина, я грешил этими же ошибками. Персональная притягательность Бухарина не есть тождественность его теоретическим взглядам. Они так же „тупиковы“, как и у самого Ленина и всех его соратников-вождей.

Когда заместитель наркома внутренних дел Я.Агранов на докладе с замысловатой подписью: „Помощник начальника 7 отделения 4 отдела ГУГБ капитан государственной безопасности Коган“ наложил резолюцию: „Арестовать“, Бухарин три месяца отказывался давать „нужные“ показания. Наконец из Бухарина в июне 1937 года выколотили следующее:

„Наркомвнудел Н.И.Ежову
Заявление

После длительных колебаний я пришел к выводу о том,

что необходимо полностью признать свою вину перед партией, рабочим классом и страной и покончить раз и навсегда со своим контрреволюционным прошлым.

Я признаю, что являлся участником организации правых до последнего времени, что входил, наряду с Рыковым и Томским, в центр организации, что эта организация ставила своей задачей насильственное свержение Советской власти (восстание, госуд. переворот, террор), что она вошла в блок с троцкистско-зиновьевской организацией.

О чем и дам подробные показания.

Арестов. Н.Бухарин¹³⁷.

Когда ему дали бумагу, чернила для показаний, Бухарин начал с теоретических признаний. Думаю, сам этот факт должен был убедить уважаемого Николая Ивановича Бухарина, что его судьба, судьба тысяч и миллионов подобных несчастных — не случайность, а глубокая закономерность. Их судьба была спровоцирована марксизмом-ленинизмом, который на русской почве оказался кровавой диктатурой на практике, обоснованием этих преступлений в теории.

„Личные показания Н.Бухарина“ — потрясающий человеческий документ. „Ценнейший и крупнейший теоретик партии“ под давлением капитана госбезопасности Когана готов был признать что угодно. Поскольку чекисты не могли вникнуть в суть теоретических „заблуждений“ Бухарина, они приказали ему написать о них самому: в чем его преступные „ошибки“.

Многостраничные показания Бухарина оформлены им как философский трактат с подзаголовками: 1. Общие теоретические антиленинские мои взгляды. 2. Теория государства и теория диктатуры. 3. Теория классовой борьбы в условиях пролетарской диктатуры. 4. Теория организованного капитализма и т.д. Лишь в конце „трактата“, написанного в тюрьме НКВД, Бухарин говорит о политических вещах: своей борьбе против партии, зарождении его „школы“ с контрреволюционными целями и др.

Приведу лишь несколько фрагментов „теоретических показаний“, написанных собственноручно Бухариным. Возможно, это уникальный, единственный случай в следственной практике, когда подсудимый собственноручно пишет

материал для протокола, выискивая грехи в собственных теоретических взглядах.

„...Известно, что в „завещании“ Ленина указано, что я не понимал диалектики и серьезно ее не изучал. Это было совершенно правильное указание... Абстрактный схематизм гонится за „последними обобщениями“, отрывая их от многообразия быстротекущей жизни, и в этом мертвом подходе к процессам истории и исторической жизни лежит корень огромных моих политических ошибок, при определенной обстановке переросших в политические преступления...“¹³⁸

Бухарин каялся во всем, выступая уже не просто как „схоласт“, но и как антиленинец. „...Известно, что В.И. Ленин обвинял меня в том, что концентрирую все внимание на разрушении буржуазного государства — с одной стороны и на бесклассовом обществе — с другой... Именно здесь лежал один из корней позднейшей идеологии правых... Была недооценка мощи государственного аппарата возросшей и укрепившейся диктатуры пролетариата“¹³⁹.

Что правда, то правда. Бухарин явно недооценил чудовищной мощи террористической диктатуры. Система уже действовала по присущим ей законам тоталитарного общества. Его умная голова, лишь оказавшись под ножом сталинской гильотины, смогла оценить сатанинскую силу „государственного аппарата“.

„...В теории классовой борьбы в условиях пролетарской диктатуры я совершил коренную ошибку. Я делал вывод, что после сокрушения помещиков и капиталистов наступает этап „равновесия“ между пролетариатом и крестьянством... в котором классовая борьба затухает. Отсюда — вместо сокрушения кулачества — перспектива его мирного вставания в лозунг „Обогащайтесь!“¹⁴⁰.

Но, пожалуй, довольно. Перо Бухарина выводило в тюремной камере совсем не то, что он думал. Этой Системе не нужна теория, ей необходима светская религия и инквизиторы, которые следят за ее чистотой. Если бы Ленин мог увидеть и услышать, как капитаны государственной безопасности указуют „увязывать свою теорию со своими политическими преступлениями“? Надо признать, что Н.И.Бухарин делал „признания“ весьма профессионально. Возможно, эти несколько десятков листов „личных показаний“ Н.И.Бухари-

на" важнее многих ленинских томов, ибо в них крах и трагедия всего исторического замысла большевиков, их тотальное поражение.

Может быть, для читателя эти страницы покажутся скучными, но в них, поверьте, мне хотелось выразить весь глубокий трагизм умного человека, посвятившего себя служению утопической идее. Таких были миллионы. Я сам отдал утопии лучшие годы своей жизни, был жрецом ленинской схоластики, замешанной на реальных проблемах самой жизни, спекулирующей на вечной христианской идее социальной справедливости.

Думаю, что самые честные страницы жизни были прожиты Бухариным во время эпопеи с Брестским миром. Вероятно, Бухарин и его сторонники „левые коммунисты“ вздрагивали, когда Ленин, картавя, не раз повторял, что сию минуту Гофман не может взять Питер, взять Москву. „Но он может это сделать завтра, это вполне возможно... Перед нами вырисовывается эпоха тягчайших поражений, она налицо, с ней надо уметь считаться, нужно быть готовыми для упорной работы в условиях нелегальных, в условиях заведомого рабства у немцев...“¹⁴¹ Неужели могли думать те большевики, для которых отечество еще что-то значило, что революция свершилась только для того, чтобы жить в „условиях заведомого рабства у немцев“? А где же обещанный мир? Или ценою рабства?

Бухарин мог вспоминать, лежа на тюремных нарах большевистской тюрьмы, как он в запальчивости выкрикивал на VII съезде партии слова, теснившие его ум и сердце:

— Такой ценой нельзя покупать двухдневную передышку, которая ничего не даст. Вот почему, товарищи, мы говорим, что та перспектива, которую предлагает т. Ленин, для нас неприемлема¹⁴².

Как все это было давно... Но тогда он был честным перед собой, о чем и писал Сталину из тюрьмы 15 апреля 1937 года: „Я искренне думал, что Брест — величайший вред. Я искренне думал, что твоя политика 28/29 годов — до крайности опасна. Из линии я шел к лицам, а не наоборот. Но что у меня было плохого, что меня подводило? Антидиалектическое мышление, схематизм, литературщина, абстрактность, книжность“¹⁴³.

Ленин внушил ему, что он не в ладах с диалектикой, и Бухарин многократно кается перед тюремщиками, перед недоучившимся священником Джугашвили, перед Ежовым на допросе в своей „антидиалектичности“. Это не просто признак излома личности обстоятельствами, а наивная вера в то, что раскаяниями в несуществующих грехах можно испросить себе прощение.

А ведь Ленин любил Бухарина (но не партия, которая никого не любила, как и подобает ордену). Вождь значительно меньше писал Бухарину, чем другим своим соратникам из окружения. Ленин любил беседовать с Бухариным, нередко проявляя просто отеческую заботу о молодом соратнике.

Большевики, едва-едва почувствовав, что усидят в Москве, что власть останется у них, стали пристально присматривать за своим драгоценным здоровьем. Уже в двадцатом году вожди стали регулярно ездить на лечение в Германию, вызывали к себе оттуда врачей для консультаций, заказывали дорогие лекарства. При этом отпуска брали на 2—3 месяца. Особенно любили подолгу отдыхать Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Иоффе и некоторые другие большевистские руководители.

Так вот, в марте 1922 года Бухарин с женой выехал на отдых в Германию. Ленин поручал послам следить за лечением, отдыхом партийных руководителей и сообщать об этом в Москву. В этом смысле весьма любопытно письмо Ленина в Берлин, датированное 26 апреля 1922 года.

„Строго секретно.

Копия Сталину.

Тов. Крестинский.

Очень благодарю за присланное лекарство. Хотел бы поговорить насчет Бухарчика. Смилга рассказывает мне, что ведет он себя безобразно. Не лечится толком. Слухи о покушении на него (готовящемся) выводят его из себя и т.д.

Покушение вполне возможно, и противник имеет много шансов на успех. Я предлагаю поэтому следующее:

Бухарина вызвать сюда. Через месяц (или полтора) мы его пошлем назад, к жене.

За это время подготовить:

1. Перевод его жены в другую санаторию, где меньше

белых, где в окрестностях больше рабочих немцев-коммунистов. Вероятно, можно найти такое место в Саксонии.

2. За это же время подготовить 2–3-х немецких рабочих-коммунистов, не болтунов, и их поселить без ведома Бухарина около его санатории, для охраны. Это трудно сделать, ибо все и вся — болтуны, пустомели, хвастуны. Но это надо сделать.

3. Жене Бухарина назваться ее девичьей фамилией. Это ее право по нашим законам.

Очень прошу обделать все это толком, серьезно.

Привет. Ваш Ленин¹⁴⁴.

Целую операцию с „продолжением“ предлагает Ленин, чтобы Бухарин хорошо отдохнул в немецком санатории с женой. А на дворе страны, где пепел и разруха, едва-едва гражданская война стихла... Но власть быстро портит людей. Ибо любая власть, в принципе, сколь необходима, столь и порочна.

Бухарин был в своем роде партийным аристократом. Он много работал над собой, обладал весьма обширными знаниями. Николай Иванович не мог не чувствовать, что в интеллектуальном развитии он выше ворошиловых, молотовых, кагановичей.

„Ранний Бухарин“ был ортодоксален. Как Ленин. В своей „Теории пролетарской диктатуры“, написанной в 1919 году, Бухарин также размашисто непримирим: люди из II Интернационала — это „пустопорожние болтуны из живых трупов“. Один из них — Каутский, это человек, который занимался „лизанием генеральского сапога“. Для Бухарина Лига Наций — „дребедень“. Здесь он полностью похож на Ленина. Так же как Ленин, Бухарин утверждает, что суть власти пролетариата — только „диктатура“. Он пишет, что „пролетариат не только не дает никаких „свобод“ буржуазии — он применяет против нее меры самой крутой репрессии: закрывает ее прессу, ее союзы, силой ломает ее саботаж и т.д.“¹⁴⁵.

Бухарин, как и Ленин, превозносит принцип классовой борьбы, монополии одной партии, призрачности буржуазной демократии. Он за строгое централизованное, плановое хозяйство. Он ни в чем не расходится с Лениным.

Позже, в конце двадцатых годов, зрелый Бухарин вносит нечто новое, окололиберальное, в свои социально-экономические взгляды, которые усугубили его политическое положение и привели к утрате престижного положения в партийной иерархии. В своем докладе „Политическое завещание Ленина“, сделанном 21 января 1929 года, Бухарин, защищая и развивая ленинизм, говорил и нечто нетрадиционное. Так, индустриализацию страны, по Бухарину, нельзя осуществлять путем „переобложения крестьянства“, нужно „зацеплять крестьянина за его интересы“, нужно учитывать его „собственные выгоды“¹⁴⁶. Не случайно до самой смерти Бухарин не смог отмыться от обвинений в „защите кулака“, разжигании „частнособственнического интереса“, курсе на „личное обогащение“.

Бухарин не был еретиком и оппортунистом. Он просто видел несуразности марксизма, отвергающего глубинный двигатель экономического прогресса — интересы. Он попытался „слегка уточнить, скорректировать“ традиционные взгляды. И не просто уточнить, но и увязать их с конкретным политическим курсом партии. Бухарин быстро попал в уклонисты и по закону большевистской логики должен был от „теоретической борьбы перейти к политической, а затем и террористической“. Бухарин пытался любыми способами выбраться из „осады“, не брезгуя никакими приемами. Он стал защищать не столько свои „чуть-чуть“ еретические взгляды, сколько самого себя. Защита была тоже большевистски традиционной: Бухарин обрушился на Троцкого. Взяв на прицел, например, заявление Троцкого о „правой опасности“ в июле 1928 года, Бухарин называет этот документ „неслыханно клеветническим и кликушеским“¹⁴⁷. Бухарин пытается удержаться „на плаву“, безжалостно добивая уже поверженного Троцкого накануне его депортации.

Троцкий же был более снисходительным к Бухарину, хотя высмеивал его весьма обидно и едко. „Бухаринская борьба с оппозицией, — писал он осенью 1927 года, — ужасно напоминает стрельбу перепуганного насмерть солдата: глаза зажмурит, винтовку ворочает над головой, патроны расстреливает в бешеном количестве, а процент попадания равен нулю. Такая бешеная трескотня сперва оглуша-

ет и может даже испугать необстрелянного человека, не знающего, что стреляет, зажмурив глаза, до смерти перепуганный Бухарин¹⁴⁸.

Уже позднее, будучи в изгнании, Троцкий дал довольно оригинальную характеристику Бухарина через призму ленинского отношения к нему.

„В характере Бухарина, — вспоминал Троцкий, — было нечто детское, и это делало его, по выражению Ленина, любимцем партии. Он нередко и весьма задорно полемизировал против Ленина, который отвечал строго, но благожелательно. Острота полемики никогда не нарушала их дружеских отношений...

Вспоминается такой эпизод на заседании Политбюро. Когда Англия круто переменяла свою политику по отношению к Советам, перейдя от интервенции к предложению заключения торгового договора... все, помню, были охвачены одной мыслью: это серьезный поворот... Неожиданно раздался голос Бухарина:

— Вот так штука! События на голову встанут! — Бухарин посмотрел на меня.

— Становитесь, пожалуйста, — ответил я.

Бухарин побежал с места, подбежал к кожаному дивану, уперся руками и поднял вверх ноги. Постояв так минуту-две, он с торжеством вернулся в нормальное положение. Мы посмеялись, и Ленин возобновил заседание Политбюро. Таков был Бухарин и в теории и в политике. Он при всех своих исключительных способностях нередко становился ногами вверх...¹⁴⁹

Судьба Бухарина, как и многих других соратников Ленина, трагична. Может быть, поэтому в процессе реабилитации долго считалось, что его курс и методы в экономике и особенно сельском хозяйстве прогрессивны. Я тоже считал так когда-то, работая над книгой „Сталин“. Но позднее более внимательное знакомство с творчеством Бухарина и уже более спокойное отношение к „открытиям“ трагического прошлого позволяют с огорчением сказать: идеи Бухарина мало чем отличались от официальной „линии“. Может быть, некоторая разница была лишь в тактике и сроках реализации партийных директив. Бухарин мог критиковать не курс, а его „троцкистские“ извращения, бездарное планирование,

кулацкое „торможение“. Редактор „Известий“ Бухарин интуитивно чувствовал гибельность курса, но мог сказать об этом лишь несколько раз очень туманными намеками.

Сталин еще несколько лет после разгрома „правых“ позволял Бухарину чувствовать себя если не „любимцем партии“, то хотя бы нужным ей человеком. У Бухарина был очень мягкий и слабый характер. Фактически все тридцатые годы до самого ареста и, естественно, после него Бухарин стремился вернуть расположение Сталина, иногда доходя до глубокого унижения своего достоинства, сочиняя даже поэму, посвященную удачливому вождю.

Временами Коба (Бухарин почти до конца так обращался к Сталину, рассчитывая восстановить бывшие хорошие отношения) давал Бухарину надежду. Боже, сколько „любимец партии“ написал в тридцатые годы Сталину писем! Возможно, их хватило бы на целый том... или больше. Временами Сталин ослаблял хватку. Затем вновь появлялись зловещие симптомы преследований и ареста. Бухарин вновь писал длинное письмо с объяснениями и выражениями своих искренних и добрых чувств к вождю.

„Дорогой Коба!

Я был в большом смятении, когда ты меня разносил за Эренбурга. Ты между прочим сказал, что я—де мало бываю в редакции. Между тем я бываю ежедневно. В последнее время уходил, просидевши всю ночь... Два последних дня я действительно не был в Москве. Мне было поручено в 3 дня написать брошюру о Калининне...

Посылаю тебе только что сделанную брошюру как вещественное доказательство. Ибо тебя, очевидно, информируют мои друзья, которые в чем-то особенно заинтересованы.

Я тебе пишу открыто и прямо, ты не сердись. Если ты считаешь, что я „фамильярничаю“ и что я не так себя веду по отношению к тебе, скажи мне об этом.

Твой Бухарин¹⁵⁰.

Бухарин хочет вернуть ленинские дни, когда соратники называли друг друга на „ты“, подсиживали друг друга лишь политически и еще не прибегали к будущим сталинским методам козней.

Возможно, эта переписка (впрочем, это письма—моноло-

ги) уникальна как по объему, так и по той страсти вымолить прощение, которые демонстрировал Бухарин. Писал узник не только Сталину, но и ближайшему его окружению. Вот письмо Ворошилову после расстрела Зиновьева и Каменева. На процессе они не пощадили Бухарина...

„Дорогой Климент Ефремович.

Ты, вероятно, уже получил мое письмо членам Политбюро и Вышинскому: я писал его ночью сегодня в секретариате тов. Сталина с просьбой разослать: там написано все существенное в связи с чудовищно-подлыми обвинениями Каменева... Что расстреляли собак — страшно рад... Если к моменту войны буду жив — буду проситься на драку (некрасно словцо), и ты тогда мне окажи последнюю эту услугу и устрой в армию хоть рядовым...

Извини за сумбурное письмо: у меня тысячи мыслей, скачут как бешеные лошади, а поводьев крепких нет.

Обнимаю, ибо чист.

1.IX.36 г.

Ник. Бухарин¹⁵¹.

Как далеко было от ленинской атмосферы, когда вожди ругались, интриговали, сколачивали противостоящие группы, но вождь стоял над всеми. Уничтожали других, но не себя. Партверхушка еще не знала, что скоро будут физически расправляться друг с другом.

„Дорогой Коба.

Пишу тебе по совершенно исключительному случаю... Я очень прошу... заставить прекратить допросы обо мне через моих подчиненных; если райкому или МК что-либо интересно знать обо мне, то пусть допрашивают меня, хотя доколе будет это недоверие? Поэтому нельзя ли им сказать, что этикие допросы уже стали неприличными!

Прошу простить за взволнованный тон и сбивчивость письма.

Твой Н.Бухарин¹⁵².

„Взволнованный тон“ бывал у Бухарина и во взаимоотношениях с Лениным. Особенно часто споры разгорались в 1919 году, когда он был привлечен к работе, возглавляемой Лениным, по программе Коминтерна. Бухарин был, как и во времена противоборства по Брестскому миру, запальчив, эмоционально несдержан. Тогда он еще не отошел от своих леворадикальных воззрений. Ленин критиковал Бухари-

на порой весьма больно, однако, питая явную слабость к революционеру, давал ему новые и новые политические поручения.

Так, в апреле 1919 года в ЦК была получена декларация екатеринославских эсеров, в которой они выпячивали на первый план в революционной деятельности национальный аспект, ставили под сомнение диктатуру пролетариата (а как же крестьянство?), возражали против тесного союза Украины и России. Ленин придал документу большое значение, но не стал заниматься проблемой сам, а поручил ее Бухарину. Вождь верил, что в основных вопросах политики Бухарин не „качнется“ больше.

„т. Бухарин!

Напечатайте сие с обстоятельным и спокойным разбором, доказывая *детально*, что *такие* колебания социалистов-революционеров в сторону кулака и отделения от России, т.е. *дробление* сил, перед Колчаком и Деникиным *объективно* ведут к помощи буржуазии и Колчаку“¹⁵³.

Долгими ночами Бухарин лежал на нарах с открытыми глазами; Ленин доверял, а Сталин не доверяет... Вся его борьба, как на черно-белой киноленте, медленно проплывает в смятенном, воспаленном мозгу. Он помнит, что написал очередное (какое по счету?!) письмо.

„Тов. Сталину И.В.

Членам ПБ ЦК ВКП(б)

Дорогие товарищи!

Сегодня в „Правде“ появилась отрицательная статья, в которой бывшие лидеры правой оппозиции (а следовательно, очевидно, и я, Бухарин) обвиняются в том, что они шли рука об руку с троцкистами и диверсантами гестапо и т.д.

Сим я еще и еще раз заявляю:

1. Ни словом, ни делом, ни помышлением я не имел и не имею ничего общего ни с какими террористами каких бы то ни было мастей. Я считаю чудовищным даже намек на такое обвинение...

2. При всех и всяких обстоятельствах, всюду и везде, я буду настаивать на своей полной и абсолютной невинности, сколько бы клеветников ни выступало против меня со своими клеветническими показаниями...

С комм. прив. Н.Бухарин“¹⁵⁴.

После письма Бухарина Сталину волна разносной критики как бы затихла. Загнанный „оппозиционер“ боялся спугнуть надежду: видимо, Коба прислушался, вспомнил годы совместной борьбы против Троцкого, убедился еще раз в его безусловной лояльности. Бухарин никогда не узнает, что Сталин действительно на этом его письме набросает размашистую резолюцию главному редактору „Правды“:

„Тов. Мехлису. Вопрос о бывших правых (Рыков, Бухарин) отложен до следующего пленума ЦК. Следовательно, надо прекратить ругань по адресу Бухарина (и Рыкова) до решения вопроса. Не требуется большого ума, чтобы понять эту элементарную истину.

И.Сталин⁴¹⁵⁵.

Он не знал, что Сталин решил расправиться с „любимцем партии“ по полной программе. Когда в феврале, накануне пленума ЦК, вновь взметнулась волна клеветы, Бухарин был сломлен или, точнее, сильно надломлен. Он еще не мог понять, что именно он вместе с Лениным, Троцким, Сталиным, со всеми теми, кто собирался его судить, создали такую Систему, жернова которой безжалостны. Это было ритуальное заклятие: враги обязательно должны быть! Шпионы и террористы — тоже. Желательно из высшего эшелона власти. Система, чтобы существовать как осажденная крепость, должна была постоянно бороться, выискивать неприятеля, уничтожать всех, кто хотел подорвать ее стены и башни. Но Бухарин сам активно строил эту крепость.

Он помнит, что накануне пленума, собравшись с силами, пишет 20 февраля 1937 года еще одно очередное письмо в Политбюро. Бухарин пытался бороться.

„Дорогие товарищи!

Пленуму ЦК я послал „заявление“ почти на 100 страниц, с ответом на тучу клевет, содержащихся в показаниях...

Я в результате всего разбит нервно окончательно. Смерть Серго, которого я горячо любил, как родного человека, подкосила последние силы... Я вам еще раз клянусь последним вздохом Ильича, который умер на моих руках...”

Часть последней фразы Сталин подчеркнул жирным синим карандашом, а на полях — размашистый крест и слово, как выстрел: „Вранье“.

Как было в действительности?

...К Ленину приехали 21 января 1924 года после полудня профессора О.Ферстер и В.П.Осипов. Они внимательно осмотрели больного. Никаких тревожных симптомов не было обнаружено¹⁵⁶.

В последние месяцы у угасающего вождя мало кто бывал из его соратников. Ленин был почти недоступен для диалога в своей немоте, да и сам не хотел этих встреч. Надежда Константиновна в своих „совершенно секретных“ воспоминаниях, пролежавших десятилетия в партийном заочении, вспоминала: „На вопрос, не хочет ли он повидать Бухарина, который раньше чаще других бывал у нас, или еще кого-нибудь из товарищей, близко связанных по работе, он отрицательно качал головой, знал, что это будет непомерно тяжело“¹⁵⁷.

Но в тот роковой день Бухарин у Ленина в Горках был. После посещения безнадежно больного вождя врачами Ленину оставалось жить менее двух часов. Когда начались конвульсии больного, разрешили войти в комнату и Бухарину. В его письме в Политбюро не было „вранья“.

Бухарин в письме обращается к этому эпизоду с Лениным, надеясь, что хотя бы память о вожде, которого давно превратили в святого идола, защитит и спасет его в эту критическую минуту. Дальше он пишет:

„...Мне остается только: или быть реабилитированным, или сойти со сцены.

В необычайнейшей обстановке я с завтрашнего дня буду голодать полной голодовкой, пока с меня не будут сняты обвинения в измене, вредительстве, терроризме... дайте мне, если мне суждено идти до конца по скорбному пути, замереть и умереть здесь, никуда меня не перетаскивайте и запретите меня тормозить.

Прощайте. Побеждайте.

Ваш Н.Бухарин“¹⁵⁸.

Да, „скорбный путь“ Бухарин пройдет до конца. Может быть, он вспомнил, как в сентябре 1919 года Политбюро обсуждало вопрос об арестах кадетов из буржуазной интеллигенции. Посыпались жалобы. Ареопег поручил Бухарину, Дзержинскому, Каменеву вернуться к этим делам. Хотя ясно, что Политбюро „пересмотра“ никакого делать не со-

биралось. Об этом, в частности, свидетельствует письмо Ленина, написанное 15 сентября Горькому.

„Дорогой Алексей Максимович!

...Мы решили в Цэка назначить Каменева и Бухарина для проверки арестов буржуазных интеллигентов околокадетского типа и для освобождения кого можно. Ибо для нас ясно, что и тут ошибки были. Ясно и то, что в общем мера ареста кадетской (и околокадетской) публики была необходима и правильна“¹⁵⁹.

Вот так: место профессуры — в тюрьме. Их вина — думают по-другому, чем Ленин, Бухарин и остальные вожди. „Мера ареста... необходима и правильна“. Вспоминали Бухарин эти страницы своей биографии? Как могли себя чувствовать русские интеллигенты в чекистских застенках, имевшие, как правило, лишь одну вину: неприятие большевизма?

Я, может быть, утомил читателей письменными монологами Бухарина, но думаю, что они помогают увидеть нечто более широкое, чем трагическая судьба этого ученика Ленина. Коллизии „любимца партии“ — отраженная волна страшного ленинского эксперимента. „Великий террор“ конца тридцатых годов имел свои корни в ленинских идеях и действиях. В его распоряжениях, наподобие указаний Бош и Минкину: „Повесить, непременно повесить...“

Через полтора месяца после того как Бухарина арестовали, он вновь (в который раз!) пишет большое, на двадцати двух страницах письмо Сталину. Его мы не имеем возможности процитировать полностью, но несколько фрагментов, связанных с Лениным и ленинским „воплощением“ в жизнь его идеалов, мы все же приведем.

„Ночь на 15 апреля 1937 года.

Иосифу Виссарионовичу Сталину. Лично.

Это письмо носит такой характер, что я прошу, чтобы оно было переслано И.В.Сталину без предварительного чтения кем бы то ни было.

...На пленуме я чувствовал себя как человек, невинно прикованный к позорному столбу... Я в отчаянии клялся смертным часом Ильича. Ты-то ведь хорошо знаешь, как я его безгранично, всем сердцем и душой любил. Я воззвал к его памяти. А мне заявили, что я спекулирую его именем,

что я даже нагал, будто я присутствовал при его смерти, даже приводили „документ“ (статья Зиновьева), а суть в том, что я после смерти Ильича уехал из Горок в Москву, а потом вернулся со всеми, что и описано в статье.

...Я мечтал о большой близости к руководству и к тебе, не скрою. Я тосковал по крупным людям, я тосковал по более широкой работе. Что это, грех? Преступление? Тебя лично я снова научился не только уважать, но и горячо любить (опять, пусть сколько угодно хихикают люди, которые мне не верят, но это так)... Я бредил о доверии с твоей стороны... Все это было — и все полетело прахом, и я червем извиваюсь на тюремной койке...

Хочу сказать тебе прямо и открыто о своей личной жизни, о чем говорить не принято...”

Бухарин откровенно рассказывает о всех своих женах: Н.М.Эсфири, А.В.Травиной, Нюсе Лариной. Пока не пришла к нему Ларина, бытие его „пожиралось невероятными страданиями, съедавшими радость жизни...“. Сейчас бы сказали: „Бухарин запутался в женщинах“. Он был очень любвеобильным человеком, но без достаточно прочных моральных тормозов. То было время, когда он метался между долгом и любовью. Его нравственные слабости находят продолжение в слабостях политических; в его полной капитуляции перед Сталиным. Арестант все еще не теряет надежды убедить Сталина в своей лояльности к нему.

„...Было время, когда я с тобой лежал на диване у тебя — это я тогда готовился к борьбе? Вздор.

А вот что было к подходам 1928 года. Я искренне думал, что ты поступаешь не по-ленински; я опирался на множество цитат и т.д. из Ильича. А что было? Да то, что я понимал завещание Ильича (не персональное, а о линии) буквально и формально... К 28-му году создалась особая ситуация, не входившая в поле зрения Ильича... А я, как школьник, хватался за букву, упуская дух... В 1928/29 году я в тебе видел воплощение антиленинской тактики. Это глупо, но это было именно так...”

Бухарин готов признать, что Ленин не мог давать рекомендации на будущее, ибо это уже не входило „в поле зрения Ильича“. Этим Бухарин признает правоту Сталина, „развивающего“ Ленина. Идет капитуляция по всем линиям,

ленинской в том числе. Говоря о Ленине, о своих ошибках, Бухарин с неизбежностью возвращается к Сталину:

„...Мне было часто необыкновенно хорошо, когда удавалось быть с тобой (не тогда, когда вызывался для какого-нибудь разноса), даже тронуть тебя было хорошо. Я действительно стал к тебе чувствовать почти такое же чувство, как к Ильичу, — чувство родственной близости, громадной любви, доверия безграничного, как к человеку, которому можно все сказать, все написать, всем поделиться, на все пожаловаться“.

Дальше Бухарин пишет о книге, которую он заканчивает и хотел бы посвятить Сталину, ибо теперь он чувствует себя „твоим учеником“. И вновь утверждает: „...никакими средствами нельзя заставить меня совершить позорное клеветничество против самого себя...“. Кончает Бухарин на крайне мучительной ноте: „...камеры темные, и круглые сутки горит электрический свет. Натираю полы, убираю, чищу парашу и т.д. — все это знакомо. Но сердце разрывается, что это — в советской тюрьме, и горе мое, и тоска моя безграничны....

Будь здоров и счастлив. Н.Бухарин¹⁶⁰.

Это личное письмо Бухарина Сталин адресовал всем членам Политбюро: „В круговую“. Ознакомившись с ним, члены высшей партийной коллегии оставили для истории свои автографы: „Читал. По-моему, писал жулик. В.Молотов“. „Все та же жульническая песенка: я не я, а лошадь не моя. Л.Каганович“. „М.Калинин“. „Безусловно жульническое письмо. В.Чубарь“. „Читал. К.Ворошилов“. „Бухарин продолжает свое провинциальное актерство и фарисейское жульничество. А.Микоян“. „Типичная бухаринская ложь. А.Андреев“.

Так соратники Сталина, которые все считали себя учениками Ленина, решили судьбу своего сотоварища.

Сломленный, он напишет еще не одно письмо. О Ленине уже не упоминает, он ушел куда-то далеко-далеко... Но так хочется жить. Бухарин, уже сдавшийся, еще на что-то надеется. Несколько фрагментов еще из одного письма человека, которого любил Ленин.

„Здравствуйте Иосиф Виссарионович!“

...В галлюцинаторном состоянии (у меня были такие периоды) я говорил с Вами часами — ты сидел на койке, рукой подать. К сожалению, это был только бред...

Я хотел сказать Вам, что хотел бы объясниться с Вами хоть последний раз в жизни, но только с Вами. Я знаю, это неслыханно. Я не питаю ни малейшей надежды, что это будет. Но пусть Вы знаете, что я этого ждал, как израильтянин манны небесной. Я ничего не хочу брать назад, ни на кого не хочу жаловаться...

Пишу это вовсе не потому, что сижу в тюрьме и хочу себе что-то выторговать. Я смотрю на себя, как на человека, политически погибшего...

...Я написал уже (кроме научной книги) большой том (страниц 250—300) стихов... Первые мои вещи кажутся мне теперь детскими (но я их переделаю), за исключением „Поэмы о Сталине“, которую я Вам переслал еще до ареста. Но по содержанию я могу сказать, что в нашей литературе такой попытки не было...”

Далее Бухарин излагает план написанной им книги „Преображение мира“, где особое место занимают главы „Эпоха великих работ“ и „Грядущее“ (Коммунизм). Все это, выводит Бухарин, „я писал главным образом ночами и буквально кровью сердца...”

Иосиф Виссарионович, Вы такой знаток стиля и так любите литературу. Не дайте погибнуть этой работе...

Вам покажутся чудовищными мои слова, может быть, факт, что я Вас люблю всей душой!..¹⁶¹

Я больше не буду цитировать бухаринских писем. Все они — выражение эволюции моральной гибели человека, которая олицетворяет обреченность не столько узника, сколько Системы, которую он сам же создавал. Ленин не мог представить такого трагического финала для „любимца партии“. Но он совсем не был случайным. Эта партия, эта идеология, выпестованные Лениным, не могли обходиться без инквизиции. Просто Бухарин — наиболее яркое выражение процесса гибели личности, ее распада под давлением чудовищной машины, в создании которой он принимал

*В последних письмах уже исчезло фамильярное Коба. Напоминание о прошлой дружбе не помогло...

самое активное участие. Судьба Бухарина — личностный приговор ленинской Системе. Впрочем, я приведу еще отрывки из двух документов. Финал трагедии Бухарина должен быть полным.

„В Президиум Верховного Совета СССР
приговоренного к расстрелу
Н.Бухарина

Прошение

Прошу Президиум Верховного Совета СССР о помиловании. Я считаю приговор суда справедливым возмездием за совершенные мною тяжчайшие преступления против социалистической родины, ее народа, партии, правительства. У меня в душе нет ни единого слова протеста. За мои преступления меня нужно было бы расстрелять десять раз...

Я твердо уверен: пройдут годы, будут перейдены великие исторические рубежи под водительством Сталина, и вы не будете сетовать на акт милосердия и пощады, о котором я вас прошу: я постараюсь всеми своими силами доказать вам, что этот жест пролетарского великодушия был оправдан.

Москва, 13 марта

Внутренняя тюрьма НКВД

Николай Бухарин¹⁶².

Естественно, прошение было отклонено. Это было давно predetermined. Бухарин будет расстрелян не „десять раз“, всего один...

„Секретно“.

Справка.

Приговор о расстреле Бухарина Николая Ивановича приведен в исполнение 15 марта 1938 г. Акт о приведении приговора в исполнение хранится в Особом архиве 1-го спецотдела МВД СССР, том № 3, лист № 97.

Нач. 12 отд. 1-го спецотдела НКВД СССР
лейтенант госбезопасности Шевелев¹⁶³.

Бухарин задумывался задолго до трагического конца, куда может завести ставка на неограниченное насилие. Сохранилось его письмо „железному Феликсу“ — Дзержинскому по этому поводу.

„Дорогой Феликс Эдмундович,
я не был на предыдущем собрании руководящей группы.

Слышал, что Вы там, между прочим, сказали, будто я и Сок.(ольников) „против ГПУ и т.д.“. О драчке третьеводнишней осведомлен. Так вот, чтобы у Вас не было сомнений, милый Феликс Эдмундович, прошу Вас понять, что я думаю.

Я считаю, что мы должны скорее переходить к более „либеральной“ форме соввласти: меньше репрессий, больше законности, больше обсуждений, самоуправления (под руководством партии, разумеется) и проч. В своей статье в „Большевики“, которую Вы одобрили, теоретически обоснован этот курс. Поэтому я иногда выступаю против предложений, расширяющих права ГПУ, и т.д. Поймите, дорогой Феликс Эдм. (Вы знаете, как я Вас люблю), что Вы не имеете никаких оснований подозревать меня в каких-либо плохих чувствах к Вам лично и к ГПУ как учреждению. Вопрос принципиальный — вот в чем дело...

Ваш Н.Бухарин¹⁶⁴.

Нельзя не отдать должное проницательности и в данном случае мужеству — выступать против ставшей обычной чрезвычайщины, против возведения насилия в ранг государственной политики. К слову сказать, Дзержинский отнесся к письму без тех чувств „любви“, о которых писал Бухарин. Председатель ОГПУ тоже придавал письму „принципиальное“ значение. Дзержинский обращается к своему заместителю Вячеславу Рудольфовичу Менжинскому, довольно мрачной и даже зловещей фигуре, олицетворявшей до 1934 года сумеречные действия карательных органов.

„т. Менжинскому. Только лично (без копий)

При сем — письмо ко мне Бухарина, которое после прочтения прошу ко мне вернуть. Такие настроения в руководящих кругах ЦК нам необходимо учесть и призадуматься. Было бы величайшей ошибкой политической, чтобы партия по принципиальному вопросу о ГПУ сдала и дала бы „весну“ обывателям — как линию, как политику, как декларацию. Это означало бы уступать нэпманству, обывательству, клонящемуся к отрицанию большевизма. Это была бы победа троцкизма и сдача позиций...

24.XII.24 г.

Ф.Дзержинский¹⁶⁵.

Дзержинский, к которому с изъявлениями чувств любви и мягкого несогласия с „линией ЦК“ по вопросу о роли „карательных органов“ обратился Бухарин, не разделял его взглядов. Ведь Дзержинский, по сложившимся представле-

ниям, был „железный“. Как смею утверждать, эти взгляды Бухарина были чужды и другим членам ЦК. Но Бухарин имел несчастье иметь собственные взгляды по многим вопросам.

Можно вспомнить и такой эпизод из жизни Бухарина. В начале 1921 года в Тамбовской губернии вспыхнуло мощное крестьянское восстание. Ленин поручил Бухарину проанализировать обстановку и доложить на заседании Политбюро перечень мер, которые необходимо принять для ликвидации крестьянского выступления. Заседание состоялось 2 февраля 1921 года. Доклад сделал Бухарин. Он активно добивался и добился—таки, хотя лишь как намерение, осуществить в губернии продовольственную „скостку“, облегчить положение крестьян. Ленин, Сталин, Крестинский, Преображенский, Рудзутак, Каменев согласились с этой мерой, но Ленин предложил вызвать в Тамбов Антонова—Овсенко, чтобы вместе с экономическими мерами применить и меры военные¹⁶⁶.

Однако восстание разгоралось. „Мягких“ мер, предложенных Бухариным, оказалось недостаточно. Вообще, как посчитал Ленин и другие члены Политбюро, нужны совсем не экономические меры, а карательные. Следующее заседание Политбюро прошло уже без Бухарина. Оно состоялось 27 апреля. Решили „назначить единоличным командующим войсками в Тамбовском округе Тухачевского, сделав его ответственным за ликвидацию банд Антонова. Дать для ликвидации месячный срок. Не допускать никакого вмешательства в его дела...“¹⁶⁷. Восстание было утоплено в крови и жестоко подавлено. Бухарин совсем не подходил для репрессивных действий, он пытался решать проблему экономически и политически.

В чем—то Бухарин был не таким, как другие ленинцы...

Так закончил свой земной путь один из соратников и учеников Ленина. По сути, он был, как выразился Н.В.Валентинов, идеологом „доктрины правого коммунизма“¹⁶⁸. Порвав с „военным коммунизмом“, в 1924—1925 годах доктрина Бухарина имела большое хождение и влияние в большевистской среде. На XIV съезде и XIV партконференции были еще раз обнародованы взгляды Бухарина, сводящиеся к тому, что „мы будем строить социализм даже на

нашей нищенской базе, мы будем плестись черепашьям шагом, а все-таки социализм построим"¹⁶⁹. Бухарин полагал, что нэп в деревне — это расширение базы зажиточного крестьянства, это переход от гражданской войны к гражданскому миру, это постепенность и последовательность.

Наиболее откровенно свои взгляды Бухарин выразил на московской губернской конференции 17 апреля 1925 года. „Наша политика по отношению к деревне, — заявил он, — должна развиваться в таком направлении, чтобы раздвигались и отчасти уничтожались ограничения, тормозящие рост зажиточного и кулацкого хозяйства. Крестьянам, всем крестьянам, надо сказать: обогащайтесь, развивайте свое хозяйство и не беспокойтесь, что вас прижмут“.

Сколько раз ему припомнят эти „еретические“ слова! Как много придется ему оправдываться за свое „буржуазное перерождение“! А тогда, в 1925 году, эти взгляды разделялись многими, в том числе и Сталиным. Генсек, выступая 9 мая 1925 года на собрании партийного актива Москвы, однозначно заявил: „Некоторые товарищи, исходя из факта дифференциации деревни, приходят к выводу, что основная задача партии — это разжечь классовую борьбу в деревне. Это, товарищи, неверно. Это — пустая болтовня“.

Кратковременно бухаринская трактовка нэпа взяла верх. Но совсем ненадолго. Вскоре Политбюро вновь перешло к курсу жесткой классовой борьбы в деревне, вытеснения кулака, а затем и сплошной коллективизации. Сталин стыдился своей слабости, что какое-то время он буквально следовал советам Бухарина. Сталин, разгромив Троцкого, по сути, заимствовал у побежденного радикальную концепцию строительства социализма в городе и деревне. Бухарин теперь мог только мешать, хотя сопротивление его было весьма „интеллигентным“. Он был готов уже поддержать гибельный в исторической перспективе сталинский курс, но генсек упредил: в 1929 году Бухарин был выведен из состава Политбюро.

Он очень переживал случившееся, хотел „реставрировать“ былые отношения со Сталиным путем отказа от своих экономических взглядов, попытками личных встреч, но было уже поздно. В этом смысле ленинская характеристика Бухарина в немалой степени верна: „Ник. Ив., занимающий-

ся экономист, и в этом мы его всегда поддерживали. Но он... в политике дьявольски *неустойчив*¹⁷⁰.

Бухарин был типичным слабым человеком, который даже не хотел казаться сильным. Его незаурядный ум страдал от ущербности воли.

О том, что Бухарин неустойчив, мы убедились, проследив эволюцию его многословного эпистолярного монолога, обращенного к Сталину.

В Системе, основанной Лениным, около Сталина могли находиться лишь люди, которые были способны только поддакивать, соглашаться, одобрять „мудрые решения“ первого лица. Такие, например, как Николай Иванович Ежов. Пока он выполнял самую грязную работу палача. А когда исполнил — сгинул и сам, потащив за собой обвинения в „перегибах“.

Выступая в Горьком в 1937 году, этот физический и умственный кретин озвучил строки, написанные для него в ЦК ВКП(б).

„Когда умер Владимир Ильич Ленин, когда умер создатель нашей партии, вождь и учитель трудящихся всего человечества Владимир Ильич Ленин, один из поэтов писал следующее:

Портретов Ленина не видно:

Похожих не было и нет.

Века уж дорисуют, видно,

Недорисованный портрет...

Поэт ошибся и просчитался здорово. Видимо, он недостаточно хорошо знал нашу партию. Нашелся такой художник революции, зодчий нашей социалистической стройки, который не в века, не в сотни лет и даже не в десятки сумел поднять на невиданную высоту нашу советскую страну и тем самым нарисовать портрет Владимира Ильича, о котором писал в своем стихотворении поэт. Этим величайшим, гениальным художником ленинской эпохи, этим зодчим социалистической стройки, который нарисовал на деле портрет Ленина, каким он должен быть, является наш вождь и учитель товарищ Сталин!¹⁷¹

Конечно, при этих словах было положено вскакивать и исступленно хлопать в ладоши до тех пор, пока в президиуме не перестанут...

Так славили „первого ленинца“ все члены коммунистической высшей партийной коллегии. Но членам Политбюро требовалось славить особо. Ведь они ошастливлены быть в „ленинском штабе“.

Член „ленинского Политбюро“ — это особый тип человека, входившего в священную большевистскую „ложу“. Таковым этот загадочный, таинственный ареонаг всегда и оставался, вплоть до августа 1991 года...

„Ленинское Политбюро“

Долгие десятилетия для советских людей Политбюро олицетворялось с каким-то загадочным, таинственным, могущественным, часто зловещим органом. „Политбюро решило“, „вызвали на Политбюро“, „Н. — дальний родственник члена Политбюро Х“, „говорят, на Политбюро будут рассматривать вопрос...“, „дача члена Политбюро“... все эти и им подобные фразы были для советских людей преисполнены глубокого, почти мистического смысла. Когда созывался очередной пленум ЦК, все почему-то ждали обнародования его решений и главных среди них — кого из „кандидатов“ сподобили поднять до „членов“, кого сразу ввели полным... Как будто это могло изменить жизнь простых людей!

Когда по улицам проходила длинная черная машина члена Политбюро, прозванная в народе „членовозом“ и похожая на какой-то фантастический броневик, милиция на всем пути задолго останавливала движение, подобострастно вытянувшись, провожала священный лимузин. Загородные дачи членов самой высокой коллегии за высокими зелеными заборами больше походили на княжеские усадьбы с многочисленной охраной, прислугой, бассейнами, тенистыми аллеями... О снабжении членов Политбюро у вечно полунищего народа ходили легенды. А все начиналось прозаически.

Родилось Политбюро 10(23) октября 1917 года для политического руководства готовящегося переворота. Вначале на заседании ЦК Свердлов проинформировал „О положении дел во всей России“. С основным докладом — о текущем моменте — выступил Ленин. На голосование была поставлена ленинская резолюция о вооруженном восстании. В протоколе записано: „Принимается резолюция в следую-

щем виде: высказываются за — 10, против — 2“ (мы знаем, что эти двое были Л.Б.Каменев и Г.Е.Зиновьев).

Затем ставится вопрос о создании „политич. бюро ЦК. Решено образовать бюро из 7 чл.: Лен., Зин., Кам., Тр., Сок., Ст., Бубн.“¹⁷². Именно так, в сокращенном виде, записывались в том протоколе первые члены Политбюро.

Заседание проходило вечером в Петрограде — Набережная реки Карповка, дом 32/1, кв. 31. Конечно, на месте рождения Политбюро и принятия решения о подготовке к перевороту давно уже музей, мемориальная доска. Ленин на этом заседании появился после трехмесячного вынужденного отсутствия: его искало Временное правительство.

Но ни в восстании, ни позже Политбюро как орган ничем запоминающимся себя не проявило. Возможно, о нем бы и не вспоминали больше, но Ленин почувствовал, что пленумы ЦК — достаточно громоздкий орган для руководства. После обсуждений в узком кругу Ленин пришел к выводу, что должно быть „ядро“ Центрального Комитета, которое могло бы работать на постоянной основе. На VIII съезде партии с докладом по организационному вопросу выступал Г.Е.Зиновьев. Он предложил расширить состав ЦК до 19 членов. Эта цифра, по его мнению, позволит выделить из состава Центрального Комитета политическое бюро, организационное бюро, секретариат, разъездную коллегию. На том и порешили. Никто особенно возражать не стал. Пленум 25 марта 1919 года постановил:

„...Политическое бюро составляется из тт. Ленина, Троцкого, Сталина, Крестинского, Каменева. Кандидатами к ним намечаются тт. Зиновьев, Бухарин и Калинин.

Организационное бюро составляется из тт. Крестинского, Сталина, Белобородова, Серебрякова и Стасовой. Кандидат к ним т. Муранов, который вместе с тт. Невским и Максимовским составляет агитационно-разъездное бюро. Секретарем ЦК избирается т. Стасова“¹⁷³.

Так были созданы партийные органы большевиков, из которых особую роль в истории советского государства предстоит сыграть Политбюро. Именно оно станет олицетворением мрачного и таинственного могущества, „мудрости и воли“ партии. Первое заседание Политбюро, на котором присутствовали Ленин, Каменев, Крестинский, Калинин, со-

стоялось 16 апреля 1919 года. Рассмотрели десяток вопросов: от улучшения экономического положения московских рабочих до „снятия засады“ на эсера Святицкого...

Никто тогда не мог и предположить, что возникла хунта революционных радикалов, которая не будет вести счет своим преступлениям. Она была слепа в своей вере движения в лучезарное будущее.

Имеется ряд постановлений о конституировании Политбюро, определении регламента его работы, но никогда не обсуждались полномочия. Всегда считалось само собой разумеющимся, что они неограниченные. По предложению Крестинского заседания Политбюро стали регулярными. Было решено: „День заседаний зафиксировать в Политбюро в четверг“¹⁷⁴. Хотя были попытки проводить заседания и по средам в 11 часов, но затем вернулись к „четвергам“, и это стало долгой „ленинской традицией“.

Вскоре после образования Политбюро стало ясно, что на него обрушивается огромный объем вопросов: социальных, экономических, политических, коминтерновских, чекистских, военных, дипломатических, финансовых, продовольственных, „культурных“ и т.д. Подюжины людей, никогда ранее в жизни не занимавшихся государственными вопросами, стали решать судьбы многомиллионной страны. Троцкий, правда, попытался как-то упорядочить объем вопросов, еженедельно (а затем и чаще) решаемых всесильным органом. Дело в том, что „второй человек“ в России очень не любил канцелярской, рутинной работы. Он чаще других „отлынивал“ от заседаний, предпочитая им публичные выступления, отпуска и литературную работу.

Политбюро на своем заседании 20 января 1922 года постановило, что в „Политбюро могут вноситься вопросы высшей советской инстанцией, в случае невозможности для нее самой решить этот вопрос...“¹⁷⁵. По сути, Политбюро становилось верховным вершителем любых вопросов государства. Но, конечно, основное содержание работы Политбюро определялось текущим положением в стране, в международных делах, в партии. С самого начала своего функционирования Политбюро приобрело фактически статус высшего государственного органа, ибо внутрипартийные вопросы всегда занимали весьма незначительное место в его работе.

С момента введения должности Генерального секретаря Центрального Комитета регламентация работы высшего органа усилилась. На заседании пленума ЦК 3 апреля 1922 года постановили: „...Установить должность Генерального секретаря и двух секретарей. Генеральным секретарем назначить т. Сталина, секретарями — тт. Молотова и Куйбышева.

Принять следующее предложение т. Ленина. ЦК поручает Секретариату строго определить и соблюдать распределение часов официальных приемов... Тов. Сталину поручается немедленно приискать себе заместителей и помощников, избавляющих его от работы (за исключением принципиального руководства) в советских учреждениях...“¹⁷⁶

Было увеличено число членов Политбюро до семи человек (Ленин, Троцкий, Сталин, Каменев, Зиновьев, Томский, Рыков). Кандидатами были определены Молотов, Калинин, Бухарин.

Не все еще понимали, что новое пролетарское государство свою основную мрачную силу будет черпать в железобетоне бюрократии, монополии на власть Политического бюро, ортодоксии членов коммунистической партии. Власть государства фактически передавалась так называемому „партийному органу“, который был основным инструментом большевистской диктатуры. Генеральный секретарь быстро провел через Политбюро новый регламент работы: „Назначить по понедельникам и четвергам (в 11 ч. утра) обязательные заседания Политбюро и по средам (в 12 ч. дня) заседания тройки Политбюро (тт. Каменев, Сталин, Молотов)“¹⁷⁷. В конце 1922 года по предложению Ленина в регламент были внесены новые изменения, определяющие лишь одно обязательное заседание Политбюро по четвергам „с 11 и никак не позже 2-х часов“. Ленин предлагал повестку дня рассылать в среду, не позже 12 часов, а дополнительные вопросы могут вноситься в день заседания лишь в случае абсолютной неотложности, особенно вопросы дипломатические („если нет протеста со стороны хотя бы одного из членов ПБ“)“¹⁷⁸. Был подтвержден „единогласно установившийся обычай, заключающийся в том, что ЦК не имеет председателя. Единственными должностными лицами ЦК являются секретари, председатель же избирается на каждом

данном заседании¹⁷⁹. Часто в ленинское время председательствовал Л.Б.Каменев. Особенно когда отсутствовал Ленин.

Зиновьев в феврале 1923 года внес предложения (уже с обязательным грифом „совершенно секретно“) о разделении труда среди членов Политбюро. Ленин болел и не мог руководить работой, и, как писал Г.Е.Зиновьев, „крупные отрасли работы“, такие, как Президиум ВЦИК, Реввоенсовет Республики, Коминтерн, ВЦСПС, Наркоминдел, Наркомвнешторг, кооперация, ВСНХ и другие, требуют руководящего участия членов Политбюро¹⁸⁰. Партийный орган свои щупальца, которые давно стали государственными, протягивал по всем основным сферам жизнедеятельности страны. Зиновьев предлагал придать плановость работе Политбюро. Например, он считал, что в течение ближайших трех месяцев нужно рассмотреть на заседании Политбюро вопросы:

1. Наркомат финансов и Наркомат продовольствия
2. Экспорт хлеба
3. Внешторг в целом
4. Красная Армия
5. ВСНХ в целом и в частности
6. Наркомат пути
7. Наркомат просвещения.

Зиновьев опять предлагает „добиться того, чтобы некоторые отрасли работы в данное время, специально не обслуживаемые ни одним из членов Политбюро, были поручены специальным заботам того или иного члена Политбюро“¹⁸¹. Куйбышев и Зиновьев по поручению ареопага внесли конкретные предложения, и Политбюро 14 июня 1923 года принимает специальный „план работы на три месяца“. В плане впервые значилось: „Разделение труда“ среди членов Политбюро. Каким же оно было? Приведем этот пространный фрагмент из решения партийной коллегии, ибо подобные документы помогают детальнее присмотреться к механизму функционирования Политбюро, его внутренней анатомии. Итак, распределение обязанностей „ленинского Политбюро“ в 1923 году.

- „1. Подготовку материалов по вопросам НКВД возложить на тов. Зиновьева.
2. Подготовку материалов по вопросам НКВДТ и Глав-

концесскома, а также по вопросам, связанным с борьбой с меньшевиками и эсерами, возложить на т. Троцкого.

3. Подготовку материалов по всем общехозяйственным вопросам возложить на тт. Каменева и Рыкова.

4. Подготовку материалов в области национального вопроса, а также в области Наркомата просвещения возложить на тов. Сталина.

5. То же по молодежи, прессе и Госиздату — на тов. Бухарина.

6. То же по кооперации — на тов. Рудзутака.

7. То же по вопросам внутрипартийной жизни — на тов. Молотова.

8. Общее наблюдение за положением дел в деревне, настроением крестьянства возложить на тов. Калинина.

9. Общее наблюдение за положением рабочих, за их нуждами, настроениями, течениями... на тов. Томского.

14 июня 1923 года. Секретарь ЦЕКА — Сталин¹⁸².

Бросается сразу в глаза, что одним членам Политбюро вменяется „подготовка материалов“, а остальным лишь „общее наблюдение“. Отныне члены партийного ареопага стали не „вообще“ руководить, а приступили к „курированию“ целых отраслей жизни гигантского государства. Их слово часто имело решающее значение в определении судеб того или иного экономического, хозяйственного, культурного вопроса.

С „октябрьских“ времен Политбюро часто называлось неофициально „ленинским“. Особенно любили вожди так именовать ареопаг с тридцатых годов и позже. Давайте посмотрим, чем занималось Политбюро при Ленине, после его смерти (особенно в сталинский период), в последние десятилетия, и в частности накануне крушения СССР. Анализ обсуждавшихся вопросов и решений Политбюро дает возможность заглянуть за исторические кулисы былых событий, почувствовать, как ленинские идеи материализовались на практике.

Политбюро заседало с завидной постоянностью, даже когда присутствовало на нем всего три человека. Например, 28 мая 1919 года на заседании были лишь Ленин, Каменев, Крестинский. Тем не менее вопрос о „поголовной мобилизации на Украине“, с помощью Пятакова и Бубнова, решили.

Как отказали и Дзержинскому в освобождении из-под ареста левого эсера Штейнберга. Так же быстро приняли постановления и еще по десятку вопросов¹⁸³. Политбюро работало как „железная пролетарская“ машина, решая судьбы людей, республик, фронтов, писателей, меньшевиков, большевиков... Поражает не столько всеядность органа, а сколько его властная безапелляционность.

Конечно, среди приоритетных тем, рассматриваемых на Политбюро, были вопросы работы ВЧК, красного террора, репрессии против „врагов революции“. Можно подумать, что это не постановления политической партии, а приговоры „революционного трибунала“. Впрочем, это было тогда одно и то же. Политбюро в те годы и было политическим трибуналом.

В протоколах Политбюро фигурирует много подобных решений. Например, 14 мая 1921 года Ленин, Зиновьев, Сталин, Каменев, Молотов, Калинин постановили „подготовить законопроект СНК о расширении прав ВЧК в отношении применения высшей меры наказания за хищения с государственных складов и фабрик...“¹⁸⁴. Иногда Политбюро решало этот вопрос „регионально“. Так, Каменев, Молотов и Сталин своим решением от 2 февраля 1922 года предоставили „Самарской Губчека права вынесения высшей меры без утверждения ВЧК“¹⁸⁵. Конечно, все это „упрощает“ дело, и „революционная репрессия“ становится непосредственной. Через месяц следует еще постановление Политбюро о „допустимости внесудебных приговоров ГПУ“. Ему предоставляется право „изоляции иностранцев в лагерь“. Одновременно ГПУ получает официальное благословение Политбюро на непосредственные „расправы“ с лицами, задержанными с оружием¹⁸⁶.

О, сколько таких решений! Ленинская воля непреклонна. Выступая с докладом на XI съезде РКП(б) 27 марта 1922 года, Ленин говорил о плановом, временном отступлении партии в условиях нэпа. Но тут страшна, говорил докладчик, паника. „Когда происходит такое отступление с настоящей армией, ставят пулеметы, и тогда, когда правильное отступление переходит в беспорядочное, командуют: „Стреляй!“ И правильно“¹⁸⁷. Троцкий с одобрения Ленина широко практиковал заградительные отряды на фронтах

гражданской войны. Председатель Совнаркома полагал, что Политбюро должно задавать тон в жестоком подавлении всех, кто „не согласен“ с революцией.

Политбюро заседает, имея в повестке дня нередко по двадцать—тридцать вопросов. Классовое единообразное, одномерное мышление редко вызывает споры и разногласия. Чаще всего все „за“, „поддержать“, „принять“, „согласиться“. Нередко заседания походят на некую кадровую коллегию, где назначают высших чиновников. Впоследствии так и будет: назначение вплоть до инструктора обкома, заместителя министра, командующего округом, директора крупного завода решает только Политбюро. Большевики быстро поняли, что кадровое чистилище, сито ЦК — дело самой первостепенной важности.

Вот, например, какие кадровые вопросы решало Политбюро 19 апреля 1921 года. Присутствовали Ленин, Сталин, Каменев, Молотов, Калинин, Томский...

— О составе правления Московского высшего технического училища;

— О составе Совета по общим финансовым вопросам;

— О введении О.Ю.Шмидта в коллегию Наркомфина;

— О включении в коллегию Наркомюста т. Смирнова;

— О введении в коллегию Наркоминдела т. Лутовинова;

— О введении в Наркомсобес Крючкова, Скворцова, Фреймана;

— О введении в коллегию Наркомтруда Завадовского, Догадова, Соловьева;

— О введении в коллегию Наркомпроса Михова и Титова...¹⁸⁸

Я утомял читателя перечислением кадровых вопросов, рассмотренных только на одном заседании Политбюро. Но я перечислил далеко не все...

Постепенно профессионалы, специалисты, чиновники в стране поймут, что политический, партийный, идеологический принцип подбора руководящих кадров является решающим. Неважно, что порой человек плохо знал дело, важнее было, что он предан „делу партии“. Своей деятельностью Политбюро постепенно (с помощью низовых комитетов партии) делало это советской нормой жизни.

Уже после смерти Ленина было принято специальное постановление Политбюро (в 1925 году), которое вводило „Номенклатуру № 1“ и „Номенклатуру № 2“. Должности, включенные в первую номенклатуру, утверждались, были прерогативой ЦК, и назначения проходили преимущественно через Политбюро. Первые секретари ЦК республик, обкомов, крайкомов, наркомы, командующие округами войск, послы в крупнейшие страны проходили чистилище Центрального Комитета¹⁸⁹. Этим лиц принимали первые лица государства и партии. В частности, Сталин считал важным лично посмотреть в глаза будущему секретарю крайкома — полновластному хозяину региона, командарму, наркому, задавая один-два вопроса. Как я установил по документам, нередко они были такого свойства:

— Как вы лично боретесь с троцкизмом?

— Есть возможность в вашем наркомате пятилетку выполнить в четыре года?

— Как ведут себя в вашей армии командиры — бывшие военспецы?

„Номенклатура № 2“ отдавалась на откуп отделам ЦК (они решали вопросы с кадрами меньшего ранга).

Номенклатурная табель должностей не допускала (за редчайшим исключением) назначения на руководящие посты выходцев из других партий.

Политбюро, укрепляя диктатуру партии, с особой непримиримостью относилось к своим бывшим единоверцам-меньшевикам. Вернусь к вышецитированной речи на XI съезде партии. Ленин, до того спокойно говоривший об успехах и просчетах новой экономической политики, „смычке“ с крестьянством, соревновании способов производства, как только упомянул меньшевиков, сразу перешел на иной тон.

„Когда меньшевик говорит:

— Вы теперь отступаете, а я всегда был за отступление, я с вами согласен, я ваш человек, давайте отступать вместе, — то мы ему на это говорим:

— За публичное оказательство меньшевизма наши революционные суды должны расстреливать, а иначе это не наши суды, а бог знает что такое¹⁹⁰.

Ленин любил расстреливать своих политических противников.

Поразительна неприязнь Ленина к меньшевикам. Во многих решениях, даже не имеющих к ним отношения, он обязательно старался уничижительно упомянуть о них. Так, в ноябре 1921 года ЧК получила информацию о готовящихся мятежах. Политбюро тут же отреагировало специальным постановлением, где Ленин предложил дополнить его тезисом: „Меньшевиков не освобождать; поручить ЧК усилить аресты среди меньшевиков...“¹⁹¹ Позже эти меры по отношению к меньшевикам были еще более ужесточены. Уже когда Ленин вновь тяжело заболел, в марте 1923 года его соратники и ученики на Политбюро разработали целую „программу“ борьбы с меньшевизмом в СССР. Российская социал-демократия планомерно уничтожалась. В специальном протоколе о мерах борьбы с меньшевиками, одобренном высшей партийной коллегией, предусматривалось: осуществить операцию против меньшевиков в масштабе государства; определить основные места ссылки для меньшевиков: для взрослых — Нарымский край, для молодежи — Печерский край. Изгнать всех меньшевиков из государственных учреждений и предприятий. Не принимать в расчет выход меньшевиков из партии, если он осуществлен не до октября 1917 года. „Изъять“ из высших учебных заведений студентов-меньшевиков и т.д.¹⁹²

Можно было подумать, что борьба идет с террористами-заговорщиками или государственными преступниками, а не бывшими сопартийцами... Если бы Ленину сказали еще несколько лет назад, когда он сочинял за рубежом программы социал-демократического переустройства России, что именно он будет сажать в тюрьмы, ссылать в ссылку, отдавать во власть „непосредственной расправы“ ЧК этих интеллигентных людей, с многими из которых вождь был знаком лично, он бы, безусловно, назвал все это „бреднями“, „фантазией“, „злонамеренной клеветой“. Но так было.

И он сам, и его „ленинское Политбюро“, получив власть, быстро перешагнули через многие принципы социал-демократизма, которым они еще вчера клялись в верности. Непримируемость к меньшевикам стала одним из показателей революционности. Большевики видели в склонности меньшевиков придать социализму демократический харак-

тер такой же страшный грех, как оказаться буржуа, капиталистом, помещиком, членом династической семьи.

Ленин на заседаниях Политбюро доклады делал редко. Даже, пожалуй, Совнаркому он уделял большее внимание, чем этому партийному органу. Но он никогда не ставил под сомнение „первичность“, верховенство Политического бюро над всеми остальными элементами большевистской власти. Ленин обычно сидел на заседаниях бюро, внешне не очень слушая очередного докладчика. Часто во время заседания писал свои „записочки“ Троцкому, Сталину, Бухарину, Зиновьеву, Чичерину, другим участникам обсуждения вопроса, но тут же „вскидывался“, как только кто-то давал в своей „партии“ классового „петуха“. Так, он не раз отчитывал Луначарского за „демократические вольности“. Например, он резко осадил наркома за его ходатайство о „выпуске за границу Шаяпина“, других интеллигентов, расценив его как „легкомысленное“.

Иногда Ленин, работая в Совнаркоме или болея, обращался в Политбюро с записками, навеянными какими-то сиюминутными впечатлениями или возмущившими его фактами. Так, по одной из жалоб, поступивших к Ленину, о злоупотреблениях в жилищном отделе Моссовета (вот какие глубокие корни нынешней коррупции!) была направлена комиссия из управления делами СНК во главе с А.А.Дивильковским. Ревизия подтвердила обоснованность жалоб. Однако бюро Московского комитета партии взяло виновных фактически под свою защиту. Дивильковский сообщил об этом Ленину. Председатель Совнаркома написал тут же гневную записку:

„Письмо в Политбюро ЦК РКП(б)
т. Молотову для членов Политбюро.

Московский комитет (и т. Зеленский в том числе) уже не первый раз фактически *послабляет* преступникам-коммунистам, коих надо вешать.

Делается это по „ошибке“. Но опасность этой „ошибки“ гигантская. Предлагаю:

1. Предложения т. Дивильковского принять.
2. Объявить строгий выговор Московскому комитету за *послабление* коммунистам...¹⁹³

Дальше следуют еще несколько пунктов в этом же

духе. Ленин всю свою недолгую руководящую жизнь во главе советского государства посвятил борьбе с бюрократией. Но он, к сожалению, так, видимо, никогда и не понял, что все его грозные записки, статьи, речи и репрессии — бессмысленны. Ибо суть новой Системы, которую он создавал, как раз и заключается в бюрократическом тоталитаризме. Ленин боролся с некоторыми внешними проявлениями бюрократизма, в то время как все шло от глубинной природы создаваемого общества. Его записки и распоряжения только способствовали более утонченному воспроизведению социального порока.

Политбюро, естественно, много занималось международными и коминтерновскими делами. Здесь буквально все члены Политбюро были „специалистами“. Обычно при обсуждении этих вопросов была высокая активность. Приведу лишь несколько решений Политбюро, которые достаточно красноречиво говорят как о реальной политике большевиков, так и о ее исторических последствиях.

На заседании ареопага 1 сентября 1920 года было рассмотрено письмо Копфа из Берлина о том, что интересам Советской России благоприятствовало бы принесение в осторожной форме извинений за убийство в 1918 году немецкого посла Мирбаха. Ленин предложил отклонить извинения, заявив т. Копфу, что „это предложение должно быть им осмеяно“.

К слову, на этом, как и на других заседаниях Политбюро, рассматривалось в среднем 15—20 вопросов. На упомянутом выше заседании, например, обсуждали состав новой мирной делегации для переговоров с Польшей, рассматривали предложение историка Покровского об учреждении комиссии по изучению Октябрьской революции, заслушали Ленина о необходимости „усложнения шифров секретных сообщений“, удовлетворили просьбу Лежавы о продаже за рубежом 200 пудов золота¹⁹⁴...

Политбюро не хотело рвать все связи с Германией, даже непролетарской, помня о ее роли в событиях в России. Поэтому, когда Берлин обратился в Москву с предложением о создании немецких командных курсов (чтобы обойти версальские соглашения) в Советской России, Ленин, Троцкий, Каменев, Крестинский, Радек, Калинин единодушно ре-

шили: „Немецкие командные курсы открыть вне Москвы. О месте поручить сговориться тт. Троцкому и Дзержинскому“¹⁹⁵.

Политбюро, как правило, переоценивало степень революционного накала во многих странах. Например, обсуждая 27 июля 1922 года вопрос о переговорах с Японией, партийная коллегия пришла к выводу, что эта страна „переживает предреволюционный период“, а посему нужно „стараться использовать переговоры в агитационных целях“¹⁹⁶. Вообще большевики рассматривали коминтерновские и сопутствующие им дела как свои внутренние, часто даже не соблюдая внешних приличий. При обсуждении вопроса международного профсоюзного движения Политбюро без всякой маскировки постановляет: „Назначить генеральным секретарем Профинтерна т. Рудзутака“¹⁹⁷.

Тома с протоколами „ленинского Политбюро“ — ярчайшее свидетельство и доказательство того, как партия заменила собой государственную власть, как монополизировала право, административным путем подчинив себе абсолютно все. Даже день заседаний ВЦСПС (по средам в 11 часов) установлен Политбюро¹⁹⁸.

Политбюро не гнушалось решением и внешне мелких, второстепенных вопросов, что еще раз свидетельствовало не о перерождении общества и Системы, а об их изначальной политической порочности. Какова власть — высшая власть! — если в присутствии ее первого человека — Ленина и его соратников (соучастников) Политбюро обсуждает, можно ли разрешить чтение лекций по философии марксизма Деборину, Аксельроду, Базарову (кстати, одним разрешает, а другим нет)¹⁹⁹. С таким же серьезным государственным видом Политбюро изучает предложение Красина об „издании за рубежом писем и дневника бывшей императрицы Александры Федоровны“²⁰⁰... Или вопрос о „выработке советского дипломатического этикета, полностью исключаящего обеды, завтраки, ужины, чай и т.д.“²⁰¹.

По сути, с момента своих регулярных заседаний „ленинское Политбюро“ быстро превратилось в „высшее“ правительство, сверхправительство. Партийные дела для этого органа имели второстепенное значение. Многие особенности ленинского стиля работы, методов деятельности перешли в

традицию, которой скрупулезно придерживались все будущие генеральные (и первые) секретари. Это, прежде всего, уверенность в том, что решение Политбюро — самое высшее в государстве, даже выше закона и Конституции, которые для этого органа были лишь подсобным инструментом. Само по себе Политбюро было законом для всех граждан гигантского государства. Политбюро унаследовало от Ленина установку на полную закрытость его функционирования и многих решений. Кто знал, как принимались, например, решения этого органа по Катыни, созданию органов внутреннего и зарубежного террора, Берлинскому кризису, Карибской авантюре, вторжению в Венгрию, Чехословакию, Афганистан? Да знает ли кто и сегодня, что реально готовилось вторжение и в Польшу? Многие сегодня благодаря драматическим переменам, происшедшим в бывшем СССР, становятся известны широкой общественности. Но еще далеко не все.

Как мы выяснили, в „ленинское время“ Политбюро как высшая партийная коллегия превратилось в суперправительство. В дальнейшем эта тенденция проявилась еще рельефнее. Так, специальным постановлением Политбюро от 8 февраля 1947 года записано: „Вопросы Министерства иностранных дел, Министерства внешней торговли, Министерства госбезопасности, денежного обращения, валютные вопросы, а также важнейшие вопросы Министерства вооруженных сил — сосредоточить в Политбюро ЦК ВКП(б)“²⁰².

В последующем по предложению генеральных секретарей Л.И.Брежнев (постановление ПБ от 27 апреля 1976 г. П5/Х1), Ю.В.Андропова (постановление ПБ от 18 ноября 1982 г. П85/11), как в последние годы перед перестройкой К.У.Черненко и в ходе нее — М.С. Горбачева, уточнялись сферы деятельности членов Политбюро „для предварительного рассмотрения, подготовки и наблюдения за определенной группой вопросов“. Политбюро превратилось в сверхкабинет. Но на разных этапах существования советского государства Политбюро функционировало по-разному.

Когда на вершине власти утвердился на долгие годы Сталин, резко возросла роль первого лица, а Политбюро стало послушным „совещательным“, поддакивающим, освящающим действия вождя органом. Для всех этот орган

оставался священным революционным штабом, но для Сталина—единодержца лишь удобным антуражем, придающим законную силу его воле. Сталин после долгой „селекции“ уничтожил тех, кто работал рядом с Лениным. Он действовал по неписаному закону диктаторов: уничтожал своих старых соратников, которые знали ему истинную цену, его слабости и недостатки. Вместо них он выдвинул в свое окружение новых „соратников“. Все эти кагановичи, андреевы, ждановы, микояны, куйбышевы, берии были послушными, ревностными исполнителями.

Диктатура пролетариата при Ленине была трансформирована в диктатуру партии. Сталин осуществил эволюцию дальше: диктатура партии вылилась в диктатуру одного вождя. А Политбюро осталось главным инструментом поддержания в общественном сознании некоей видимости коллегиальности руководства. Это был абсолютно послушный „штаб“: никаких возражений, никаких споров, никаких коллизий. Все соревновались, от Кирова до Ворошилова, какой новый эпитет найти для прославления Сталина: „гениальный вождь“, „великий учитель“, „непревзойденный мыслитель“, „величайший продолжатель дела Ленина“, „первый маршал коммунизма“ и т.д. Все это было естественным результатом концентрации еще Лениным власти в руках одной партии. Сталин достроил ленинскую пирамиду тоталитаризма доверху. В этом все дело. По сути, Политбюро в сталинские времена было подобно курии большевистской инквизиции. Давайте приведем лишь несколько примеров.

Решением Политбюро от 3 декабря 1934 года было принято постановление:

„Утвердить следующий проект постановления Президиума ЦИК СССР:

1. Предложить следственным властям вести дела обвиняемых в подготовке или совершении террористических актов ускоренным порядком.

2. Предложить судебным органам не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников данной категории о помиловании, так как Президиум ЦИК Союза ССР не считает возможным принимать подобные ходатайства к рассмотрению...“²⁰³

Политбюро пишет, готовит и принимает решение, кото-

рое лишь проштампует Президиум Центрального Исполнительного Комитета страны... Это уже стало правилом. Политбюро указывает, кому какое решение принимать.

В этом постановлении Политбюро виден ленинский почерк, помните — „расстрелять заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты...“²⁰⁴. Только Ленин решался на такие скорые меры, без „идиотской волокиты“ в военное время, а Сталин распространил этот совет и на мирное время.

Политбюро шло дальше. На своем заседании 5 июля 1937 года „ленинцы“ решили: „Установить впрямь порядок, по которому все жены избалованных изменников родины — правотроцкистских шпионов подлежат заключению в лагерь не менее как на 5—8 лет...“²⁰⁵

Жестоко бесподобно. Но Сталин просто пошел дальше в опыте, полученном большевиками в гражданской войне. Ведь Троцкий требовал ставить „на командные должности только тех бывших офицеров, семьи которых находятся в пределах Советской России, и объявляя им под личную расписку, что они сами несут ответственность за судьбу своей семьи...“²⁰⁶. Ленин знал об этих приказах Троцкого и никогда не возражал, ведь именно он предложил ввести институт заложничества. Помните указание Цюрупе: „Я предлагаю „заложников“ не взять, а *назначить* поименно по волостям“²⁰⁷. Да, эта чудовищная мера применялась в военное время, а Сталин прибег к более страшному в мирное время. „Ученик“ пошел дальше учителя. Сталин был действительно не вчерашним Лениным, а сегодняшним: „Сталин — это Ленин сегодня“.

О том, что сталинское Политбюро достойно продолжало традиции ленинского, можно говорить до бесконечности.

В книге „Сталин“ я упоминал, что в начале Великой Отечественной войны „ленинское Политбюро“ было готово заключить с Германией „второй Брестский мир“. Люди России еще и сегодня не все знают, что во время Брестского мира 1918 года была уступлена не только половина европейской России, но и передано Берлину 93,5 тонны российского золота. Большевики все это скрывали от народа.

Готовя книгу „Ленин“, я документально установил, что пример лидера большевиков для Сталина оказался заразительным и с началом катастрофических неудач на фронте (по его вине) он поручил Берии связаться с агентом НКВД

болгарским послом Стаменовым. Было решено установить контакт с Берлином и предложить „уступить гитлеровской Германии Украину, Белоруссию, Прибалтику, Карельский перешеек, Бессарабию, Буковину за прекращение военных действий“²⁰⁸. Ценой этих уступок и порабощения десятков миллионов людей Сталин хотел выпросить у Гитлера мир. Переговоры с болгарским послом Берия поручил вести разведчику П.А.Судоплатову“.

Как Брестский мир 1918 года был преступлением большевиков, так и потенциальная возможность еще одного такого „соглашения“ лежит на совести „ленинского Политбюро“.

Сотни тысяч, миллионы архивных дел ЦК КПСС, КГБ свидетельствуют: „ленинское Политбюро“ и после смерти его основателя во имя достижения цели не гнушалось никакими, даже самыми грязными, средствами. Достаточно вспомнить, что партийная верхушка, поставленная в критическое положение фашизмом, обратилась за содействием к церкви (которую буквально до этого уничтожила), к ученым, конструкторам (которые были в числе многомиллионного „населения“ ГУЛАГа), к еврейской обществу (которая испытала весь ужас советского антисемитизма). Когда нацистский враг был повержен, верный ленинец счел, что еврейской общине было сделано слишком много уступок. На своем заседании 8 февраля 1949 года Политбюро решило:

„...принять предложение правления Союза советских писателей (т. Фадеева):

а) о роспуске объединений еврейских писателей в Москве, Киеве и Минске;

б) о закрытии альманахов на еврейском языке „Геймланд“ и „Дер Штерн“ (Киев)²⁰⁹. А дальше террористическая машина уже пошла по накатанной колее.

Правда, сила Сталина была уже столь беспредельна, что часто он даже не прибегал к камуфляжу решения Политбюро. Оно всегда было „за“, если вождь хотел чего-либо. Сталин счел нужным, чтобы Молотов вместе с Риббентропом 23 и 28 августа, 28 сентября 1939 года, 10 января 1941 года подписали целый пакет „секретных

дополнительных“, „доверительных“ „разъяснений к секретному дополнительному протоколу“, по которому произошел циничный преступный дележ целой группы стран. Из всего Политбюро кроме Сталина лишь Молотов был посвящен во все эти тайны. В данном случае персона вождя выступала олицетворением того же „ленинского Политбюро“... Нередко во время многочасового ночного хмельного застолья у Сталина рождались мысли, идеи, планы, которые он высказывал своим сановным собутыльникам. Те дружно соглашались, поддакивали. Маленкову лишь оставалось назавтра „мудрое решение“ оформить как „постановление Политбюро“.

На счету „ленинского Политбюро“ под руководством Сталина множество преступлений. Но есть одно, которое особо выделяется своим изуверством, цинизмом и жестокостью. Речь идет о решении Политбюро от 5 марта 1940 года. Приведу в сокращении этот документ. У меня с ним связаны особые воспоминания, ибо именно мне и еще трем членам президентской комиссии удалось отыскать в залежах цековских сверхсекретных архивов этот потрясающий до ужаса документ. Приведу лишь часть его.

„1. Предложить НКВД СССР

1) дела о находящихся в лагерях для военнопленных 14 700 человек — бывших польских офицеров, чиновников, помещиков, полицейских, разведчиков, жандармов, осадников и тюремщиков;

2) а также дела об арестованных и находящихся в тюрьмах западных областей Украины и Белоруссии в количестве 11 000 человек — членов различных контрреволюционных шпионских и диверсионных организаций, бывших помещиков, фабрикантов, чиновников и перебежчиков — рассмотреть в особом порядке, с применением к ним высшей меры наказания — расстрела.

II. Рассмотрение дел провести без вызова арестованных и без предъявления обвинения, постановления об окончании следствия и обвинительного заключения...“²¹⁰

Прочитав десятки страниц этого дела, хранившегося

в „Особой папке“* архива Политбюро, я действительно испытал потрясение. Это были даже не „военнопленные“. Ведь Польша не вела с нами войну в 1939 году... Мысль спотыкалась на словах: к „высшей мере наказания“... Наказание — за что? „Ответы“ Политбюро чудовищны по своей бессмыслице и жестокости.

Я не мистик, но почему-то бросились в глаза детали: протокол № 13 от 5 марта 1940 года. Ровно через 13 лет, именно 5 марта, не станет самого кровавого ленинца...

Стенограммы обсуждения вопроса о расстреле поляков не существует. Вопрос решался устно, вербально. Но выдержку из постановления Политбюро я в книге привел.

Стоит добавить, что, хотя советская сторона до конца пыталась скрыть злодеяния Сталина, Берия и других большевистских руководителей, с документами о расстреле поляков были знакомы все основные лидеры СССР. Например, Хрущев ознакомился с делом в марте 1959 года, Андропов — в апреле 1981 года. Были эти документы и у помощников Горбачева (в частности, у В.И.Болдина) в апреле 1989 года, видимо, для ознакомления генсека. И тем не менее все утверждали, что документов этих не существует...

Имеется около десятка различных постановлений Политбюро, начиная с 1971 года, направленных на то, как скрыть, закамуфлировать дикое преступление. К этому сокрытию причастны Брежнев, Андропов, Черненко, Громыко и другие партийные бонзы, в том числе и некоторые здравствующие поныне.

Добавлю, что личным решением Сталина осуществление чудовищной „миссии“ по реализации решения Политбюро было возложено на Меркулова, Кобулова, Баштакова (начальника 1-го спецотдела НКВД СССР). Возможно, это одно из самых страшных решений высшей партийной коллегии.

В архивах Политбюро есть множество документов, издание которых способно создать объемную фотографию

* „Особые папки“ были только в архиве Политбюро. Я вынужден, в ряде случаев, пользоваться такими сносками потому, что пока эти документы еще не „фондированы“, т.е. не зарегистрированы в обычном архивном порядке.

этого большевистского органа. Многие заседания Политбюро или Центрального Комитета — это потрясающие спектакли ортодоксальности, невежества, полицейщины, мракобесия, фарисейства. Особенно в 20—50-е годы.

Как известно, уже после разоблачения Сталина на XX съезде в высшем эшелоне партии шла глухая борьба сторонников классического сталинизма и людей, пытавшихся его сохранить, так сказать, в „либеральном“ виде. В конечном счете все это вылилось в осуждение так называемой антипартийной группы в составе Маленкова, Молотова, Кагановича, Булганина, Первухина, Шепилова и некоторых других деятелей.

Пленум, где судили Молотова сотоварищи, состоявшийся в июне 1957 года, шел несколько дней. Стенограмма заседания, конечно, абсолютно засекреченная и состоящая из 344 страниц, — уникальный документ, анатомирующий как мораль коммунистов, так и нравы членов Центрального Комитета, раскрывающий фанатичный догматизм членов партийного ареопага и полицейское мышление подавляющего числа его членов²¹¹. Чтобы лучше представить, что такое „ленинское Политбюро“, его секретари и члены ЦК, я просто приведу несколько крошечных фрагментов из огромного тома стенограммы пленума.

Г.К.Жуков, обвиняя Кагановича и Молотова в репрессиях 1937—1938 годов, зачитал документ, согласно которому эти лица (разумеется, вместе со Сталиным) дали санкцию на расстрел 38 679 руководящих работников, деятелей культуры, военачальников. Эти люди на списках заранее определяли своими резолюциями меру наказания (расстрел), а Военная коллегия лишь формально исполняла свои обязанности. Жуков привел пример, когда лишь в один день — 12 ноября 1938 года — Сталин и Молотов дали указание на расстрел 3167 руководителей!²¹²

Таковы были члены „ленинского Политбюро“... Член ЦК Дуров рассказал, как многих партийных секретарей вызывали в Центральный Комитет партии к Маленкову, а при выходе из его кабинета их тут же арестовывали. Так были схвачены секретарь ЦК Кузнецов, Председатель Совета Министров РСФСР Родионов, секретарь Ленинг-

радского обкома КПСС Попков, секретарь Саратовского обкома Криницкий, нарком связи Берман и другие руководители. После встреч с Маленковым были арестованы секретарь ЦК Белоруссии Гикало, секретарь Тульского обкома Сойфер, секретарь Ярославского обкома Зимин, секретарь Татарского обкома Лепа и другие люди²¹³. „Штаб“ партии не только организовывал террор против собственного народа, но и сам был органом политической полиции.

Хрущев, полемизируя с Маленковым, напомнил, что квартиры (находящиеся в одном доме), в которых жили он сам, Маленков, Булганин, Тимошенко, Буденный и другие военачальники, были снабжены подслушивающими устройствами, которые установили спецслужбы²¹⁴. За всеми следили.

Но на пленуме никто не возмутился, что практически все первые лица государства находились под полицейским надзором! Центральный Комитет партии, демагогически рассуждавший о „самой высокой демократии в мире“, считал обычной нормой шпионские порядки, которые существовали в стране, „идущей по пути Ильича“...

Но даже в обстановке, когда кровь могла застыть в жилах при упоминании подробностей диких беззаконий сталинского режима, такие члены высшего партийного анклава, как Каганович, заявляли на пленуме 1957 года:

— Я любил Сталина, и было за что любить — это великий марксист... Мы должны им гордиться, каждый коммунист должен гордиться... Мы развенчали Сталина и незаметно для себя развенчиваем 30 лет нашей работы...²¹⁵

Ленинизм в сталинской форме стал частью советской природы, глубоким фанатичным мировоззрением, обычной методологией мышления и действия. В этом, в частности, проявилось в огромной степени процветание догматизма в партии и стране. А по тропе догматизма самый короткий путь к диктатуре.

После драматического XX съезда, когда Н.С.Хрущев мужественно сдернул покровы тайн с преступлений спецслужб, наступила новая пора в жизни „ленинского Политбюро“. Его тактика изменилась: в „нарушении револю-

ционности“ виновны только Сталин, Берия, НКВД, но совсем не партия и тем более не Политбюро. Любые попытки выяснить генезис террористического режима сурово пресекались. Это почувствовал на себе и сам Хрущев.

Когда в результате дворцового заговора его лишили власти, он, возможно, еще не осознавая, вкусил плоды своего мужественного поведения на XX съезде КПСС. После отстранения от власти Хрущева не арестовали, не расстреляли, не отправили в ссылку, как бывало раньше, а позволили доживать свою жизнь, как человек донашивает старое пальто. Хрущев, бывший Первый секретарь ЦК партии, глотнувший живительный воздух свободы, не хотел просто постепенно угаснуть как свеча, тихо и печально. Он вознамерился, что свойственно старикам, прожившим большую бурную жизнь, оставить воспоминания. Человек с низкими грамотностью и культурой, но с самобытным умом и немалой гражданской смелостью приступил к диктовке своих воспоминаний. Со временем об этом, конечно, узнали в Политбюро: ведь Хрущев остался под колпаком Комитета госбезопасности, ибо и та организация, которую он возглавлял до снятия с поста, как метко выразился один журналист, была именно „партией госбезопасности“.

Председатель Комитета госбезопасности Ю.В. Андропов доложил 25 марта 1970 года в ЦК специальной запиской под грифом „особой важности“ следующее: „В последнее время Н.С.Хрущев активизировал работу по подготовке воспоминаний о том периоде своей жизни, когда он занимал ответственные партийные и государственные посты. В продиктованных воспоминаниях подробно излагаются сведения, составляющие исключительно партийную и государственную тайну, по таким определяющим вопросам, как обороноспособность Советского государства, развитие промышленности, сельского хозяйства, экономики в целом, научно-технические достижения, работа органов госбезопасности, внешняя политика, взаимоотношения между КПСС и братскими партиями социалистических и капиталистических стран и другие. Раскры-

вается практика обсуждения вопросов на закрытых заседаниях Политбюро ЦК КПСС...”

Действительно, сама практика „закрытых заседаний“ была особым секретом. Далее Андропов предлагает: „При таком положении крайне необходимо принять срочные меры оперативного порядка, которые позволяли бы контролировать работу Н.С.Хрущева над воспоминаниями и предупредить вполне вероятную утечку партийных и государственных секретов за границу. В связи с этим полагали бы целесообразным установить оперативный негласный контроль над Н.С.Хрущевым и его сыном Сергеем Хрущевым... Вместе с тем было бы желательно, по нашему мнению, еще раз вызвать Н.С.Хрущева в ЦК КПСС и предупредить об ответственности за разглашение и утечку партийных и государственных секретов и потребовать от него сделать в связи с этим необходимые выводы...”²¹⁶

В Политбюро всполошились. Неслыханно! Хрущеву позволили спокойно ковыряться на клумбах с цветами, не отправили на Колыму, а он взялся за „воспоминания“! Пресечь, остановить. Немедленно! На заседании „ленинской“ коллегии 27 марта 1970 года поручили И.В.Капитонову и Ю.В.Андропову переговорить с Хрущевым „в соответствии с обменом мнениями на заседании Политбюро ЦК“²¹⁷.

Переговоры с Хрущевым „в соответствии с обменом мнениями на заседании Политбюро“ мало что дали. Отставной Первый секретарь стал только осторожнее, как и его сын. Но тем не менее более двух тысяч надиктованных Хрущевым страниц КГБ смог заполучить. Но это была лишь копия. С помощью сына и еще одного родственника рукопись оказалась на Западе. Сам Хрущев об этом не знал. Стало ясно — публикации не избежать. Тогда решили еще „надавить“ на одного из верных ленинцев, чтобы он сам признал материал, оказавшийся за границей, „фальшивкой“.

Как будто бы добились своего. Но Хрущев продолжал копаться в бумажках своих воспоминаний.

Политбюро решило еще раз побеседовать с Хрущевым. Поручили это сделать председателю Комитета пар-

тийного контроля А.Я.Пельше и членам комитета С.О.Постовалову и Р.Е.Мельникову. Часовая беседа, хорошо записанная стенографистками Солозоновой и Марковой, — готовый сценарий исторического фильма. Я не имею возможности воспроизвести его в книге из-за объема, но приведу лишь несколько фрагментов беседы, которые, как мне думается, характеризуют партийные нравы коммунистов, атмосферу политического сыска, культивируемую Политбюро, и независимое, смелое поведение Хрущева. Целью „беседы“ было намерение заставить отказаться Хрущева от авторства мемуаров и признать их фальшивкой. Итак, некоторые фрагменты из беседы в Комитете партийного контроля с бывшим Первым секретарем.

„Пельше: По сообщению нашего посла т. Добрынина, 6 ноября в Нью-Йорке представители американского журнально-издательского концерна „Тайм“ официально объявили о том, что они располагают „воспоминаниями Н.С.Хрущева“... Может быть, вы прямо скажете нам, кому передавали эти материалы для публикации за рубежом.

Хрущев: Я протестую, т. Пельше. У меня есть свои человеческие достоинства, и я протестую. Я никому не передавал материал. Я коммунист не меньше, чем вы.

Пельше: Надо вам сказать, как они туда попали.

Хрущев: Скажите вы мне, как они туда попали. Я думаю, что они не попали туда, а это провокация.

Пельше: Вы в партийном доме находитесь...

Хрущев: Никогда, никому никаких воспоминаний не передавал и никогда бы этого не позволил. А то, что я диктовал, я считаю, это право каждого гражданина и члена партии.

Пельше: У нас с вами был разговор, что тот метод, когда широкий круг людей привлечен к написанию ваших мемуаров, не подходит...

Хрущев: Пожалуйста, арестуйте, расстреляйте. Мне жизнь надоела. Когда меня спрашивают, я говорю, что я недоволен, что я живу. Сегодня радио сообщило о смерти де Голля. Я завидую ему...

Пельше: Вы скажите, как выйти из создавшегося положения?

Хрущев: Не знаю. Вы виноваты; не персонально вы, а все руководство... Я понял, что, прежде чем вызвать меня, ко мне подослали агентов...

Пельше: То, что вы диктуете, знают уже многие в Москве.

Хрущев: Мне 77-й год. Я в здравом уме и отвечаю за все слова и действия...

Пельше: Как выйти из этого положения?

Хрущев: Не знаю. Я совершенно изолирован и фактически нахожусь под домашним арестом. Двое ворот, и вход и выход контролируются. Это очень позорно. Мне надоело. Помогите моим страданиям.

Пельше: Никто вас не обижает.

Хрущев: Моральные истязания самые тяжелые.

Пельше: Вы сказали: когда я кончу, передам в ЦК.

Хрущев: Я этого не говорил. Тов. Кириленко предложил мне прекратить писать. Я сказал — не могу, это мое право...

Пельше: Мы не хотим, чтобы вы умирали.

Хрущев: Я хочу смерти.

Мельников: Может быть, вас подвел кто-то?

Хрущев: Дорогой товарищ, я отвечаю за свои слова, и я не сумасшедший. Я никому материалы не передавал и передать не мог.

Мельников: Вашими материалами пользовался не только сын, но и машинистка, которую вы не знаете, писатель беспартийный, которого вы также не знаете, и другие.

Хрущев: Это советские люди, доверенные люди.

Мельников: Вы не стучите и не кричите. Вы находитесь в КПК и ведите себя как положено...

Хрущев: Это нервы, я не кричу. Разное положение и разный возраст.

Пельше: Какие бы ни были возраст и нервы, но каждый член партии должен отвечать за свои поступки.

Хрущев: Вы, т. Пельше, абсолютно правы, и я отвечаю. Готов нести любое наказание, вплоть до смертной казни.

Пельше: КПК к смертной казни не приговаривает.

Хрущев: Практика была. Сколько тысяч людей погибло. Сколько расстреляно. А теперь памятники „врагам народа“ ставят...

Пельше: 23 ноября, то есть через 13 дней, они („Воспоминания“. — Д.В.) будут в печати. Сейчас они находятся в типографии...

Хрущев: Я готов заявить, что никаких мемуаров ни советским издательствам, ни заграничным я не передавал и передавать не намерен. Пожалуйста, напишите.

Постовалов: Надо думать, и прежде всего вам, какие в связи с этим нужно сделать заявления, а их придется делать...

Хрущев: Я только одно скажу, что все, что я диктовал, является истиной. Никаких выдумок, никаких усиленных нет, наоборот, есть смягчения. Я рассчитывал, что мне предложат написать. Опубликовали же воспоминания Жукова. Мне жена Жукова позвонила и говорит: Георгий Константинович лежит больной и лично не может говорить с вами, но он просит сказать ваше мнение о его книге... Я, говорю, не читал, но мне рассказывали люди. Я сказал: отвратительно и читать не могу то, что написано Жуковым о Сталине. Жуков — честный человек, военный, но сумасброд...

Постовалов: Вы же сказали, что не читали книгу.

Хрущев: Но мне рассказали.

Постовалов: Речь идет не о Жукове.

Хрущев: Тов. Пельше не дал закончить мысль. Обрывать — это сталинский стиль.

Пельше: Это ваши привычки.

Хрущев: Я тоже заразился от Сталина и от Сталина освободился, а вы нет...

Мельников: Вы, т. Хрущев, можете выступить с протестом, что вы возмущены.

Хрущев: Я вам говорю, не толкайте меня на старости лет на вранье...

Пельше: Нам сегодня стало известно, что американский журнально-издательский концерн „Тайм“ располагает воспоминаниями Хрущева, которые начнут публиковаться там. Это факт... Хотелось бы, чтобы вы определили свое отношение к этому делу, не говоря о существовании мемуаров, что вы возмущены этим и что вы никому ничего не передавали...

Хрущев: Пусть запишет стенографистка мое заявление.

Из сообщений заграничной печати, главным образом Соединенных Штатов Америки и других буржуазных европейских стран, стало известно, что печатаются мемуары или воспоминания Хрущева. Я возмущен этой фабрикацией, потому что никаких мемуаров никому я не передавал — ни издательству „Тайм“, ни другим кому-либо, ни даже советским издательствам. Поэтому считаю, что это ложь, фальсификация, на что способна буржуазная печать...⁴²¹⁹

Нужно отдать должное бывшему Первому секретарю: несмотря на выкручивание рук, он признал только, что не передавал лично своих воспоминаний, что было правдой. Но он не отказался от того, что содержали воспоминания.

Этот пространственный диалог одного из опальных „ленинцев“ с номенклатурной инквизицией, помимо чисто человеческого колорита, рельефно показывает партийные нравы, столь усиленно культивируемые Политбюро. С ленинских времен тайны, секреты партии стали выражением ее универсального политического средства: лжи. Слова престарелого Хрущева: „Не толкайте меня на старости лет на вранье“ — лишь на единичном уровне отражают то господство неправды, фальсификаций, лжи, которые использовала коммунистическая партия. Объективности ради надо сказать, что мы все (точнее, может быть, огромное большинство) верили этой лжи, способствовали ее распространению, были ее пленниками.

Таким образом, после XX съезда партии Политбюро не стало менее могущественным, оно лишь видоизменило формы и методы своего влияния. Вместо открытого, циничного физического террора была сделана ставка на террор духовный, манипуляцию общественным сознанием, „совершенствование“ тотальной бюрократизации общества. А в остальном Политбюро осталось все тем же „суперправительством“, сверхорганом, решающим все.

Политбюро опиралось на гигантский аппарат Центрального Комитета. Многие тысячи партийных чиновников стояли над правительством, министерствами, ве-

домствами, вузами, промышленностью, культурой, спортом, дипломатией, армией, тайной полицией, разведкой. (И так в каждой области и районе.) В аппарате ЦК было двадцать с лишним отделов (и равных им подразделений), разбитых на 180—190 секторов²²⁰. Каких только секторов в ЦК не было! Сектор Украины и Молдавии, сектор газет, сектор единого партбилета, сектор философских наук, сектор по работе среди иностранных учащихся, сектор кинематографа, сектор общего машиностроения (оборонный), сектор среднего машиностроения (оборонный), сектор электронной промышленности (оборонный), сектор городского хозяйства, сектор колхозов, сектор органов государственной безопасности, сектор кадров советских учреждений в капиталистических странах, сектор приема и обслуживания партийных и государственных деятелей социалистических стран и еще многие десятки секторов.

Над государством протянул щупальца гигантский партийный спрут, который всем командовал, распоряжался, назначал, снимал, преобразовывал, наказывал, планировал, контролировал, анализировал, прогнозировал... Ленинское изобретение однопартийной системы фактически вело к ликвидации партии в обычном понимании этого слова. Это некий номенклатурный орден, где иерархия соблюдалась строже, чем в армии. На вершине этой бюрократической пирамиды восседало Политбюро — клан неприкасаемых и неподвластных законам людей. Только первое лицо могло спустить члена Политбюро (все в ареопаге дружно поддерживали) вниз по ступенькам лестницы на самое дно... Иногда — с грохотом...

Вот характерная деталь. На заседании Политбюро 17 июня 1971 года один из его членов, Воронов, предложил:

— Мне кажется, что надо бы секретарей обкомов и председателей исполкомов утверждать также Советом Министров РСФСР, хотя бы с ними согласовывать...

Ему тут же ответил другой член Политбюро, Кириленко:

— Я хочу помочь Воронову и сообщить, что в России есть ЦК КПСС и эти все вопросы, в том числе кадровые,

он решает. Никогда не было иначе, и почему надо устраивать, чтобы этот вопрос проходил через Совет Министров?

Добавил еще один член Политбюро, Подгорный:

— Зачем еще надо пропускать через какие-то дополнительные органы?²²¹

Как было заведено с ленинских времен, так все и осталось: на все основные должности в государстве назначает людей партия.

Политбюро осталось так же нетерпимым к инакомыслию, как это было при Ленине и Сталине. На заседании Политбюро 7 января 1974 года, обсуждавшем более двух часов один вопрос: „О Солженицыне“, Брежнев заявил: „Во Франции и США, по сообщению наших представительств за рубежом и иностранной печати, выходит новое сочинение Солженицына — „Архипелаг ГУЛАГ“... Пока что этой книги еще никто не читал, но содержание ее уже известно. Это грубый антисоветский пасквиль. Нам нужно в связи с этим сегодня посоветоваться, как нам поступить дальше. По нашим законам мы имеем все основания посадить Солженицына в тюрьму, ибо он посягнул на самое святое — на Ленина, на наш советский строй, на Советскую власть...“ Выступившие Косыгин, Андропов, Кириленко, Сулов рассматривали „дилемму“: осудить его или выдворить из страны?²²²

Политбюро, похоже, духовную опасность считало не менее грозной, чем ядерную. Колоссальные средства отпускались на то, чтобы продолжать держать общественное сознание огромного общества в обруче большевистского догматизма и единомыслия.

Политбюро почти не менялось. Менялась жизнь, люди, обстоятельства, менялся весь мир, но Политбюро как бы законсервировалось в марксистской ортодоксии и классовый зашоренности. Даже в вопросах общечеловеческих, гуманистических оно не могло подняться выше большевистских предубеждений. Вот пример. 31 августа 1983 года советские средства ПВО сбили южнокорейский пассажирский самолет, нарушивший государственную границу. 2 сентября Политбюро долго заседает. Говорят обо всем:

„это грубая антисоветская провокация“, „наши летчики действовали в строгом соответствии с велением воинского долга“, „надо проявить твердость и хладнокровие“, „надо придерживаться версии, объявленной в печати“ и т.д. Все помыслы направлены лишь на то, чтобы скрыть истинные обстоятельства дела. Лишь Соломенцев и Громыко между прочим сказали, что, „возможно, мы могли бы сказать о том, что сочувствуем семьям погибших“. Горбачев исходил из того, что „отмалчиваться сейчас нельзя, надо занимать наступательную позицию...“²²³.

Поражает одно: весь мир потрясен гибелью 269 пассажиров самолета, бессмысленностью и жестокостью акции, какими бы мотивами ни руководствовался экипаж лайнера. А жрецы высшего партийного органа озабочены не судьбой людей, а тем, как вывернуться из щекотливой ситуации, как оправдаться, каким образом занять неуязвимую „наступательную позицию“... Никогда этот ареопаг не волновали общечеловеческие ценности, высокие гуманные соображения. Случай с корейским КАЛ-007 тому яркий пример.

Даже в годы перестройки Политбюро было озабочено главным: как косметически обновить Систему, изменить фасад, но сохранить ее сущность. Никто не задумывался над тем, что тоталитарная система, созданная Лениным, не поддается реформированию. В этом свете совсем по-иному выглядит историческая роль Горбачева — последнего Генерального секретаря ЦК КПСС. Она заключается не в том, что он разрушил тоталитарную систему (это не так), а в том, что он не мешал ее саморазрушению.

На заседании Политбюро 15 октября 1987 года рассматривался один вопрос: „О проекте доклада на торжественном заседании, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции“. Мы не имеем возможности привести всю эту огромную стенограмму обсуждения. Я приведу лишь фрагменты некоторых выступлений на пленуме.

„Рыжков: Я думаю, в докладе дается правильная оценка поведень определенной группы людей, которые пытаются

использовать демократию в ущерб нашим партийным, общегосударственным интересам.

Горбачев: Нам не нужен какой-то буржуазный плюрализм. У нас есть социалистический плюрализм, ибо мы учитываем разнообразие интересов людей и различных точек зрения.

Рыжков: Вот так и надо написать в докладе... А то ведь каждое слово потом на вооружение возьмется: ага, плюрализм! — давайте вторую партию, третью партию и т.д.

Лигачев: Я хотел бы еще раз подчеркнуть: очень важно, что именно сейчас дана принципиально правильная марксистско-ленинская оценка идейной борьбе партии с троцкизмом...

Громыко: Совсем не бесспорным является вопрос: а что было бы, если бы не было коллективного, социалистического сельского хозяйства? Как бы наша страна выглядела в годы войны и какой бы она вышла из войны?.. Надо сказать, уже без Ленина на долю партии выпала очень тяжелая задача — обеспечить победу над теми темными силами, которые хотели разрушить партию...

Горбачев: ...здесь проявилась гениальность Ленина и то, что все его соратники стоят на порядок ниже его. В этом кругу можно сказать: ведь до приезда Ленина в Петроград — и Сталин, и все те другие, кто был в России, уже подготовились к тому, что как хорошо теперь — будет легальная оппозиция. И они будут в оппозиции. Они уже подготовились быть в легальной оппозиционной партии. Это был взгляд крупных довольно деятелей партии. А Ленин появился и с ходу сказал: „Да здравствует социалистическая революция!“

Шеварднадзе: Одна фраза вызывает у меня сомнение, хотя она в принципе правильная. В докладе говорится: „Курс на ликвидацию кулачества как класса был правильный...“ Может быть, не говорить о „ликвидации“, а найти какое-то другое слово...

Чебриков: Появилась группа лиц — она не отражает, конечно, настроения народа, — они распространяют листовки о необходимости новой Конституции. Вот одна из

листовок. В ней говорится, что наша Конституция не соответствует перестройке, что это Конституция тоталитарного режима, похожа на армейский устав, а наша страна — не казарма. На шестую статью нападают — о руководящей роли партии“.

В этом же духе говорили и остальные члены Политбюро. Все это было уже на третьем году перестройки. Большевизм, уравнилельный социализм, непримиримость к инакомыслию стали нашей сутью, и мы очень медленно освобождались от этого исторического хлама. Большинство членов Политбюро значительно медленнее, чем весь народ.

Ленинская традиция в этих вопросах была, конечно, сохранена. Как сохранена и в заботе о себе, о „партверхушке“. Имеется множество совершенно закрытых постановлений о все новых и новых льготах, которые члены Политбюро дополнительно вводили для самих себя. Решения эти — „Строго секретно“ и „Особая папка“. Заглянем хотя бы в некоторые.

„На специальном заседании 28 июля 1966 года решили: „Установить, чтобы члены, кандидаты в члены Политбюро ЦК КПСС, секретари ЦК КПСС и заместители Председателя Совета Министров СССР начинали работу в 9 часов утра и оканчивали в 17 часов с обязательным соблюдением перерыва на обед...“ Далее предписывалось отдыхать в летнее время полтора месяца и в зимнее — один месяц...²²⁴

На заседании Политбюро 24 марта 1983 года были предприняты новые послабления в труде членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК КПСС старше 65 лет (а тогда в нем были почти все „старше“), начинать работу в 10 часов утра...²²⁵ Не забыли принять и постановление о пенсионном обеспечении: размер пенсии членов Политбюро в 1976 году достигал 800 рублей в месяц с сохранением дачи (пять человек обслуживающего персонала), автомобилей „Чайка“, „Волга“ и т.д.²²⁶ Все это хранилось в „Особой папке“, которую можно было вскрывать, как гласит подпись А.И.Лукиянова, только с „разрешения Генерального секретаря ЦК КПСС“²²⁷.

Но, пожалуй, хватит о „ленинском Политбюро“. Эти люди фактически избирали сами себя. Их выдвигала в обиходу правящей элиты узкая группа высших партийных функционеров, а они на протяжении десятилетий правили народом, совершая между трудами дела катыньские, афганские, карибские, корейские, берлинские, новочеркасские, чернобыльские... Любая власть порочна. Но большевистская особо. И в этом лишний раз убеждаешься, глядя на „свершения“ „ленинского Политбюро“.

То был апокалипсис власти в сумерках революции.

Глава 2

ОДНОМЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

Ленин отрицал свободу внутри партии, и это отрицание свободы было перенесено на всю Россию.
Николай Бердяев

Ленин для России — это страшная революционная стрела, выпущенная из туго натянутого лука истории. Большевистское явление, наиболее полным олицетворением которого стал сам Ленин, сокрушило в России все. Вначале было поражено в Петрограде слабое и бездарное демократическое правительство; затем были повержены частная собственность, разрушена крестьянская община, разграблена церковь, оскотлена национальная духовность. Все, что было связано с Лениным, было рельефно антикапиталистическим, антидемократическим, антилиберальным, антиреформистским, антигуманным, антихристианским. Если святой князь Владимир Киевский, крестив Русь, сделал ее христианской, то Владимир Ульянов выпустил на ее просторы Антихриста. Еще ни одному человеку в истории не удалось в таких масштабах и качестве изменять огромное общество.

Ленин превратил Россию в экспериментальное поле Истории, создавая новое общество.

Пожалуй, главное, что характеризует это новое общество, — одномерность. Все бесконечное многообразие социальной и духовной жизни, многострунность культуры, исторических традиций, творческих потенций миллионов людей было сведено к жесткой, однозначной, бескомпромиссной идеологической парадигме ленинизма. Именно она предписывала Системе как новое откровение монополю на власть, мысль, новые „ценности“. В обществе на десятилетия прочно обосновались догматическое однодумство, тотальная бюрократия, авторитаризм одной политической силы, иррациональный страх. Началась долгая война против собственного народа. Господство антисвободы и предопределило одномерность общества. Оно стало послушным, молчаливым, управляемым. Главный Архитектор этого общества знал, чего он хочет.

Если открыть страницы советской истории после 1924 года, на которых отражена драма социального развития, везде мы встретим неизменные призывы, суть которых фактически означала: „Назад, к Ленину!“ Общество оказалось во власти идей этого человека, и все его наследники в кульминационные моменты политической драмы вздымали взоры к иконе советского божества. Они неизменно звали на помощь тень мертвого Ленина.

В октябре 1927 года Сталин, добивая троцкистскую оппозицию, в своем полуторачасовом докладе то и дело призывал Ленина в качестве главного союзника: „Вы знаете, — говорил Сталин, — что в 1921 году Ленин предлагал исключить из ЦК и из партии Шляпникова... за одно лишь то, что Шляпников осмелился выступить в партийной ячейке с критикой решений ВСНХ...“ Сталин, считая этот аргумент достаточным, продолжал: „Говорят об арестах исключенных из партии дезорганизаторов, ведущих антисоветскую работу. Да, мы их арестовываем и будем арестовывать, если они не перестанут подкапываться под партию и Советскую власть“ (Голоса: „Правильно! Правильно!“). Сталин призывал быть беспощадным к врагам, как Ленин.

Ленин стал универсальным оружием, которое каждый из его преемников использовал по-своему. Часто дело заключалось лишь в том, чтобы найти подходящую цитату из огромного литературного и эпистолярного наследия вождя. Возвращение к Ленину, его агрессивная „защита“, превращение усопшего в идеальный эталон сделалось коммунистической нормой и правилом партийной жизни. Одномерность социального, политического и идеологического бытия очерчивалась ленинскими параметрами: „Ленин завещал...“, „У Ленина сказано...“, „По-ленински поступать надо так...“.

Когда Н.С.Хрущев выступал в Кремле 25 февраля 1956 года со своим знаменитым докладом „О культе личности и его последствиях“, тень Ленина стояла в кремлевском зале. То и дело Первый секретарь ЦК КПСС, вскидывая голову и вглядываясь в притихший зал, произносил: „Ленин учил...“, „Ленин всегда подчеркивал роль народа...“, „При жизни Ленина Центральный Комитет партии был подлинным выражением коллективного руководства...“, „Ленин... требовал самого внимательного партийного подхода к лю-

дям...". Получалось, что соль культа личности (а в это мы все до недавнего времени верили, автор книги — в полной мере) заключалась лишь в забвении Сталиным „заветов“ Ленина. Даже жестокость у Ленина, по словам Хурщева, была совсем другой, чем у Сталина, „благородной“, что ли...

„...А разве можно сказать, — энергично декларировал текст доклада лидер КПСС, — что Ленин не решался применять к врагам революции, когда это действительно требовалось, самые жестокие меры? Нет, этого никто сказать не может. Владимир Ильич требовал жестокой расправы с врагами революции и рабочего класса и, когда возникала необходимость, пользовался этими мерами со всей беспощадностью. Вспомните хотя бы борьбу В.И.Ленина против эсеровских организаторов антисоветских восстаний, против контрреволюционного кулачества в 1918 году и других... Но Ленин пользовался такими мерами против действительно классовых врагов...“² Вот так: если это „действительно“ классовый враг, то разрешается все.

На заседании Политбюро под председательством Ленина 27 апреля 1921 года Тухачевский был назначен „единоличным командующим войсками“ в Тамбовской губернии. Дали месячный срок для ликвидации крестьянского восстания, обязав еженедельно докладывать в ЦК о ходе подавления мятежа „в письменной форме“³. В указанные сроки Тухачевский не уложился, но старался изо всех сил. Судите сами.

„Приказ

Командующего Войсками Тамбовской губернии
гор. Тамбов № 0116 от 12 июня 1921 года

Остатки разбитых банд и отдельные бандиты, сбежавшие из деревень, где восстановлена советская власть, собираются в лесах и оттуда производят набеги на мирных жителей.

Для немедленной очистки лесов приказываю:

1. Леса, где прячутся бандиты, очистить ядовитыми газами; точно рассчитывать, чтобы облако удушливых газов распространялось по всему лесу, уничтожая все, что в нем пряталось.
2. Инспектору артиллерии немедленно подать на места

потребное количество баллонов с ядовитыми газами и нужных специалистов...

Командующий войсками Тухачевский
Начштавойск Какурин“.

Трудно представить крестьян, обобранных советской властью, „действительными классовыми врагами“, но подобные меры („уничтожая все, что в нем пряталось“) „ленинскому Политбюро“ были известны и безусловно одобрялись.

Вернемся еще к докладу Хрущева в февральскую ночь 1956 года. „...Сталин проявлял неуважение к памяти Ленина. Не случайно Дворец Советов, как памятник Владимиру Ильичу, решение о строительстве которого было принято свыше 30 лет тому назад, не был построен и вопрос о его сооружении постоянно откладывался и предавался забвению. Надо исправить это положение и памятник Владимиру Ильичу соорудить...“ Зал прерывал Хрущева, как явствует стенограмма, „бурными продолжительными аплодисментами“⁴.

И это тогда, когда в стране уже существовали многие тысячи, десятки, сотни тысяч ленинских памятников, бюстов, барельефов, памятных досок. Трудно было найти даже глухую деревню, где бы в правлении колхоза, в клубе, а то и на площади не возвышался гипсовый, бетонный или металлический Ленин. Страна была покрыта за семь десятилетий густой сетью ленинских музеев, „ленинских комнат“, мемориалов, ленинских памятных мест, ленинских маршрутов, библиотек, тысячами улиц имени Ленина, одноименных колхозов, совхозов, поселков, городов, областей... Идолы монументов стояли повсюду; это было словно нашествие инопланетян... К чему только ни притрагивалась рука этого человека, где только ни ступала его нога — все обретало особый, мистический, священный смысл. Гигантский Центральный музей В.И.Ленина обзавелся своими филиалами в Ленинграде, Тбилиси, Киеве, Ульяновске, Львове, Баку, Ташкенте, Фрунзе, Уфе, Красноярске, Казани, Куйбышеве, Алма-Ате, Чебоксарах... Возникли государственные исторические заповедники „Родина В.И.Ленина“, „Горки Ленинские“, „Сибирская ссылка В.И.Ленина“; великое множество мемориальных домов и квартир-музеев Ленина, членов его семьи... Есть и „пароход-музей“ Ленина на Енисее, „музей-

сарай" в Разливе, „музей-шалаш“ там же, „траурный поезд-музей“... В одном только Ленинграде открылось около десятка ленинских музеев. Где хотя бы недолго был Ленин или его домочадцы — музей: Горки Переяславские, Псков, Уфа, Костино, Кашино и т.д. и т.п. Осчастливили музеи ленинские и зарубежье: Париж, Прага, Лейпциг, Хельсинки, Тампере, Выборг, Парайнене, Котка, Краков, Белый Дунаец, Новый Тарг, Засниц... Но даже там, где не был Ленин, музеи с нашей помощью появлялись: в Братиславе, Улан-Баторе, Адене, Гаване... Тысячи памятных мест мечены мемориальными досками. Ни один святой, самодержец, полководец никогда не удостоивались такого внимания, подобного всеобщему затмению. Человеческая история не знает ничего подобного.

Очень многие верили в ослепительную святость вождя большевиков. Все были загипнотизированы греховным величием Ленина.

Юные ленинцы и ленинский комсомол, как, естественно, и ленинская партия, все оказались в плену великого жреца. По себе знаю, что повседневная „лениниана“ стала частью нашего регламентированного образа жизни. Мы верили, что это преисполнено некоего особого, почти мистического значения.

...Уже давно шла „перестройка“, когда в стране отмечалось 70-летие Октябрьской революции. На заседании Политбюро ЦК КПСС, где более трех часов обсуждался вариант доклада на торжественном заседании, М.С.Горбачев, подчеркивая гениальность Ленина, в частности, говорил: мы хотели „перекинуть мост от Ленина, связать ленинские идеи, ленинские подходы к событиям тех лет с делами сегодняшних наших дней. Ведь та диалектика, с которой решал вопросы Ленин, — это ключ и к решению нынешних задач“⁵. Вот так все мы, но особенно наши руководители, видели в Ленине „ключ к решению нынешних задач“. Ключ-то этот был всегда в руках, но никак не могли им открыть ларец к свободе, изобилию, уважению прав человека и все больше и больше отставали от каравана цивилизации.

Нетрудно представить, что для жителей XXI века мы все будем выглядеть в своем идолопоклонстве немногим более цивилизованными, чем друзья Миклухи-Маклая с далеких островов. Медленно вырываясь из духовного плена догматического учения, называемого ленинизмом, мы начинаем

постепенно осознать, что даже сознание — главная крепость свободы — было прочно оккупировано „бессмертными идеями“.

В начале века Ленин заявлял: „Дайте нам организацию профессиональных революционеров, и мы перевернем всю Россию“. Организация была им создана, Россия „перевернута“. Не только она, но и все в ней было перевернуто вверх дном. Безнравственное стало нравственным. Низменное превратили в высокое. Катастрофу стали выдавать за великое свершение. Поражение собственной страны — как огромное революционное достижение. В результате этой „перевернутости“ возникло одномерное общество с одномерной личностью. Ключом достижения одномерности стало уничтожение частной собственности. Ленин не учел, провозгласив: „Грабь награбленное“, что сама по себе частная собственность является сложнейшим и универсальным механизмом саморегуляции экономики. Переход к коммунистическому ведению хозяйства с неизбежностью потребовал замены экономических рычагов управления на административные. Возник колоссальный источник тотальной бюрократизации общества. Но бюрократия не может обходиться без догматизма. Так возникли важнейшие опоры одномерного общества.

Трагедия „опрокидывания“ России коснулась всех слоев общества: рабочих (которых марксизм провозгласил высшей „социальной расой“), крестьянства (превращенного в строительный материал исторического эксперимента), интеллигенции (занявшей нишу второсортной „прослойки“), сферы духа, хранившей надежду на избавление. Не будем при этом забывать, что все то, что произошло в России, изначально планировалось для всего мира. В частности, наступление на Варшаву было попыткой, как сказал Ленин, „прощупать штыком готовность Польши к социальной революции“⁶, за которой должны были последовать взрывы в Германии и потом во всем мире...

Обманутый „гегемон“

Вначале приведу один очень лаконичный документ (я его уже цитировал в одной из своих книг):

„Товарищу Берия Л.П.

Для развертывания строительства прошу организовать еще лагерь на 5 тысяч человек, выделить 30 000 метров брезента для пошива палаток и 50 тонн колючей проволоки. 22 марта 1947 года. А.Задемыдко⁷.

Сталинский министр (как и другие) привычно подписывал заявку на очередную партию рабов в стране, построившей „социалистическое общество“. В стране, идущей по „ленинскому пути“, миллионы людей за колючей проволокой строили дороги и мосты, шахты и гидростанции, сидели в научных лабораториях и конструкторских бюро. Министр внутренних дел был едва ли не главным „производственным“ страны, у него была самая многочисленная, полностью бесправная армия рабочих–заключенных. Рапорты главного тюремщика на самый верх следовали один за другим:

„Товарищу Сталину И.В.

Докладываю, что Магнитстрой НКВД СССР 13 апреля с.г. в 17 часов ввел в промышленную эксплуатацию на Нижне-Тагильском коксохимическом заводе коксовую батарею № 4, состоящую из 65 печей.

Вступившая в строй батарея будет давать дополнительно для промышленности Союза 450 тысяч тонн металлургического кокса в год.

Вслед за коксовой батареей Тагилстрой заканчивает строительство доменной печи № 3 объемом 1050 кубометров и производительностью 450 тысяч тонн чугуна в год и вводит ее в действие в третьей декаде апреля 1944 года.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР
Л.Берия⁸.

Таких донесений — огромное количество, множество томов. Складывалось даже впечатление, что рабочий класс — „передовой революционный отряд трудящихся“ — переселился на острова печального архипелага ГУЛАГ. Ценой собственной жизни эти подневольные люди, а их были миллионы, нередко добивались потрясающих результатов. Например, в год смерти Сталина рабочие золотодобывающей промышленности (читай: сотни тысяч заключенных) довели золотой запас СССР до 2049,8 тонны. Это было золотой вершиной диктатора–ленинца, после которой его преемники, ослабив смертельную хватку, уже никогда не

смогли даже приблизиться к этому показателю, а лишь продали добытое трудом подневольных.

В своей речи при открытии XII съезда РКП(б) 17 апреля 1923 года Л.Б.Каменев заявил: „Вместе с рабочим классом, под руководством Владимира Ильича, мы прошли длинный, неслыханный, единственный в истории путь... Мы единственная Коммунистическая партия, которая не борется уже за власть, а организует власть рабочих и крестьян, единственная партия, которая имеет возможность вековые орудия угнетения поставить на службу рабочему классу и всем трудящимся. Наше государство есть первая попытка все те орудия, народное богатство, земли, школы, просвещение — все, что создано человеческим трудом и что до сих пор находилось в руках господствующего класса и служило орудием подавления, превратить в орудие всемирного освобождения трудящихся, передав их в руки рабочего класса“ (Рукопескания)⁹.

Превратился ли рабочий класс в „орудие всемирного освобождения трудящихся“? Все ли перешло в его „руки“? И действительно ли он стал „гегемоном революции“?

Ленин, естественно, давал на все эти вопросы утвердительные ответы. В своей утопической работе „Государство и революция“, более похожей на философский бред, чем на теоретическое изыскание, Ленин величает пролетариат „особым классом“. Исходя из высокой степени организованности рабочего класса, которая отмечалась задолго до Ленина, автор книги пишет, что только пролетариат „способен быть вождем *всех* трудящихся и эксплуатируемых масс, которые буржуазия эксплуатирует, гнетет, давит часто не меньше и сильнее, чем пролетариев, но которые не способны к *самостоятельной* борьбе за свое освобождение“¹⁰.

Ленин, как проницательный политик, понимал, что если его партия овладеет рабочим классом, поведет его за собой, то шансы по реализации большевистских планов станут реальными. И он многого смог добиться; накануне октябрьского переворота партийная организация большевиков в Петрограде насчитывала в своем составе более 80 процентов рабочих. Выбор рабочих в пользу большевиков позволил Ленину кажущуюся авантюру с переворотом превратить в историческую реальность. Ленину и его партии оставалось

лишь распорядиться огромной силой в лице рабочего класса, поверившего, что он — „гегемон революции“ — получит власть, свободу, фабрики, заводы. Он поверил, что его, пролетариата, судьба будет в собственных руках. Мартов в своем письме к Аксельроду 19 ноября 1917 года признавал: „...почти весь пролетариат стоит на стороне Ленина и ожидает, что переворот приведет к его социальному освобождению...“¹¹. Рабочие поверили большевикам, поверили Ленину. Это предопределило удачу ленинского плана захвата власти.

А как же ответил им Ленин, его ЦК, партия? Стал ли пролетариат „господствующей силой“? Что выиграл рабочий класс от „диктатуры пролетариата“? В этой связи отметим несколько моментов.

Во-первых, во главе пролетариата оказались, как правило, представители нелюбимой Лениным и помыкаемой им интеллигенции. Практически все ключевые посты (а при диктаторском режиме это все определяет) оказались в руках тех, кто никогда не был в цехе завода или фабрики, тех, кто вообще часто смотрел на рабочее движение с галерки политической эмиграции. Ленин, Троцкий, Сталин, Свердлов, Бухарин, Орджоникидзе, Дзержинский, Луначарский, Зиновьев, Каменев, Володарский, Урицкий, Радек, многие другие „профессиональные революционеры“ не были „пролетариями“. Но они сразу же после октябрьских дней 1917 года проникательно заботились, чтобы подле них в ЦК были „представители“ рабочего класса. Это было нечто вроде политического антуража.

В действительности с момента захвата власти и до августа 1991 года партией и страной руководили сначала „профессиональные революционеры“, а затем номенклатурные „партийные работники“ как особая политическая каста. Да, нередко в эти высокие этажи власти пробивался выходец из рабочей семьи, заводской инженерии. Но Система была скроена так, что „пролетарская“ закваска быстро заменялась номенклатурной, партбюрократической выучкой. Рабочий класс как бы навсегда делегировал свои полномочия (не по своей воле) цепкому, властному, всевидящему слою профессиональных партийцев-ленинцев. Одно время Ленин даже почитал, что рабочий класс может собственными силами ор-

ганизовать современное производство. Выступая на заседании Центрального и Московского советов профессиональных союзов 6 ноября 1918 года, Ленин заявил, что „рабочий класс показал, что он умеет без интеллигенции и без капиталистов организовать промышленность“¹². Это было горькой ошибкой.

Во-вторых. В десятках и сотнях своих статей и речей Ленин писал и говорил о передаче в руки рабочих промышленного потенциала страны: заводов, фабрик, дорог, транспорта. Чтобы эти средства производства остались в руках пролетариата, Ленин считал, что „рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, сломают его до основания, не оставят от него камня на камне, заменят его новым, состоящим из тех же самых рабочих и служащих, *против* превращения коих в бюрократов будут приняты тотчас меры...“¹³.

Наивные, утопические мечтания! Рабочие, отобрав заводы и фабрики, скоро станут закабалены в неизмеримо большей степени. Все станет государственной собственностью, по отношению к которой простой рабочий имеет лишь одно право: работать, работать, работать. Работать без стачек (это будет уже буржуазный саботаж!), забастовок, выдвижения каких-либо социальных или экономических требований. Революция, партия, Ленин завершили полное отчуждение рабочего от средств производства, превратив его в их придаток. А „бюрократический аппарат“, созданный заново, превзойдет в своей тотальности и жестокости старый.

В-третьих. Казалось: „диктатура пролетариата“, о которой так много сказано и написано Лениным, дает рабочим огромные возможности занять доминирующее положение в управлении производством и государством. Это и есть, по мысли Ленина, революционная демократия. Она, демократия, по Ленину, есть форма государства, суть которого — „организованное, систематическое применение насилия к людям“¹⁴. Здесь Ленин оказался провидцем: насилия по отношению к рабочему классу будет проявлено предостаточно. Его преемник на посту „вождя“ будет сажать в тюрьму за прогулы и опоздания на работу, лишит паспортов крестьян (чтобы не вздумали бежать в город), запретит самовольно переходить рабочему с предприятия на предприятие и т.д.

Диктатура пролетариата очень скоро после октябрьского переворота превратится в диктатуру партии, а затем и одного человека. „Гегемон революции“ подвергнется еще большей эксплуатации, нежели когда он был во власти царского режима. Но Ленину и его единомышленникам опора на рабочий класс даст мощную социальную опору в „опрокидывании“ России и ее переустройстве на большевистский лад. Демонстративное же подчеркивание первенства, верховенства, приоритетности рабочего класса над другими социальными слоями населения, особенно над интеллигенцией, выглядит как откровенный социальный расизм. И хотя Ленин и его соратники без конца говорили о „праве“ рабочих управлять, руководить, решать — в действительности это было политическим камуфляжем. Управляли „профессиональные революционеры“, партийные функционеры, которые и были действительными жрецами пресловутой диктатуры пролетариата.

Рабочий класс, таким образом, сыграл роль важнейшего массового инструмента насильственного „введения социализма“ в России. Но, как писал Каутский, „советский социализм не есть вовсе социализм, ибо и возник-то он не от изобилия и „развития производительных сил“, а от скудности и отсталости; военизированный коммунизм — итог не революционного процесса, а разложения, к которому привела внешняя и внутренняя война“¹⁵. Ленин, по сути, использовал рабочий класс как главную, основную силу в переустройстве России на „социалистический лад“.

Слово „рабочий“, „пролетарий“ действовало на Ленина магически. Заклинание „рабочим происхождением“ для вождя означало высокую степень доверия к человеку. Иногда это здорово подводило лидера большевиков.

Известно очень дружеское, теплое, даже сердечное отношение Ленина к Роману Малиновскому. Председатель профсоюза металлистов Петербурга пользовался фактически неограниченным доверием вождя. По рекомендации Ленина этого талантливого оратора и организатора в январе 1912 года избирают на Пражской конференции в состав ЦК. Ленин с Малиновским вместе ездили в Лейпциг. Как вспоминал Зиновьев, Ленин по возвращении давал самую высокую оценку Малиновскому.

Никто тогда не знал, что уже с мая 1910 года Малиновский был завербован царской охранкой и регулярно информировал департамент полиции о положении в стане большевиков. Именно по указке Малиновского были арестованы Голощекин, Крыленко, Орджоникидзе, Розмирович, Сталин, Стасова, Спандарян.

Однако, когда возникли подозрения в провокаторстве Малиновского, комиссия в составе Ганецкого, Зиновьева и Ленина не нашла в действиях бывшего депутата Думы Малиновского никаких сомнительных шагов. В своей статье по этому поводу В.Ильин (Ленин) писал, что тень на Малиновского бросили негодяи и „вы позволяете мерзавцам, гадинам, вонючкам, мимо которых с презрением прошел рабочий класс, копать в этом! И кто судьбы? С вашей стороны дурачки соколовы и крестинские, тайно способные жать руку Мартову?!“¹⁶.

Более того, когда Малиновский оказался с началом империалистической войны в немецком плену, Ленин установил с ним тесную связь, регулярную переписку.

Лишь после Февральской революции, когда в руки Временного правительства попали документы охранки, Малиновский (вернувшийся в 1918 году из плена) был разоблачен и арестован. Ленин, узнав, лишь молвил:

— Экий негодяй! Надул—таки нас. Предатель! Расстрелять мало!¹⁷.

Говорили, что Ленину пришлось давать показания следственной комиссии Временного правительства. Правда, документов об этом нигде не найдено. В ноябре 1918 года Малиновского расстреляли.

Ленин имел возможность убедиться, что само социальное происхождение еще не может быть гарантией „революционной чистоты“.

Со своих первых шагов „ленинское Политбюро“ искало пути усиления партийного влияния на рабочие коллективы. В начале тридцатых годов, например, решением ЦК стали назначаться на шахты, заводы, транспорт парторги с большими полномочиями¹⁸. По существу, строительство промышленной базы социализма с самого начала носило в значительной степени принудительный характер. Многие (если не большинство) стройки осуществлялись руками заключен-

ных, которых с конца 20-х годов всегда было несколько миллионов. Например, после завершения строительства Беломорско-Балтийского канала (естественно, силами ГУЛАГа) было решено освоить всю его зону. Политбюро ЦК ВКП(б) 15 августа 1933 года принимает специальное постановление, по которому ОГПУ организует заселение районов (ссылка новых контингентов несчастных), начинает разработку минерально-рудных месторождений, осуществляет программу „буксиростроения и баржестроения“. Необходимые материалы и средства для завоза „трудопоселенцев“ выделяются¹⁹. Более чем на девяносто процентов работ выполнялось в районе канала сотнями тысяч тех, кто попал в жернова „диктатуры пролетариата“, а в действительности террористической партийной олигархии.

Все наркомы, созидавая объекты „социалистического общества“, требуют у Менжинского, затем Ягоды, потом у Берии — людей, людей, людей. Каждая дорога, мост, шахта, канал, комбинат унесли тысячи безвестных уже людей. Их могилы безымянны, число жертв неизвестно. Сталин, как верховный жрец, особо следил за тем, чтобы в адской топке никогда не погасал огонь. Нарком тяжелой промышленности С.Орджоникидзе, разворачивая строительство Прибалхашского медного комбината, жалуется Сталину, что Ягода не дает должного количества „рабсилы“. Сталин тут же удовлетворяет просьбу²⁰. Так от имени диктатуры пролетариата российские якобинцы ведут свой эксперимент.

По воле кремлевских руководителей рабочий класс делится не только на тех, кто формально свободен, но и на миллионы других, одетых в лагерные бушлаты. Политбюро в августе 1937 года приняло решение о строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали, а через год утверждает график-очередность прокладки гигантской трассы. Большинство объектов в соответствии с этим документом должны быть завершены в 1942 году, а достройка ряда участков — в 1945-м. И опять на НКВД возлагаются задачи составления проектных заданий, изысканий, производство работ и даже „заготовка“ многих тысяч лошадей²¹. Так же силами НКВД строились Норильский горно-металлургический комбинат, Днепрогэс, все крупнейшие гидроэлектростанции, множество шахт и заводов. „Гегемон“ в ог-

ромной мере стал подневольным. Мы не всегда догадываемся, что у истоков этого явления стоял Ленин.

Да, Ленин, широко прибегнувший к практике „военного коммунизма“ как способу быстрого перехода к социалистической форме хозяйствования. Мы долго утверждали, что „военный коммунизм“ был рожден гражданской войной. Что это мера, форма, метод хозяйствования временные, что его можно было как просто ввести, так и легко ликвидировать, заменив нэпом. Это не так. „Военный коммунизм“ был основой, сутью ленинской политики, и лишь его полный крах и несостоятельность заставили Ленина искать спасательные круги нэпа. Но так же верно и то, что „военный коммунизм“ как детище Ленина полностью не умер и в последующие десятилетия. Важнейшие его элементы жили до конца восьмидесятых годов, да и сейчас кое-кто не прочь вернуть его распределительно-уравнительные компоненты.

Господство государства над обществом, а это всегда отстаивал Ленин, хотя и написал много об „отмирании государственной машины“, предопределило живучесть „военного коммунизма“. Вождь считал, что концентрация промышленности, финансов, безраздельная государственная монополия на производство, торговлю, цены приблизят социализм. Но это приближает лишь казарменную разновидность „военного коммунизма“. И хотя, введя на некоторое время нэп, вроде бы похоронили „военный коммунизм“, но Сталин к нему незаметно вернулся, используя ленинские идеи в своей трактовке: коллективизация сельского хозяйства, милитаризация промышленности, „гулагизация“ народного хозяйства, внедрение в жизнь директивного метода управления как абсолютно социалистического.

Отцом „военного коммунизма“ был Ленин, который перед лицом явлений революционной смуты увидел спасительный шанс в жестокой регламентации, насилии, глобальном распределении, контроле. Такой, по мысли Ленина, должна была в будущем стать и коммуна-государство. Правда, он наделял эту коммуноу, едва ли в то веря, чертами пролетарской сознательности.

В своей работе „Государство и революция“ Ленин нари-совал картины грядущего, которые шокируют и сегодня. „Чем демократичнее государство, состоящее из вооружен-

ных рабочих, — писал автор, — тем быстрее начнет отмирать *всякое* государство.

Ибо когда все научатся управлять и будут на самом деле управлять самостоятельно общественным производством, самостоятельно осуществлять учет и контроль ту-неядцев, баричей, мошенников и тому подобных „хранителей традиций капитализма“ — тогда уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно сделается таким неимоверно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентики, и шутить они с собой едва ли позволят), что необходимость соблюдать несложные, основные правила всякого человеческого общежития очень скоро станет *привычкой*²².

Я утомял читателя длинной цитатой, но она дает представление не только о роли пролетариата в „переходный период к коммунизму“, которую ему уготовил Ленин, но и высвечивает важную грань „военного коммунизма“. По существу, Сталин, возводя мрачные бастионы своей Системы, строго следовал ленинским рецептам и чертежам. И Ленин в одном прав: скоро мы такую методологию созидания грядущего рая стали считать естественной, она стала „привычкой“. Поэтому утверждения, что „военный коммунизм“ был кратковременным этапом советского строительства, по-моему, неверны. После кратковременного проблеска неповских мотивов на вооружение Системы были взяты те же ленинские методы „военного коммунизма“, лишь модернизированные и приспособленные Сталиным к его „ленинской стратегии“. И даже его, Сталина, чудовищные утверждения, что „чем больше будем продвигаться вперед, чем больше будем иметь успехов, тем больше будут озлобляться остатки разбитых эксплуататорских классов, тем скорее будут они идти на более острые формы борьбы...“²³, являются логическим следствием „военно-коммунистического мышления“.

Ведь если вспомнить, „военный коммунизм“ вырос из стихии революции: расхищение помещичьей и заводской собственности, самозахват земель, мешочничество, отделение национальных окраин, бандитизм, спекуляция, милитаризация общества... Чтобы устоять перед лицом развязан-

ной им стихии, Ленин решает упорядочить процесс и одновременно перейти к социалистическому способу производства и распределения. Это невозможно было сделать без неограниченного насилия. Но Ленин как раз и обещал его накануне революции. Отвечая 7(20) июля 1917 года буржуазной газете „День“, Ленин откровенно заявляет: „Историки пролетариата видят в якобинстве один из высших *подъемов* угнетенного класса в борьбе за освобождение“²⁴, тем самым подтверждая свое преклонение перед террором и революционным насилием.

Уже крах политики „комбедов“ и продотрядов показал тупиковость, историческую бесперспективность „военного коммунизма“, но Ленин и особенно Сталин сочли это естественной фазой революции. „Военный коммунизм“ как форма диктатуры пролетариата в последующем был усовершенствован. Результатом явилось полное отчуждение производителей от продуктов своей деятельности. Проницательные умы давно заметили, что „военный коммунизм“, а не только „капиталистическое окружение“, предопределил милитаристское будущее России. В своих „Размышлениях о русской революции“ еще в 1921 году П.Б.Струве писал: „Необходимо вообще отметить, что советский коммунизм в некоторых отношениях есть прямой наследник того, что принято называть военным хозяйством, военным социализмом или военным регулированием... Военный социализм регулировал большую или меньшую относительную *скудость*...“²⁵

Может быть, военная область оказалась единственной, в которой „советский коммунизм“ был в состоянии конкурировать с западными демократиями. Не случайно на протяжении десятилетий важнейшим показателем величия советского государства была мощь. И мощь прежде всего военная. Не надо при этом забывать, что глубинные истоки этого феномена лежат в ленинской политике „военного коммунизма“.

Чтобы сохранить какие-то стимулы для повышения производства, на протяжении десятилетий искали эффективный „заменитель“ материальной заинтересованности, некий суррогат личного интереса. Ленин рассмотрел, увидел его в социалистическом соревновании. Надо признать,

что пока в обществе существовала обстановка преклонения перед Идеей, стимул соревнования хорошо ли, плохо ли, но действовал. До тех пор пока не превратился в формальную, бюрократическую пустышку. Но длительное время соревновательные мотивы, освященные революционными и идеологическими добродетелями, действовали: миллионы людей верили, что они совершают „подвиг“, борются „за честь“, выполняют „ленинские заветы“. Сталину удалось в 30-е годы, опираясь (и организуя) на отдельные выдающиеся примеры и образцы труда, увлечь миллионы людей на выполнение и перевыполнение производственных заданий. Возможно, это был моральный пик „военного коммунизма“ в попытке найти внеэкономические стимулы повышения производительности труда.

В 1935 году на шахте „Центральная-Ирмино“ забойщик Алексей Стаханов установил фантастический трудовой рекорд, выполнив несколько норм. Это как бы подхлестнуло рабочих (с помощью парткомов, конечно) и в других сферах производства. Вскоре уже кузнец А.Бусыгин добился рекордных результатов, а затем машинист П.Кривонос, металлург М.Мазай, обувщик Н.Сметанин, ткачихи Е. и М.Виноградовы... Сталину это и было нужно. Неважно, что стало падать и без того низкое качество работы, резко усилилась аварийность. Об этих фактах Сталин скажет в своем докладе 3 марта 1937 года, квалифицировав рост аварийности как „вредительство“, форму проявления обострения классовой борьбы.

Для Сталина Стаханов явился зачинателем нового коммунистического движения. По решению ЦК партийные пропагандисты одну за другой строчили брошюры и книжки: „Мой метод“, „Год на родине стахановского движения“, „Рассказ о себе“, „Рассказ о моей жизни“... а Алексей Стаханов, не читая, их подписывал. Сталин видел (и об этом писали) в стахановском движении реализацию указаний Ленина в его статье „Как организовать соревнование?“.

То была попытка с помощью идеологических средств и партийного нажима резко поднять производительность труда. Слов нет, Алексей Стаханов (который постепенно был забыт) и его последователи заслуживают человеческого уважения. Эти люди верили, что своим трудом они приближа-

ют „светлое будущее“. Немногие тогда понимали, что глубочайшие экономические пороки Системы с помощью соревнования и стахановцев в конце концов скрыть не удастся. И хотя еще долгие десятилетия после стахановских рекордов партийные функционеры, всячески ухищряясь, пытались реанимировать, оживить „социалистическое соревнование“, этого, конечно, сделать не удалось. Экономические законы, как и законы природы, обмануть нельзя.

Сталин, ссылаясь на указания Ленина, перенес акцент с материального стимулирования на мотивы моральные. Появились многочисленные орденосцы, герои, ударники. ЦИК СССР сообщал в 1939 году, что за „стахановский труд“ было награждено орденами в промышленности 18 519 человек, в сельской школе — 4318 учителей, в области искусства — 1147 мастеров, в спортивной работе — 205 человек... Как объясняла официальная пропаганда, достижения советских людей, рекорд Стаханова есть продукт только советской системы. „Это могло случиться только в нашей стране, где трудящиеся работают на самих себя, на свой класс“. Вождь народа товарищ Сталин сказал о стахановском движении, „что оно содержит в себе зерно будущего культурно-технического подъема рабочего класса, что оно открывает нам тот путь, на котором только и можно добиться высших показателей производительности труда...“²⁶.

В этой цитате верно лишь утверждение, что это „могло случиться только в нашей стране“. Стратегическая установка Сталина, что только на пути стахановского движения можно добиться „высших показателей производительности труда“, свидетельствует о тупиковом мышлении первого ленинца. Эксплуатация энтузиазма, советского патриотизма, моральных стимулов во имя коренных перемен в экономике могла дать только исторически преходящие, временные результаты. Жить только Идеей в экономике долго нельзя, рано или поздно потребуются материальные аргументы.

После начала стахановского движения ЦК ВКП (б) провел в Москве Всесоюзное совещание пионеров социалистического труда. Все было обставлено так, как уже умели искусно делать партийные функционеры: речи, банкеты, театр, экскурсии, встреча с самим вождем народов... Стахановцы сочинили письмо (с помощью партийных пропаганди-

стов из ЦК), в котором выражалось то, ради чего их привезли в Москву. В книге А. Стаханова читаем строки этого письма, опубликованного затем в „Правде“: „...Родной наш, любимый друг и учитель! Вы только что благодарили нас за учебу. Вы, великий вождь народов, гений человечества, благодарили нас, рабочих и работниц, за науку. Какая для нас гордость, что Вы так высоко оценили наши простые речи на созванном по Вашей личной инициативе Всесоюзном совещании стахановцев. Как же нам благодарить Вас? Где найти слова признательности за ту учебу, которую дает нам каждый день партия своей грандиозной работой, которую делаете Вы, Ваш светлый большевистский ум, которую Вы дали нам еще раз сегодня своей замечательной речью. Спасибо большое, стахановское, огромное, как наша любовь к Вам, спасибо за учебу, дорогой Иосиф Виссарионович!

Мы готовимся к отъезду на наши родные шахты, заводы, фабрики, железные дороги. Мы несем с собой искры сталинского пламени и понесем их в массу. Со сталинской настойчивостью мы будем добиваться социалистической производительности труда. Мы будем выращивать зерна коммунизма, которые Вы своей прозорливостью разглядели в стахановском движении. Да, эти зерна уже зреют, а Вы являетесь тем солнцем, под которым они всходят буйным цветом“²⁷.

История — беспристрастный судья

Жернова истории вращаются медленно, но безостановочно. „Зерна коммунизма“ так и не дали бурных всходов. И хотя над ними трудились миллионы субъективно честных людей во главе с „гегемоном революции“, утопия осталась сказкой. Даже рациональное ядро идеи о социальной справедливости не нашло достойного выражения. Курс на уравниловку, постоянная готовность включить в социальную практику „отбирательные“ и „делительные“ механизмы опошлили даже то небольшое, что имело шанс на выживание.

Рабочий класс стал массовым слугой партийной олигархии. Крестьянству повезло еще меньше. Ленин был откровенен, выступая на IV Конгрессе Коминтерна 13 ноября 1922 года: „Крестьяне понимают, что мы захватили власть для рабочих и имеем перед собой цель — создать социали-

стический порядок при помощи этой власти"²⁸. Но это неправда: не „для рабочих“ и тем более не для крестьян. Для партийной олигархии.

„Крестьянские хищники“

После смерти Сталина его наследники с завидным постоянством среди множества государственных дел как приоритетное выделяли закупку хлеба за границей. Нет, при Сталине не производили хлеба больше. Даже наоборот. Но диктатор мог „посадить“ население гигантской страны на карточки, выпустить его на тощее жнивье голода, да и вообще не придать нехватке хлеба какого-либо серьезного значения. Но Хрущев, Брежнев и другие последователи-„ленинцы“, отвергнувшие крайности сталинизма, уже не могли игнорировать огромную нехватку хлеба как основного продукта питания населения и как корма для животноводства. Начиная с 1957 года закупки огромных партий хлеба в США, Канаде, других странах стали постоянными, „плановыми“.

...16 августа 1975 года Брежнев внимательно читал записку Н.Патоличева (уже почти десятилетие до него Хрущев, а затем вот теперь и Брежнев „изучали“ подобные записки). Глава торгового внешнеэкономического ведомства докладывал: „К ранее закупленным 15 млн. 950 тыс. тонн (о чем мы Вам докладывали на прошлой неделе) нам удалось закупить еще 1 млн. 950 тыс. тонн зерна. Таким образом, по состоянию на 16 августа с.г. всего закуплено 17 млн. 900 тыс. тонн зерна“. Далее Патоличев писал, что, кроме США, зерно закуплено в Канаде, Аргентине, Румынии, Австралии. Ведутся переговоры по закупке зерна во Франции, Западной Германии, Венгрии, Югославии, Аргентине, Бразилии и Австралии. Цель состоит в том, пишет Патоличев, чтобы к фактически купленным 20 млн. тонн „прикупить“ еще 10 млн. тонн. Нужно закупить 30 миллионов тонн²⁹.

Но чем расплачиваться?

Об этом говорится уже в другой записке, направленной в Политбюро и подписанной А.Косыгиным, И.Архиповым, Н.Байбаковым, тем же Н.Патоличевым, М.Свешниковым, В.Деменцевым, Ю.Ивановым. На закупку зерна требуется

4 млрд. 934 млн. долларов. Авторы записки предлагают дополнительно к ранее утвержденным объемам продать 15 млн. тонн нефти, 1,6 млн. тонн дизельного топлива, автобензин, мазут, а главное — еще 397 тонн золота. Хотя годом раньше обошлись на „оплату стоимости закупаемого зерна и фрахта 265 тоннами золота“³⁰.

Правда, руководители финансово-экономического блока государства сетуют, что „реализация золота при нынешней ситуации чрезвычайно затруднена. В 1975 году наблюдается заметное падение цен на мировых рынках золота в связи с резким сокращением спроса на него. Если в декабре 1974 года золото продавалось по цене 180—200 долларов за унцию, то теперь лишь на 141—146 долларов...“³¹.

Закупка зерна стала для руководителей КПСС постоянной, повседневной задачей. До того обычной, что их закупки стали планировать на многие годы вперед.

Например, в июне 1977 года те же А.Косыгин, Н.Тихонов, Н.Байбаков, З.Нуриев, В.Гарбузов, Н.Патоличев, Г.Золотухин, В.Алхимов, А.Макеев доложили в Политбюро целую программу закупок зерна (не его производства!) за границей. По расчетам Госплана, говорится в записке, в 1977—1980 годах потребуется закупить на свободно конвертируемую валюту 47,4 млн. тонн зерна.

По годам это выглядит так:

в 1977/78 году	11,5 млн. тонн
в 1978/79 году	11,7 млн. тонн
в 1979/80 году	12,0 млн. тонн
в 1980/81 году	12,2 млн. тонн

Конечно, в записке изложены прогностические соображения и о заготовках в собственной стране. Предполагалось получить в 1977 году — 88,2 млн. тонн, в 1978 году — 90 млн. тонн, в 1979 году — 91,2 млн. тонн, в 1980 году — 92,6 млн. тонн, плюс ко всему этому 47,4 млн. тонн зарубежного зерна. Это позволит, резюмируют авторы записки, „сохранить отпуск зерна из госресурсов на продовольствие, семенные цели, а также для поставок на Кубу, во Вьетнам, МНР, КНДР и на промпереработку в объемах, предусмотренных пятилетним планом“.

Подписи всех членов Политбюро от Брежнева и Сусл

ва до Романова и Щербицкого украшают сей документ³². У себя дома зерна заготавливали, конечно, меньше, чем планировали, а закупали значительно больше, чем предполагали.

Всегда возникает вопрос: на какие цели и в каком объеме тратились валютные запасы государства?

В предыдущей к рассматриваемой пятилетке, согласно запискам, одобренным Политбюро, выделялось 1214 тонн золота на эти цели³³. Этого было явно мало. Остальное тоже привычно — дополнительная продажа: нефть, мазут, дизельное топливо, бензин, медь, цинк, магний, руда хромовая, алюминий, целлюлоза, уголь, технические алмазы, хлопок, автомобили, тракторы, станки и многое, многое другое.

Думаю, все сказанное выше достаточно убедительно свидетельствует о том, что ленинские планы большевиков в области сельского хозяйства не сбылись. Россию превратили (и приучили) из страны, вывозящей в большом количестве зерно на мировой рынок, в страну, регулярно его покупающую. Последние 25 лет, когда СССР покупал в больших объемах зерно в США и других странах, привели к тому, что Москва как бы финансово заботилась о развитии сельскохозяйственного производства других государств, но не своего собственного.

В послевоенные годы СССР за зерно перекачал в западные банки около двенадцати тысяч тонн золота! (Но это только часть платы за хлеб.) Да и закупалось не только зерно, но и мясо, масло и другие сельхозпродукты. Например, только в 1977 году и только за „дополнительные“ поставки мяса Политбюро было вынуждено пойти на дополнительную продажу за границей 42 тонн золота...³⁴ Фактически все золото, что добывалось в стране, плюс постоянно таявшие старые запасы, уходило за границу за хлеб, мясо, продукты... Если бы экономическая система не была уродливой, эти фантастические суммы могли бы сделать отечественное сельскохозяйственное производство образцовым, сбалансированным, рентабельным. Если учесть, что наивысший объем запасов чистого золота в СССР был достигнут в 1953 году — 2049,8 тонны³⁵, то нетрудно представить, что все, что добывалось позже, а это всегда в размере 250—300 тонн в год, продавалось за хлеб.

Кто-то из окружения Л.И.Брежнева решил однажды по-

казать генсеку всю безрадостную ретроспективу снабжения хлебом страны с 1940 по 1977 год. Министр заготовок СССР Г.С.Золотухин 16 октября 1978 года доложил первому лицу государства справку „О заготовках и расходе зерна госресурсов“.

До 1953 года производили зерна относительно меньше, чем после 1953 года. Самый урожайный год в сталинские времена — 1952-й, когда было заготовлено 34,7 млн. тонн зерна. Но практически никаких серьезных закупок никогда не производили. Хотя, например, в 1945, 1946 годах был сильный голод во многих областях СССР. Например, нарком внутренних дел Татарской АССР Горбулин докладывал Берии, что 46 тысяч дистрофиков в республике срочно нуждаются в помощи³⁶.

Сталин боролся за хлеб другими методами. В июле 1947 года вождю докладывают, что „за хищение, разбазаривание и порчу хлеба привлечено к уголовной ответственности 22 678 человек“, главным образом председатели колхозов, директора заготпунктов и элеваторов. „Особенно большое количество хищений и фактов разбазаривания хлеба вскрыто в Украинской ССР. МВД УССР только в июле месяце привлекло к уголовной ответственности 10 511 человек“³⁷. По сути, так „покрывались“ нехватки хлеба: репрессиями, умалчиванием проблемы, жестоким нормированием.

После 1953 года заготовлено хлеба меньше фактического расхода в 1954, 1955, 1957, 1959, 1960, 1961, 1963, 1965, 1967, 1968, 1969, 1970, 1971, 1972, 1974, 1975, 1976, 1977 годах. Нехватки покрывались бесконечными закупками, использованием госрезерва. Например, в 1975 году (в своем роде печальный рекорд) заготовили 50,2 млн. тонн зерна, а фактический расход оказался 89,4 млн. тонн — на 39,2 млн. тонн больше, чем получили на отечественных полях³⁸. Брежнев прочел справку, похожую на исторический приговор колхозной большевистской системе, и просто расписался. Он то ли не понял существа документа или просто привык к подобным провалам.

Страна привыкла покупать хлеб, благо было на что: нефть, газ, лес, руда, металлы, промышленные товары, золото. Коммунистическое общество грабило своих потомков.

Сталин (в последний год правления) добился наивысше-

го показателя по запасам золота потому, что не тратил благородный металл на зерно. Сталин, наверное, согласился бы, чтобы половина его соотечественников вымерла, но на поклон к „капиталистам“ идти и не подумал бы. К тому же в 1953 году ГУЛАГ был многомиллионным. Колымский край изрыгал не только золото, но и без устали перемалывал человеческие судьбы. Вот уж где воистину на каждой унции золота следы крови и страданий.

На протяжении десятилетий страна проедала фантастические по объему запасы, которыми ее наделила природа, история, мученический труд людей. Не случайно, что все цифры, которые я привел в начале этого раздела, были глубоко спрятаны за грифами самых главных секретов государства. Ведь фактически они, повторюсь еще, — приговор Системе, приговор „ленинскому кооперативному плану“.

Когда Ленин 26 октября (8 ноября) 1917 года делал доклад о земле и соответствующем декрете на II Всероссийском съезде Советов, то всенародно заявил, что вопрос о земле, во всем его объеме, „может быть разрешен только всенародным Учредительным собранием“. Ленин был вынужден заявить, что „для руководства по осуществлению великих земельных преобразований, впредь до окончательного их решения Учредительным собранием, должен повсюду служить следующий крестьянский наказ, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов...“³⁹.

Далее Ленин стал старательно перечислять все восемь пунктов этого наказа: право частной собственности на землю отменяется, она становится всенародным достоянием и распределяется местным и центральным самоуправлением. Земельный фонд подвергается периодическим переделам в зависимости от прироста населения...

Пока Ленин читал пространный наказ, из зала то и дело слышались неодобрительные выкрики. Докладчик споткнулся, но среагировал на них:

— Здесь раздаются голоса, что сам декрет и наказ составлен социалистами-революционерами. Пусть так. Не все ли равно, кем он составлен, но, как демократическое правительство, мы не можем обойти постановление народных низов...⁴⁰

Ленин едва скрывал свое недовольство, что эсеровская

программа, будучи социалистической по существу, обходит вопрос о диктатуре пролетариата и решает вопрос о земле в рамках традиционной крестьянской общины. Для эсеров государство в этом вопросе лишь вспомогательный элемент. О своем видении проблемы Ленин во весь голос скажет на III Всероссийском съезде. Здесь он, правда, будет вынужден заявить, что союз большевиков с левыми эсерами „создан на прочной базе и крепит не по дням, а по часам“⁴¹. Но тут же заявит, что крестьяне должны твердо знать: „Нет другого пути к социализму, кроме диктатуры пролетариата и беспощадного подавления господства эксплуататоров“⁴². Только диктатура и только пролетариата... Фактически крестьянство, освободившись от одного хомута, должно быть готово надеть другой — пролетарский, точнее, большевистский.

Именно этот пункт применительно к крестьянству заведет в конце концов большевиков в исторический тупик. В одной из последних своих работ „О кооперации“⁴³ Ленин изложил концепцию приобщения крестьянства к социализму. Есть в статье немало верных мыслей и предложений. Например, о том, что нэн является формой соединения частного и общего интереса, о том, что кооперация сельского хозяйства — дело постепенное и рассчитано на одно-два десятилетия, о необходимости „культурного переворота“ и другие положения. Но все они полностью девальвируются старыми якобинскими мотивами: „обеспечение руководства... пролетариатом по отношению к крестьянству“, „собственность на средства производства в руках государства“ и т.д. По сути, от здравых рассуждений Ленина не остается и следа, когда он пишет, что есть нечто пошлое и фантастическое в мечтаниях о том, „как простым кооперированием населения можно превратить классовых врагов в классовых сотрудников и классовую войну в классовый мир (так называемый гражданский мир)“.

Любые благие пожелания, помыслы, стремления революционеров рушатся, как только большевики затягивают свою любимую боевую песнь о классовой борьбе, диктатуре пролетариата, насилии в деревне. Сразу же не остается в жизни места политической и экономической свободе, добровольности, вековым традициям иной, небольшевистской общинности. В наиболее полной форме и виде свое отноше-

ние к крестьянскому вопросу Ленин проявил в годы гражданской войны. По сути, это была политика последовательного стравливания крестьян, разжигания гражданской войны в деревне. Даже трудное, порой отчаянное положение с продовольствием в стране не может оправдать ленинской жестокости по отношению к самой производительной части крестьянства. Слово „кулак“ у Ленина всегда соседствует с кипящей ненавистью. А ведь не продай он семейного имения в Алапаевке, он бы сам попадал под раскулачивание по первому разряду...

В мае 1918 года Ленин пишет основные положения декрета о продовольственной диктатуре. Вождь требует, чтобы в декрет вошли идеи о „беспощадной и террористической борьбе и войне против крестьянской и иной буржуазии, удерживающей у себя излишки хлеба“. Председатель Совнаркома настаивает, чтобы „точнее определить, что владельцы хлеба, имеющие излишки хлеба и не вывозящие их на станции и в места сбора и ссыпки, объявляются *врагами народа* и подвергаются заключению в тюрьме на срок не ниже 10 лет, конфискации всего имущества и изгнанию навсегда из его общины“⁴⁴.

Все, что пишет в это время Ленин о крестьянстве, проникнуто откровенным озлоблением, открытой ненавистью к тем, кого он именует кулаками. „Сытая и обеспеченная, скопившая в своих кубышках огромные суммы денег, вырученных от государства за годы войны, — пишет Ленин в „Декрете о продовольственной диктатуре“, — крестьянская буржуазия остается упорно глухой и безучастной к стонам голодающих рабочих и крестьянской бедноты...“ Ленин категорически требует: „Этому упорству жадных (крестьянских хищников) деревенских кулаков и богатеев должен быть положен конец...“⁴⁵

Я не случайно взял ленинское выражение „крестьянские хищники“ в название раздела. Оно поразительно точно характеризует отношение Ленина к самой производительной, трудовой, хозяйственной, работающей части населения села. Казалось бы, сохранив ее, эту зажиточную часть, нужно постараться поддержать бедноту и поднять ее до уровня благополучной деревенской прослойки. Поднять экономической, финансовой, налоговой, иной помощью. Зачем рав-

няться на бедность и нищету? А не наоборот? Но тогда сразу рухнет ленинская схема о „диктатуре пролетариата“ и „классовой борьбе“! Ведь именно об этом говорил Ленин на III Всероссийском съезде Советов: „Представлять себе социализм так, что нам господа социалисты преподнесут его на тарелочке, в готовеньком платице, нельзя, этого не будет. Ни один еще вопрос классовой борьбы не решался в истории иначе как насилем. Насилие, когда оно происходит со стороны трудящихся, эксплуатируемых масс против эксплуататоров, — да, мы за такое насилие!“⁴⁶

Как явствует из стенограммы, после этих слов Ленина в зале раздался „гром аплодисментов“. Именно этот пункт ленинской программы построения социализма в деревне с помощью неограниченного насилия обесценил, разрушил, сделал ее ничтожной и преступной. Именно в борьбе с кулачеством Ленин ввел в российский обиход зловещий, исторически кровавый термин „враг народа“, создал институт массового заложничества, организовал заградительные отряды и концлагеря. То было страшное социальное „творчество“ вождя русской революции, которого Виктор Чернов называл „фактическим Робеспьером“⁴⁷. Ленин не скупился на страшные требования — „расстрел на месте“⁴⁸, делает законом выдачу в половинном размере стоимости найденного хлеба тому, кто укажет на наличие излишков у своего односельчанина⁴⁹, а попросту донесет на соседа.

К середине 1918 года буржуазия усилиями большевиков была полностью ограблена. Ленинский лозунг „Грабь награбленное“ реализовали быстро. Грабить — не работать. У большевиков не осталось больше крупного объекта для своих экспериментов, кроме крестьянства. Натуральный, а затем единовременный чрезвычайный революционный налог всей пролетарской, металлической невыносимой тяжестью ложился на крестьянство, в первую очередь зажиточное. Деревня ответила массовым глухим сопротивлением, протестом, затем и многочисленными восстаниями, которые беспощадно топились в крови. Набеги продовольственных отрядов на деревню стали регулярными, что подталкивало к жестокому голоду в 1921—1922 годах. Особенно крупным (а всего их были десятки) восстанием было выступление крестьянства в Тамбовской губернии, начавшееся в августе

1920 года. Москве пришлось приложить огромные усилия, сконцентрировать крупные военные силы, чтобы подавить его. По указаниям Политбюро РКП и самого Ленина была проявлена исключительная жестокость по отношению к восставшим крестьянам.

Интересная деталь: Ленин в своем якобинстве был достаточно сдержан по отношению к интервентам и даже Колчаку, Деникину, Врангелю. Но, как только дело доходило до крестьян, казачества, он преображался, становился маниакально беспощадным в своей неудержимой жестокости. Вот, например, какой приказ полномочной комиссией ВЦИК № 171 от 11 июня 1921 года был обнародован в те дни с одобрения „ленинского Политбюро“. „...Банда Антонова решительными действиями наших войск разбита, рассеяна и вылавливается поодиночке. Дабы окончательно искоренить все эсеров-бандитские корни и в дополнение к ранее отданным распоряжениям, полномочная комиссия ВЦИК

приказывает:

1. Граждан, отказывающихся называть свое имя, расстреливать на месте без суда.

2. Объявлять приговор об изъятии заложников и расстреливать таковых, в случае несдачи оружия.

3. В случае нахождения спрятанного оружия, расстреливать на месте без суда старшего работника в семье.

4. Семья, в которой укрылся бандит, подлежит аресту и высылке из губернии, имущество конфискуется, а старший работник в семье расстреливается без суда.

5. Семьи, укрывающие членов семей или имущество бандитов, — старшего работника таких семей расстреливать на месте без суда.

6. В случае бегства семьи бандита, имущество его распределять между верными Советской власти крестьянами, а оставленные дома сжигать или разбирать.

7. Настоящий приказ проводить в жизнь сурово и беспощадно.

Председатель полномочной комиссии ВЦИК Антонов-Овсеенко

Командующий войсками Тухачевский

Председатель губисполкома Лавров

Секретарь Васильев

Приказ прочитать на сельских сходах⁴⁵⁰.

У защитников ленинской политики и ленинизма в целом всегда фигурирует один главный аргумент: действия Ленина в годы гражданской войны определялись экстремальной обстановкой голода, разрухи, хаоса. Мол вождь большевиков был „вынужден обстоятельствами“ принимать жестокие, непопулярные меры. Но как ответить тогда на вопросы:

— приказы, подобные вышеприведенному, разве диктовались необходимостью и их можно оправдать?

— разве не Ленин уже в декабре 1917 года призвал к расправе над „богатыми“, благословив большевиков на расстрелы?⁵¹

— как могли вести себя „богатые“, буржуазия, кулаки, которых Ленин фактически поставил вне закона?

— кто создал обстановку хаоса, беззакония, грабежа в гигантской стране?

— чьими усилиями Россия оказалась побежденной и пала ниц перед почти поверженным противником в лице Германии?

— кто уполномочил Ленина и его соучастников на кровавые эксперименты в огромной стране?

Таких вопросов тысячи. Удовлетворительного ответа для защитников Ленина и ленинизма нет.

Беспредельная жестокость по отношению к восставшему крестьянству считалась у большевиков естественной, нормальной, революционной. Политбюро РКП полностью поощряло этот геноцид собственного народа. Лишь изредка раздавались слабые голоса протеста. Председатель Московского Комитета Красного Креста, что располагался на Кузнецком мосту, 15, Вера Фигнер в сентябре 1921 года направила письмо в Ревтрибунал Республики, где говорилось: „В местах заключения г.Москвы содержится в настоящее время большое число крестьян Тамбовской губернии, высланных „тройкой“ 4-го боевого участка в качестве заложников за родственников до ликвидации антоновских банд.

Так, в Ново-Песковском лагере содержится 56 человек, в Семеновском — 13, в Кожуховском — 295 чел., в том числе стариков свыше 60 лет — 29 чел., малолетних до 17 лет — 158 чел. и между ними не достигших 10 лет от

роду — 47 человек, а пятеро не достигли и одного года. Все эти люди прибыли в Москву в самом плачевном состоянии — оборванные, полуголые и голодные настолько, что маленькие дети роются в выгребных ямах, чтобы найти себе какой-нибудь кусочек, который можно было бы съесть...

По изложенным основаниям Политический Красный Крест ходатайствует о смягчении участи вышеозначенных заложников и о возвращении их на Родину в свои деревни...⁵²

Но власти были совершенно глухи к таким мольбам. Только кровь и железо были способны спасти большевиков. В мае 1921 года в распоряжении Тухачевского было уже больше 50 тыс. регулярных войск, три бронепоезда, три бронепоезда, несколько пулеметных отрядов на грузовиках, около 70 орудий, сотни пулеметов, авиаотряд. Войска в случае сопротивления сжигают села, в упор расстреливают из орудий крестьянские избы, не берут в плен восставших.

Антонов после разгрома снова пытается зажечь очаг сопротивления. Еще несколько месяцев крестьянский вожак тревожит большевиков. Однако в мае 1922 года с помощью чекистов Антонова выслеживают, в чем помогают и предатели. Антонов с братом был застигнут врасплох вечером 24 июня 1922 года в одном из домов села Н.Шибряй. Изба, где находился Антонов, подожженная, запылала. Братья отстреливались около часа, пока наконец не решились на прорыв к лесу. Но пули красноармейцев оборвали жизни братьев.

Еще долго, однако, на Тамбовщине сухо трещали выстрелы — власти мстили народу за поддержку Антонова.

Эта зловещая страница большевизма еще почти не освещена. Восстания, менее крупные, чем в Тамбове, вспыхивали в Орловской губернии, в Астраханской, Брянской, Пензенской, Воронежской, на Дону, Ставрополье, в Поволжье, в Западной Сибири. Например, в Тобольской губернии число восставших достигало нескольких десятков тысяч человек. В 1921 году фактически внешних фронтов не было и в то же время потери Красной Армии, брошенной на подавление внутренних смут, составляют 171 185 человек. И это без учета потерь войск ВЧК, ЧОН, специальных коммунистических отрядов. В течение 1921—1922 годов военное положение сохранялось в 36 губерниях и областях⁵³.

Разоренная деревня не в состоянии была прокормить страну. Во многих губерниях начинается голод. Мизерное количество хлеба получают рабочие городов. Тем не менее государство продолжает продавать хлеб за границу. В конце 1920 года НКВД предлагает, например, „послать в Италию вторую партию хлеба“. ЦК решает: „признать политически необходимым дать Италии еще некоторое количество хлеба. Точное определение количества хлеба и условий его отправки поручить установить Компроду и НКВТоргу“⁵⁴.

Голодают тридцать шесть миллионов человек; ежедневно умирают от недоедания многие тысячи людей. А Политбюро под председательством Ленина 7 декабря 1922 года принимает поистине преступное решение: „Признать государственно необходимым вывоз хлеба в размере до 50 миллионов пудов“⁵⁵. Цюрупе поручается „общее наблюдение за операцией по продаже хлеба“ в тот момент, когда страна корчится в муках голода.

Большевистский режим, преступный с самого начала, никогда не заботила ценность человеческой жизни. Верно говорил Бердяев: „В большевике есть что-то запредельное, потустороннее. Этим жутки они“⁵⁶. Страна в голоде, цивилизованный мир, преодолевая советские рогатки, везет хлеб в Россию, а она продает свое зерно в огромных количествах за рубежом... Да, „жутки“ большевики.

Голод нарастает. Администрация США принимает решение об оказании крупной помощи голодающим. Она действительно была весьма значительной. Многим гражданам Советской России удалось благодаря этой помощи сохранить жизнь. Однако в то самое время, когда американская организация „АРА“, преодолевая коммунистические препоны, доставляла хлеб в Россию, Ленин, ЦК РКП отправляли огромные суммы золотых средств для инициирования революционных выступлений по всему миру, для форсирования создания новых и новых компартий.

Например, реквизируя ценности у российской буржуазии, грабя церкви, расхищая царские золотые запасы якобы для закупки хлеба, Политбюро использует их по своему усмотрению для иных целей. К слову, согласно решению высшего партийного ареопага от 15 октября 1921 года, „ни

один расход золотого фонда не может быть произведен без особого постановления Политбюро⁵⁷.

Страна, погруженная во мрак, хаос, разруху, голодает, а Политбюро не только продает хлеб, но и шлет огромные суммы золота за рубеж своим коммунистическим агентам. Перечислю лишь малую часть переданных в то время ЦК РКП своим ставленникам долларов, марок, фунтов, крон для инициирования „революционного процесса“.

Венгерская компартия.
 Руднянскому — 250 000
 Эберлейну — 207 000
 Браслер Калуш — 194 000
 Чехия. Ив.Синека — 288 000
 подпись неразборчива — 215 000
 Германия. Рейху для Томаса — 300 500
 ему же — 100 000
 ему же — 3000
 ему же — 7500
 ему же — 65 000
 подпись неразборчива — 250 000
 Р.Ротхегель — 639 000
 Розовскому для Рейха — 275 000
 Италия. Любарскому для Карло — 15 200
 ему же — 331 800
 ему же — 13 000
 ему же — 300 000
 Берзину — 487 000
 Америка. Котлярову — 209 000
 Хавкину — 500 000
 Андерсону — 1 011 000
 Джону Риду* — 1 008 000 ...

Англия, Балканы, Швеция, Швейцария... Список бесконечно длинный. И так — ежемесячно... Скорбный список преступного разбазаривания национальных средств...⁵⁸ А в это время умирают, умирают люди.

*Джон Рид, как и остальные указанные лица, получал деньги не для себя, а для марксистских организаций в своих странах. „Ежемесячно“ — не значит, что получали одни и те же партии. В следующий месяц деньги передадут в Индию, Персию, Корею и т.д.

Я думаю, что Ленин никогда не любил Россию и ее народ. Он любил только власть и свои безумные идеи...

Ленин, верный своему конспиративному мышлению, видит в деятельности международных организаций по оказанию помощи голодающим не столько гуманитарную потребность, сколько „происки империалистической буржуазии“. Характерна в этом отношении собственноручно написанная Лениным записка Молотову 23 августа 1921 года.

„Предлагаю ПБ постановить:

создать комиссию с заданием подготовить, разработать и провести через ВЧК и др. органы усиление надзора и осведомления за иностранцами.

Состав комиссии: Молотов, Уншлихт, Чичерин.

Ленин⁶⁹.

На следующий день Политбюро, естественно, приняло соответствующее постановление, и ВЧК усилило слежку за иностранцами. Сохранилось много документов за подписями Сталина, Троцкого, Каменева, согласно которым благотворительным американским организациям чинились всяческие препятствия: ограничения в объеме на передачу продовольствия частным лицам и организациям, взимание денег за их провоз по российским дорогам, за использование складов и т.п.⁶⁰ Складывается впечатление, что большевистским руководителям собственные идеологические принципы были неизмеримо важнее, чем жизнь российских граждан. Люди, способные на любую жестокость в собственной стране, не могут понять гуманистические мотивы, человеколюбие незнакомых людей. Они для них остаются только „буржуа“, от которых ничего хорошего ждать не следует.

Эсеры, считавшиеся выразителями и защитниками интересов крестьянства, ядовито критиковали большевиков до тех пор, пока их всех не извели в лагерях и тюрьмах. В уже упоминавшейся брошюре „Что дали большевики народу“ есть глава: „Власть — против крестьян“.

В эсеровском документе, в частности, говорится: „Большевики с самого начала своего проклятого царства показали себя врагами крестьян. Чтобы добыть хлеба, они снарядили военные экспедиции в деревни... Крестьянин вздохнуть свободно не может: то разверстка, то трудовая повинность, то лес руби, то солдат и подводы поставляй, то последний

скот веди на убой... Крестьянства в России 90 миллионов, значит, огромное большинство. А какое участие принимает крестьянство в управлении государством? Рабочих в Советы по одному выбирают от 5 тысяч, а крестьян по одному от 25 тысяч...⁴⁶¹

Но эсеры уже не могли защитить крестьянство. Оно стало для большевиков основным „строительным материалом“ в их беспощадном эксперименте.

Ликвидация восстаний в России одновременно означала и ликвидацию эсеровской партии — главной защитницы крестьянских интересов. Ведь большевики, формально примирившись с эсеровской программой о земле и фактически присвоив ее, никогда не соглашались с главным пунктом: земля — достояние трудового народа, а конкретно — крестьянской общины. У большевиков был иной взгляд: земля — собственность только государства. Разгром эсеров развязал большевикам руки. По указанию Ленина быстро принимается Земельный кодекс РСФСР, согласно которому отбрасываются эсеровские мотивы о принадлежности земли трудовому народу — тем, кто ее обрабатывает. Земля объявляется государственной собственностью.

Положение крестьян predetermined: они станут живым придатком чужой собственности. Это положение закрепляется и в российской Конституции. Фактически была подготовлена правовая почва коллективизации: непосредственные производители были отстранены от средств производства (земли). То был ленинский план огосударствления крестьянства, огосударствления сельской общины и подготовка их к новому социальному закабалению, но теперь уже на „принципах социализма“. Нэп дал возможность перед долгим заточением в колхозное рабство лишь сделать несколько последних глотков свободы, и без того уже сильно ограниченной.

Эсеры не сразу сдались. Они пытались разъяснить народу пагубность большевистского курса. Хотя программа самих социалистов-революционеров во многом была ущербной, но в отношении крестьянства она значительно полнее отражала их интересы. В упомянутой выше брошюре „Что дали большевики народу“ эсеры попытались дать анализ краха аграрной политики большевиков. Написанная зло и

убедительно, брошюра долго ходила в России по рукам. ЧК, ГПУ, ОГПУ уже в двадцатые годы за чтение такой литературы обычно ставили человека „к стенке“. Брошюра с хлесткими подзаголовками: „Царство смерти“, „Царство голода“, „Царство холода“, „Царство нищеты“, „Царство разрушения“, „Война без конца“ и другими подобными давала убийственную и в основном верную характеристику результатов хозяйничанья большевиков в России.

По сути, грядущая коллективизация началась на методологических устоях, сформулированных Лениным: преобразования в деревне — преобразования государственные. Допустимо и неизбежно насилие. Кооперирование сельского хозяйства — только в условиях диктатуры пролетариата. Ленин и большевики смогли овладеть деревней главным образом потому, что им удалось разжечь войну внутри самого крестьянства, сравнить зажиточных мужиков с безземельными, худосочными, плохими работниками. Большевики перенесли и в село гражданскую войну. Ценой гибели миллионов они усмирили российскую деревню, повели ее „по новому пути“, как и учил Ленин.

Не случайно Сталин, когда коллективизация шла к концу, выступая на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 года, то и дело апеллировал к Ленину. Говоря об итогах пятилетки в четыре года в области сельского хозяйства, Генеральный секретарь партии обильно цитировал главного вождя:

Ленин говорил, что, „если мы будем сидеть по-старому в мелких хозяйствах, хотя и вольными гражданами на вольной земле, нам все равно грозит неминуемая гибель“ (см.: Т. XX. С.417).

Ленин говорил, что „только при помощи общего, артельного, товарищеского труда можно выйти из того тупика, в который загнала нас империалистическая война“ (см.: Т. XXIV. С.537).

Ленин говорил, что „необходимо перейти к общей обработке в крупных образцовых хозяйствах; без этого выйти из той разрухи, из того прямо-таки отчаянного положения, в котором находится Россия, нельзя“ (см.: Т. XX. С.418)⁶².

Сталин заявляет, что пятилетка в области сельского хозяйства перевыполнена „в три раза“. При этом вопреки

своей воле говорит то, что, по большевистской логике, должно находиться под особым секретом. „Партия добилась того, — повысил голос Генеральный секретарь в притихшем зале, — что вместо 500—600 миллионов пудов товарного хлеба, заготовлявшегося в период преобладания индивидуального крестьянского хозяйства, она имеет теперь возможность заготавливать 1200—1400 миллионов пудов товарного зерна ежегодно“⁶³.

Что верно, то верно. Колхозы удобны для государства прежде всего тем, что из них можно изымать хоть все зерно. За символическую цену. Только дать команду. Можно организовать и „встречные планы“. Можно выгрести все... Это „ленинская форма“ хозяйствования стала уникальным каналом безвозмездного присвоения всего прибавочного продукта и часто — сверх того. Выступая в том же месяце того же года с речью „О работе в деревне“, Сталин сформулировал главную задачу сельских коммунистов — „подгонять всюю хлебозаготовительную кампанию“. Так и сказано: именно „подгонять“. А мешать могут только, говоря словами Ленина, „крестьянские хищники“ — кулаки, которые, настойчиво повторяя Сталин, „разбиты, но далеко еще не добыты“⁶⁴. А это было уже более простым делом, говорил Сталин, „ибо мы стоим у власти, мы располагаем средствами государства, мы призваны руководить колхозами, и мы должны нести всю полноту ответственности за работу в деревне“⁶⁵.

Но Сталин, как и все большевистские руководители, никогда не был откровенен перед народом. Именно в то время, когда состоялись упомянутые выше выступления Сталина по „колхозным вопросам“, шло усиленное „добывание“ кулака. Беспощадное добывание. Я приведу лишь несколько выдержек из решений „ленинского Политбюро“, подписанных Сталиным.

Выписка из протокола Политбюро № 128 от 16 января 1933 года:

„По телеграмме Балицкого.

Принять предложение тт. Кагановича и Балицкого о высылке 500 семей кулаков из пределов Одесской области“⁶⁶.

Выписка из протокола Политбюро № 128 от 16 января 1933 года:

„Телеграмма Косиора.

Принять предложение Косиора о выселении 300 семей кулаков из Черниговской области...”

Такие же выписки свидетельствуют: в январе 1933 года Политбюро одобрило выслать из Днепропетровской области 700 семей, из Харьковской — 400 семей⁶⁷.

По телеграмме Шеболдаева принято решение Политбюро о высылке с Северного Кавказа дополнительно 30 тысяч осужденных кулаков в северные концлагеря...

В этих же документах значится, что Политбюро постановляет о дополнительном расселении в северных районах Сибири 1 миллиона спецпереселенцев. С мест только просят увеличить войска ГПУ и дать право местным органам без разрешения центра применять „ВМН“ — высшую меру наказания⁶⁸.

Бесчисленное количество документов о „дополнительном выселении“ из Башкирии 1000 семей „злостных одиночников“, из Нижневолжского края 300—400 „наиболее злостных саботажников“, с Северного Кавказа еще добавочно 400 семей кулаков...⁶⁹ А вот еще одно постановление Политбюро: „Выселить в кратчайший срок в северные области СССР из станицы Полтавской (Сев. Кавказ), как наиболее контрреволюционной, *всех* жителей, за исключением действительно преданных совласти. Всех исключенных за саботаж хлебозаготовок и сева коммунистов выселить в северные области наравне с кулаками“⁷⁰.

Чудовищно страшные документы. Огромное их количество как бы приподнимает завесу над судьбами миллионов российских крестьян, единственная „вина“ которых в том, что они хотели быть хозяевами собственной судьбы, а не новыми крепостными XX века.

„Ленинцы“, сидевшие в Политбюро и принимавшие, словно на конвейере, эти бесконечно бесчеловечные документы, еще не знают, что их коллеги по партийному ареопагу через четверть века будут регулярно заседать, ломая голову, где и на что закупить еще и еще зерна. Это все звенья одной преступной цепи. Подрезав жилы российскому крестьянству еще при Ленине, большевистские вожди, вернув село в барщину XX века, до последнего момента не хотели признать, что давно уже шли в исторический тупик.

Когда в годы перестройки на заседании Политбюро обсуждался доклад на торжественном заседании, посвященном 70-летию Октября, М.С.Горбачев заявил: „Ликвидация кулачества как класса — правильная была политика. Да и зачем термины менять? Это так было. Но с одним не можем согласиться — с этими заданиями по раскулачиванию. Соревнование и форсирование коллективизации привели к тому, что была задета значительная часть среднего крестьянина-труженика. Это разные вещи. Но политика в отношении кулачества была правильная...“⁷¹ Горькие слова реформатора, который, похоже, позже многих освободился от ленинской кольчуги догматизма.

Крестьяне и в гражданской войне, и при „социалистических преобразованиях“ пострадали больше всех. Им была совершенно непонятна кровавая война вокруг идей и лозунгов Ленина, призывов Интернационала, программ социалистов. Но именно крестьян больше всех мобилизуют, отправляют, высылают, у них реквизируют, отбирают, их репрессируют, ссылают. Ужаснее судьбы российского крестьянства трудно что-либо себе представить.

Немыслимо вообразить, но это именно так — большевиков пугало малейшее улучшение жизни на селе. Зажиточность отдельных крестьян рассматривалась как тенденция „обуржуазивания“ деревни, роста числа кулаков! Классовые очки начисто лишили большевиков элементарной рассудочности и здравого смысла. Известный большевик Е.Преображенский утверждал, например, что из рядов середняцкой массы постоянно выделяется прослойка крепкохозяйственного крестьянства, „увлекающегося“ задачей повышения урожайности на основе индивидуального интенсивного хозяйства. Но это путь в кулачество! Подумать только, ленинцы боялись роста оппозиции своей Системе среди людей, которые становятся зажиточными!

И в то же время в крестьянстве большевистское руководство видело основной источник финансирования индустриализации. Впрочем, наследники Ленина этого и не скрывали.

Выступая на пленуме ЦК ВКП(б) 9 июля 1928 года, Сталин заявил: крестьянство „платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но оно еще перепла-

чивает на сравнительно высоких ценах на товары промышленности — это во-первых; и более или менее недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты — это во-вторых. Это добавочный налог на крестьянство, в интересах подъема индустрии. Это есть нечто вроде „дани“, нечто вроде сверхналога...“⁷².

На этом пленуме Сталин заявил, ссылаясь на Ленина, беря его в свои союзники, о необходимости „применения чрезвычайных мер“ в деревне. И они наступили. „Колхозную революцию“ Сталин назвал „глубочайшим революционным переворотом, равнозначным по своим последствиям революционному перевороту в октябре 1917 года“⁷³.

Эту „колхозную революцию“, или коллективизацию, Сталин возвел в ранг чрезвычайного положения для всей страны. Чрезвычайщина длилась несколько лет. Генеральный секретарь ЦК ВКП(б) хорошо усвоил уроки Ленина, когда тот не колеблясь мог принимать в критический момент самые радикальные решения. Он, например, помнил, как в драматические месяцы весны 1918 года, когда хлеб перестал поступать с Украины (там хозяйничали немцы) и его нужно было изыскать в других районах, Ленин показал образец решительности. В своем выступлении по текущему моменту 26 мая 1918 года он предложил Военный комиссариат превратить в Военно-продовольственный комиссариат, то есть „сосредоточить 9/10 работы Военного комиссариата на переделке армии для войны за хлеб и на ведении такой войны...“. За нарушения дисциплины в такой войне предложил „вести расстрел“. Создавать продовольственные отряды и посылать их на войну за хлеб...⁷⁴

Пришло время, и Сталин дал свой роковой сигнал для еще одной войны в деревне... Команда генсека прозвучала в его речи на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 года, проходившей в Коммунистической академии ЦИК СССР. Сталин заявил, что „от политики *ограничения* эксплуататорских тенденций кулачества мы перешли к политике *ликвидации* кулачества как класса“⁷⁵. А ведь еще за два года до этой речи кулацкие хозяйства производили более 600 млн. пудов зерна (по сравнению с 80 миллионами, даваемыми имевшимися тогда колхозами и совхозами). Но у

кулаков хлеб нужно было *купить*, а в колхозе его можно было просто *забрать!*

Когда Сталин выступал перед аграрниками-марксистами, по его заданию в это же время готовили новые важные документы для рассмотрения на Политбюро. В январе 1930 года их утвердили. В частности, была одобрена директива „О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации“. Это очень пространный, детальный документ, исполнение которого не оставило никаких исторических шансов наиболее работающей и трудолюбивой части российского крестьянства. Сталин собственноручно вписал тезис о „срочности“ принимаемых мер. Согласно директиве Политбюро вводились три категории в оценке кулаков:

„а) первая категория — контрреволюционный кулацкий актив — немедленно ликвидировать путем заключения в концлагеря, не останавливаясь... перед применением высшей меры репрессии;

б) вторую категорию должны составить остальные элементы кулацкого актива... они подлежат высылке в отдаленные местности Союза ССР;

в) в третью категорию входят оставляемые в пределах района кулаки...“⁷⁶

Директива предписывала ОГПУ плановое задание по количеству высылаемых в концлагеря на север и восток страны. В таблице указаны только главы семей, поэтому количество сосланных в 5—7 раз больше.

	концлагерь	высылка
Средняя Волга	3—4 тыс.	8—10 тыс.
Сев. Кавказ	6—8	20
Украина	15	30—35
Центрально-Черноземная область	3—5	10—15
Нижняя Волга	4—6	10—12
Белоруссия	4—5	6—7
Урал	4—5	10—15
Казахстан	5—6	10—15

„В отношении остальных областей и республик аналогичную наметку поручить произвести ОГПУ по согласованию с соответствующими крайкомами и ЦК ВКП(б). Районами высылки должны быть необжитые и малообжитые местности... Высылаемые кулаки подлежат расселению в этих районах небольшими поселками, которые управляются комендантами. Конфискуемые у кулаков средства производства поступают в неделимый фонд колхозов... Предоставить ОГПУ на время проведения этой кампании полномочия по внесудебному рассмотрению дел...“⁷⁷

Страшный Молох по раскрестьяниванию российского мужика благодаря стараниям большевиков работал кроваво, долго, методично. По моим подсчетам (вероятно, неполным), под раскулачивание попали 8,5—9 миллионов российских мужиков, их жен, детей, стариков. Около четверти погибли в первые месяцы после раскулачивания, еще четверть — в течение года.

Широко известна версия раскулачивания, рассказанная Сталиным Черчиллю в августе 1942 года: „Это было что-то страшное, это длилось четыре года. Чтобы избавиться от периодических голодовок, России было необходимо пахать землю тракторами. Мы были вынуждены пойти на это. Многие крестьяне согласились пойти с нами. Некоторым из тех, кто упорствовал, мы дали землю на Севере для индивидуальной обработки. Но основная их часть (имеются в виду кулаки. — *Д.В.*) была весьма непопулярна и была уничтожена самими батраками...“⁷⁸

Кто же были эти „батраки“? Похоже, что не только те, кому Политбюро пообещало 25 процентов отобранного у кулаков добра. Главными „батраками“ был сам Сталин и его камарилья в Политбюро. Но (вот парадокс истории) они были тогда весьма популярны! Диктатура в обстановке пропагандистской демагогии довольно часто в истории заставляет видеть черное белым (простите, красным). Многим в стране казалось: этот фантастический эксперимент сразу решит все проблемы. Так думали и большевики. То было страшным заблуждением.

Такова была чудовищная цена реализации Сталиным плана „введения социализма в деревне“. Это было время превращения крестьянства в подневольное полурабское „со-

циалистическое“ сословие. А наиболее профессиональная, работающая его часть была безжалостно ликвидирована.

Большевики смахнули миллионы людей в небытие, на задворки жизни, как хлебные крошки со стола. Российское крестьянство в основном безропотно приняло на себя тяготы мученичества — слишком много жизней, крови, энергии отняли гражданская война, непрерывные реквизиции, изъятия, конфискации, обложения, угрозы, расправы... Но вспышки отчаяния были. То тут, то там. Об одной из них сообщили в Москву из Дагестана. Сталин собрал Политбюро, где решили, что в Дидоевском районе „делесообразно осуществить постепенно ликвидацию волнений путем изоляции района от внешнего мира и разложения его изнутри. Поручить Ягоде дать указания по линии ОГПУ... требовать выдачи главарей...“⁷⁹ и т.д. В общем, кончилось и здесь тем же, чем в Тамбовской губернии и в других местах: репрессии, высылки, лагеря.

Окончательно крестьянство было покорено голодом, который обрушился на завершающем этапе коллективизации. Государство, как автор писал выше, имело возможность теперь из колхозов изымать хлеб без особых трудностей. Вплоть до семенного зерна. В 1932 году урожай был меньше, чем в предыдущие годы, но власть изымала у колхозов практически все зерно.

Кто противился — применяли новые методы. Вот, например, ЦК Компартии Украины заносил на „черную доску“ села, „злостно саботирующие хлебозаготовки“. 6 декабря 1932 года на такую „доску“ были занесены:

„1. село Вербка, Павлоградского района, Днепропетровской области;

2. село Гавриловка, Межевского района, Днепропетровской области;

3. село Лютенки, Годачьского района, Харьковской области;

4. село Каменные Потоки, Кременчугского района, Харьковской области;

5. село Святотроицкое, Троицкого района, Одесской области;

6. село Пески, Баштановского района, Одесской области“⁸⁰.

Вслед за занесением на „черную доску“ сыпались кары: запрещение колхозной торговли, прекращение подвоза товаров, досрочное востребование кредитов, ну и конечно, в села поехали отряды ОГПУ для „очистки колхозов от чуждых и враждебных элементов“.

В 1933 году Украину, Центрально-Черноземный район, Кубань, Северный Кавказ, Поволжье, Казахстан охватил жестокий голод. Продолжалось „изъятие“ кулаков для заселения Беломоро-Балтийского канала⁸¹. Тысячи людей бросились в города, но на дорогах, вокзалах уже стояли заслоны чекистов. Еще в декабре 1932 года последовало новое решение властей — крестьян лишили паспортов. Они окончательно превратились в советских крепостных.

Крестьяне с детьми ели траву, пытались собирать оставшиеся после жатвы колоски хлеба на жнивье. Но государство бдительно следило за всем; тут же вышло постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 года, известное в народе как „закон о колосках“. В постановлении говорилось: „Применять в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества и с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией имущества“⁸². За „колоски“ обычно не часто давали расстрел, а вот на 10 лет в лагеря угодило несколько тысяч...

Десятки тысяч крестьян пополнили и так разбухшие сталинские лагеря. Голод унес еще 3,5 миллиона человек. То был заключительный аккорд коллективизации. Село замолчало, притихло.

А что же Сталин, главный организатор реализации ленинского „кооперативного плана“? Он остался верен себе. Уже всю работала пропагандистская машина, созданная партией. В разгар голода в феврале 1933 года созывается Всесоюзный съезд колхозников-ударников. Привезли полторы тысячи проверенных ОГПУ колхозников. На съезде с речами предстали главные „батраки“, уничтожавшие крестьян: В.М.Молотов, А.М.Каганович, М.И.Калинин, К.Е. Ворошилов, а также „красный конник“ С.М.Буденный. Но, конечно, главным событием съезда было выступление Ста-

лина 19 февраля 1933 года. (В этот день умерло от голода, по среднестатистическим данным, около трех тысяч крестьян...) Сказал ли он что-нибудь о голоде? Нет, не сказал. Впрочем, намеком сказал.

Выступающие говорили, заметил Сталин, что „у рабочих есть достижения, а у колхозников гораздо меньше достижений... А вы знаете, чего стоили эти достижения рабочим Ленинграда и Москвы, какие лишения пережили они до того, чтобы добиться, наконец, этих достижений?“. Дальше Сталин рассказал, что были времена, когда рабочим выдавали „по восьмушке фунта черного хлеба и то наполовину со жмыхами. И это продолжалось не месяц и не полгода, а целых два года...“⁸³.

Прищуренные желтые глаза вождя обшарили большой зал, затихший, сжавшийся. Сталин дал понять, что лишения — дело обычное и даже обязательное, неизбежное. Вон рабочие же терпели...

Голод — эпизод. Главное, что они, ударники-колхозники, должны помнить о своем долге. Об этом генсек сказал предельно ясно: „От вас требуется только одно — трудиться честно, делить колхозные доходы по труду, беречь колхозное добро, беречь тракторы и машины, установить хороший уход за конем, выполнять задания вашего рабочекрестьянского государства, укреплять колхозы и вышибать вон из колхозов пробравшихся туда кулаков и подкулачников“⁸⁴. Сословие рабов XX века и не могло ждать другой установки.

В эти самые февральские дни 1933 года, когда проходил сталинский съезд колхозников-ударников, на той же Украине обкомы пытались что-то сделать, чтобы поднять на ноги тысячи опухших от голода людей. Киевский обком КП(б)У, например, постановил: „Всех опухших или находящихся от истощения в лежачем положении, как детей, так и взрослых“, следует поднять на ноги до 5 марта путем перевода людей в специальные помещения и организации восстановительного питания. Но при этом требовалось „не разбазаривать колхозные фонды“, что будет „караться строжайшим порядком“. Обком на основании указаний из Москвы видел причины голода в „злоупотреблениях в колхозах, лодырничестве, упадке трудовой дисциплины и т.д.“⁸⁵.

Это ведь надо было так повести дело, чтобы на благодатной Украине учинить голод!

Ленин говорил, что „простой рост кооперации для нас тождественен... с ростом социализма“⁸⁶. Сталин назвал колхозы самой приемлемой формой кооперации. Ведь именно они, колхозы, оказались способными разрушить крестьянскую общину и превратить жителей села в государственных крепостных. С тех пор на протяжении десятилетий коммунистическая система с паразитическим упорством пыталась добиться, чтобы колхозная барщина стала эквивалентной свободному труду. Сколько состоялось „исторических пленумов“ ЦК партии, какое количество средств и сельхозтехники отправлено в деревню, какие только манипуляции ни проводились с руководителями колхозов, ошарашенных шефством горожан, а результата желанного так и не получилось.

Страна, которая до революции давала более четверти мирового производства зерна, превратилась в стабильного покупателя огромного количества хлеба. Это, по сути, исторический приговор большевистскому эксперименту. В годы сталинской диктатуры зерно, конечно, не покупали; для первого „ленинца“ гибель от голода миллионов сограждан была не более чем досадным эпизодом в великом походе к „лучезарному будущему“. Начиная же с Хрущева, проложившего истоки десталинизации, все руководители ежегодно ломали голову: что еще продать, кроме очередных 200—300 тонн золота, чтобы кое-как прокормить страну? Только один раз Брежнев решился запросить справку о запасах и расходе зерна (государственных ресурсов) за длительный исторический отрезок времени. Она была представлена с грифом „особой важности“, и ее тут же упрятали в „Особую папку“. Всего две страницы нескольких колонок бесстрастных цифр с беспощадной ясностью высветили то, что было огромной партийной тайной: в советские годы почти всегда (за редчайшим исключением) хлеба стране не хватало⁸⁷. Обходились двояко: в сталинские времена голодали; позже — непрерывно закупали у капиталистов, которые, вопреки многочисленным пророчествам Ленина, так и не потерпели краха.

...Брежнев долго крутил эти два листка, с натугой вни-

кая в смысл простых колонок цифр. Это что же, колхозный строй не может накормить страну? Давно выполнен ленинский завет об уничтожении „крестьянских хищников“, а хлеба все не хватает? Выходит, после XX съезда мы все время покупали хлеб у капиталистов? А как же соревнование, целина, миллионы орденосцев? Вон из Киева пришло предложение учредить высшее почетное звание „Герой Коммунистического Труда“ и присвоить его, естественно первому, ему, Леониду Ильичу... Рябит в глазах от цифр. Начиная с 1957 года закупаем, закупаем, закупаем. Сотни, тысячи тонн золота, миллионы тонн нефти, газа, металла — и все это за хлеб?

Обычно Брежнев ставил дежурную резолюцию: „Вокруговую“. Это значит ознакомить всех членов Политбюро. Сейчас он просто, держа плохо слушающимися пальцами дорогую ручку, вывел: „Л.Брежнев. 17.X.78“. Не стоит обсуждать этот вопрос на Политбюро. Просочится за стены Кремля, чего доброго, информация... А значит, и читать больше никому не нужно... Вон на столе у него новая толстая пачка бумаг о награждении победителей социалистического соревнования в честь 60-летия Великой Октябрьской революции... Подпишет эти бумаги, а об остальном не стоит ломать голову...

Трагедия интеллигенции

Ленин был не только демоном разрушения, но и Демиургом созидания. Пролетарского, марксистского „созидания“. Он хотел через несколько месяцев „вести“ социализм, через несколько лет „построить“ коммунизм. Его предложения на этом пути были радикальны и импульсивны. По предложению Ленина 12 апреля 1918 года СНК утвердил декрет, подготовленный А.В.Луначарским, „О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции“. Предполагалось, что уже к 1 мая модели новых памятников вместо старых будут рассмотрены. Но снести с

пьедесталов „дарей и слуг“ оказалось более легким делом, нежели поднять на них новых кумиров.

В России иступленно рушили не только церкви, но и памятники, все то, что напоминало народу о „проклятом прошлом“. Чугунные и бронзовые цари, всякие там графы и князья, царские генералы и губернаторы стаскивались с пьедесталов, перевозились в литейные цеха, на свалки, в глухие дворы. Шла конфискация прошлого. Никто еще не знает, что через семь десятилетий почти все повторится.

Ленин требовал, чтобы на месте монументов старого режима поднялись памятники пионерам и творцам новой революционной жизни. В конце июля 1918 года по его предложению на заседании СНК профессор М.Н.Покровский сделал доклад о необходимости установки в столице новых памятников, символизирующих неодолимость революции. В постановлении правительства говорилось о возведении в Москве „50 памятников в области революционной и общественной деятельности, в области философии, литературы и искусства“.

Ленин предложил уже „через пять дней (!) представить в СНК на утверждение списки лиц, которым предполагается поставить памятники“. Этому делу он придал характер сороспелой кампании.

После февраля 1917 года ленинским правилом стало нетерпеливое прищпоривание исторических событий. Совет Народных Комиссаров, следуя настойчивому ленинскому требованию, записал: „Поставить на вид Народному комиссариату по просвещению желательность спешного проведения в жизнь постановления СНК об украшении улиц, общественных зданий и т.п. надписями и цитатами“. Через два дня „список“ утверждается...

Ленин спешил быстрее навсегда перевернуть „царскую“ страницу истории и начать свою, революционную, ленинскую. Через два месяца он требует доклада о ходе реализации постановления Совнаркома и приходит в негодование. Почти ничего не сделано! Звонит Луначарскому, тот оказывается в Петрограде. В город на Неве немедленно летит грозная ленинская телеграмма.

„Сегодня выслушал доклад Виноградова о бюстах и памятниках, возмущен до глубины души; месяцами ничего не

делается; до сих пор ни единого бюста, исчезновение бюста Радищева есть комедия. Бюста Маркса для улицы нет, для пропаганды надписями на улицах ничего не сделано. Объявляю выговор за преступное и халатное отношение, требую присылки мне имен всех ответственных лиц для предания их суду. Позор саботажникам и ротозеям.

Предсовнаркома Ленин⁸⁸.

В стране голод, разруха, тиф, бандитизм, духовная и социальная смута. Вождь же хочет быстрее покончить со старым, вдохновить новыми чугунными идолами почти распятый народ. Ленин как будто не хочет или не может понять: в истории многое возникает, но ничего не исчезает. Все остается вечным достоянием истории. И как ни пытался вождь русской революции вытравить, например, память о русских царях, особенно, как он говорил, „идиоте Николае II“, последний спустя три четверти века, вероятно, превосходит, не без помощи большевиков, по популярности Ульянова-Ленина. Память и общественное сознание живут и функционируют по своим собственным законам, а не постановлениям большевистского Совнаркома или Политбюро.

Исторический эпизод с памятниками автор привел, чтобы постепенно подвести читателя к главной мысли: Ленин смотрел на духовную культуру общества сугубо прагматически. Только как большевистский политик. Все должно работать на революцию. А в ней на первом плане революционное просвещение и революционная агитация.

Н.К.Крупская, отвечая на анкету Института мозга в 1935 году, каким был Ленин, заметила: „Театр очень любил — всегда это производило на него сильное впечатление“⁸⁹. Как автор книги, выскажу сомнение в этом утверждении, или, по крайней мере, думаю, что эта любовь была необычной. Та же Крупская вспоминала (но уже по другому поводу), что в эмиграции „пойдем в театр и после первого действия уходим“... В Москве ходил редко, но Крупская помнит, что в середине представления спектакля Диккенса „Сверчок на печке“ заскучал и ушел... Любовь к театру была довольно странной. Но тем не менее — любовь.

Это не помешало Ленину поддержать идею закрытия Большого театра. Политбюро ЦК не раз рассматривало этот вопрос и высказалось в том же духе⁹⁰. Однако Луна-

чарский запротестовал, и СНК еще до постановления Политбюро его поддержал: нужно сохранить Большой театр. Однако Ленин настойчив. Даже упрям.

„Тов.Молотову

Узнав от Каменева, что СНК единогласно принял совершенно неприличное предложение Луначарского о сохранении Большой оперы и балета, предлагаю Политбюро постановить:

1. Поручить Президиуму ВЦИК отменить постановление СНК.

2. Оставить из оперы и балета лишь несколько десятков артистов на Москву и Питер для того, чтобы их представления (как оперные, так и танцы) могли окупаться, т.е. устранением всяких крупных расходов на обстановку и т.п.

3. Из сэкономленных таким образом миллиардов отдать не меньше половины на ликвидацию безграмотности и на читальни.

4. Вызвать Луначарского на пять минут для выслушания последнего слова обвиняемого и поставить на вид...⁹¹

Кто станет возражать против ликвидации неграмотности? Но почему ценой ликвидации Большого театра и других великих национальных очагов культуры? Ленина это не заботило. Все его помыслы во власти революции и ее развития. Ценой снижения высшего уровня интеллекта нации Ленин хотел поднять планку обыденного сознания народа. Тогда им легче управлять.

В декабре 1918 года Ленин собственноручно пишет „Инструкцию о составлении книги для чтения рабочих и крестьян“. Требования категоричны: „Задание: в двухнедельный срок составить книгу для чтения крестьян и рабочих... Темы: строительство Советской власти, ее политика извне и внутренняя. Например: что такое Советская власть. Как управлять страной. Закон о земле. Совнархозы. Национализация фабрик. Трудовая дисциплина. Империализм. Империалистическая война. Тайные договоры. Как мы предлагали мир. За что мы теперь воюем. Что такое коммунизм. Отделение церкви от государства. И так далее...“⁹²

Даже ликвидация неграмотности до предела политизирована. Ничего о прошлом; оно как бы конфисковано и сдано в утиль. Главное, рабочие и крестьяне должны знать, „что такое коммунизм“.

Ленин, будучи человеком мощного интеллекта, понимал, что сознание — самая прочная крепость. С помощью даже ОГПУ ее непросто взять. Нужно мобилизовать партию и ту меньшую часть интеллигенции, что пошла с большевиками. Без нее, этой интеллигенции, сознание миллионов мужиков будет по-прежнему замусорено „старорежимной ерундой“. Поэтому генеральный курс Ленина: подчинить интеллигенцию Советской России партийному влиянию, заставить ее работать на революцию. Когда 9 октября 1920 года Политбюро рассматривало вопрос „О съезде Пролеткульта“, Ленин, Сталин, Каменев, Крестинский, Бухарин были единодушны, принимая постановление: „Провести на съезде резолюции о тесной связи Пролеткульта и о подчинении его партии“⁹³. Главное — в подчинении.

Троцкий, который глубже разбирался в литературе и искусстве, чем другие большевистские вожди, тем не менее на встрече с московскими писателями и поэтами заявил: „Фабрика для создания новых пролетарских поэтов-художников у нас есть, но это не МАППы и не ВАППы, а РКП. Товарищам нужно сидеть в РКП и учиться. РКП воспитает пролетарского поэта, создаст действительно художественного литератора. И поэтому литератор-коммунист, как член РКП, должен сосредоточить свое внимание на творчестве своей партии...“⁹⁴

Так надвигалась трагедия культуры и интеллигенции; через партийность у них отбирали творческую свободу. Сознание не только крепость, но и последний оазис свободы. Чтобы сформировать элементарно мыслящего человека, которым легко управлять и манипулировать, большевики обильно кормили людей примитивной духовной пищей и семьдесят лет ограничивали, дозировали там, где считали ее „классово вредной“.

В ноябре 1923 года А.М.Горький писал В.Ф.Ходасевичу: „...Из новостей, ошеломляющих разум, могу сообщить, что в „Накануне“ напечатано: в России Надеждою Крупской и каким-то М.Сперанским запрещены для чтения: Платон, Кант, Шопенгауэр, Вл.Соловьев, Тэн, Рескин, Ницше, Л.Толстой, Лесков, Ясинский (!) и еще многие подобные еретики. И сказано: „Отдел религии должен содержать только антирелигиозные книги...“⁹⁵ Да, на протяжении семи

десятилетий было огромное поле литературы, куда советскому читателю ходить было строго заказано. Воспитание советской интеллигенции, как проводника партийных решений, стало одной из главных задач большевиков. Программа этого воспитания была изложена в назидательной ленинской статье „Партийная организация и партийная литература“.

Но вначале нужно было завершить „просеивание“ интеллигенции. В своем большинстве она не приняла революцию. За это поплатилась жизнью, бегством, изгнанием десятков тысяч ее лучших представителей на чужбину.

Ленин поддержал идею духовного обескровливания Советской России. Те, кто был не способен перестроиться под требования революции, должны стать изгнанниками. В июне 1922 года на заседании Политбюро, где доклад „Об антисоветских группировках“ сделал Уншлихт, было принято постановление, во втором пункте которого вводилось горестное и бесчеловечное наказание. Инакомыслящих решили лишать родины. „Предложить ВЦИК, — говорилось в документе, — издать постановление о создании особого совещания* из представителей НКВД и НКЮ, которому предоставить право, в тех случаях, когда имеется возможность не прибегать к более суровому наказанию, заменять его высылкой за границу или в определенные пункты РСФСР“⁹⁶.

Всесильное ГПУ немедленно приступило к отбору опасных для революции людей, а в действительности — духовной элиты российского общества. И уже 2 августа Уншлихт, ленинский предтеча бериевщины, пишет записку Сталину:

„Во исполнение постановления Политбюро высылаю протокол заседания Комиссии ПБ, список антисоветской интеллигенции Москвы, список антисоветской интеллигенции Петрограда с характеристиками...“ Комиссия решила „произвести арест всех намеченных лиц, предложить им выехать за границу за свой счет. В случае отказа — за счет ГПУ. Одновременно закрыть контрреволюционные издания: „Вестник сельского хозяйства“, „Мысль“, „Экономическое возрождение“ за публикацию антисоветских и идеалистических взглядов“⁹⁷.

* „Особое совещание“ позже было преобразовано в „особую комиссию“.

Люди из ГПУ были неглупыми: в списках „активной антисоветской интеллигенции“ (составленных не по алфавиту, а по мере докладов и предложений с „мест“) оказались наиболее яркие представители интеллектуальной элиты России. Очень важными для операции обесмысливания российского интеллекта оказались личные указания вождя. Ленину списки высылаемых показывались несколько раз. Он уточнял, дополнял, делал пометки, ставил вопросы и передавал в ГПУ, Дзержинскому, Сталину, Уншлихту для „доработки“. И даже когда первая крупная партия российских мыслителей осенью 1922 года была составлена для выдворения за околицу отечества, Ленин, находясь в отпуске по болезни, продолжал интересоваться вопросом, руководить дальнейшими действиями ГПУ.

„17.IX. т.Уншлихт! Будьте любезны распорядиться вернуть мне все... бумаги с пометками, кто выслан, кто сидит, кто и почему избавлен от высылки. Совсем краткие пометки на этой же бумаге.

Ваш Ленин“⁹⁸.

Ответил вместо отсутствующего Уншлихта его заместитель Г.Ягода на следующий же день, около полуночи (работы в ГПУ было много: столько людей нужно было арестовать, сослать, выслать, а то и расстрелять...).

„18.IX.1922 г. 23 часа 45 мин.

тов. В.И.Ленину.

Согласно Вашего распоряжения посылаю обратно при- сланные Вами списки с соответствующими пометками на них, и фамилии лиц (выделенных отдельно), кои оставлены по тем или другим причинам в Москве и Питере.

С ком. приветом Г.Ягода.

Р. S. Первая партия уезжает из Москвы 22.IX. в пятницу. Г.Я.“⁹⁹.

Списки пространны, обширны, с подзаголовками: „Профессура 1-го Московского университета“, „Профессора Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии“, „Профессора Института инженеров путей сообщения“, „По делу Вольно-экономического общества“, „Список антисоветских профессоров Археологического института“, „Общий список активных антисоветских деятелей по делу издательства „Берег“, „Список лиц, проходящих по делу

№ 813 (группа Абрикосова)“, „Список антисоветских агрономов и кооператоров“, „Список врачей“, „Список антисоветских инженеров“, „Список литераторов“, „Список питерских литераторов“. Кроме этого составлен специальный „Список антисоветской интеллигенции г. Петрограда“.

В первой „партии“, включая дополнительный список, значится 120 человек. Документ первоначально подписан 31 июля 1922 года Каменевым, Курским, Уншлихтом. В конце горестного перечня блистательных имен, многие из которых и поныне являются гордостью России, стоит примечание Ягоды: „Согласно решения Политбюро ЦК РКП комиссия под председательством т. Дзержинского рассматривала ходатайства об отмене высылки лиц, считающихся незаменимыми в своей отрасли и о которых соответствующими учреждениями делались заявления об оставлении на месте“.

Я не буду приводить весь список. Назову лишь ряд фамилий и пометки против них, сделанные в ГПУ. Ленин долго сидел над списком, но у него не возникло чувства духовного протеста, сожаления, осознания абсурда, алогичности и преступности акции, которую готовилась совершить под его руководством его партия. Очень многих из людей, которых лишали родины, он знал лично. Но, по мнению Ленина, „выдворение“ — это было весьма „гуманно“ (вождь мог вспомнить свою безбедную жизнь в тихой, благополучной Швейцарии).

Ленинский прищуренный взгляд быстро пробежал строчки приговорного списка, выделяя про себя знакомые фамилии.

Стратонов В.В.	Высылается. На свободе.
Артоболевский И.А.	За рев. трибуналом. Обвиняется в агитации против изъятия церковн. ценностей.
Тяпкин Н.Д.	Содержится под стражей.
Велихов П.А.	Содержится под стражей.
Коробков Н.М.	Освобожден... Последняя стадия туберкулеза.
Лосский Н.О.	Высылается. На свободе.
Кондратьев И.Д.	Возбуждено дело по обвинению в содействии эсерам. Высылка временно приостановлена. Содержится под стражей.

Франк С.Л.	Высылается. На свободе.
Айхенвальд Ю.И.	Высылается. На свободе.
Осоргин М.А.	Высылается. На свободе.
Степун Ф.А.	Не разыскан.
Сорокин П.А.	Арестован. Высылается.
Замятин Е.И.	Высылка отсрочена впредь до особого распоряжения.
Ермолаев Н.И.	За границу не высылать. Предать суду.
Вислоух С.М.	Арестован. Высылается.
Бердяев Н.А.	Высылается. На свободе.

В параллельном списке ГПУ, где сформулированы обвинения против выслаемых, против фамилии Бердяева, например, записано: „Близок к издательству „Берег“. Проходил по делу „тактического центра“ и по „Союзу Возрождения“, монархист, кадет правого устремления, черносотенец, религиозно настроенный, принимает участие в церковной контрреволюции. За высылку“¹⁰⁰.

К слову сказать, эти роковые решения Ленин принимал, когда месяцем раньше Надежда Константиновна занималась с ним простейшими упражнениями: умножение двузначных чисел на однозначные и тому подобными интеллектуальными задачками. Тетрадь в 21 лист испещрена детскими по уровню упражнениями Ленина¹⁰¹. Становится не по себе: человек с трудом может решить арифметический пример для семилетнего ребенка, но определяет судьбу людей — цвета нации...

Напрасно искать в „Биографической хронике“ отражение этой полицейской деятельности Ленина. Ведь его жизнь всегда показывалась только с той стороны, которая была освещена солнцем. А что в тени вождя — не принято было говорить, требовалось всячески сохранять эти тайные покровы. Конечно, о записке 17 сентября Уншлихту в „Биохронике“ ни слова. Хотя авторы сочили, например, нужным указать, что в этот же день Ленин „пишет записки дежурному секретарю и в Управление делами СНК с просьбой прислать конверты и клей лучшего качества“¹⁰². Видимо, по мысли высоких контролеров из ЦК, эпизод с „клеем“ более важен для высвечивания исторического силуэта Ленина, нежели его деяния по интеллектуальному обескровливанию нации..

Ровно три года до этого, 15 сентября 1919 года, Ленин пишет длинное письмо Горькому, который прислал ему встревоженное послание по поводу арестов среди интеллигенции. Ленинское письмо крайне знаменательно, это, по сути, кредо вождя по отношению к интеллигенции. Можно было не сомневаться, что последователи вождя, впитавшие подобные ленинские установки, низведут российскую, советскую интеллигенцию до роли помыкаемой служанки.

Горький, как пишет известный публицист Е.К.Кускова, метался: его тянуло на родину, но оттуда шли тревожные вести; экзекуция над его народом продолжалась¹⁰³. Великий русский писатель, в чьей судьбе нашла своеобразное, но глубокое отражение трагедия русской интеллигенции, еще пока не сдался, но уже испытывал огромное давление из Москвы. Чтобы сохранить творческую свободу, Горький должен был остаться вне родины. Но это было свыше его сил. Письмо к Ленину с протестом и просьбой защитить российскую интеллигенцию было как последняя конвульсия его свободы.

Ответ Ленина был демагогически злым, безапелляционным, резким. Он как будто бы уже знал, что Горький будет сломлен и побежден. И вместе с ним — все осколки русской интеллигенции, оставшейся на родине.

Признав, что при арестах интеллигенции „ошибки были“, Ленин тем не менее заключает: „Ясно и то, что в общем мера ареста кадетской (и околкадетской) публики была необходима и правильна“. Ленин поучает Горького: „Интеллектуальные силы“ народа смешивать с „силами“ буржуазных интеллигентов неправильно. За образец их возьму Короленко: я недавно прочел его, писанную в августе 1917 года, брошюру „Война, отечество и человечество“. Короленко ведь лучший из „околокадетских“, почти меньшевик. А какая гнусная, подлая, мерзкая защита империалистической войны, прикрытая сладкими фразами! Жалкий мещанин, плененный буржуазными предрассудками! Для таких господ 10 000 000 убитых на империалистической войне — дело, заслуживающее поддержки... а гибель сотен тысяч в справедливой гражданской войне против помещиков и капиталистов вызывает ахи, охи, вздохи, истерики...“

Ленин, как всегда, категоричен: он знает, что его граж-

данская война справедлива, что если она справедлива, то „гибель сотен тысяч“ — это чуть ли не достижение. Русский писатель, посмеявшийся высказать свою точку зрения на происходящее, сразу же становится „жалким мещанином“.

Ленин далее утверждает, что „интеллектуальные силы рабочих и крестьян растут и крепнут в борьбе за свержение буржуазии и ее пособников, интеллигентов, лакеев капитала, мнящих себя мозгом нации. На деле это не мозг, а говно“.

Вот так цинично и плоско вождь русских большевиков оценил интеллигенцию своего отечества. Это не поразительная историческая близорукость, а „слепота классовых очков“. К тому же, повторю, я глубоко убежден, прочитав множество документов о Ленине, — он никогда не любил Россию, как и ее интеллигенцию.

В конце письма Ленин не упускает, конечно, возможности нанести хлесткий удар и самому Горькому: „Не раз и на Капри и после я Вам говорил: Вы даёте себя окружить именно худшим элементом буржуазной интеллигенции и поддаетесь на ее хныканье... Вполне понимаю, вполне, вполне понимаю, что так можно дописаться до того, что-де „красные такие же враги народа, как и белые“ (борцы за свержение капиталистов и помещиков такие же враги народа, как и помещики с капиталистами), но и до веры в боженку или в царя-батюшку. Вполне понимаю.

Ей-ей погибнете*, если из этой обстановки буржуазных интеллигентов не вырветесь! От души желаю поскорее вырваться.

Лучшие приветы.

Ваш Ленин¹⁰⁴.

Письмо, коряво написанное в истинно ленинском духе, выносит приговор российской интеллигенции. Раз она смеет сомневаться, даже быть „околокадетской“, то какой же это мозг нации, это просто „г...о“. Классовый скальпель Ленина безжалостен; мозг нации поврежден. На долгие десятилетия. Но это, так сказать, частное письмо, которое выражает прежде всего мировоззренческую установку самого вождя

*Ленин, закончив письмо, делает сноску: „Ибо Вы ведь не пишете. Тратить себя на хныканье сгнивших интеллигентов и не писать для художника разве не гибель, разве не срам!“

по отношению к интеллигенции, не принявшей революцию. Возможно, это так бы и осталось личным делом Ленина, не будь он главой советского правительства и признанным лидером большевиков. Ведь было ясно, что он просто не доверял интеллигенции. Вождь давно уже говорил, что „литературное дело должно стать составной частью... партийной работы“. Разумеется, партийно-большевистской.

Уверовав раз и навсегда, что абсолютной истиной является марксизм, а затем большевизм, Ленин отказывал всем, абсолютно всем, иметь право на другую точку зрения и считать ее верной... На примере ленинского ума, мощного, сильного, но закованного в латы ортодоксального догматизма, можно проследить драму его политизации в такой степени, что мироощущение вождя превратилось в выражение светской религии, каковой стала идеология большевизма. В ленинской нетерпимости к инакомыслию есть нечто от средневековой инквизиции: вполне так можно дописаться до того, что-де „красные“ такие же враги народа, как и „белые“. Ленин не может даже теоретически допустить, что может быть прав кто-то, кроме „красных“. Это ум религиозного фанатика, который не хочет в цепи рассуждений и аргументов даже допустить доводы иного плана. Ленин верит и требует, чтобы так верили и другие.

Все дело в том, что Ленин мог действительно требовать, ибо он был первым властным человеком в октябрьском эксперименте, облечен правами главы ордена диктатуры пролетариата. Поэтому другое его письмо, точнее, пространная записка, написанная Сталину, носит характер категорической директивы по отношению к инакомыслящей интеллигенции.

„т. Сталин!

К вопросу о высылке из России меньшевиков, народных социалистов, кадетов и т.п. я бы хотел задать несколько вопросов ввиду того, что эта операция, начатая до моего отпуска, не закончена и сейчас.

Решено ли „искоренить“ всех этих энесов? Пешехонова, Мякотина, Горенфельда? Петрищева и др.?

По-моему, всех выслать. Вреднее всякого эсера, ибо ловчее. Тоже А.Н.Потресов, Изгоев и все сотрудники „Экономиста“ (Озеров и мн. мн. другие). Меньшевики Розанов

(врач, хитрый), Вигдорчик, Мигуло или как-то в этом роде, Любовь Николаевна Радченко и ее молодая дочь (понаслышке злейшие враги большевизма); Н.А.Рожков (надо его выслать; неисправим); С.Л.Франк (автор „Методологии“). Комиссия под надзором Манцева, Мессинга и др. должна представить списки, и надо бы несколько сот подобных господ выслать за границу безжалостно. Очистим Россию надолго.

Насчет Лежнева (бывший „День“) очень подумать: не выслать ли? Всегда будет коварнейшим, насколько я могу судить по прочитанным его статьям.

Озеров и все сотрудники „Экономиста“ — враги самые беспощадные. Всех их — вон из России. Делать это надо сразу. К концу процесса эсеров, не позже. Арестовать несколько сот и без объявления мотивов — выезжайте, господа!

Всех авторов „Дома литераторов“, питерской „Мысли“; Харьков обшарить, мы его не знаем, это для нас „заграница“. Чистить надо быстро, не позже конца процесса эсеров.

Обратите внимание на литераторов в Питере (адреса, „Новая Русская книга“, № 4, 1922 г., с.37) и на список частных издательств (стр.29).

С коммунистическим приветом Ленин¹⁰⁵.

Полицейское распоряжение Ленина, бессвязное, но написанное на одном дыхании, химическим карандашом, — беспощадно, жестоко по своему содержанию. Безусловно, это послание вождя адресат расценил как директиву, начертан в верхнем углу: „Т. Дзержинскому, с возвратом. Сталин“.

Мы долго, более четверти века, размышляли после XX съезда партии, откуда пришла к Сталину беспримерная жестокость по отношению к своим соотечественникам. Не было и намека даже подумать (автор настоящей книги в том числе), что отцом внутреннего терроризма, беспощадного и тотального, был сам Ленин. Другое дело, откуда у Ленина эта страсть. Он не бегал из тюрем и ссылок, как деклассированный революционер Джугашвили, а спокойно проживал в благополучных странах и городах...

Думаю, все это от усвоенной Лениным философии „революционного права и морали“ — все дозволено во имя

достижения цели. Макиавелли не мог и предположить, что в истории будет столь прилежный интерпретатор его теории. Помните, как в своем „Государе“ выдающийся мыслитель эпохи Возрождения писал: „О действиях всех людей, а особенно государей, с которых в суде не спросишь, заключают по результату, поэтому пусть государи стараются сохранить власть и одержать победу. Какие бы средства для этого не употребить, их всегда сочтут достойными и одобряют...“¹⁰⁶

Фанатичная вера в то, что история оправдывает любые его шаги и меры, если цель будет достигнута, окончательно поселилась в сознании Ульянова–Ленина, когда власть (довольно неожиданно и для него самого) оказалась в руках большевиков.

Я бы назвал это явление якобинством души. Лидер партии, как глава специальной службы, показывал пример чекистам, как нужно „заботиться“ о выполнении „спущенных“ партией директив. Уже в конце 1922 года Ленин вновь возвращается к теме высылки. Он диктует по телефону Фотиевой записку для Сталина еще об одном вольнодумце, Н.А.Рожкове:

„...Предлагаю: первое — выслать Рожкова за границу, второе — если это не пройдет (например, по мотивам, что Рожков по старости заслуживает снисхождения), то... послать, например, в Псков, создав для него сносные условия жизни и обеспечив его материально и работой. Но держать его надо под строгим надзором, ибо этот человек есть и будет, вероятно, нашим врагом до конца.

Ленин¹⁰⁷.

Так Ленин вносил личный вклад в реализацию своей зловещей формулы: „Очистим Россию надолго“. От интеллектуальной совести. Ленина не останавливало, что его указание „перстом вождя“ на жертвы — глубоко аморально. Ведь он лично был знаком с большинством тех, кому он предписывал: „Вон из России“. Если письмо к Горькому — суть выражения умонастроения Ленина по отношению к интеллигенции, то записка, адресованная Сталину, — конкретная директива, требующая быстрого исполнения.

К слову, не без ленинского влияния Политбюро ЦК в августе 1922 года приняло еще одно решение, расширяющее

круг репрессий против интеллигенции. „Коллективный мозг“ постановил „одобрить предложения т. Уншлихта о высылке за границу контрреволюционных элементов студенчества. Создать комиссию в составе Каменева, Уншлихта, Преображенского“¹⁰⁸. Большевики, ведомые Лениным, смотрели вперед; отрывали от родной почвы не только зрелых людей, но и зеленую поросль.

Таков был Ленин: он мог из безопасной Швейцарии заклинать социал-демократов в России идти путем революции, спокойно проживая при этом царскую пенсию матери и ее доходы с аренды поместья. Он мог, демонстрируя приверженность высшим принципам нравственности, протестовать: кто „солгал или кто интриговал в изложении частной беседы между мною, Мартовым и Старовером“¹⁰⁹ (А.Н.Потресов) — и решительно предлагать высылку из отечества того же Потресова, которого знал с самого порога века... У Ленина „комплексов“ не было; когда речь заходила о политике — для морали места не оставалось. Двойной стандарт в морали он считал естественным для себя.

Ведь, по существу, ленинский взгляд на художника, человека творческой профессии, сформировался у него еще в начале столетия. Отточил этот взгляд лидер большевиков, разглядывая со стороны российского гиганта мысли и пера Льва Николаевича Толстого. В этом отношении статья Ленина, приуроченная к восьмидесятилетию великого писателя, „Лев Толстой, как зеркало русской революции“ весьма показательна. Даже Толстого, общепризнанного гения, Ленин способен оценивать лишь через призму революции...

„...С одной стороны, — писал Ленин, — гениальный художник, давший не только несравненные картины русской жизни, но и первоклассные произведения мировой литературы. С другой стороны — помещик, юродствующий во Христе. С одной стороны, замечательно сильный, непосредственный и искренний протест против общественной лжи и фальши, — с другой стороны, „толстовец“, т.е. истасканный, истеричный хлюпик, называемый русским интеллигентом, который, бия себя в грудь, говорит: „Я скверный, я гадкий, но я занимаюсь нравственным самоусовершенствованием; я не кушаю больше мяса и питаюсь теперь рисовыми котлетками...“¹¹⁰

Взгляд Ленина на Толстого — поверхностный и вульгарный. Толстой еще на пороге XX века смог подняться на позиции приоритетов общечеловеческих ценностей, а Ленин навсегда застыл в своих классовых блиндажах. Ведь лидер большевиков совершенно определенно утверждал, что „серьезнейшей причиной поражения первой русской революции“ было толстовское непротивление злу насилем¹¹¹.

Но отмечу другое: великий Толстой понадобился автору статьи и для того, чтобы показать никчемность и ничтожность русской интеллигенции. Как и всякое явление, она многогранна. Но видеть в интеллигенции лишь „истасканных, истеричных хлюпиков“ мог только человек, взгляд которого ограничен лишь прорезью классовой бойницы. Выгоняя творческую элиту за околицу отечества, Ленин обрекал ее на еще большие страдания.

Немалое число российских писателей, профессоров, ученых, инженеров, будучи загнанными в отчаянное положение, сами пытались выбраться за рубеж. Но здесь Политбюро и ГПУ проявляли бдительность. Генрих Ягода прислал в ЦК специальное письмо, где сообщал, что его ведомство имеет „заявления ряда литераторов, в частности Венгеровой, Блока, Сологуба, о выезде за границу“. Ягода предостерегал: „Принимая во внимание, что уехавшие за границу литераторы ведут самую активную кампанию против Советской России и что некоторые из них, как Бальмонт, Куприн, Бунин, не останавливаются перед самыми гнусными измышлениями, ВЧК не считает возможным удовлетворять подобные ходатайства“¹¹².

По отношению к украинской интеллигенции поступили несколько иначе. По предложению Уншлихта на Политбюро было принято решение: „Заменить высылку за границу высылкой в отдаленные пункты РСФСР“¹¹³. Не знаю, кому повезло больше; если дожили эти люди с Украины до роковых тридцатых, то страшный сталинский серп выкосил их всех...

Выехать хотели очень многие, особенно те, кто не видел для себя возможности заниматься в Советской России творчеством. Очень быстро, например, в зарубежном рассеянии возникло такое уникальное явление, как могучая рус-

ская литература. Думаю, что в главных ее атрибутах — высочайшем мастерстве, свободолюбии, в честности перед собой и историей — она и в чуждой среде продолжила лучшие традиции литературной России. Возможно, прав Глеб Струве, написавший: „Много ли может советская русская литература противопоставить „Жизни Арсеньева“ Бунина, зарубежному творчеству Ремизова, лучшим вещам Шмелева, историко-философским романам Алданова, поэзии Ходасевича и Цветаевой, оригинальнейшим романам Набокова?“¹¹⁴

Я бы добавил к этому блистательному списку российских философов и писателей имена Н.А.Бердяева, К.Д.Бальмонта, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковского, Игоря Северянина, Л.И.Шестова, Б.К.Зайцева, М.А.Осоргина, Вячеслава Иванова, Л.П.Корсавина, С.Л.Франка и многих, многих других, коим не нашлось места на родине. Пишу эти строки, а в подсознании бьется парадоксальная мысль, не будь жестоким Ленин в своей высылке, их всех бы уничтожил Сталин. Это так: после октябрьского переворота в Россию приходило средневековое XX века... Люди поверили в 1917 году, что миссионеры от большевизма поведут их в страну обетованную, которой станет весь мир после всеобщей революции. Думаю, что в это верил и Ленин. А пока, писал В.Ф.Ходасевич, мучаясь в изгнании бедрами России:

*Прервутся сны, что душу душат,
Начнется все, чего хочу,
И солнце ангелы потушат
Как утром — мишнюю свечу...*

Пытались уехать в зарубежье целые коллективы. Еще в мае 1921 года Политбюро под председательством Ленина рассмотрело вопрос „О выезде за границу 1-й студии Художественного театра“. Решили, однако: „Отложить решение вопроса до доклада Луначарского: сколько из отпущенных лиц из ученого и артистического мира вернулось на родину (дать заключение ВЧК)“¹¹⁵. Долго спорили, отпустить ли Шалапина. Сомневались Ленин, Сталин, Калинин, но поддержал просьбу великого русского певца Луначарский. В решении Политбюро записали: „Утвердить решение

оргбюро и выпустить Шаляпина за границу при условии гарантии со стороны ВЧК, что Шаляпин вернется...¹¹⁶

Люди долгие десятилетия с болью в сердце бежали из коммунистического загона. Это было одностороннее движение (за редким исключением). Нужны ли еще какие-то доказательства глубокой ущербности Системы, откуда они вырвались?

Еще при жизни Ленина в большевистском правительстве почувствовали, что исход российской интеллигенции ставит в исключительно тяжелое положение промышленность, горное дело, транспорт, связь. На заседании Политбюро 9 августа 1923 года под председательством Каменева обсудили записку Дзержинского, в которой тот писал:

„За границей имеется ряд довольно крупных русских специалистов, тяготящихся условиями своей жизни и желающих вернуться в Россию и работать. А мы бедны спецами. Самые лучшие у нас спецы — это полученные и почему-либо не расстрелянные от Колчака, Деникина и Врангеля. Надо давать индивидуальные прощения и принимать в русское гражданство...“ Решили: „Допускать возвращение русских специалистов из эмиграции и привлекать их к работе“¹¹⁷. Но за рубеж в ходе гражданской войны ушла лавина интеллигенции, вернулись тоненькие ручейки... Да остались еще те, „почему-либо не расстрелянные“.

Однако, убедившись в существовании за рубежом огромной интеллектуальной России, Политбюро ЦК уже в 1923 году обязало ВЧК „организовать разложение белогвардейской эмиграции и использование некоторых ее представителей в интересах советской власти“. Созданный позже специальный Иностраннный отдел ОГПУ вел широкую „разработку“ российской эмиграции, а иногда и „ликвидировал“ особо „злых врагов советской власти“. Многочисленные тома спецсообщений советских агентов из западных столиц свидетельствуют: российские власти вначале изгнали массу интеллигенции, а затем делали все возможное для ее „разложения“, дискредитации, подкупа для агентурных целей, стравливания различных группировок друг с другом. На многих известных ученых, писателей и, конечно, политических деятелей эмиграции были заведены многочисленные специальные дела-формуляры, в которых

фиксируется каждый заметный общественный шаг человека, его высказывания и настроения. Например, в обширном фонде „Русская эмиграция“ можно найти данные о слежке, отраженные в формулярах, почти за всеми влиятельными лицами российской эмиграции из числа интеллигенции: Федотове, Мельгунове, Бердяеве, Адамовиче, Алданове, Бальмонте, Берберовой, Бунине, Шмелеве, Гиппиус, Мережковском, Набокове, Тэффи, Бурцеве, Вишняке, Евреинове, Кшесинской, Стравинском и многих, многих других.

Интересно, что советская спецслужба пыталась втереться, например, в доверие к Н.А.Бердяеву и использовать его имя и влияние в своих целях. Однако, как сообщил агент Каль, Бердяев не принесет пользы, ибо „критикует коммунизм, является решительным противником материалистической философии и склонен беседовать лишь о теологии“. Может быть, поэтому в формуляре ИНО ОГПУ Бердяев значится под кличкой Духовник¹¹⁸.

После нескольких попыток приблизиться к Бердяеву разведчики Менжинского со своим явно не теологическим мировоззрением оставили великого мыслителя в покое.

Советское руководство беспокоило в деятельности эмиграции и то, что лишенная родины интеллигенция, русская буржуазия, даже находясь в бедственном материальном положении, быстро организовали издательства, свои газеты, журналы. Так ИНО ОГПУ докладывал большевистской верхушке, что в Париже созданы издательства „Русская земля“, „Русский очаг“, „Белый архив“. Выходят периодические издания „Отечество“ — орган николаевцев, „Вестник крестьянского союза“, „Ухват“ — юмористический журнал, „Театр и искусство“, „День русской культуры“, „Звено“. В издании этих и иных газет и журналов участвуют Бунин, Куприн, Мережковский, Гиппиус, Ливен, Гукасов, Мирский, Милуков, другие известные люди. Кремлевское руководство боялось проникновения белогвардейской литературы в Советскую Россию и предприняло превентивные меры по ограждению сознания своих граждан от „тлетворного буржуазного влияния“.

Так подробно остановившись на высылке Лениным цвета российской интеллигенции, автор, естественно, не сводит ее трагедию к этому печальному акту. Главной чер-

той трагедии интеллигенции в Советской России стало лишение ее творческой свободы. Даже последний оазис свободы — сознание человека — оказался в глухой осаде запретов, угроз, репрессий, всевозможных ограничений. Те, кто не принял революцию, но вынужден был как-то адаптироваться к новой горькой действительности, пытались что-то изменить в стране. В этой связи стоит упомянуть о так называемом „деле врачей“. Нет, не сталинском деле 1953 года, а о малоизвестном теперь событии еще 1922 года, при жизни Ленина.

В начале лета 1922 года в Москве прошел Всероссийский съезд врачей. Нарком здравоохранения Семашко так докладывал своей запиской о съезде Ленину и членам Политбюро.

„...Недавно закончившийся съезд врачей проявил настолько важные и опасные течения в нашей жизни, что я считаю нужным не оставлять членов ПБ в неведении...

На съезде был поход против медицины советской и восхваление медицины земской и страховой. Просматривалось стремление поддержать кадетов, меньшевиков, создать свой печатный орган.

Что касается изъятия верушки врачей: докторов Грановского, Манула, Вигдорчика, Ливина, то надо согласовать с ГПУ. Не создадим ли арестом им популярности?“¹¹⁹

Ленин увидел за частным проявлением свободомыслия врачей нечто более опасное и написал резолюцию на докладе Семашко: „Т. Сталину. Я думаю, надо строго секретно, не размножая, показать это и Дзержинскому, всем членам Политбюро и вынести директиву...“¹²⁰

Состоялось два заседания Политбюро по „делу врачей“ — 24 мая и 8 июня 1922 года. Лишь один Томский воздержался при голосовании, заявив: „Вопрос съезда врачей требует иной постановки дела. Во многом виноваты мы“. По настоянию Ленина тем не менее было принято постановление „Об антисоветских группировках среди интеллигенции“.

Оно было жестким: любые съезды можно проводить лишь с разрешения ГПУ; ему же проверить благонадежность всех печатных органов; усилить фильтрацию при приеме в учебные заведения, отдав предпочтение рабочим;

запретить создание новых творческих и профессиональных обществ без обязательной регистрации в ГПУ; образовать постоянную комиссию для высылки интеллигенции; предложить ГПУ внимательно следить за поведением врачей и всей интеллигенции...

Уншлихт по принятии директивы тут же представил предварительные списки неблагонадежных врачей с компрометирующими характеристиками: Верхов, Гуткин, Рубцов, Эфрон, Франк, Энтин, Федоров, Верховский, Канцель, Грегори, Зборский, Личкус, Теплиц, Лихачев, Лифшиц... Вопрос о немедленных арестах было решено передать в комиссию в составе Уншлихта, Курского, Каменева¹²¹.

Предусмотренные меры — чисто полицейского, карательного характера — знаменовали дальнейшее усиление тоталитарных тенденций в обществе. Ведь именно в таких системах идет наступление прежде всего на творцов „духовной продукции“, интеллектуальную элиту страны. Российская интеллигенция, стоявшая у истоков демократического февраля, да и октябрьского переворота, оказалась одной из главных жертв революции, по которой проехал беспощадный каток диктатуры пролетариата, а точнее, диктатуры ленинской организации, называвшей себя партией большевиков.

Партия в духовной жизни стала определять все: что читать, кого почитать, кого ненавидеть, кого издавать, кого награждать. Подумать только: Политбюро, например, специально 13 сентября 1921 года под председательством Ленина обсуждает вопрос Покровского: кому читать лекции в Институте красной профессуры. Решили: „Деборину разрешить читать курс философии марксизма (Аксельроду тоже), а Базарову в отношении чтения по капиталу — отклонить“¹²². Зато вопрос, повторю, об издании там писем и дневников бывшей императрицы Политбюро в феврале 1921 года рассматривало подробнее и основательнее, чем проблему голода...¹²³

Что имело хоть какое-то отношение к идеологии, для большевиков стало стратегическим вопросом. Даже возвращение белого генерала Слащева, рвавшегося обратно в Россию, обусловили требованием: „Написать мемуары за период борьбы с Советской Россией“¹²⁴. Естественно, с

„разоблачением“ „белого“ движения. Даже стенографов выделили, что не помешает, в конце концов, „ликвидировать“ самого генерала. Да, генерал Слащев был „ликвидирован“ НКВД.

Интеллигенция по своей сути была носителем неистребимой идеи либерализма. При сохранении своего политического влияния либерализм был бы важным гарантом недопущения крайностей пролетарской диктатуры. Ленин понимал это лучше других. Поэтому не случайно, что еще задолго до рокового октября он повел яростные атаки на либеральную буржуазию. В статье „Рабочая и буржуазная демократия“, написанной в начале 1905 года в Женеве, Ленин однозначно сказал, что в социал-демократии есть два крыла: пролетарское и интеллигентское. Второе — суть либеральное, неспособное на решительные, революционные действия. Либерализм — „движение буржуазии“, и этим все сказано. Интеллигенты, либералы способны лишь на соглашательство с буржуазией, утверждает Ленин¹²⁵.

Поскольку в социал-демократии меньшевики были ближе всего к либерализму, клеймо „соглашателей“ досталось прежде всего им. Ленин проницательно видел, что большевизм с его радикальностью не имеет никаких шансов в „нормальной“ политической парламентской борьбе, в условиях функционирования Учредительного собрания. Оно, это Собрание, неизбежно стало бы выразителем либеральной умеренности, на что абсолютно не мог пойти Ленин. Поэтому не случайно Ленин продолжал наносить все новые удары по либерализму и его носителям — российской интеллигенции.

Политбюро эпизодически привлекало внимание партии, спецслужб в необходимости строить отношения с интеллигенцией в духе пролетарской диктатуры. На заседании Политбюро 11 января 1923 года его члены и кандидаты в члены Каменев, Томский, Рыков, Троцкий, Калинин, Бухарин сформулировали очередную установку: „Предложить ГПУ усилить наблюдение за лицами либеральных профессий и своевременно принимать меры по обезвреживанию врагов советской власти“¹²⁶. Призыв не остался невыслушанным.

Высылка интеллигенции за границу, в окраинные места

России — очередные ленинские удары. Но интеллигенция, часто почти раздавленная, обычно не отвечала большевикам этим же. Она продолжала оставаться интеллигенцией.

...В 1931 году в Париже начал выходить либеральный эмигрантский журнал „Новый град“. В редакционной статье первого номера российские интеллигенты писали: „Поколение, воспитанное на крови, верит в спасительность насилия“. Авторы призывают не поддаваться чувству мести, а защищать вечную правду личности и ее свободы гуманистическими способами. Ненавидя палачей России, мы не видим для них будущего. Но лишь на пути христианства, считают авторы, возможна социальная правда¹²⁷. Таков либерализм, превыше всего оберегающий свободу и отвергающий насилие. Разве мог Ленин, идеальный выразитель пролетарской диктатуры, найти общий язык с жрецами этой вечной идеи?

Трагедия интеллигенции была предрешена несовместимостью большевистской диктатуры и свободы. Режиму нужна была послушная, безмолвная интеллигенция.

В ленинское и послеленинское время такое ее состояние достигалось простыми и, казалось, эффективными методами. Вот иллюстрация.

„Тов. Сталину.

Направляю сообщение начальника управления НКВД по Свердловской области тов. Дмитриева о писателе Каменском В.В. от 4 июля 1937 г.

Каменского В.В. считаю необходимым арестовать. Прошу Вашей санкции.

15 июля 1937 г.

Н.Ежов¹²⁸.

Дмитриев же сообщал в Москву, что „Каменский симпатизирует футуристам. О нем хорошо отзывался Бухарин. Дальние родственники — бывшие пароходоладельцы. Дружил с Говиным — разоблаченным троцкистом...“. Резолюция Сталина после столь убийственных „аргументов“, естественно, однозначна: „За арест. Ст.“.

Правда, после XX съезда партии пришлось искать другие методы пленения человеческой мысли. Интеллект продолжал быть схваченным обручем примитивного догматизма под неусыпным контролем партии и спецслужб.

Ленин создал такую удивительную систему, что на протяжении десятилетий все так и было. Даже малейшая попытка выйти за рамки дозволенного вызывала властный окрик наследников вождя.

Я приведу здесь один внешне совсем малозначительный факт с заседания Секретариата ЦК КПСС 26 апреля 1983 года. Совсем не хочу осуждать людей, фамилии которых буду вынужден назвать, прежде всего потому, что мы все (почти все) были такими же. Читая стенограмму, я испытывал ощущение, что это пластинка, поставленная на диск старого граммофона где-то в начале двадцатых годов. Не конкретные, живые люди, наши современники, реально управлявшие нами, говорят с пластинки, а идет ритуальная идеологическая церемония Системы... Выдержки из пространной стенограммы приведу с сокращениями. На секретариате обсуждалась пьеса Л.Разумовской „Дорогая Елена Сергеевна“.

„Горбачев: Вопрос серьезный. Я просил остаться здесь заведующих отделами ЦК, представителей Министерства культуры СССР и РСФСР, Совета Министров Российской Федерации, чтобы тщательно в нем разобраться. Тов. Барабаш, расскажите, пожалуйста, как могло случиться, что такая ущербная в идейном отношении пьеса много месяцев шла на сценах наших театров. Как могло получиться, что вопрос о необходимости снятия этой пьесы поставило не Министерство культуры, а Комитет государственной безопасности?“

Барабаш (первый заместитель министра культуры СССР): Постановка пьесы Л.Разумовской „Дорогая Елена Сергеевна“ — серьезное упущение Министерства культуры СССР, его органов в республике и на местах... Мы приняли к сведению, что Министерство культуры РСФСР дало поручение местным органам рассмотреть вопрос о возможности показа в дальнейшем спектаклей по пьесе Разумовской. Она сейчас перерабатывается, так как в том виде, как она есть, ее ставить на сценах нельзя.

Горбачев: То, что данный вопрос вынесен на рассмотрение Секретариата ЦК КПСС, — это уже ненормально... Не будем же мы в ЦК партии обсуждать постановку каждой пьесы. Нужно строго наказывать тех, кто допускает такие ошибки.

Барабаш: Надо только отметить, что в большинстве театров текст пьесы был несколько скорректирован, видоизменен и переработан.

Пономарев: Что можно было перерабатывать в этой убогой пьесе и надо ли ее вообще перерабатывать?

Горбачев: Министерство культуры ушло в кусты, не желая заниматься трудными вопросами воспитания авторов драматургических произведений. Но до каких пор мы, коммунисты, будем стесняться защищать свои партийные позиции, свою коммунистическую мораль?

Пономарев: А кто такая эта Л.Разумовская?

Барабаш: Этой женщине 35 лет, она работает преподавателем в профессионально-техническом училище, беспартийная. Написала до этого четыре пьесы, которые нигде не шли...

Горбачев: А Министерство культуры молчало целый год, когда пьеса уже показывалась в театрах страны.

Рыжков: Были ли какие-либо публикации по этой пьесе в нашей прессе?

Барабаш: В защиту этой пьесы на страницах „Литературной газеты“ выступил Виктор Розов. В газете „Советская культура“ была помещена положительная рецензия на эту пьесу.

Зимянин: История с пьесой „Дорогая Елена Сергеевна“ не единственная. Такие попытки критики негативных явлений в нашей жизни, переходящие в очернение советской действительности, бывали и раньше... Партия исходит из того, чтобы предотвращать подобные явления в зародыше, работать с литераторами, с драматургами, поправляя их в ходе создания своих произведений... Когда пьеса готова, для ее оценки у нас есть репертуарные комиссии, есть, в конце концов, Главлит (политическая цензура. — Д.В.), отвечающий за то, чтобы в нашей печати не публиковалось ничего антисоветского...

Соломенцев: Работники Министерства культуры не хотят сами портить отношения с драматургами и литераторами. Они хотят, чтобы эти отношения портил с деятелями культуры Центральный Комитет партии...

Шауро (заведующий отделом культуры ЦК КПСС): Министерство культуры Союза ССР и министерства куль-

туры Российской Федерации, Литвы, Эстонии, Грузии, к сожалению, плохо еще работают с драматургами... Им надо помогать разбираться в сложных явлениях действительности с партийных позиций. Всего по стране пьеса „Дорогая Елена Сергеевна“ прошла 98 раз, на ее постановках присутствовало около 50 тысяч зрителей. На мой взгляд, пьесу эту дорабатывать нельзя и не нужно. Она, видимо, не поддается переработке.

Горбачев: Так открывается вид на наши беспорядки в очень важной сфере идеологической работы.

Кочемасов (заместитель Председателя Совета Министров РСФСР): Правда, были статьи не только в центральных, но и в местных газетах. В основном это были положительные рецензии. Только иркутская комсомольская газета резко раскритиковала пьесу Разумовской как идеологически вредную...

Горбачев: Почему же вы не ухватились за эту статью, не сделали должных выводов?

Кочемасов: Здесь, конечно, есть и моя вина. Нам давно пора перестраивать работу с деятелями культуры, повышать ответственность.

Горбачев: Но раз вы понимаете, почему же тогда не перестраиваетесь?

Кочемасов: Здесь просто не сработала наша система контроля.

Горбачев: Но как же все-таки получилось, что в наших газетах идейно вредная пьеса получила такую поддержку?

Стукалин (заведующий отделом пропаганды ЦК КПСС): Мы в отделе об этом ничего не знали, в том числе не обратили внимания на статью Розова в „Литературной газете“.

Соломенцев: Когда Виктор Розов выступает в защиту какого-либо произведения, это всегда должно настораживать.

Замятин: ...Я совершенно согласен с тем, что многие люди в Главреперткоме не хотят ссориться с драматургами. Сейчас в Москве снято с постановки девять пьес. Но ведь все они были пропущены Главреперткомом (комиссия, разрешающая постановку спектакля на сцене. — *Д.В.*).

Бобков (заместитель председателя КГБ СССР): Главная причина выпуска на сцену такой идейно порочной пьесы — отсутствие контроля. Но надо учитывать, что иногда и заявка на пьесу хорошая, и текст пьесы неплохой, а спектакль выходит идейно вредный, то есть до таких кондиций его доводит режиссер...

Соломенцев: ...Рассматривать надо этот вопрос под более широким углом зрения... Мы уже не раз сталкивались с протаскиванием на сцену и в кинематограф идейно вредных произведений, которые рассчитаны на незрелую публику, на молодежь... Кому, например, нужно такое произведение, как идущая во МХАТе пьеса Вампилова „Утиная охота“? Она очерняет весь наш строй.

Горбачев: Не возводя этот случай в абсолют, надо прямо сказать, что мы обязаны давать бой такого рода явлениям и ничего не спускать на тормозах. Ведь послушайте, что заявляет один из персонажей этой пьесы в своем разговоре с отцом: „Какие, говорю, бать, сейчас идеалы, что ты народ смешишь, какие, ну хоть один, говорю, назови? Трясется весь. Сволочь, говорит, народ стал. Буржуй и быдло. Без закона живут. Успокойся, говорю, время нынче такое...“ Разве можно пройти мимо этих слов? Уже одно это, с позволения сказать, изречение должно было бы насторожить любого советского человека. И уж тем более работника культуры или цензора.

Мы должны констатировать, что допущены бесконтрольность и отсутствие политической бдительности...¹²⁹

Я не буду комментировать довольно обычный, но очень характерный для советской системы документ. Ведь фактически еще в начале перестройки, например, секретарями творческих союзов могли стать лишь те кандидатуры, которые одобрены всемогущим Политбюро. По существу, сталинский порядок сохранился на десятилетия. Например, 25 января 1939 года Политбюро принимает постановление: „1. ...Утвердить состав правления Союза писателей СССР в составе: тт. Герасимова, Караваева, Катаева, Федина, Павленко, Соболева, Фадеева, Толстого, Вишневского, Лебедева-Кумача, Асеева, Шолохова, Корнейчука, Мошашвили, Янко Купалы.

2. Секретарем президиума правления утвердить т.Фадеева...¹³⁰

О какой творческой свободе могла идти речь? Такой порядок сохранялся десятки лет. Поэтому приведенная стенограмма — историческое свидетельство не только узурпации прав интеллигенции, но и неистребимости стремления ее к свободе самовыражения, мысли, творчества.

И десятилетия спустя интеллигенция была способна на протест, на интеллектуальное сопротивление, хотя и пассивное. Как и раньше, партийное руководство уже на самом пороге явления, которое Горбачев назвал „перестройкой“, стремилось сохранить монополию не только на власть, но и на мысль. Даже Горбачев, человек-реформатор, который видел дальше и глубже своих коллег по Политбюро, в то время вынужден был делать как все, как всегда, поступать „по-ленински“.

Тем не менее этот обычный пространный партийный документ подтверждает истину — большевики всегда боялись свободомыслия. Именно этим и объясняется долгая трагедия российской интеллигенции.

Ленин и церковь

Электричество заменит крестьянину Бога. Пусть крестьянин молится электричеству; он будет больше чувствовать силу центральной власти — вместо неба¹³¹.

Так говорил Ленин, беседуя с Милютиным, Красиным и некоторыми большевиками, обсуждая проблему электрификации России.

Электричество крестьянин принял, но оно ему не заменило Бога. Он, Бог, у крестьянина, мужика был с детства в душе, внесенный туда общинным воспитанием, изумительной красотой и искусством религиозного обряда, великолепной литургией музыки. Наверное, Бог крепче держался бы в душе россиянина, если бы он не был так тесно связан с царем. Пал царь, зашаталась и вера... Ленин тонко учитывал феномен русского двуединства религии и монархии.

Российская империя, рассыпавшись, воскресла в империи советской. Она предстала перед миром в своем греховном ве-

личии. В обществе на место религии была декретирована идеология марксизма–ленинизма. Эта светская религия, однако, несмотря на проповедь безграничного насилия к своим врагам, не смогла полностью уничтожить в великой стране церковь и религию. Хотя усилия для это были приложены титанические. Николай Бердяев писал в изгнании: „Русский народ — народ апокалиптический. Он сделал опыт осуществления социализма. Он не принял гуманистической цивилизации с демократией и парламентом, и в этом трагическом опыте выявились последние пределы социализма, избличающие его природу. Люди Запада должны многому научиться в этом опыте. Действительность показала, что вопрос о социализме не есть вопрос экономический и политический: это вопрос о Боге и бессмертии. Я вам советую над этим задуматься“¹³².

Ленин задумался над этим еще на пороге века. У него не было, как у бывших марксистов П.Б.Струве, Н.А.Бердяева, Г.П.Федотова, долгих и мучительных размышлений. Ленин не оставил глубоких трактатов о месте и роли религии в человеческом обществе. Лидер большевиков ограничился пропагандистскими памфлетами „Социализм и религия“, „О значении воинствующего материализма“, некоторыми партийными указаниями в программных документах.

Ленин признавал (правда, формально) свободу мысли. Но не признавал свободу веры, ибо видел в религии „один из видов духовного гнета“. Он без обиняков повторяет классический марксистский тезис: „Религия есть опиум народа“¹³³. Конечно, свобода веры предполагает и свободу неверия. Для Ленина важна лишь вторая часть формулы.

Он сам поразительно легко, без видимых мучений, сомнений, переживаний порвал с религией, так никогда и не погрузившись в ее лоно. Раннее увлечение материалистическими учениями сделали его переход от полуверы (в школьные годы) к неверию легким и незаметным. Его не мучили вопросы о том, что далеко не все проблемы бытия и небытия могли быть им объяснены с позиций экономического детерминизма и материалистической диалектики. Ленин никогда не задумывается, что „простые“ объяснения марксизма сложной материи бытия часто походят на мистические заклинания, требования верить в истины, изреченные Марксом. Но это больше похоже на обезбоженное христианство.

Ленин никогда не думал, что коммунистическая идеология является светской религией, но крайне вулгарного уровня. Все мы, и автор настоящей книги, долгие десятилетия были в ее плену. Нет, я не утверждаю, что марксизм — сплошная „черная дыра“. Нет. Там, где марксизм идет рядом, а часто и переплетаясь с позитивизмом, там мы видим движение мысли. Самый лучший критерий марксизма — его сопоставимость с вечностью. Сегодня дикими предстают концепции диктатуры пролетариата, отмирания государства, теория мировой революции и многие, многие другие „учения“, которые должны были жить столетия и определять бытие людей в XXI веке...

Н.А.Бердяев хорошо сказал: „Есть глубокое различие между вечным и тленным, преходящим во времени. Пример: марксистско-коммунистическую литературу в будущем никто никогда не будет читать, разве только для исторических исследований, так в ней все бездарно и незначительно. Но пока будет существовать человечество, будут читать пророков, греческую трагедию, Платона, Данте, великих философов, нашего Толстого и Достоевского. Ненависть к человеческой гениальности, к высоте и вечности есть пафос коммунизма“¹³⁴.

Слова Бердяева суровы, но во многом справедливы: коммунистическая идеология, воспевая насилие во имя эфемерного земного счастья людей, столь же безапелляционно вынесла „приговор“ и религии. Ленин прав: „Религия должна быть объявлена частным делом“ — таково отношение к ней социалистов. Но тут же, несколькими строками ниже, теоретик большевизма заявляет: „Мы никак не можем считать религию частным делом по отношению к нашей собственной партии“. Это ужестораживает: провозглашая свободу совести, Ленин хочет эту свободу рассматривать через партийную призму. Он по-прежнему повторяет старые атеистические выводы: „Гнет религии над человечеством есть лишь продукт и отражение экономического гнета внутри общества“¹³⁵. Совершенно очевидно, что подобная формула ничего не объясняет, ибо не все духовные процессы можно механически вывести из экономического детерминизма.

В своих пропагандистских памфлетах, касающихся религии, Ленин нередко говорит как истый либерал. „Мы требуем полного отделения церкви от государства, — пишет он, —

чтобы бороться с религиозным туманом чисто идейным и только идейным оружием, нашей прессой, нашим словом...¹³⁶ Зная непримиримый, бескомпромиссный характер лидера большевиков, с трудом верилось в эти заявления. Впрочем, никто им и не придавал никакого значения. Разве мог кто-нибудь всерьез думать в декабре 1905 года, что через десятилетие с небольшим власть над гигантской страной будет в руках у Ленина? Но так случилось, и это, вероятно, самая большая неожиданность в XX веке.

Ленин получил полную возможность воплотить свои планы и воззрения в брэнную жизнь. Конечно, церковь была мигмом отлучена от государства. В большевистской печати стали обычными слова „поповщина“, „религиозный дурман“, „контрреволюционер в рясе“, но, думалось, на этом дело и остановится. Ведь собирался же Ленин бороться с религией только „идейным оружием“...

Нужно знать Ленина. У него никогда не было ничего святого. Ни отечество, ни национальная культура, ни российские традиции. Разве могла рассчитывать церковь, что Ленин сохранит ее святость? Удивительно лишь то, что смертельный удар по церкви Ленин нанес так поздно, лишь в 1922 году, когда у него уже начали иссякать собственные силы. Ему до этого было недосуг. Тем более церковь вела себя тихо. На большевиков, например, произвела впечатление подчеркнутая аполитичность патриарха Тихона, который отказался летом 1918 года благословить „белое“ движение. Можно только гадать, боялся ли Тихон немедленного террора „красных“ или он интуитивно чувствовал обреченность „белых“. Ведь те люди, которые проиграли Россию в 1917 году, едва ли могли рассчитывать, что завоюют ее в году следующем...

Был момент, когда патриарх хотел встретиться с Лениным по вопросу Троице-Сергиевой лавры, которую декретом, подписанным вождем, превратили в атеистический музей. Тихон настаивал, просил, писал письма. Но тщетно. Большевики полагали, что даже рабочий контакт с высшим духовенством может их скомпрометировать. А главное, Ленин хотел показать, как надо относиться к церкви... Лидер большевиков отказался принять не только патриарха, но и архиепископа Владимира, других святых отцов, пытавшихся найти какое-то взаимоприемлемое согласие с новыми властями. Разве Ленин мог

пойти на беседы-приемы „служителей культа“? Он искал момент и повод, чтобы физически их ликвидировать.

Правда, в своей жизни Ленин имел достаточно близкие связи с одним священником, имя которого хорошо известно в российской истории, — Георгием Гапоном.

Впервые с ним Ленин встретился в феврале 1905 года. Лидер большевиков вел в Женеве долгие беседы с человеком, который был готов помочь делу подготовки вооруженного восстания в России. Священник оказался энергичным человеком: организовал закупку оружия в Европе и отправку его в Россию, созвал по своей инициативе конференцию российских партий социалистической направленности, выдвинул идею созыва Учредительного собрания... Гапон положительно нравился Ленину своим радикализмом и даже экстремизмом. Ульянов снабдил воинственного священника фальшивым паспортом, чтобы тот мог бывать в России.

Однако в марте 1906 года эсеры убили Гапона под Петербургом, выдвинув против него весьма сомнительное обвинение в провокаторстве.

Других священнослужителей, которые бы могли нравиться Ленину, он в своей жизни не встречал. Его традиционно устойчивое отношение к духовенству было глубоко враждебным. Для Ленина атеизм был составным элементом диктатуры пролетариата.

Ленин просто ждал удобного момента, искал хорошего повода, чтобы нанести разящий удар по церкви. В России насчитывалось около 80 тысяч храмов, в основном православных. Уншлихт несколько раз в беседах с Лениным говорил о „фантастических ценностях“, хранящихся в храмах, накопленных в „результате религиозного гнета“. И повод представился. Убедительнейший повод: массовый голод в России в 1921—1922 годах. Если „сталинский“ голод, который придет в Советскую Россию через десятилетие, был искусственно вызван кремлевской верхушкой и тщательно скрывался не только от мирового общественного мнения, но и от собственных сограждан, то голод „ленинский“ был как на ладони. Включился Коминтерн, обратились к Западу, рабочие Европы работали один день в неделю „на голод“ в России. Но первым забил в набат, в буквальном смысле, Василий Иванович Белавин. Таким было мирское имя патриарха Тихона.

Патриарх обратился с воззванием к мирянам России, в котором были слова: „Падаль для голодного населения стала лакомством, но и этого „лакомства“ нельзя достать. Стоны и вопли несутся со всех сторон. Доходит до людоедства. Из 13 миллионов голодающих только 2 миллиона получают помощь.

Протяните же руки помощи голодающим братьям и сестрам! С согласия верующих можно использовать в храмах драгоценные вещи (колыба, цепи, браслеты, жертвуемые для украшения святых икон, серебро и золотой лом) на помощь голодающим...“¹³⁷

Обсудили инициативу патриарха на заседании Политбюро 7 июля 1921 года. Даже дали согласие зачитать обращение Тихона по радио. Ленин и Троцкий на заседании, где был еще лишь Молотов из состава высшей партийной коллегии, оживленно переговаривались. Троцкий настоял: о заявлении Тихона сообщить и в большевистских газетах. Но Ленин думал основательнее: как, пользуясь случаем, отобрать у церкви все и заодно кардинальным образом подрезать ей крылья.

Тем временем Тихон обратился к общественности вновь. Теперь уже в августе 1921 года — „К народам мира и православному человеку“. Российская церковь создала Всероссийский комитет церковной помощи голодающим. Церковь уже сама настойчиво рекомендовала „жертвовать на нужды голодающих церковные драгоценности, не имеющие богослужебного употребления“.

В это же время создается Всероссийский комитет помощи голодающим, который фактически возглавили буржуазные либералы С.Н.Прокопович, Е.Д.Кускова, Н.М.Кишкин. Большевики тут же саркастически прозвали его „Кукиш“ (по начальным буквам фамилий руководителей: „Прокукиш“). Когда Ленин ознакомился с одной из резолюций комитета, требовавшего направления его уполномоченных в губернии, то на документе просто начертал: „В архив. „Кукиш“, его резолюция“¹³⁸.

Через пару дней, 27 августа 1921 года, Ленин формулирует пункт в решение Политбюро: „Предписать Уншлихту сегодня же с максимальной быстротой арестовать Прокоповича и всех без изъятия членов (некоммунистов) Комитета помощи, — особенно не допускать на собрания их в 4 часа“. Ленин не мог допустить „своевольства буржуазии“, которая, как до-

казывал Уншлихт, была связана с эсерами и вела „антисоветскую пропаганду“. Большевики боялись помощи голодающим и со стороны церкви, и со стороны зарубежных благотворительных организаций, и, боже упаси, собственных буржуев¹³⁹.

А в 1921—1922 годах, по неполным данным, в России голодало около 25 миллионов человек; особенно жуткая картина была в Поволжье.

В это самое время ЦК партии большевиков передает большие суммы денег, золота, большое количество ценностей зарубежным компартиям с целью попытаться еще раз разжечь угли так и не вспыхнувшей мировой революции. В течение 1922 года, по неполным данным, для этих целей было отправлено золота и ценностей на сумму более 19 миллионов золотых рублей. Значительная часть этих средств — церковного происхождения. Эмиссары Москвы развозили деньги в Китай, Индию, Персию, Венгрию, Италию, Францию, Англию, Германию, Финляндию, другие страны. Нужно было вызвать новый революционный импульс.

А голод был страшным. Случаи людоедства не стали единичными. Голодающие ели падаль и трупы людей. Политбюро запретило освещать каннибализм в печати. Утром 24 февраля люди, взявшие в руки московские газеты, узнали: 23 февраля 1922 года ВЦИК издал декрет о насильственном изъятии из российских церквей всех ценностей. Но в печати, естественно, не сообщалось, что это постановление было первоначально одобрено Лениным и утверждено на заседании Политбюро.

На места пошли циркулярные распоряжения и инструкции. Партийные организации, ГПУ, специально создаваемые отряды врывались в храмы, зачитывали декрет ВЦИК и требовали добровольной сдачи всех ценностей. Служители культа готовы были отдать все, за исключением священных атрибутов церкви. Местные безбожники, отстранив священников, а часто и арестовывая их, собственными силами проводили „полные“ конфискации. То был форменный неприкрытый грабеж, в котором широкое участие приняли и деклассированные элементы.

Не все понимали, что акт насилия над духом был жестом исторической слабости.

Во многих местах верующие оказывали сопротивление. В Москву шли донесения о количестве арестованных, убитых,

раненых. На фоне голода, вызванного главным образом бесконечными поборами и гражданской войной, развернулась трагедия поругания совести. Как говорится в Послании римлянам святого Апостола Павла: „Так что они исполнены всякой неправды, блуда, лукавства, корыстолюбия, злобы, исполнены зависти, убийства, распри, обмана, злонравия“.

В середине марта Ленин получил донесение из ГПУ, что в небольшом городке Шуя, что возле Иванова, при реквизиции ценностей из церкви произошло столпотворение; верующие оказали сопротивление, в ходе которого погибло несколько человек.

Как сообщало ГПУ, после изъятия золотых и серебряных вещей в трех небольших церквях и описи ценностей в синагоге Шуи 15 марта комиссия уездного исполкома в сопровождении милиции прибыла в храм на Соборной площади. Там уже была толпа. Начались стычки. На колокольне стали бить в набат. Вызвали полуроту красноармейцев 146-го пехотного полка и два автомобиля с пулеметами. Раздались выстрелы, пролилась кровь, погибли люди. В тот же вечер верующие из этого собора привезли в исполком 3,5 пуда серебра и ценностей. Но комиссия не удовлетворялась этим, и из собора было изъято еще 10 пудов серебра и большое количество золота, драгоценных камней.

Чекисты, конечно, сообщали, что выступление верующих было организовано „черносотенным духовенством“. Хотя очевидно (так было и во многих других местах), что возмущение, протест мирян были спонтанными, стихийными и характеризовали отношение простых людей к грубому акту поругания святынь.

Ленин пришел в сильное возбуждение. Обычно он умел держать себя в руках. Теперь же он, по имеющимся данным, метал громы и молнии, но затем успокоился. Он понял, что получил великолепный повод покончить одним ударом с этой „камарильей“. Тем более что его возмутила строптивость патриарха, который, узнав о декрете ВЦИК, выпустил еще одно воззвание: „Божией милостью, смиренный Тихон, Патриарх Московский и Всея России, всем верным чадам Российской православной церкви“. В нем глава духовенства, повторяя известную позицию Синода об активном участии церкви в борьбе с голодом, выражал свое отношение к факту реквизиций всех ценностей из православных храмов. „С точки зрения

Церкви, подобный акт является актом святотатства, и мы священным Нашим долгом почли выяснить взгляд Церкви на этот акт, а также оповестить о сем верных духовных чад наших.

Мы допустили, ввиду чрезвычайно тяжких обстоятельств, возможность пожертвования церковных предметов, неосвященных и не имеющих богослужебного употребления... Но мы не можем одобрить изъятия из храмов, хотя бы и через добровольное пожертвование, священных предметов, употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской церкви и карается как святотатство: мирянин — отлучением от Нея, священнослужитель — извержением из сана (апост. правило 73, Двукр. Вселенск. Собор, правило 10)¹⁴⁰.

Ленин тут же расценил воззвание Тихона как призыв к организованному сопротивлению церкви решениям советских властей. Учитывая особую важность момента и долгосрочность последствий, Председатель Совнаркома и лидер партии большевиков решил сам, лично детально сформулировать программу погрома церкви. Обращение Тихона Ленин воспринял как вызов властям. Хотя вождь и не был в юности прилежным учеником по закону божию, но хорошо помнил заповедь из „Нового завета“ о том, что „начальники суть Божьи слуги: повинуйтесь им“. Хотя сам Ульянов никогда не следовал колларию из Священного писания, тем не менее полагал, что для духовенства это непреложный закон. „Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены“.

Ленин в это время находился в одном из своих многочисленных отпусков в селе Корзинкино, что близ Троице-Лыкова Московской губернии. Выезд его был, если можно так сказать, „антицерковным“, антирелигиозным. Здесь он написал программную статью для журнала „Под знаменем марксизма“, которую озаглавил „О значении воинствующего материализма“. Круцкая вспоминала, что во время прогулок в Корзинкине Ленин много говорил на антирелигиозные темы. Ленин был как бы весь „заряжен“ против церкви.

Содержание письма, конечно, партийной историографией было сокрыто от всех, в том числе и от правоверных ленинцев. В „Биографической хронике“ ему уделено неполных пять строк о том, что Ленин „считает необходимым решительно

провести в жизнь декрет ВЦИК от 23 февраля 1922 года об изъятии церковных ценностей...¹⁴¹. И все. А в так называемом „Полном собрании сочинений“ шесть страниц письма уложили в шесть более откровенных строк в приложении: „Ленин в письме членам Политбюро ЦК РКП(б) пишет о необходимости решительно подавить сопротивление духовенства проведению в жизнь декрета ВЦИК от 23 февраля 1922 года...“¹⁴²

Умышленное сокрытие правды есть тоже ложь, зло универсальное... Но для „Полного собрания сочинений“ вождя это дело обычное: умолчание, куптуры, вынесение в приложения, которые читают только специалисты.

Ленин редко писал в последнее время такие обстоятельные, продуманные письма, все больше записочки, писульки своим коллегам, которые порой требовали настоящей дешифровки — вождь всегда спешил. Это письмо адресовано секретарю ЦК Молотову для ознакомления всех членов Политбюро. Ленин был всегда осторожен и подобные документы, выходявшие из-под его пера, старался сразу же сделать большой тайной. Пусть документ „работает“, но его авторство не должно быть известно... Поэтому в письме, написанном 19 марта 1922 года, присутствует важное предисловие: „Просьба ни в коем случае копии не снимать, а каждому члену Политбюро (тов. Калинин тоже) делать свои заметки на самом документе“. Ленин понимает, что то, что он напишет, нельзя оправдать никакой „революционной целесообразностью“. Пером водила рука инквизитора.

Письмо на шести страницах далеко выходит за рамки отношения Ленина к церкви — это зеркало политического и нравственного лица вождя. Я не могу полностью привести здесь это (теперь уже известное) письмо¹⁴³. Но некоторые выдержки из него напомним читателю.

„По поводу происшествия в Шуе, которое уже поставлено на обсуждение Политбюро, мне кажется, необходимо принять сейчас же твердое решение в связи с общим планом борьбы в данном направлении... Если сопоставить с этим фактом то, что сообщают газеты об отношении духовенства к декрету об изъятии церковных ценностей, а затем то, что нам известно о нелегальном воззвании патриарха Тихона, то станет совершенно ясно, что черносотенное духовенство во главе со своим вождем совершенно обдуманно проводит план дать нам решающее сражение именно в данный момент“.

Воспаленный мозг Ленина как всегда мыслит „фронтowymi“ категориями, и лидер партии явно подтасовывает реальные факты о „нелегальном воззвании Тихона“, „решающем сражении“. Это он, а не церковь решил тайно подготовить и нанести сокрушающий удар. Далее в письме следует перечисление мер, которые, по мысли Ленина, необходимо предпринять. Ленин расценивает ситуацию, „когда мы можем 99-ю из 100 шансов на полный успех разбить неприятеля наголову и обеспечить за собой необходимые для нас позиции на много десятилетий. Именно теперь и только теперь, когда в голодных местностях едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи, трупов, мы можем (и поэтому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией... Мы можем обеспечить себе фонд в несколько сотен миллионов золотых рублей (надо вспомнить гигантские богатства некоторых монастырей и лавр). Без этого фонда никакая государственная работа вообще, никакое хозяйственное строительство в частности и никакое отстаивание своей позиции в Генуе в особенности совершенно невыполнимо. Взять в свои руки фонд в несколько сотен миллионов рублей (а может быть, и в несколько миллиардов) мы должны во что бы то ни стало...“.

Но при чем здесь голод и помощь голодающим? „Конфискационное“ мировоззрение Ленина вновь демонстрирует себя в полной красе. Как же он собирался „строить социализм“, если полагает, что без грабежа церквей „никакое хозяйственное строительство... невыполнимо“?

За все время пребывания у власти Ленин только и делал: реквизировал, отбирал, лишал, изымал, репрессировал. По-моему, для него часто было главной заботой решить: что и где еще можно отобрать у людей? Заводы, фабрики, банки, хлеб, дороги, личные ценности, дома, квартиры, одежда (были специальные декреты об изъятии теплых вещей и обуви у буржуазии), театры, лицеи, типографии... Отобрано все. Все это стало возможным потому, что Ленин изъям на много десятилетий у людей главную ценность — свободу. Все остальное — производное.

Ленин продолжал: „Один умный писатель по государственным вопросам (Макиавелли? — Д.В.) справедливо ска-

зал, что если необходимо для осуществления известной политической цели пойти на ряд жестокостей, то надо осуществлять их самым энергичным образом и в самый кратчайший срок, ибо длительного применения жестокостей народные массы не вынесут...“

Автор письма ошибся. Народ, который он повел по пути коммунизма (не спрашивая его), вынес невероятное на протяжении десятилетий. Только гражданская война, которую он так воспевал еще в Швейцарии, стоила России 13 миллионов человеческих жизней. После ее окончания до начала коллективизации („счастливый нэп“) погибло в лагерях, при подавлении антисоветских выступлений, бунтов в глубинке около 1 млн. человек. Ну а с 1929 года до 1953-го (смерти „первого ленинца“) в стране было репрессировано 21,5 млн. человек... Вынесли...

Ленин, отмечая в письме выгодный международный момент для глобальной карательной операции против церкви, приходит „к безусловному выводу, что мы должны именно теперь дать самое решительное и беспощадное сражение черносотенному духовенству и подавить его сопротивление с такой жестокостью, чтобы они не забыли этого в течение нескольких десятилетий“. Этого, надо сказать, он добился: церковь превратили в служанку партии, внедрив в состав церковнослужителей огромное количество своих агентов. Если после революции в России насчитывалось около 80 тысяч церквей, то в 1950 году (когда в ходе Отечественной войны произошло некоторое оживление религиозной деятельности и количество церквей несколько возросло и сам Сталин обратился к церкви за помощью) осталось лишь 11 525 храмов¹⁴⁴.

Ленинский удар по церкви сопоставим со сталинским наступлением на крестьянство. Мне жалко видеть стариков и старушек, дефилирующих порой и сегодня на Красной площади с портретами вождя. Многие из них хотят одновременно сохранить любовь к Богу и „воинствующему атеисту“ — Антихристу с прищуренными глазами.

Думаю, что никто и никогда не наносил церкви такого колоссального духовного ущерба и физического урона, как Ленин. По ряду данных, после команды вождя в России было расстреляно 14 тысяч священнослужителей и активи-

стов церкви (входивших в церковные советы и общины). По ленинским меркам этого было явно мало. А ведь он требовал в своем письме: провести совместное совещание с руководителями ГПУ, Народного комиссариата юстиции и Ревтрибунала, где поставить конкретную задачу: „Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше“.

Что касается Шуи, то вождь распорядился и по этому эпизоду. Политбюро должно дать директиву, писал он, „чтобы процесс против шуйских мятежников, сопротивляющихся против помощи голодающим, был проведен с максимальной быстротой и закончился не иначе как расстрелом очень большого числа самых влиятельных и опасных черносотенцев г.Шуи, а по возможности, также и не только этого города, а и Москвы и нескольких других духовных центров“¹⁴⁵.

Свои наброски письма Ленин в тот же день, 19 марта, продиктовал по телефону М.Володичевой, так как он не собирался приезжать на очередное заседание партийного ареопага. Директиву, страшную директиву, он дал, теперь пусть думают, как лучше ее выполнить.

Все было исполнено, как и распорядился Ленин. А заседаний Политбюро, посвященных директиве, в силу важности церковного вопроса провели несколько. 20 марта Каменев, Сталин, Троцкий и Молотов на своем заседании заслушали проект решения, которое подготовил Председатель Реввоенсовета А.Д.Троцкий. С небольшими поправками странное, из 17 пунктов постановление было принято. Составили центральную комиссию под председательством Калинина, в которую вошли Яковлев, Сапронов (Белобородов), Уншлихт, Красиков, Винокуров, Базилевич. Курировать комиссию поручили члену Политбюро Троцкому. Такие же комиссии решили создать и на местах. Предусмотрели, „чтобы национальный состав этих официальных комиссий не давал повода для шовинистической агитации“. По этой причине не стал официальным членом комиссии еврей (хотя фактически ею руководил) Троцкий. Решили развернуть широчайшую агитацию, внести раскол в церковь, поддерживая „обновленцев“. Провести кампанию в кратчайший срок,

после чего арестовать все видное духовенство. Поблизости от церкви во время изъятия ценностей должны быть войска, коммунисты, люди из частей особого назначения¹⁴⁶.

Изъятие, а точнее, грабеж только начался, а Троцкий уже запиской сообщал Ленину: „Владимир Ильич... Главная работа до сих пор шла по изъятию из упраздненных монастырей, музеев, хранилищ и пр. В этом смысле добыча крупнейшая, а работа далеко еще не закончена...“¹⁴⁷

В Шуе, конечно, устроили молниеносный процесс. Ведь 22 марта состоялось еще одно заседание Политбюро, где решили, что „арест Синода и патриарха признать необходимым не сейчас, а примерно через 15—25 дней. Данные о Шуе опубликовать, виновных шуйских попов и мирян отдать под суд трибунала в недельный срок. „Коноводов“ мятежа расстрелять“¹⁴⁸.

Уншлихт, правда, решительно настаивал на немедленном аресте патриарха. В записке ГПУ, адресованной в Политбюро, говорилось: „Патриарх Тихон и окружающая его свора... ведут ничем не прикрытую работу против изъятия церковных ценностей...“

Основанием для ареста Тихона и самых реакционных членов Синода имеется достаточно. ГПУ находит:

1. Арест Синода и патриарха своевременен.
2. Нельзя допустить избрания нового Синода (существующий будет арестован. — Д.В.).
3. Всех попов, выступающих против изъятия ценностей, выслать в самые голодные районы Поволжья как врагов народа...“¹⁴⁹

Дабы работа шла успешней и можно было привлекать больше технических исполнителей, чтобы поощрять „ударные темпы“ конфискации, Политбюро своим решением выделило для этих целей через ВЦИК 5 миллионов рублей для комиссии по изъятию церковных ценностей¹⁵⁰.

Так большевики создавали в общественном сознании духовный вакуум, который должна была заполнить революционная идеология. Столь массового, спланированного насилия против церкви и ее служителей не знает история. Вдохновитель кампании — Владимир Ильич Ленин.

По всей стране начались фактически военные экспедиции против храмов, духовенства. Грабили не только правос-

лавные соборы, но и еврейские синагоги, мусульманские мечети, католические костелы. По ночам в подвалах ЧК или в ближайшем лесу трещали сухие револьверные выстрелы. Священников, активных верующих закапывали в балках, оврагах, на пустырях. Над Россией замолк колокольный звон. Руководители партийных ячеек, чекисты, члены комиссий торопливо пересчитывали и сваливали в наспех сколоченные ящики золотую и серебряную оправу, оклады из благородного металла, ожерелья, кольца, чаши, кресты, подсвечники, другую драгоценную утварь российских храмов, накопленную столетиями.

Никто и никогда сейчас не скажет, сколько церковного богатства ушло под видом конфискаций! В комиссиях было много бывших уголовников-каторжан (не политкаторжан!), „специалистов“ экспроприаций, грабежей и разбоев.

В Москве ящики сортировали, перед тем как отправить в Гохран: часть шла в распоряжение непосредственно Политбюро, в фонд Коминтерна, на нужды ГПУ, на „государственное строительство“, и лишь небольшая часть перепала для закупки продовольствия. Вот, например, одна из осенних сводок 1922 года, которые регулярно составлялись во ВЦИКе для доклада Ленину и в Политбюро.

„Ведомость

количества собранных церковных ценностей по 1 ноября 1922 года

Золота — 33 пуда 32 фунта

Серебра — 23 007 пудов 23 фунта

Бриллиантов — 35 670 штук (Почему не в каратах? — Д.В.)

Других драгоценностей — 71 762 штуки (Каких? — Д.В.)

Жемчуга — 14 пудов 32 фунта

Золотой монеты — 3115 руб.

Серебряной монеты — 19 155 руб.

Различных драгоценных вещей — 52 пуда 30 фунтов
(Что за вещи? — Д.В.)

Кроме указанных церковных ценностей отобраны антикварные вещи в количестве 964 предмета, которым будет произведена особая оценка¹⁵¹.

По решению Политбюро немалая часть конфискован-

ных ценностей оставалась на местах для нужд местных властей. Значительные средства шли на обеспечение партверхушки. Тысячи отобранных у буржуазии домов в Подмосковье обставляли конфискованной мебелью. Рождался новый социальный слой — партократия, советская буржуазия. Начиная с 1920 года члены Политбюро, секретари ЦК, наркомы, комиссары разных рангов ездили пачками на лечение и отдых за границу. Главным образом в Германию. Очень часто в протоколах Политбюро встречаешь такие записи, как, например, „О болезни т. Рыкова. Озаботиться о предоставлении ему молочной диеты“¹⁵². О том же человеке Политбюро еще раз решает в самый приступ всероссийского голода: „Обязать т. Рыкова выехать за границу для постановки диагноза и лечения“¹⁵³.

Рушили не только церкви, но добрались и до святынь. Например, П.Красиков, работник Наркомата юстиции, занимавшийся церковью, близкий знакомый Ленина, из Костромы сообщил, что „серебряная гробница“ с мощами Варнавы должна быть конфискована. „Вскрытие должно быть обязательно рассчитано на последующее удаление так называемых мощей“. Красиков заключает: „Если ожидаются крупные осложнения — немедленно сообщить в ГПУ“. Политбюро одобряет изъятие „серебряной гробницы“¹⁵⁴. И так оксопляли, уродовали, уничтожали христианство на Руси.

Но что мощи Варнавы? Раньше других надругались над святыми мощами великого духовника Сергия Радонежского, олицетворителя высокого православного и российского начала. Тот же усердный Красиков постарался из факта вскрытия мощей сделать пропагандистскую киноленту. Просьбы и протесты патриарха Тихона, молившего не допускать богохульства, не были услышаны. Запустили руки и в Киево-Печерскую лавру. Украинская комиссия хотела использовать ценности на месте под видом помощи детям. Из Москвы раздался окрик: передать конфискованное в общесоюзный бюджет, оставив для детей лишь 25 процентов¹⁵⁵.

Такая же судьба разграбления досталась Троице-Сергиевой лавре, другим святым захоронениям. По настоянию Ленина выходит постановление Наркомата юстиции „О ликвидации мощей“. Так большевики снискали себе сомни-

тельную славу „гробокопателей“. Комплекс святотатства был им неведом.

Миллионы людей голодали, священников расстреливали, а партийная элита искала пути инициирования мировой революции с помощью церковного золота, не забывая и о себе. Ленин тем временем торопил с процессами над высшим духовенством. В начале мая по инициативе Ленина Политбюро еще раз принимает решение:

„Дать директиву Московскому трибуналу:

1. Немедленно привлечь Тихона к суду.
2. Применить к попам высшую меру наказания¹⁵⁶.

Хотели было начать немедленный молниеносный процесс, но в мире многие известные деятели возвысили голос протеста. Прислали в Москву телеграммы папа римский, известный норвежский исследователь Нансен, социал-демократы Германии, пацифисты Швеции. Решили судебный процесс пока отложить, подготовив его более тщательно. А главный партийный атеист Ем.Ярославский (Губельман) предложил: если Тихон раскается, то можно было бы перевести его в Валаамское подворье, не запрещая заниматься церковной деятельностью¹⁵⁷.

Тем временем в Москве уже завершился суд, который 8 мая приговорил 11 священнослужителей и мирян к смертной казни, многих — к различным срокам заключения. На прошение о помиловании, направленное в Политбюро, шестью приговоренным к смертной казни была „дарована жизнь“, а пятерым подтвердили: расстрел. Священники Х.Надеждин, В.Соколов, М.Телегин, С.Тихомиров, А.Заозерский пополнили многотысячный список безвинно убиенных. Точного числа расстрелянных священнослужителей в архивах нет. Но, по моим данным, арестованных, сосланных, расстрелянных было не менее 20 тысяч.

С Тихоном „работали“, как и с остальным духовенством. Бесконечные допросы, угрозы, давление, посулы... В октябре 1922 года „куратор“ церкви в ГПУ начальник 6–го отделения секретного отдела Государственного политического управления чекистский инквизитор Тучков сообщал в ЦК:

„Доклад о тихоновщине

Образована группа т.н. „живая церковь“, состоящая преимущественно из „белых попов“, что дало нам возможность

поссорить попов с епископами, как солдат с генералами, ибо между белым и черным духовенством существовала вражда. Ведем работу по вытеснению тихоновцев из патриархата и из приходов. Создаем христианские группы „ревнителей обновления“. Так, после речи священника Красницкого в Храме Христа Спасителя в группу обновленцев записалось 12 человек мирян...¹⁵⁸

А с Тихоном, заключенным в Донском монастыре, продолжали „работать“ тучковы. Допросы продолжались и после того, как Ленин стал немощным; его директива в отношении церкви исполнялась неуклонно. Летом 1923 года Политбюро заслушало доклад Ярославского и приняло решение:

„1. Следствие по делу Тихона (а фактически психологическую „обработку“. — Д.В.) вести без ограничения срока.

2. Тихону сообщить, что в отношении к нему может быть изменена мера пресечения, если:

а) он сделает заявление о раскаянии в совершенном преступлении против советской власти;

в) отмежуетя от белогвардейцев и других контрреволюционных организаций;

г) заявит об отрицательном отношении к католической церкви.

В случае согласия будет освобожден...¹⁵⁹

Еще до этого тучковские „обновленцы“ собрали II Всероссийский Собор, на котором Тихона лишили сана патриарха, но он и его ближайшее окружение не сочли законным это раскольническое решение. Силы Тихона, с которым „работали“, были уже на исходе. 16 июня 1923 года он подписал странное заявление, по стилю явно написанное (или продиктованное) работниками Государственного политического управления.

„От содержащегося под стражей патриарха Тихона — Василия Ивановича Белавина.

...Будучи воспитан в монархическом обществе и находясь до самого ареста под влиянием антисоветских лиц, я действительно был настроен к советской власти враждебно... временами враждебность переходила к активным действиям, как-то: обращение по поводу Брестского мира в 1918 году, анафемствование в том же году власти и, нако-

нец, воззвание против декрета об изъятии церковных ценностей в 1922 году. Все мои антисоветские действия, за немногими неточностями, изложены в обвинительном заключении Верховного суда. Признавая правильным решение суда о привлечении меня к ответственности... обращаюсь с настоящим заявлением:

Раскаиваюсь в этих проступках против государственного строя и прошу Верховный суд изменить мне меру пресечения, то есть освободить меня из-под стражи. При этом я заявляю Верховному суду, что я отныне советской власти не враг. Я окончательно и решительно отмежевываюсь как от зарубежной, так и внутренней монархической белогвардейской контрреволюции.

16 июня 1923 г.

Патриарх Тихон
(Василий Белавин)¹⁶⁰.

Прошло еще немало месяцев, пока Политбюро среагировало на покаянное заявление, в котором, похоже, кроме слова „анафемствование“, все остальные принадлежат тучковским соглядатаям. 18 марта 1924 года, уже после смерти вдохновителя антикрестового похода, Политбюро наконец постановляет: „Прекратить дело Тихона“¹⁶¹. Для полного завершения „дела“ Тихону остается только умереть. Что он через год и делает, надломленный арестом. А доносит первым о смерти патриарха не кто иной, как начальник секретного отдела Объединенного Государственного политического управления (ОГПУ) Дерибас:

„7 апреля 1925 года в 23.45 умер в больнице Бакуниных на Остоженке, 19 патриарх Тихон в присутствии лечивших врачей Е.Н.Бакуниной, И.С.Щелкана и прислужника Тихона Паскевича от приступа грудной жабы.

Похороны в Донском монастыре“¹⁶².

Не смог живым выйти из рук ГПУ—ОГПУ 60-летний Василий Иванович Белавин — патриарх Тихон... Кто знает, не приложил ли здесь руку большой специалист по постепенным умерщвлениям Г.Ягода со своей службой. Слишком откровенной была команда: „Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше...“ Но раз не судили — хороши все другие способы. Ведь решило же Политбюро: „Применить к попам высшую меру наказа-

ния...“ И царь Николай II и патриарх Тихон пали по воле высшей партийной верхушки большевиков, где дирижировал сам вождь. Хотя в каждом случае действовал „архиконспиративно“. Но как гласит „От Марка святое благовествование“: „Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным; и ничего не бывает потаенного, что не вышло бы наружу“.

Абсолютное большинство средств, полученных от продажи конфискованных ценностей, ушло на партийные нужды. ЦК же боролся с голодом с помощью американской гуманитарной организации АРА (за должностными лицами которой следило ОГПУ) и журнала... „Безбожник“. В нем расписывались мрачные дела церкви, чуть ли не по вине которой, мол, и вспыхнул голод. Комиссия по отделению церкви от государства при ЦК РКП обязала каждого своего члена „писать ежемесячно не менее двух статей в журнал „Безбожник“¹⁶³.

После ленинского массированного удара по церкви она действительно не только „не забыла этого в течение нескольких десятилетий“, но и не смогла оправиться. Почти замолчавшую церковь превратили в декоративный придаток государства (чтобы на Западе ничего не сказали...), лишили ее духовной свободы, навнедряли в среду церковнослужителей людей типа Тучкова... Но беды ее не кончились. Разграбление церкви продолжалось еще долго.

С началом коллективизации обезглавленную церковь, как изуродованный и обезображенный собор, большевики продолжали держать под прицелом. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 года „О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации“ в восьмом пункте говорилось: „Срочно пересмотреть законодательство о религиозных объединениях в духе полного исключения какой бы то ни было возможности превращения руководящих органов этих объединений (церковные советы, сектантские общины и пр.) в опорные пункты кулачества. Поручить оргбюро ЦК дать директиву по вопросу о закрытии церквей...“¹⁶⁴

По инициативе Совета Труда и Оборона, одобренной, разумеется, Политбюро, началось снятие церковных колоколов. Каждый год спускался специальный план (как на добычу руды), сколько тонн бронзы получить на печальной ниве обезглавленных церквей.

Политбюро, например, 11 мая 1933 года утверждает „в целях обеспечения автотракторной промышленности колокольной бронзой... увеличить годовой план бронзы с 5200 тонн до 6300 тонн...“. И дальше дается разнарядка по областям:

Московская область	— 670 тонн колокольной бронзы
Ленинградская	— 335
Северный Кавказ	— 120
Средняя Волга	— 130
Ивановская область	— 200 и т.д. ¹⁶⁵ .

Церкви постепенно закрывались и после массового погрома. Пустели соборы. Скорбно стояли на сельских пригорках обезображенные, без куполов, храмы. Теперь уже безмолвно, печально, обреченно. Правда, иногда откуда-то из глубин поруганного национального и религиозного сознания, а может, просто от безысходности выплескивались мятежные протесты.

В сентябре 1938 года тогда еще заместитель народного комиссара внутренних дел Берия доложил Сталину, что Некрасовским райисполкомом Ярославской области было принято решение о закрытии церкви и снятии колоколов в селе Черная Заводь. Приехали руководители района. Собралась толпа, стали раздаваться крики: „Караул!“, „Грабят!“, „Пьяные бандиты приехали“. Церковники установили круглосуточное дежурство у церкви. Руководители района растерялись...

Сталин, недочитав донесения до конца, размахисто набросал в углу листа: „Т. Маленкову. Прошу проверить и доложить. Арестовать организаторов. И.Сталин“¹⁶⁶.

Может быть, это было одним из последних проявлений сопротивления замолчавшего народа?

Накануне войны, используя богатый ленинский опыт, Система стремилась взять под контроль новые районы, вошедшие в состав Союза и известные своей религиозностью. Порой Сталин бывал даже покладист (как-никак, не забывал, что выбился в вожди из семинаристов).

В октябре 1940 года секретарь ЦК КП(б) Украины Н.С.Хрущев обратился с донесением-просьбой к Сталину. Думаю, готовясь подписать это письмо, секретарь ЦК вынужден был хоть что-то уяснить в деле, в котором явно

ничего не смыслил. „По древнему преданию евреев, — говорилось в документе, — в течение 10 дней в году бог подводит счеты всем евреям за предыдущий год их жизни... В течение 9 дней евреи молятся богу и просят о прощении грехов. В это время им работать не разрешается. На десятый день („судный день“), который в 40-м году падает на субботу 12 октября, евреи никогда не работают...

К секретарю Львовского обкома т. Грищуку обращается много жителей еврейской национальности с просьбой разрешить им не работать на фабриках, в учреждениях 12 октября в субботу.

Прошу указания, как поступить в данном случае“.

Сталин царственно разрешил: „Пусть празднуют. Сообщите Хрущеву. Ст. 11.Х.40 г.“¹⁶⁷.

А вот как осуществлялось управление новыми епархиями. Конечно, через спецслужбы. Приведем еще один документ, адресованный Сталину народным комиссаром Государственной безопасности СССР В.Меркуловым в марте 1941 года.

„На территории Латвийской, Эстонской и Литовской республик в настоящее время существуют автокефальные православные церкви во главе с местными митрополитами — ставленниками буржуазных правительств.

В Латвийской ССР (175 тыс. православных прихожан). Вокруг главы Синода Августина, в прошлом активного сторонника Ульманиса, группируются антисоветские элементы — бывшие участники фашистской организации „Перканируст“.

В Эстонской ССР (200 тыс. православных) митрополит Паулус. Большинство белоэмигрантского духовенства Эстонии принимало активное участие в антисоветской организации „Русское христианское студенческое движение“ (руководили из Берлина князь Шаховской и из Парижа митрополит Евлогий).

В Литовской ССР (40 тыс. человек православных). Глава епархии умер. Пытается место захватить архиепископ Феодосий Федосеев, возглавлявший антисоветскую группу церковников...

НКГБ подготовил проведение следующих мероприятий:

1) Через агентуру НКГБ СССР вынести решение Мо-

сковской патриархии о подчинении ей православных церквей Латвии, Эстонии, Литвы, для чего использовать заявления от местного рядового духовенства и верующих.

2) Для управления епархиями Прибалтийских республик решением Московской патриархии назначить в качестве экзарха (уполномоченного) архиепископа Воскресенского Дмитрия Николаевича (агент НКГБ СССР), воспользовавшись для этого имеющимися в Московской патриархии соответствующими просьбами со стороны местного духовенства...¹⁶⁸

Этот документ, по-моему, откровеннейшим образом подтверждает еще раз, что уверенность Ленина в том, что „победа над духовенством обеспечена нам полностью“, не была беспочвенной. Она была столь полной, что Сталину и его соучастникам порой нелегко было разобраться: священнослужитель это или „агент НКГБ СССР“ в рясе... Большевистская Система, так много говорившая о свободе совести, обильно цитировавшая ленинские фарисейские обрывки мыслей о том, как гуманно социализм относится к религии, в очень короткий срок путем универсального насилия обитель духа и веры превратила в гнездовье интеллектуальных надсмотрщиков. Ну а еще едва живую церковь, не потерявшую способность к сохранению высокого и непреходящего в сфере духа, старались задушить и денежными налогами. Специальным решением Политбюро в июле 1937 года правительству СССР предписывалось „установить взимание всех налогов со служителей культа как лиц, имеющих нетрудовые доходы“. Даже натуральным налогом обложили церкви и монастыри: зерно, картофель (по нормам налогов с единоличного хозяйства)¹⁶⁹.

Это фактически означало почти полное удушение остатков приходов. Ведь незадолго до смерти Сталина в стране осталось лишь 12 499 человек — служителей культа¹⁷⁰. Шло настоящее вымирание церкви. Страшное начало этой атеистической чумы положил Ленин. Его послушной список в антицерковных делах чудовищно впечатляющ. Вскоре после октябрьского переворота закрытие монастырей, затем попытка раскола церкви, вскрытие святых мощей, наконец, конфискация, грабеж церковных святынь и массовое физическое уничтожение духовенства.

Церковь затихла. Ее возрождение — дело настоящего и будущего.

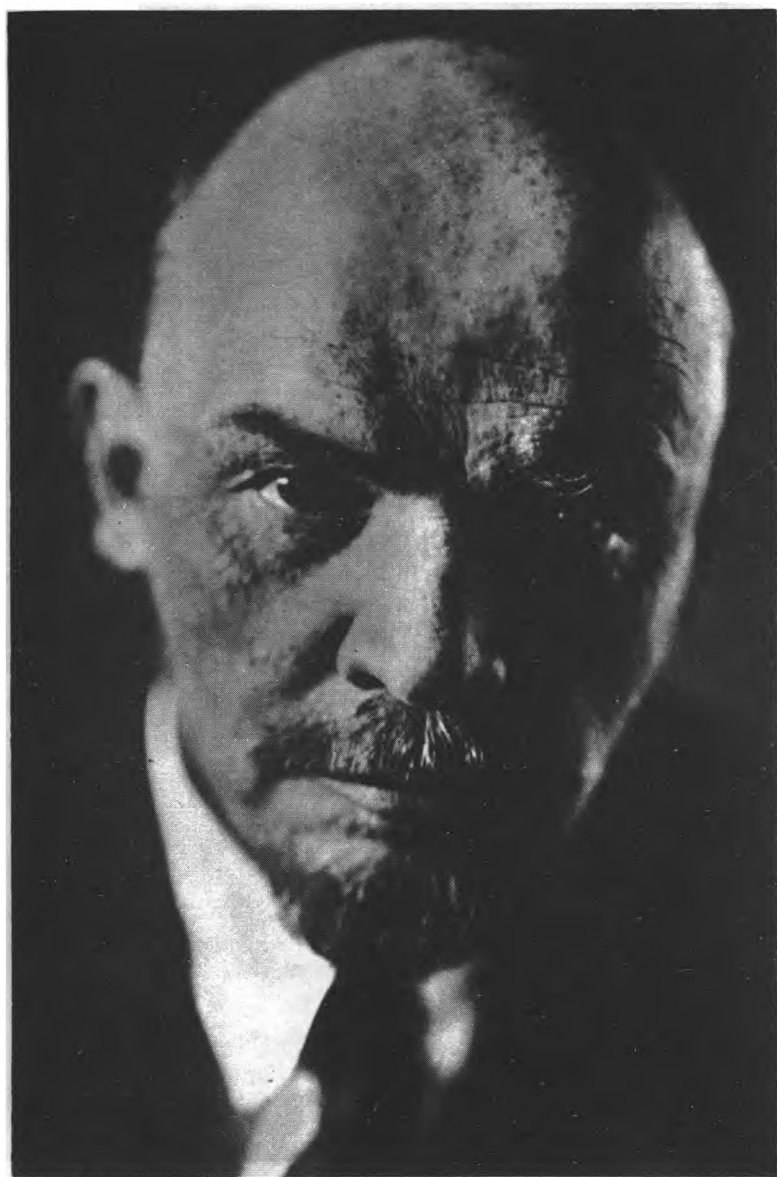
Послевоенное состояние церкви характеризует (весьма своеобразно) записка Хрущеву председателя Совета по делам православной церкви при Совете Министров СССР Карпова в июле 1953 года. Председатель Совета информировал Первого секретаря ЦК КПСС, что в СССР сохранилось еще (кроме полностью разрушенных и снесенных) 19 тысяч действующих церквей. Из них 13 тысяч заняты под склады, остальные — под клубы и промышленные предприятия; есть некоторое количество церквей (около трех тысяч), сохранивших культовое оборудование, но находящихся под замком, и там служба не ведется.

Карпов информирует Хрущева, что „многолетней практикой работы Совета установлено: когда здания действующих церквей стоят или даже используются не по назначению (склады, хранилища и т.д.), но не ставится вопрос о внешнем и внутреннем переоборудовании, это не вызывает большой активности групп верующих, и, наоборот, как только ставится вопрос о переоборудовании или сносе здания действующей церкви, сразу возникает активность...“¹⁷¹.

За долгие десятилетия советской действительности обезглавленные церкви оставались неотъемлемой частью печального пейзажа великой и молчащей России...

Еще хуже обстояло дело с церквями других конфессий. Например, в конце войны Берия сообщал Сталину, что из 210 действующих в 1914 году в России костелов осталось два: в Москве для обслуживания дипломатического корпуса и в Ленинграде. Ксендзы — иностранные граждане¹⁷².

Трагедия церкви связана не только с Лениным и большевиками. Хотя именно они олицетворяют кульминацию беды церкви. Православие в России традиционно было в руках монархов. Его самостоятельность была призрачной. Церковь нередко просто олицетворяла собой часть монархии. Этим, в частности, объясняется и глубокий кризис церкви после 1917 года. Крушение самодержавия сделало сразу же церковь беспомощной и беззащитной. Рухнула „идея третьего Рима“. Духовники считали, и это было предметом их гордости: Рим Петра и Константина пал как след-

Ленин в 1920 году.

Инесса Арманд.

Инесса Армаңд со своими детьми.

1918 год. Очередь за продуктами в Москве.

1918 год. Выдача дров населению Москвы по спискам.

1918 год. Продовольственный отряд готовится к походу в деревню.

1919 год. Ленин выступает с балкона Моссовета.

1919 год. Ленин в президиуме I Конгресса Коминтерна.

1919 год. Ленин, Демьян Бедный и делегат Панфилов на VIII съезде РКП(б).

Ленин и И.В.Сталин среди делегатов VIII съезда партии.

1919 год, 29 марта. Ленин в Москве.

1919 год. Ленин в Кремле у звукозаписывающего аппарата.

ДЕКЛАРАЦИЯ РОССИЙСКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

Доблестная армия Российского Правительства продвигается в пределы Европейской России. Она приближается к тем коренным русским губерниям, где земля является предметом раздоров, где никто не убережет, в саботаж, право на землю и в возможности пожать плоды своего труда. Богатая равнина хлебопити Родина наша ныне голодна и бедна.

Долгом Правительства является создать спокойную и твердую уверенность земледельческого населения в том, что урожай будет принадлежать тем, кто сейчас пользуется землей, кто ее запахал и засеял.

Правительство заявляет поэтому, что все, в чьем пользовании земля сейчас находится, все, кто ее засеял и обработал, хотя бы не был ни собственником, ни арендатором, имеет право собрать урожай.

Ввиду этого Правительство примет меры для обеспечения безземельных и малоземельных крестьян и на будущее время, воспользовавшись в первую очередь частновладельческой казенной землей, уже перешедшей в фактическое владение крестьян. Землям же, которые обрабатывались исключительно или преимущественно силами семьи владельца, — землей хуторян, отрубников, так называемых помещать, возвращению их законным владельцам.

Принимаясь эти меры, Правительство удовлетворит настоящие земельные нужды трудящегося населения.

Каждый земельный спор будет решен в пользу трудящегося населения.

Правительство гарантирует, что впредь ни на казенных, ни общественных, ни частновладельческих землях не будут совершены чужих земельные захваты, и что нарушители чужих земельных прав будут предаваться суду.

Правительство гарантирует, что акты, нарушающие земельные отношения, о порядке пользования казенными, общественными землями, последующей справедливой расчистке и, наконец, об условиях вознаграждения крестьян, введенные последними в ближайшее время.

Оценку дально этих законов и будет передача земель нетрудового пользования трудовому населению широкого характера, развитию мелких трудящихся хозяйств, без различия пола, возраста, или они построены на началах личного или общинного владения.

Правительство берет землю из руки трудового крестьянского хозяйства, Правительство будет широко открывать возможности обработки этих земель на полную ответственность.

Правительство гарантирует, что ответственность и выгоды глубокого исторического значения, ища, исходя из интересов народа, что только такой решительной мерой можно обеспечить и обеспечить благосостояние многомиллионного русского крестьянства, а благосостояние крестьянства есть та основа и прочная основа на которой поставлена будет твердая основа свободной и честной России.

Городы Омск, апрель 6 дня 1919 года.
ВЕРХОВНЫЙ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Декларация Колчака, запрещающая захват казенных общественных и частновладельческих земель. „Нарушители чужих земельных прав будут предаваться суду“.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ ОТРЯДЫ

- 4 II Отряды, сформированные в потребляющих губерниях
- 6 649
- 7 74
- 8 1241

1918 год, лето-осень. Карта продовольственного положения Советской России.

1919 год, октябрь. Ленин и Н.К.Крупская среди слушателей курсов по внешкольному образованию.

1919 год. Брянск. Латышская часть перед отправкой на Южный фронт.

1919 год. На Петроградском фронте.

1919 год. Военная учеба подростков.

22/10/1919 5112

М. Троцкий: "Меня
несколько "супружеских"
разлика тревожат. Вы-
воли новых полков. Верно.
И про эсеровцев?"

Я вкратце передаю
Сильвскому и Раменскому
все о полках из Мухоморова
(Умаров из Мухоморова) даю.

Но Трапезников из
Киевля тоже фронду не боялся.

Мо. Колупаев и Кошкин
в других местах?

Покорный с подвешен-
ным (именно Покорный-
Грозный) нами гбдвоб-
ски сабжа. Если напу-
тенье караван, который вы
мобилизовать еще можно
20 иркутских рабочих плюс
мало 10 буржуа, которые
идут из тыла, казны.

- Взяв несколько сот и
добавив карбидного
массовно напором на
взрывчатку?

^{мол.}
Если сот 5-10 хороших
наблюдателей воник (а
воник у нас есть), то намерение

закончить работу как в Мадрид, мору
даже за ними, к ним в
подполье законно зв. Роль
заворачивать, это миссия "на..."

В Мадриде много, куда
сот, много идей.

Кого Ковачев с Юж-
ной. Скоро, тогда
но повернем все вправо
Ленинград. УПД 2.2

С помощью друга
матери, но по сути, опасно:
Я и начался наблюдение, надо
сигнализировать # Клубе с... #

~~К.С. Селенко 1911 г. 17
Скоро... 2... #
... #~~

Ура! Ура!

1920 год. Ленин, Н.И.Бухарин и Г.Е.Зиновьев на заседании II Конгресса Коминтерна.

Ленин и Е.Д.Стасова на II Конгрессе Коминтерна.

1920 год, октябрь. Ленин и английский писатель Г. Уэллс.

1920 год. Ленин и Крупская в своей квартире с американским журналистом Л. Эйром.

1921 год. Ленин выступаст на X съезде РКП(б).

Ландшафт гражданской войны в России.

1921 год. Лагерь беженцев из голодных губерний в Поволжье.

1921 год. Самара. В тисках голода.

1922 год. Обед для голодающих детей.

Н.А.Бердяев — выдающийся русский философ.

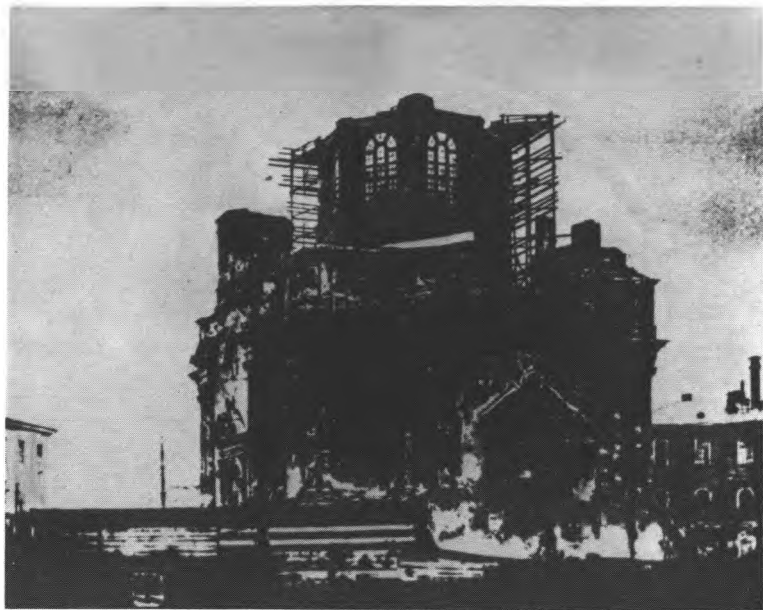
Патриарх Тихон.

Сейчас будут жечь иконы.

Разграбление Симонова монастыря.

Ленинград. Разрушенная Благовещенская церковь.

Разбитые колокола с киевских церквей.

„Антирелигиозный“ трамвай.

Ленин и Крупская на открытии Кашинской электростанции.

Близкие Ленина.

1922 год, август. Ленин в Горках.

Ленин в рабочем кабинете в Горках.

Ленин, Крупская и А.И.Елизарова-Ульянова с племянником Виктором и дочерью рабочего Верой.

ствие их ереси. Может сохранить Рим только Москва, ведь „четвертому Риму не бывати...“. Православная церковь никогда по-настоящему не была независимой от государства и монарха, придавая этому институту власти дополнительные черты абсолютизма. К слову, немногие знают, что тридцатисемилетний император Николай II 5 марта 1905 года, беседа с членами Синода, неожиданно для всех заявил, что он готов предложить себя в патриархи. „По соглашению с императрицей я оставляю престол моему сыну и учреждаю при нем регентство из Государыни Императрицы и брата моего Михаила, а сам принимаю монашество и священный сан, с ним вместе предлагая себя вам в патриархи. Угоден ли я вам?“

Это было столь неожиданно, что все долго молчали. Пауза затянулась. Государь резко поднялся, поклонился и вышел. Больше он никогда не заводил разговора на эту тему¹⁷³. Трудно проверить правдоподобие этого эпизода, но сам факт характеризует глубокую близость российского самодержавия и православия.

Возможно, и к капитализму Россия пришла бы раньше, и шире распространились бы к критической фазе потрясений 1917 года либерально-демократические взгляды, будь церковь более самостоятельной и независимой. Это не обвинение православной церкви, а констатация исторического факта, тем более что православие глубоко гуманистично по своему духу. Оно никогда не знало инквизиции, не жгло еретиков на кострах, не организовывало религиозных крестовых походов. Православие всегда осуждало насилие. Но привыкло быть под сенью не только божьей власти.

Октябрь семнадцатого выдернул опоры церкви, каковыми были самодержавные скрепы. Она стала легкой добычей большевиков. До 1917 года церковью управлял фактически монарх, хотя нигде это официально не зафиксировано. После бесовства октябрьского переворота остатками православной церкви стала безраздельно управлять коммунистическая партия. Через своих чекистских и патриных надсмотрщиков типа Губельмана, Тучкова и Красикова.

Быстрое падение церкви в Советской России сразу же создало в общественном сознании гигантский духовный вакуум, куда хлынули вульгарные материалистические мифы.

Безбожие, или атеизм, стало важной составной частью новой светской религии, которая не умерла и поныне. Имя ей — большевизм. С его помощью у многих поколений путем массивной пропаганды классового антагонизма уничтожали веру в вечные, непреходящие ценности, которые всегда свято защищала церковь на Руси.

Ленин в этой трагедии блистательно исполнил роль Антихриста XX века.

Глава 3

ДУХОВНЫЙ КОСМОС

*Человек находился во власти космических сил,
терзавших его демонов и духов природы.*

Николай Бердяев

Самые большие тайны в истории — это тайны человеческого сознания. Лабиринты, катакомбы, тупики и проспекты хода мыслей очень часто непредсказуемы. О чем думал, умирая, Петр Первый? Почему Людовик XVI за секунды до того, как нож гильотины опустится на его шею и голова скатится в корзину, приподняв голову, спросил палача: „Что слышно об экспедиции Лаперуза?“ На что надеялся и о чем думал Николай II, когда его с семьей вели ночью в подвал Ипатьевского дома? О чем думал Ленин, погруженный в страшную немоту роковой болезни?

Доподлинно, точно об этом никто и никогда не скажет. Это вечные тайны истории. Но это совсем не значит, что гипотезы и предположения, догадки и выводы о тайнах сознания совсем недостоверны. Нет. О тайнах человеческого сознания свидетельствует множество обстоятельств: поступки этих людей, условия, в которых они жили, отношение к ним, приверженность личности к определенной шкале ценностей, ее прошлые поступки и жизненные устремления, свидетельства разных лиц, закономерности человеческого мышления, жизненные импульсы, интеллектуальное, эпистолярное наследие человека и многое, многое другое.

Духовный мир человека, основу которого составляет индивидуальное сознание, может быть так же безбрежен, как и космос. Для нормального, обычного человека естественно, когда в его сознании существуют далекие мерцающие планеты, кометы, болиды его дум и тайн, надежд и разочарований.

Бывает, что для человека высокого интеллекта настоящее пиршество — свободно думать, мечтать, томиться в эфемерном мире грез. Иногда человек всю жизнь не может признаться даже самому себе в сокровенном, долгом желании достичь вполне земной цели.

В трагическую минуту испытаний, потрясений, безысходности последнее прибежище личности — сознание, способное придать дополнительные силы человеку, терпящему жестокое крушение. О чем думали после приговора в последние часы жизни соратники, сподвижники, помощники Ленина: Зиновьев, Каменев, Бухарин, Пятаков, Ганецкий, Горбунов? Можно только догадываться.

Духовный мир — не механическое вместилище идей и чувств, куда запросто мог запускать руку большевистский агитпроп. Для этого нужно было прилагать многолетние и колоссальные усилия, но и тогда могли появиться Рютин, Мандельштам, Солженицын, Сахаров, множество других со-противленцев ленинскому режиму.

Общество, построенное по чертежам Ленина, потерпело историческую неудачу. Ни ликования, ни злорадства этот факт не вызывает и потому, что мы были сами его строителями. Но и семь десятилетий спустя мы не можем сказать и никогда, вероятно, не скажем всего, о чем думал пионер российского социализма. Почему он так много импровизировал? Перейдя к политике „военного коммунизма“, что было сутью его убеждений, через пару лет вынужденно трубит отбой и провозглашает новую экономическую политику. Почему все его международные аферы и надежды были связаны прежде всего с Германией? Как мог он, человек, восхищавшийся музыкой Бетховена, собственноручно писать записки о расстрелах, повешении, инициировании террора?

Этих „почему“ может быть множество. Свершенность многих его деяний и поступков облегчает ответы на многие из них, но далеко не на все. Почему в фантастически бесчисленных „Воспоминаниях“, которые стояли на партийном полиграфическом конвейере в разделах „Ленин как человек“, почти нечего читать, кроме бесконечной сусальной тавтологии?

Почти все, что написано о Ленине в нашей стране в жанре воспоминаний, произведено по одним и тем же партийным лекалам. Совершенство, безгрешность, гениальность, моральная и политическая чистота, мудрость, прозорливость, ангельская доброта и многое, многое другое (в „Словаре русского языка“ С.И.Ожегова, насчитывающем до

60 тысяч слов, около полутора тысяч слов выражают грани, свойства, черты личности) — все, абсолютно все позитивные качества присущи Ленину. Я не знаю людей (кроме редакторов и издателей), которые бы все это читали. Сам факт обожествления Ленина есть один из главных аргументов в пользу того, что ленинизм постепенно превратился в светскую религию. Ее нельзя было, естественно, критиковать. В ней не было позволено сомневаться. Разумеется, она была „единственно истинной“.

Поэтому все советские очевидцы, когда либо писавшие о Ленине свои заметки — от Л.Б.Каменева, Г.Я.Беленького, К.Б.Радека, Г.Е.Зиновьева до В.И.Невского, С.Я.Аллилуева, А.С.Бубнова, В.Д.Бонч-Бруевича, — не были духовно свободны в своих воспоминаниях. Над всеми стоял созданный партией фетиш первого „вождя“. Разве П.Д.Мальков, комендант Кремля, лично расстрелявший Ф.Каплан и вскоре побывавший у Ленина по его приглашению, все рассказал в своих отрывочных воспоминаниях? А Я.С.Ганецкий, бывший одним из самых доверенных финансистов Ленина и партии, все поведал читателям в своих заметках? Он так много знал о „немецком сюжете“ большевиков... Или Е.Б.Бош, принимавшая от Ленина в 1918 году грозные распоряжения о расстрелах крестьян, была в своих воспоминаниях полностью откровенна? Почему Крупская не написала ничего о встрече Ленина с Парвусом в 1915 году в Швейцарии? Разве И.Н.Вацетис не знал, что вскоре после его назначения на Восточный фронт Ленин, принимавший командира латышских стрелков лично, предлагал Троцкому расстрелять его? Даже Горький, способный на самые резкие и справедливые слова в адрес Ленина в 1917 году, в своих воспоминаниях о вожде почти не упомянул о них. Подобный список можно продолжать до бесконечности. Люди писали то, что было положено писать.

Даже Н.К.Крупская не вольна была рассказывать и писать о своем муже то, что не утверждено ЦК. Когда в 1938 году вышла первая часть книги Мариэтты Шагинян „Билет по истории“ („Семья Ульяновых“), Политбюро отреагировало быстро, дав оценку книге как „вредному, враждебному произведению“. На Политбюро выяснилось, что роман консультировала Крупская...

В решении высшего партийного органа было записано: „Осудить поведение Крупской... Считать поведение Крупской тем более недопустимым и бестактным, что т. Крупская делала все без ведома и согласия ЦК ВКП(б), превращая тем самым общепартийное дело в частное и семейное дело... ЦК никому на это прав не давал“¹.

Таковы большевики: вначале превратили прах мужа в мумию и выставили для всеобщего обозрения, а затем запретили жене говорить о нем то, что не санкционировано партийной коллегией.

И тем не менее в тысячах историй, эпизодов, событий, воспроизводимых вождями помельче, писателями, рабочими, работниками Коминтерна, врачами, шоферами, секретарями, комендантами, управляющими делами, наркомками, дипломатами, родственниками, есть крупицы материалов, помогающие многое понять в духовном мире Ленина. Это прежде всего воспоминания жены Ульянова–Ленина Надежды Константиновны Крупской. Особенно те фрагменты, которые были заточены в специальные фонды партийных архивов.

Особняком стоят страницы, написанные о Ленине его политическими противниками и людьми, которые стали изгнанниками по его вине. Но, думаю, именно они, и особенно Н.А.Бердяев, Н.В.Валентинов, Ю.О.Мартов, как и ряд других россиян, ставших изгнанниками, позволяют приподнять полог над тайнами духовного мира вождя российских большевиков.

Великий русский мыслитель Бердяев, написавший в полночь советской эпохи — тридцатые годы — великолепную книгу „Истоки и смысл русского коммунизма“, дает в ней глубокую духовную характеристику Ленина. Возможно, кто-то сочтет ее пристрастной, но трудно отказать Бердяеву в тонкой наблюдательности.

„...Ленин был типически русский человек. В его характерном, выразительном лице было что-то русско-монгольское. В характере Ленина были типические русские черты и не специально интеллигенции, а русского народа: простота, цельность, грубоватость, нелюбовь к прикрасам и к риторике, практичность мысли, склонность к нигилистическому цинизму на моральной основе. По некоторым чертам своим он напоминает тот же русский тип, который нашел в себе

гениальное выражение в Л.Толстом, хотя он не обладал сложностью внутренней жизни Толстого... Он соединял в себе черты Чернышевского, Нечаева, Ткачева, Желябова с чертами великих князей московских, Петра Великого и русских государственных деятелей деспотического типа... В философии и искусстве, в духовной культуре Ленин был очень отсталый и элементарный человек, у него были вкусы и симпатии людей 60-х и 70-х годов прошлого века. Он соединял социальную революционность с духовной реакционностью².

Думаю, что последнее замечание симптоматично. Это выглядит парадоксально, но это так. Завершалась эпоха кровавых революций. Наступивший XX век впервые дал крупные исторические шансы постепенного перехода с революционных на эволюционные рельсы. Возникновение социал-демократического движения в Европе, развитие буржуазного парламентаризма, нарастание либеральных тенденций в общественной жизни являли собой новые вызовы традиционному революционному мышлению. Каутский, частично Плеханов почувствовали это в большей мере, чем кто-либо другой. Но Ленин, волею исторических обстоятельств ставший во главе немногочисленной группы российских радикалов, до конца мыслил категориями французских революций. В своей этапной статье „Исторические судьбы учения Карла Маркса“, написанной к 30-летию смерти великого немецкого теоретика в 1913 году, Ленин всю „всемирную историю“ после выхода „Коммунистического Манифеста“ делит на три периода: „1) с революции 1848 года до Парижской Коммуны (1871); 2) от Парижской Коммуны до русской революции (1905); 3) от русской революции“³.

Вся „всемирная история“ раскладывается исключительно по „полочкам“ революции. Чем Ленин лучше и глубже тех ученых, которые классифицировали исторический процесс по монархам, войнам, географическим открытиям и колониальным завоеваниям? Для мыслителя, претендовавшего волей большевиков на властителя дум XX столетия, сей подход, действительно прав Бердяев, является „духовной реакционностью“.

Поэтому можно сразу сказать, что в духовном мире Ленина, личности выдающейся и крупной во многих отно-

шениях, всегда доминировала и определяла основные грани интеллекта, чувств, воли идея преклонения перед революцией. Она была его идолом, страстью и целью. Ленин — законченный апологет революции.

Тайны интеллекта

Как писал А.Блок, человеку в этом бренном мире доступны „и жар холодных числ, и дар божественных видений“, свойственны способность глубокого интеллектуального проникновения в суть загадочного бытия и прекрасные эмоциональные взлеты.

Интеллект Ленина, или рационально-теоретическая часть его сознания, был мощным, глубоким, но односторонним. Вождь большевиков был способен „перерабатывать“ колоссальное количество самой разнообразной информации, выделять главное в ней, формулировать выводы и решения, ставить проблему. Как вспоминал Луначарский, „трудоспособен Ленин в огромной степени. Я близок к тому, чтобы признать его прямо неутомимым...“⁴. Он мог по многу часов изучать и конспектировать интересовавшие его книги, делая выписки, пометки для себя. Правда, потом эти конспекты исследователями Ленина выдавались за его самостоятельные труды, имеющие „огромную научную ценность“. Например, в ленинских „Тетрадах по империализму“, которым посвящен целый том и которые относятся к его сочинениям, есть пространные выписки из 148 (!) книг и 232 статей буржуазных экономистов со своими собственными примечаниями, оценками и пометами.

Ленина в данном случае интересуют труды немецких, английских, французских ученых, но он полностью обходит российскую мысль, как будто капитализм в России „настоящий“. Хотя еще раньше, в 1908 году, однозначно выразил отношение к подобной литературе: „*Ни одному профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить ни в одном слове, раз речь заходит об общей теории политической экономии*“. Ленин несколько неожиданно и совсем бездоказательно называет буржуазных экономистов, философов „учеными приказчиками теологов“⁵. Иногда авторов, которых Ленин прилежно конспек-

тирует, походя, в своем типичном духе „аттестует“. Делая выписки, например, из книги профессора Роберта Лифмана, Ленин помечает: „Автор — махровый дурак, как с торбой взявшийся с дефинициями — преглупыми... Теоретическая часть—взор“⁶.

Вообще его отношение к большинству социал-демократических авторов было уничижительным, оскорбительным, высокомерным, а часто просто развязным. В своем письме к Инессе Арманд 13 марта 1917 года (я приведу изъятую из 49 тома купюру — обычная практика „лодсахаривания“ вождя авторами партийного издания) Ленин пишет: „Хочется поделиться впечатлениями по поводу статьи Мартынова в № 10 „Известий“. Вот перл-то. Ей-ей, судьба нам этого дурака всегда посылает на помощь... Перл, прямо перл. Я предвкушаю удовольствие „кушать“ этого болвана. Во всех отношениях он помог нам („послал бог дурака“): ибо мне (или нам) говорить про „колебания“ Нобса или Платтена было бы очень неловко, неприятно... Дурак нас выручил, сим сказавши это. Прелесть!“⁷ В нескольких строчках бесвязного текста три раза „дурак“ с „болваном“ в придачу...

Однако Ленин был в состоянии долгими часами, согнувшись за столом, перелопачивать „взор“ этих „махровых дураков“, выуживать крупницы эмпирических данных, непосредственных наблюдений, сделанных авторами, к которым он относился с нескрываемым презрением. Подобный подход Ленина к буржуазной литературе является определяющим. Его интеллект всегда настроен на крайне критическую волну.

Зачем все это было нужно Ленину? Литературный труд прокормить его не мог. Его книжки и брошюры интересовали десятки, максимум сотни людей. Писал он очень „темно“. Но Ленин где-то в глубине души чувствовал свое призвание: быть во главе партии, движения, а может, и революции. Наблюдательный Троцкий пишет, что „Ленин приехал за границу не как марксист „вообще“, не для литературно-революционной работы „вообще“... Нет, он приехал как потенциальный вождь, и не вождь вообще, а вождь той революции, которая нарастала, которую он чувствовал и осязал. Он приехал, чтобы в кратчайший срок создать для этой революции идейную оснастку и организационный аппа-

рат...⁴⁸. Ленин готовился, Ленин учился, Ленин создавал себя для будущего. Ну а книги, которые он писал (у них, повторю, до революции было очень мало читателей), были нужны не только как инструмент борьбы, но и как антураж. Какой же вождь без собственных книг! Ведь это олицетворение мудрости... У Ленина была потребность всю политическую мозаику действительности осмысливать прежде всего в статьях, заметках, рецензиях, откликах, памфлетах.

Почему я назвал выше интеллект Ленина мощным, но односторонним? Знакомство с множеством его работ свидетельствует: о чем бы ни говорил или ни писал Ленин, в конечном счете он все сводил только к политике, политическим реалиям, политическим пристрастиям. Могут сказать: но ведь Ленин — политик! Что вы от него хотите! Однако я думаю и даже убежден, что абсолютная политизация его мышления вольно или невольно искажает почти все (в той или другой степени), что отражается в его мозгу.

На развитие ленинского интеллекта оказала огромное воздействие западноевропейская социалистическая мысль. Правда, Ленин усваивал эти идеи через призму возможного их использования в России. Ленин широко использовал в своих трудах идеи, мысли, положения, которые развивались Плехановым, Аксельродом, Даном, Потресовым и особенно зарубежными марксистами. Например, у Ленина прослеживаются положения об особенностях буржуазно-демократической революции, ее движущих силах и революционной ситуации, которые были до него детально разработаны Карлом Каутским. И было время, когда Ленин воздавал должное этому выдающемуся марксисту.

Конечно, когда Каутский осудил диктаторство большевиков и написал, что с помощью октябрьского переворота утвердилось „казарменное мышление... которое сводится к тому, будто голое насилие является решающим фактором в истории“⁴⁹, Ленин тут же предал теоретика большевистской анафеме.

До Октябрьской революции Ленин и Каутский обменялись несколькими сухими, официальными письмами. Радикал Ленин и демократ Каутский были слишком разными людьми, чтобы установить между собой дружеские отношения. Однако интеллектуальное влияние Каутского на Ленина бесспорно.

Сейчас, представляется, самое время проследить, как ленинский интеллект проявлял себя в различных формах индивидуального сознания. Их многообразие, как известно, обуславливается исключительной сложностью, многострунностью, многосторонностью окружающего нас объективного мира, а также потребностями социальной практики людей. На теоретическом уровне (интеллект) формы индивидуального сознания выделяются более рельефно, отчетливо и предстают обычно как политические взгляды человека, его правосознание, система личных моральных принципов, эстетические вкусы, философские воззрения, религиозные догматы. Но вместе с тем эти же формы индивидуального сознания проявляют себя также на чувственном и волевом уровнях.

Каковы были политические особенности ленинского интеллекта? В чем заключается тайна его политической одержимости?

Повторюсь, но скажу, что казнь брата Александра в 1887 году дала самый мощный, еще не осознанный тогда толчок, притяжение к истокам политического осмысления семейной трагедии. Это печальное событие совпало с окончанием гимназии и поступлением в Казанский университет. Вскоре — исключение из учебного заведения и приобретение Ульяновым статуса человека под „гласным надзором“ полиции. Переломный возраст, взросление непосредственно совпали с событиями, которые поставили юношу в положение полуотверженного. В то же время возможность, не работая, поглощать массу книг, в том числе социально-политического характера, исподволь формировала в характере молодого Ульянова повышенный, особый интерес к политике государства российского, общественным движениям, социальным процессам.

Будь Владимир Ульянов сыном рабочего или бедного мещанина, даже большие природные способности не вырвали бы его из своей среды. А здесь у молодого человека, не заботящегося о куске хлеба и предающегося размышлениям по поводу прочитанного, всеми этими обстоятельствами была затронута некая сокрытая важная струна его души, начавшая формировать установку всей жизни.

Пройдет совсем немного времени, и юный Ульянов уве-

рует в себя как человека, для которого уготована судьба политического литератора, политического публициста, человека-социалиста — нечто загадочно непонятное и тревожное, с налетом некоего народнического романтизма. Неповторимое сцепление жизненных обстоятельств, социальных условий плюс богатые природные данные сформировали ум человека, для которого политика (и все, что с ней связано) стало смыслом всей его жизни. Политическое сознание выглядело явной аномалией, но и эпицентром на фоне всех его остальных склонностей, способностей и устремлений.

Эта политическая флюсообразность ленинского интеллекта часто принимала просто уродливые формы. Известный советский дипломат ленинского времени Адольф Абрамович Иоффе вспоминал, что Ленина в международных вопросах интересовала лишь политическая сторона дела: продвигает ли данная конкретная акция дело революции. „Помню, — пишет Иоффе, — как перед самым подписанием одного договора... В.И. мне прислал записку: „Если договор гарантирует советизацию (данного государства), согласен на его подписание; если нет — не согласен“¹⁰.

Ленин не просто обладал „политизированным“ интеллектом, он умел утверждать свою политическую линию канализированием общественной неприязни и даже ненависти в отношении ее врагов. В своих воспоминаниях о Ленине писатель Ф.А.Березовский описывает выступление Ленина на заседании ВЦИК в апреле 1918 года: „...ленинский голос зазвучал тревогой и ненавистью к тем, кто разрушал и саботировал великое дело освобождения трудящихся. И ненависть загоралась огнем во взглядах людей, одетых в серые гимнастерки и черные куртки... Конец доклада был насыщен такой уничтожающей иронией к врагам рабочего класса, что тишина аудитории то и дело прерывалась взрывами заразительного смеха. Казалось, что Ленин стер, уничтожил, похоронил своих противников до их выступлений...

Помню густую, тесную толпу, выносившую меня в стихийном потоке (после выступления. — Д.В.) на улицу. Вокруг меня горели энтузиазмом глаза. То там, то здесь звучали короткие фразы:

— Долго не забудут меньшевики и эсеры...

- Еще бы!.. Ильич-то?! Он, брат, покажет!
- С ним все будет наше!
- Все возьмем! Весь мир завоюем!¹¹

Политическое мышление Ленина отличается беспощадностью. Он обладает способностью „отодвинуть“ в сторону все нравственные, гуманные и иные соображения во имя „политической целесообразности“. Универсальная политическая доминанта предписывает всем принимаемым решениям только один классовый вектор. Кажется порой, что это мозг политического автомата.

Ленину докладывают Д.Курский и Л.Каменев по делу о спекуляции в Главсахаре: „...Ввиду того, что все привлеченные к делу лица, за исключением Григорьева, постановлением Московской ЧК уже расстреляны и в этих условиях рассмотрение дела в отношении одного Григорьева поставило бы трибунал в невыгодные условия...“ Далее Курский и Каменев рассуждают, что Григорьева можно было бы „уничтожить во внесудебном порядке“, ибо „лишение свободы сделало бы его мучеником в глазах приверженцев“. Но можно и „условно освободить на поруки всей общины трезвенников...“.

Ленин краток: „Согласен с Курским и Каменевым“¹².

Председатель Совнаркома согласен с явным беззаконием (расстреляны без суда, по постановлению ЧК) лишь потому, что установленная им политическая система одобряет подобное решение. Вождистская власть такова, что от особенностей политического мышления одного человека, специфики его интеллекта зависят судьбы множества людей.

В своей записке Чичерину 20 июля 1920 года Ленин предлагает подумать, как установить особые отношения с Ирландской Республикой без ухудшения отношений с Англией.

„...Или можно тайный договор с Ирландской Республикой (пожалуй, следует условие: взаимoinформация, помощь курьерами, изданиями, по возможности оружием, связями); через Ирландскую Республику — связь с коммунистами ирландскими...“¹³

Предлагая заключить „тайный договор“, Ленин нисколько не смущается тем, что его борьба с Керенским в огромной степени была построена на разоблачении Председателя

Временного правительства в его приверженности и верности тайным договорам. Тогда Ленин в статье „Над кем смеетесь? Над собой смеетесь!“ писал, что „искренность в политике есть вполне доступное проверке соответствие между словом и делом“¹⁴. Говоря об „искренности“ в политике, Ленин, однако, совсем не собирался смеяться над собой.

Ленинские представления о политическом строе, его умозаключения о „политической целесообразности“ становятся доминантой реальной жизни. Ленин просто гениален (с точки зрения достижения большевиками своих целей) в нахождении и принятии единственных политических решений в критические моменты, ведущих к успеху в той или иной ситуации. Так, после февраля 1917 года ни у кого из социал-демократов не возникало даже мысли о возможности немедленного перехода к социалистическому (большевистскому) этапу революции. Ленин, оценив ситуацию, увидел уникальный шанс взять власть. Сколько нужно было иметь политической решимости, чтобы пойти на преступный брестский стовор с немцами! Но выбора у Ленина не было; он пришел к власти на обещании дать мир народу. Не всякий бы решился отдать пол-европейской части России во имя внешнего мира, равного колоссальному поражению, при разгорающемся внутреннем пожаре.

Когда в середине 1918 года Советская Россия сократилась до размеров Московского княжества, Ленин увидел единственный способ устоять, уцелеть, но главное — сохранить власть при помощи неограниченного террора. И он пошел на этот чудовищный террор! Можно назвать десятки других более крупных и более мелких обстоятельств и ситуаций, когда Ленин, внешне не колеблясь, принимал единственное спасающее большевиков решение. Бывали моменты, когда он буквально балансировал над бездной, но политические расчеты, а порой и интуиция выручали его. Это был гениальный ум демона-политика.

Даже и глубоко больного Ленина тянуло только к политике. Она была его страстью, увлечением, судьбой, проклятием. Летом 1922 года он говорил врачу Кожевникову:

— Политика — вещь захватывающая сильнее всего, отвлечь от нее могло бы только еще более захватывающее дело, но такого нет¹⁵.

Полная „политизация“ ленинского мышления не могла не отразиться и на его правосознании. Юрист по образованию, Ленин мало интересовался специальными вопросами юриспруденции. Для него право было лишь гранью политики. Он всегда был политическим прокурором.

После октябрьского переворота старая судебная система подверглась разрушению. Большевики, загнипнотизированные романтизированным опытом Французской революции, стали создавать революционные трибуналы. Весьма долго главным критерием оценки правонарушения и преступления была „революционная совесть“. Длительное время приговоры не могли быть обжалованы ни в апелляционном, ни в кассационном отношениях. Юристов в трибуналах почти не было. В 1917—1919 годах едва ли не единственной мерой наказания была смертная казнь — расстрел. Никто никогда не узнает, сколько россиян — не только „помещиков, капиталистов и белых офицеров“, но и просто случайных людей, почему-либо оказавшихся на пути власти, — после краткого „суда“, а порою и без него, было отправлено на тот свет.

Правосознание Ленина имело огромное поле деятельности, поскольку он, будучи Председателем Совета Народных Комиссаров, был непосредственным творцом множества декретов. Все они были, как и „положено“ в революционное время, бестолковыми, сумбурными, поспешными, односторонними. Ленин всегда вносил в содержание декретов элементы классовости, масштабности и неотвратимости жестокого наказания.

Имея перед глазами революционных деятелей Французской революции, Ленин давно уверовал, что беспощадность, непреклонность, твердость в репрессиях — истинно великие качества большевика. Сразу после октябрьского переворота был отменен введенный Керенским закон о смертной казни для солдат. Когда Ленин узнал об этом, вспоминал Троцкий, он пришел в страшное негодование:

— Вздор. Как же можно совершить революцию без расстрелов? Неужели же вы думаете справиться со всеми врагами, обезоружив себя? Какие еще есть меры репрессии? Тюремное заключение? Кто ему придает значение во время гражданской войны, когда каждая сторона надеется победить?

Его утешали, что отменена смертная казнь только для дезертиров. Все было напрасно. Он настойчиво твердил:

— Ошибка, недопустимая слабость, пацифистская иллюзия...

Порешили на том, что если нужно, то „лучше всего просто прибегнуть к расстрелу, когда станет ясным, что другого выхода нет“. На этом и остановились¹⁶. Юрист Ульянов–Ленин считал совершенно нормальным, вопреки закону–декрету, расстреливать людей: „Как можно совершить революцию без расстрелов?“

В дальнейшем Ленин поможет большевикам возвести беззаконие в закон. „Революционный“, разумеется. При этом Ленину будет всегда казаться, что чем более политическую окраску носит ситуация, тем для революции лучше. В ноябре 1921 года Председатель СНК пишет народному комиссару юстиции записку:

„...Обязательно этой осенью или зимой 1921—1922 гг. поставить на суд в Москве 4—6 дел о московской волоките, подобрав случаи „поярче“ и сделав из каждого суда политическое дело“¹⁷. Разумеется, если обычного бюрократа наречь контрреволюционером, исход процесса нетрудно предсказать. Ленин так до конца своих дней и не поймет, что создаваемая им Система — фактически апофеоз государственной бюрократии. В сталинские времена контролеры стояли почти над каждым человеком, но бюрократии не убавлялось. Эта иллюзия, что контролем, карой, угрозой репрессии можно достичь созидательных целей, жила на протяжении десятилетий в советском обществе. Да и сейчас еще не исчезла... Но вначале она утвердилась в сознании отца социалистического государства.

Показательные процессы (пусть народ „трепещет“) — слабость Ленина. Многократно он рекомендует ВЧК, Наркомату юстиции припугнуть людей „политическим процессом“. В письме к А.Д.Цюрупе рекомендует „за неправильную отчетность и за убыточное ведение дела“ организовать „ряд образцовых процессов с применением жесточайших мер“¹⁸. Ленин убежден, что чем больше людей будет знать об этих репрессиях, тем их исполнительность и прилежание будут выше. Но в то же время Ленин советует Уншлихту: „Гласность ревтрибуналов — не всегда; состав их усилить вашими людьми, усилить их связь (всяческую) с

ВЧК, усилить быстроту и силу их репрессий, усилить внимание ЦК к этому¹⁹. Тривиальные, обычные, повседневные расстрелы: стоит ли обо всем говорить? С началом знаменитого красного террора регулярно печатали списки расстрелянных. Но их оказалось так много, что физически стало невозможно публиковать все эти мартирологи. Так строилось ленинское „правовое“ общество.

Ленин, будучи главой правительства, искренне верит, что его указания могут являться прямым основанием для приговора. Мягкого или жестокого, но решения судьбы конкретного человека. В его сознании это как раз значит „действовать по-революционному“. В телеграмме Евгении Богдановне Бош (которая в своих воспоминаниях умиляется, что Владимир Ильич и Надежда Константиновна однажды пригласили ее к себе „чай пить“) Ленин требует „сомнительных запереть в концентрационный лагерь вне города“²⁰. В том же ключе рекомендует Уншлихту и Сталину за развооружение народного добра: „...поймка нескольких случаев и расстрел...“²¹.

С тех пор в нашей стране столько людей посадили в концлагеря, столько расстреляли, а „сомнительных“ не убавилось и количество воров едва ли сократилось.

Ленин прожил мало, чтобы проанализировать всю эту криминальную статистику за более длительный период, нежели первые семь лет советской власти. Но ясно одно — ставка на жестокие, революционные меры себя не оправдала. Общество, основанное на насилии, страхе наказания, угрозе репрессий, несправедливых законах, не в состоянии избавиться от извечных человеческих пороков. Не избавились от них и демократические системы, но, по крайней мере, сам термин „права человека“ не был под запретом, как в государстве, основателем которого был Ленин.

Интеллект Ленина, как мощная мыслящая политическая „машина“, включил без остатка правосознание в революционную методологию мышления и действия. Хотел того или нет юрист Ленин, но его практические шаги на этом поприще лишь демонстрировали иллюзорность большевистского права.

Следует отметить еще один момент. Пока Ленин был в тихой и спокойной Швейцарии, он убедительно критиковал аграрные прения в Думе, разносил П.Н.Милюкова за „приу-

крашивание крепостничества“, предсказывал, что при социализме „способ Рамсея“ в промышленности позволит сократить рабочий день до менее чем 7 часов, возмущался полицейскими гонениями царизма... Но стоило прийти к власти этому эмигранту, как „полицейские гонения царизма“ показали детскими забавами перед ужасами пролетарской диктатуры.

Повествуя о Цезаре, его гибели, летописец изрек: „То, что назначено судьбой, бывает не столько неожиданным, сколько неотвратимым“. То, что произошло в России в октябре 1917 года и позже, можно было предсказать. Это, в частности, делали Плеханов и меньшевики, Милюков и кадеты. Секта большевистских подпольщиков, выросшая в грозную партию, не могла изначально дать что-либо хорошее России. Но исторически так сложилось, что все сценарии будущего, родившиеся в голове вождя этой партии, постоянно менявшиеся, уточнявшиеся, стали программой разрушения великой страны, пытавшейся в феврале 1917 года выйти на столбовую дорожку цивилизации.

Каковы философские особенности интеллекта Ленина? Ведь все мы, и автор настоящей книги в том числе, в свое время утверждали в своей догматической слепоте, что автор „Материализма и эмпириокритицизма“ — крупнейший философ XX века.

Эта ленинская работа, написанная в 1908 году, не будь ее автор лидером тех сил, которые „потрясли весь мир“, на долгие десятилетия была бы малозаметной книжкой, о которой бы знали и помнили лишь самые узкие специалисты в области гносеологии. Я думаю, что даже эти специалисты не рискнули бы поставить этот труд в один ряд с книгами русских философов того времени: Н.А.Бердяева, отца С.Булгакова, С.Л.Франка, Л.П.Карсавина, Н.О.Лосского, Ф.А.Степуна, И.А.Ильина, О.П.Флоренского и некоторых других.

Профессор В.В.Зеньковский из Богословского православного института в Париже в своей фундаментальной двухтомной „Истории русской философии“ пишет: „Философские интересы Ленина сосредоточивались почти исключительно на *вопросах философии истории* — все остальное его интересовало лишь в той мере, в какой те или иные учения в теории могли влиять на философию истории. Но и

в философии истории Ленин раз на всю жизнь принял построения Маркса — и уже ничто вне их его не интересовало. Эта *внутренняя узость*, присущая изначально Ленину, превращает его философские писания в своеобразную схоластику (в дурном смысле слова). Все, что „соответствует“ позиции диалектического материализма, укрепляет ее, — принимается без оговорок; все, что не соответствует, — отбрасывается *только по этому признаку*²².

Зеньковский не сгустил краски. Он лишь подтвердил то, что писал сам Ленин в своем философском труде: „Идя по пути Марксовой теории, мы будем приближаться к объективной истине все больше и больше (никогда не исчерпывая ее); идя же *по всякому другому пути*, мы не можем прийти ни к чему, кроме путаницы и лжи“²³.

Другими словами, философы и ученые фактически лишь те, кто придерживается марксистской методологии. Абсурдность такого вывода сразу обесценивает ленинские философские изыскания, хотя в области гносеологии есть некоторые положения, сформулированные В.И.Ульяновым, которые идут в русле общепринятого научного знания. Но сама категоричность выводов, что является фирменным стилем Ленина как политика, организатора и философа, вызывает внутреннее сопротивление.

Вся ленинская философия, по сути, имеет целью разделить мыслителей на „чистых“ и „нечистых“, материалистов и идеалистов. Именно для этого так много муссируется „основной вопрос философии“, каковым он едва ли является и лишь придает привкус пропагандистского, даже классового деления в области общественной мысли. Думаю, действительная заслуга Ленина в этой области заключается в придании философии социального характера, но сделано это, к сожалению, с целью разделить „философов на два больших лагеря“. Большевицскими призывами выглядят ленинские заклинания не верить ни одному буржуазному профессору в области философии. Ведь они — „ученые приказчики теологов“²⁴.

Поражает настойчивость Ленина доказать, что та философская школа, которая допускает существование религии, не является научной. Если общенаучные рассуждения Ленина можно принимать или не принимать, считать их удачными или неудачными. что является обычным делом в фило-

софской литературе, то провозглашенный принцип партийности для философского анализа естествознания сразу выводит читателя за рамки науки в область идеологической борьбы и большевистских оценок.

Еще меньшее значение имеет труд „Философские тетради“, представляющий ленинский конспект работ как ряда философов-классиков, так и менее известных ученых. Даже сам Ленин не придавал им самостоятельного значения, называя „тетрадками по философии“, мыслями „для себя“. Это комментарии и идеи, возникшие у внимательного и пристрастного читателя, каким был Ленин, „по поводу“ прочитанного.

Верно заметил Бердяев, что Ленин „по философии читал исключительно для борьбы, для сведения счетов с ересями и уклонами в марксизме. Для обличения Маха и Авенариуса, которыми увлечены были марксисты-большевики Богданов и Луначарский, Ленин прочел разную философскую литературу. Но у него не было философской культуры; меньше, чем у Плеханова. Он всю жизнь боролся за целостное, тоталитарное мировоззрение...“²⁵.

Последнее замечание Бердяева, по-моему, очень метко характеризует философскую сущность интеллекта вождя русских большевиков. Безоговорочно приняв социально-политическую и философскую доктрину Маркса (действительно крупный шаг в истории мировой общественной мысли), Ленин тем самым обрек себя лишь на догматическое комментирование выдающегося учения. Ни одна социально-политическая теория не может быть универсальной, глобальной, надвременной. Но именно в такую превратил марксизм Ленин.

Впрочем, Бердяев, Степун, Франк и некоторые другие российские мыслители могли со временем считать, что им повезло. Когда Ленин в марте 1922 года прочел сборник статей „Освальд Шпенглер и закат Европы“, подготовленный этими авторами, он пишет записку управделами СНК Н.П.Горбунову, в которой называет книгу „белогвардейской“ и поручает поговорить о ней с заместителем председателя ГПУ И.С.Уншлихтом...²⁶ Философов не расстреляли за „белогвардейские“ убеждения, что было нормальной практикой того времени, а лишь изгнали из отечества.

Философская грань интеллекта Ленина была сильной в

своей убежденности, но явно догматичной. Абсолютная уверенность в том, что „философия Маркса есть законченный (курсив мой. — Д.В.) философский материализм“²⁷, последняя вершина, единственно верная теория, говорит о догматической ограниченности Ленина. Эта узость проявилась, в частности, наиболее ярко в его труде „Государство и революция“, утопическом прежде всего потому, что автор абсолютизировал некоторые догмы Маркса и Энгельса. Чего только стоят утверждения Ленина, что новый социалистический строй ликвидирует бюрократию, ибо „при социализме все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял“²⁸.

Для Ленина очень много значило, говорится ли о данном предмете, явлении что-либо у основоположников марксизма. С ленинских времен почти до дней настоящих у коммунистов главный аргумент в споре — соответствующая цитата, подходящая к случаю идея, конкретное „указание“ классиков.

Критикуя меньшевика Н.Н.Суханова, Ленин в одной из последних своих работ писал: „Для создания социализма, говорите Вы, требуется цивилизованность. Очень хорошо. Ну а почему мы не смогли сначала создать такие предпосылки цивилизованности у себя, как изгнание помещиков и изгнание российских капиталистов, а потом уже начать движение к социализму? В каких книжках прочитали Вы, что подобные видоизменения обычного исторического порядка недопустимы или невозможны?“²⁹

По Ленину, если в Марксовых „книжках“ это не возбраняется, то можно „исторический порядок“ делать любым.

Ленинский интеллект, что касается теоретического отражения действительности, не был загадочным, ибо здесь властвовали догматизм, одномерность, однозначность марксистских выводов.

„Социализм“, созданный Лениным, даст наиболее универсальную — тоталитарную — форму бюрократии и догматизма. Впрочем, в кое-каких их неистребимых проявлениях Ленин успел убедиться еще при своей жизни. Десятки, сотни его распоряжений о показательных процессах, судах, расправах с бюрократами, „дураками“ не дали положительного результата...

Догматическая узость ленинского интеллекта выразилась и в том, что для него основной социальной общностью

был класс. Он был певцом рабочего класса, хотя отводил ему лишь роль основной силы его партии. Проблема личности, ее прав и свобод всегда стояла у Ленина на третьем — десятом местах. Классовая апологетика доведена Лениным до социального расизма. Свои собственные взгляды Ленин с поразительной настойчивостью внедрял в своей партии, а с ее помощью распространял и в Советской России. „Это и есть, — писал Бердяев, — диктатура мирозерцания, которую готовил Ленин“³⁰.

Эстетическая грань интеллекта Ленина была менее деспотичной. Может быть, она просто стояла дальше от политики, чем правосознание и философия? А может быть, потому что Ленин не чувствовал себя здесь корифеем? Трудно сказать, однако в основном он был более терпим к эстетическому „еретичеству“. Бердяев, возможно, преувеличил, назвав Ленина „отсталым и элементарным человеком“ в искусстве, но в целом был недалек от истины.

Ленин был типичным „потребителем“ искусства с весьма консервативным вкусом. Но круг его знакомства с литературной классикой весьма широк. Естественно, больше всего он цитирует и использует в своих произведениях Чернышевского — более 300 раз! — против, кажется, двух раз Достоевского. Наиболее часто обращается Ленин в своем политическом творчестве к Грибоедову, Крылову, Салтыкову-Щедрину, Гоголю, Тургеневу и всего несколько раз к Пушкину, Лермонтову, как мы уже сказали, Достоевскому, Толстому (хотя есть специальные статьи о нем)³¹.

Ленин читал художественные произведения как политик, ища в них ответа на многие социально-экономические вопросы. Трудно сказать, кто был еще особенно любим Лениным, кроме Чернышевского, но по ряду косвенных признаков можно отнести к ним Некрасова, Успенского, Горького, Салтыкова-Щедрина, Тургенева, Толстого, Гончарова, Писарева. Ленин был даже несколько „старомоден“, отдавая предпочтение классике перед модными для своего времени художниками слова. Неудивительно, что Ленину особенно нравились „Что делать?“ Чернышевского и „Мать“ Горького, в которых исключительно остро поставлены социально-политические проблемы общества при сравнительно невысоком их художественном воплощении.

Ленин наиболее близок лично был к Горькому, хотя именно этот писатель в 1917—1918 годах особенно остро и резко критиковал лидера большевиков. В это время автор „Матери“ печатал в петроградской газете „Новая жизнь“ свои публицистические статьи. Всего под рубрикой „Несовременные мысли“ Горький успел опубликовать в газете сорок восемь статей. Часто они были открытой полемикой между большевистской „Правдой“ и „Новой жизнью“, пока в июле 1918 года газета, где сотрудничал Горький, не была закрыта по распоряжению Ленина. Это и понятно, ибо Горький уже после октябрьского переворота писал, например, 7(20) ноября 1917 года: „...Ленин и соратники его считают возможным совершать все преступления, вроде бойни под Петербургом, разгрома Москвы, уничтожения свободы слова, бессмысленных арестов — все мерзости, которые делали Плеве и Столыпин“. Здесь же Горький резюмирует: „Вот куда ведет пролетариат его сегодняшний вождь, и надо понять, что Ленин не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата“³².

Конечно, все эти статьи в „Новой жизни“, как и многие другие, изданные в то же время, не вошли в тридцатитомное собрание сочинений писателя. Разве могли позволить большевики, чтобы заявление Горького, подобное тому, что он сделал в год смерти Ленина, стало известно советскому читателю? А оно таково: „Вероятно, при Ленине перебито людей больше, чем при Уоте Тайлере, Фоме Мюнцере, Гарибальди“³³.

Но с начала 20-х годов Горький меняет тональность в отношении Ленина. Писатель, почувствовав, что власть устояла, не может обойтись без помощи ее и лично Ленина. Так, например, в апреле 1919 года он обратился к Председателю Совнаркома, прося освободить левую эсерку Н.А.Шкловскую — секретаря А.А.Блока (спустя полгода после просьбы ее выпускают); в сентябре 1920 года Горький лично встречается с Лениным, в сентябре следующего года бьет челом перед Лениным по поводу разрешения выезда за границу известного издателя З.И.Гржебина... Эти просьбы и встречи не прошли бесследно: Ленин обладал сильной духовной „радиацией“. Скоро Горький станет почти ручным.

Ленин лично, повторюсь, смотрел на литературу и искусство как потребитель. Но как лидер партии видел в них мощный инструмент политического влияния. Может быть, поэтому он враждебно относился к футуризму, другим модернистским течениям и школам в искусстве? Но почему он одно время ратовал за ликвидацию оперы и балета? Может быть, тоже потому, что не видел, как артисты Большого театра будут вдохновлять отряды по подразверстке? Ведь известно его высказывание об опере и балете как „придворном искусстве“, далеком от народа.

Ум этого человека, иногда способный восхищаться музыкой, поэзией, тем не менее главное предназначение искусства видел в развитии „лучших образцов, традиций, результатов *существующей* культуры с точки зрения мирозерцания марксизма и условий жизни и борьбы пролетариата в эпоху диктатуры“³⁴. Так он изложил задачи Пролеткульта в проекте резолюции, подготовленной им. По сути, для него культура и искусство ценны лишь с точки зрения их полезности марксизму. Надо ли говорить, сколь ограничен этот подход.

По поручению Политбюро Бухарин готовился выступить в октябре 1920 года на съезде Пролеткульта. Ленин предложил в своей записке взять за основу следующий политический алгоритм:

1. Пролетарская культура=коммунизм
2. Проводит РКП
3. Класс—пролетариат=РКП=Советская власть.

Так мыслил этот человек. Мощный ум был односторонен, узок и ничем не хотел обременять себя, кроме политики, марксизма, диктатуры пролетариата, классово́й борьбы, революции, схваток с оппортунизмом, либерализмом, буржуазией...

Интеллект и религия. Не верится, что Ленин даже в детстве был верующим человеком. Г.М.Кржижановский утверждал, что Ленин якобы рассказывал ему, „что уже в пятом классе гимназии резко покончил со всяческими вопросами религии: снял крест и бросил его в мусор...“³⁵.

Думаю все же, что это произошло позже. Нельзя забывать, что отец и мать Ульянова были глубоко религиозными

людьми, но не были фанатиками веры³⁶. Тем более что гимназия требовала посещения церкви, исполнения многих ее обрядов. Но в послегимназические годы Ленин уже был убежденным атеистом. Как и почему мог произойти столь решительный перелом в условиях, когда религия в обществе была важнейшей духовной пищей многих людей?

Трудно ответить на этот вопрос однозначно. Это еще одна тайна ленинского интеллекта. Но, думаю, решающее значение вновь имели семейные события: смерть отца и брата, которых, несмотря на долгие молитвы матери, не удалось спасти, свое исключение из университета, а главное, раннее приобщение к материалистической литературе.

Многие биографы и люди, встречавшиеся с Лениным, отмечают огромную „физическую силу“ его ума. Может быть, потому что он обычно подавлял оппонента в споре своей абсолютной неуступчивостью; возможно, производила впечатление бескомпромиссность его суждений, одномерная, почти фанатичная убежденность. Так это или нет, но очень многие (и не без оснований) стали усиленно подчеркивать силу ленинского ума формой облика его головы. А.В.Луначарский отмечает, что „строение черепа Владимира Ильича действительно восхитительно. Нужно несколько присмотреться к нему, чтобы оценить эту физическую мощь, контур колоссального купола лба и заметить, я бы сказал, какое-то физическое излучение света от его поверхности“³⁷.

Мы с вами не видели Ленина живым и не можем утверждать, что купол лба „излучает свет“. Перед нами пятьдесят пять томов его собрания сочинений, сорок томов ленинских сборников, тысячи неопубликованных документов, тысячи апологетических книг, написанных о нем, и малая горстка книг беспристрастных и честных. А главное, что дает нам писательское право судить об интеллекте Ленина, — его деяния. По его чертежам и планам.

Все же я бы выделил главное в уме этого человека: **идея силы и воля к власти**. Революция была главным средством достижения власти, которая могла быть только диктатурой. Поразительная по уникальности комбинация рациональных, эмоциональных и волевых компонентов сознания сформировала ум человека не только одержимого идеей революцион-

ного переустройства мира, но и способного политически и организационно осуществить, сделать все для ее претворения в жизнь. Да, можно говорить, что ленинская власть — выкидыш первой мировой войны. Но Ленин смог его ожить. Коммунизм — идея западная, не прижившаяся нигде. Ленин силой привил ее в России, не остановившись перед столь страшными потрясениями, которые делают саму цель ничтожной.

В ленинском сознании политика была обособлена от морали. Это одна из глубинных причин трагедии не только этого человека, но и великого народа, который насильно повела исторической тропой ленинизма.

Ленин, тем не менее, не мог выйти из мира нравственности, где извечно борются Добро и Зло.

„Роковой человек“

Так назвал Ленина Бердяев, давая ему оценку с моральной стороны. „Добро было для него все, что служит революции, зло — все, что ей мешает. Революционность Ленина, — писал великий мыслитель, — имела моральный источник, он не мог вынести несправедливости, угнетения, эксплуатации. Но, став одержимым максималистической революционной идеей, он в конце концов потерял непосредственное различие между добром и злом, потерял отношение к живым людям, допуская обман, ложь, насилие, жестокость. Ленин не был дурным человеком, в нем было и много хорошего. Он был бескорыстный человек, абсолютно преданный Идее, он даже не был особенно честолюбивым и властолюбивым человеком, он мало думал о себе. Но исключительная одержимость одной идеей привела к страшному сужению сознания и нравственному перерождению, к допущению совершенно безнравственных средств в борьбе. Ленин был человеком судьбы, роковой человек...“³⁸

Я думаю, этот фрагмент из размышлений Бердяева схватывает главное, характеризующее моральную сторону ленинского интеллекта.

Многое в нравственных поступках Ленина труднообъяснимо; это действительно перст судьбы, ее рок. Почему Ленин, проявлявший столько трогательной заботы о своих со-

ратниках и окружении, был способен распорядиться о фактическом лишении представителей „непролетарского класса“ продовольственных пайков в 1918 году, что обрекало тысячи людей на голодную смерть? Неужели Ленин, никогда не имевший личных ценных вещей, не видел или считал нормальным, что под маркой Коминтерна расхищаются, разворовываются в огромных размерах награбленные у русского народа ценности? Почему было потеряно это различие между добром и злом?

Объяснять эти аномалии только конкретной ситуацией, „мятежным временем“, „эпохой крушения“ — слишком однолинейное решение. Ленин был неизмеримо сложнее и противоречивее элементарных схем, объясняющих мотивы его поступков и поведения.

В октябре 1920 года в Москве собрался III съезд Российской Коммунистического Союза Молодежи. В первый же день его работы, 2 октября, к вечеру, перед делегатами выступил Ленин. В этом программном выступлении, которое на протяжении трех дней печатала „Правда“, Ленин коснулся множества вопросов, но остановился особо на вопросах морали. В нашей стране сотни миллионов людей читали, конспектировали, изучали эту речь. В ней есть важные общечеловеческие, но тривиальные моменты, например, о необходимости овладения знаниями, опытом прошлых поколений. Но мы на веру брали (автор книги тоже) абсолютно ложное умозаключение, что есть лишь одна истинная мораль, та, „которая подчинена интересам классовой борьбы пролетариата“. Ленин решительно отменил мораль общечеловеческую, мораль религиозную. Он, по существу, проповедовал мораль социального расизма. Согласиться, что единственно высокая мораль — мораль пролетарская, то есть коммунистическая, ничем не лучше фашистских рассуждений об „арийской морали“.

По сути, Ленин утверждал, что Зло и Грех изначально гнездились в лоне имущих, богатых, властных. Поучая крестьянскую молодежь (их было больше на съезде), которой надо было во всем учиться у пролетариев, Ленин иллюстрирует свои тезисы: „Если крестьянин сидит на отдельном участке земли и присваивает себе лишний хлеб, то есть хлеб, который не нужен ни ему, ни его скотине, а все

остальные остаются без хлеба, то крестьянин превращается уже в эксплуататора“. Любой прибавочный продукт, полученный и не сданный государству, делает крестьянина врагом советской власти.

Ленин в своей речи сформулировал критерий нравственности, заключающийся в ее соответствии задачам построения коммунистического общества³⁹. По сути, и террор, и политические убийства, и церковные конфискации, и концлагеря для инакомыслящих вписываются в нравственные дела, ибо на такой основе и строился коммунизм. Вероятно, это одна из самых глубоких греховностей вождя. Он превратил мораль в политизированное, классовое духовное образование. Как пишет Д. Штурман, „социальная этика Ленина... в этой речи, обращенной к невежественным подросткам, составляющим основную массу комсомольцев начала 20-х годов, целиком укладывается в роковую формулу Гитлера: „Я освобождаю вас от химеры совести“⁴⁰.

Ленин, похоже, полностью утратил „различие между добром и злом“ уже через пару месяцев после октябрьского переворота. Но дело здесь, повторюсь, не только в обстоятельствах момента. Видимо, степень убежденности Ленина в ряде догматов марксизма была столь большой, что они превратились в навязчивые стереотипы мышления, даже подсознательные проявления. Соприкоснувшись с социальной реальностью, эта безбрежная убежденность выразилась в социальном, нравственном фанатизме Ленина. Иначе чем можно объяснить написание страшной статьи — да, страшной — в декабре 1917 года: „Как организовать соревнование?“. Она была для советских людей тоже из перечня „обязательной литературы“.

Я просто приведу несколько фрагментов из этой истерически фанатичной статьи. „...Никакой пощады этим врагам народа, врагам социализма, врагам трудящихся. Война не на жизнь, а на смерть богатым и их прихлебателям, буржуазным интеллигентам, война жуликам, тунеядцам и хулиганам...“

„...Богатые и жулики, это — две стороны одной медали, это — два главных разряда *паразитов*, вскормленных капитализмом, это — главные враги социализма, этих врагов надо взять под особый надзор всего населения, с ними надо рас-

правляться, при малейшем нарушении ими правил и законов социалистического общества, беспощадно“.

Ленин предлагает конкретные формы социалистического контроля: „В одном месте посадят в тюрьму десяток богачей, дюжину жуликов, поддюжины рабочих, отлынивающих от работы... В другом — поставят их чистить сортиры. В третьем — снабдят их, по отбытии карцера, желтыми билетами, чтобы весь народ, до их исправления, надзирал за ними, как за *вредными* людьми. В четвертом — расстреляют на месте одного из десяти, виновных в тунеядстве...“⁴¹

Утрата „различия между добром и злом“ для частного человека может грозить неприятностями лишь для членов его семьи или очень ограниченного круга лиц. Ленинский же фанатизм в трактовке коммунистических догм означал полную вседозволенность в масштабах необъятного государства. Достаточно было заявить: „Именем революции!“, или „По решению Совнаркома!“, или „В интересах пролетариата!“ — и можно было обдирать алтари церквей, отбирать шубы у старой профессуры, заставлять чистить сортиры „буржуазную интеллигенцию“, ставить к стенке тунеядца...

Особенность этой безнравственной грани ленинского интеллекта заключалась в том, что в результате целой системы мер, проводимых в жизнь сонмом комиссаров, она постепенно превращалась в общественную необходимость, а затем и потребность. Ленин формировал новую мораль нации, жесткую в своей нетерпимости, беспощадности, бездумности.

Предписывая жестокие меры по отношению к буржуазии, элементарный бытовой минимум для главных носителей коммунистической морали — пролетариата, Ленин явно благоволил в смысле предоставления материальных благ своему окружению, партийной верхушке. При его приверженности к социальной справедливости он, как ни странно, не видел в этом ничего аморального.

После переезда из Петрограда в Москву большевистские руководители, оккупировав лучшие гостиницы столицы, не удовлетворялись этим. Вскоре партверхушка переехала в Кремль, заняв исторически значимые помещения. Уже в 1918 году началась массовая конфискация для руко-

водства страны подмосковных особняков, принадлежавших бежавшим фабрикантам, купцам, промышленникам, царским сановникам. Кремлевский паек, кремлевские талоны были предметом вожделений функционеров рангом ниже. При крайней нехватке подвижного состава десятки новых вождей обзаводились персональными вагонами и даже поездами.

Ленин, полагая, весьма искренне постоянно интересовался ходом лечения и отдыха своих соратников, слал телеграммы с запросами. Так, Крестинский, отвечая на телеграмму Ленина двумя письмами от 12 и 14 ноября 1921 года, подробно сообщает вождю, как проводят время и лечатся Цюрупа, Розмирович, Рыков, Сокольников, Карахан. Посол пунктуально перечисляет заключения врачей о состоянии печени, желудка больных и даже о лечении геморроя Карахана и Цюрупы...⁴²

Протоколы Политбюро пестрят принятыми решениями об отпусках Томскому, Калинин, Ворошилову, Троцкому, Бухарину, Зиновьеву, Склянскому, Дзержинскому, Сталину, Каменеву, другим руководителям с предоставлением особых льгот и преимуществ отдыхающим. Часто именно Ленин был инициатором „льготных“ отпусков. На заседании Политбюро 28 марта 1921 года, например, решили предоставить Крестинскому отпуск на два месяца с выездом в Германию⁴³. Заметим, в это время в России голодало более двадцати миллионов человек. А в это время Ленин пишет записку Молотову с предложением провести через оргбюро ЦК решения о режиме работы Зиновьева и об организации специального дома отдыха для „ответственных работников“ Петрограда. Ленин требует, чтобы ему регулярно посылали бюллетень о состоянии здоровья Зиновьева.

Именно Ленин положил первые камни в фундамент бюрократического здания, именуемого партийной номенклатурой. Фактически формировался новый класс — верная опора ленинского режима.

Забота Ленина носит явно выборочный характер: прежде всего „ответственные работники“. В дни, когда уже известны факты людоедства в Поволжье, конвульсирующем от ужасного голода, Ленин пишет еще одну записку Молотову с предложением назначить ответственных лиц „для

наблюдения за состоянием здоровья ответственных работников, с еженедельным докладом в ЦК РКП(б)“. Записка написана на оборотной стороне доклада Н.А.Семашко о самочувствии Л.Д. Троцкого⁴⁴.

Видимо, нужно было заботиться о состоянии здоровья и партверхушки, но, когда это приобретает характер какой-то навязчивой идеи, начинаешь сомневаться, что коммунизм предназначался для всех. Внимания высшей партийной коллегии достаиваются и такие вопросы. 5 декабря 1921 года в присутствии Ленина, Троцкого, Сталина, Зиновьева, Молотова, Каменева, Калинина Политбюро обсуждает вопрос „О болезни Н.М.Бухариной“. Решили: „Поручить т.Семашко наблюдать за тем, чтобы Н.М.Бухарина была немедленно отправлена под специальным надзором врачей в Германию на лечение“⁴⁵. Почти через два месяца Ленин запрашивает Берлин, „как идет лечение Бухарина и его жены...“⁴⁶.

Ленин, что касается окружения, успевает следить за всем. Пишет записку Э.М.Склянскому, чтобы тот отдал распоряжение о „прицепе к воинскому поезду вагона Н.И.Бухарина и М.И.Ульяновой, следующего в Крым...“⁴⁷.

Нужно, видимо, было лечить и геморрой Карахана, и Бухарина с его женой, заботиться, чтобы лечащий врач Сталина В.А.Обух передал его пациенту „четыре бутылки лучшего портвейна“⁴⁸, но не покидает ощущение какой-то аномальности этого навязчивого творения Добра посреди тотального Зла. Нищая страна не только взяла на свое полное содержание руководителей быстро возникающих многочисленных компартий, но и не жалеет средств (валюты, золота, отобранных у народа и церкви драгоценностей) для отдыха и лечения многочисленных новых высших сановников и их жен. Радение о благополучии одних ценой жалкого прозябания многих.

На протяжении десятилетий миллионы советских людей считали естественным, что партийная бюрократия свято исполняла этот один из главных заветов Ленина.

„Рокового человека“ нельзя понять, не обращаясь к свидетельствам людей, особенно хорошо знавших Ленина. В начале книги мы возвращались не раз к Н.В.Валентинову, сохранившему для нас в памяти черты раннего Ленина. Не менее интересные наблюдения Л.Д.Троцкого, который с

1917 года стал верным соратником и одним из апологетов Ленина. Я уже как-то писал, что эта апологетика имела и тайную сторону. Троцкий, бывший в революции вторым человеком, был заинтересован поднять Ленина еще выше на историческом пьедестале. Этим самым незаметно как бы поднимался и второй вождь русской революции. Но тем не менее описания Троцкого, бывшего не только превосходным публицистом, но и талантливым психологом, весьма интересны.

Троцкий, выступая 23 апреля 1924 года на вечере воспоминаний о В.И.Ленине, высказал ряд интересных наблюдений, перекликающихся с заключением Бердяева о „роковом человеке“. Троцкий утверждает, что Ленин, „приехавший в революцию“ в апреле 1917 года, был уже „законченный в своем духовном росте как теоретик, как политик, как революционер, как человек. Он был уже целиком и полностью подготовлен к той исключительной, ни с чем не сравнимой исторической роли, которую он сыграл в ближайшие месяцы“.

Троцкий, выступавший без предварительной подготовки на вечере, импровизируя, говорил, что Ленин не мог примириться с тем, что рядом с ним были люди, которые не понимали, что недели решают за годы, а годы за столетия... В нем было „такое большое, могущественное внутреннее клочкотание революционного нетерпения...“⁴⁹.

Троцкий, по существу, утверждает, что Ленин верил в свою избранную роль вождя того великого дела, которое, как выразился оратор, приведет к „перерождению человечества“. Это вера в возможность „величайшего перерождения“ (видимо, понимая под ним изменения) пронизала Ленина насквозь; он был в нравственном смысле „величайшим идеалистом“⁵⁰. Троцкий поясняет, что слово „идеалист“ он использует как символ безграничной веры в революцию и ее „высоты“.

Думаю, что эти замечания усиливают наше нравственное понимание Ленина как фанатика идеи, осененного верой в свою миссию. У Ленина порой было что-то мистическое в отношении конкретных ситуаций. Он очень, очень часто говорил: „Не сделаем этого — погибли“. Так, 10 мая 1918 года писал А.Д.Цюруне: если не организуем беспощад-

ный военный поход на деревенскую буржуазию, „то голод и гибель революции неизбежны“⁵¹. Вскоре пишет телеграмму в Кинешемский совдеп, где предрекает: если не преодолеем неслыханные затруднения, то дело революции „обречено на полную гибель...“⁵². Ленин, веря в свою мистическую прозорливость, без конца подстегивает большевиков угрозой гибели. Обращаясь к молодежи, закликает: „без сознательной дисциплины рабочих и крестьян наше дело безнадежно“⁵³.

И так почти по любому, более или менее серьезному поводу. Но вот что интересно: пророчествуя о возможной гибели, Ленин полон моральной решимости вести караван революции до конца. Любой ценой. Не считаясь с любыми жертвами. Он как бы стал заложником своего мессианского предназначения, ведь он — „роковой человек“.

Еще раз обратимся к Троцкому. В своих весьма интересных и глубоких записках о Ленине он вспоминает, как тот вел себя накануне казавшегося близким краха советской власти. Троцкий спрашивает Председателя Советского правительства:

— А если немцы будут все же наступать?

— А если двинутся на Москву?

— Отступим дальше на восток... Создадим Урало-Кузнецкую республику, опираясь на уральскую промышленность и на кузнецкий уголь, на уральский пролетариат и на ту часть московских и питерских рабочих, которых удастся увезти с собой. Будем держаться. В случае нужды уйдем еще дальше на восток, за Урал. До Камчатки дойдем, но будем держаться. Международная обстановка будет меняться десятки раз, и мы из пределов Урало-Кузнецкой республики снова расширится и вернемся в Москву и Петроград...⁵⁴

Мысленно возвращаясь в прошлое, становится страшно за отечество. Оно было полностью во власти людей, для которых нужна была власть, только власть. Неужели он мог всерьез думать, что уход за Урал означал сохранение его Советов? В мыслях — ни слова о людях, о народе, о судьбах России. Только о власти... Правда, как вспоминают ленинские современники, ему иногда хотелось пожалеть людей.

В известных воспоминаниях А.М.Горького о Ленине

есть фрагмент о том, как Ленин, слушая на квартире Е.П. Пешковой сонаты Бетховена в исполнении Исаия Добровейна, с восхищением отозвался об „Аппассионате“. Но, прищурясь, усмехаясь, он добавил:

— Но часто слушать музыку не могу, действует на нервы, хочется милые глупости говорить и гладить по головкам людей, которые, живя в грязном аду, могут создавать такую красоту. А сегодня гладить по головке никого нельзя — руку откусят, и надобно бить по головкам, бить безжалостно, хотя мы в идеале против всякого насилия над людьми...⁵⁵

По словам Горького, в одной из его бесед с Лениным вождь большевиков заявил:

— Нашему поколению удалось выполнить работу, изумительную по своей исторической значительности. Вынужденная условиями жестокость нашей жизни будет понята и оправдана. Все будет понята, все!⁵⁶

Согласен, со временем понята будет все. Но в отношении оправдания — совсем не уверен. Ведь множество людей и сейчас не осуждают Ленина. Да дело и не в обвинениях или оправдании, а в отношении к той методологии, которой был верен Ленин и которую унаследовали его последователи. Трудно согласиться с человеком, который считает себя *вправе*, насильственно захватив власть, насильственно „осчастливливать“ людей. Будучи фанатиком идеи, по существу, он и его последователи заставили миллионы людей „молиться“ ложной идее. А те, кто был не готов, не хотел, сомневался или просто подозревался в несогласии с „ленинскими идеалами“, безжалостно вычеркивались новыми палачами из жизни. Поэтому принципиально не могу согласиться с ленинской уверенностью, что „жестокость нашей жизни будет понята и оправдана“. Бесчеловечность оправдать нельзя во веки веков, независимо от того, когда она была совершена: во времена императора Нерона или нашествия Чингисхана, в годы правления Ленина или его соратника — „чудесного грузина“.

Ленин, уверовав в свою исключительность и избранность (конечно, никогда и нигде не заявляя об этом), свою „роковую“ деятельность сопровождает выражением полной уверенности в своей политической и исторической правоте.

Достаточно пролистать многочисленные тома переписки, записок, писем, телеграмм, как воочию убеждаешься: Ленин категоричен, как Мессия. Он верит, что его распоряжения единственно верны и спасительны для революции. Его интеллект господствует над умами соратников.

„Н.Т.Горбунову.

Поручаю Вам проверить, на основании каких законов и правил зарегистрировано в Москве, как сообщается в „Известиях“ от 5 февраля, свыше 143 частных издательств, каков личный состав ответственных за каждое издательство...

Переговоры так же секретно о том, в чем состоит и как организован надзор за этим делом со стороны Наркомюста, РКИ и ВЧК. Все строго конфиденциально...“⁵⁷

Если накануне революции Ленин трубил о свободе слова, печати, то теперь считает, что он и его партия могут и должны полностью определять: что люди должны читать, какой информацией пользоваться.

Безапелляционность его суждений в политических делах (а вся жизнь для него была окрашена только в политические цвета) стала со временем чем-то вроде нравственной нормы. Порой создается впечатление, что, „перепутав Добро и Зло“, Ленин видит именно в традиционных добродетелях российского народа угрозу революции. Выступая 23 апреля 1924 года, Троцкий припоминал, что „Владимир Ильич говорил: „Главная опасность в том, что добер русский человек“. И когда отпустили генерала Краснова, кажется, один Ильич был против освобождения, но, сдавшись перед другими, махнул рукой...“⁵⁸.

Это был человек иной морали, не общечеловеческой, не российской, не христианской. Самое интересное, что лидер с новой моралью сделал как бы сам себя. Ничто внешне не указывало, что Ленин не похож на других. Со стороны могло показаться, что это мелкопоместный барин с доходами средней руки. Ленин не любил „общежитий“, „коммун“, как свидетельствовал Валентинов. Он не переносил, когда „окна и двери не запираются и постоянно открыты на улицу“. Он был скрытен. Он не любил, чтоб видели, как он живет. Валентинов пишет, что Ленин, говоря о матери, своих близких, становился сентиментальным. По его свидетельству, вечерами он любил подолгу рассматривать альбом с

фотографиями своих родных. Не любил рестораны, хотя частенько бывал в кафе, но больше тянулся к домашней кухне. Мать в больших количествах слала ему за границу балык, семгу, икру. Жenu и ее мать Ленин никогда не обременял домашними делами — всегда нанимал прислугу. В ссылке, в эмиграции, в России. Ленина это никогда не смущало. Домашние работницы заботились о семье Ленина и после 1917 года (привычка!). Кстати, это стало нормой для всего высшего советского партийного руководства: челяди у них было не меньше, чем у старых царских сановников.

Ленина всегда раздражали бытовые неудобства, необходимость решать множество мелких партийных дел.. Он любил отдыхать. В своем письме И.Арманд, с которой был наиболее откровенен во всех вопросах, отправленном в мае 1914 года, он пишет: „Как я ненавижу суетню, хлопотню, делишки и как я с ними неразрывно связан!! Это еще лишний признак того, что я обленился, устал и в дурном расположении духа. Вообще я люблю свою профессию, а теперь я часто ее почти ненавижу...“⁵⁹

Ленин уже уверовал, что революционер-эмигрант — это „профессия“.

Я никогда не слышал утверждений, что советские диссиденты, вынужденные покинуть СССР и изобличать коммунистический строй из-за рубежа, считали свое гражданское занятие, зов совести профессией.

Для Ленина со временем любимой станет профессия „вождя“, только жаль, что она связана с хлопотами, заботами, склоками...

Ленин любил хорошо поспать, поесть. Любил отдыхать. Письма из-за границы полны упоминаниями, что они „готовятся поехать отдыхать“ или уже где-нибудь отдыхают в горах.

Еще до болезни в Москве Ленин чаще других членов Политбюро брал неделю-другую для отдыха, не любил, когда нарушались его планы в этом отношении. Рукой Сталина написана записка на одном из заседаний высшей партийной коллегии: „Можно ли завтра часов в 12 устроить совещание? Если согласны, сообщу Троцкому. Сегодня уже поздно“. Ленин тут же отвечает: „Нет. Завтра я отдыхаю и уезжаю“⁶⁰.

Даже в ходе гражданской войны и тем более после Ленин отдыхал по несколько раз в году. Иногда это было по его инициативе, иногда по настоянию врачей.

Например, врач Гетье в августе 1921 года пишет в ЦК, что ввиду сильного переутомления Ленина следует „освободить его от всякой обязательной работы в течение не менее месяца, причем срок этот может быть продлен“. Врач рекомендовал „прекратить телефонные переговоры“, „посещение заседаний“ и т.д. Немного позже, в этом же году, Ленин сам берет еще один отпуск, который продлевает затем на две недели, затем еще...⁶¹

Организм вождя, сформировавшийся на протяжении десятилетий в режиме свободной, вольной деятельности, явно давал сбои и не выносил перегрузок. Ленин все чаще и чаще покидал работу и ехал за город.

Ленин, живя за границей, был весьма внимателен к своему здоровью, при каких-либо беспокойствах тут же посещал врачей⁶². В списках зарубежных докторов числятся разные специалисты, в том числе и по нервным болезням.

Ленин был весьма аккуратен. На его рабочем столе всегда был порядок. Не терпел богемных замашек некоторых социал-демократов из России, подвизавшихся за границей. Бросив курить в юности, под влиянием матери, никогда больше не попадал в сети этого соблазна. Более того, не мог терпеть курение в своем присутствии.

В его жизни было немного случаев, когда среди его знакомых назревал конфликт, чреватый дракой. Ленин всегда тут же уходил. Был страшно осторожен, лично никогда не рисковал. После приезда в Москву у него всегда была постоянная охрана. После покушения — резко усиленная⁶³. Как вспоминал Троцкий, у Ленина было твердое убеждение, что руководство должно быть „неприкосновенным“, не допускать в отношении себя никакого риска⁶⁴.

В воспоминаниях его современников, соратников облик „зарубежного“ и „российского“ Ленина предстает как очень „правильный“; это человек без каких-либо внешних аномалий: трезвенник, уравновешен, пунктуален, рассудочен. Даже немногие увлечения у него были обычными. Например, охота. Правда, по приезде в Россию лишь несколько раз Ленину удавалось выехать с ружьем в лес.

На одном из заседаний Совнаркома в марте 1922 года Е.Преображенский написал записку Ленину, интересуясь его успехами на последней охоте: „Владимир Ильич! Говорят, Вы имели сногшибательные успехи на заячьем фронте?“ Ленин тут же ответил: „Неуспех. За весь отдых ни одного выстрела! Увы!“⁶⁵ Может быть, Председатель Совнаркома в этот момент вспомнил, что „сногшибательные успехи на заячьем фронте“ он имел лишь в Шушенском, в сибирской ссылке. Надежда Константиновна вспоминала, что „позднею осенью, когда по Енисею шла шуга (мелкий лед), ездили на острова за зайцами. Зайцы уже побелеют. С острова деться некуда, бегают, как овцы, кругом. Целую лодку настреляют, бывало, наши охотники“⁶⁶. Крупская явно подает эти охотничьи детали как некие доблести Ильича, от которых сегодня, право, становится как-то не по себе.

Ленин был многолик. С одной стороны, заботливый семьянин, регулярно посылающий многочисленные письма с неизменным обращением: „дорогая мамочка“, „дорогая Маняша“, „дорогой Митя“, „дорогая Анюта“. Заботливый товарищ, предписывающий Сталину больше „отдыхать, не вставая“, а для Рыкова устанавливает решением Политбюро „молочную диету“; не гнушается вопросом — как с геморроем Карахана. Аккуратист, любящий все земное в меру, очень ценящий свое здоровье и спокойствие.

И с другой стороны — человек, исподволь готовивший себя к роли вождя, лидера революции, руководителя нового государства. Троцкий писал, что „с момента объявления Временного правительства низложенным, Ленин систематически и в крупном, и в малом действовал как правительство“⁶⁷. Его совсем не заботило, что народ никогда не уполномочивал большевиков руководить Россией и лично его — возглавлять правительство. С захватом власти в нем сразу проснулись, рельефно проявились как бы дремлющие черты его морального облика: максимализм, беспощадность, непреклонность, решимость, готовность пожертвовать всем во имя власти.

Трудно в человеческой истории найти еще одного такого революционера, который был готов поставить на карту существование огромной империи, великого государства во имя достижения его кланом власти. Ленин чувствовал при-

звывая собственной судьбы и в этом смысле, прав был Бердяев, являлся „роковым человеком“. Но роковым он оказался и в смысле нанесения народам России гигантского духовного и физического шрама, который никогда полностью не зарубцуются.

Ленинский интеллект был крошечной моделью, превосхитившей гигантскую Систему, которая в течение семи десятилетий безуспешно пыталась стать планетарной.

Пророк Коминтерна

Это был обычный из тех напряженных, наполненных до краев заботами дней, когда Ленин не болел или отдыхал, а трудился у себя в Кремле. Обычный день 23 июля 1920 года. Наряду с внутренними вопросами — заседание Политбюро ЦК, заседание Совета Труда и Оборона, груды бумаг из правительства, ВСНХ — множество дел пришлось решать и по линии международной. Вот донесение А. Аксельрода о положении в Туркестане и в сопредельных странах, инструкции Н.С. Тихменеву на ведение переговоров с правительством Финляндии, бумаги по Польше и Англии, много денежных документов.

Но главное международное „дело“ в этот день — Ленин вечером председательствует на очередном заседании II Конгресса Коминтерна, несколько раз выступает там как председатель, слушает речи ораторов⁶⁸.

В его мозгу отчетливы оттиски картин нарастания революционного процесса во многих странах мира, создания новых коммунистических партий, подъяема международной поддержки того великого дела, которое начал он и его партия... Возможно, он ощущал внутренние токи циркуляции планетарной революционной энергии, подсознанием уже слышал мерную поступь пролетарских батальонов на всех континентах. Красно-красные стяги уже вздымаются во многих столицах... Еще три года назад нельзя было и подумывать обо всем этом. Невероятно! Фантастично! Но ведь он еще в июле 1918 года в статье „Пророческие слова“ написал: „В чудеса теперь, слава богу, не верят. Чудесное пророчество есть сказка. Но научное пророчество есть факт“⁶⁹.

Надвигающаяся мировая революция — не сказка. Это завтрашний факт нашей действительности.

Так мог думать лидер не только российских большевиков, но и, как писали, „вождь всего мирового пролетариата“. Находясь под впечатлением заседания Конгресса Коминтерна, донесений с мест, собственно анализа, а самое главное — успешного наступления Красной Армии на Варшаву, вечером 23 июля 1920 года Ленин отправляет шифровку в Харьков, Сталину:

„Положение в Коминтерне превосходное. Зиновьев, Бухарин, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может, также Чехию и Румынию. Надо обдумать внимательно. Сообщите ваше подробное заключение. Немецкие коммунисты думают, что Германия способна выставить триста тысяч войска из люмпенов против нас.

Ленин⁷⁰.

Именно к этому времени уже было принято решение, или, как писал Троцкий, „мы шли на риск — на этот раз по инициативе Ленина — прощупывания штыком буржуазно-шляхетской Польши“⁷¹. Ленин в сентябре того же, 1920 года скажет откровеннее: наступлением на Варшаву „мы поможем советизации Литвы и Польши“, революционизированию Германии. Правда, во время этих своих откровений в политическом отчете на IX конференции РКП(б) Ленин бросит в зал: „Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать“⁷². Но даже неудача в Польше, говорил в заключительном слове Ленин, не должна остановить нас: „Мы на этом будем учиться наступательной войне. Будем помогать Венгрии, Италии, „рискнем таким образом, что с каждым удвоенным шагом будем помнить, где остановиться“⁷³.

Все это было попыткой реализовать свое пророчество. Он верил в мировую революцию. Ленин, правда, не любил особо распространяться о своих просчетах и грубых ошибках.

Марш на Варшаву и дальше к границам Германии был предпринят по его личной инициативе. По его решительному настоянию. Но он никогда публично не говорил о том, что своим решением страшно унижил Россию — огромное государство, которое в результате крупного поражения под Варшавой было вынуждено выплатить стране, в несколько раз меньшей, крупную контрибуцию. Фактически бывшая

империя проиграла своей бывшей провинции. Но даже здесь большевики не смогли действовать достойно. Когда пришло время делать первый взнос по контрибуции, Москва решила выплатить его драгоценностями, в несколько раз, однако, зависив их реальную стоимость, то есть пошла на тривиальный обман...

Чичерин, узнав реакцию Варшавы, тут же сообщил Ленину и Политбюро:

„Мы обязались и должны уплатить Польше первого ноября 10 млн. рублей золотом и бриллиантами. Те бриллианты, которые мы передали, оценены польскими экспертами в 2,5 млн. руб. золотом. Больше у нас нет готовых к передаче камней. Поляк Ольшевский предупреждает, что такое уличение нас в столь чудовищной ложной оценке будет широко использовано прессой... мы будем чудовищно скомпрометированы.

Другой исход — уплатить немедленно разницу золотом, но выбросить 7,5 миллиона золотом — слишком тяжело.

Еще исход: постараться немедленно собрать недостающие камни. У нас камней много, но они не подобраны и не оценены... Нет людей... Бывший директор ссудной кассы Левицкий — в тюрьме. Александров, оценщик, — тоже в тюрьме. Нужно постановление Политбюро, чтобы поместить их в нормальную обстановку...“⁷⁴

Ленин согласен. Но он, судя по всему, не чувствует угрызений совести за польскую авантюру. Ему не жаль многих тысяч напрасных жертв, миллионов народных денег, пожертвованных благодаря его революционной прихоти...

Никто в ленинском государстве не выяснил до конца судьбы красноармейцев, оказавшихся в плену у армии Пилсудского. По имеющимся данным, их было более 30 тысяч... Куда делись эти люди? Не является ли это польской Катанью? На эти вопросы спустя и десятки лет нет ясного ответа, а советское руководство никогда не пыталось высветить истину, предпочитая отрицание.

Так закончилась эта авантюристическая попытка Ленина прямым штурмом реализовать свое пророчество: возгорание европейского революционного пожара.

Еще скрываясь в Разливе и Гельсингфорсе, Ленин в своем труде „Государство и революция“ предрекал, что как

только „все научатся управлять“, осуществлять учет, контроль за мерой труда и потребления, то „тогда будет открыта настежь дверь к переходу от первой фазы коммунистического общества к высшей его фазе, а вместе с тем к полному отмиранию государства“⁷⁵. Правда, опасаясь ареста, Ленин не был еще слишком смелым в своих пророчествах, отмечая, что „вопрос о сроках“ этих чудесных превращений он оставляет „совершенно открытым“, ибо „материала для решения таких вопросов нет“⁷⁶.

Через два года Ленин уже назовет и вполне конкретные сроки „расцвета коммунизма“. Выступая на Красной площади 1 мая 1919 года с речью, вождь обещал приход коммунизма для еще ныне живущих поколений. Эта уверенность не иссякла у Ленина и через полтора года, когда он выступал на III съезде РКСМ.

Ленин не узнает, к сожалению, что его прогнозы о „расцвете коммунизма“ придутся как раз на 1937—1939 годы — апофеоз исторической бесчеловечности. Ленин прямо не повинен в злодеяниях сталинского периода, который, как он считал, будет „коммунистическим“, но его личное авторство в строительстве предпосылок полицейской системы неоспоримо.

Официальная мысль советского марксизма традиционно и неизменно именовала Ленина пророком. В сотнях, тысячах фолиантов утверждалось, что жизнь в XX столетии „развивается по Ленину“. Это был один из важнейших атрибутов доказательства гениальности вождя. Но официально историки и философы никогда не задумывались над тем, что ни один эпохальный прогноз Ленина не оправдался. Ни один!

Гибель капитализма? Никто всерьез давно уже не говорит об этом. Более того, многие „капиталистические страны“ создали у себя такой „социализм“, о котором не мог мечтать и Ленин. Если бы, допустим, поднялся Карл Маркс и побывал, например, в Штутгарте и Чите. А после этого его спросить: где „его“ социализм создан? Ответ очевиден.

Торжество всемирной революции, создание мировой Советской Федерации? Эта идея, перевоплощаясь в новейшие модификации, долго жила, но тихо скончалась под натиском совершенно других реалий, о которых не пророчествовал Ленин.

Победа коммунизма во всемирном масштабе? Сегодня это предсказание стоит в одном ряду с наивными пророчествами Сен-Симона, Оуэна, Фурье, Кампанеллы. Ленин оказался полностью, абсолютно несостоятельным как пророк эпохальных перемен. Его цель, как сердцевина социально-политического прогноза, оказалась совершенно утопической.

Лжепророчества Ленина не случайны. Ведь классовой истины нет. Есть классовая ложь. Истина общечеловечна.

Стоит вместе с тем отметить, что порой лидер большевиков высказывал верные суждения, касаясь возможностей конкретного прогнозирования событий. Ему принадлежат слова: „...попытки учесть наперед шансы с полной точностью были шарлатанством или безнадежным педантством“⁷⁷. Трудно возразить что-либо против этого трезвого суждения. Но как это увязать, например, с определением Лениным точных сроков явления народу коммунизма?

Особенностью Ленина как теоретика как раз и является глубокая противоречивость и слабая аргументированность собственных суждений. Этим наследие и оказалось чрезвычайно удобным для его последователей: по любому поводу можно было найти подходящую цитату, соответствующее „ленинское указание“, диаметрально противоположные тем, что использовались ранее. Ленин нередко и в общих рассуждениях прогнозирует в полной конкретности: „...социализм сократит рабочий день, поднимет массы к новой жизни, поставит большинство населения в условия, позволяющие *всем* без изъятия выполнять „государственные функции“, а это приводит к полному отмиранию всякого государства вообще“⁷⁸. Но, высказав совершенно ясный и детальный рецепт, через некоторое время Ленин говорит другое: „Мы не претендуем на то, что Маркс или марксисты знают путь к социализму во всей его конкретности. Это вздор...“⁷⁹ Поэтому, если бы последователи были щепетильны и пунктуальны в своей научной добросовестности, им бы пришлось нелегко, используя те или иные ленинские рецепты: весьма трудно отличить „мудрое указание“ от „вздора“.

Наиболее полное выражение пророческих „способностей“ Ленина было проявлено по отношению к феномену мировой революции. Эта полнота связана с его беспрецедентными усилиями по реализации сделанного им прогноза, выдвинутой цели.

Прежде всего для мировой революции нужен был и мировой инструмент. Кроме РКП в Европе существовала только компартия в Германии, остальные находились в стадии зарождения. По указанию Ленина Чичерин обратился по радио ко всем коммунистам Европы и Азии прибыть в Москву на конференцию. Эхо призыва было ничтожно слабым. На него некому было обращать внимания. Удалось уговорить принять участие в конференции нескольких военнопленных, находившихся в России, приехал Эберляйн из Германии, еще некоторые довольно случайные люди. Около недели кучка людей, похожая вначале на наивных заговорщиков, едва перевалившая за три десятка человек, спорила: как себя конституировать? Было решено, что „интернациональная коммунистическая конференция создает Третий Интернационал“. Манифест подписали 17 делегатов, в основном люди совершенно неизвестные и, повторюсь, случайные. Ленин поставил главную задачу новому Коминтерну: борьба за мировую диктатуру пролетариата.

С первых же дней эфемерная организация стала прикрытием и средством деятельности РКП на международной арене. Зиновьев, назначенный Политбюро руководителем новой организации (конечно, затем одобренный и делегатами КИ), занимался безответственной демагогией. Сколько раз он заявлял, что победа коммунистической революции в Европе обеспечена, что красные флаги Советов в ближайшее время будут развеиваться на всех континентах!¹⁸⁰ Свою главную задачу Зиновьев вначале видел в форсировании приготовлений к вооруженному восстанию там, где „зреет революционная ситуация“. Но где это и удалось сделать, как, например, в 1921 году в Германии, путчи и заговоры оканчивались полной неудачей. Пока в Германии полиция и войска ловили дружно разбежавшихся заговорщиков, Зиновьев на трибуне в Москве исступленно кричал: „Вооружайтесь, германские пролетарии! Всюду, где только можете достать оружие, берите его в свои руки! Стройте Советы! Стройте Красную Армию! Да здравствует пролетарская революция в Германии и во всем мире!“

То было коммунистическое донкихотство. Недоучка Г.Е. Зиновьев стремился создать на Политбюро впечатление, что

„дрожжи мировой революции“ уже давно бродят в основных странах капитала...

А между тем в ЦК РКП готовили программы для новых партий, формулировали „21 условие“ для приема в Коминтерн⁸¹, слали чемоданами золото, драгоценности в Германию, Италию, Венгрию, Персию, Индию, Китай, другие страны, чтобы „тесто“ мировой революции разорвало буржуазный сосуд. Ленин, как и накануне октября 1917 года, придавал исключительное внимание организационным вопросам. Ведь теперь предстояло власть большевиков распространить на весь мир!

Большевистское руководство фанатично верило в то, что стоит зажечь факел мировой революции в России, как ветхое здание человеческой цивилизации, как старый деревянный сарай, быстро займется багровым пламенем. Выступая в первую годовщину основания III Интернационала на торжественном заседании Моссовета 6 марта 1920 года, Ленин заявил, что „можно *ручаться* (курсив мой. — Д.В.), что победа коммунистической революции во всех странах неминуема...“. Вождь большевиков закончил свою речь под аплодисменты: „...победа Коммунистического Интернационала во всем мире, и в срок не чрезмерно далекий — эта победа обеспечена“⁸². Нужно было обладать поразительной близорукостью и безответственностью, чтобы делать эти хлестаковские заявления.

Большевики, создав Коминтерн и установив за ним полный контроль, решили, что с его помощью они могут не только контролировать революционную ситуацию, но и, главное, создавать ее. Для этого Ленину пришлось с самого начала взвалить финансовое бремя по функционированию „всемирной коммунистической партии“ (так первое время говорили многие вожди) на плечи разграбленной, голодной, полужадушенной большевиками Советской России. Еще до I Конгресса Коминтерна в марте 1919 года ЦК 8 октября 1918 года решил „образовать бюро РКП“ по „заграничной работе“ в составе Балабановой, Воровского, Бухарина и Аксельрода⁸³. Это дало основание Ленину заявить в мае 1919 года, что Третий Интернационал фактически создан в 1918 году, когда были образованы коммунистические партии в ряде стран⁸⁴, что, в свою очередь, потребовало координации их усилий.

Все финансовые средства на поддержку нужных организаций шли через это бюро, которое в начале 1919 года возглавил Зиновьев. Но на первых порах Народный комиссариат иностранных дел осуществлял также некий патронаж за деятельностью бюро. Дело в том, как писал известный советский дипломат А.А.Иоффе, что „ставка на мировую революцию, хотя бы и явно запаздывающую, была краеугольным камнем всей ленинской тактики во время Бреста и после него“⁸⁵. Но скоро Политбюро вывело международные коммунистические дела из ведения Наркомата иностранных дел. Это стало возможным после демарша председателя Президиума Коммунистического Интернационала. Зиновьев взбунтовался против опеки Наркомата иностранных дел, написал Ленину о „ревности“ Чичерина, и бюро получило финансовую самостоятельность.

Подчиненное финансовое положение этой международной организации российскому ЦК большевиков сразу же сделало ее полностью послушным орудием их планов. Политбюро ЦК РКП решало практически все: где и когда проводить Конгресс Коминтерна, какие вопросы на нем обсуждать, какое обращение принять на том или ином заседании Политбюро с участием Ленина, решало даже такие мелкие вопросы: выделить ли дополнительно 12 пайков в распоряжение Радека для „обслуги“ делегатов; предписывало Енукидзе совместно со Склянским и Брюхановым „подтянуть питание“ участников конгресса, улучшить снабжение рабочих типографии III Интернационала и многие другие второстепенные и рутинные вопросы⁸⁶.

Уже с самого начала с Коминтерном установили тесные связи органы ГПУ, возникшая советская зарубежная разведка. Устанавливались контакты с секциями Коминтерна, финансировались конкретные операции, готовились личные документы, вербовались кадры. Вот, например, управляющий делами ИККИ Д.Блейк пишет записку в Политбюро ЦК РКП 24 ноября 1920 года „О нелегальной технике“, где ставит вопрос о недостающих в ИККИ иностранных бланках, фотобумаге, соответствующих материалах. В числе других Блейк ставит вопрос и о том, что „технический персонал с их семьями должен быть обеспечен из конспиративных средств

Коминтерна". Ленин, прочитав записку, прежде чем передать по назначению, пишет: „О конспирации — доклад Блейка. Секретно“⁸⁷.

Функционируют не только национальные секции Коминтерна, озабоченные ростом своих компартий, пропагандистской работой в собственных странах, но и аппарат этой международной организации, занимающейся налаживанием конкретных политических акций в различных регионах: инициированием стачек, демонстраций, протестов, восстаний. Политбюро под „крышей“ Коминтерна создает за рубежом многочисленные опорные базы. Пример:

Из Туркестана представитель ЦК Гопнер просит через Карахана (зам. наркома иностранных дел) уточнить в Политбюро:

1. Санкционируете ли Вы организацию индусской базы в Туркестане (в полном согласии с Туркбюро ЦК РКП).
2. На чье имя мне передать 2 000 000 рублей золотом?⁸⁸

Ленин, соглашаясь и отдавая устное распоряжение по запросу, лишь расписывается (почему—то красными чернилами) на документе.

Пока бюджетное снабжение Коминтерна еще не организовано (а вскоре его будет финансировать не только ЦК РКП(б), но и ОГПУ — для своих „конспиративных целей“), непосредственные решения по финансированию часто принимает лично сам Председатель Совнаркома.

К нему обращается, например, Эйно Абрамович Рахья, тот самый, который обеспечивал конспирацию Ленина летом 1917 года и был его связным. Теперь он один из руководителей компартии в Финляндии. От имени ЦК ФКП просит отпустить для ее внутренних нужд драгоценностей на сумму 10 миллионов финских марок. Ленин (вновь красными чернилами) — „Согласен“⁸⁹.

Подобных материалов к Ленину поступает великое множество. Например, ему докладывают о письме из Бенгалии (Индия), поступившее по каналам Чичерина. Доброжелатель Коминтерна, страстно желающий мечту Ленина о мировом революционном пожаре превратить в действительность, пишет, чтобы ему быстрее прислали денег и литературу для подготовки низвержения англичан. „Прошу Вас передать мой привет всем храбрым товарищам, которые так мужественно

бьются за освобождение человечества: Ленину, Троцкому, Чичерину.

Вирендранат Чаттопадиа“.

Отдел Востока в ЦК делает приписку на документе: „Если мы думаем серьезно заняться революционизированием Индии, то ставка должна быть сделана на немусульманскую Индию... Что касается денежных фондов, о которых говорит Ч., то для этого он, как бывший долго на немецком содержании, несомненно развращен европейской жизнью“⁹⁰.

Таких „революционеров“, которым были нужны лишь русские деньги, русское золото, было немало. Многие на этом поприще весьма преуспели.

Сделаем небольшое отступление. Деньги в Москве выдавались разным лицам сотнями тысяч, миллионами рублей (золотом), долларами, фунтами, марками, лирами, кронами и т.д. Разбазаривались царские золотые запасы, награбленное золото у церкви, добро, конфискованное у буржуазии. По-моему, никогда точной отчетности в ИККИ с делами нелегальными в то время не было заведено. В этом смысле интересна, например, переписка между Сталиным, Зиновьевым, с одной стороны, и Литвиновым (заместитель наркома иностранных дел), Пятницким (зав. валютной кассой ИККИ) по поводу „уплывших“ денег через руки уполномоченного Наркоминдела Карло (Любарского). Как явствует из докладных, из 750 000 лир, полученных для передачи итальянской компартии, он вручил ей лишь 288 000, куда-то истратил 124 487 тысяч чешских крон, крупную сумму в английских фунтах и т.д. Литвинов предлагает Любарскому объявить выговор, а Пятницкий строже: освободить от работы...⁹¹

Не вникая в тонкости этого заурядного дела (каких было немало), можно предположить, что нашлось немало людей, которые политическое рвение большевистских вождей в их стремлении пришпорить историю не без успеха использовали для собственных, далеких от революционных идеалов и целей.

Ленин не просто пророчествовал, он делал все, чтобы они, эти пророчества, стали явью. Делаются попытки радикализировать влияние Коминтерна на ситуацию в ряде стран, особенно на Востоке. Карахан вносит, например, предложение о регулярной отправки коминтерновских агитаторов в

целый ряд стран Востока с установлением точных размеров денежных премий за эти „командировки“. При этом, борясь за коммунистическую идею, желали, однако, не морального, а реального вознаграждения. Карахан посылает документ, конечно „совершенно секретный“, Ленину:

„Представление об отпуске Народному комиссариату по иностранным делам 200 000 рублей на поддержку рабочих организаций Востока, посылку агитаторов для целей пропаганды на Востоке, на первую четверть года, январь—март 1919 года“.

„...Стоимость каждого агитатора с премией при возвращении определяется: Северный Китай и Корея — 10 тыс. рублей; Южный Китай — 20 тыс. рублей. Такие же командировки предполагаются в Персию и Индию...“⁹² Как видим, до образования Коминтерна функцию распространения революционных идей выполнял НКВД.

Ленин с самого начала стремился придать Коминтерну строгие организационные формы. Ведь смог же он силами сравнительно небольшой партии захватить власть в России! Если удастся создать такую же дисциплинированную и централизованную международную организацию мирового масштаба, то его пророчество о „неизбежности“ и „обеспеченности“ мировой революции будет достигнуто.

По поручению Ленина Троцкий написал „Манифест II Конгресса Коммунистического (III) Интернационала“. Ленин, ознакомившись с текстом, одобрил его. В стиле, типичном для Троцкого, „Манифест“ стрелял революционными фразами:

„...Нужно убить империализм, чтобы род человеческий мог дальше жить“.

„...Запоздалый германский парламентаризм, выкидыш буржуазной революции, которая сама есть выкидыш истории, страдает в младенчестве всеми болезнями собачьей старости“.

„...Коммунистический Интернационал есть международная партия пролетарского восстания и пролетарской диктатуры“.

„...Советская система есть классовый аппарат, который в борьбе и посредством борьбы должен упразднить парламентаризм и заменить его собой...“⁹³

В этих нескольких фразах — цели большевиков и стратегия их международной политики. Фантастически легкая победа в октябре 1917 года вызвала у большевиков эйфорию и породила внутреннюю уверенность в том, что самые авантюрные планы могут в конечном счете продвинуть их к желанной цели.

Особое место в размышлениях и практических шагах большевистских руководителей в направлении инициирования мировой революции занимает проблема армии в революционной борьбе, вопросы военного дела, пути повышения эффективности политических шагов с помощью вооруженного насилия.

Троцкий, пожалуй, главный герой гражданской войны, уже после смерти Ленина в мае 1924 года выступал в Академии РККА. Лейтмотивом речи Троцкого был тезис о необходимости готовить гражданскую войну в мирное время! А для этого следует разработать „Устав гражданской войны“, который позволит полнее учесть роль двух факторов: „вооруженное вторжение извне и гражданская война изнутри“. При этом Троцкий призывал постоянно учиться ленинизму, который определяет политическую установку борьбы⁹⁴. По существу, отмечая „отлив“ революционного напора, Троцкий тем не менее предлагал более тщательно готовиться к грядущим боям.

С образованием Коминтерна — „партии пролетарского восстания и пролетарской диктатуры“ — казалось: важно лишь дать мощный начальный импульс и дело пойдет.

Во время работы VIII съезда РКП(б) в марте 1919 года по радио поступило, с ликованием встреченное делегатами, сообщение об образовании Венгерской Советской Республики. Овации сотрясли зал. Съезд поручил Ленину немедленно послать в Будапешт горячее приветствие. Так было и сделано. В приветствии, в частности, говорилось: „Наш съезд убежден в том, что недалеко то время, когда во всем мире победит коммунизм. Рабочий класс России всеми силами спешит к вам на помощь... Да здравствует международная коммунистическая республика!“⁹⁵

Менее чем через месяц приходит еще одно радостное сообщение: в Баварии пришло к власти правительство во главе с коммунистом Евгением Левине. Оно сразу же приступи-

ло к решению неотложных задач диктатуры пролетариата: национализации банков, созданию Красной Армии, введению восьмичасового рабочего дня, вооружению пролетариата, изоляции буржуазии.

Ленин также шлет приветствие и в Мюнхен, более похуже, однако, на инструкцию: „...вооружили ли рабочих, разоружили ли буржуазию, удвоили или утроили плату батракам и чернорабочим, конфисковали ли всю бумагу и все типографии... уплотнили ли буржуазию в Мюнхене для немедленного вселения рабочих в богатые квартиры... взяли ли заложников буржуазии... мобилизовали ли рабочих поголовно и для обороны, и для идейной пропаганды в окрестных деревнях?“⁹⁶.

Ленин был уверен, что европейская революция началась. Лишь бы революционное пламя занялось в Германии! Это самое главное! Тогда костер из нескольких революций, вспыхнувших одновременно, не потушить никому. Не случайно Троцкий заявлял, что „Советская Германия, объединенная с Советской Россией, оказались бы сразу сильнее всех капиталистических государств, вместе взятых!“⁹⁷.

Ленин энергичен, напорист, возбужден. Его эмиссары едут в Германию, Венгрию, другие сопредельные страны. Везут в чемоданах иностранные банкноты, золото, бриллианты из царских запасов; часто конкретные суммы ценностей прикидывают на глазок. Золотые инъекции продолжаются. Требование одно: не жалейте денег на оружие и пропаганду.

Анжелика Балабанова, человек сложной судьбы, бывшая одно время близкой подругой Бенито Муссолини, ставшая секретарем Коминтерна, вспоминала. Вскоре после революции ее отправили в Швецию для организации связей с левыми организациями Европы. „Корабли прибывали в Стокгольм каждую субботу. Они привозили мне огромное количество денег... Цель подобных денежных перемещений была мне непонятна... Я получила письмо от Ленина, в котором он писал:

„Дорогой товарищ Балабанова. Отлично, отлично (подчеркнуто три раза — это привычка Ленина придавать особое значение своим словам), Вы наш самый способный и достойный сотрудник. Но я умоляю Вас, не экономьте. Тратьте миллионы, много миллионов“. Мне разъяснили, что я должна

использовать деньги для поддержки левых организаций, под-
рыва оппозиционных групп, дискредитации конкретных лиц
и т.д.⁹⁸.

Свидетельство весьма красноречивое.

Ленин беспокоится: шлет радиотелеграммы в горячие
точки, туда, куда, по его мнению, перемещается эпицентр
европейской революции.

„Бела Куну в Будапешт: сообщите, пожалуйста, какие Вы
имеете действительные гарантии того, что новое венгерское
правительство будет на самом деле коммунистическим, а не
только просто социалистическим, то есть социал-предатель-
ским?“⁹⁹ Ленин публикует в мае 1919 года в „Правде“ пись-
мо-поддержку коммунистам в Будапеште: „Привет венгер-
ским рабочим“. Лидер большевиков не скрывает своего ликова-
ния: „Вести, которые мы получаем от венгерских советских
деятели, наполняют нас восторгом и радостью...“ Однако
Ленин предупреждает о грозящей опасности и призывает:
„Будьте тверды. Если проявятся колебания среди социали-
стов, вчера примкнувших к вам, к диктатуре пролетариата,
или среди мелкой буржуазии, подавляйте колебания беспо-
щадно. Расстрел — вот законная участь труса на
войне...“¹⁰⁰ Возможно, эти якобинские призывы к „расстрелам“
не столько воодушевляли венгров и баварцев, сколько пугали
их. Но Ленин ждал, что залпы и треск выстрелов в венгер-
ских и немецких подвалах и на пустырях лишь быстрее „ут-
вердят“ революцию в этих странах.

Ленинское заявление на VIII съезде партии по поводу
событий в Венгрии, что „рабочий класс России всеми силами
спешит к вам на помощь“, не было простой декларацией.
Отправлялись деньги, пропагандистская литература (требо-
вавшая перевода), были попытки отправить партии оружия.
Подвойский сообщал телеграммой Ленину из Киева, что он в
мае приступил к формированию „интернациональной диви-
зии для помощи Венгрии“¹⁰¹. Ленин торопил и требовал от
Крестинского ускорения высылки „денежных знаков“ для
нужд этого формирования.

Готовятся соединения для отправки в Венгрию, а в Рос-
сии — мятежи, разруха, сама армия крайне неустойчива. Я
приведу лишь несколько выдержек из „Сводки ВЧК полити-
ческого состояния Украины с 1 января по 15 мая 1919 года“.

Именно отсюда собирались идти с военной помощью Венгрии.

Бердичев.	Нападение на ЧК. Разграблен цейхгауз.
Белая Церковь.	Восстание в городе. Подавлено бронированным поездом и отрядом в 300 человек.
Васильков.	Город грабят красноармейцы.
Шпола.	Местным гарнизоном производятся аресты, обыски и избивание населения.
Казатин.	Красноармейцы 4-го Нежинского полка разогнали ЧК.
Осетер.	Восстание в селах Ново-Глыбово и Сворота. Подавлено отрядом ЧК. Убито 4 человека.
Стародуб.	Восстание в селе Вителине, подавлено отрядом в 400 человек. Убито 20 человек.
Кролевец.	Восстание в селе Антоновка. Подавлено взводом отряда ЧК. Расстреляно главарей — 10 человек.
Новозыбков.	Восстание в Великой Тополи, Ново-Робске и Лакомо-Буда. Подавлено. С нашей стороны жертв 8 человек, а со стороны восставших выясняется.
Прилуки.	Восстание в городе и местечке Иванницы. Подавлено войсками гарнизона с использованием артиллерии.
Константиноград.	Восстание в поселке Перещепино. Подавлено отрядом ЧК. Жертв 10 человек.
Александровск.	Восстание в селе Свистуново. Подавлено отрядом ЧК, убито восставших 30 человек ¹⁰² .

Перечень восстаний в городах, селах, местечках, губерниях кажется бесконечным. Большевики удерживали власть только силой беспощадного террора. Подавляя железной рукой внутренние волнения, Ленин и его ЦК напряженно думали, как быстрее перенести гражданскую войну на территорию других государств. Только сила, только насилие, толь-

ко террор могут привести сторонников большевиков к власти и в других странах. В „Манифесте“ II Конгресса Коминтерна прямо говорится: „Коммунистический Интернационал не может допустить в свои ряды те организации, которые, вписав в свою программу диктатуру пролетариата, продолжают вести политику, явно рассчитанную на мирное разрешение исторического кризиса“¹⁰³. Яснее сказать трудно.

Тотальная ставка на подготовку вооруженных восстаний, массовых милитаристских выступлений, завоевание армий на свою сторону — лейтмотив выступлений почти всех большевистских вождей. Эта политика проводится по всему периметру Советской России, багровой от факелов и пожарниц восстаний, пролитой крови.

Но венгерским надеждам не суждено было сбыться. Тогда взгляды московских вождей стал все больше притягивать Восток. Троцкий в этой связи писал: „...наша Красная Армия на арене европейских путей мировой политики окажется довольно скромной величиной не только для наступления, но и для обороны... Иначе представляется положение, если мы станем лицом к Востоку... Дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию...“¹⁰⁴. Далее Троцкий советует создать мощную военную базу на Урале для революционирования Востока. В этих условиях, прогнозирует Председатель Реввоенсовета, „ареной близких восстаний может стать Азия“, поэтому следует начать с подготовки военного удара на Индию, путь в которую — через Афганистан.

Троцкий отдает распоряжения начальнику полевого штаба Лебедеву о доставке „необходимых предметов военного снабжения в Афганистан“¹⁰⁵. Но нельзя оставлять без внимания и Персию.

Еще совсем недавно казалось, что Персия быстро станет „красной“. Раскольников сообщал оттуда в Москву: „Только что вернулся из Энзели, настроение в Персии не поддается описанию. Весь народ встречал нас с необычайным энтузиазмом. Первоначально красные флаги были вывешены только местами, но теперь уже город разукрасился ими. Персидские казаки заявили, что отдают себя в наше распоряжение. Стоявший во главе их русский офицер мною арестован, и вместо него будет назначен наш товарищ...“

Прошу Ваших указаний относительно дальнейшей политики в Персии. Могу ли я считать у себя развязанными руки в смысле продвижения в глубь Персии, если там произойдет переворот и новое правительство призовет нас на помощь...¹⁰⁶

Правда, „дело“ в Персии тоже скоро застопорилось. И основательно. Предпринимаются усилия по спасению персидской революции. Представитель ЦК РКП(б) БАбуков пишет из Персии о необходимости ускорения помощи стороннику Москвы Мирзе Кучуку. Помощи оружием, золотом, серебром... В руках Кучука пока только два города... Раскольников обещал официальное признание... Ждем реальной помощи...¹⁰⁷

Предложения идут со всех сторон; нужно активизировать революционные выступления в Корее, Китае, Индии. Председатель ЦИК калмыцкого трудового народа А. Чагчаев в августе 1919 года предлагает послать вооруженные отряды в Индию с „другой стороны“ через Монголию и Тибет. Но нужны деньги, золото. Взять с собой оружие для раздачи населению. Для маскировки отправиться как научным специалистам. Нужно быстрее приобщить монголов и тибетцев к мировой революции. Ленин тут же поручает готовить конкретные меры по реализации этих предложений¹⁰⁸.

Революционное затмение в сознании московских вождей желаемое охотно выдает за возможное.

С корейцами Ленин сдержаннее. Делегация из Кореи просит личного приема у Председателя Совнаркома. Ленин поручает видному деятелю Коминтерна М. Ракоши принять коммунистов Кореи и „сообщить о результатах“¹⁰⁹ беседы. Корейцы просят у Ленина прямой поддержки корейских партизан против Японии. Чичерин выступил, однако, против, заявив: „Мы не будем бросать вызов Японии. Конечно, надо держать камень за пазухой; конечно, втайне можно и должно оказывать содействие корейским партизанам. Но никаких открытых и тем более демонстративных действий с нашей стороны...“ Ленин пишет на донесении: „Тов. Молотов! Я вполне за Чичерина. Никаких открытых и тем более демонстративных действий. Больше тайны. Сию директиву дать от ЦК“¹¹⁰.

Иногда Ленину, разгоряченному донесениями, решениями собственного Политбюро и просто воспаленным вообра-

нением, кажется: революция мировая, вот она... наступает, ничто остановить ее не сможет. В октябре 1918 года Ленин пишет Троцкому и Свердлову: „Международная революция приблизилась за *неделю* на такое расстояние, что с ней надо считаться как с событием дней *ближайших*“¹¹¹. Пророк нетерпелив, настойчив и уверен в своем прогнозе. Важно помочь людьми, идеями, оружием, а главное — золотом.

Деньги на „мировую революцию“, повторюсь, часто шли по случайным каналам, через случайных людей. Россия корчилась в голодных муках, обращаясь к различным общественным и благотворительным организациям за помощью, а миллионы золотых рублей согласно постановлениям Политбюро, решениям Совнаркома, личным запискам Ленина текли в „песок“ мировой революции. Вождь большевиков, получая частые сигналы о разбазаривании ценностей, предложил упорядочить „дело“. Лишь в сентябре 1921 года постановлением Политбюро создали бюджетную комиссию ИККИ. От РКП(б) туда вошли Зиновьев, Сольц, Молотов (или Михайлов — для замены).

Денежные дела Коминтерна — огромная тема, полная тайн и ожидающая своего исследователя. Это, по сути, канал финансирования российской большевистской партией мирового коммунистического движения, имеющего целью советизацию в конечном счете нашей планеты. Как писал Троцкий в 1919 году: „Если сегодня центром Третьего Интернационала является Москва, то, — мы в этом глубоко убеждены, — завтра этот центр передвинется на запад: в Берлин, Париж, Лондон... Ибо международный коммунистический конгресс в Берлине или Париже будет означать полное торжество пролетарской революции в Европе, а стало быть, и во всем мире“¹¹². Ленинское пророчество в апреле 1919 года солидарно с Троцким: „Победа возможна. Революция в Венгрии окончательно доказала, что в Западной Европе растет советское движение и победа его недалека. У нас много союзников во всем мире, больше, чем мы знаем. Но надо продержаться трудных четыре-пять месяцев, чтобы победить врага“¹¹³. И многим казалось, что прогноз действительно сбывается. Ленин лично интересовался финансированием организаций и отдельных лиц за рубежом, состоявших на содержании у Москвы. Вот перед Лениным письмо, написанное в

ноябре 1921 года Петром Ивановичем Стучкой, его добрым знакомым.

„Дорогой Владимир Ильич!

Прошу Вашего содействия при разрешении сметы компартии Латвии, ибо вопрос тянется с 1 августа и наши товарищи ничего не получают, не получая, однако, и отказа.

С ком. приветом П. Стучка“.

Ленин на письме: „т. Молотову. Волокита выходит бесстыдная. Надо приготовить вопрос к четвергу в Политбюро... Ленин“¹¹⁴.

Но, слава Богу, заработала бюджетная комиссия Коминтерна, созданная решением Политбюро ЦК РКП(б). Один этот факт в высшей степени показывает, что это за „независимая“ международная организация. Вот, например, выдержки лишь из одного протокола смешанной комиссии, заседавшей в марте 1922 года:

„Слушали:

Постановили:

1. Бюджет компартии Германии.

1. За выдачу в 1922 году Германской компартии 446 592 золотых рублей (42 872 832 германские марки) голосовали Брандлер, Попов, Эмбер-Дро и Пятницкий; за 400 000 золотых рублей — Сольц и Михайлов.

2. Бюджет компартии Франции.

2. Постановлено выдать на издательство 100 000 золотых рублей (638 000 французских франков). Принято единогласно.

3. Бюджет Ит. КП.

3. 360 842 золотых рубля. Или 4 306 000 лир.

4. Бюджет КП Чехословакии.

4. За 250 000 золотых рублей (7 910 000 чешских крон) голосовали Попов, Брандлер, Пятницкий (Эмбер-Дро к тому времени ушел), за 200 000 Сольц и Михайлов.

5. Бюджет КП Англии.

5. 200 000 золотых рублей единогласно голосовали все...¹¹⁵

Дальше следует перечисление большого количества других партий, поставленных на „довольствие“ Коминтерна, а если точнее, то народа России, оказавшегося в руках большевиков.

Ленин и его партия солидно и постоянно подкармливали все национальные организации, заявлявшие о своем согласии с программными установками Коминтерна. Регулярно пополняли свою казну из московских запасов компартии США, Польши, Австрии, Швейцарии, Швеции, Венгрии, Югославии, Румынии, Люксембурга, Голландии, Греции, Турции, Персии, Индии, Английской Индии (так в протоколах), Китая, Кореи, Японии, Германии, Бельгии, Испании, Аргентины, Италии, Южной Африки, Эстляндии, Латвии, Литвы, Финляндии, Норвегии и других стран. Комиссия Коминтерна выделяла также крупные средства международным молодежным, профсоюзным коммунистическим организациям, различным издательствам, бюро, центрам и т.д. Более всего и чаще всего денег шло в Германию (Ленин как будто „расплачивался“ за немецкую помощь своей партии накануне октябрьского переворота). Но установленный бюджет, как правило, всегда „перевыполнялся“. Шли постоянные дополнительные запросы от национальных центров в Москву, в большинстве случаев просьбы удовлетворялись. Голодная, разрушенная, поверженная Россия работала на химеры „мировой революции“.

На том заседании смешанной комиссии, о котором мы упомянули выше, распределили 5 536 400 золотых рублей. По тем временам это очень крупная сумма. По имеющимся данным, Совнарком на продовольствие голодающим истратил в том году в три раза меньшую сумму. Но ведь золотой поток по коминтерновским каналам не иссякал многие десятилетия!

Сразу после революции стало повседневной практикой советских дипломатов, различных представителей, „уполномоченных“ требовать у Кремля все новых и новых средств для революционизирования политического процесса за рубежом, упрочения позиций Советской России в различных странах.

Так, А.А.Иоффе в январе 1920 года писал Чичерину, что, „переглатив Эстонию 15 миллионов“, мы „вернем эти миллио-

ны чрезвычайно скоро". Дипломат ленинской школы, который в 1919 году пытался дирижировать революционным процессом в Германии, напоминает, что, „когда Колчак увез у нас (золото. — Д.В.) более 800 млн., мы даже не поморщились... Я видел в Литве и Белоруссии, как швыряются миллионами наши агенты...“¹¹⁶.

Своим письмом Иоффе лишь подтверждает коммунистическую расточительность во имя „революционных целей“.

Политбюро специальным решением в апреле 1922 года, по докладом Сокольников и Пятницкого, утвердило очередную бюджет Коминтерна. Выписка за подписью Сталина была направлена в Народный комиссариат финансов для исполнения¹¹⁷. Но, как я уже говорил, официальный бюджет — это лишь часть ассигнований. Следовали многочисленные просьбы, распоряжения, и средства из так называемого „резервного фонда“, фонда Политбюро, бюджета ОГПУ направлялись для нужд национальных коммунистических организаций. Так, в том же апреле Карахан докладывал Сталину, что он передал крупные суммы корейцам (дважды золотом на сумму 600 000 рублей и один раз царскими купюрами — 4 млн.)* для создания двух типографий (в Шанхае и Пекине) и для непосредственной нелегальной работы в Корее против японцев, в том числе для организации вооруженного сопротивления¹¹⁸.

Ленин нетерпеливо ждал скорой отдачи от денежных инъекций, а ее не было... Уже после создания бюджетной комиссии стали выявляться один за другим случаи злоупотреблений, хищений, исчезновений крупных сумм коминтерновских денег. Так, Сафаров докладывает Сталину: денежные средства и ценности выдаются совершенно „безответственным людям из отдельных групп“. Автор письма приводит пример, когда неким Ху Нан Гену и Ко Чи Иру было выдано 200 000 золотых рублей для поддержки национального движения в Корее; однако, как выяснилось, деньги пошли для продолжения склоки в корейской эмиграции¹¹⁹.

*На зарубежном Востоке ЦК РКП(б) для своих тайных нужд несколько лет продолжал использовать царские ассигнации.

Сталин собственноручно пишет записку Зиновьеву с просьбой ответить, что это за „Франкфуртский фонд“ создан в Германии? Кто его финансирует? Для чего? Зиновьев не в курсе, обещает разобраться, когда появятся Пятницкий и Стасова¹²⁰. Как выяснилось в конце концов, в Германии денежными делами Коминтерна заправлял некий Джеймс Рейх с партийной кличкой „товарищ Томас“. Он ворочал огромными, миллионными суммами, получаемыми из Москвы. Только на подготовку вооруженного выступления Германской компартии в феврале 1921 года передал ей 62 млн. немецких марок (в валюте и драгоценностями). А всего в этом году этот „товарищ Томас“ распределил в Германии 122 млн. марок, сверх 50 млн. марок, которые он держал под своим контролем во „Франкфуртском фонде“.

Когда Пятницкий стал разбираться с денежными делами Коминтерна, загадочный Томас не смог отчитаться за многие миллионы марок¹²¹. Сотрудница Коминтерна, работавшая в аппарате Томаса, позже рассказывала: „Деньги хранились, как правило, на квартире товарища Томаса. Они лежали в чемоданах, сумках, шкафах, иногда в толстых папках на книжных полках или за книгами. Передача денег производилась на наших квартирах поздно вечером, в нескольких картонных коробках весом по 10—15 кг каждая...“¹²²

Комиссия Политбюро, созданная распоряжением Сталина, под руководством советского уполномоченного представителя в Германии Крестинского, не смогла найти подтверждения—отчета на очень крупные суммы. Было решено „впредь воздержаться от поручения товарищу Томасу дел, связанных с денежными операциями“¹²³. Позже оказалось, что „товарищ Томас“ не был даже членом партии, представляя собой совершенно случайного человека в финансовом механизме подготовки „мировой революции“!

В конце этого же года комиссия Политбюро в составе Зиновьева, Троцкого, Куйбышева, Пятницкого, Сокольников запросила дополнительно 2 196 500 золотых рублей на так называемые непредвиденные „субсидии партиям“... Деклассированные элементы, пришедшие в результате переворота к управлению великой страной, были не только

авантюристами, но и людьми, неспособными рационально воспользоваться награбленным. Ленин, поминутно требовавший расстрелов за саботаж, спекуляцию, мешочничество, в своем аппарате, созданном для утверждения коммунистической идеи, не мог навести самого элементарного порядка в расходовании валютных средств. Он просто бездумно швырял деньги за рубежи несчастного отечества в наивной надежде, что они оросят всходы его идей... А ведь в своей статье „О значении золота“, написанной в ноябре 1921 года, говорил как хозяин: „Беречь надо в РСФСР золото, продавать его подороже, покупать на него товары подешевле“¹²⁴. Однако Ленин очень часто говорил одно, а делал другое. Как он любил рассуждать о правде, честности! Но это не мешало, допустим, рекомендовать Дзержинскому и Склянскому организовать операцию по уничтожению кулаков, попов, помещиков. „Премия — 100 000 руб. за повешенного“. Но главное, эти преступления „свалить на „зеленых“...“¹²⁵. Политика, „зеленые“, золото — все было для Ленина лишь средством достижения своих глобальных целей.

Ленин лишь один раз взорвался, когда ему доложили об очередной пропаже крупной суммы коминтерновских денег. Он собственноручно набросал „проект секретного письма ЦК РКП“, где, в частности, говорится: „Нет сомнения, что денежные пособия от КИ компартиям буржуазных стран, будучи, разумеется, вполне законны и необходимы, ведут иногда к безобразиям и отвратительным злоупотреблениям“. Далее перечисляются партийные кары за воровство, сокрытие, присвоение коминтерновских денег, требования пунктуального отчета „за каждую копейку расхода“¹²⁶.

Увы, растраниживая бесчисленные народные миллионы фактически на ветер, вожьд наивно полагал, что можно добиться при этом отчета за каждую копейку...

Когда стало очевидным, что „с ходу“ мировую революцию зажечь не удастся, в Москве стали подумывать и о новых союзниках в этом деле. Неожиданно возникла заманчивая ситуация. В январе 1922 года руководство центристского „второго с половиной“ (II 1/2) Интернационала предложило провести международную конфэ-

рению трех Интернационалов с вопросом организации совместной борьбы рабочего класса против международной реакции.

В Кремле долго заседали Ленин, Троцкий, Зиновьев, Радек, Бухарин. Решили предложить совещанию трех Интернационалов образовать „единый фронт“ борьбы. Ленин надеялся, что удастся организовать решающее влияние на II и II ¹/₂ Интернационалы. Но руководители II Интернационала хорошо понимали, к каким последствиям это приведет.

Ленин не скрывал своих целей: „Если на заседании расширенного Исполкома есть еще люди, которые не поняли, что тактика единства фронта поможет нам свергнуть вождей II и II ¹/₂ Интернационалов, то для этих людей надо прочесть добавочное количество популярных лекций и бесед“¹²⁷.

На совместной конференции лидеры меньшевистских Интернационалов требовали легализации партии меньшевиков в России, не допускать расстрелов эсеров и т.д. Создали Комиссию по созыву всемирного конгресса рабочих организаций, которая, правда, собралась лишь один раз.

Ленин резко критиковал „потачки“, которые сделала делегация Коминтерна во главе с Радеком, называл эти соглашения „политическими уступками международной буржуазии“. Социал-демократы на Западе убедились, что для Ленина термин „сотрудничество“ есть не что иное, как „подчинение“ Коминтерну. Затея с объединением тихо умерла.

На Западе и Востоке давно стало ясно, что собою представляет Коминтерн. Об этом там много писали и говорили. Тогда по инициативе Сталина провели решение Политбюро от 26 апреля 1928 года, где, в частности, говорилось: нужно всячески избегать видимости прямой зависимости коминтерновских организаций от советских государственных органов. Предписывалось Бухарину и Пятницкому для маскировки разработать вопрос о выдаче денег секциям КИ не из Москвы и не через русских, а из Берлина (Запбюро) и Иркутска (Востбюро), „обязательно через иностранных товарищей“. Скоро эту функцию про-

чно возьмет в свои руки НКВД. Но это едва ли кого-либо вело в заблуждение. В результате НКВД еще более „органично“ вплелось в ткань коминтерновской деятельности.

Сделаю одно отступление. Даже людей, искренне уверовавших в коммунистические идеи, ЦК ВКП(б), НКВД теперь рассматривали главным образом через призму: как их использовать более эффективно. В этом отношении весьма примечательна судьба одного чрезвычайно известного человека — Рихарда Зорге.

С начала 1925 года Зорге работал в информационном отделе Коминтерна, был знаком с Бухариным, Мануильским, Пятницким. Проявил себя как талантливый журналист. Заслуживает быть отмеченной его рецензия „Ленин как политик и человек“ на одноименную книгу норвежского социалиста О.Шеффо. В 1929 году Зорге переводят в военную разведку СССР. Он выезжает в Германию, затем Китай, Японию. Его донесения в Москву, особенно из Токио, носят исключительно глубокий и важный характер. Но кремлевское руководство, захваченное бесовством поиска врагов, уже не верит никому. На одном из агентурных сообщений, направленных в 1936 году Зорге в Москву, Сталин наложил резолюцию: „Прошу мне больше немецкой дезинформации не присылать“.

Зорге продолжает направлять исключительно ценную информацию в Москву. Однако там уже решили, что талантливый советский разведчик — двойной шпион, и в январе 1939 года на него заводится дело-формуляр для „разработки“ как предателя. Не случайно его донесения, особенно в 1941 году, остались без внимания. Зорге в январе, марте, мае предупреждает Москву о готовящемся нападении на СССР со стороны Германии. А 15 июня он точно указывает дату нападения — 22 июня... Если бы Сталиным были приняты необходимые меры, война была бы совсем другой, и для Советского Союза не было бы катастрофического начала.

Тем временем жена Зорге Максимова Екатерина Александровна попадает в застенки НКВД как шпион, ссылается в Сибирь и здесь 28 мая 1943 года загадочно умирает „от кровоизлияния в мозг“. А женщине было всего 38 лет.

НКВД просто расправилось с женой „немецкого шпиона“.

Лишь после войны и смерти Сталина в Кремле вспомнили о Зорге и его сверхважной информации.

На примере Рихарда Зорге мы лишь хотели показать, что Коминтерн был придатком спецслужб НКВД, где никогда в прежние времена не ценили эти кадры. „Бдительность“ и подозрение — прежде всего.

В сталинские времена расходы на нужды Коминтерна были поставлены под более жесткий контроль. „Великий вождь“ практиковал выделять финансовые средства не только „массовидным“ порядком, но и весьма целенаправленно. Допустим, приехал Анри Барбюс и заявил, что хочет написать книгу „Сталин“, естественно, нужно поощрить писателя. Специальным решением Политбюро французскому биографу отпускается „аванс“ в 40 тыс. франков¹²⁸. Немного. Более крупно поощрить писателя следует по выходе книги в 1936 году...

А о бюджете теперь нужно было Г.Димитрову лично просить Сталина. Диктатор, разочаровавшийся в организации, давал лишь на содержание аппарата, а компартиям выделял почти исключительно через НКВД, минуя Коминтерн. Так, например, в 1937 году Сталину доложили смету ИККИ в сумме 12 048 028 в инвалюте и 18 658 762 рубля советскими денежными знаками¹²⁹. Расходы НКВД на Коминтерн шли особыми статьями, ибо речь здесь шла о деятельности далеко не партийной, а шпионской и террористической.

Димитров был вынужден по каждому случаю дополнительных расходов лично обращаться к Сталину. Это раздражало вождя. Теперь Коминтерн был больше нужен для НКВД как „человеческая база“ подрывной работы в капиталистических странах, чем коммунистическому движению. Правда, иногда Коминтерн как-то „подыгрывал“ Москве в ее внешнеполитических делах. Ф.И.Дан писал по этому поводу, что международный коммунизм — один из рычагов советской внешней политики¹³⁰. Но рычаг был слабый, ибо никто уже не сомневался относительно того, что кроется за вывеской Третьего Коммунистического Интернационала. Сталин все больше охладевал к этой организации, оказавшейся в конце концов сектой на со-

держании Москвы. В 1943 году Сталин без особого сожаления, без чьего-либо давления пошел на ликвидацию этого ленинского детища, хотя союзники не раз намекали ему о „неуместности“ Коминтерна в условиях войны с Германией.

Очень скоро после смерти Ленина его надежда — Коминтерн, предназначенный для реализации самой гигантской фантастической идеи — создания Мировой Федеративной Коммунистической Республики, — будет низведен до роли придатка спецслужб. Очень послушного и исполнительного. Например, когда потребовалось убрать Зиновьева, Сталин дал команду: „Организовать поддержку“ — и посыпались постановления „независимых компартий“ с „одобрением“ пленума ЦК ВКП(б) об отзыве Зиновьева как председателя Коминтерна и ликвидации этого поста.

Первой, естественно, верноподданнически отреагировала компартия Германии, которая решением своего Центрального Комитета „безоговорочно поддержала постановление пленума ЦК ВКП(б) и призвала членскую массу партии к яростной борьбе с новой оппозицией... Считать уклон т. Зиновьева от ленинизма несовместимым с его дальнейшим оставлением во главе Интернационала...“¹³¹. Запев был поддержан дружным хором подобных постановлений вассальных компартий из Болгарии, Франции, Великобритании, Польши, других стран.

В ноябре 1926 года первый председатель Коминтерна был освобожден от поста, который когда-то он тайно видел как пост главы будущей Мировой Социалистической Федерации. Сталин тут же быстро нашел ему новую, совершенно малозаметную работу: „членом президиума Госплана РСФСР для наблюдения за деятельностью культурно-административных наркоматов“¹³².

Накануне войны Коминтерн уже прозябал. Сталин разочаровался в его возможностях. Только для НКВД (вербовка для разведки) он еще приносил какую-то пользу. Димитров лично слезно выпрашивал деньги у Сталина на содержание аппарата Коминтерна. Если в 1937 году он утвердил смету этой „международной организации в размере 21 млн. рублей и 3,5 млн. золотых рублей в валюте“, то в 1938 году сократил почти на одну треть¹³³.

У Сталина менялся взгляд на мировую революцию. Цель — сделать планету „красной“ — оставалась прежней, но методы следовало пересмотреть.

А ведь еще в январе 1924 года (когда Ленин был жив) Коминтерн получал от РКП в сто с лишним раз больше...

Когда наступила пора административного умирания международной организации, Коминтерн был уже почти незаметен. Г.Димитров 31 октября 1941 года, чувствуя его никчемность, писал своему патрону:

„Дорогой товарищ Сталин!

С переводом ИККИ в Уфу возник ряд вопросов юридического положения нашего учреждения... Целесообразно ли при нынешней ситуации, чтобы все проделывалось под флагом Коминтерна, или лучше будет, если бы мы дальше существовали в Уфе как какая-то другая организация.

Я лично считаю, что незачем нам сейчас выпячивать Коммунистический Интернационал. Лучше проводить всю работу под флагом другой фирмы, например, „Института изучения международных вопросов...“¹³⁴

Мог ли думать об этом Ленин? Конечно, он обещал именно к этому времени полный коммунизм... Ну а Димитров, руководитель бывшей всемирной коммунистической организации — „международной партии пролетарского восстания и пролетарской диктатуры“, стал слабой тенью ленинского грандиозного замысла и мелкой пешкой Сталина. Чтобы слетать на „два-три дня, 6—8 июня 1942 года, в Уфу и Куйбышев к своему аппарату“, Димитров униженно просит на поездку сталинского разрешения...¹³⁵

Сталин, правда, еще раз попробует, борясь с коммунистическим ослушником Тито, реанимировать Коминтерн в виде Коминформа. Но затея окажется бесплодной. Сталин даже намеревался было ввести пост генерального секретаря Информбюро и предложил его в конце 1950 года Пальмиро Тольятти. Однако неожиданно получил вежливый, но твердый отказ:

„Сов. секретно“

Дорогой товарищ Сталин!

Я долго думал над предложением о назначении на пост генерального секретаря Информбюро. Мне очень тяжело выражать мнение, не совпадающее с Вашим. Но

мне кажется, что Итальянская компартия не может согласиться с этим предложением...¹³⁶

Далее следовали семь пунктов, которые должны были благопристойно аргументировать этот отказ. Но главного пункта в письме Тольятти, конечно, не было: он уже давно не верил в ленинскую утопию „мировой революции“, никто вслух о ней уже давно не говорил. Это стало просто неприлично.

Я убежден: и Сталин не верил больше в успех „мировой революции“. Только убитый им второй вожь Октябрьской революции Троцкий за полгода до своей смерти по-прежнему писал: „Моя вера в коммунистическое будущее человечества сейчас не менее горяча, но более крепка, чем в дни моей юности“¹³⁷.

Советский диктатор придерживался другой стратегии. Сталин хотел, шаг за шагом, отрывая от старого мира одну за другой страны, используя заговоры и силу, тонкий расчет и коварство, в максимальной степени использовать для утверждения тоталитарной диктатуры результаты второй мировой войны. Сталин по инерции клялся Лениным (ведь он так ему пригодился в течение трех десятилетий!), но отчетливо видел утопичность ставки вождя на прямой штурм капиталистической цитадели. „Первый ленинец“ предпочитает долгую, но верную осаду. Он будет более осторожен в пророчествах, чем Ленин. Особенно в сроках явления народу коммунизма.

Ленинские пророчества грядущей победы мировой коммунистической революции стали сумерками его интеллекта.

Инесса Арманд

Перед Лениным лежала телеграмма, смысл которой не сразу дошел до сознания. Он снова и снова читал и не хотел верить страшному сообщению. „Вне всякой очереди. Москва, ЦЕКА РКП, Совнарком, Ленину. Заболевшую холеринной товарища Инессу Арманд спасти не уда-

лось точка кончилась 24 сентября точка тело перепроводим Москву Назаров¹³⁸.

За окном уже было сумрачно, конец сентября заметно укоротил дни. Ленин долго и неподвижно сидит за столом, отсутствующим взглядом смотрит на лист страшной бумаги с наклеенными телеграфными лентами потрясающе неожиданного текста. Еще днем он разговаривал с Г.К.Орджоникидзе, который докладывал о положении в Баку... Тот сказал, что у Инессы, как ему позавчера доложили, все в порядке... Ведь именно Серго он поручил опекать пребывание Инессы с сыном на Кавказе.

Ленин не мог отрешиться от мысли, что именно он, он настоял на ее поездке для отдыха на Кавказ... Ведь она должна была отправиться во Францию... Он ее отговорил. Как все нелепо... Бессмысленно нелепо. Почему не помогли врачи? Почему холера?

Ленин был потрясен. Как говорила впоследствии А.Коллонтай, „смерть Инессы ускорила его болезнь, ставшую роковой...“¹³⁹.

У Ленина не было близких друзей, хотя и было много товарищей по партии. По выражению А.И.Солженицына, Арманд Инесса Федоровна (Теодоровна) „была его подругой“, и очень близкой. Во всяком случае, трудно выделить еще кого-то, о ком бы он так трогательно заботился, кроме своей матери.

Да, сам Ленин настоял на этой роковой поездке на Кавказ. Он это помнит. В своем последнем письме к Инессе, где-то в середине августа 1920 года, Ленин писал:

„Дорогой друг! Грустно было очень узнать, что Вы переутомились и недовольны работой и окружающими (или коллегами по работе). Не могу ли помочь Вам, устрой в санатории? С великим удовольствием помогу всячески. Если едете во Францию, готов, конечно, тоже помочь: побаиваюсь и даже боюсь только, очень боюсь, что Вы там влетите... Арестуют и не выпустят долго... Надо бы поосторожнее. Не лучше ли в Норвегию (там по-английски многие знают), или в Голландию? Или в Германию в качестве француженки, русской (или канадской?) подданной? Лучше бы не во Францию, а то Вас там надолго засадят и даже едва ли обменяют на кого-либо. Лучше не во Францию.

Отдыхал я чудесно, загорел, ни строчки не видел, ни одного звонка. Охота раньше была хорошая, теперь все разорили. Везде слышал Вашу фамилию: „Вот при них был порядок“ и т.д.*

Если не нравится в санаторию, не поехать ли на юг? К Серго на Кавказ? Серго устроит отдых, солнце, хорошую работу, наверное устроит. Он там *власть*. Подумайте об этом.

Крепко, крепко жму руку.

Ваш Ленин¹⁴⁰.

В тот же день на бланке Председателя Совнаркома Ленин написал:

„17 августа 1920.

Прошу всячески помочь наилучшему устройству и лечению писательницы, тов. Инессы Федоровны Арманд, с больным сыном.

Прошу оказать этим, лично мне известным, партийным товарищам полное доверие и всяческое содействие¹⁴¹.

Еще раз телеграфировал Орджоникидзе, чтобы тот побеспокоился о безопасности и размещении Арманд в Кисловодске. Поручил своим секретарям помочь с отправкой на Кавказ. Казалось, все будет хорошо, хотя в России еще не закончилась гражданская война, но большевики-руководители довольно часто отдыхали и во время войны („отдыхал я чудесно“), поэтому Ленин настоял на роковой поездке. Как знать, если бы не его настойчивость из самых благих побуждений, не Ленин бы шел за гробом Арманд 11 октября 1920 года, а эта красивая, стройная женщина провожала бы в 1924 году в последний путь вождя большевиков, с которым она была очень близко знакома с 1909 года.

Целое десятилетие Инесса Арманд занимала огромное место в жизни человека, который был фанатиком идеи, способным отрешиться и отказаться от всего во имя целей, в которые он верил. Но она смогла затронуть какие-то глубокие, скрытые от всех струны интимных чувств ре-

*Речь идет о бывшем поместье семейства Арманд в селе Ельдигине Пушкинского района Московской области. Правда, непонятно, какая может быть охота в августе.

волюционера, почти пуританина. Он постоянно ощущал потребность общаться с ней, писать ей, говорить, видеть...

Насколько нам удалось познакомиться с материалами и свидетельствами об отношениях Ленина и Арман্দ, они были озарены высокими чувствами и большой человеческой близостью. Самое парадоксальное, что этому не помешала Надежда Константиновна Крупская, большой друг и товарищ революционера. Как свидетельствовала позже А.Коллонтай, беседуя с Марселем И.Боди, Крупская была „в курсе“ этих отношений. Она знала, что Ленин был очень привязан к Инессе, и не раз выражала намерение уйти. Ленин удержал ее¹⁴².

Думаю, что это был как раз тот редкий случай, когда все трое поступили, вероятно, нравственно и благородно, хотя с позиций мещанской морали в этих отношениях можно было бы найти немало ущербного. И это при том, что Ленин в главном, основном — в отношении к людям — был безнравственный человек. Хотя бы потому, что по его воле в костре гражданской войны, который он всегда так усиленно разжигал, сгорели миллионы людей...

Чувства высокой привязанности и любви зачастую не поддаются рациональному анализу и объяснению. Поэтому жизнь Ленина, до предела насыщенная в ее конце событиями мирового значения, в личном плане тем не менее долго была однообразной, односторонней и даже скучной. Вторжение этой женщины в строгий, расчетливый и политизированный внутренний мир Ленина было подобно яркому болиду на небосклоне эмигрантского повседневья.

Думаю, бессмысленно гадать, почему Ленина так потянуло к этой женщине. Может быть, просто потому, что она была необыкновенно красива; не исключено, что Ленина восхитила ее энергия, которая в сочетании с неуловимым человеческим изяществом сотворила тот образ, который не оставил потенциального вождя равнодушным. Думаю, что его подкупила и глубокая открытость и увлеченность Арман্দ всем, чем она занималась: детьми, революцией, рутинной партийных поручений. Это была весьма незаурядная личность, способная загореться, отозваться, взволновать окружающих. Ленин при всей старомодности его семейных взглядов, в духе лучше образцов

XIX века, был не в силах погасить волей рассудка вспыхнувшее в нем сильное чувство. Но историку о чувствах писать столь же трудно, как если бы он делал попытку словами передать музыкальные идеи симфонии.

В своих поздних воспоминаниях Н.К.Крупская очень часто упоминает Арманда. Но обычно всегда мельком, мимоходом, вскользь, попутно, в связи с чем-либо. Вот несколько типичных штрихов: „...в доме Инессы жила вся своя публика. Мы жили на другом конце села и ходили обедать в общую столовую...“, „Владимир Ильич написал речь, Инесса ее перевела“, „у нашей парижской публики была в то время сильная тяга в Россию: собирались туда Инесса, Сафаров и др.“, на брюссельскую объединительную конференцию „посхать должна была Инесса. Она владела французским языком (французский язык был ее родным), не терялась, у ней был твердый характер...“. „В Зеренберге заниматься было очень хорошо. Через некоторое время к нам приехала Инесса...“ „Вся наша жизнь была заполнена партийными заботами и делами, больше походила на студенческую, чем на семейную жизнь, и мы рады были Инессе“¹⁴³.

К чести Крупской, взяв однажды выбранный тон отношения к Арманда, как к партийному товарищу, она никогда не изменила ему. Для нее это была неизбежность, которую она приняла с внешним достоинством.

Иногда, правда, Крупская уходит от скороговорки и говорит об Инессе более подробно: „Мы часами бродили по лесным дорогам, усеянным осыпавшимися желтыми листьями. Большею частью ходили втроем — Владимир Ильич и мы с Инессой... Иногда мы часами сидели на солнечном откосе горы, покрытой кустарниками. Ильич набрасывал конспекты своих речей и статей, оттачивал формулировки, я изучала по Туссену итальянский язык. Инесса шила какую-то юбку и грелась с наслаждением на осеннем солнышке...“¹⁴⁴

Возможно, во время таких прогулок втроем Инесса могла рассказать о своем происхождении, родителях, о своей весьма драматичной, с большими жизненными приключениями судьбе. В выписке из книги записей актов рождения мэрии 18-го округа Парижа значится:

„9 мая 1874 года в 3 часа 15 минут после полудня сделана запись в книге актов о рождении Элизы, девочки, родившейся вчера в два часа дня по улице де ля Шапель, 63, — дочери Теодора Стефан, оперного певца, в возрасте двадцати четырех лет, который признал ребенка, и Натали Вильд, не имеющей профессии, в возрасте двадцати четырех лет, не состоящих в браке“¹⁴⁵. Позже родители узаконили свой брак в приходской церкви святой Марии английского города Ньюингтона, сделав девочку „законной“.

Елизавета-Инецца могла рассказать супругам Ульяновым, что ее отец был известным артистом в Париже. Правда, театральная карьера его была недолгой — он рано умер. Мать, ставшая учительницей пения, осталась совсем без денег, но с тремя маленькими девочками.

Вероятно, переломным моментом стал приезд Инессы в Москву, куда она попала вместе с бабушкой и теткой — преподавательницей музыки и французского языка. Они смогли дать девочке хорошее образование и воспитание.

О жизни Инессы Арманд в архивах содержится немного информации, хотя ее биограф Павел Подляшук и выпустил о ней неплохую книгу¹⁴⁶.

Одаренная девушка, свободно владевшая французским, русским и английским языками, прекрасно игравшая на рояле, стала домашней учительницей. Она, пожалуй, походила на отца-красавца, привлекая к себе внимание многих мужчин. Поэтому не случайно, что она не „засиделась“ и девятнадцатилетней вышла замуж за Александра Евгеньевича Арманда — сына купца первой гильдии. Бракосочетание состоялось в селе Пушкине Московского уезда, где находились текстильные предприятия семьи Арманд, в присутствии знатных „поручителей“ — купцов первой гильдии, почетных граждан, надворного советника — в октябре 1893 года¹⁴⁷.

Дальше все, казалось, складывалось так, как и должно быть в благополучной, богатой семье. Красивый и добрый муж, дети, поездки на юг, за границу. В течение восьми лет появилось четверо прелестных ребятишек. (Пятый родился позже. Отцом стал брат мужа.) При всей занятости семьей Инесса много читает, и, что особенно удивительно,

ее тянет к политической, социальной литературе: Лавров, Михайловский, Руссо.

Но, право, не знаю, рассказывала ли Инесса Ленину и Крупской о большой драме в ее личной жизни, круто изменившей ее судьбу. Уже имея четырех детей и живя в большом согласии с Александром, своим мужем, она неожиданно его покидает. Уходит потому, что в ней вспыхнуло чувство более горячее, более сильное и более властное к другому. Но этим другим был младший брат Александра — Владимир...

Сам по себе этот сюжет достоин большого литературного пера, я же лишь скажу, что при разрыве не было мещанских сцен, взаимных обвинений, заламывания рук. Страдали все. То была большая драма всей семьи. Уже здесь Инесса продемонстрировала свою приверженность принципу „свободы любви“. За две недели до своей смерти, находясь на Кавказе, Инесса напишет в своем дневнике: „Для романтиков любовь занимает первое место в жизни человека, она выше всего“¹⁴⁸. К тому времени она будет смотреть на любовь уже по-иному, но эти ее слова — о себе ранней и молодой.

Жизнь с Владимиром была недолгой — у последовавшего за Арман্দ в ссылку на север мужа резко обострился туберкулезный процесс. Не спасли его курорты Швейцарии, лучшие врачи. После того как к нему за границу бежала из ссылки Инесса, через две недели, в начале 1909 года, Владимир умер. Я пишу об этом скороговоркой, желая хотя бы кратко сказать, что это была за женщина, занимавшая столь большое место в жизни Ленина.

Имея за плечами уже более тридцати лет жизни, пятерых детей (о которых в основном заботился первый муж), Инесса Арман্দ сдает экзамены за курс университета в Брюсселе, получая диплом специалиста в области экономических наук.

С Лениным Арман্দ познакомилась в Париже, в год смерти второго мужа. Она уже слышала о Ленине, а для него Инесса явилась впервые. С тех пор, в течение десятилетия, эта женщина значила в его жизни очень многое. Даже сохранившийся объем их переписки впечатляет. Всегда в официальной историографии жестко проводилась

мысль: это была хоть и личная, но в то же время „партийная дружба“, без каких-либо элементов интимного характера. Однако думаю, что в нише истории Инесса Арманд заняла свое заметное место благодаря прежде всего своему знакомству с Лениным. Как красавица Керн осталась в вечности благодаря гению Пушкина, так и Арманд в политической истории России надолго запечатлена особой привязанностью Ленина.

Всегда негласно считалось, что Ленин, естественно, просто был „обязан“ любить только Крупскую, что он не мог опуститься до пошлого „адюльтера“ и т.д. Хотя очевидно, что именно любовь к Арманд, даже допуская любовь и к Крупской, делает Ленина обычным человеком, а не земным богом. Ханжеское отношение к нравственности всегда было свойственно большевистским морализаторам. Я уже приводил в книге факт, ставший известным большевистским руководителям в тридцатые годы, что во время поисков архивного наследия основоположников марксизма одна из ранних знакомых Ленина в Париже показала ряд его личных, достаточно интимных писем к ней, но которые она не согласилась опубликовать при жизни Крупской.

Я думаю, что ни Маркс и ни Энгельс не упали бы ниже в глазах трезвомыслящих читателей и, возможно, почитателей, если бы их биографии в Советском Союзе публиковались более полными. Например, долгие десятилетия в архивах партии лежало письмо Клары Цеткин, написанное в феврале 1929 года хранителю марксистских и ленинских тайн Рязанову. Стоит привести его.

В этом письме К.Цеткин сообщает, что „о существовании сына Карла Маркса и Елены Демут я узнала в качестве неоспоримого факта не от кого иного, как от самого Карла Каутского. Он рассказывал мне, что Эде (Бернштейн) сообщил ему, что из переписки с несомненностью выяснилось, что Маркс является отцом незаконного сына... В одном из писем Маркс горячо благодарил Энгельса за дружескую услугу, которую тот ему оказал, признав перед его женой себя отцом.

Каутский с сыном Маркса познакомился во время своего пребывания в Лондоне. По его мнению, это простой

молодой рабочий, по-видимому не унаследовавший и тени гения своего отца. Он, по словам Каутского, необразован и неодарен...

Энгельс не интересовался своим мнимым сыном, он воспитывался у чужих людей. Ни Маркс, ни Энгельс не уделили ему никакого внимания.

Об этом же рассказывал и Парвус. Во время бурной сцены со своей женой он сослался в виде „оправдания“, как мне сообщила возмущенная Таня Гельфанд, на то, что вот даже и у Маркса был незаконный сын. Ленхен Демут была служанкой в семье Маркса...

„Пересуды“ по поводу того, кто был отцом первой дочери Луизы Фрейбергер — Виктор Адлер, Бебель или Энгельс, — я прошу сохранить в строгом секрете. Еще жива семья Фрейбергеров, так же как и сын Адлера, и дочь Бебеля, и я знаю, что они тогда сильно страдали от пересудов... Для исследователей Маркса и Энгельса существуют более серьезные вопросы...¹⁴⁹

Конечно, письмо К.Цеткин, как и часть сохранившейся переписки Ленина с Арманд, никогда не предавалось огласке. А ведь это было просто большое и сильное чувство, пришедшее к человеку в зрелые годы. Интимных ленинских писем к Арманд не сохранилось, возможно, и вот по какой причине. Из июльского письма Ленина 1914 года к Арманд в „полном“ собрании сочинений „выпали“ следующие строки: „Пожалуйста, привези, когда приедешь (т.е. привези с собой), все наши письма (посылать их заказным сюда неудобно: заказное письмо может быть весьма легко вскрыто друзьями. И так далее...). Пожалуйста, привези все письма, приезжай сама, и мы поговорим об этом“¹⁵⁰.

Осторожный Ленин после 1912—1913 годов — пика их близости — вероятно, хочет уничтожить свои письма к Арманд. Ведь не для „инвентаризации“ он просит „привезти с собой все наши письма...“.

Крупская была ему верным товарищем, безропотно выполнявшим всю жизнь роль не только жены, но и верного помощника. Надежда Константиновна страдала базедовой болезнью, у нее было слабое сердце. Может быть, это и было одной из причин ее бездетности.

Считают, что И.Эренбург однажды заявил: „Стоит

посмотреть на Крупскую, чтобы убедиться, как мало интересовали Ленина женщины“. Едва ли это соответствовало действительности. Любовь, привязанность, чувства симпатии столь индивидуальны, что то, что могло не нравиться Эренбургу, могло приносить спокойное тепло Ленину. Однако после знакомства с Арманд Ленин постоянно в контакте с этой женщиной. Она переезжает вслед за семьей Ульяновых, всегда живет поблизости, часто встречается с Лениным и Крупской, становится близким для них человеком. Инесса становится как бы неотъемлемым элементом семейных отношений. Ленин с Крупской в Париже — она там; Ульяновы в Польше — здесь же „русская француженка“; конечно, она поблизости от них и в Швейцарии. Как писал А.И.Солженицын, Надежда Константиновна „воспитывала в себе последовательность: не отклонять с пути Володю ни на волосок — так ни на волосок. Всегда облегчать его жизнь — и никогда не стеснять. Всегда присутствовать — и в каждую минуту как нет ее, если не нужно... О сопернице не разрешить себе дурного слова, когда и есть что сказать. Встречать ее радостно как подругу — чтобы не повредить ни настроению Володи, ни положению среди товарищей...“¹⁵¹. Великий писатель осмыслил ситуацию художественными средствами, но очень близко к тому, как все было.

Есть вещи, о которых в историческом исследовании, даже если это только портрет, писать страшно трудно. Это область межличностных и тем более интимных отношений. Все это тайны безбрежного духовного космоса. Но то, что между Лениным и Арманд существовало глубокое чувство, в этом нет сомнений. ИХ чувство. Были у них и свои личные тайны, пишет и сама Инесса в одном письме, которое, конечно, никогда не имело бы шансов попасть в печать, господствуй и сейчас отдел пропаганды ЦК КПСС.

Письмо написано в декабре 1913 года в Париже. В это время Ульяновы уже с октября живут в Кракове. Ленин пишет множество писем по различным адресам: Гюисмансу в Брюссель, Шкловскому в Берн, Накорякову в Нью-Йорк, Горькому на Капри, родным, в различные редакции и, конечно, пишет, как явствует из содержания

письма Арманда, особенно часто ей. Получает же он еще больше и, по всей видимости, не все по адресу в Кракове: улица Любомирского, дом № 51. Арманда пишет Ленину огромное письмо. Приведу отрывки.

„Суббота, утро

Дорогой, вот я и в Ville Lumière*, и первое впечатление самое отвратительное. Все раздражает в нем — и серый цвет улиц, и разодетые женщины, и случайно слышанные разговоры, и даже французский язык... Грустно было потому, что Ароза была чем-то временным, чем-то переходным. Ароза была еще совсем близко от Кракова, а Париж — это уже нечто окончательное. Расстались, расстались мы, дорогой, с тобой! И это так больно. Я знаю, я чувствую, никогда ты сюда не приедешь! Глядя на хорошо знакомые места, я ясно сознавала, как никогда раньше, какое большое место ты еще здесь, в Париже, занимал в моей жизни, что почти вся деятельность здесь, в Париже, была тысячью нитей связана с мыслью о тебе. Я тогда совсем не была влюблена в тебя, но и тогда я тебя очень любила. Я бы и сейчас обошлась без поцелуев, только бы видеть тебя, иногда говорить с тобой было бы радостью — и это никому бы не могло причинить боль. Зачем было меня этого лишать? Ты спрашиваешь, сержусь ли я за то, что ты „провел“ расставание. Нет, я думаю, что ты это сделал не ради себя.

Много было хорошего в Париже и в отношениях с Н.К. В одной из наших последних бесед она мне сказала, что я ей стала дорога и близка лишь недавно... Только в Лонжюмо и затем следующую осень в связи с переводами и пр. Я немного попривыкла к тебе. Я так любила не только слушать, но и смотреть на тебя, когда ты говорил. Во-первых, твое лицо оживляется, и, во-вторых, удобно было смотреть, потому что ты в это время этого не замечал...“

Далее несколько страниц, написанных в „субботу, вечером“ и посвященных жизни и смерти ее подруги Тамары, которая была, по словам Инессы, „чем-то вроде старшей дочери или младшей, очень любимой сестры... Она была

*Светлый город (фр.).

очень одинока и любила мою ласку — помню, часто даже просила приласкать ее, и я ласкала ее так же, как ласкала своих детей...“.

В последней части многостраничного письма, с пометой „Воскресенье, вечером“, она пишет, что знакомые зовут ее „исчезнувшей Джокондой“. Много пишет о ее предстоящем докладе, спрашивая: „Когда будешь писать мне о делах, то как-нибудь отмечай, о чем можно говорить КЗО (Комитет зарубежных организаций РСДРП. — Д.В.) и чего говорить нельзя...“.

Ну, дорогой, на сегодня довольно — хочу послать письмо. Вчера не было письма от тебя! Я так боюсь, что мои письма не попадают к тебе — я тебе послала три письма (это четвертое) и телеграмму. Неужели ты их не получил? По этому поводу приходят в голову самые невероятные мысли. Я написала также Н.К., брату, Зине (З.И.Лилина — жена Зиновьева. — Д.В.).

Неужели никто ничего не получил?

Крепко тебя целую.

Твоя Инесса⁴¹⁵².

Едва ли стоит комментировать это письмо. Оно в высшей степени красноречиво. В частности, письмо ставит вопрос об истинных причинах отъезда Ленина из Парижа. Не случаен намек Арманд на то, что она „обошлась бы без поцелуев“, лишь бы „видеть тебя“ и „это никому бы не могло причинить боль“. Видимо, эфемерное, летучее, косвенное, часто „заочное“, но постоянное и властное присутствие Инессы в семье Ульяновых встречало поначалу естественное сопротивление Надежды Константиновны.

О том, что отношения „втроем“ складывались непросто, свидетельствуют, в частности, и многозначительные строки из писем Ленина к Инессе. Многие из них, как нам удалось установить, просто исчезли (во имя святости вождя), в иных сделаны купюры.

В письме Ленина к Арманд 13 января 1917 года, опубликованном в 49-м томе Полного собрания сочинений, сделана купюра. После слов „Дорогой друг!“ изъята фраза: „Последние Ваши письма были так полны грусти и такие печальные думы вызвали во мне и так будили бешенные угрызания совести, что я никак не могу прийти в

себя...¹⁵³ Дальше в том же духе. Ленину — пуританину по натуре в семейных отношениях, видимо, очень нелегко давалась эта связь, далеко вышедшая за границы простой дружбы. А Арманд, привыкшей отдаваться своему чувству без остатка и ограничений, была невыносима роль тайной „подруги“ Ленина.

Подобных купюр в Полном собрании сочинений много. В том же январе 1917 года, но через неделю, 23-го числа, Ленин пишет (конечно, и здесь купюра в 49-м томе): „Дорогой друг!.. По-видимому, Ваш неответ на несколько моих последних писем указывает — в связи с кое-чем еще — на некоторое измененное настроение или решение или положение дела у Вас. Последнее Ваше письмо содержало в конце два раза повторенное слово — я пошел, справился. Ничего. Не знаю уже, что думать, обиделись ли Вы на что-либо или были слишком отвлечены переездом или другое что... Боюсь спрашивать, ибо, пожалуй, вопросы Вам неприятны, и потому условлюсь так, что молчание Ваше по этому пункту я понимаю именно в том смысле, что расспросы Вам неприятны, и basta. Я тогда извинюсь за них и, конечно, не повторю“¹⁵⁴.

Вся эта абракадабра понятна только двум очень близким людям, какими были Владимир Ульянов и Инесса Арманд. Но им приходилось всегда считаться, что была и Надежда Крупская.

Краковское „сидение“ Ленина, как известно, окончилось накануне первой мировой войны арестом 26 июля (8 августа) в Новом Тарге в связи с подозрением в „шпионаже“. Но тут же включились в дело социал-демократы З.Марек, Ф.Кон, Я.Ганецкий, В.Адлер с просьбой к австрийским властям освободить Ленина (Ульянова) как „врага царизма“. Советская историография факт менее чем двухнедельного содержания Ленина превращает в акт огромной революционной доблести, когда „Ленин находится в тюрьме в Новом Тарге; обдумывает задачи и тактику партии большевиков по отношению к начавшейся империалистической войне; беседует с заключенными крестьянами, дает юридические советы, как быстрее и правильнее добиться решения их судебных дел, пишет для них прошения, заявления и т.п.“¹⁵⁵.

Австрийцы еще не знают, что Ленин, особенно в конце

бессмысленной войны, будет фактически активным союзником центральных держав. Ленин ненавидел и царя, и кайзера. Но в разной степени. Как писал А.Шляпникову лидер большевиков в октябре 1914 года, „царизм во сто крат хуже кайзеризма“¹⁵⁶. Но и то, что было известно тогда о Ленине австрийским властям, позволило направить в суд Нового Тарга телеграмму краковского прокурора: „Владимир Ульянов подлежит немедленному освобождению“¹⁵⁷.

Через пару недель Ленин с Крупской уже в Швейцарии, останавливаются сначала в Цюрихе, затем переезжают в Берн. Конечно, там Ленин вскоре встречается с Арманд... Как сообщается в „Биографической хронике“, он предлагает делать рефераты, „вести работу по сплочению левых социалисток разных стран“, помогает ей готовить публикацию для работниц, даже „критикует план ее брошюры“, уполномочивает молодую большевичку принять участие в Международной социалистической конференции молодежи и поручает многие другие партийные дела. Но мало сообщается, что она очень частый гость Ульяновых, много гуляет с ними, музицирует для Ленина, приезжает в Зеренберг, где отдыхают лидер большевиков и его супруга.

Здесь семья Ульяновых становится меньше. В марте умирает мать Крупской. Надежда Константиновна вспоминала, что старушку „тянуло в Россию, но там не было у нас никого, кто бы о ней заботился“. Старуха часто спорила с Лениным, но в целом мир они сохраняли. Умерла тихо и незаметно, „сожгли ее в бернском крематории, — писала Крупская. — Сидели с Владимиром Ильичем на кладбище, часа через два принес нам сторож жестяную кружку с теплым еще пеплом и указал, где зарыть пепел в землю“¹⁵⁸. Но на родину все же изгнанница, хотя и после смерти, попала. После решения Секретариата ЦК КПСС 21 февраля 1969 года прах Е.В.Крупской был перенесен изерна в Ленинград.

Инесса стала бывать у Ульяновых еще чаще.

Когда Инесса уезжает в Париж, Геренштейн, Кларан, переписка всегда оживленна. Ленин подписывается то „Ваш Иван“, то „Ваш Базиль“, а иногда открыто — „Ваш Ленин“. Ленин уже не может обходиться без общения с этой обаятельной женщиной.

Помимо глубоких личных чувств, в отношениях Ленина и Арманда было и особое доверительно-деловое партнерство. Вождь большевиков не колеблясь полагался на Инессу Федоровну.

В январе 1917 года Ленин почему-то решил, что есть вероятность того, что „Швейцария будет втянута в войну“. В этом случае, писал он Арманд, „французы тотчас займут Женеву...“. „Поэтому *партийную* кассу я думаю сдать Вам (чтобы Вы носили ее на себе в мешочке, сшитом для сего, ибо из банка не выдадут во время войны)...“¹⁵⁹

В 1916—1917 годах, до момента отъезда в Россию, Инесса самый частый адресат в ленинской переписке. Она для него уже необходимость, потребность, часть его жизни. Похоже, что с ней он непосредственно и письменно общается более, чем с кем-либо из социалистов-иммигрантов. Когда он узнает о победе Февральской революции в России, самое первое его письмо с сообщением об этом событии было именно в Кларан, Инессе Федоровне Арманд.

Конечно, в числе высхавших в Россию через Германию социалистов вместе с Лениным и Крупской была Инесса Арманд... Ведь у нее были дети в России. И когда „большевицкий десант“ делает последний „бросок“ из Стокгольма в Петроград, Инесса, находясь в одном купе с Лениным и Крупской, уже мысленно была только с детьми, которых отодвинула от нее революционная работа.

Революция быстро опустошила Инессу. Она не привыкла работать вполсилы. И в Петрограде, и в Москве, занимая заметные посты в ЦК партии, Московском губернском Совете народного хозяйства, она работала не щадя себя. Ездил в Францию для вызволения русских солдат, заброшенных туда мировой войной, занималась журналистикой. Встречи с Лениным теперь редки; вождь в эпицентре страшных событий, потрясающих Россию. Но иногда удастся поговорить по телефону. В записной книжке Ленина есть московский адрес Инессы, где вождь был лишь два-три раза: Арбат, угол Денежного и Глазовского, дом 3/14, кв. 12. Телефон 3-14-36 (временный)¹⁶⁰.

Иногда Ленин звонит, порой шлет записки, подобные тем, что писал в феврале 1920 года.

„Дорогой друг!

Хотел позвонить к Вам, услышав, что Вы больны, но телефон не работает. Дайте номер, я велю починить.

Что с Вами? Черкните два слова о здоровье и прочем.
Привет! Ленин¹⁶¹.

Курьер из Совнаркома засунул под дверь записку:
„Дорогой друг!

Черкните, пожалуйста, что с Вами. Времена скверные: сыпняк, инфлюэнца, испанка, холера.

Я только что встал и не выхожу. У Нади 39°, и она просила Вас повидать.

Сколько градусов у Вас?

Не надо ли чего для лечения? Очень прошу написать откровенно. Выздоровливайте!

Ваш Ленин¹⁶².

После записки Ленин позвонил в секретариат СНК, распорядился, чтобы к Арманд срочно послали врача.

„Дорогой друг!

Напишите, был ли доктор, и что сказал, надо выполнять точно.

Телефон опять испорчен. Я велел починить и прошу Ваших дочерей мне звонить о Вашем здоровье.

Надо точно выполнить все, что сказано доктором. (У Нади утром 37,3, теперь 38).

Ваш Ленин“.

Ленин настойчив, интересуясь здоровьем Инессы, общая попутно о течении болезни Надежды Константиновны. Обе женщины в его судьбе стали как бы неразрывны.

В 48-м томе Полного собрания сочинений на странице 300 есть одно из писем Ленина к И.Арманд. В предпоследнем абзаце — многоточие. Значит, опять купюра, изъятие, чем авторы издания занимались многократно, „улучшая“ Ленина и наводя на него хрестоматийный глянец. А там было сказано: „Никогда, никогда я не писал, что ценю только трех женщин! Никогда!! Я писал, что *безграничная* дружба, *абсолютное* доверие укрепились во мне и ограничиваются у меня только по отношению к 2—3 женщинам. Это совершенно взаимные, совершенно взаимные деловые отношения...“¹⁶³

Почти наверняка это Крупская и Арманд. Но были и другие, оставившие, видимо, лишь мимолетный след в душе вождя: подруга Крупской Якубова, к которой он сватался в Петербурге, пианистка Екатерина К., завожовившая его „Аппассионатой“, французская „незнакомка“, сохранившая его письма.

Да, отношения Ленина, Крупской и Арманд были и личными, и „деловыми“.

Вернемся еще к запискам Ленина к Арманд.

„Выходить с t° 38° (и до 39°) — это прямое сумасшествие! Настоятельно прошу Вас не выходить и дочерям сказать *от меня*, что я прошу их следить и *не выпускать* Вас:

1) до полного восстановления нормальной температуры и

2) до разрешения доктора.

Ответьте мне на это непременно точно.

(У Надежды Константиновны было сегодня, 16 февраля, утром 39,7, теперь вечером 38,2. Доктора были: жаба. Будут лечить. Я *совсем* здоров.)

Ваш Ленин.

Сегодня, 17-го, у Надежды Константиновны уже 37,3¹⁶⁴.

Революция с ее сатанинством разрушения всего святого невольно отодвинула Арманд от Ленина, хотя их чувства друг к другу не угасли. Инессу опустошили непривычные для нее лишения, тяготы и беспросветность борьбы. Нет, она не разочаровалась в революционных идеалах, не жалела о прошлом. Просто где-то стали иссякать ее силы. Изредка поддерживал Ленин, звонил, писал записки, помогал детям, но она чувствовала: это все уже по инерции. Вождь большевиков больше не принадлежит ни себе, ни Крупской, ни тем более ей; он целиком во власти бесовства революции. Все же иногда Ленин напоминал о себе нежной, но весьма странной для вождя русских яacobинцев заботой:

„Тов. Инесса!

Звонил к Вам, чтобы узнать номер калош для Вас.

Надеюсь достать. Пишите, как здоровье. Что с Вами? Были ли доктор?

Привет! Ленин¹⁶⁵.

Вождь российской революции „надеется“ достать ей калоши. Для этого нужно сообщить их номер... Ни для Бош, Коллонтай или Фотиевой он не пытается достать калоши... В прошлый раз прислал английские газеты для чтения, несколько раз отправлял к ней разных докторов. Но к роковой осени 1920 года, повторюсь, Инесса Арманд была предельно опустошена. Бремя революции оказалось слишком непосильным для ее хрупких плеч. Между ней и Лениным встала революция с ее страшным лицом, обезображенным расстрелами, голодом, холерой.

„Дорогой друг!

...У нас все то же, что Вы сами здесь видели, и нет „конца краю“ переутомлению. Начинаю сдавать, спать втрое больше других и пр. ...“¹⁶⁶

Бесценны для понимания внутреннего духовного состояния Арманд ее последние отрывочные записи в дневнике, чудом сохранившиеся после ее смерти. Они невелики. Я приведу несколько фрагментов ее торопливых карандашных записей красивым почерком. Они говорят об отношениях И.Ф.Арманд и Ленина больше, чем тысячи страниц официальной многотомной биографии вождя.

„1.IX.1920.

Теперь есть время, я ежедневно буду писать, хотя голова тяжелая и мне все кажется, что я здесь превратилась в какой-то желудок, который без конца просит есть... К тому же какое-то дикое стремление к одиночеству. Меня утомляет, даже когда около меня другие говорят, не говоря уже о том, что самой мне положительно трудно говорить. Пройдет ли когда-нибудь это ощущение внутренней смерти?.. Я теперь почти никогда не смеюсь и улыбаюсь не потому, что внутреннее радостное чувство меня к этому побуждает, а потому, что надо иногда улыбаться. Меня также поражает мое теперешнее равнодушие к природе. Ведь раньше она меня так сильно потрясала. И как мало теперь я стала любить людей. Раньше я, бывало, к каждому человеку подходила с теплым чувством. Теперь я ко всем равнодушна. А главное — почти со всеми скучаю. Горячее

чувство осталось только к детям и к В.И. Во всех других отношениях сердце как будто бы вымерло. Как будто бы, отдав все свои силы, свою страсть В.И. и делу работы, в нем истощились все источники любви, сочувствия к людям, которыми оно раньше было так богато. У меня больше нет, за исключением В.И. и детей моих, каких-либо личных отношений с людьми, а только деловые. И люди чувствуют эту мертвенность во мне, и они отплачивают той же монетой равнодушия или даже антипатии (а вот раньше меня любили)... Я живой труп, и это ужасно!"

Запись-исповедь, потрясающая по своей искренности и глубине самоанализа. Как бы чувствуя, что ей остается жить три недели, она со свойственной ей прямоотой говорит себе, что „отдала все свои силы, всю свою страсть“ Владимиру Ильичу и делу работы, но она — „живой труп“. Революция всегда питается и живет только жертвами. Миллионными и единичными. Одной из них была Инесса Федоровна Арман্দ.

В маленьком дневнике, который вела Инесса в последний месяц своей жизни на Северном Кавказе, кроме этой, еще всего четыре записи.

3 сентября высказывает тревогу за своих детей. „Я в этом отношении слабовата, совсем не похожа на римскую матрону, которая легко жертвует своими детьми в интересах республики. Я не могу... Ведь войне еще долго продолжаться, когда-то восстанут наши заграничные товарищи..."

Сейчас наша жизнь — сплошная жертва. Нет личной жизни потому, что все время и силы отдаются общему делу..."

9 сентября Арман্দ вновь возвращается к теме первой записи дневника: „Мне кажется, что я хожу среди людей, стараясь скрыть от них свою тайну — что я мертвец среди живых, что я живой труп... Сердце мое остается мертво, душа молчит, и мне не удастся вполне укрыть от людей свою печальную тайну... Так как я не даю больше тепла, так как я это тепло уже больше не излучаю, то я не могу больше никому дать счастья..."

Последняя запись помечена 11 сентября (до смерти

осталось чуть меньше двух недель)... Инесса в своей конечной записи в этой земной юдоли возвращается к своей старой любимой и вечной теме — любви. Ее переписка с Лениным по этому вопросу вскоре украсит ханжеские марксистско-ленинские хрестоматии. В этой записи Арман্দ видно влияние Ленина. Они любили друг друга, но вождь большевиков смог внушить хрупкому и нежному созданию первенство „пролетарских интересов“ над личными.

„...Значение любви, — пишет Арман্দ, — по сравнению с общественной жизнью становится совсем маленьким, не выдерживая никакого сравнения с общественным делом. Правда, в моей жизни любовь занимает и сейчас большое место, заставляет меня тяжело страдать, занимает значительно мои мысли. Но все же я ни минуты не перестаю сознавать, что, как бы мне ни было больно, любовь, личные привязанности — ничто по сравнению с нуждами борьбы...“¹⁶⁷

Возможно, были еще записи. Может быть, они были утрачены после ее кончины. Но видна рука и строгого цензора, перебиравшего ее бумаги. Некоторые страницы отсутствуют, вырваны.

Мертвую Инессу долго не могли отправить в Москву. Сохранилась целая кипа телеграмм из столицы во Владикавказ. Вмешался в дело ЦК, решительно требовал ускорить отправку тела в столицу и сам Ленин. Не было теплушки. К смертям привыкли. Даже хоронили чаще без гробов. А здесь Москва требовала вагон и гроб. Пока местным властям не пригрозили революционной расправой — вагона не находили. Инесса скончалась от холеры 24 сентября 1920 года, а ее тело доставили в Москву лишь 11 октября...

На похоронах 12 октября Ленин был не похож на себя. Очевидцы вспоминали, что вождь, идя за гробом, внушал опасение — не упал бы. Глаза, полные печали, не видели ничего вокруг. Выражение неизбывной тоски застыло на его лице. Участница похорон Анжелика Балабанова вспоминала, уже оставив Россию: „Я искоса посматривала на Ленина. Он казался впавшим в отчаяние, его кепка была надвинута на глаза. Всегда небольшого

роста, он, казалось, сморщивался и становился еще меньше. Он выглядел жалким и павшим духом. Я никогда ранее не видела его таким. Это было больше, чем потеря хорошего большевика или хорошего друга. Было впечатление, что он потерял что-то очень дорогое и очень близкое ему и не делал попыток маскировать этого“.

Свинцовый большой, нелепый гроб, который не открывали (прошло много дней со дня смерти), установили в малом зале Дома Союзов. Было немного людей. У подножия гроба — несколько венков. Один из них — из живых белых гиацинтов — с лентой: „Тов. Инессе от В.И.Ленина“¹⁶⁸.

Хоронили у Кремлевской стены. Семья Ленина совсем осиротела. Нужно отдать должное: сам Ленин, пока был здоров, а затем и Крупская помогли подняться на ноги детям Инессы — трем сыновьям и двум дочерям. Ленин пишет записки, чтобы постарались сделать скромный памятник Арманд, помогли устроиться с учебой и работой ее детям. В декабре 1921 года, например, он шлет телеграмму Ротштейну: „Прошу позаботиться о Варе Арманд (младшая дочь Инессы. — Д.В.) и, если нужно, отправить ее сюда не одну и снабдив теплым платьем...“¹⁶⁹

Умерла Инесса Федоровна Арманд трагически рано. Когда в начале февраля 1919 года Арманд уезжала в составе миссии Российского Общества Красного Креста во Францию для работы среди личного состава русского экспедиционного корпуса, задержанного во Франции после окончания мировой войны, она написала дочери письмо.

„Дорогая моя Инуся.

Вот я и в Питере... Сегодня переночевали в Питере и едем дальше... В твое письмо вкладываю: первое письмо для Саши, второе письмо для Феди (сыновья И.Арманд. — Д.В.) и третье письмо для Ильича. О последнем пусть знаешь только ты. Письма первое и второе передай немедленно, а письмо 3-е пока оставь у себя. Когда мы вернемся, я его разорву. Если же что со мной случится (говорю это не потому, что считаю, что в моем путешествии есть какая-либо особая опасность, но в дороге, конечно, всякое может быть, одним словом, на всякий случай), тогда передай

это письмо Вя. Иль. Лично ему. Передать можно таким образом: зайти в „Правду“, там сидит Мария Ильинична, и передашь это письмо и скажешь, что это письмо от меня и *лично* для В.И. А пока письмо держи у себя... Письмо В.И. запечатано в конверте¹⁷⁰.

Тогда Инесса вернулась в мае 1919 года. Поэтому то, что было в том письме, останется вечной тайной истории. Хотя, как мне кажется, мы вправе теперь считать, что отношения вождя и „русской француженки“, унесенные от нас рекой времени в вечность, больше не предстают загадкой. Впрочем, духовный космос людей всегда загадочен и обычно несет в себе некую тайну...

Инесса Арманд — солнечное пятно в судьбе вождя русской революции.

Глава 4

**МАВЗОЛЕЙ
ЛЕНИНИЗМА**

Ленинизм — есть вождизм нового типа, он выдвигает вождя масс, наделенного диктаторской властью.

Николай Бердяев

Я уже упоминал в книге о „Вечере воспоминаний“, который состоялся 23 апреля 1924 года, вскоре после смерти Ленина. Выступили тогда на вечере Каменев, Троцкий и Радек. В то время еще не было культа Ленина, и многое из сказанного звучит сегодня как редкое откровение. Но именно это „откровение“ и высвечивает истинного Ленина.

Радек, одна из самых оригинальных и даже комических личностей большевизма, говорил, что Ленин был „первым человеком, который в то, что мы писали, поверил не как в вещь, возможную через 100 лет... а как во что-то неслыханно конкретное...“. Величие Ленина в том, продолжал Радек, что он оказался способным „преодолеть все колебания в партии и повести ее на борьбу за власть“. Радек привел пример, который, по его мнению, подтверждает это „величие“. В одном из своих выступлений в 1921 году Ленин заявил, что „военный коммунизм“ был ошибкой. Я позвонил ему и сказал о своем несогласии с этой оценкой. Он пригласил меня к себе и сказал: „...кто вам сказал, что историк должен правду устанавливать; партия три года вела одну политику, теперь она смотрит на нэп как на грех. Вы можете написать сто теоретических статей, что это не грех, но все-таки в душе вы скажете, что это „грех“. Надо сказать „наплевать“ и сказать, что это была глупость, а потом через год пишете исторические брошюры, в которых вы докажете, что это было гениально...“¹

Трудно выразиться с большим цинизмом о политике, как, например, в данном случае это продемонстрировал Ленин. Но здесь нет „откровения“. Это было известно еще до октябрьских событий. Интересно другое — то, что его соратники уже без оговорок относят этот циничный, вульгарный прагматизм к проявлениям „величия“ Ленина.

Я думаю, что А.Н.Потресов имел в виду именно эту черту вождя, говоря „злодейски гениальный Ленин“². В развернутом виде фанатичную заряженность Ленина на захват и удержание власти сформулировал известный историк Михаил Геллер на международной конференции в Неаполе (ноябрь 1990 года). „Парадокс Ленина, — говорил М.Геллер, — сочетание фанатичной моноидейности с абсолютной открытостью в отношении средств, которые можно использовать для реализации идеи. Павел Аксельрод, один из первых русских марксистов, вспоминает, как в 1910 году на конгрессе социалистов в Копенгагене член исполкома II Интернационала спросил его о Ленине: неужели все расколы, раздоры и скандалы в вашей партии — это дело рук одного человека? Как может один человек быть таким неотомимым и опасным?

Аксельрод ответил: представьте себе человека, который 24 часа в сутки занят революцией, который не думает ни о чем другом, кроме революции, который во сне видит сны о революции. Попробуйте иметь дело с таким человеком. Цитирую Фому Аквинского, признавшегося: я боюсь человека одной книги. Марк Алданов добавляет еще страшнее: человек одной газеты, в особенности если она называется „Правда“. Ленин был человеком одной идеи, одной книги, одной газеты, одной партии. При единственном условии, что это была его идея, его книга, его газета. И, конечно, его партия. Идею Ленина, которая владела им 24 часа в сутки, можно выразить одним словом: власть“³.

Геллер весьма удачно охарактеризовал Ленина как политика. Но я добавил бы: самое главное, самое основное состоит в том, что он смог свою фанатичную убежденность и кредо передать в конечном счете огромному количеству людей. Свой фанатичный максимализм Ленин направил на достижение поначалу „первой фазы коммунистического общества“, когда „все граждане превращаются здесь в служащих по найму у государства, каковым являются вооруженные рабочие. Все граждане становятся служащими и рабочими одного всенародного, государственного „синдиката“. Все дело в том, чтобы они работали поровну, правильно соблюдая меру работы, и получали поровну“⁴.

Ленин смог случайную идею диктатуры пролетариата,

встречающуюся у Маркса, кажется, всего раз-другой, в частности, в письме 1875 года, но совсем не как орудие власти, сделать главным стержнем всей своей политики и практических действий.

И в этом тоже нет ничего удивительного. Сколько на свете существует одержимых какой-либо идеей людей, чудаков, последователей, которых можно усадить всех на одном диване... Ленин же смог заразить своей верой огромное число людей, несмотря на ее большевистскую бредовость. Даже трезвые люди из числа социалистов не были услышаны. Г.В.Плеханов согласился с определением репортера „Единства“, назвавшего курс Ленина на социалистическую революцию „бредом“. Он, „бред“, бывает иногда весьма поучителен в психиатрическом или в политическом отношении. Плеханов ссылается на Чехова и Гоголя, ярко исследовавших феномен „брёда“. Но „это не значит, конечно, что я ставлю Ленина на одну доску с Гоголем или Чеховым. Нет, — пусть он извинит меня за откровенность. Он сам вызвал меня на нее. Я только сравниваю его тезисы с речами ненормальных героев названных великих художников...“⁵.

Но ленинский „бред“, вопреки всему, стал действительностью, материализовался в советской государственности, новых формах образа жизни и идеологических институтах. Более того, ленинизм (так стал называться российский марксизм) проявил поразительную жизнестойкость и даже порой некую привлекательность. На духовной пище ленинизма вскормлены многие поколения советских людей. Но с началом процесса разрушения тоталитарной системы, названной М.С.Горбачевым почему-то „перестройкой“, выяснилось, что ленинизм потерпел огромную историческую неудачу.

Говоря о Ленине, важно ответить: была ли случайностью эта неудача и, более того, явилась ли случайностью живучесть ленинской модели и самого ленинизма*?

На часть вопроса мы попытались ответить в книге. Но, думаю, история еще не сказала по этому поводу своего

* Следует напомнить, что впервые термин „ленинизм“ употребил Мартов в своей брошюре „Борьба с „осадным положением“ в Российской социал-демократической рабочей партии“, вышедшей в Женеве в 1904 году.

последнего слова. Идея социальной справедливости, на которой откровенно паразитировал Ленин, не умрет никогда. Но, разумеется, средневековые методы ее достижения едва ли смогут вновь когда-нибудь заразить миллионы людей. Ленинизм в его классической форме (как и его воплощение) рухнул не потому, что Горбачев это „спланировал“. Нет и еще раз нет. Весь мир (цивилизованный) после октябрьских событий 1917 года постепенно сделал для себя выводы: так нельзя идти в будущее. В этом смысле в огромном „выигрыше“ от Октября оказались западные демократии, но никак не народы России.

Подтачивало монолитную ленинскую Систему не ее совершенство, а неспособность выиграть соревнование у капиталистического мира в экономической, гуманитарной сферах. Историческая же миссия Горбачева свелась к тому, что он не мешал (часто этого не осознавая) самораспаду ленинской Системы. При этом Михаил Сергеевич все время призывал учиться у Ленина крутым поворотам.

А она, эта Система, превратив ленинизм в светскую религию, не уставала заклинять общество святостью образа, идей, программ Ленина, их мессианской роли. Иной раз складывается впечатление, что высший орган государства — ЦК КПСС (так оно и было) львиную долю своих усилий тратил на сохранение в общественном сознании ленинских догм и мифов. Ведь, по сути, ленинизм был главной духовной, идеологической основой государства, родившегося как „диктатура пролетариата“.

Давайте откроем не постановления Политбюро (это мы в нашей книге делали часто), а протоколы Секретариата ЦК КПСС, как рабочего органа верховной партийной власти за 1967—1970 годы. Эти годы — канун столетия со дня рождения В.И.Ленина.

Долго обсуждается на секретариате проект застройки центральной мемориальной зоны в городе Ульяновске. Решено многие миллионы отпустить на очередное идеологически святое место. Правда, без светских мощей. Рассматривается на заседании, которое обычно ведет М.А.Суслов, записка отдела культуры ЦК КПСС „О недостатках в художественном воплощении образа Ленина в литературе и искусстве“. Принимается постановление, ужесточающее

контроль партийных органов за публикациями, экранизациями произведений, где фигурирует Ленин.

Даже Мавзолей, как высшая трибуна для советских руководителей, — под постоянным контролем. Накануне 60-й годовщины Октября планируются, естественно, парад и демонстрация на Красной площади. Но как на Мавзолее Ленина разместить всех знатных людей? Секретариат рассматривает этот вопрос как особый государственный — долго, дотошно.

„Капитонов: Обычно на трибуне Мавзолея размещается около 40—42 человек. Мы имеем в виду пригласить на центральную трибуну членов Политбюро — 10 человек, руководителей социалистических стран — 18 человек, министра обороны, товарищей Роше, Лонго, Ибаррури, Кекконена, президента Йемена Саляля, товарищей Ворошилова, Шверника, Микояна, представителя Фронта национального освобождения Южного Вьетнама.

Суслов: Если приедет Индира Ганди, то ее тоже, видимо, следует пригласить на трибуну. Тогда как же будет с секретарем ЦК компартии Индии, его мы не намечаем приглашать... Возникает довольно сложное положение. Но, может быть, Индира Ганди и не приедет...

Капитонов: На левом крыле трибуны Мавзолея предполагается разместить кандидатов в члены Политбюро, секретарей ЦК КПСС, заместителей Председателя Совета Министров. На правой стороне — маршалов и генералов. На площадке перед входом в Мавзолей — руководителей делегаций коммунистических и рабочих партий. Министры СССР будут располагаться там, где они обычно располагаются.

Суслов: Следовало бы кандидатов в члены Политбюро и секретарей ЦК расположить на трибуне...“

„Мавзолейный“ вопрос обсуждается долго, серьезно, обстоятельно; ведь потоптаться на трибуне — усыпальнице вождя — самая высокая честь приобщения к лику „великих“.

Идеологические, политические вопросы в ленинском государстве всегда имели приоритет перед вопросами экономическими, социальными.

Вот, например, как секретариат скрупулезно рассматри-

вает в мае 1968 года вопрос „О задачах, структуре и штатах Института марксизма–ленинизма при ЦК КПСС“. Поскольку филиалы этого института имеются во всех союзных республиках, а также в Москве, Ленинграде и некоторых других городах, теперь необходимо координировать их работу. Выступают Суслов, Демичев, Пономарев, другие члены Политбюро и секретари ЦК. Устинов считает, например, что институту следует больше заниматься проблемами научного коммунизма. А „что касается кадров, то их нужно дать Институту марксизма–ленинизма в таком количестве, в каком это необходимо“. Русаков обращает внимание присутствующих на то, что „в братских партиях допускается очень много случаев извращения марксистско–ленинской теории... У нас не хватает сил для того, чтобы дать отпор этим неправильным течениям, толкованиям отдельных вопросов марксизма–ленинизма... Нужно следить и давать отпор...“. В этом духе все говорят долго, детально и „обстоятельно“.

Рассматривает секретариат и „ошибку Центрального телевидения в освещении образа Ленина“. Перед членами секретариата — виновные идеологические начальники. Одного из них Суслов отчитывает:

„Разве то, что известный сценарист и известный актер принимали участие в организации этой передачи, избавляет Вас от контроля? Вы имеете достаточное образование — и специальное, и политическое, а выглядите здесь как политический слепец...“

Устинов вторит ему:

„Вам нужно как следует было просмотреть пленку, тем более что речь шла об образе Ленина. И если она такая по содержанию — уничтожить ее, а не передавать в эфир“.

Разговорами дело, естественно, не ограничивается. Делаются и оргвыводы.

До 100–летия со дня рождения Ленина еще очень далеко, а Секретариат ЦК 31 мая 1968 года этот вопрос обсуждает, намечает широкую программу идеологических и политических мер. Рассматривается проблема строительства нового здания Центрального музея В.И. Ленина (хотя ленинских музеев в стране уже множество).

На заседании Секретариата ЦК тщательному допросу

подвергаются люди, допустившие ошибку, приписав Ленину цитату, автором которой в действительности оказывается ревизионист Бауэр. И все это попало в тезисы ЦК КПСС „К 100-летию со дня рождения В.И.Ленина“. Виновных С.А.Титоренко и Э.П.Плетнева предложено наказать... Ну и, конечно, с особым пристрастием обсуждаются вопросы о создании новых государственных заповедников, например, „Горки Ленинские“, о присуждении Ленинских премий, строительстве новых ленинских памятников и другие столь же „важные“ проблемы...⁶

Могло ли хоть одно светское государство уделять фактически религиозным вопросам такое систематическое внимание? В такой уродливой, средневековой форме? Разве мог бы ленинизм жить в стране, если бы его так не культивировали?

Предполагал ли сам Ленин, что подобное идолопоклонство будет рассматриваться как высший смысл государственной политики?

Не является ли подобная практика примером массового, многолетнего, глубокого затмения сознания великого народа идеями и мифами человека, который был по духу чужероден России?

Истории еще предстоит продолжать выяснять роль этого поразительного феномена. Но как бы там ни было, Ленин проявил удивительную целеустремленность, изворотливость, хитрость, волю в достижении цели, в которую, похоже, вначале верил он один.

Ленин, улучив момент, ловко подобрал почти валявшуюся власть. Он успел заложить только фундамент монолитного и прочного здания, пока его не подкосила болезнь. Но не повлияла ли она на его политические решения? Особенно в 1921—1922 годах?

Власть и болезнь

В декабре 1935 года начальник Лечебно-санитарного управления Кремля Ходоровский обнаружил в секретном архиве записки покойного профессора-невропатолога В.Крамера, лечившего Ленина. Естественно, он тут же доложил о них высшим властям Кремля. Однако их уже мало

интересовало то прошлое, которое было скрыто от всех. Записки Крамера отправили в совершенно секретный архив ЦК, где они и пролежали еще более полувека.

Профессор пишет, что болезнь Ленина, закончившаяся смертью, „длилась в общей сложности около двух с половиною лет, причем общая характеристика ее таила в себе такие признаки, что все невропатологи, как русские, так и заграничные, останавливались на ней как на чем-то, что не соответствовало трафаретным заболеваниям нервной системы“⁷.

Уже во второй половине 1921 года Председатель Совнаркома был серьезно болен. Однако Ленин работает по-прежнему очень много и напряженно. Вот, например, один такой день 21 июня 1921 года, каковых (по нагрузке) было много.

В 11 часов Ленин приезжает на автомобиле из Горок и сразу отправляется на заседание Политбюро. Там целая куча вопросов: о чистке личного состава партии, о борьбе с голодом, о III Конгрессе Коминтерна, о налогах, о приезде американского сенатора Д.Франса, о предстоящей Московской губернской партийной конференции, о предложении китайскому правительству о выдаче белогвардейцев, о допуске представителей Великобритании в Петроград, об утверждении В.Л.Копша полномочным представителем РСФСР в Германии, множество кадровых вопросов...

То было рядовое заседание Политбюро, которое решало и предreshало все государственные дела. Партия уже подменила и подмяла государство.

До вечернего заседания правительства, начавшегося в этот день в 18 часов, Ленин занимается работой, которую он любил: писать или диктовать записки. На этот раз он пишет письма, телеграммы, записки уполномоченному Наркомпрода на Северном Кавказе М.Н.Фрумкину, заместителю наркома внешней торговли А.М.Лежаве, своему заместителю по Совнаркому А.И.Рыкову, заместителю наркома продовольствия Н.П.Брюханову, членам коллегии Накрома внешней торговли Войкову и Хинчуку, секретарю ВЦИК А.С.Енукидзе, в Наркомат земледелия И.О.Теодоровичу, секретарю Л.А.Фотиевой, библиотекарю Манучарьянц, заместителю наркома просвещения Е.А.Литкенсу. В этот же отрезок времени читает письма, телеграммы, подписывает де-

нежные документы, мандаты, рассматривает прошения, звонит по телефону, знакомится с письмом японского корреспондента П.Саваямы, которому отказывают в приезде в Россию, и т.п. и т.д.

Вечером Ленин председательствует на заседании Совета Народных Комиссаров, который рассмотрел несколько десятков вопросов. В ходе заседания Председатель правительства вновь пишет записки, подписывает документы, обрывает говорюнов, требует тишины, раздражается, если кто-то входит или выходит...

Таков лишь один рабочий день Ленина⁸. Нагрузка на человека, который лишь на сорок восьмом году своей жизни, по существу, узнал, что такое государственная служба, огромна. Организм Ленина болезненно адаптируется к состоянию бесконечного переключения внимания с вопросов экономических на политические, с партийных — на дипломатические, рассмотрение огромной массы мелких текущих дел, которые тогда называли „вермишелью“, встречи с множеством людей. Ленин из зарубежного наблюдателя российской государственной жизни и ее ожесточенного критика (что всегда проще) превращается в творца этой жизни. Он перемещается в эпицентр всех драматических и трагических событий огромной страны. Нервная система работает напряженно, с огромными перегрузками. А ведь, судя по ряду косвенных признаков и свидетельств, она никогда не была у него крепкой. Известно, что он очень быстро возбуждался, получая сообщения о драматических событиях, возникшей опасности, — терялся, бледнел. Как рассказывал К.Радек, когда Ленин возвращался в Россию и переехал шведскую границу в апреле 1917 года, в вагон вошли солдаты. „Ильич начал с ними говорить о войне и ужасно побледнел“⁹.

Его порой раздражала музыка (скрипка), он не переносит внешнего шума, стука за стеной, суеты, разговоров на заседаниях. Как вспоминала Лидия Александровна Фотиева, в июле 1921 года, когда ремонтировалась его квартира в Кремле, Ленин требовал, чтобы перегородки между комнатами были „абсолютно звуконепроницаемые“, а полы — „абсолютно нескрипучие“.

На свои нервы Ленин жаловался довольно часто. Так, в

письме к сестре Марии Ильиничне в феврале 1917 года брат пишет: „Работоспособность из-за больных нервов отчаянно плохая“¹⁰. По ряду косвенных признаков Ленин знал о неблагополучии со своими нервами. Так, в его ранних бумагах обнаружены адреса врачей по нервным, психическим болезням, которые проживали в Лейпциге в 1900 году¹¹.

Несколько лет после октябрьского переворота, насыщенных драматизмом революционных событий, форсировали у вождя болезнь мозга и нервов. Особенно это стало заметно с весны 1922 года. Как писал В.Краммер, ему, как врачу, уже тогда стало ясно, что „в основе его болезни лежит действительно не одно только мозговое переутомление, но и тяжелое заболевание сосудистой системы головного мозга“¹².

Известно, что болезнь сосудов головного мозга очень тесно связана с психическими заболеваниями. Не случайно, что большинство врачей, лечивших Ленина в 1922—1923 годах, были психиатры и невропатологи. Психические заболевания на почве атеросклероза сосудов, как гласит медицинская литература, проявляются в систематических головных болях, раздражительности, тревоге, состояниях депрессии, навязчивых идеях... Все это можно проследить у больного Ленина. Например, как установил Евгений Данилов (мною найдены подтверждения этих выводов), в ходе болезни Ленин был часто раздражителен, гнал врачей от себя, иногда не хотел видеть Крупскую...¹³ Болезнью не только повреждены сосуды, но затронута и психика.

Однако Ленин продолжал руководить партией и страной. Периодами его мучает какая-либо навязчивая, маниакальная идея, пока он не найдет для нее практического выхода. Весной 1922 года, например, это была проблема церкви: Ленину казалось, что после разгрома сил контрреволюции в гражданской войне церковь возглавила весь тайный антисоветский лагерь. Председатель Совнаркома инициирует ряд самых жестоких решений правительства антирелигиозного характера, исподволь готовит решающий удар по церкви.

Вернемся еще раз к церковной теме, но уже в связи с болезнью.

В начале марта 1922 года Ленин, как мы знаем, уезжает

на отдых в Корзинкино, близ Троицкое–Лыково Московской губернии, где отдыхает три недели. Церковь не дает ему покоя. Он все больше убеждается (такова идея, которая его мучает): церковь — последний бастион контрреволюции. Несколько дней он увлеченно работает над программной статьей „О значении воинствующего материализма“, размышляет над практическими шагами по резкому ограничению влияния церкви. Мысли его радикальны и беспощадны. Ленину кажется, что программа разгрома церкви в России не только даст крупные денежные средства советской власти, но и резко продвинет страну вперед по пути социализма. Золото плюс безраздельное влияние коммунистической идеологии! Это так важно и ценно!

19 марта 1922 года он пишет письмо (его любимый жанр) И.И.Скворцову–Степанову с предложением подготовить книгу по истории религии резко выраженного атеистического характера, где надо показать политическую связь церкви с буржуазией.

Закончив письмо, он садится за другое, членам Политбюро, может быть, одно из самых страшных в его наследии: „По поводу происшествия в Шуе...“¹⁴ Сообщение о протесте и сопротивлении верующих церковному погрому в Шуе привело Ленина в бешенство. Слова из его письма: „Чем большее число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше“ — свидетельствовали, что их автор находился в воинственно–возбужденном состоянии. Даже во времена средневековой инквизиции столь откровенное палачество чем–то маскировалось.

Мы, видимо, никогда доподлинно не узнаем, в какой степени болезнь наложила свой отпечаток на многие решения Ленина. Он, как мы знаем, был способен на жестокие решения и раньше. Вспомним его директивы и распоряжения о расстрелах, повешениях в 1918 году. Внимательный анализ ситуаций, в которых принимались эти беспощадные решения, показывает: чем была выше нервная перегрузка лидера большевиков, тем радикальнее и беспощаднее были его решения. Власть — огромная, бесконтрольная, необъятная — усугубила болезненно–патологические проявления в психике Ленина.

Вспомним, в августе—сентябре 1922 года Ленин выступает инициатором высылки российской интеллигенции за рубеж, беспощадной и бесчеловечной. Выгнать цвет российской культуры за околицу отечества — такое могло прийти в голову только больному или абсолютно жестокому человеку. Но еще за месяц—два до этих роковых решений больной Ленин с помощью Крупской учится писать, делает элементарные примеры по арифметике, пишет простенькие диктанты...

Листки бумаги, исписанные едва понятным, ломающимся почерком, фиолетовыми чернилами и химическим карандашом, — это упражнения, которые выполнял вождь под руководством Крупской¹⁵. Именно в это время, после майского удара, у Ленина усилились провалы в памяти, ослабла адекватность реакции на события; рассеянность, „невозможность“, как пишет В.Крамер, „выполнения самых простых арифметических задач и утрата способности запоминания хотя бы нескольких коротких фраз при полной сохранности интеллекта“¹⁶.

В „полной сохранности интеллекта“ приходится, конечно, усомниться. Например, 30 мая, как вспоминала М.И.Ульянова, когда „врачи предложили ему помножить 12 на 7 и он не смог этого сделать, то был этим очень подавлен. Но и тут сказалось обычное упорство. После ухода врачей он в течение трех часов бился над задачей и решил ее путем сложения ($12+12=24$, $24+12=36$ и т.д.)¹⁷. Однако после этого всего через месяц—другой вождь принимает решения, имеющие огромное значение для судеб России и мирового сообщества: высылка интеллигенции за границу, одобрение постановления ВЦИК „О внесудебных решениях ГПУ, вплоть до расстрела“¹⁸, определение вопросов стратегии и тактики III Интернационала — переход от непосредственного штурма буржуазной крепости к ее методической осаде. Кто скажет, восстановился ли вождь большевиков после болезни, принимая эти решения?

Ленин опасно болен. Политбюро вызывает врачей из-за рубежа. Сталин дает инструкции Крестинскому в Берлин: „Всеми средствами воздействовать на Германское правительство с тем, чтобы врачи Ферстер и Клемперер были отпущены в Москву на лето... Выдать Ферстеру (Клемпереру выда-

дут в Москве) пятьдесят тысяч золотых рублей. Могут привезти семья, условия в Москве будут созданы наилучшие¹⁹.

Ленину врачи своей методичностью надоедают. Он пишет Сталину: „Покорнейшая просьба освободить меня от Клемперера... Убедительно прошу избавить меня от Ферстера. Своими врачами Крамером и Кожевниковым я доволен сверх избытка“²⁰.

Однако соратники в переписке между собой не очень слушают больного. Зиновьев предлагает: „Немцев оставить; Ильичу — для утешения — сообщить, что намечен новый осмотр всех 80 товарищей, ранее осмотренных немцами...“ Члены Политбюро соглашаются.

Ленин настойчив, хочет, чтобы его держали в курсе политических дел. „Т. Сталин! Врачи, видимо, создают легенду, которую нельзя оставить без опровержения. Они растерялись от сильного припадка в пятницу и сделали сугубую глупость: пытались запретить „политические“ совещания (сами плохо понимая, что это значит). Я чрезвычайно рассердился и отшил их. В четверг у меня был Каменев. Оживленный политический разговор. Прекрасный сон, чудесное самочувствие. В пятницу паралич. Я требую Вас экстренно, чтобы успеть сказать, на случай обострения болезни. Только дураки могут тут валить на политические разговоры. Если я когда волнуюсь, то из-за отсутствия современных и компетентных разговоров. Надеюсь, Вы поймете это, и дурака немецкого профессора и К° отошлете. О пленуме ЦК непременно приезжайте рассказать или присылайте кого-либо из участников...“²¹

Для Ленина политика — это жизнь, а жизнь — это политика...

Ленин болен, но совершенно нет серьезного „позыва“, чтобы снять с себя бремя власти, освободиться от нее, выйти в отставку, — нет, власть для него — высший смысл его жизни. Правда, летом 1922 года он несколько раз заводит разговоры о том, что если он не сможет заниматься политикой, то попробует себя в сельском хозяйстве. М.И.Ульянова вспоминала даже его рассуждения о селекции, выращивании шампиньонов и разведении кроликов. Но, как и следовало ожидать, эти „сельскохозяйственные“ разговоры были мимолетными, несерьезными и навеяны, видимо, сельской обстановкой усадьбы в Горках.

Мучительно переживая приступы болезни не только в силу ее физиологического влияния, сколько от безмерной духовной горечи в результате отстраненности от текущих дел, Ленин часто раздражается. По любому поводу. Его гнетет вынужденное бездействие, он замечает, что соратники своей заботой о здоровье фактически все дальше отодвигают его от штурвала непосредственного управления революционным российским кораблем. Думаю, что осознание этого факта особенно усугубляет страдания больного.

Власть для Ленина — смысл его жизни. Он не собирается с ней расставаться, будучи совершенно больным. Одна мысль о ее потере для него невыносима. Для Ленина власть — понятие более широкое, философское, нежели собственное участие в процессе управления государством. Однажды А.А.Иоффе прислал Председателю Совнаркома письмо, в котором отождествлял Ленина с ЦК.

Вождь тут же ему категорически возразил: „Вы ошибаетесь, повторяя (неоднократно), что „Цека — это я“. Это можно писать только в состоянии большого нервного раздражения и переутомления“²².

Просто власть для Ленина как личности была высшим смыслом его существования, способом реализации своих убеждений, хотя он не был тщеславным человеком. Утверждения Иоффе, как я понимаю, основываются на констатации огромного личного влияния лидера большевиков. И это влияние определялось не только тем, что он был Председателем СНК, Совета Труда и Оборона и членом Политбюро. Его фанатичная убежденность, непреклонная воля, политическая энергия, безапелляционность выводов и решений производили большое впечатление на окружающих. Как писал В.С.Войтинский, „Ленин был окружен атмосферой безусловного подчинения... Все смотрели на действительность „глазами Ильича“²³.

Повторяющиеся спазмы сосудов все больше угнетали больного, и он довольно часто пессимистически высказывался по поводу перспектив своего выздоровления. Так, 14 июня 1922 года „после одного короткого спазма сосудов Владимир Ильич сказал Кожевникову: „Вот история, так будет кондрашка“. И позднее, в начале зимы 1923 года, опять—

таки после короткого спазма, который продолжался несколько минут, Владимир Ильич сказал Крамеру и Кожевникову, присутствовавшим при этом: „Так когда-нибудь будет у меня кондрашка, мне уже много лет назад один крестьянин сказал: „А ты, Ильич, помрешь от кондрашки“, и на мой вопрос, почему он так думает, он ответил: „Да шея у тебя больно короткая“. И хотя Ленин пробовал шутить, чувствовалось, что он и сам придерживается мнения этого крестьянина“²⁴.

Ленина угнетали предчувствия, он замечает утрату способности работать так, как он мог это делать раньше. Однажды, когда к Владимиру Ильичу пригласили профессора Доршкевича, больной пожаловался на бессонницу, отсутствие „душевного покоя“. Профессор, осмотрев больного, в итоге констатировал: „Во-первых, масса чрезвычайно тяжелых неврастенических проявлений, совершенно лишивших его возможности работать так, как он работал раньше, а во-вторых, ряд навязчивостей, которые своим появлением сильно пугали больного“.

— Ведь это, конечно, не грозит сумасшествием? — спросил Доршкевича Ленин. Профессор сказал:

— Невязчивости тяжелы субъективно, но они никогда не ведут за собой расстройство психики²⁵.

Врачи, которых около Ленина после 1921 года всегда было весьма много, стали вести историю его болезни с 29 мая 1922 года. В течение года записи вел невропатолог А.М.Кожевников, весьма наблюдательный врач; с 6 мая до 4 июля 1923 года состояние Ленина фиксировал в журнале В.В.Крамер и на заключительном, роковом отрезке болезни — профессор В.П.Осипов, в прошлом начальник кафедры психиатрии Санкт-Петербургской военно-медицинской академии, один из крупнейших специалистов в своей области.

Я приведу несколько характерных наблюдений врачей, зафиксированных в истории болезни В.И.Ленина, позволяющих глубже оценить его состояние, когда больной с огромной настойчивостью пытается вернуться на политическую сцену. Этот документ свидетельствует, что, даже когда Ленин был второй раз повержен новым ударом, все его помыслы только там — в Политбюро, Совнарком, в Кремле. Ле-

нин не может представить, что власть, которую он так неожиданно получил, в результате болезни переходит в другие руки. Однако лидер большевиков борется, борется, не теряя надежды вернуться на вершину холма власти. Вот несколько фрагментов записей из истории болезни В.И.Ленина с 3 октября 1922 года (времени относительного выздоровления) до второго удара в декабре того же года. Дата записи, хотя и помечена конкретным числом, иногда охватывает несколько дней.

10 октября. Кожевников и Крамер беседовали с Лениным после вечернего заседания в Совнарком. „Зуб почти прошел, но благодаря бывшей болезни нервы несколько разошлись и временами появляется желание плакать, слезы готовы брызнуть из глаз, но Владимиру Ильичу все же удается это подавить; не плакал ни разу“.

31 октября. В 12 часов Владимир Ильич выступил с речью во ВЦИКе (первое публичное выступление после майского удара. — Д.В.). „Говорил сильно, громким голосом, был спокоен, ни разу не сбился... Дома слушал музыку, рояль его не расстроил, скрипку же слушать не мог, так как она слишком сильно на него действовала.“

Накануне, в воскресенье, 29-го врачи были у Каменева, где были еще Сталин и Зиновьев. Каменев сообщил, что на последнем заседании СНК Владимир Ильич критиковал один из пунктов законопроекта, затем не заметил, что перевернулась страница, и вторично стал читать, но уже другой пункт, снова стал его критиковать, не заметив, что содержание этого пункта было совершенно иное“.

13 ноября. „Владимир Ильич выступал на пленуме Конгресса Коминтерна и произнес на немецком языке часовую речь. Говорил свободно, без запинок, не сбивался... После речи Владимир Ильич сказал доктору Кожевникову, что в одном месте забыл, что он уже говорил, что ему еще нужно сказать...“ Сообщил, что накануне „был очень коротенький паралич в правой ноге“.

Сделаю отступление по поводу речи 13 ноября на IV Конгрессе Коминтерна: „Пять лет российской революции и перспективы мировой революции“. По сути, она была посвящена нэпу и чистосердечному признанию: „Мы сделали и еще сделаем огромное количество глупостей. Никто не мо-

жет судить об этом лучше и видеть это нагляднее, чем я". Но Ленин после серии международных поражений явно охладел к мировой революции. Вождь назвал перспективы ее „благоприятными“, но был в их конкретном рассмотрении очень краток. В конце речи Ленин довольно осторожно, но в то же время определенно высказался об итальянском фашизме, который может оказать „большие услуги“ в разъяснении недостаточной просвещенности людей и в показе того, что „их страна еще не гарантирована от черной сотни“²⁶.

Действительно, речь была довольно обычной для Ленина; в ней трудно усмотреть умственную болезнь человека. Однако она стоила ему огромного, запредельного напряжения — окончив ее, оратор был весь мокрый. Врачи продолжают лечение и наблюдение за Председателем Совнаркома.

25 ноября. Ленин шел по коридору, и у него начались судороги ноги. Он упал. С трудом поднялся. Решили, после совета с врачами, не участвовать в очередных заседаниях и отдыхать целую неделю.

12 декабря 1922 года Ленин работал у себя в кремлевском кабинете, принимал А.И.Рыкова, Л.Б.Каменева, А.Д.Цюрупу, Ф.Э.Дзержинского, Б.С.Стомонякова. По телефону дал согласие об очередной высылке антисоветских элементов за границу. Словом, это был обычный день Ленина.

Но никто еще не знает, что это был последний рабочий день Ленина в его служебном кабинете.

13 декабря. „Доктор Кожевников и профессор Крамер были у Владимира Ильича... параличи бывают ежедневно. Сегодня утром в кровати был небольшой паралич, а в сидячей ванне был другой... Владимир Ильич расстроен, озабочен ухудшениями состояния“.

16 декабря. „Состояние ухудшилось“. Ленин с трудом может писать, но текст неразборчив, буквы лезут одна на другую. В течение 35 минут ни рука, ни нога (правые) не могли произвести ни одного движения. Попадание кончиком пальца на кончик носа не удается²⁷.

Почти каждый день врачи записывают: „к вечеру стал нервничать“, „настроение стало хуже“, „к вечеру Владимир Ильич стал нервничать“, „настроение плохое“.

Ленин мучительно переживает свою вынужденную отстраненность от политической жизни. Писать он, как раньше, уже не может. Документы ему почти не докладывают, бумаги на подпись почти не несут. Хотя вождь еще несколько раз косвенным образом (заочное голосование, телефонные разговоры, записки) участвует в работе Совнаркома и Политбюро. Но забота соратников и врачей, как вата, изолирует лидера большевиков от коллизий российской жизни.

Еще раньше, на заседании Политбюро 20 июля 1922 года, решили: „Свидания с т. Лениным должны допускаться лишь с разрешения Политбюро, без всяких исключений...“²⁸ Следить за исполнением решения поручили Генеральному секретарю. После октябрьского улучшения сделали послабления: к Ленину понемногу идут люди: Каменев, Зиновьев, Молотов, Лозовский, Свидерский, Смилга, Уншлихт, некоторые другие. Как будто Ленин опять включился в бурный поток жизни. Но настроение Ленина было тревожным. Он чувствовал симптомы ухудшения.

Ленин спешил. Он хотел что-то еще сделать, что-то поправить, что-то сказать. Больной в состоянии связно говорить и приступает к диктовке материалов, которые в истории известны как „Последние письма и статьи В.И.Ленина“ (23 декабря 1922 г. — 2 марта 1923 г.).

Днем 23 декабря он продиктовал дежурному секретарю М.А.Володичевой часть драматического документа, который, как он сказал стенографистке, есть его „Письмо к съезду“.

Первая фраза потрясающая: „Я советовал бы очень предпринять на этом съезде ряд перемен в нашем политическом строе...“

Когда я писал книгу о Сталине (около пятнадцати лет назад и когда мое сознание еще не полностью освободилось от догматического обруча), мне эта фраза и то, что следовало дальше, казалось великим откровением. Сейчас я так уже не думаю.

Ленин не был способен на „перемены в нашем политическом строе“. Ведь этот строй обеспечил ему власть и надежду на достижение планетарной цели — победы мировой коммунистической революции. Ленин ничего не хотел менять в стратегии. Он намерен осуществить лишь изменения

оперативного и тактического характера: увеличить число членов ЦК, ввести туда больше рабочих. И все это накануне обострения борьбы с „враждебными государствами“. Какие же это перемены в „политическом строе“?

На другой день врачи побывали у Сталина, Каменева и Бухарина, доложили о состоянии Ленина, о его диктовке 23 декабря. „Тройка“ задним числом решает, что больной „имеет право“ ежедневно диктовать по 5—10 минут, „но это не должно носить характер переписки, и на эти записки Владимир Ильич не должен ожидать ответа“²⁹.

Ленин продолжал диктовать „Письмо к съезду“ 24, 25 и 26 декабря. К этому документу он вернулся еще 4 января 1923 года, продиктовав известное добавление к письму от 24 декабря, касающееся Сталина и частично Троцкого.

Что хотел сказать больной вождь, отрешенный от политической стремнины недугом и соратниками?

Ленина заботит прежде всего единство партии, опасность раскола Центрального Комитета, бюрократичность существующего аппарата власти. Он не видит корней бюрократической опасности. Ленин находится во власти одной идеи: больше рабочих и крестьян в ЦК, в аппарат партии. Он верит, что „рабочие, присутствуя на всех заседаниях ЦК, на всех заседаниях Политбюро, читая все документы ЦК, могут составить кадры преданных сторонников советского строя...“³⁰.

Мы все были наивными людьми, да и сейчас остались ими в немалой мере, веря, что стоит „поменять“ людей, „команду“, ввести туда побольше выходцев из „рабочих“ — и все изменится. А надо, как сказал сам Ленин в начале документа, произвести перемены в „политическом строе“. Но этого Ленин как раз делать и не хотел. И не мог.

Ведь Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев — все „из крестьян и рабочих“. Почти все члены Политбюро и ЦК — тоже. Однако железобетон бюрократизма скоро стал сутью ленинской системы. Дело далеко не в конкретных людях и их социальном происхождении.

„Письмо к съезду“ интересно анализом ленинского окружения, возможных преемников, хотя Ленин не решился прямо назвать своего наследника. Однако назвал того и тех, кто, по его мнению, не могли быть им. Документ, который

иногда называют „Завещанием“ Ленина, автор хотел сделать абсолютно секретным. Ленин просил, чтобы пять экземпляров документа хранились в опечатанных сургучом конвертах, которые может вскрыть после его смерти только Надежда Константиновна Володичева не стала писать на конверте об этой посмертной воле. С Лениным уже не очень считались не только его соратники, но и технические секретари. Фотиева, заведовавшая секретариатом Совнаркома, проинформировала Сталина, а затем и некоторых других членов Политбюро о содержании диктовок Ленина. Сталин, таким образом, имел возможность подготовиться к нейтрализации воли Ленина и заручиться поддержкой сотоварищей накануне XIII съезда партии. (Когда проходил XII съезд, Ленин был жив и, таким образом, письмо должно было оставаться „секретным“.)

Думаю, что „Письмо к съезду“, став „досрочно“ известным членам Политбюро, сыграло в разжигании борьбы за власть роковую роль. Как ни крути текст, а из него выходит, что Троцкий, хотя и чрезмерно самоуверен и увлекается администрированием, тем не менее „самый способный человек в настоящем ЦК“, обладающий выдающимися способностями. О Сталине сказано, что он „слишком груб“ и едва ли сумеет „достаточно осторожно“ воспользоваться предоставленной властью³¹. Получилось: Ленин хотел избежать борьбы и раскола из-за личных отношений Сталина и Троцкого, а фактически (помимо своего желания) вызвал ее крайнее обострение в последующем.

Судьба „Письма к съезду“ драматична. Оно было доведено до делегатов XIII съезда, но с рекомендацией Политбюро оставить Сталина на посту Генерального секретаря, с устранением у него отмеченных Лениным недостатков. Затем на долгие десятилетия документ был замурован в тайниках партийных архивов. Но сегодня нам уже ясно (еще десятилетие назад мы думали по-другому) — дело не в Сталине. Главным образом не в Сталине. Созданная Лениным Система своего „Сталина“ все равно бы нашла. Возможно, без чудовищных экспериментов Джугашвили–Сталина. Но однопартийная „диктатура пролетариата“ с неизбежностью пришла бы к авторитарному режиму. Поэтому, веро-

ятно, мы серьезно переоценивали роль этого ленинского документа — никаких „перемен в нашем политическом строе“ он не предлагал. Он хотел ослабить бюрократическую хватку в обществе, но... бюрократическими методами. Я еще раз подчеркиваю, что этот же сюжет в книге о Сталине я писал (такими пятнадцать лет назад мы были почти все), видя в Ленине неземную безгрешность.

До начала марта Ленин продиктовал несколько писем и статей о законодательных функциях Госплана, по национальному вопросу, о кооперации, особенностях революции, рабоче-крестьянской инспекции. В 1929 году на траурном заседании, посвященном пятилетию со дня смерти Ленина, Н.И.Бухарин сделал доклад „Политическое завещание Ленина“, в котором оратор назвал последние работы вождя „перспективным планом всей нашей коммунистической работы“³². С легкой руки докладчика на протяжении десятилетий эти статьи мы называли „ленинским планом социалистического строительства“. Не вспомнили сталинские пропагандисты об авторстве этого тезиса даже тогда, когда несчастный Бухарин обреченно ждал расстрела. Последние работы Ленина названы „планом“; так они и вошли надолго в нашу жизнь.

Нельзя отрицать политического и практического значения последних диктовок Ленина, особенно по национальному вопросу и о кооперации. Останется непреходящей его идея о значении „союза социалистических республик“ и роли кооперации. В этих вопросах Ленин поднялся до изменения „всей точки зрения нашей на социализм“³³. Однако многие верные положения явно обесцениваются старым политическим мотивом: все это необходимо осуществлять, ибо „весь мир уже переходит теперь к такому движению, которое должно породить всемирную социалистическую революцию“³⁴.

Пожалуй, самое удивительное то, что Ленин оказался способен продиктовать эти достаточно большие по объему материалы в основном в течение конца декабря и января. Нужно учитывать и то, что в ночь с 16-го на 17-е, а затем и в ночь с 22 на 23 декабря 1922 года состояние Ленина резко ухудшается. Профессор В.Крамер отмечает в своих записках, что в это время появились заметные симптомы осла-

бления памяти. Эту „волнообразность“ болезни, ее „своеобразное течение“ подтвердили и другие врачи: Штрюмпель, Геншен, Нонне, Бумке, Ферстер, Кожевников, Елистратов³⁵.

Природа как бы дала еще один шанс Ленину заявить о себе, своем значении. И он им воспользовался в полной мере. Поэтому едва ли прав его давний и талантливый оппонент Виктор Михайлович Чернов, написавший после смерти Ленина статью о нем, где утверждал, что „духовно и политически он умер уже давно, по меньшей мере год тому назад“³⁶. Но мы видим, что Ленин как раз больше всего боялся смерти политической. И хотя последние статьи и письма его соратниками, которых он растил по своему образу и подобию, расценивались не более чем политические конвульсии, Ленин боролся... Он не мог, не хотел лишаться смысла своего существования: политической борьбы, политического руководства, политических устремлений.

Политбюро, начиная со второй половины 1921 года, то и дело предоставляло и продлеvalo отпуска Ленину. После мая 1922 года, по всей видимости, многие члены Политбюро уже мало верили в окончательное выздоровление Ленина и прикидывали свои шансы в новой расстановке сил в партийной коллегии после отхода вождя от активной деятельности. Не случайными были и постановления ЦК о контроле „за режимом лечения Ленина“, который, по сути, означал почти полную изоляцию лидера от политической и общественной жизни. Ленин настойчиво учился говорить и писать в Горках, а другие вожди в Кремле готовили почву для решающей схватки за личную власть, за свое влияние. Сталин, Каменев и Зиновьев не скрывали своих опасений в отношении Троцкого, который, похоже, давно в душе считал, что только он может быть преемником Ленина, что это место логикой истории давно „забронировано“ для него.

Больной надеялся на выздоровление, хотя мысли о смерти приходили к нему все чаще. Об этом можно судить, если вспомнить тему смерти Лафаргов, которую не раз поднимал Ленин в разговорах с Крупской; повышенный интерес к медицинской литературе, просьбы к жене, сводящиеся к тому, что она даст ему яд, когда уже не будет надежды. Очень часто врачей он встречает почти враждебно.

— К чему все мучения и заботы, если нет надежды?

И конечно, в ответ слышал (возможно, эти вопросы и задавались в расчете на эти ответы) уверения в больших шансах полного выздоровления и т.д.

Ленин все чаще думал о вечности, которая поглотит его, и, естественно, интересовался, что говорят и пишут о нем. Будучи больным, он перечитал статью Горького „Владимир Ильич Ленин“, спрашивал статью Троцкого „Национальное в Ленине“, выискивал хвалебное упоминание его имени в статьях Бухарина, других соратников, стал просить читать ему письма и телеграммы (чего раньше не наблюдалось) из различных уголков России с пожеланиями выздоровления и дифирамбами в его адрес. Ленин, видимо, задумывался: каким он останется в памяти людей, что он им дал, чего он добился?

Давно замечено, что люди, которые ощущают, что их земной путь подходит к концу, как бы подводя итоги жизни, возвращаются вновь и вновь к памятным событиям и датам. Интересные наблюдения на этот счет содержатся в работе Б.Равдина „История одной болезни“. Ленин вспоминал прошлое, знакомых, повороты, которые он так часто делал. Люди, прошедшие на экране его жизни, все были связаны с революционным делом: друзья или враги. Личного в его отношениях было мало (разве к жене, И.Арманд и к матери).

Виктор Чернов верно подметил, что Ленин соратникам „легко прощал их ошибки, даже их измены, хотя порой задавал им хорошие головоломки, чтобы возратить „на путь истинный“: злопамятства, злобности в нем не было; но зато враги его дела для него были не живыми людьми, а подлежащими уничтожению абстрактными величинами; он ими не интересовался; они были для него лишь математическими точками приложения силы его ударов, мишенью для постоянного, беспощадного обстрела. За простую идейную оппозицию партии в критический для нее момент он способен был, не моргнув глазом, обречь на расстрел десятки и сотни людей; а сам любил беззаботно хохотать с детьми, любовно возиться с щенками и котятками“³⁷.

У него было время пристально посмотреть на свою жизнь как бы со стороны, философски оценивающе. Но нет

ни одного признака и даже намека в его последних беседах, записках, статьях, что он в чем-то раскаивался. Ошибки, просчеты, неудачи Ленин считал естественными элементами революционного процесса. Он никогда не жалел, что похоронил социал-демократию в России, пресек в зародыше поползновения либералов к парламентаризму, ничем не выдал своего сожаления о бесчеловечном физическом уничтожении династии Романовых, расстреле Каплан, разгроме союзников-эсеров, запрещении всей небольшевистской печати, чудовищном церковном погроме, изгнании из отечества цвета российской интеллигенции, разрушении губернского устройства России, разбазаривании огромного количества национальных богатств на мировую революцию... Ленин никогда не сожалел о том, о чем скорбели и скорбят подлинные российские патриоты. Цель была для него универсальным и вечным оправданием. Что не вписывалось в прокрустово ложе его схем, он с легкостью предавал коммунистической анафеме.

Ленин был как бы рожден для такой власти: решительной, беспощадной, идеологизированной. Болезнь постепенно, но неумолимо отодвинула вождя от рычагов управления, которые были его высшей целью, но целью не личной, а классовой. До марта 1923 года Ленин не терял надежды на возвращение, но она просто в одночасье рухнула в начале той далекой весны.

Долгая агония

Ленин в конце жизни уже не был режиссером собственной судьбы.

Профессор В.Крамер в своих воспоминаниях отмечает, что к марту 1923 года надежды на выздоровление все еще сохранялись. Хотя уже в феврале вновь отмечались „сперва незначительные, а потом и более глубокие, но всегда только мимолетные нарушения в речи... Владимиру Ильичу было трудно вспомнить то слово, которое ему было нужно, то они проявлялись тем, что продиктованное им секретарше он не был в состоянии прочесть, то, наконец, он начинал говорить нечто такое, что нельзя было совершенно понять“³⁸.

Лучшим „переводчиком“ для него была Надежда Константиновна, которая с поразительным стоицизмом несла свой мученический крест.

После того памятного разговора по телефону Сталин больше ее не беспокоил, он просто не замечал Крупскую. Теперь Генеральный секретарь, мало веря в выздоровление вождя, явно тяготился обязанностями по контролю за его лечением. Известно, что 1 февраля 1923 года он демонстративно зачитал на заседании Политбюро свое заявление с просьбой освободить его от полномочий „по наблюдению за исполнением режима, установленного врачами для т. Ленина“. Ответ партийной коллегии был единогласным: „Отклонить“³⁹.

В начале марта 1923 года Ленин был увлечен так называемым „грузинским делом“. Конфликт между группой Мдивани и Закавказским крайкомом РКП расшатывал только что созданный союз республик. Ленин не был согласен с Мдивани, но в настоящий момент видел бóльшую опасность не в местном национализме, а в великодержавном шовинизме, позицию которого в этом вопросе заняли Г.К.Орджоникидзе, Ф.Э.Дзержинский и И.В.Сталин.

Придавая особое значение национальному вопросу, Ленин продиктовал записку Троцкому с просьбой „взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под „преследованием“ Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие“⁴⁰. Троцкий, однако, ссылаясь на болезнь, уклонился от выполнения этой последней просьбы к нему вождя. „Второй человек“ в русской революции понимал, что браться за „грузинское дело“ — это значит идти на прямой, открытый конфликт с Генеральным секретарем. Троцкий просто выжидал.

На другой день, узнав об отказе Троцкого, Ленин продиктовал последнее в своей жизни письмо П.Г.Мдивани, Ф.Е.Махарадзе и другим: „Всею душой слежу за вашим делом. Возмущен грубостью Орджоникидзе и потачками Сталина и Дзержинского. Готовлю для вас записки и речь“⁴¹. Он еще не знает, что не только не будет этой „записки и речи“, не будет почти ничего, что напоминало бы окружающим прежнего решительного, энергичного и властного Ленина.

Но накануне, 5 марта, произошло одно внешне незаметное, но важное событие. Ленин был возмущен поведением

Сталина в „грузинском деле“; к тому же он припомнил диктаторские замашки генсека, поставившие его, Председателя Совнаркома, в положение „домашнего ареста“.

Он, как обычно, обсуждал волнующие его вопросы с Крупской. Ленин не забыл о своем „секретном письме“ в отношении его соратников и особенно Сталина, а здесь еще это „грузинское дело“. Этот обрусевший „национал“ может серьезно испортить ситуацию. Слушая довольно бессвязную речь мужа, Крупская не выдержала и рассказала о выходе Сталина в декабре 1922 года, два с половиной месяца назад...

В своих записках Мария Ильинична Ульянова отметила детали этого уже ушедшего далеко в прошлое инцидента: „Сталин вызвал ее (Н.К.Крупскую. — Д.В.) к телефону и в довольно резкой форме, рассчитывая, видимо, что до В.И. это не дойдет, стал указывать ей, чтобы она не говорила с В.И. о делах, а то, мол, он ее в ЦКК потянет. Н.К. этот разговор взволновал чрезвычайно: она была совершенно не похожа сама на себя, рыдала, каталась по полу и пр.“⁴². Крупская, долго державшая в памяти тот неприятный эпизод, поведала наконец мужу о хамстве Сталина.

Ленин быстро возбудился и, несмотря на уговоры Крупской не делать этого, видимо, в этот же день продиктовал письмо, окончательно определив свое отношение к Генеральному секретарю.

„Товарищу Сталину.

Строго секретно. Лично.

Копия т.т. Каменеву и Зиновьеву.

Уважаемый т. Сталин.

Вы имели грубость позвать мою жену к телефону и обругать ее. Хотя она Вам выразила согласие забыть сказанное, но тем не менее этот факт стал известен через нее же Зиновьеву и Каменеву... Поэтому прошу Вас взвесить, согласны ли Вы взять сказанное назад и извиниться или предпочитаете порвать между нами отношения.

С уважением Ленин“⁴³.

Большой вождь до предела обостряет отношения с Генеральным секретарем, делает свою жену на все оставшиеся годы объектом недоброжелательных выходок Сталина. Хрупкая, болезненная конструкция ленинских сосудов в эти дни вновь испытала высокую перегрузку, которой она не выдержала.

Как пишет В.Крамер, имевшиеся постоянно нарушения речи и параличи конечностей „повели 6 марта, без всяких видимых к тому причин, к двухчасовому припадку, выразившемуся полной потерей речи и полным параличом правых конечностей“⁴⁴. Врачи, конечно, едва ли знали тогда о драме отношений вождя партии и ее Генерального секретаря. Вокруг Ленина хлопочут врачи, а Сталин передает через М.А.Володичеву свой ответ Ленину, который, однако, едва ли был ему зачитан из-за резкого обострения болезни.

Сталин, получив письмо о фактическом разрыве отношений с Лениным, ведет себя со своим больным патроном почти дерзко. На трех страничках, вырванных из служебного блокнота со штампом „Секретарь Центрального Комитета И.В.Сталин“, генсек 7 марта фактически дезавуирует сказанное Крупской, ибо, как он пишет, всего-навсего ей якобы сказал: „...Вы, Н.К., оказываетесь, нарушаете этот режим. Нельзя играть жизнью Ильича и пр.“. Сталин продолжал: „Я не считаю, чтобы в этих случаях можно было усмотреть что-либо против или непозволительное предприн. против Вас...“

В конце письма Сталин, в весьма неуважительном тоне, резюмирует: „Впрочем, если Вы считаете, что для сохранения „отношений“ я должен взять назад сказанные выше слова, я их могу взять назад, отказываясь, однако, понять, в чем тут дело, где моя вина и чего собственно от меня хотят.

И.Сталин“.

Ленин в своем письме, дважды обращаясь к Сталину, употребляет слово „уважаемый“. Генсек обходится без этих эпитетов.

8 и 9 марта казалось, что приступ миомолетен, как уже бывало, тем более что накануне Ленин дает понять Крупской, что ему стало лучше. Он хочет видеть доктора Ф.А.Гетье⁴⁵. Но 10 марта 1923 года, как фиксирует в своих записях профессор В.Крамер, припадок повторился и повел „к стойким изменениям как со стороны речи, так и правых конечностей“⁴⁶.

Крупская в феврале 1924 года (почти сразу после кончины и похорон Ленина) написала воспоминания „Последние полгода жизни Владимира Ильича“. Впервые они были

опубликованы в 1989 году. Спутница вождя утверждала, что „последняя болезнь“ Владимира Ильича „распадается на два периода. В первый период, продолжавшийся до июля, шло еще ухудшение. Этот период связан с тяжелыми физическими страданиями и тяжелыми нервными возбуждениями...“⁴⁷. А с конца лета начинается медленное улучшение, что Крупская относит ко второму периоду болезни Ленина.

Как только об ударе стало известно руководству партии, по инициативе Зиновьева 10 марта 1923 года вечером собрали, как говорится в протоколе, „совещание наличных членов Политбюро“. Кроме Зиновьева были Троцкий, Молотов, Рыков. Послали телеграммы Калинин, Каменеву, Куйбышеву, всем членам ЦК об ухудшении состояния здоровья Ленина⁴⁸.

Сонм врачей спешит к Ленину. Пока из Москвы. Но идут телеграммы Крестинскому в Берлин, чтобы прибыли лучшие терапевты, невропатологи, психиатры. 15 марта Политбюро принимает решение о расширении консилиума врачей и „привлечении всех медицинских сил, которые в какой бы то ни было степени могут быть полезны для постановки диагноза и лечения т. Ленина“. Даются конкретные организационные поручения Сталину, Зиновьеву, Рыкову...⁴⁹

Традиция политического, партийного лечения уже существует. Одних врачей отводят, других предлагают, не торгуются по поводу гонораров.

Н.Крестинский сообщает шифром из Берлина, что приедут профессора Минковски, Штрюмпель, Бумке, Нонне. С другими „идет работа“. Выясняются вопросы, как платить врачам: фунтами, долларами или марками⁵⁰. Но этих специалистов мало. Сталин телеграфом поручает А.Симановскому в Швеции командировать известного специалиста Геншена. Тот требует 25 000 шведских крон, Москва тотчас соглашается⁵¹.

После 11 марта, когда начались регулярные публикации бюллетеней о состоянии здоровья В.И.Ленина, стали поступать и инициативные предложения о приглашении тех или иных врачей. Например, Клара Цеткин обращает внимание кремлевских руководителей на профессора Фогта, „который лечил в свое время Адольфа Гека, Жюля Геда, Вурма и др.“.

По словам Цеткин, „это человек с мировым именем и коммунист по своим убеждениям“⁵². Все члены Политбюро поддержали предложение Цеткин специальным голосованием, однако, когда запросили мнение немецкого профессора Ферстера, он, как заявил Зиновьев, высказался против. Рыков воздержался⁵³.

Из Монголии советский посол сообщал, например, что Народная партия готова прислать тибетского врача. Посол считал, что „по политическим соображениям весьма желательна его поездка в Москву“⁵⁴.

В общем, Ленина после удара 10 марта решили лечить интернациональными силами. Компания, „пользовавшая“ и консультировавшая лечение, в конечном счете подобралась внушительная. Терапевты П.И.Елистратов, Г.Клемперер, Л.Г.Левин, О.Минковски, А. фон Штрюмпель; невропатологи и психиатры В.М.Бехтерев, О.Бумке, С.М.Доброгаев, А.М.Кожевников, В.В.Крамер, М.Б.Кроль, М.Нонне, В.П.Осипов, О.Ферстер, С.Э.Геншен и другие врачи.

В важном консилиуме, состоявшемся 21 марта, приняли участие Геншен, Бумке, Штрюмпель, Нонне, Ферстер, Кожевников, Елистратов, Крамер. Врачи констатировали, что после 10 марта произошло ухудшение состояния Ленина: появилось явление сенсорной афазии, то есть затруднение понимания обращенной к нему речи. Но к маю положение несколько улучшилось, и больного перевезли в Горки, соблюдая всяческие меры предосторожности.

Но до этого в марте произошло еще одно событие, тщательно скрывавшееся долгие годы. Правда, М.И.Ульянова в своих записях, которые увидели свет только в декабре 1989 года, указывала: „Зимой 20/21, 21/22 годов В.И. чувствовал себя плохо. Головные боли, потеря работоспособности сильно беспокоили его. Не *знаю точно когда* (курсив мой. — Д.В.), но как-то в этот период В.И. сказал Сталину, что он, вероятно, кончит параличом, и взял со Сталина слово, что в этом случае тот поможет ему достать и даст ему цианистого калия. Сталин обещал.

Почему В.И. обратился с этой просьбой к Сталину? Потому что он знал его за человека твердого, стального, чуждого всякой сентиментальности. Больше ему не к кому было обратиться с такого рода просьбой“.

Мария Ильинична еще раз возвращается в своих восьми-страничных записях к этому мотиву: „С той же просьбой обратился В.И. к Сталину в мае 1922 года после первого удара. В.И. решил тогда, что все кончено для него, и потребовал, чтобы к нему вызвали на самый короткий срок Сталина. Эта просьба была настолько настойчива, что ему не решились отказать. Сталин пробыл у В.И. действительно минут пять, не больше. И когда вышел от Ильича, рассказал мне и Бухарину, что В.И. просил его доставить ему яд, так как, мол, время исполнить данное раньше обещание пришло. Сталин обещал. Они поцеловались с В.И., и Сталин вышел. Но потом, обсудив совместно, мы решили, что надо ободрить В.И., и Сталин вернулся снова к В.И. Он сказал ему, что, переговорив с врачами, он убедился, что не все еще потеряно... В.И. заметно повеселел и согласился, хотя и сказал Сталину:

— Лукавите?

— Когда же Вы видели, чтобы я лукавил...“⁵⁵

Воспоминания М.И.Ульяновой хотя и страдают некоторой неточностью, тем не менее свидетельствуют, что мысль о самоубийстве не покидала Ленина с момента прихода к нему роковой болезни.

Характерно, что Сталин в обоих случаях обещал исполнить волю Председателя Совнаркома. Думаю, это было в личных интересах Сталина, который боялся сближения Ленина с Троцким и давно уже вынашивал далеко идущие честолюбивые планы.

Но архивы партии сохранили для истории более точный документ. В силу важности приведу его полностью.

„Строго секретно.

Членам Пол. Бюро

В субботу 17 марта т. Ульянова (Н.К.) сообщила мне в порядке архиконспиративном „просьбу Вл. Ильича Сталину“ о том, чтобы я, Сталин, взял на себя обязанность достать и передать Вл. Ильичу порцию цианистого калия. В беседе со мной Н.К. говорила, между прочим, что „Вл. Ильич переживает невероятные страдания“, что „дальше жить так невыносимо“, и упорно настаивала „не отказывать Ильичу в его просьбе“. Ввиду особой настойчивости Н.К. и ввиду того, что В. Ильич требовал моего согласия (В.И.

дважды вызывал к себе Н.К. во время беседы со мной и с волнением требовал „согласия Сталина“), я не считал возможным ответить отказом, заявив: „Прошу В. Ильича успокоиться и верить, что, когда нужно будет, я без колебаний исполню его требование“. В. Ильич действительно успокоился.

Должен, однако, заявить, что у меня не хватит сил выполнить просьбу В. Ильича, и вынужден отказаться от этой миссии, как бы она ни была гуманна и необходима, о чем и довожу до сведения членов П. Бюро ЦК.

21 марта 1923 г. И.Сталин“.

Ниже выражена реакция членов Политбюро на записку. „Читал. Полагаю, что „нерешительность“ Сталина — правильна. Следовало бы в строгом составе членов Пол. Бюро обменяться мнениями. Без секретарей (технич.).

Томский

Читал: Г.Зиновьев

Молотов

Читал: Н.Бухарин

Троцкий

Л.Каменев⁵⁶.

Без даты, но есть еще одна записка, написанная Сталиным, видимо, 17 марта 1923 года, такого содержания:

„Строго секретно“

Зин., Каменеву.

Только что вызвала меня Надежда Константиновна и сообщила в секретном порядке, что Ильич в „ужасном“ состоянии, с ним припадки, „не хочет, не может дольше жить и требует цианистого калия, обязательно“. Сообщила, что пробовала дать калий, но „не хватило выдержки“, ввиду чего требует „поддержки Сталина“.

Сталин“.

„Нельзя этого никак. Ферстер дает надежды — как же можно? Да если бы и не было этого! Нельзя, нельзя, нельзя!

Г.Зиновьев

Л.Каменев⁵⁷.

Документы чрезвычайно примечательны и свидетельствуют, что идея самоубийства в мыслях Ленина была устойчивой, даже навязчивой.

Стоит отметить несколько обстоятельств этих писем. Не очень ясно, как Ленин, утративший возможность гово-

речь, 17 марта 1923 года просил „порцию цианистого калия“. Возможно, жестами. Сталин подчеркивает несколько раз, что Надежда Константиновна „упорно настаивала“ с „особой настойчивостью“ дать цианистый калий и даже „пробовала“ это сделать... Это утверждения Сталина. Возможно, что Крупская, доведенная до отчаяния состоянием мужа, подавленная собственным бессилием уменьшить его страдания, была близка к исполнению желания Ленина. Но откуда у нее цианистый калий? Ведь это не просто препарат, который лежит рядом с таблетками от кашля... Или яд был уже раньше приготовлен? А может быть, его передал Сталин? Это загадка истории.

Не менее важно и другое обстоятельство: Сталин каждый раз соглашается дать яд „без колебаний“. Более того, он считает эту „миссию гуманной и необходимой“. В этом факте рельефно прослеживаются не только нравственные параметры личности Сталина, но и трудно скрываемое желание ускорить развязку. Пока с превратившимся в несмышленного ребенка Лениным возятся врачи, правда без особых надежд, в Политбюро разгорается борьба за наследие. На Ленина не жалеют денег и сил, но, похоже, уже больше для того, чтобы продемонстрировать свою правоверность ленинизму, идее, делу вождя. Кто больше... Бюллетени для народа ежедневно публикуются такого содержания, что почти невозможно понять истинное состояние больного. Политический контроль уже в действии.

„Бюллетень № 3

О состоянии здоровья Владимира Ильича.

Затруднение речи, слабость правой руки и правой ноги в том же положении. Общее состояние здоровья лучше, температура 37,0, пульс 90 в минуту, ровный и хорошего наполнения.

14 марта, 2 часа дня 1923 г. Проф. Минковски, проф. Ферстер, проф. Крамер, прив. доцент Кожевников, наркомздрав Семашко“.

„Бюллетень № 6

Вместе с продолжающимся улучшением со стороны речи и движений правой руки наступило заметное улучшение и в движениях правой ноги. Общее состояние здоровья продолжает быть хорошим. 17 марта, 1 час дня 1923 года⁵⁸.

Трудно было судить по этим сообщениям об истинном состоянии парализованного вождя. Многие считали, что это очередное „недомогание“. В Кремль шли телеграммы из партийных организаций: как реально себя чувствует Ленин? Орджоникидзе из Тифлиса запрашивал Сталина: „Сообщите действительное положение здоровья Ильича“⁵⁹. Но ЦК партии уже научился манипулировать информацией. Сообщалось то, что считалось необходимым для политического спокойствия.

Троцкий, выступая 5 апреля 1923 года на VII Всеукраинской партийной конференции, заявил: „Когда мы обсуждали первый бюллетень о здоровье Ленина в марте, мы думали не только о его здоровье, но мы думали также о том, какое впечатление число ударов его сердца произведет на политический пульс рабочего класса и нашей партии“. Троцкий задает тон в оценке роли Ленина: „Нет и не было в историческом прошлом влияния одного лица на судьбы человечества, не было такого масштаба, не создан он, чтобы позволил нам измерить историческое значение Ленина...“⁶⁰

Каждый старался продемонстрировать свою особую приверженность вождю, его идеям и устремлениям. Хотя в действительности ни для кого не было особых сомнений в окончательном отходе их лидера от активной политической деятельности. Все понимали, что эта длинная политическая агония — фактически переход в неизвестность. После удара 10 марта 1923 года в „Дневнике дежурного врача“ появляются записи, которые дают весьма полную картину состояния больного.

11 марта. „...Доктор Кожевников зашел к Владимиру Ильичу в 11 с четвертью часов. Цвет лица бледный, землистый, выражение лица и глаз грустное... Все время делает попытки что-то сказать, но раздаются негромкие, нечленораздельные звуки... Сегодня Владимир Ильич, в особенности к вечеру, стал хуже понимать то, что ему говорят, иногда он отвечает „нет“, когда, по всем данным, ответ должен быть положительным“.

12 марта. „Сегодня приехали проф. Минковски и Ферстер. С вокзала доктор Кожевников с ними поехал на заседание Политбюро, а оттуда к Владимиру Ильичу... Со стороны нервной системы сознание ясное (по-видимому!), поч-

ти полная моторная афазия, сегодня Владимир Ильич ничего не может сказать... Владимир Ильич плохо понимает, что его просят сделать. Ему были поднесены ручка, очки и резательный нож. По предложению дать очки Владимир Ильич их дал, по просьбе дать ручку Владимир Ильич снова дал очки (они ближе всего лежали к нему)... После посещения Владимира Ильича все врачи снова были в Политбюро...⁶¹

Сделаю небольшое отступление. Никто еще не знает, что Политбюро, беря на себя функции организатора и контролера лечения вождя, закладывало новую партийную традицию.

...Когда после удара в марте 1953 года Сталин пролежал без медицинской помощи более десяти часов (никто не имел права к нему вызвать врачей без разрешения Берии, а того долго не могли найти), почти каждое решение консилиума перепуганных медицинских светил требовало утверждения Президиума ЦК КПСС (как тогда называлось Политбюро). Начальник Лечебно-санитарного управления Кремля И.И.Куперин докладывал всемогущей коллегии свои выводы и предложения для утверждения. Вот, например, что решил Президиум, заседавший 2 марта 1953 года в 12 часов дня в комнате по соседству с умиравшим „вождем всех народов“.

„1. Одобрить меры по лечению товарища Сталина, принятые и намеченные к проведению врачебным консилиумом в составе начальника Лечсануправ Кремля т. Куперина И.И., проф. Лукомского П.Е., проф. Глазунова, проф. Ткачева Р.А. и доцента Иванова-Незнамова В.И.

2. Установить постоянное дежурство у товарища Сталина членов бюро Президиума ЦК.

3. Назначить следующее заседание бюро Президиума сегодня в 8 часов вечера, на котором заслушать сообщение врачебного консилиума“.

Приняли, как тогда уже стало железным правилом, „единогласно“. И так — до самой кончины диктатора, с небольшими нюансами: привлекали все новые медицинские силы, хорошо зная, что надежд на выздоровление Сталина не существовало. И это было не просто заботой или осторожностью, а формой демонстрации своей верности „делу вождя“.

Почти так было и при болезни Ленина. Правда, Политбюро не заседало у постели больного, пока он находился в Москве и в Горках, и не организовывало дежурства своих членов. Однако врачи неоднократно докладывали на Политбюро о ходе лечения и „видах“ на выздоровление.

Приведем еще несколько выдержек из „Дневника дежурных врачей“, чтобы полнее почувствовать трагичность положения, в котором оказался лидер большевиков.

17 марта. „После врачебного визита Владимир Ильич хорошо пообедал. Через некоторое время он хотел высказать какую-то мысль или какое-то желание, но ни сестра, ни Мария Ильинична, ни Надежда Константиновна совершенно не могли понять Владимира Ильича, он начал страшно волноваться, ему дали брома, Мария Ильинична позвонила доктору Кожевникову, он приехал...“

21 марта. „Было снова совещание, в котором... принял участие приехавший сегодня Геншен. После этого все поехали в Кремль. Затем приехали к Ленину Штрюмпель, Геншен, Бумке и Нонне. Владимир Ильич с ними со всеми поздоровался, но, видимо, был недоволен этим нашествием. Исследовал Штрюмпель, остальные только присутствовали. Когда Нонне подошел ближе к Владимиру Ильичу, то он сделал жест рукой и как бы просил отойти подальше...“⁶²

Больной уже мало верил врачам. Ленин понимал трагизм и безысходность своего положения: физическая беспомощность плюс заточение мысли в немоте.

Однако в мае состояние здоровья неожиданно начинает медленно улучшаться. Его выносят на веранду квартиры в Кремле, а 15 мая со всеми предосторожностями в сопровождении группы врачей перевозят в Горки.

Кожевников пишет, что Ленин „окреп физически, стал проявлять интерес как к своему состоянию, так и всему окружающему, оправился от так называемых сенсорных явлений афазии, начал учиться говорить...“⁶³. К нему приезжает врач-логопед С.М.Доброгаев, и они вместе с Крупской начинают заниматься с Лениным восстановлением речи. Затем это становится только заботой жены⁶⁴.

Как явствует из медицинских записей и основательного исследования Б.Равдина, после 10 марта лексикон Ленина был крайне ограничен: „вот“, „веди“, „иди“, „идите“, „оля-

ля". Для него стало как бы универсальным выражение „вот-вот“, с помощью которого он соглашался, возражал, требовал, негодовал, просил, поддерживал разговор. Как правило, использование отдельных слов было случайным, и хотя порой они многократно повторялись, не несли никакой смысловой нагрузки.

Ленин смог после долгих занятий повторять вслед за Надеждой Константиновной отдельные слова: „съезд“, „ячейка“, „крестьянин“, „рабочий“, „народ“, „революция“, „люди“. Крупская использовала разрезную азбуку, элементарные дидактические упражнения, самые простейшие способы обучения речи. Однако весь словесный материал совершенно не сохранялся в памяти Ленина, и без помощи жены он не мог сам повторить ни единого слова из того, что произносил вслед за Надеждой Константиновной. У человека, который оставил самый глубокий шрам на лице истории XX века, медленно, но неотвратимо угасал мозг.

Могучий мозг был необратимо поврежден болезнью. Мысль постепенно умирала; Ленин превратился почти в младенца. Интересное свидетельство приводит художник Ю.Анненков, сделавший портрет Ленина еще в 1921 году с натуры (вождь позировал два раза). Кстати, в 1924 году Управление Гознака СССР присудило ему первую премию и использовало полотно на почтовых марках.

Так вот, „в декабре 1923 года Л.Б.Каменев повез меня в Горки, чтобы я сделал портрет, точнее, набросок больного Ленина. Нас встретила Крупская. Она сказала, что о портрете и думать нельзя. Действительно, полулежавший в шезлонге, укутанный одеялом и смотревший мимо нас с беспомощной, искривленной младенческой улыбкой человека, впавшего в детство, Ленин мог служить только моделью для иллюстрации его страшной болезни, но не для портрета“⁶⁵.

В этой связи стоит отметить, что многочисленные „воспоминания“ о встречах с Лениным после марта 1923 года и „разговорах“ с ним — либо мистификация, либо сознательное принятие богатой мимики, жестикуляции и отдельных случайных слов за ленинскую речь. Иногда это делалось с благой целью показать, что Ленин скоро вернется к управлению государством и партией. Как пишет Б.Равдин, А.В.Лу-

начарский, выступая в мае 1923 года в Томске, заявил: „Рука и нога, которые у Владимира Ильича несколько парализованы... восстанавливаются; речь, которая была одно время очень неясной, тоже восстанавливается. Владимир Ильич уже давно сидит в кресле, довольно спокойно может разговаривать, в то время как прежде его очень мучила неясность речи“⁶⁶.

Есть еще немало примеров, когда после смерти Ленина официальная историография хотела, несмотря на то что речь идет просто о человеческой трагедии, показать „величие больного вождя“.

Сотрудник ленинской охраны С.П.Соколов, например, рассказывал, как осенью 1923 года в Горки доставили подарок компартии Великобритании — кресло. Ленин задумался и якобы „назвал“ фамилию одного комиссара, потерявшего на фронте обе ноги: „Вот ему и пошлем это кресло. Он-то ведь никогда уже не будет ходить. А мне пока и этого хватит“⁶⁷.

Мифы и легенды — важный элемент большевистской историографии.

С 10 марта Ленин утратил способность заниматься своим любимым делом: писать записочки. Письменная коммуникация была полностью утрачена. Угасающий интеллект лишился речевой и письменной способности общения. Крупская с отчаянным подвижничеством пыталась вернуть Ленина хотя бы к некоторой способности элементарного общения. Во время почти ежедневных занятий Надежда Константиновна пыталась водить непослушной левой рукой Ленина (правая была полностью парализована). Но и левая была не в порядке, вкуче со зрением. Как отмечается в „Дневнике дежурного врача“, когда вечером Ленину „дали сухари, он долго не мог сразу попасть рукой на блюдо, а все попадал мимо“⁶⁸. Поэтому нетрудно представить, сколь огромные препятствия стояли перед Лениным и Крупской. Но дело не только в руке. Необратимо был поврежден мозг. Это главное.

Крупская, по профессии учительница, пыталась восстановить с азов способность не только речи, но и письма. Первые слова, которые вывела рука Ленина, которой водила его жена, были „мама“ и „папа“. Но несмотря на утвержде-

ния официальной историографии, что Ленин сделал „успехи“ в умении говорить, читать и писать, это совсем не так. В „Биохронике“ говорится, что „благодаря исключительной силе воли, мужеству и упорству он в сравнительно короткие сроки достигает улучшений, на которые обычно требуются многие месяцы“⁶⁹.

Жаль, что здесь не добавили, сколько людей его лечили, какие условия были для этого созданы. Простому смертному, действительно, даже для этих микроскопических улучшений может понадобиться значительно больше времени.

Ознакомление с медицинскими документами, дневниками, записями, которые до недавнего времени были сокрыты от научной общественности, дают основание сказать, что эти „улучшения“ не привели к восстановлению ни речи, ни письма. Нельзя обнаружить ни одной осмысленной записи, сделанной ленинской рукой в это время, за исключением упражнений, когда пальцы Ленина находились в руке Крупской. Ведь нельзя же считать за доказательство легенду, что буквально накануне смерти Ленин якобы передает собственноручно написанную записку Гавриилу Волкову: „Гаврилушка, меня отравили...“ Все это из области народных сказаний, веры в то, что чья-то злая воля ускорила кончину вождя.

Да, усилиями врачей, Крупской в общем состоянии Ленина во второй половине 1923 года наступило некоторое улучшение: он стал способен медленно, с палочкой передвигаться по комнате, знаками, отдельными словами (особенно „вот-вот“), жестами смог элементарно общаться с окружающими. Врач В.Крамер пишет об этом так: „В ноябре и еще более в декабре он был в состоянии говорить уже некоторые слова самостоятельно, научился еще лучше писать левой рукой, мог также читать, по крайней мере, просматривая газету, всегда указывал в таких случаях весьма определенно на то, что его интересовало...“⁷⁰

Элементарные способности медленно восстанавливались, но не было признаков, что интеллект сохранил свою силу. Однако все сообщения для печати, для партактива давались только в оптимистических тонах. С 16 мая 1923 года, когда был опубликован Бюллетень № 35, сообщения о здоровье Ленина прекратились. В обществе возникло

ощущение, что дело идет на поправку и окончательное выздоровление Председателя Совнаркома не за горами.

Большая откровенность в отношении состояния Ленина была по закрытым каналам. Например, Г.Е.Зиновьев 26 сентября 1923 года на партсовещании сообщил следующее (приведем фрагменты из стенограммы):

„Примерно с 20 июля началось улучшение в состоянии здоровья В.И., которое до сих пор развивается и с каждым днем становится заметнее... Три дня как он уже самостоятельно ходит, а рядом с ним один из товарищей на всякий случай... Он совершает прогулки на автомобиле... В худшем состоянии дело с речью — но и тут идет улучшение... Что касается самостоятельной речи, то теперь это плохо... Когда началось улучшение, дело было так, что он одного слога не мог произнести из двух букв. Теперь и здесь начинается улучшение...

Поднимался вопрос о переезде В.И. куда-нибудь на юг. Мы все предлагали на юг, но врачи против этого, а главное, В.И. против этого. Осипов говорит, по-видимому, он в личной жизни консервативный человек и решительно против всякого юга...

Владимиру Ильичу читают газеты, сначала с пропусками, теперь стали без пропусков. Ему прочитывают оглавление газеты, и он выбирает, что ему читать и что не читать... Относительно рурских событий Над. Конст. его вела в курс событий и потом прочла ему. Он большого удивления не выразил. По поводу того, что на Украине у богатых мужиков отбирают излишки, он выразил большое неудовольствие, что это не было сделано до сих пор. Он отлично отдает себе отчет в своем состоянии и бережет себя очень... он дирижирует лечением, бережет себя...

Врачей он разгоняет вокруг себя, и с трудом им удастся выслушать его... Они в конце июля давали отзывы крайне пессимистические, не оставлявшие ни одного процента надежды на хороший исход. Но со середины июля пошло дело к улучшению и не останавливалось⁷¹.

Думаю, что это более или менее объективное освещение состояния, в котором находился во второй половине года Ленин. Хотя, по ряду признаков, Ленин указывал в газете совсем случайные места: что читать. Положение Ле-

нина стало относительно стабильным при параличе правой части тела и серьезном повреждении сосудов мозга. Постоянное дежурство врачей отменяется.

Ленин несколько раз порывался поехать в Москву. Наконец 18 октября 1923 года на исходе дня такая поездка состоялась. Как писала Крупская, „в один прекрасный день он отправился в гараж, сел в машину и настоял, чтобы ехать в Москву“. С ним едут Н.К.Крупская, М.И.Ульянова, профессора В.П.Осипов и В.Н.Розанов, сотрудники охраны. В Кремле его уже ждали люди из obsługi. Ленин с трудом поднимается в свою квартиру, с любопытством осматривает вещи, обстановку, книги и вскоре ложится отдыхать. Полуразрушенный организм с трудом перенес почти полуторачасовую поездку.

На другой день Ленин в последний раз в своей жизни посещает свой кабинет в Кремле (благо, что все рядом), заходит в пустынный зал заседаний Совнаркома, выходит во двор. Отобрав ряд книг в своей библиотеке, Ленин изъявляет желание совершить поездку по Москве. „Экспедиция“ отправляется на Всероссийскую выставку (сельскохозяйственной и кустарно-промышленной продукции). Но сильный дождь помешал осмотру. Вернувшись в Кремль за книгами, машина с Лениным берет курс на его последнее в жизни пристанище — Горки⁷².

Я слышал однажды от одного уважаемого профессора, что Ленин приезжал „прощаться“ с Москвой. Не знаю. Думаю только, что общий умственный уровень Ленина в это время едва ли был способен на столь сложные интеллектуальные решения. Как покажет последующее вскрытие, мозг Ленина был поврежден болезнью в такой степени, что для многих специалистов было удивительно, как он мог даже элементарно общаться. Наркомздрав Семашко утверждал, что склероз сосудов был столь сильным, что при вскрытии по ним стучали металлическим пинцетом, как по камню. Стенки многих сосудов настолько утолщились и сосуды настолько заросли, что не пропускали в просвете даже волоса⁷³. Это был глубоко больной человек, который продолжал жить лишь благодаря беспрецедентному вниманию врачей и многочисленного окружения.

Художник Ю.Анненков, которого после смерти Ленина

привлекли к отбору фотографий и зарисовок для книг, посвящавшихся Ленину, в Институте им. В.И.Ленина увидел стеклянную банку, в „которой лежал заспиртованный ленинский мозг... одно полушарие было здоровым и полновесным, с отчетливыми извилинами; другое как бы подвешено на тесемочке — сморщено, скомкано, смято и величиной не более грецкого ореха⁷⁴.

Когда к Ленину были в пробном порядке посланы О.А.Пятницкий и И.И.Скворцов–Степанов, чтобы рассказать о работе Коминтерна и Моссовета, он встретил их сообщения безучастно. Правда, порой возбуждался и не в самых подходящих местах произносил свое „вот–вот“. Попытки официальной историографии воссоздать облик Ленина последних одиннадцати месяцев его жизни как человека, живо интересовавшегося проблемами партии и страны, — просто неуважение к больному человеку. Столь больному, что приходится лишь удивляться, как он так долго жил после мартовского удара.

Страшные фотографии последних месяцев жизни — облик долгой агонии человека, надломившегося от непосильной ноши. Ленин стал жертвой своей неостывающей страсти к власти.

Почти вся жизнь до 1917 года для Ленина была свободным политическим, литературным творчеством без каких-либо регламентов, обязательных присутствий, чиновничьего долга, обременительных бытовых и служебных обязанностей. И вдруг без какого-либо административного, государственного опыта оказаться на самой вершине власти гигантской страны. Организм быстро надломился, хотя, возможно, дело не обошлось и без наследственных влияний. Отец, Илья Николаевич, умер в таком же возрасте от схожей, но скоропостижной болезни.

После мартовского удара Ленин редко общался со своими соратниками. Еще в декабре 1922 года Политбюро согласилось с предложением Сталина „за изоляцию Владимира Ильича как в отношении личных сношений с работниками, так и переписки“⁷⁵. Даже многочисленному обслуживающему персоналу — повар, кухарка, садовник, санитары, медсестры, охрана — не позволялось без нужды „маячить“ перед взором больного. Считалось, что частые и несанкциониро-

ванные контакты вызывают возбуждение, расстройство Ленина. Когда появлялось, допустим, в аллее кресло-коляска, которое катил санитар или начальник охраны П.П.Паколи, оказавшиеся там люди незаметно уходили с глаз долой.

Люди, которым довелось встречаться с Лениным в это время, испытывали сложные чувства. Перед ними был человек, еще год-полтора тому назад олицетворявший мозг и сердце революции, а сейчас это было существо с жалкой полуулыбкой и печальными больными полусумасшедшими глазами.

Навещали Ленина немногие. В июле приехал к нему брат Д.И.Ульянов. В этом же месяце Ленин, случайно встретившись в северном флигеле здания с управляющим совхозом „Горки“, пробыл у него целых три дня, повергнув в смятение врачей и близких. В ноябре вновь к Ленину приезжает профессор В.М.Бехтерев; больной встречается с секретарем Исполкома Коминтерна О.А.Пятницким, одним из руководителей Госиздата И.И.Скворцовым-Степановым. Позже у него были полпред РСФСР в Германии Н.И.Крестинский, редактор журнала „Красная новь“ А.К.Воронский. Можно назвать еще двух-трех человек (кроме врачей и обслуживающего персонала), которые встречались с больным вождем. „Каждое свидание волновало Владимира Ильича, — вспоминала Крупская. — Это было видно по тому, как он двигал после свидания стул, как судорожно придвигал к себе доску и брался за мел. На вопрос, не хочет ли он повидать Бухарина, который раньше чаще других бывал у нас, или еще кого-нибудь из товарищей, близко связанных по работе, он отрицательно качал головой, знал, что это будет непомерно тяжело...“⁷⁶

Несколько человек из Политбюро и Совнаркома, бывавшие здесь во второй половине 1923 года, наблюдали за Лениным издали, во время его прогулок на коляске или отдыха в доме. Ни Сталин, ни Троцкий, ни другие соратники не хотели иметь встреч, во время которых нормальный контакт был невозможен. Лучше всех понимала его лишь Крупская. Вопросы, которые „задавал“ Ленин, приходилось часто просто отгадывать. Надежда Константиновна вспоминала, что „отгадывать было возможно потому, что, когда жизнь прожита вместе, знаешь, какие ассоциации у человека возника-

ют. Говоришь, например, о Калмыковой и знаешь, что вопросительная интонация слова „что“ после этого означает вопрос о Потресове, о его теперешней политической позиции. Так сложилась у нас своеобразная возможность разговаривать“⁷⁷.

В „Биохронике“ этот эпизод трактуется уже не как „отгадывание“, а как установленный факт: „Ленин с интересом слушает Н.К.Крупскую, которая рассказывает ему о жизни и работе известной русской общественной деятельницы А.М.Калмыковой; спрашивает (курсив мой. — Д.В.) о теперешней политической позиции А.Н.Потресова...“⁷⁸ Хотя ясно, что это лишь догадка Надежды Константиновны.

Хотя врачи, больше по нравственным соображениям, выражали осторожный оптимизм в отношении перспектив выздоровления, разрушительная болезнь делала свое дело. По-прежнему по маршруту Москва — Горки сновали врачи; как и раньше, соратники Ленина в своих выступлениях выражали надежду на „постепенное выздоровление“ вождя. Крупская также ежедневно тщетно билась с больным, пытаясь научить его говорить и писать... А смертельный процесс шел, не останавливаясь. Правда, не иссякали и смелые предложения „поднять на ноги больного“. В ноябре 1923 года Троцкий шлет Крупской записку:

„Дорогая Надежда Константиновна!

Пересылаю Вам американское предложение, — относительно лечения В.И., — на случай, если оно Вас заинтересует. Априорно говоря, доверия большого к предложению у меня нет.

С товарищеским приветом — Л.Троцкий“⁷⁹.

У Крупской надежда на выздоровление сменялась апатией, новая надежда — разочарованием и глубокой усталостью. В этом отношении более показательны ее письма дочерям (главным образом старшей — Инне) Инессы Арманд, нежели ее воспоминания „Последние полгода жизни Владимира Ильича“. Вот несколько выдержек из разных послемартовских писем 1923 года. В них столько личного, женского, сокровенного, печального...

Из письма 6 мая 1923 года. „...Живу только тем, что по утрам Володя бывает мне рад, берет мою руку, да иногда говорим мы с ним без слов о разных вещах, которым все равно нет названия...“

Из письма 2 сентября 1923 года. „...Сейчас я целые дни провожу с Володей, который быстро поправляется, а по вечерам я впадаю в очумение и неспособна уже на писание писем...“

Из письма 13 сентября 1923 года. „У нас поправка продолжается, хотя все идет чертовски медленно...“

Из письма 28 октября 1923 года. „Каждый день какое-нибудь у него завоевание, но все завоевания микроскопические, и все как-то продолжаем висеть между жизнью и смертью. Врачи говорят — все данные, что выздоровеет, но я теперь твердо знаю, что они ни черта не знают, не могут знать“⁸⁰.

Казалось, подобное состояние болезненного „равновесия“ может продолжаться долго. В Политбюро негласно считали, что выздоровление маловероятно, но и кончина в условиях стабилизации болезни — тоже.

В середине января 1924 года открывается XIII партийная конференция. Ленина заочно избирают членом президиума. Крупская читает больному материалы конференции.

В ходе конференции И.И.Скворцов-Степанов по поручению Л.Б.Каменева связался по телефону с Н.К.Крупской (сам он ездил в Горки 29 ноября 1923 года). В последний день работы партийной конференции, 18 января 1924 года, он передает записку в президиум Каменеву:

„Лев Борисович, я думаю, что удобнее всего Вам в ключительном слове сказать пару слов о здоровье В.И., не выделяя этого вопроса“. Скворцов-Степанов пишет, чтобы стенографистки не записывали и не давали в газеты эту информацию о здоровье Ленина.

Что же предлагалось сказать делегатам со слов Крупской?

Прежде всего, что сама она не может приехать на конференцию и сделать сообщение. Скворцов-Степанов написал для Каменева: „...Выздоровление идет удовлетворительно. Ходит с палочкой довольно хорошо, но встать без посторонней помощи не может... Произносит отдельные слова, может повторять всякие слова, совершенно ясно понимая их значение... Начал читать по партдискуссии. Прочитал речь Рыкова и письмо Троцкого.“

По словам Над. Конст., окружающие по некоторым признакам представляют, как В.И. относится к спорам, но она не хотела бы сообщать о своих умозаключениях на этот счет⁸¹.

Крупская повторила то, что знали и члены Политбюро. А возможные „умозаключения“ — это догадки. Казалось, наступила стабилизация состояния с надеждой на улучшение. Хотя, если вновь взять в руки ее воспоминания „Последние полгода жизни Владимира Ильича“, получается, что, сообщив Скворцову–Степанову, что „выздоровление идет удовлетворительно“, она тут же заметила: „Начиная с четверга, стало чувствоваться, что что–то надвигается; вид стал у В.И. ужасно усталый и измученный. Он часто закрывал глаза, как–то побледнел, а главное, у него как–то изменилось выражение лица, стал какой–то другой взгляд, что слепой“.

Вечером 20–го Ленина осмотрел профессор М.И.Авербах по поводу жалобы на глаза, но не нашел ничего патологического. На другой день, 21 января, после обеда больного осматривают профессора О.Ферстер и В.П.Осипов. Все время перед этим Ленин был чрезвычайно вялым; дважды просил помочь встать с постели, но тут же ложился. Через четверть часа после того, как за профессором Осиповым закрылась дверь, у Ленина начался последний приступ болезни.

Ленину дали бульон, кофе; он „пил с жадностью, потом успокоился немного, но вскоре заклокотало у него в груди“, вспоминала Крупская, заметив перед этим, что „время у меня спуталось как–то“.

Как бы притаившаяся болезнь вырвалась на волю, пожирая последние надежды на выздоровление.

„...Все больше и больше клокотало у него в груди. Бессознательнее становился взгляд, Владимир Александрович и Петр Петрович (санитар и начальник охраны. — Д.В.) держали его почти на весу на руках, временами он глухо стонал, судорога пробегала по телу, я держала его сначала за горячую мокрую руку, потом только смотрела, как кровью окрасился платок, как печать смерти ложилась на мертвенно побледневшее лицо. Проф. Ферстер и доктор Елистратов впрыскивали камфару, старались поддержать искусственное дыхание, ничего не вышло, спасти нельзя было“⁸².

Каждый человек во время, уготованное судьбой, переступает невидимую тонкую линию, отделяющую земное бытие от небытия. Перешагнуть ее можно только в одном направлении. Обратного пути нет никому. Владимир Ильич Ульянов—Ленин оказался за этой роковой чертой в 18 часов 50 минут 21 января 1924 года.

Мумия и „бальзамирование“ идей

Самая великая и непреодолимая тайна, постичь которую мы пока бессильны, — это тайна сознания. Наши представления и схемы о том, как рождается мысль и трепетно бьется в человеческом мозгу, — лишь едва заметная тень на древе познания. У полета мысли нет границ. Ее просторы — Вселенная, как и свой интимный, уникальный мир. Мышление Ленина, могучее, масштабное, изощренное, на протяжении многих месяцев находилось в плену страшной болезни, которая постепенно своей необратимой коррозией обессиливала его.

Мы никогда не узнаем, о чем думал этот человек в страшной немоте, лишь догадываясь, что во многом его сознание приблизилось к детскому в своей элементарной непосредственности. Не случайно, как мне удалось установить, Сталин в тридцатые годы в узком кругу не раз проводил мысль, что Ленин последние месяцы своей жизни был „умственным инвалидом“.

Нельзя объяснить только происками генсека нежелание большинства членов Политбюро обнародовать последние статьи Ленина. Они уже не видели в своем угасающем вожде полноценной личности.

Страдающий мозг Ленина обнаруживал себя во многих отношениях. Больной часто не понимал, чего от него хотят, бывал по-детски капризен, нередко на его глаза навертывались слезы, особенно если он оставался наедине с собой, — зафиксировал один из врачей. Кто знает, может быть, именно в эти минуты он особенно глубоко осознавал трагизм своего умственного заточения?

Все это — безбрежный космос сознания человека. Этот огромный мир исчез, заставив мучиться предположениями и догадками множество исследователей.

Будет много версий причин смерти. Официальная, подписанная шестью профессорами и наркомом Семашко 23 января, гласила: „...данные вскрытия выяснили, что у Владимира Ильича имелся неизлечимый болезненный процесс в сосудах, который, несмотря на все принятые меры, неминуемо должен был привести к роковому концу“⁸³. Я не стану рассматривать версию, выдвинутую рядом исследователей, о том, что главная причина смерти Ленина — „сифилис сосудов мозга“. Анализ всей доступной мне литературы привел к выводу, что это маловероятно, и я не могу, например, без существенных оговорок разделить позицию доктора В.Флорова, изложенную в статье „Болезнь и смерть Ленина“⁸⁴.

По моему мнению, смерть лидера российских большевиков — результат интеграции ряда отрицательных факторов, и прежде всего: наследственная предрасположенность Ленина к атеросклерозу; неподготовленность организма Ленина к огромным перегрузкам, которые легли на него начиная с 1917 года.

Что касается наследственности, то смерть И.Н.Ульянова, сестер Ленина А.И.Ульяновой-Елизаровой и М.И.Ульяновой, как и брата Д.И.Ульянова, не оставляет сомнений в известной наследственности болезни сосудов. К этому следует добавить (возможно, это основное), что Ленин прожил всю свою жизнь без „служебного“ напряжения. Приехав в революцию 47-летним человеком, он уже имел выработанные привычки и стереотипы жизнедеятельности, более присущие „свободным художникам“, нежели высшим государственным чиновникам. Взяв на свои плечи совершенно непривычные и во многом незнакомые для него функции, Ленин фактически стал уже с 1920 года быстро разрушаться. Он берет отпуск за отпуском, но кардинального улучшения нет. Например, почти вся вторая половина 1921 года — отпуска: в июне, июле, августе, декабре и обязательно с продлением на несколько недель. 1922 год — также год „отпускной“. Организм Ленина, пригодный к литературному труду, отпускам в горах и партийным „сколкам“ среди эмиграции, оказался совершенно неготовым к политическим перегрузкам. Он просто „сломался“.

Ленина досрочно погубила его страсть к борьбе и власти. В этом основная отгадка неумолимого раннего физического крушения вождя большевиков.

Руководители партии и страны, смирившиеся в последние месяцы с положением и состоянием Ленина, почти не дававшими шансов на его возвращение в политическую жизнь, увидели огромную возможность для укрепления строя в самом акте похорон Ленина. Именно „похорон“. Никто вначале ни о каком мавзолее или долгосрочном бальзамировании и не думал.

На другой день после смерти вождя состоялся пленум ЦК РКП(б). В постановлении из множества пунктов предусматривалось: провести траурное заседание съезда Советов, назначить митинги, определить субботу днем похорон, тело умершего перевезти в Москву в сопровождении 200 человек (делегаты съезда и партийное руководство), принять меры по предупреждению паники в стране. Место погребения устанавливалось однозначно: Красная площадь. Прощание — в Доме Союзов⁸⁵.

В этот же день Президиум ЦИК Союза ССР создал комиссию по организации похорон В.И.Ульянова-Ленина в составе: Дзержинский (председатель), Муралов, Лашевич, Бонч-Бруевич, Ворошилов, Молотов, Зеленский, Енукидзе⁸⁶. Сталин направил во все губкомы, обкомы, ЦК республик телеграммы, извещавшие о кончине вождя. В числе неотложных мер предписывалось „принять меры по обеспечению твердого порядка и недопущения ни малейших проявлений паники“⁸⁷. Между многочисленными распоряжениями продиктовал еще одну шифровку в Тифлис: „Передать тов. Троцкому. 21 января в 6 час. 50 мин. скоростно скончался тов. Ленин. Смерть последовала от паралича дыхательного центра. Похороны в субботу 26 января 1924 г.

Сталин“⁸⁸.

А похороны между тем были перенесены с субботы на воскресенье. Троцкий, не зная этого, оказался отрезанным от похорон как особого политического акта.

Все дни до прощания с Лениным идут неоднократные заседания Политбюро, Центральной контрольной комиссии, комиссии по организации похорон. Принимаются решения по „широкому распространению некоторых речей и биографии Владимира Ильича“. Еще никто не знает, что до принятия постановления о превращении тела покойного в большевистские мощи уже сделаны далеко идущие шаги по

„бальзамированию“ ленинских идей. Как его ранение в августе 1918 года было использовано для инициирования массового террора и насилия над обществом, так и смерть вождя стала исходным пунктом „ленинизации“ всей духовной жизни гигантского государства. Никто пока не может и представить, что скоро начнется невиданная кампания, которая с эффектом снежного кома будет превращать умершего в идеологического святого. Отдаются распоряжения по „массовой отливке“ бюстов Ленина; Политбюро по инициативе петроградских коммунистов предлагает ЦИК СССР переименовать Петроград в Ленинград, отработывается сценарий съезда Советов, посвященного памяти вождя. Похороны с субботы переносятся на воскресенье⁸⁹.

Никто пока не думает о создании мумии. „Правда“ пишет статью „У могилы тов. Ленина“. Приступили к ее открытию на Красной площади. Но комиссия по организации похорон предложила продлить прощание с Ульяновым–Лениным и на некоторое время задержать процесс захоронения. Пришло время для созревания абсурдной идеи создания мумии. А.И.Абрикосов вскоре после кончины вождя забальзамировал тело обычным способом, имея в виду обеспечить его сохранность на шесть–семь дней.

Однако уже 24 января на Политбюро стали рассматриваться варианты сохранения Ленина на „некоторое время“ в непостоянном склепе у стены Кремля. Но даже на временное сохранение тела, не преданного земле, не хотели соглашаться ни Крупская, ни сестры, ни брат Ленина. Политбюро поручило Зиновьеву и Бухарину „переговорить с Надеждой Константиновной: не согласится ли она не настаивать на принятии ее предложения с тем, что по истечении месяца вопрос будет опять обсужден“⁹⁰. Труп Ленина превратился в предмет политических и идеологических манипуляций.

Сталин вначале не высказывал определенно своего отношения к мумифицированию тела, но, поразмыслив, увидел в акте светского сотворения большевистских мощей большой пропагандистский эффект. Уже 24 января ЦИК СССР по указанию Политбюро постановляет:

1) гроб с телом В.И.Ленина сохранить в склепе, сделать последний доступным для посещения;

2) склеп соорудить у Кремлевской стены на Красной площади среди братских могил борцов Октябрьской революции.

В этот же день создается специальная комиссия по устройству мавзолея (пока временного). Академику А.В.Щуцеву поручается готовить чертежи мавзолея⁹¹. Постепенно временное начнет превращаться в постоянное.

26 января в 11 часов дня открывается траурное заседание II Всесоюзного съезда Советов. В „Биохронике“ говорится, что на заседании выступили И.В.Сталин, К.Цеткин, Н.Нариманов, А.Н.Сергеев, А.Б.Краюшкин, К.Е.Ворошилов, П.И.Сморозин, С.Ф.Ольденбург и другие⁹². А „другими“ были Г.Е.Зиновьев, Н.И.Бухарин, Л.Б.Каменев. Еще в 1982 году редакторы „Биографической хроники“ были совершенно несвободны воспроизводить элементарную историческую истину. Авторы древнеримского „Закона об осуждении памяти“ не могли и думать, что и через многие столетия у этого императорского акта будут такие верные сторонники.

К слову, в „Правде“ речь Сталина вначале была изложена всего на 28 строках (меньше всех)⁹³. Однако через два дня „Правда“ (Сталин устроил разнос газете) вновь вернулась к этому вопросу и опубликовала все речи, теперь уже полностью. Выступления были изданы в последующем в виде брошюр, ну а у Сталина речь была представлена и в 6-м томе его собрания сочинений. То была клятва вождя вождю. Вначале „Правда“ сочла неуместным излагать назойливый многократный рефрен Сталина: „Клянемся тебе, товарищ Ленин“, хранить в чистоте „великое звание члена партии“, „хранить ее единство“, „укреплять диктатуру пролетариата и союз рабочих и крестьян“, „укреплять и расширять союз республик“, „укреплять и расширять союз трудящихся всего мира — Коммунистический Интернационал“⁹⁴.

Сталин назвал Ленина „гениальнейшим из гениальных вождей пролетариата“, видимо, для себя твердо решив стать главным ревнителем его дела. Весьма недурно быть преемником „гениальнейшего из гениальных“. Сталин, уже зная о сооружении „временного“ мавзолея, предсказал: „Через некоторое время вы увидите паломничество представителей миллионов трудящихся к могиле товарища Ленина“.

Зиновьев в пространной часовой речи делал акцент на том, что „мы, работавшие не год, не два под гениальным руководством Владимира Ильича“, прожившие в партии „две

войны и три революции“, утверждал, что завтра мы „опустим в могилу“ Владимира Ильича. Зиновьев верил, что склеп для доступа к Ленину действительно дело временное.

Не знаю, что мог думать Бухарин в 1938 году, находясь в своей камере, откуда он никогда не выйдет, вспоминая о словах, сказанных им на траурном заседании: „...гениальный мастер революционной тактики, Владимир Ильич, провел наш государственный корабль мимо всех опасных рифов и мелей, это значит, что основное дело сделано для нашей страны на девять десятых...“.

В речи Каменева говорилось, что с помощью идей Ленин „мир завоевал“. Не знаю, понимал или нет Лев Борисович, но некоторые части его речи выглядели довольно двусмысленно, если смотреть на них через историческую ретроспективу. Весьма долго, например, Каменев говорил о „кровавом следе“, который вел к кабинету Ленина. Конечно, оратор хотел говорить о крови вождя, отданной „делу пролетариата“. Но можно сегодня толковать это выражение и в буквальном смысле. Ведь сам Ленин, выступая 12 января 1920 года на заседании коммунистической фракции ВЦСПС, заявил: „...мы не останавливались перед тем, чтобы тысячи людей перестрелять...“⁹⁵. Каменев тоже верил в обычные похороны: „Сейчас мы склоняем головы перед могилой вождя“⁹⁶.

Вообще знакомство с полурассыпавшейся подшивкой „Правды“ того, январского месяца 1924 года весьма интересно. ЦК РКП в обращении к стране заявляет, что благодаря Ленину мы „твердой ногой стоим на земле. В европейской развалине мы являемся единственной страной, которая под властью рабочих возрождается и смело смотрит на свое будущее“. Исполком Коминтерна утверждал, что „мировая революция“, как и предвидел Ленин, идет вперед „гигантскими шагами“.

В статье „Товарищ“, опубликованной 24 января, Бухарин с горечью пишет: „Мы уже никогда не увидим этого громадного лба, этой чудесной головы, из которой во все стороны излучалась революционная энергия...“ Бухарин утверждает, что Ленин „был диктатором в лучшем смысле этого слова“, обладал „мощным головным аппаратом и железной рукой“, имел „бешеный темперамент“.

Каменев именовал покойного вождя „великим мятежником“. Зиновьев пишет о Ленине как о „бунтовщике из бунтовщиков, мыслителе из мыслителей“. Троцкий, находясь на Кавказе, призывает взять в руки „фонарь ленинизма“.

Пришлось, куда деваться, писать в газету и митрополиту Евдокиму. Похоже, он пророчески предсказал, что „могила эта родит еще миллионы новых Лениных и соединит всех в единую братскую никем неодолимую семью...“. А эта могила станет „неумолкаемой трибуной из рода в род...“.

Историк М.Покровский вспоминал, как Ленин „спас высшую школу от разгрома“ (видимо, высылкой за границу буржуазных профессоров? — Д.В.). Ленин требовал, писал Покровский: „Кто не сдаст специального марксистского экзамена, будет лишен права преподавания...“ Огромное количество статей. Здесь имена Карпинского, Ларина, Ярославского, Кржижановского, Иоффе, Преображенского, Стучки, Калинина, Енукидзе, Горбунова, Петровского, многих, многих других большевиков.

Публикуются постановления о склепе для Ленина, памятниках ему в Москве, Ленинграде, столицах союзных республик. Съезд Советов принимает решения об издании избранных сочинений Ленина „в миллионах экземпляров“, а Институту Ленина подготовить „полное собрание сочинений“⁹⁷.

Почти каждый день в „Правде“ выступает Зиновьев. О „похоронах“ 27 января (если их так можно назвать) Зиновьев пишет: „В зимнюю стужу — как нарочно, грянул жестокий мороз в 26 градусов — миллион людей пришли на Красную площадь... Как хорошо, что решили хоронить Ильича в склепе! Как хорошо, что мы вовремя догадались это сделать! Зарыть в землю тело Ильича — это было бы слишком уже непереносимо... На склепе короткая, но вполне достаточная надпись: „Ленин“. Сюда уж постине не зарастет народная тропа. Здесь вырастет поблизости музей Ленина. Постепенно вся площадь превратится в Ленинский городок... В 4 часа дня опускаем гроб в склеп при салютах... Ленин умер — ленинизм живет... Когда пролетарская революция победит во всем мире, это будет прежде всего победа ленинизма“⁹⁸.

Просматривая кадры уникального документального

фильма о похоронах Ленина, бросилось в глаза нечто, присущее лишь России. Тысячи, десятки тысяч людей в эту январскую стужу пришли хоронить советского царя... В него уже верили, он казался добрым, тем более что знали: в Ленина стреляли, он долго мучился, болея. Русское сострадание, вера в то, что вождь хотел добра, делали обряд похорон важным шагом в создании мифа о новом, мирском святом.

На черно-белой пленке тысячи лиц, искренне страдающих и скорбящих... Но меня поразили несколько лозунгов, качающихся над покрытой морозным паром толпой. Авторы текста не могли, наверное, знать, что то были вещи слова: „Могила Ленина — колыбель мировой революции“...

Прошли десятилетия, и могила (простите, мавзолей) Ленина символизирует траурную „колыбель“ роковой революции.

Со дня „похорон“ Ленина, которые обрекли его мощи на долгое обозрение, началось „бальзамирование“ его идей. Возможно, это самое печальное последствие его смерти. Начался неодолимый процесс создания музеев, памятников, издания бесчисленных сборников и книг с ленинскими трудами, переименование городов, улиц, заводов, дворцов, пароходов, артелей... Крупская, обладавшая немалым эмпирическим чутьем, понимала: канонизация Ленина превращает его посмертно в земного бога. В „Правде“ 30 января, через два дня после похорон, публикуется небольшое письмо как ответ на создание фонда, имеющего целью соорудить „памятники Ильичу“.

„Большая у меня просьба к вам: не давайте своей печали по Ильичу уходить во внешнее почитание его личности. Не устраивайте ему памятников, дворцов его имени, пышных торжеств в его память и т.д. — всему этому он придавал при жизни так мало значения, так тяготился всем этим...“

Вспоминали всегда об этих словах Крупской единственно для того, чтобы подчеркнуть скромность и простоту Ленина, что трудно ставить под сомнение. Сам Ленин не повинен в „бальзамировании“ его идей. Хотя, правда, при жизни вождя старинная московская застава Рогожская с его ведома была названа заставой Ильича; уже тогда в Москве появилась в его честь Ульяновская улица, а в Петрограде улица Ленина, агитпоезд „Владимир Ленин“, возникла Ленинская

волость в Петроградской губернии... Ленин создал систему, которая не могла жить без обожествляемого вождя.

Разве о словах Н.К.Крупской, написанных 30 января 1924 года, не знали члены „ленинского Политбюро“ хотя бы последние десятилетия? Конечно, знали. Даже тогда, когда в стране были созданы многие тысячи памятников, бюстов, мемориальных досок вождю, умопомрачительство продолжалось из года в год, из месяца в месяц:

— согласно постановлению Политбюро от 13 октября 1967 года создали памятник Ленину в Кремле;

— по постановлению Политбюро от 24 апреля 1968 года решили создать еще один памятник в Шушенском;

— на основании решения Политбюро от 16 мая 1968 года по ходатайству Рашидова решили строить еще один памятник в Гулистане;

— Политбюро решило 20 июня 1968 года построить памятник у здания Волжской ГЭС;

— то же Политбюро согласилось с созданием памятника в Брянске (далеко не первого);

— Политбюро постановило 20 июня 1968 года создать новый памятник в Абакане (ведь „через Абакан идет туристический маршрут в Шушенское“);

— построить памятник во Владивостоке. Решение принято 18 июня 1972 года;

— нужен памятник в Шевченко. Пришли к такому решению 19 июля 1973 года...

Я уже утомил читателей этим чудовищным списком. Я мог бы его продолжить на десятках страниц. Целая эпопея о памятнике в ГДР, поставке туда 300 куб. м и 800 кв. м красного гранита Емельяновского месторождения на Украине... Гурьев, Талды-Курган, Целиноград, Клайпеда, Нахичевань, Тюмень, Чита, Ош, Сумы, Биробиджан и десятки, десятки других городов. Перепадает и за границе: Капри, Куба, Калькутта... Создаются новые скульптурные мастерские, выделяются все новые и новые сотни миллионов рублей, тысячи кубометров гранита, мрамора, нержавеющей стали, бронзы...⁹⁹

Может быть, в Политбюро, решив покрыть всю страну, а постепенно и планету этими идолами, хотели воскресить надежду на ленинскую мировую революцию?

Временный мавзолей, как потом и постоянный, стал местом паломничества не только правоверных коммунистов, но прежде всего всех любопытных... Большевистский святой... Со временем посещение мавзолея, возложение к нему венка станут неотъемлемой частью ритуала посещения большевистской столицы многими государственными делегациями, известными людьми.

Не трудно представить, какое впечатление мог производить мумифицированный Ленин на своих родных и близких. К этому трудно привыкнуть.

Сама Крупская впервые посетила временную усыпальницу с Д.И.Ульяновым 26 мая 1924 года. Вообще Надежда Константиновна посещала мавзолей очень редко, даже не каждый год. Любая подобная „встреча“ — удар по психике.

Хранитель мумии Б.И.Збарский вспоминал, что в последний раз Крупская пришла к мощам супруга за несколько месяцев до своей смерти в 1938 году. Говорят, постояв немного у саркофага, она тихо сказала:

— Он все такой же, а я так старею...

Сотворив мощи, большевики осуществили решающий шаг по превращению идей Ленина в светскую религию. То безапелляционное поклонение ленинизму, которое стало носить ритуальный характер, можно сравнить лишь с поклонением вере фанатиков-фундаменталистов. Проницательно сказал о рождении и смерти Ульянова-Ленина крупнейший английский политический деятель XX века Уинстон Черчилль. В пятитомнике своих мемуаров „Мировой кризис“ он изложил и свой взгляд на Ленина. После своеобразного анализа, не лишенного оригинальности и проницательности, Черчилль заключает, что русские люди заведены большевиками и Лениным в болото. „Их величайшим несчастьем было его рождение, но их следующим несчастьем была его смерть“¹⁰⁰. Канонизация его идей и превращение революционера в святого — действительно „величайшее несчастье“. Черчилль глубоко прав.

Смерть Ленина не освободила Россию от него. Отныне ее граждане были вынуждены на протяжении десятилетий „воплощать его заветы“ в жизнь.

Уже первые шаги ЦК РКП(б) после смерти Ленина подтвердили: руководство партии отныне в своей борьбе за „построение коммунистического общества“ сделает мумию

и все связанное с ней важнейшим орудием достижения своих целей. Один из первых шагов подобного рода — усиление партии за счет ленинского призыва в нее „рабочих от станка“ (около четверти миллиона). Отныне в РКП(б) (и не только в ней) возникнет новый элемент внутренней жизни: борьба „за чистоту ленинизма“ и его „развитие“. Вся ожесточенная внутривнутрипартийная борьба в двадцатые годы пройдет под знаком стремления к монополии на ленинское наследство. В конце концов это удастся Сталину. Мы долго не могли понять, как Джугашвили—Сталину, который, казалось, во многом уступал не только Троцкому, но и Зиновьеву, и Каменеву, и Бухарину, удалось взгромоздиться на вершину власти. Но именно он сделал главным орудием своей борьбы „защиту“ ленинизма, представив себя основным толкователем ленинских идей. Можно привести десятки примеров, когда Сталин в нужный момент, в нужном месте использовал это абсолютно безотказное орудие в большевистской стране.

Выступая, например, на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 1 августа 1927 года, Сталин буквально фехтовал ленинской рапирой, повергая своих оппонентов. „Я должен, прежде всего, опровергнуть совершенно неправильное, не соответствующее действительности заявление Зиновьева и Троцкого о том, что будто бы я, — говорил генсек, — принадлежал к так называемой „военной оппозиции“ на VIII съезде нашей партии. Это совершенно неверно, товарищи. Это сплетня, сочиненная Зиновьевым и Троцким от нечего делать. У меня имеется в руках стенограмма, из которой ясно, что я выступал тогда вместе с Лениным против так называемой „военной оппозиции“.

Подобные примитивные приемы, тем не менее, действовали безотказно: „Сталин защищал Ленина“. В своей почти трехчасовой речи 1 августа Сталин то и дело обращался к Ленину. „Мы осуществляем лишь заветы Ленина, — говорил Сталин, — в то время как лидеры оппозиции порвали с ленинизмом, предав забвению заветы Ленина“¹⁰¹.

Обращение генсека к Ленину всегда имело большой эффект. Думаю, что Сталин в целях борьбы внимательнее, чем кто-либо другой, прочел Ленина и использовал его марксистские коллории в борьбе с ересями в большевистской партии.

Муみфицирование вождя и „бальзамирование“ его идей создало дополнительные предпосылки утверждения догматического склада мышления и характера членов большевистской партии. Вначале еще как-то пытались объяснить рациональными мотивами решение сохранить мумию. Так, например, секретарь Президиума ЦИК СССР А.Е.Внукидзе в июле 1924 года заявил на заседании комиссии по увековечению памяти В.И.Ульянова-Ленина: „Мы не хотели создать из останков Владимира Ильича какие-то „мощи“, посредством которых мы могли бы популяризировать или сохранять память о Владимире Ильиче... Мы... придавали и придаем величайшее значение сохранению облика этого замечательного вождя для подрастающего поколения и для будущих поколений, а также для тех сотен тысяч, может быть, и миллионов людей, которые будут в высшей степени счастливы увидеть облик этого человека“¹⁰². Я думаю, те 150 миллионов человек, которые прошли за несколько десятилетий мимо ленинского саркофага, и не подозревали, что они должны быть „в высшей степени счастливы...“.

Организуя оперативный выпуск ленинской литературы и создание многочисленных памятников вождю, Политбюро одновременно начало процесс избирательного использования его наследия. Многие речи, статьи, сотни писем и записок, некоторые резолюции Председателя Совнаркома были спрятаны, сокрыты почти на семь десятилетий. Прятали многое. Даже информацию о его болезни. Например, комиссия ЦИК СССР по организации похорон 28 января 1924 года обратилась в Политбюро „с просьбой организовать возможно быстрее правильную и всестороннюю информацию о жизни — до последнего момента — Ильича, об истории его болезни до 21 января и, в особенности, о последних месяцах его жизни“¹⁰³. Наивные люди! Очень скоро все эти вопросы станут большой государственной тайной.

Ленин сам страшно любил тайны и секреты, а государство, созданное им, полностью унаследовало его „заветы“ и в этой области. Например, как большая тайна хранились данные о расчетах с лечившими Ленина иностранными врачами. Всего „пользовало“ больного, консультировало и принимало участие в многочисленных консилиумах 26 врачей:

профессора Доршкевич, Ферстер, Клемперер, Борхардт, Крамер, Россоломо, Минковски, Штрюмпель, Геншен, Нонне, Бумке, Обух, Вейсборд, Авербах, Осипов, Бехтерев, Кроль, Фельдберг, доктора Кожевников, Левин, Гетье, Елистратов, Розанов, Доброгаев, Попов, народный комиссар здравоохранения Семашко. Всем иностранным профессорам, естественно, следовало платить. Вот таких записок, которая приводится ниже, в деле о лечении Ленина множество.

Зачем-то, например, члену коллегии ОГПУ Глебу Ивановичу Бокию понадобились сведения о суммах, которые получили врачи-немцы. Из советского представительства в Берлине Бродовский ему сообщает:

„1. По поручению ЦК РКП от 24.4.22 проф. Борхардту выдано 220 000 германских марок.

2. Согласно запискам тт. Карахана и Сталина от 3.6.24 выдано профессору Ферстеру 5000 фунтов (первая поездка).

3. По постановлению ЦК согласно телеграмме от 20.9.22 выдано профессору Ферстеру 2500 фунтов (вторая поездка).

4. По поручению тов. Карахана (шифровка от 29.3.23) выплачено проф. Минковски 4400 фунтов стерлингов.

5. Согласно той же шифровке выдано проф. Бумке 9500 долларов и проф. Штрюмпелю 9500 долларов.

6. Согласно записке тов. Карахана от 30.4.23 выдано проф. Бумке 19 500 долларов.

7. Согласно той же записке тов. Карахана от 30.4.23 выдано проф. Ферстеру 4400 фунтов стерлингов...“¹⁰⁴

Здесь же бумаги, разрешающие выплату профессору Геншену 25 000 шведских крон, и многие другие подобные документы о том, как расплачивались с врачами в Москве по их приезде.

В этих бумагах обширная переписка Москвы со своими представительствами в западных столицах; предписывалось соглашаться с врачами на любых условиях. Полпреды же давали свои советы по объемам и характеру оплаты труда врачей. Вот, например, полпред в Германии Н.Н.Крестинский пишет Сталину, Троцкому и Молотову: „Ферстер получил уже у нас два раза хороший гонорар; он не сомневается, конечно, что и эти три поездки будут хорошо заплаче-

ны... Думаю, что Минковски сможет удовлетвориться меньшим, чем Вы будете давать Ферстеру...¹⁰⁵

Все это обычная деловая практика, и будь эти документы не скрыты в секретных фондах как тайны исторической важности, они не представляли бы особого интереса.

После необычных похорон (помещения тела Ленина в склеп после различных манипуляций с ним) Политбюро, а также персонально Ф.Э.Дзержинский и Л.Б.Красин совместно с учеными начали поиск методов по консервации умершего вождя¹⁰⁶. Политбюро занимается непосредственно даже техническими вопросами. Так, на своем заседании 13 марта 1924 года после докладов Молотова и Красина решают: „Ввиду отсутствия других методов консервации тела В.И. поручить комиссии приступить к осуществлению мер по сохранению его при помощи низких температур“¹⁰⁷. Но уже вскоре партийная коллегия одобрила метод харьковчанина В.П.Воробьева, а 24 июля 1924 года признала его удачным, предложив удостоить автора советской концепции бальзамирования „титула заслуженного профессора“¹⁰⁸.

Процесс бальзамирования продолжался четыре месяца, после которого стало ясно, что мумия может сохраняться длительное время.

Высший орган государства (а Политбюро партии фактически и было им) занимался вопросом сохранения мумии как проблемой особой важности. Архитектор А.В.Щусев опирался на идеи Л.Б.Красина: „Придать гробнице форму народной трибуны“. Все проекты Щусева — сосновый (временный), дубовый (постоянный) и гранитный (вечный) — учитывали эту идею.

Всесильное Политбюро организовало даже конкурс на лучший проект мавзолея. Интересна одна деталь: в постановлении Политбюро от 4 января 1925 года устанавливались четыре премии победителям конкурса: 1-я премия — 1000 рублей, 2-я — 750 рублей, 3-я — 600 рублей, 4-я — 500 рублей¹⁰⁹. Сравните, как оценивало Политбюро труд иностранцев по лечению Ленина и как дешево хотела „отделаться“ от соотечественников за проект сооружения, которому, как позже говорили, предстоит стоять века...

Лишь 4 июля 1929 года Политбюро после многочисленных рассмотрений вопроса решило, заслушав доклад Ену-

кидзе: „Признать целесообразным приступить в этом году к постройке Мавзолея Ленина“¹¹⁰. Фактически к этому времени заведовать мощами было поручено политической охране — ОГПУ. Любые поползновения подвергнуть критике языческую идею сохранения мумии светской личности строго пресекались. Стоило „Комсомольской правде“ в июле 1929 года статьёй Шацкина „О партийной обывательщине“ поставить под сомнение идею мавзолея, как тут же Политбюро признало это выступление „грубой политической ошибкой“ с соответствующими организационными выводами¹¹¹.

Руководители НКВД в тридцатые годы и позже регулярно докладывали Сталину о сохранности тела, проводимых профилактических работах в мавзолее, об эвакуации в годы Отечественной войны саркофага с мумией в Тюмень в июне 1941 года (до весны 1945 года). По сути, спецслужбы „заведовали“ мумией и несли за нее ответственность перед Политбюро. Особо много сделал для сохранения тела Ленина профессор Борис Ильич Збарский (с 1944 года — академик), которого, однако, в годы сталинского террора эти заслуги не спасли от ареста.

Кстати, и лаборатория по организации работ по сохранению тела Ленина во главе с профессором Б.И.Збарским была создана по личному представлению наркома внутренних дел А.П.Берия в ноябре 1939 года¹¹². В начале семидесятых годов в ней уже, например, работали 27 научных сотрудников и 33 человека научно-вспомогательного персонала, в том числе три академика, один член-корреспондент, три доктора и 12 кандидатов наук. В общем, каждое пятнышко на коже мумии, „слушивание носа“, „потемнение кожи“, „деформация дермы“, как явствует из актов проверок, находились под бдительным присмотром специалистов по бальзамированию. Лаборатории власти уделяли неизмеримо большее внимание, чем нашей бедной медицине. По постановлению правительства в 1972 году ввели даже 25-процентную надбавку к окладу...¹¹³ Вождь заслуживал того.

Политбюро регулярно поручало НКВД проводить осмотры сохранности мощей и докладывать высшему руководству. Например, тот же Берия сообщал в Политбюро и Сов-

нарком в феврале 1940 года о том, что при осмотре тела Ленина обнаружены „отклонения“ на лице, „расхождение шва на голове, потемнение на носу“ и т.д. Кровавый нарком, словно патологоанатом, сообщал о состоянии мумии¹¹⁴.

По инициативе Берии Политбюро ЦК в марте 1940 года принимает решение: „Утвердить следующий проект постановления СНК СССР:

1. Изготовить по проекту ВЭИ новый саркофаг для тела Ленина к 20 октября 1940 г. Профессору Збарскому Б.И. к 15.IV.1940 г. представить СНК СССР эскизные проекты и макеты художественного оформления нового саркофага...“ Дальше шли конкретные поручения наркому электростанций и электропромышленности М.Г.Первухину, наркому вооружения Ванникову в деле изготовления нового обиталища мумии¹¹⁵.

Это не последний саркофаг. В семидесятые годы изготовят еще один, более совершенный. За его создание 96 человек получают ордена, десятки людей — высокие премии. Мавзолей часто ремонтировался. Например, в 1974 году на его ремонт отпустили дополнительно 5,5 млн. рублей, 400 человек наградили орденами и медалями. Везли новые мраморные блоки из разных мест, особую аппаратуру, лучшие строительные материалы. Усыпальница вождя была как бы хранилищем, интегрирующей идеи...

В десятую годовщину смерти Ленина Политбюро отметило особые заслуги в сохранении тела профессоров В.П.Воробьева и Б.И.Збарского. Их наградили орденами Ленина и рекомендовали Совнаркому выделить в личное пользование по одной легковой машине¹¹⁶. Это было тогда в СССР исключительной редкостью. Для праха Ленина не жалели ничего, ведь он стал объединяющим началом всей коммунистической державы.

После таких постановлений тело (точнее, то, что от него осталось) перевозили в медицинский зал лаборатории, в течение определенного количества дней выдерживали в специальном растворе (состав — величайшая тайна!), затем облачали в новую рубашку, новый костюм, гримировали и т.д. И опять — „живее всех живых“.

Политбюро регулярно обсуждало доклады комиссии о

состоянии тела Ленина, изучало все эти вопросы как проблемы особого государственного значения. Например, в ноябре 1983 года председатель КГБ Чебриков вместе с министром здравоохранения пишут записку Генеральному секретарю ЦК КПСС: „В связи с необходимостью проведения работ по очередному бальзамированию тела В.И.Ленина просим разрешить закрытие мавзолея на срок с 10 ноября 1983 г. по 10 января 1984 г.“. В записке было указано, что будет „изучена научно-практическая деятельность научно-исследовательской лаборатории при Мавзолее В.И.Ленина“. Комиссия в составе десяти (!) академиков, одного члена-корреспондента, коменданта Кремля, ряда крупных государственных деятелей приступала к очередной двухмесячной работе...¹¹⁷ Люди, занимавшиеся новым сотрясанием остатков праха, уже и сами верили в историческую значимость сего дела. Мощи зловещего атеиста не знали покоя...

Незаметно сложился целый механизм обеспечения функционирования мумии, жизненно необходимой не столько для пропаганды, сколько для воздействия на обыденное сознание людей, общественную психологию масс. За долгие десятилетия миллионы людей привыкли к языческой аномалии и считали (очень многие и сейчас считают) ее особым атрибутом советской политической культуры. Этот феномен еще до конца не исследован.

Вместе с тем ясно, что он может существовать только в обществе с господством догматического сознания и мышления. По сути, мумия Ленина стала своеобразным материальным выражением „вечности“ ленинских идей.

Однако никто не хочет задуматься, что символ марксистской вечности — прах. Это почти одно и то же, что и лозунги из 1924 года: „Могила Ильича — колыбель революции“. С прахом, мощами Ленина за семь десятилетий проделано столько медико-биологических и химических манипуляций, что от тела мало что осталось. Распад мумии компенсировался муляжированием отдельных частей тела, бесконечными осмотрами, „профилактическими“ работами.

Эксперимент с Лениным чуть не положил начало новой „революционной“ традиции: положили в свое время в усыпальницу для обозрения Георгия Димитрова, Хо Ши Мина, Мао Цзэдуна, Агостиньо Нето... Но раньше нас начали од-

ного за другим предавать земле. А когда у нас? Еще несколько лет назад эта мысль абсолютному большинству людей в СССР казалась кощунственной. Мне тоже. Но теперь всем ясно, что большевики, прибегнув к языческому ритуалу „обессмертивания“, обрекли дух Ленина на долгие земные страдания. Вождь русских якобинцев, память о нем и так принадлежат вечности.

Независимо от того, каковой будет дальнейшая судьба мумии, ее идеологическое использование является уникальным по продолжительности своего воздействия на психологию миллионов людей. Для большевиков это было одним из способов олицетворения „бессмертия“ ленинских установок. Но на пороге XXI века мумия больше свидетельствует не о величии человека, а о глубине исторической неудачи страны, так долго продвигавшейся в неизвестность будущего по ленинской тропе.

За десятилетия сотни миллионов рублей были истрачены на сохранение ленинских мощей. Для советских руководителей не имело большого значения, что останки тысяч воинов до сих пор не захоронены после второй мировой войны, судьба множества пропавших „без вести“ до сих пор неизвестна, что инвалиды войны и труда — победители — живут во много раз хуже, чем побежденные. Тысячи раненых воинов-афганцев не могут получить квалифицированной медицинской помощи, жилья, инвалидных колясок... Но всегда находились средства, огромные средства на содержание мумии вождя, мавзолея, лаборатории...

Следует сказать, что, кроме всеобщего затмения сознания, раздавались, хотя и очень редко, слабые сигналы об абсурдности мавзолея. Уже в послевоенное время несколько раз на Красной площади было обнаружено небольшое количество листовок, выразивших протест против нахождения у святого Кремля „главного богохульника России“. Были акции и радикального характера: 20 марта 1959 года один из посетителей музея бросил в саркофаг молоток и разбил стекло. Был задержан. Дальнейшая судьба неизвестна. Возможно, умер в психушке. Другой случай: 1 сентября 1973 года один из посетителей, находясь в траурном зале, взорвал себя вместе с укрепленным под одеждой взрывным устройством. Покушавшийся на мертвого Ленина погиб.

Эти случаи выглядят аномальными, ибо советское общество за многие десятилетия приучили видеть в мумии Ленина идеологическую святыню.

Однако это одна сторона истории с мумией. Еще в 1925 году по решению Политбюро была создана специальная лаборатория по изучению мозга В.И.Ленина*. Большевистские лидеры хотели доказать миру, что „великие идеи“ рождены в „необыкновенном мозгу“, что подтверждает их исключительность и абсолютную верность. В 1927 году лаборатория была преобразована в Институт мозга. Первоначально директором института был известный немецкий профессор О.Фогт, затем профессор С.А.Саркисов, другие ученые. В мае 1936 года председатель Комитета по заведованию учеными и учебными заведениями докладывал в ЦК ВКП(б), что за десять лет „закончена основная, величайшей важности задача, для каковой и был создан институт — изучение мозга Ленина“. Труд содержит 153 страницы машинописного текста и 15 альбомов с 750 микрофотографиями, таблицами и диаграммами¹⁸.

Конечно, научное значение изучения человеческого мозга вообще не вызывает сомнений. Но очевидно стремление партийного руководства получить некие результаты, которые подтверждали бы уникальность, а точнее, своеобразное превосходство мозга Ленина по сравнению с мозгом других людей. (Но ведь это был мозг больного человека!) В мае 1936 года директор Института мозга Саркисов докладывает большой секретной запиской Сталину о ходе изучения мозга Ленина. Отмечу лишь несколько моментов из этого сообщения.

Директор института напоминает, что еще в 1927 году в узком кругу членов правительства Фогт сделал доклад о мозге В.И.Ленина. Директор сообщает, что можно говорить об „исключительно высокой организации мозга В.И.Ленина“ по целому ряду признаков (качество борозд и извилин и т.д.). Мозг Ленина сравнивался, как пишет Саркисов, с десятью полушариями „средних людей“, а также мозгом Скворцова-Степанова, Маяковского, известного философа Богданова. Мозг Ленина, говорится в докладе, „фиксирован в

*Не путать с лабораторией по сохранению тела Ленина при мавзолее, образованной в 1939 году.

формалине и спирту, разделен на блоки и залит в парафин. Блоки разложены на 30 963 среза, полностью сохраняющиеся в институте". Автор доклада утверждает, что в мозгу Ленина более высокий процент борозд лобной доли по сравнению с мозгом Куйбышева, Луначарского, Менжинского, Богданова, Мичурина, Маяковского, академика Павлова, Клары Цеткин, академика Лулевича, Циолковского...

Не буду утомлять читателя результатами научных изысков коллектива института. Возможно, все это имеет немалую научную ценность. Но вызывает протест, что вся методология (как явствует из архивных документов) сводилась в то время к поискам преимуществ, превосходства, особых отличий мозга Ленина от мозга остальных людей. Может, поэту Маяковскому нужны были по качеству совсем другие „борозды“ и извилины, и с этой точки зрения мозг Владимира Владимировича имел явное „превосходство“ над мозгом вождя?

Я бы назвал стремление найти, обязательно найти превосходящие особенности мозга Ленина, как это просматривалось в прошлом, своеобразным „физиологическим“ расизмом. Пусть не обижаются на меня ученые-специалисты, но каждый мозг нормального человека уникален и поэтому, вероятно, может иметь свои неповторимые особенности, которыми не располагают другие. И это естественно.

Известно, например, что средний вес нормального человеческого мозга 1300—1400 граммов. У Ленина — 1340 граммов. Едва дотягивал до нормы. В докладе Саркисова совсем не отмечены те аномалии в мозгу Ленина, которые были вызваны долгой болезнью. То и дело подчеркивается, что „мозг В.И. обладал столь высокой организацией, что даже во время болезни, несмотря на большие разрушения, он стоял на очень большой высоте“. Читая пространный доклад, нельзя отделаться от мысли о его политической заданности и предопределенности¹¹⁹.

Не знаю, как у других, у меня вызвал внутренний протест доклад ученого о том, что в институте „накоплен богатейший анатомический материал“. В числе их мозг (кроме упоминавшихся выше) Сэн Катаямы, Барбюса, Андрея Белого, Багрицкого, Собинова, Исполитова-Иванова и других известных людей. Если с мозгом экспериментируют с разрешения бывших „владельцев“ — это одно дело. И другое —

если он нужен лишь для сравнения с гениальным серым веществом вождя.

Если бы Ленин мог проследить свою судьбу после смерти, то отметил бы с удовлетворением, что его идеи, выраженные в его самой последней статье, написанной в этой бренной жизни, материализовались в действительность. Напомню: тогда Ленин писал, что соединение партийного и советского начал является „источником чрезвычайной силы в нашей политике“. Он считает необходимым осуществить также и слияние „контрольного партийного учреждения с контрольным советским“¹²⁰. По сути, Ленин предлагает (но так уже было при нем и будет еще больше после него) партийную диктатуру. Однако диктатура немыслима без вождя. Сам Ленин оказался первым вождем этой партийной диктатуры. Поэтому посмертное его обожествление не было „перегибом“, „извращением“, субъективной абсолютизацией роли вождя. Это было закономерным следствием господства уже сформировавшейся партийной диктатуры. Свое уродливое мавзолейное бессмертие, по большому счету, Ленин сотворил сам. Вероятно, помимо своей воли и личных амбиций, которых у него, видимо, не было.

Если допустить теперь уже невозможное, что в январе 1924 года на съезде Советов кроме фракции большевиков были бы и фракции меньшевиков, эсеров, кадетов, то разве бы стала возможной вся та эпидемия траурных торжеств, связанная со смертью главы правительства? Разве появился бы мавзолей и тысячи музеев и памятников? Нет и еще раз нет. Но все дело как раз в том и состоит, что умер не просто председатель правительственного кабинета, но человек, олицетворяющий высшую партийную власть, кроме которой в стране уже ничего не было...

Возможно, идея мумифицирования родилась спонтанно, даже случайно. Но превращение вождя партийной диктатуры в идеологического идола — не случайно. Это выражение тоталитарной закономерности. „Ленин — живее всех живых“ — этот пропагандистский лозунг, похоже, воспринимался почти буквально. Судите сами. На заседании Политбюро 16 февраля 1973 года обсуждается: „К вопросу о начале обмена партийных документов“. Оказывается, этот „вопрос“ нужен только для того, чтобы принять следующее постановление:

„Партийный билет № 00000001 образца 1973 года выписать на имя основателя Коммунистической партии Советского Союза и Советского государства В.И.Ленина.

Подписание билета поручить Генеральному секретарю ЦК КПСС т. Брежневу Л.И. При подписании присутствовать членам Политбюро ЦК КПСС, кандидатам в члены Политбюро ЦК КПСС и секретарям ЦК КПСС...“¹²¹

Это уже не символический ритуал, а партийное священнодействие, очередное поклонение мумии. Естественно, билет № 00000002 предназначался другому „Ильичу“ — Брежневу.

Почти ровно за год до своей смерти, 17 января 1923 года, Ленин продиктовал очень откровенную фразу: „Помнится, Наполеон писал: „On s'engage et puis... on voit“. В вольном русском переводе это значит: „Сначала надо ввязаться в серьезный бой, а там уже видно будет“. Вот и мы ввязались сначала в октябре 1917 года в серьезный бой, а там уже увидели такие детали развития...“¹²²

Ленин ввязывался в бой с абсолютно ясной, главной целью: захватить власть. Но сам характер этой цели, словно неумолимый закон, продиктовал все последующие действия вождя и следующего за ним партийного ордена.

Мумия, возможно, случайна. Но идол Ленина закономерен.

Зимой и летом, в стужу и зной идут люди к большевистской мумии. Но сегодня ведет их уже больше не потребность поклониться, а чаще простое человеческое любопытство. Человек, нанесший самый страшный удар по религии, церкви и разрушивший многие святыни православных мощей, сам превратился в идеологическую мумию. Вероятно, на пороге XXI века Мавзолей Ленина превратился в пантеон ленинизма. Символ печальной вечности. Греховного величия. Напоминание о сокрушительном крахе гигантского эксперимента.

Бальзамировать идейное наследие — это одно и то же, если бы пытаться остановить время.

Наследие и наследники

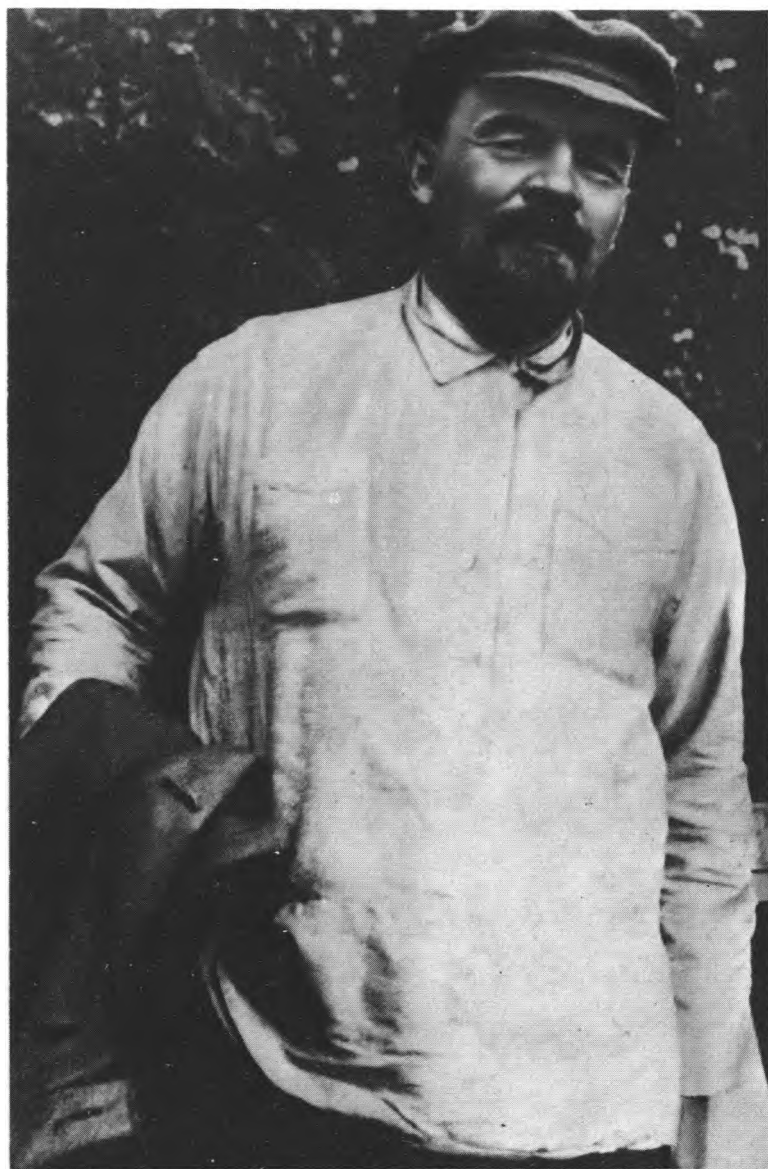
Претензии марксистов на свою исключительность были потрясающими. Еще Карл Маркс, действительно выдающийся

ся мыслитель, тем не менее сделал весьма легковесное заявление: „...буржуазной общественной формацией завершается предыстория человеческого общества“¹²³. Это утверждение стало восприниматься таким образом, что подлинная, истинная, „настоящая“ история началась лишь с того момента, как Ленин вскарабкался в апреле 1917 года на броневик у Финляндского вокзала.

Большевики, главным образом усилиями Ленина, смогли внушить великому народу, что дорога к счастью, равенству, процветанию лежит через баззаконие, произвол, насилие. Эта тема стала лейтмотивом ленинских выступлений на протяжении многих лет. Еще в 1906 году, полемизируя с кадетами, Ленин сформулировал доктринальную установку, от которой не отступал никогда: „Научное понятие диктатуры означает не что иное, как ничем не ограниченную, никакими законами, никакими абсолютно правилами не стесненную, непосредственно на насилие опирающуюся власть...“¹²⁴ Позже, разясняя сущность диктатуры, он пишет, что это „власть опирающейся не на закон, не на выборы, а непосредственно на вооруженную силу той или иной части населения“¹²⁵.

Могут возразить, что Ленин иногда расширял понятие диктатуры до „нового высокого типа общественной организации труда по сравнению с капитализмом“¹²⁶. Но это нико-го не должно вводить в заблуждение. Эта „общественная организация труда“ — подневольная, обязательная, регламентированная, подконтрольная, несвободная. Ведь „уклонение от этого всенародного учета и контроля неизбежно делается таким невероятно трудным, таким редчайшим исключением, будет сопровождаться, вероятно, таким быстрым и серьезным наказанием (ибо вооруженные рабочие — люди практической жизни, а не сентиментальные интеллигентки, и шутить с собой они едва ли позволят)...“¹²⁷.

Вот на такой методологической основе большевики стали созидать новое общество. Ценой невероятных страданий, чудовищных лишений и жертв было создано мощное милитаризованное полицейское государство, достигшее своего апогея к концу жизни Сталина.

1922 год. Ленин в Горках.

Ленин и Сталин в Горках.

1922 год, октябрь. Ленин на сессии ВЦИК.

Ленин и его заместители в правительстве. А.И.Рыков и Л.Б.Каменев (стоят).

Больной Ленин на прогулке в Горках.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (Большев.).

М. КВА.

192 г.

Секретарь Центрального Комитета

И. В. СТАЛИН.

Кембриджский университет
Ленинград. "К. П."

Я не считал, что обилие
в этих "словах" можно
было использовать, тем
более учитывая, что не
политическими, а юридическими
"проблемами" нас, и что никто
как друзей ваших - прежде
всего интеллигентного К. П. -
здоровильный я не пре-
следовал. Басев же
я считал естественным
случаем. За тем, что
важно, надо сказать
Ленин абстрагировался с И. К.
поэтому в том, что никто
кроме меня, не прав.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р. К. П. (Большев.).

МОСКВА.

192 г.

Секретарь Центрального Комитета

И. В. СТАЛИН.

7. II. 23.

т. Ленин!

Недавно я вместе с тов. Н. Кенег,
которую я считаю не
только Вашей женой, но
и одним из старых пар-
тийных товарищей, и
сказал ей (по телефо-
ну) приблизительно следующее:
Враги запрещают даже
малейшую критику. Ни французам,
ни англичанам, ни американцам,
ни японцам, ни другим
имеющим право голоса
не разрешают. Между тем,
этот Н. К. оказывается
карушающе от нас.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ Р.К.П. (Большев.).
МОСКВА.

192 г.

Секретарь Центрального Комитета
И. В. СТАЛИН.

не было тут, если же
к нам бы.
Важно, если бы
считается, что для сохра-
нения и улучшения
состояния этой страны
и не только этой страны
нужно прибегать к
революции - в том же
духе и в том же духе.
Именно так же и в
и в том же духе.

7. III 1932

О чем думает больной вождь?

Трагедия вождя.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ РА. П. (Вольшев.)
 Москва
 Секретарь Центрального Комитета
 И. В. СТАЛИН.
 Москва, Кремль, Канц. Бюро.

17/III г. Гусарова (Ник)
 Собираю мне в архиве архива =
 стигматичной просьбу В. Митурга
 Стрешку "о том, чтобы 9, Стрешку,
 ввиду на себя одобрить доклады
 передает В. Митургу порученоmani-
 стого камин. В беседе со мной Н.К.
 говорил, между прочим, что В. Митур
 представляет немаловажные страдания, что
 "давать имити как немотивированно" и упорно
 настаивает на отказе В. Митургу
 в его просьбе. Ввиду особой настоя-
 тельности Н.К. и В. Митур, что В. Митур
 Требуется много согласия (В.М. дважды)

Встретил в себе Н.К. по поводу се-
 себя со мной из своей кабинета,
 где мы были вместе, и с коллегами
 Требуется "согласия Стрешку" В. Митур
 тем же В. Митуром один оба
 раза прервал беседу, и не
 если возможным отметить, что
 том, застав "принцип В. Митур" उसे
 концы и веревки, что, когда Митуром
 Вет, и дес колебания неопытно его пре-
 бовании". В. Митур действительное успокоился.

Доклад, однако, заставил, что 4
 митур не фаворит мне как политик
 просьбу В. Митурга и В. Митуром отка-
 зался от этой инициативы, как она
 не была гуманная и необходимая,
 о том и доложить ее свершили
 митур Н. Стрешку Н.К.

И. Стрешку

Последний год жизни Ленина.

Безумие ленинского больного взгляда.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ СООБЩЕНИЕ О СМЕРТИ

Владимира
Ильича

УЛЬЯНОВА
ЛЕНИНА

ТЕЛЕГРАММА.

Москва. Правительство сообщило 21 января в 6 час. веч. в Горьк. ЦКП Москвы широкопостижно скончался Владимир Ильич Ульянов-Ленин. Ниши не утешало на близость смертельного исхода. Последнее время и состоянии здоровья Владимира Ильича наступило значительное улучшение. Все ожидало думать, что здоровье его будет восстанавливаться совершенно неожиданно вчера в состоянии здоровья Владимира Ильича наступило резкое ухудшение и несколько часов спустя Владимира Ильича не стало. Заседаящий в Москве Всероссийский Съезд Советов, а также открывающийся на днях Всесоюзный Съезд примут необходимые решения для обеспечения дальнейшей непрерывной работы Совет правительства. Сильный тяжелый удар, постигший трудящихся Союза, глубоко потрясет рабочего и крестьянина не только нашей республики, но также и во всех странах широкие массы трудящихся будут оплакивать смерть своего вождя. Его больше нет среди нас, но дело его останется незабытым. Выражающие волю трудящихся масс Советские Правительство продолжит работу Владимира Ильича, твердо идя по его пути.

Москва, Кремль, 22 января 1924 года.

1924 год. Правительство сообщеие о смерти Ленина.

Ф.Э.Дзержинский и К.Е.Ворошилов у гроба Ленина.

Постановление II Всесоюзного съезда Советов о дне траура и могиле Ленина.

С'езда Советов.

О дне траура.

II с'езд Союза ССР подтверждает инициативу постановления XI всероссийского с'езда советов от 22 января 1924 г.:

«Заслушав сообщения тов. Калинина о смерти Владимира Ильича Ленина XI всероссийский с'езд советов постановляет:

21-е января объявить днем траура».

Председатель Съезда Советов Союза ССР **М. КАЛИНИН**,
Секретарь II С'езда Советов Союза ССР **А. ЕМУХИДЗЕ**.

О могиле В. И. Ленина.

II С'езд Советов Союза ССР утверждает следующее постановление Президиума ЦИК Союза ССР от 28-го января 1924 года:

«Идя навстречу желанию, законному многочисленным делегатам и избранным в ЦИК Союза ССР, и в целях предоставления всем желающим, которые не успеют прибыть в Москву по дню похорон, возможности проститься с любимым вождем, Президиум Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР постановил:

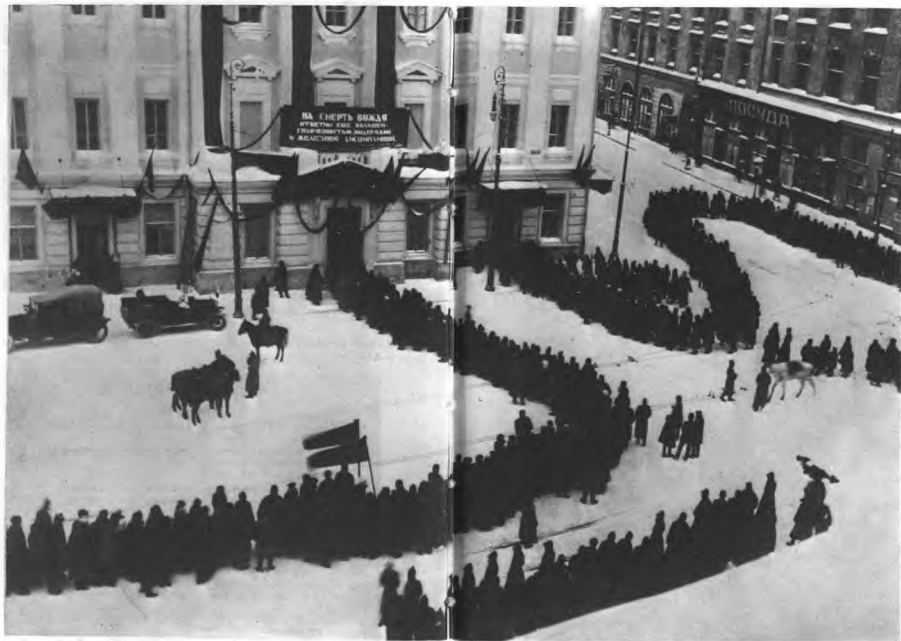
1. Гроб в тавин Владимира Ильича сохранить в силе, сием местом доступным для посещения.
2. Силет соорудить у Красной стены, на Красной площади, среди братских могил **Борьба Октябрьской революции**.

Председатель II С'езда Советов Союза ССР **М. КАЛИНИН**,
Секретарь II С'езда Советов Союза ССР **А. ЕМУХИДЗЕ**.

О памятниках В. И. Ленину.

Колонный вид
тронической эда
дай черной и кра
Тысячи электр
тиль струит свой
обширнейшим их
Над могилой де
ст задрожавши
гроб с останками
или распластали со
останками покойн
валя пелкой это на
ва.

У ижегольи На
дров инама: РОФСР
У подголки и
жизнечество веко
тив. Завес веков от
летов и XI всеросси
самого ЦИК, от I
РКИ и от многих
профессиональнх,
бюрок организаций,
невеже не может бы
невеже и все посл
иже в зал черн ка
устанавливаются и
ваши, кабылошый
Среди р-нево бр-
ек: «Высокому вод
равнению партию
вую силу, движут
слонский университет

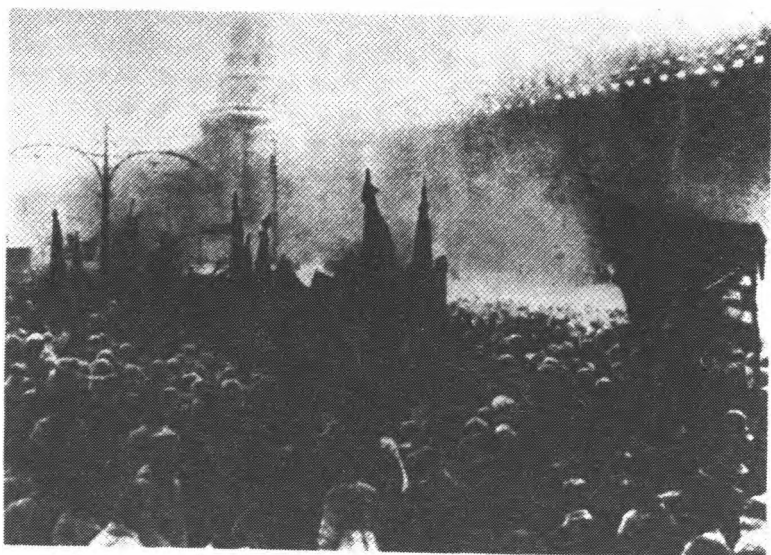

Траурная людская лента.

Похороны Ленина.

Красная площадь в трауре.

Крупская на траурном митинге.

1924 год. Пока эти четверо вместе: Сталин, Рыков, Зиновьев, Бухарин.

Празднество на Красной площади. Деревянный мавзолей.

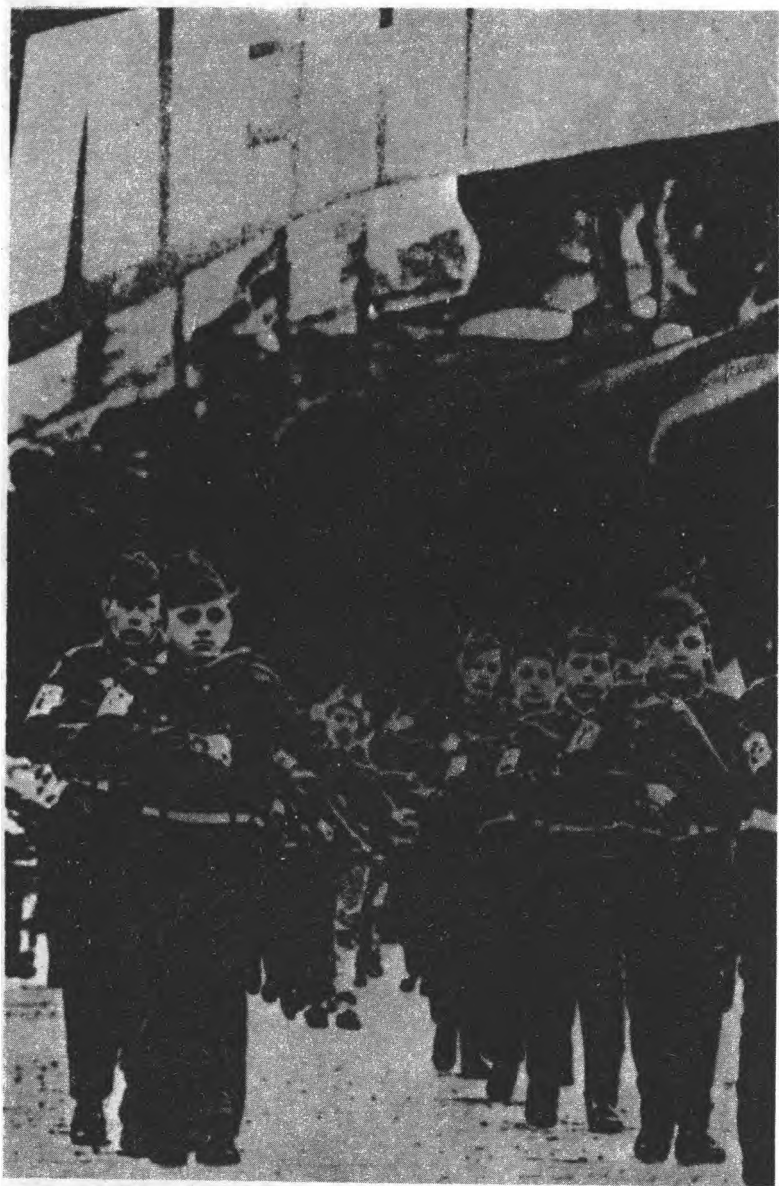

Бухарин на трибуне.

Выступает Зиновьев.

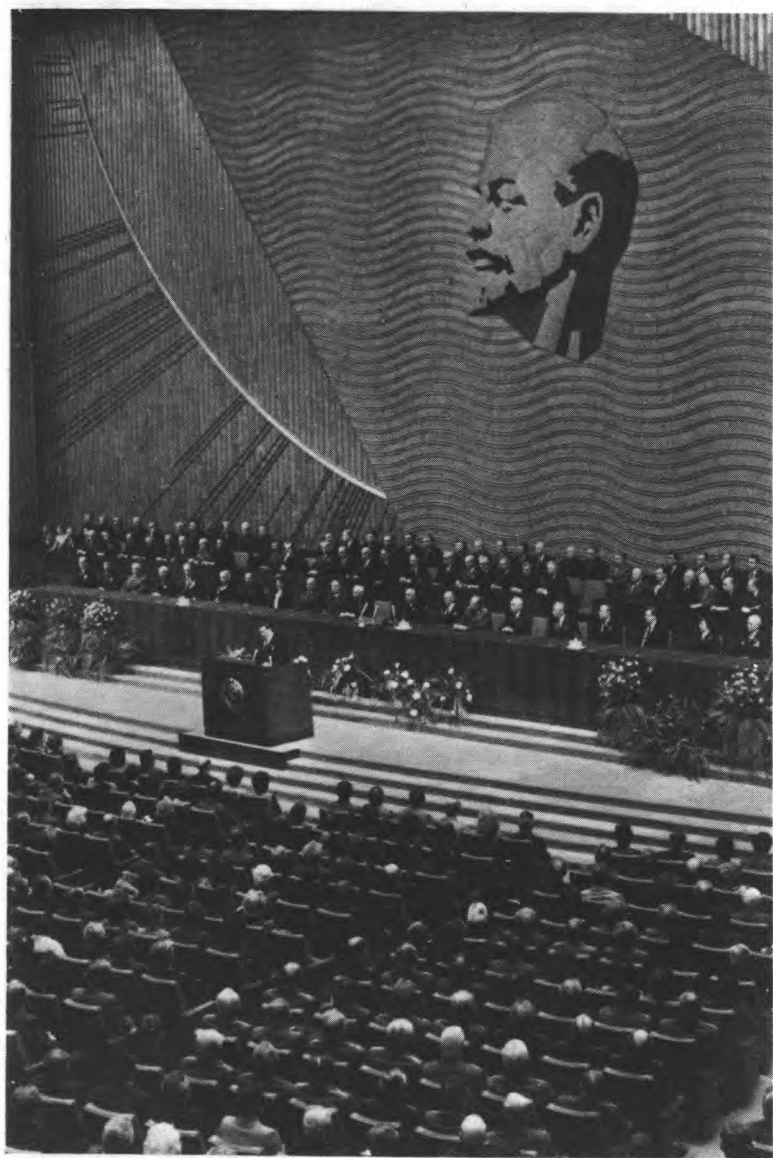

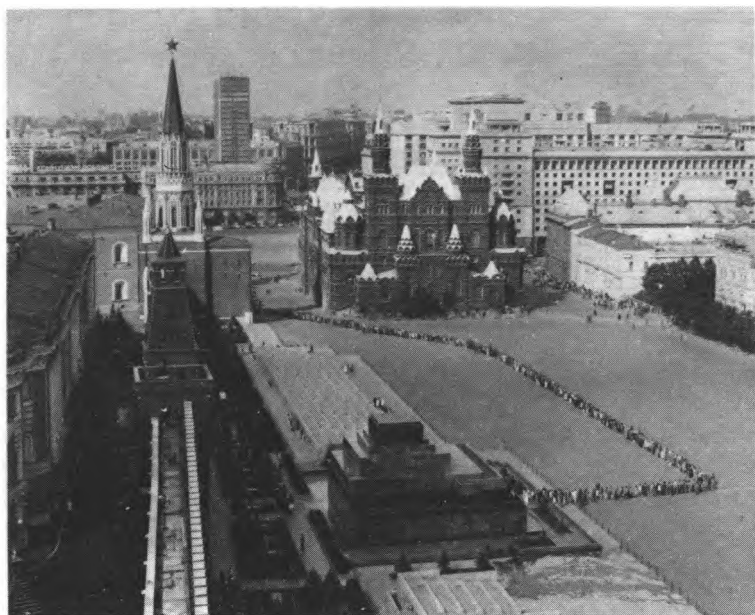
100-летие со дня рождения В.И.Ленина.

А Ленин все зовёт...

1984 год, апрель. Торжественное заседание, посвященное 114-й годовщине со дня рождения В.И.Ленина.

В Мавзолее Ленина побывали десятки миллионов людей...

Вечный сон.

Срез мозга Ленина.

Здесь хранится слепок мозга вождя.

Ленинский кабинет в Кремле.

Орден Ленина.

1992 год, февраль. Митинг коммунистов и „трудовой Москвы“.

На защите музея Ленина.

Низвержение памятника Ленину в Риге.

Максимум силы и минимум свободы — могло бы быть ленинским девизом пролетарского государства.

Защитники большевизма любят повторять слова Черчилля (который вкладывал в них вполне определенный смысл) о том, что Сталин, приняв из рук Ленина государство с сохой, превратил его в мощную страну с атомной бомбой. Но никто не хочет задуматься над тем, каким бы стало государство, если бы в 1917 году большевики не совершили переворот, если бы „февраль“ устоял. Я думаю, это была бы великая демократическая держава, занимающая передовые позиции по всем направлениям. А главное, Россия не распалась бы, как СССР. Ведь это Ленин и большевики ликвидировали губернское деление (прототип штатов), заменив его национальными образованиями. А что касается атомной бомбы, то она совсем не может являться показателем цивилизованности и прогресса государства. Ирак был на пороге получения ядерного монстра, а Федеративная Республика Германия не имеет и не стремится к обладанию атомной бомбой. Но разве сопоставим демократизм этих государств?

На ленинских принципах было создано классическое тоталитарное государство. И хотя со временем, после XX съезда КПСС, советское общество постепенно несколько либерализовалось, оно никогда не было подлинно демократическим.

В государстве, провозглашенном общенародным, общественные организации (профсоюзы, комсомол, кооперация), Советы народных депутатов, трудовые коллективы составляли советскую политическую систему, были элементами все той же ленинской диктатуры (но теперь уже не пролетариата, а одной-единственной партии). Последняя Конституция СССР много говорит о полновластии народа. Но достаточно было задать один-единственный вопрос, на который коммунистические пропагандисты никогда не могли дать удовлетворительного ответа: почему выборы в органы власти всегда проходили на безальтернативной основе? — как становится ясной вся иллюзорность казенной демократии ленинского государства.

Центральным содержанием и идеей этого государства была „руководящая и направляющая роль КПСС“. По сути,

ленинское изобретение государства, вопреки тому, что он писал в 33-м томе своих сочинений, свелось к созданию партократического общества. И диктатура КПСС была закреплена в Конституции. Партия, единственная партия, провозглашалась „ядром политической системы“, что означало: мозг, судья, прокурор, надсмотрщик всего и вся.

Главное ленинское наследие, таким образом, заключалось в создании мощной партократической системы, опиравшейся на бюрократический, военный и полицейский аппараты. И мало этого, официальным тезисом партийного руководства было: роль партии будет и впредь повышаться. „По мере того как советские люди будут решать все более сложные и ответственные задачи строительства коммунизма, — говорил Л.И.Брежнев, — роль Коммунистической партии будет все более возрастать...“ Генсек счел нужным далее добавить насквозь лживую фразу: „И это ведет не к ограничению, а ко все более глубокому развитию социалистической демократии...“¹²⁸

Партократизм ленинского общества постепенно выродился во всецелое узкого клана партийных бонз в центре и на местах. Это всецелое было абсолютным. Царское самодержавие не могло и мечтать о столь неограниченной полноте власти. Государственные органы, начиная с правительства, служили лишь для исполнения воли таинственного и загадочного „Политбюро“. Со временем слово „политбюро“ приобрело мистический смысл и означало всевластие, всецелое, вседозволенность, всезнание.

В этот узкий клан впускали редко и только после всесторонней проверки. Но для того, чтобы можно было быстро освободиться от любого члена, у Генерального секретаря и главы службы безопасности было тайное досье с компрометирующими материалами на каждого члена Политбюро. Эти досье были запечатаны в конвертах „Особых папок“, которые могло вскрыть только первое лицо партийной олигархии — Генеральный секретарь. Даже на такого ортодокса в составе Политбюро, которого побаивались все, М.А.Суслова, имелось в тайном досье несколько неприятных для него документов. Например, в одном из них на конкретных фактах доказывалось, как секретарь Ставропольского крайкома партии М.А.Суслов, бросив во время

войны на произвол судьбы раненых бойцов, бежал из города, мобилизовав для своих нужд несколько автомобилей. Другой документ — о злоупотреблениях Сулова в Москве на ниве закрытой торговли, где он и его семья приобретали большие количества дефицитных товаров по символическим ценам.

Подобные компроматы — на всех членов Политбюро: один имел сомнительное „поповское“ происхождение, другой — замечен в неосторожных высказываниях среди своей челяди, третий — презрев „коммунистическую мораль“, баловался с женщинами из своего технического окружения. По сути, каждый член Политбюро был „заминирован“ и мог быть в любой момент удален, если он чем-либо не угодил „первому“. Так, Шелепина удалили из ареопага после того, как тот стал проявлять, по словам первого лица, „ложный демократизм“: поехал отдыхать не на спецдачу, а в обычный санаторий и — о ужас! — стал ходить питаться в общую столовую! Причины были глубже, но эти факты пригодились для вынесения партийного приговора.

Чем только не занималось „ленинское Политбюро“! Здесь оно полностью унаследовало ленинские традиции. Проиллюстрирую эту мысль несколькими примерами.

Первый ленинский наследник любил обсуждать на Политбюро вопросы острые и конфиденциальные. В начале сентября 1950 года был рассмотрен вопрос о создании двух бюро по линии МГБ. Бюро № 1 по диверсионной работе за границей и бюро № 2 по выполнению специальных заданий внутри Советского Союза¹²⁹. Назначены по представлению В.Абакумова конкретные лица.

В Положении о бюро № 1, состоящем из одиннадцати пунктов, есть, например, такой: агентура должна быть готова к проведению в нужный момент диверсионных мероприятий. „В необходимых случаях — наблюдение и подвод агентуры к лицам, ведущим за границей вражескую работу против СССР, пресечение которой может быть произведено особыми способами по специальному разрешению“.

Спецслужба после кровавых тридцатых годов научилась излагать свои мысли об убийствах почти изящно: „пресечение“. Терроризмом ленинское государство занималось всегда, теперь же эту „работу“ подняли на новый уровень.

Протоколы Политбюро — летопись ленинских наследников. В них история великого государства, захваченного большевиками. Когда-нибудь, возможно, опубликуют тома стенограмм этого органа, который считал себя ленинским. Чего там только нет!

Политбюро после испытания атомной бомбы (изделие РДС-1) рассматривает вопрос „О практических мероприятиях по подготовке к защите от действия специальных видов оружия (атомного и биологического)“; обсуждает пути ускорения строительства Байкало-Амурской железной магистрали, задачи по усилению атеистического воспитания, укреплению органов безопасности, вопросы продажи нефти и газа, многое, многое другое, но особенно часто — мероприятия по празднованию ленинских дат и юбилеев. Партийный ареопаг ежегодно по многу часов был способен обсуждать ленинскую тему. Как заявил Л.И.Брежнев на заседании Политбюро 20 июня 1968 года, „главное состоит в том, что нам надо всегда, на всех этапах защищать ленинизм от любых наскоков, от любых нападков... Ленинизм надо защищать, и мы будем защищать его последовательно и непримиримо... Известно, что всю жизнь, всю свою работу мы строим по Ленину. Это не пустая фраза, это действительно наша жизнь, это действительно наша работа“¹³⁰.

Видимо, следует согласиться с этим утверждением: все, что создано, построено, возникло в Советской России после смерти Ленина, формировалось по его чертежам, „заветам“, принципам. Тоталитарное государство, бюрократическое общество, партократическая власть, господство моноидеологии, воинствующий атеизм, тотальная слежка, директивная экономика, фантастическая эксплуатация человека труда, бесконечная милитаризация страны, неутомимый поиск неистребимых врагов — столь обширно ленинское наследие. Простой человек приспособивался к жизни, где государство обеспечивало прожиточный минимум, давало убогую квартиру, распределяло некоторые социальные блага в виде образования, медицины, гарантированных отпусков. Это был полунищенский, но гарантированный минимум в сказочно богатой стране. Люди привыкли к нему и не были готовы к другой жизни. Да и сейчас еще многие не готовы, тем более что другая жизнь пока не очень ладится. Не их

вина. За них думали, за них решали. Ленинское общество создало новый социальный тип человека.

Некоторые послабления, выразившиеся в отказе от массовых репрессий в стране, не всеми были приняты в верхнем эшелоне. Пришлось, пользуясь сталинскими методами, удалить, сослать, изолировать этих людей.

...Политбюро рассматривает записку председателя Комитета государственной безопасности А.Шелепина о Л.М.Кагановиче. Один из сталинских приближенных был выслан из Москвы в Калинин, но, как явствует из донесения, не удовольствовался этим. Каганович стал полулегально посещать столицу, устанавливая связи со старыми сослуживцами с целью получения помощи в написании книги воспоминаний. Но люди (все без исключения!) тут же сообщали о „несанкционированном контакте“ в КГБ. Передавали самые мелкие подробности, вроде того как Каганович жаловался, что „пенсию ему дали небольшую, всего 1158 рублей, и с иронией заявил: „Не могли даже дотянуть до 1200 рублей, не хватило стажа“. Высказывал обиду, что ему в ЦК КПСС дали понять о том, что он должен проживать только в гор. Калинин¹³¹. Естественно, Президиум ЦК (так в это время называлось Политбюро) потребовал ужесточения слежки за опальным руководителем. Система не могла быть другой, она была запрограммирована на тоталитарность мышления и тоталитарность действия.

В конце года в Политбюро стало традицией на последнем заседании подводить, количественные итоги работы. Например, в декабре 1973 года Брежнев сообщил своим коллегам А.А.Гречко, В.В.Гришину, А.А.Громько, А.П.Кириленко, Ф.Д.Кулакову, К.Т.Мазурову, А.Я.Пельше, Н.В.Подгорному, Д.С.Полянскому, М.А.Суслову, А.Н.Шелепину, П.Н.Демичеву, Б.Н.Пономареву, Д.Ф.Устинову, И.В.Капитонову, К.Ф.Катушеву, что в этом году на 53 заседаниях Политбюро рассмотрено 615 вопросов, а путем заочного голосования „в оперативном порядке“ — 3256. Из них 2062 — вопросы внешней политики и внешней торговли. Сельхозвопросов — 165, промышленности — 163, материального благосостояния — 70. По проблемам идеологии, докладывает генсек, „дело обстоит хуже“. Рассмотрено лишь 64 вопроса.

Долго и нудно перечисляя цифры заседаний, совеща-

ний, принятых решений, Брежнев ни словом не коснулся: а каковы результаты всех этих разговоров и принятых решений? Докладчик посетовал, что „мы нередко, конечно, устаем, перегружаем себя, но все это, товарищи, ради общего блага нашей страны, все это ради служения нашей великой ленинской партии...“. Как всегда, даже в этом узком кругу дело не обходилось без идеологических заклинаний. Так было и сейчас: „Мы, товарищи, с вами работаем в согласии, в духе ленинских заветов... Во времена Ленина в нашей партии были оппозиционные группировки, с которыми Ленин вел решительную борьбу. Теперь же у нас в партии полное единство... Я, например, подписываю некоторые решения, хотя с ними не согласен. Правда, таких решений было очень немного. Так я делаю потому, что большинство членов Политбюро проголосовало „за“¹³².

Вот такое получилось у Ленина наследство. Могучее, сильное, догматическое, бюрократическое, несвободное. Даже первое лицо в государстве и партии (а это одно и то же для СССР) пишет по какому-то вопросу „за“, хотя он и против. Но ведь Ленин завещал беречь единство партии как „зеницу ока“.

Однако бальзамировать наследие, как мы уже говорили, — это то же, что пытаться остановить время.

Какими были, если так можно сказать, основные „наследники“ Ленина? Вождь большевиков не был генеральным секретарем партии, но авторитет его был столь велик, что он единодушно считался первым лицом и в государстве, и в партии. В последующем, в духе сталинского истолкования ленинизма, руководитель партии был лидером и государства, и правительства. Представляется интересным с „ленинской“ стороны взглянуть на первых людей СССР после кончины главного вождя. О Сталине в этой книге мы уже писали. Следует, как полагает автор, коротко осветить ленинских наследников после смерти диктатора: Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко, Горбачева. Я не имею целью давать здесь очерки этих политических деятелей. Это особая тема, тем более что об этих людях написаны книги, а о некоторых (М.С.Горбачев) — множество.

Нас интересует лишь, как несли, берегли, развивали ленинскую идею, его методологию эти лица. Мне пришлось,

для того чтобы написать по этому поводу всего несколько страниц в этой книге, перечесть горы литературы, стенограмм, речей и статей этих людей, а также документов в ранее полностью закрытых фондах.

Правда, сразу замечу, что доклады о Ленине, ленинизме, ленинском наследии, ленинских принципах и т.д. писали им совсем другие люди. Генеральные (или первые) секретари их лишь озвучивали или подписывали. Не только статьи, но и книги, и сборники статей. Эта форма интеллектуальной проституции прочно укоренилась в партийной номенклатуре. Даже редкий первый секретарь райкома опускался до личной подготовки статьи и доклада. Если в США, например, общественности известны имена спичрайтеров (составителей речей), то в советском обществе это было не принято.

Все наследники Ленина (возможно, за исключением Горбачева) несут на себе печать ущербности его идей и глубокой вторичности в личном плане. Все они хотели быть „ленинцами“.

В этом отношении сам Ленин на много голов превосходил своих наследников, ибо умел и мог работать сам. Хотя стиль статей, речей и книг Ленина, как правило, тяжеловесен, „темен“, тавтологичен, тем не менее готовил их он сам лично. Его последователи, как мне удалось установить по ряду признаков, кроме Горбачева, никогда по-настоящему не читали и не знали Ленина, на которого они так любили ссылаться в докладах, написанных их помощниками. Ленинизм был просто марксистским „священным“ писанием, на которое следовало ссылаться по любому поводу: при рассмотрении партийного строительства или обороны страны, борьбы с инакомыслием или обсуждении роли искусства в воспитании людей, при создании совнархозов или сочинении продовольственной программы. Ленинская цитата имела мистическое значение и в то же время оберегала от критики в безыдейности. Наследники Ленина эксплуатировали его многотомье лишь по самому верхнему слою; основное содержание почти сотни томов его „Полного“ собрания сочинений и „Ленинских сборников“ было, допустим, Хрущеву или Брежневу просто неизвестно.

После смерти Сталина совместное заседание пленума

ЦК КПСС, Совета Министров СССР, Президиума Верховного Совета СССР решило, чтобы Н.С.Хрущев сосредоточился на работе в ЦК партии. А 7 сентября 1953 года пленум ЦК избрал Н.С.Хрущева Первым секретарем ЦК партии. Энергичный, импульсивный, непоследовательный, но мужественный политик навсегда вошел в историю прежде всего тем, что нанес первый и самый страшный удар сталинизму. Но, будучи продуктом сталинской эпохи, он осудил лишь проявления сталинизма, а не его генезис и причины. И в этом ему очень мешало то, что он не знал подлинного Ленина... Хрущев, как и мы, на протяжении долгого времени видел в сталинизме лишь „культ личности“, а не ущербность самой системы.

Дело в том, что главная аргументация Хрущева в докладе на XX съезде КПСС (подготовленном П.Н.Поспеловым и его идеологической командой) опиралась на Ленина. Хрущев, буквально раздевая Сталина, своего вчерашнего кумира и патрона, то и дело опирался на ленинские положения, во множестве вмонтированные в доклад.

Например, в докладе „О культе личности и его последствиях“ Хрущевым утверждалось: „...Ленин никогда не навязывал силой своих взглядов товарищам по работе“. Он не знал, что навязывал, и неоднократно — своей духовной силой.

„...Сталин ввел понятие „враг народа“. Не Сталин, а Ленин еще раньше, вскоре после октябрьского переворота, использовал этот термин, в частности, в отношении „партии кадетов, как партии врагов народа...“.

„...Ленин пользовался такими мерами („жестокая расправа“. — Д.В.) против действительно классовых врагов...“ Но чем лучше Ленин Сталина, если расстрелы позволительны против „действительно классовых врагов“? Где критерий „действительно“ и „недействительно“ врага?

„...Ленин дал указание в январе 1920 года об отмене массового террора и об отмене смертной казни...“¹³³ Но как тогда расценить, допустим, указание Ленина в марте 1922 года о том, что „чем больше буржуазии и черносотенного духовенства расстреляем, тем лучше...“¹³⁴.

Справедливо разоблачая Сталина, но сдирая с него лишь внешние покровы политического и социального порока, Хрущев и не думал вспоминать, что он был одним из тех, кто

внес огромную лепту в его возвеличивание. Выступая на предвыборных собраниях в Москве в 1936 году, Хрущев лейтмотивом своих речей сделал славословие в адрес вождя.

„...Заветы Ленина наша партия выполнила под руководством нашего великого Сталина...“

„...Я горжусь и считаю для себя большим счастьем, что мне приходится вести рабту... под руководством нашего великого вождя — товарища Сталина...“

„...Я даю клятву, что ни на шаг не отступлю от той линии, которая проводится... нашим великим Сталиным!“¹³⁵

Все эти слова встречались бурными аплодисментами. Весь народ был ослеплен, все мы походили на Хрущева, который тогда искренне верил, что мы по ленинским чертежам во главе с мудрым строителем создаем лучезарное общество. Видимо, в XXI веке, когда временная дистанция от „средневековья“ XX столетия достигнет воистину исторических масштабов, можно будет во всей глубине исследовать феномен превращения миллионов людей в одномерных фанатиков, по-сталински — „винтиков“, утративших надолго нечто высокое — человеческое: чувство свободы, достоинства, ответственности.

Ленинский большевизм долгие годы держал в плену миллионы людей.

С помощью Хрущева Ленин был использован для развенчивания Сталина — величайшего тирана XX века, а возможно, и всей человеческой истории. Но Хрущеву было невдомек, что Ленин — прямой предтеча Сталина, его духовный отец. Как пишет известный английский историк Роберт Сервис, „Ленин был вождем большевизма, чьи гены в следующем десятилетии породили сталинизм“¹³⁶. У Хрущева не могла даже появиться мысль, хотя бы на один миг, что Ленин мог быть в чем-то не прав, ведь он уничтожил „действительных врагов“.

Люди, сидевшие в зале, воспринимали Ленина как божество, непогрешимого святого, а Сталина как человека, нарушившего его „заветы“. Поэтому, когда Хрущев заявил о неуважении Сталина к памяти Ленина, выразившемся в замораживании строительства Дворца Советов как памятника Владимиру Ильичу, весь зал затих. Когда же Первый секретарь заявил, что „надо исправить это положение и памятник

Владимиру Ильичу соорудить“, его слова утонули в шквале аплодисментов людей, у которых система давно уже сформировала догматическое мышление.

Каким был Хрущев, дает представление, например, его беседа с Мао Цзэдуном 2 октября 1959 года в Пекине. Это был четырехчасовой разговор, и его невозможно полностью привести в книге. Но я упомяну о нескольких фрагментах, которые ярко характеризуют „ленинца“ Хрущева. Когда обсуждался вопрос о территориальном споре между Китаем и Индией, Хрущев заявил:

— Больше на пять километров или меньше на пять километров зашли — это неважно. Я беру пример с Ленина, который отдал Турции Карс, Ардаган и Арарат. И до настоящего времени у нас в Закавказье среди части людей имеется определенное недовольство этими мероприятиями Ленина...

— Что касается ухода далай-ламы из Тибета, то, будь мы на вашем месте, мы бы ему не дали возможности уйти. Лучше бы, если бы он был в гробу. А сейчас он в Индии и, может быть, поедет в США. Разве это выгодно социалистическим странам?

Отвечая на возражения китайцев, а переговоры шли трудно, на грани срыва, Хрущев без дипломатических обиняков, как он считал, „по-ленински“, сказал много саморазоблачительного:

— Что касается Венгрии... Вы поймите, мы имели в Венгрии армию, мы поддерживали дурака Ракоши — в этом наша ошибка, а не ошибка Соединенных Штатов...

— Если у нас в Советском Союзе и побили стекла в посольстве Соединенных Штатов и ФРГ, то это мы сами организовали.

В ходе беседы произошла горячая перепалка Хрущева с маршалом Чень И.

Хрущев: Если вы считаете нас приспособленцами, товарищ Чень И, то не подавайте мне руки, я ее не приму.

Чень И: Я также. Должен сказать, что я не боюсь вашего гнева.

Хрущев: Не надо на нас плевать с маршальской высоты. Не хватит плевков. Нас не заплюешь... Мы сбили не один американский самолет и всегда говорили, что они сами разби-

вались. Это вы никак не можете назвать приспособленчеством...¹³⁷

Вот так вел переговоры Хрущев... Прямолинейно, жестко, примитивно, бестактно. Но это было отличительной чертой большинства ленинцев.

Хрущев, как и его предшественник и последователи, любил ссылаться на аргумент, который считался исчерпывающим: „Так учил Ленин...“

Ленин помог Хрущеву опрокинуть Сталина и развенчать его.

Но он же, Ленин, „выступил“ против Хрущева, когда 14 октября 1964 года пленум ЦК освободил „первого анти-сталиниста“ от обязанностей Первого секретаря ЦК КПСС, члена Президиума ЦК и Председателя Совета Министров СССР.

Ленин, как бумеранг, обернулся против Хрущева.

Огромный по объему доклад (целых 70 страниц!) на пленуме, низвергнувшем Хрущева, вновь полон ленинских цитат. Опять муссируется ленинское „Завещание“ („Письмо к съезду“) как главный вечный аргумент против „новоявленного претендента на новый культ личности“. Нашли ленинские цитаты о вреде, бедствии от „охотников перестраивать на всяческий лад“, о необходимости „государственного ума“, важности „личных свойств вождей“, о „роли Советов“ и многое, многое другое. Ленин был мобилизован против Хрущева не меньше, чем бывший Первый секретарь его использовал против культа Сталина.

Какой-то дотошный цековец вспомнил (и это вставили в доклад) эпизод: „На одном большом приеме, где было около двух тысяч человек, и среди них много иностранцев, Хрущев заявил, что Великую Октябрьскую революцию (а ею руководил Ленин) будто бы совершили не рабочий класс и вооруженные солдаты, а бабы.“

Что это такое, как не попытка принизить роль Владимира Ильича и вознести себя! Как только язык поворачивается произносить такие кощунственные вещи!¹³⁸

Но, конечно, опираясь на Ленина, его вчерашние соратники постарались навесить на Хрущева все грехи, коих было в стране предостаточно. Спады темпов прироста общественного продукта со времени смерти Сталина до 1964 года

двое? Виноват Хрущев. Замедление научно-технического прогресса? Результат некомпетентного вмешательства Хрущева. Трудности в сельском хозяйстве? Конечно, причина во вмешательстве Хрущева. Но особенно досталось Первому секретарю за бесконечные реорганизации, перестройки и реформаторский зуд.

С особой язвительностью высмеяли „верного ленинца“ за бесконечные зарубежные вояжи, даже посчитали, что в 1963 году за границей и в поездках по стране Хрущев находился 170 дней. Да еще с женой... А подарки президентам, ответные сувениры... Партийная ханжеская мораль не могла этого вынести. В кучу соскребли все, как будто не они сами выдвигали полуграмотного, но отважного Хрущева на этот пост. Пусть простят меня читатели, но я приведу одну цитату из доклада о „поведении“ Хрущева.

Он так „отвратительно сквернословит, что, как говорится, не только уши вянут — чугунные столбы краснеют. „Дуррак, бездельник, лентяй, вонь, грязная муха, мокрая курица, дерьмо, говно, жопа“ — это только „печатные“ из употребляемых им оскорблений. А наиболее „ходкие“, к которым он прибегает гораздо чаще, никакая бумага не выдержит и язык не поворачивается произнести“.

Вчерашние соратники не могли обойти и вопрос о критике Хрущевым культа личности Сталина. Фактически Сталин (с оговорками) был взят под защиту. „Разве можно изображать Сталина.... действовавшего с помощью топора и плахи? В каком же свете предстают тогда партия и народ, терпевшие его так долго у власти... Умалять заслуги Сталина, а тем более зачеркнуть их, нельзя...“¹³⁹

Устранение Хрущева, таким образом, было не следствием его ошибок и промахов (их было немало), а, главным образом, мстью, расплатой за его позицию на XX съезде партии, за тот удар, который он нанес по сталинизму. Практически все тогдашние „ленинцы“ в руководстве тосковали по сталинским порядкам, осуждая лишь их крайние проявления. Уход Хрущева означал, что сталинизм еще жив и влиятелен. Эта форма ленинского большевизма пустила глубокие корни, и XX съезд с мужественным Хрущевым серьезно их подрезали, но не вырвали из тоталитарной почвы.

„Верный ленинец“, как величали Хрущева в зените его

власти, был сыном системы. Долгие десятилетия в высшем эшелоне преданность ленинизму (который большинство понимали очень смутно) ценилась выше, чем компетентность, образованность и культура. Хрущев, как и Ленин, оказался щедрым на эфемерные, утопические прогнозы. Первый секретарь, так же как и первый лидер большевиков, установил точную дату нашего пришествия в землю обетованную. Он был инициатором драматического ядерного кризиса на Кубе. Пожалуй, это была самая опасная отметка сползания человечества к ядерной катастрофе. Но именно у него хватило политической смелости пойти на понятную. Но не этим войдет Хрущев навсегда в историю.

В сознании, в памяти советских людей, как бы мы раньше сказали, россиян Хрущев останется как освободитель. В этом историческая заслуга мужиковатого, бескультурного, но мужественного Первого секретаря. Освободитель от мрачного духовного гнета сталинизма. Неполное, непоследовательное, поверхностное, но — освобождение. Хрущев, как и его более удачливые преемники (их не снимут, а они умрут в собственных постелях генсеками), еще более рьяно обратят свои взоры к Ленину. Ведь давно известно, что тоталитарная система не может существовать как без своего „святого“ — вождя, так и без господствующей единой идеологии. Это очень хорошо усвоила крупная посредственность на политическом Олимпе великой страны — Леонид Ильич Брежнев.

Первый секретарь Л.И.Брежнев (а с 8 августа 1966 года — Генеральный секретарь Центрального Комитета) без ленинских „советов“ не делал и шага. Он пошел дальше других ленинских наследников в возрождении коминтерновских идей распространения коммунизма по всему миру. Выступая 16 апреля 1970 года на открытии ленинского мемориального комплекса в Ульяновске, он заявил, что твердо верит „во всемирное торжество дела социализма... Понадобятся немалые усилия, чтобы добиться полной и окончательной победы. Но мы твердо знаем — победа придет“. И вновь мы слышим „бурные аплодисменты“. А победа, „полная победа придет потому, что с нами Ленин“. Брежнев, тогда еще сносно и внятно говоривший, утверждает, что благодаря Ленину придет время, когда „не останется на земле ни одного, даже малейшего островка, где сохранилась бы эксплуатация...“¹⁴⁰.

Новый лидер и сформировавшаяся вокруг него группа его престарелых соратников вновь заговорили категориями континентов и эпох. Нет, они не делали ставку на глобальное столкновение с США, Западом, но верили, что путем расширения „красных пятен“ на политической карте планеты можно существенно потеснить мир капитала. Поэтому поддержка Брежневым национальных и антиимпериалистических движений (стоившая СССР фантастически огромных средств) была широкой и многоплановой. Египет, Эфиопия, Йемен, Ангола, Афганистан, Никарагуа, Ливия, Ирак, Сирия, многие другие страны получали поддержку часто только потому, что они придерживались антиамериканских позиций. Конечно, такой подход не мог допустить „своеволия“ Чехословакии, Венгрии, Польши.

Это было старое мышление: бесплодное, опасное, бесперспективное. Брежнев и его друзья были неспособны смотреть далеко вперед и, хотя широко прибегали к миротворческой риторике, тем не менее активно включились в бессмысленную гонку вооружений.

Но мне хочется, говоря о Брежневе, сказать несколько о другом: ленинской системе отбора лидеров национального масштаба. За семь десятилетий ни один руководитель страны не был избран народом. Как сам Ленин и его большевистские друзья никогда не были легитимизированы народным избранием, так и все последующие ленинские наследники просто передавали друг другу захваченную в 1917 году власть. Монополия на незаконно присвоенную власть — традиция ленинизма, которую свято берегли все его последователи. У них и тени сомнений не возникало в законности такого механизма. „Почти полвека назад, — заявил Л.И.Брежнев на встрече с избирателями Бауманского избирательного округа Москвы 10 июня 1966 года, — трудящиеся доверили ленинской партии руководство страной...“¹⁴¹ Говорится так, как будто прошли всеобщие выборы, где победила компартия, и с тех пор народ регулярно подтверждает свое волеизъявление... Узурпация власти теперь уже привычно трактуется „доверием народа“.

Без естественного всенародного отбора, а по фактическому однопартийному назначению на политической сцене солировали люди типа Берии, Ежова, Кагановича, Жданова,

Сулова и других ленинцев. Первые лица, за единичным исключением, были выражением партийной ограниченности, полицейского мышления и низкой общей культуры.

...У нас стало чуть ли не правилом, желая показать якобы невысокий интеллектуальный уровень Николая II, приводить фрагменты из его личного дневника. Давайте наугад откроем страницу записей последнего российского императора. Открыли. 10 апреля.

„Спал до 10 часов. Погода стояла теплая. Имел два доклада. Завтракал Бирилев. Гулял долго. В 6 час. принял Федорова. Читал. Стана обедала у нас, каталась с нами и осталась ночевать“¹⁴².

Событий негусто. Страна как будто отсутствует вообще. Но хотя бы — „читал“. Тем более что мог свободно это проделывать на нескольких языках.

Брежнев тоже вел рабочие записи. Прелюбопытные. Ежедневные. По 10–20^b строк каждый день. Фломастером, размашистым почерком. Почти без знаков препинания. Откроем тоже 10 апреля (естественно, годы в дневниках царя и Брежнева будут разные). Но в данном случае это 1977 год.

„Был дома на даче — обедал. Борщ из свежей капусты. Отдых был на дворе дочитывал материалы

Смотрел хоккей сборная ССР Швеция — итог 4–2 в пользу ССР

Смотрел „программу времени“

Ужин — сон“

Знаки препинания, точнее, почти полное их отсутствие, сокращенное название СССР — все сохранено как есть.

Приведу еще несколько фрагментов личных записей „верного ленинца“ из того же дневника за 1977 год:

„21 января. Первую половину отыхал дома. Обедал дома. Вес 85.200

Вторая половину работал в Кремле

Подписал протокол ПБ — от 20 января. Докладывал Боголюбов...“

„16 февраля. Работа на дому“.

„18 марта. Зарядка. Затем говорил с Черненко. Затем с т.т. Громько А.А., Андроповым Устиновым — читали материалы связанные с приездом Венца —

Звонил Павлову Г.С. по стоимости (зачеркнуто начатое слово. — Д.В.)

Читал всякие материалы с Галей Дорошиной

Поехал в цирк“.

„13 апреля. Утро — обычные — мероприятия домашние.

Брали кровь из вены

С 11 часов переговоры с Даудом

Вопрос о встрече один на один отпал

Отдыхал — здорово — (обед)

Работа с Дорошиной“.

„14 апреля — четверг

Сделал дома — помыл голову Толя Вес 86-700

Переговоры с Подгорным — о вруч. мне комс. билета

Вручение комсомольского билета № 1,

речь Тяжельникова

мое выступление

Галя читает подвал из „правды“ об ограничении стратегических вооружений.

Кто авторы этого материала

Обед и отдых 2.30-4.10“

„15 апреля — пятница.

Завидово 4 утки — 33-я кабан — 21 — таскали“.

(Что сие значит? Спросить теперь уже не у кого.)

„22 апреля — пятница 86.400

В 5 часов заседание посв. дню его рождения

Переговорил с Гришиным

Громыко —

Черненко

Дорошина

23-24 Выходные дни“

(Повторю, оставляю орфографию автора записок.)

„Наследник“ фамильярен, когда пишет, что „в 5 часов заседание посв. дню его рождения“. Надо полагать, Ленина. Ведь запись 22 апреля.

„3 мая. Вес — 85.300. Беседа с Рябенко. Разговор по телефону со Сторожевым? Известный вопрос. Разговор с Черненко К.У. —? По повестке дня ПБ

Портные — костюм серенький отдал — и тужурку кож. прогулочную взял

Позвонил Ю.В.Андропов — приехал мы с ним беседовали

Работал с Дорошиной“.

„3 июня. Принял Черненко — подписал протокол работы с Галей Дорошиной Отдых — улетел в Завидово — 5 каб.“

Можно продолжать до бесконечности. Вопросы отдыха, собственного веса, домашние мероприятия, цирк, кабаны. Правда, когда его чем-либо награждали или удостаивали, он обязательно отмечал специально:

„...Говорил с тов. Копенкиным А.Н. — он сказал голос офицера, слушал, голос генерала слушал — а теперь рад, что слышу голос маршала...“

„Говорил с т. Медуновым на селе — хорошо — поздравлял с присвоением и т.п.“

„Никуда не ездил — никому не звонил мне тоже самое — утром стригся брился и мыл голову

Днем немного погулял — почта

Смотрел как ЦСК проиграл Спартаку Молодцы играли хорошо“.

„Заплыв. 1 час. бассейн 30 м Бритье. Забили в косточки с Подгорным. После беседы с Чаушеску говорил с Шарванадзе“ (фамилию этого деятеля генсек ни разу, кажется, не написал правильно. — *Д.В.*).

„В Астрахани вечером был на охоте (вечерка) убил 34 гуся... Хорошо покупался под душем...“

„Говорил с подгорным о футболе и хоккее и немного о конституции“

„Переговорил с К.У.Черненко вырезать из картины коммунисты — подъем танков...“¹⁴³

Но довольно. Стилистика, орфография, повторюсь, оставлены без изменений. И так на сотнях страниц. Комментировать эти записи первого лица государства не хочется. После этих дневников записи Николая II кажутся почти шекспировского уровня.

Мне хочется сказать лишь одно: ленинская система монополии на власть вполне способствовала, даже благоприятствовала появлению на самой вершине государственной власти людей бесцветных, посредственных, полуграмотных, с низким уровнем интеллектуального развития. Это знали все. Но это устраивало также почти всех.

У меня не было злорадства, когда я читал эти убогие записи. Мне было жаль Брежнева. Но неизмеримо больше —

великую страну. По натуре генсек был, пожалуй, даже добрым, радушным, сентиментальным человеком. Но им умело манипулировал аппарат, окружение. В известном смысле Брежнев был „высшей“ марионеткой партийной системы. В последний раз я увидел Брежнева за две недели до его смерти. Маршал Устинов привел его (буквально привел с дюжим молодым) в Свердловский зал Кремля, где собралось все высшее военное руководство страны на ежегодное совещание по подведению итогов. Генерального секретаря подвели к трибуне (за стол президиума он не смог подняться), положили перед ним бумаги, и он, судорожно держа за края ораторской тумбы, пытался что-то прочесть. Генералы в зале низко опустили головы; было стыдно за страну и жаль больного человека, который волею аппаратной судьбы оказался на самой вершине власти. Теперь оттуда он мог для истории только пасть. Двадцать минут нечленораздельных слов... Я, например, не слушая характерных чавкающих звуков, думал лишь об одном: устоит ли? Неужели окружение не понимает, что посылать больного человека „на люди“ — безнравственно? Рядом с оратором стоял молодец, как будто бы принесший очередной стакан чаю...

Ведь совсем недавно этот человек в докладе „Дело Ленина живет и побеждает“ вновь провозгласил: „Как ни противоречива картина мира в наши дни, главные ее черты, главная решающая тенденция развития именно такова, как предвидел Ленин. Как ни отличны друг от друга составные части современного мира, каждая из них идет — и обязательно придет в конечном счете — к коммунизму“.

И это говорилось не в 1919 году на Конгрессе Коминтерна, а в апреле 1970 года. Полная утрата чувства реальности; наследники Ленина жили в иллюзорном мире, созданном идеологическими мифами ленинизма.

Читая архивные документы, я еще раз переживал, как мог такой человек, как Брежнев, руководить гигантской ядерной страной, целой группой стран, которую называли „содружеством“. Все его резолюции безграмотны и полны курьезов. Например, на справке по Азербайджану фломастером размашисто начертано: „К.Ч. Положи в дело до послесъездовского периода Л.Брежнев“.

Все в обществе потешались над страстью генсека к на-

градам. Ходило множество анекдотов, баек о любви Брежнева к орденам и любым знакам отличия. Брежнев стал Героем всех социалистических стран, где это звание было учреждено. В 1973 году ему присудили (в СССР, конечно) Ленинскую премию „За укрепление мира между народами“. Ему же вручили высшую награду сторонников мира — Золотую медаль мира имени Фредерика Жолио-Кюри. Брежнев стал обладателем высшей награды Академии наук СССР за особые творческие достижения в развитии марксистско-ленинской теории — медали Карла Маркса. Он очень хотел быть маршалом — и стал им... Обладая высшим постом в стране, он инициировал награждение себя всеми мыслимыми и немыслимыми наградами, титулами, чинами. Тщеславие, доведенное до абсурда, потешало всю страну, а окружение генсека мучилось: чем бы еще его ублажить...

Дело доходило до того, что награждали Генерального секретаря не раз прямо на Политбюро, а Указ Президиума Верховного Совета СССР оформляли задним числом. Я удивляюсь только одному, как не реализовали одно смелое предложение, пришедшее с Украины, которое прислал в Политбюро член КПСС киевлянин Давидюк Сергей Михайлович. Он писал в январе 1974 года: „Назрел вопрос и необходимость учредить наивысшее звание нашей Родины „Герой коммунистического труда“ и первое такое звание заслужил Леонид Ильич Брежнев“.

Думаю, что члены Политбюро на этот раз просто скрыли от генсека это эпохальное предложение. А может быть, гражданин Давидюк просто тонко пошутил?

Галерея ленинцев на высшем партийном посту (а следовательно, и государства) весьма колоритна своей одномерной заданностью. Ленин до конца своих дней ратовал, чтобы в руководстве партии было как можно больше рабочих и крестьян, хотя в действительности осуществляли диктатуру „профессиональные революционеры“. Ленинская традиция сохранилась: профессиональные партократы ни разу не выпустили из своих рук государственной власти. Хотя все они, естественно, родились в семьях рабочих, крестьян, служащих, но с молодых лет попали в обойму комсомольских,

партийных секретарей и неуклонно продвигались по этим ступенькам до кремлевского кабинета.

Все генсеки, чтобы держать около себя своих сателлитов, должны были полагаться не только на общность идеологии, гигантское количество танков, которые они умели использовать, но и на готовность дать льготные кредиты, нефть, газ, металл, оружие по ценам ниже мировых. Когда Брежнев встретился 18 марта 1975 года в Будапеште с Э.Герексом, Г.Гусаком, Т.Живковым, Я.Кадаром, Э.Хонеккером, то вопрос очень скоро, естественно, зашел о нефти и другом.

„Г.Гусак: Наши плановики говорят, что надо подбросить дополнительно примерно полмиллиона тонн.

Л.Брежнев: Аппетиты растут. Раньше, я помню, ваш завод „Словнафт“ получал по три миллиона тонн нефти в год, а теперь, кажется, хочет шесть или семь.

Г.Гусак: Всего получаем 16 миллионов тонн.

В.Щербицкий: Это все, что добывает в год наша Украина.

Л.Брежнев: Освоить новые месторождения — дело не такое легкое... Мы осуществляем поставки и Кубе. Мы и армию кубинскую одеваем бесплатно. И платим им за сахар по льготным ценам. Поставки зерна идут в ряд стран. Польша и ГДР тоже не обеспечивают себя хлебом...“¹⁴

Коминтерновское мышление продолжало жить. А чтобы питать надежду на распространение советского влияния на другие страны, приходилось много платить. При хронически отстающей собственной экономике. Но опять пример Ленина вдохновлял: в России был страшный голод, а она продает хлеб другим странам, шлет „золотые“ чемоданы своим сторонникам во все концы света.

Ленин был пронизателен: обосновав историческую роль „профессиональных революционеров“, он создал, таким образом, методологию доказательства необходимости профессиональных партийных работников. Сталин, Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко, Горбачев — все из этой плеяды.

Если Система при Сталине достигла своего апогея, а при Хрущеве была сделана отчаянная попытка освободиться от ее самых одиозных атрибутов, то властвование Брежнева пришлось на „поскогорье“ ленинского пути. Это были относительно спокойные годы, несмотря на интервенцию в Чехословакию и афганскую авантюру. Брежнев подходил для

этого времени: ни реформ, ни скачков, ни конвульсий. Все как бы застыло. Генсек не уставал повторять: нужна стабильность. Но какая? Роста? Упадка? Стагнация? Брежнев хотел добиться всего, ничего не меняя. Сегодня есть немало людей, особенно бедствующих, которые с тоской вспоминают то „застойное“, как его называли, время. Но стагнация Системы в действительности означала углубление исторического кризиса ленинизма. Брежнев и подумать не мог, не то что сказать: „догнать и обогнать Америку...“.

Попав на партийный Олимп, каждый „обессмертил“ себя деяниями. Но по ленинской традиции нужно было после смерти лидера его и увековечить. Так было до перестройки. Например, после смерти Брежнева Политбюро в ноябре 1982 года долго ухищрялось, как бы запечатлеть „великого ленинца“ для истории посolidнее. Хотели переименовать город Запорожье в город Брежнев, но Андропов проявил бдительность: „Город связан с Запорожской сечью, с казацкими волнениями и т.д. Может быть, нам лучше назвать городом Брежнев Набережные Челны?..“ Хотели назвать космодром именем генсека, но опять Андропов оказался всех умнее: разве стоит это имя связывать с ракетами? Лучше „назвать именем Леонида Ильича Звездный городок в Щелковском районе Московской области“. Тихонов предложил присвоить имя генсека Нурекской ГРЭС, шахте „Распадская“ Кемеровской области. Но шеф КГБ Андропов вновь в своей бдительности на высоте:

— На шахте „Распадская“ недавно была большая авария, погибло много людей...

Тихонов согласился с доводами и тут же взял реванш, предложив присвоить имя незабвенного Леонида Ильича ледоколу „Арктика“. Отвели Новолипецкий завод, но ухватились за Оскольский металлургический. Решили назвать целую кучу площадей в городах, да чуть не упустили город Киев. Устинов почему-то посчитал, что „можно присвоить имя Брежнева морскому пассажирскому судну, а речному — пока воздержаться“. Андропов почувствовал, что фантазия иссякла, и предложил „присвоить имя Брежнева еще ряду предприятий. Но это несколько позднее“. На том и порешили¹⁴⁵.

Вот так руководило нами мудрое Политбюро во главе с ленинскими последователями.

Очередным наследником ленинского дела стал Юрий Владимирович Андропов. Думаю, что Андропов лучше всех послесталинских генсеков понимал, что Система находится в перманентном кризисе, и мучительно искал пути ее выздоровления. Но... только на „рельсах“ ленинизма. Не в пример предшественнику, этот человек незаурядного ума, личной скромности самую значительную по содержанию часть своей жизни отдал незабвенному чекистскому делу, где оставил весьма заметные следы. Лишь четыре года карьеры были им отданы дипломатической работе в 1953—1957 годах в Будапеште. Почти все оставшееся время Андропов, верный ленинским заветам, боролся с политическими диверсиями, диссидентами, подрывной деятельностью империализма¹⁴⁶. Был в этом очень последователен. Что греха таить, информация об этой деятельности, распространяемая среди населения СССР, как правило, принималась за чистую монету, например, в отношении Солженицына. Автор настоящей книги кается — был также дезинформирован в отношении великого русского писателя. Все советские люди могли знать о „делах“ писателя лишь то, что допускали Политбюро и КГБ. То было полнейшей дезинформацией.

А Андропов был тверд. На заседании Политбюро ЦК КПСС, состоявшемся 7 января 1974 года, все были единодушны в выборе мер в отношении А.И.Солженицына. Но наиболее настойчив — Ю.В.Андропов. Вот фрагменты из его выступления, выдержанного в ленинском духе (помните, когда по инициативе вождя выдворяли за рубеж русскую интеллигенцию).

„Брежнев: Надо учитывать то, что Солженицын даже не поехал за границу за получением Нобелевской премии.

Андропов: Когда ему предложили поехать за границу за получением Нобелевской премии, то он поставил вопрос о гарантиях возвращения его в Советский Союз. Я, товарищи, с 1965 года ставлю вопрос о Солженицыне. Сейчас он в своей враждебной деятельности поднялся на новый этап. Он пытается создать внутри Советского Союза организацию, сколачивает ее из бывших заключенных. Он выступает против Ленина, против Октябрьской революции, против социалистического строя... У нас в стране находятся десятки тысяч владимировцев, оуновцев и других враждебных элементов. В общем,

сотни и тысячи людей, среди которых Солженицын будет находить поддержку...

Я считаю, что мы должны провести Солженицына через суд и применить к нему советские законы... Допустим, что у нас существует враждебное подполье и что КГБ проглядел это. Но Солженицын действует открыто, действует нахальным образом... Поэтому надо предпринять все меры, о которых я писал в ЦК, то есть выдворить его из страны...“ Все члены Политбюро поддержали заданный Брежневым и Андроповым тон¹⁴⁷.

Ленинский призыв о высылке интеллигенции за рубеж: „Очистим Россию надолго!“ — все еще не был выполнен...

Юрий Владимирович любил порассуждать о демократии, как это он сделал в своем докладе, посвященном 106-й годовщине со дня рождения В.И.Ленина, 22 апреля 1976 года. Отдав должное диктатуре пролетариата, из которой выросло общенародное государство, подчеркнув, что „нет демократии вообще“, а есть лишь „демократия либо буржуазная, либо социалистическая“, докладчик пришел к важному выводу. Суть его такова, что „огромные успехи и в развитии социалистической демократии... давно поставили социализм намного впереди самых демократических буржуазных государств“¹⁴⁸.

Думаю, что читатели могут сами оценить прозорливость и бесспорность этого вывода одного из наиболее ортодоксальных руководителей Советского Союза.

Я считаю, что из всех названных выше руководителей партии, возглавлявших ВКП(б) — КПСС, Ю.В.Андропова можно назвать одним из наиболее близких Ленину по духу вождей. Он обладал сильным мышлением, был неплохим знатоком литературы, на досуге даже писал стихи. Дух борьбы, постоянный поиск врагов, особая классовая одномерность, любовь к тайнам и секретам, личное бескорыстие, неординарные ходы делают Андропова наиболее „чистым“ ленинцем. Приведу один неизвестный эпизод.

Андропов часто писал своим руководителям (пока сам не стал генсексом) конфиденциальные личные записки, часто весьма оригинального свойства. Вот одна из них, адресованная Л.И.Брежневу.

В ней он пишет, что американцы искусственно привлекают внимание всего мира к Ближнему Востоку, Садату, Асаду,

Израилю и т.д. Мол, в Вашингтоне без конца интригуют мир и нас с вами какими-то готовящимися шагами и действиями, которые нужно расценить как попытку взять нас на измор и отвлечь от собственных дел. В этой ситуации, пишет Андропов, „Вы лично не можете поступать иначе, как, оставляя в стороне все срочные дела, до утра заниматься решением этих вопросов... Я лично расцениваю это как своего рода диверсию, рассчитанную на то, чтобы искусственным путем держать нас только вокруг арабо-израильского конфликта, создавая перенапряжение для всех и особенно для Вас лично.

Ведь при таком положении Вы вынуждены откладывать многие другие вопросы, не менее важные, чем ближневосточный, например, подготовка Вашего визита в Индию...“¹⁴⁹.

Будущий генсек во всем видит происки врага, диверсии, подвохи. Чисто ленинское мышление. Возможно, Андропов знал, как Ленин писал Чичерину „архисекретно“ о том, что публично нужно поддерживать Генуэзскую конференцию, а исподволь вести дело к ее срыву¹⁵⁰. За дымовой завесой публичных благообразных действий вести свою большевистскую линию. Заокеанский противник, по мысли Андропова, так и действовал, расшатывая, между прочим, драгоценное здоровье генсека. Таких глубокомысленных записок много, часто они на 15–20 страницах. Председатель Комитета государственной безопасности явно наставлял, незаметно управлял поведением и намерениями бесхитростного Брежнева. Пятнадцать лет Ю.В.Андропов был руководителем КГБ и пятнадцать месяцев лидером КПСС.

Став Генеральным секретарем ЦК партии 12 ноября 1982 года, немногим более чем на год, Андропов сделал попытку изменить положение вещей в партии и стране. Он более, чем кто-либо из руководства, знал, что государство и общество пребывают в глубокой стагнации. Прирост основных показателей стал нулевым. Экономика еще держалась „на плаву“ за счет проедания десятков миллиардов долларов, получаемых за нефть, газ, другое сырье. Афганистан (Андропов был одним из главных лиц, настоявших на вводе туда советских войск) оказался типичной военно-политической ловушкой. Партийное и государственное руководство, особенно в республиках, погрязло в коррупции. Атмосфера неверия господствовала в умах миллионов людей. Граждане

страны, желая узнать истину, припадали, таясь, к приемникам, чтобы сквозь треск глушилок узнать правду из западных источников о событиях в своей стране и за рубежом.

Ленинская система давно прошла свой апогей, подстегиваемая террором, страхом, нашествиями. Не лучше положение было и в социалистическом содружестве. Ленинское пророчество о том, что „все нации придут к социализму, это неизбежно...“¹⁵¹, уже не будоражило умы. Если это „социализм“, то почему он не выдерживает соревнования с миром капитала ни по одному пункту? (За исключением ракет.) Изобилия добились лишь в трех областях: ленинских трудах, памятниках вождю да ядерных арсеналах...

Только занавес, только железные запоры и непреодолимые препоны удерживали огромное число людей, которые стремились покинуть СССР — страну ГУЛАГа, государство несвободы. Однажды Андропов запросил справку: как многим гражданам СССР удастся бежать из страны? Даже неполные, частичные данные поразили Генерального секретаря. Ученые, артисты, спортсмены, разведчики, моряки, дипломаты, писатели, летчики, люди множества других профессий, которым удалось официально выехать за рубеж, становились невозвращенцами. Но бежали и нелегально: через границу, через берлинскую стену, прыгивали незаметно с военных кораблей в темноту ночи и неизвестность. Всех манила свобода. Одних военных, ушедших в демократический мир начиная с 1946 года, — легион. Глаза Андропова пробежали строку за строкой: ефрейтор Сидоровкин А.И., рядовой Кирий И.В., рядовой Елин Е.В., рядовой Шарошудинов Г.Г., капитан Пятов Ю.М., лейтенант Быстров Ю.М., капитан Богачев Н.М., рядовой Гонт Е.И., рядовой Галай В.К., сержант Ширяев Б.А., майор Харитонов С.М., лейтенант Мартынов Л.А, лейтенант Овчинников И.В., лейтенант Лимонов Д.С., сержант Пономаренко А.С, капитан третьего ранга Артамонов, лейтенант Плеткис И.И., рядовой Буденный С.С., сержант Шабалин И.П. ...

Список бесконечен... Люди шли на большой риск, манимые радугой свободы.

Андропов захлопнул папку, долго ходил по кабинету. Он был проникательным человеком и понимал глубинные причины происходящего. Однако... было принято еще одно

очередное решение об ужесточении контроля за выездами, сведения до минимума „необязательных“ контактов, усилении так называемой „профилактической“ работы, повышении бдительности.

Андропов, будучи умным человеком, но марксистским ортодоксом до мозга костей, решил сделать отчаянную попытку остановить распад, прервать стагнацию, вдохнуть новую жизнь в старые идеалы. Однако, являясь большевиком ленинского типа, он не смог придумать ничего нового, как попытаться осуществить обновление страны через „наведение порядка“. Конечно, порядок нужен любой системе. Но порядка явно мало для торжества свободы... Вскоре после переселения Андропова в кабинет генсека по всей стране патрули стали вылавливать праздно шатающихся людей, облавы милиции захватывали в свои невода тысячи бездомных бродяг, администрация ужесточила режим труда на предприятиях и в учреждениях... Рабочие люди с симпатией отнеслись к этим мерам, еще не понимая, что болезнь системы в ее фундаменте — директивной экономике, монополии одной политической силы на власть, отсутствии свободы...

Проводя 1 июля 1983 года совещание в узком кругу советников (присутствовали М.С.Горбачев, Г.В.Романов, К.У.Черненко, В.И.Долгих, Н.И.Рыжков), Андропов напирал на необходимость усиления контроля по всем линиям, укрепления трудовой дисциплины, повышения спроса с каждого функционера. Закрывая совещание, сказал лишь одну фразу:

— Людей, шатающихся без дела, все еще много...¹⁵²

Как и следовало ожидать, ставка на укрепление дисциплины и наведение порядка в обществе могла дать и дала лишь временные, частичные результаты. Стагнация системы продолжалась и углублялась.

Будучи глубоко больным, Андропов пытался, редко появляясь на заседаниях Политбюро и тем более в республиках и областях, руководить с помощью записок из кремлевской больницы. Например, 4 августа 1983 года Политбюро обсудило записку Андропова в связи с размещением американских ракет в Европе. Конечно, в записке ничего не говорилось, что именно размещение советских мобильных ракет СС-20 на Западе спровоцировало ответные шаги США и

НАТО. Андропов, по сути, предлагал привести в движение все рычаги возможного влияния на правительства и парламенты стран НАТО, чтобы создать максимальные завалы на пути размещения американских ракет в Европе¹⁵³.

Партийное руководство, в очередной раз разорив страну на десятки миллиардов рублей, пытаясь получить односторонние стратегические преимущества путем создания ракет средней дальности, в конце концов согласится их вывезти и уничтожить... Бессмысленная затея стоила фантастических средств. И опять это будет подано как победа „ленинской внешней политики“.

Уже не поднимаясь с постели, Андропов продолжал подписывать записки, которые готовил его аппарат. В октябре 1983 года Политбюро обсудило очередную из них. Черненко, Алиев, Горбачев, Гришин, Громько, Романов, Демичев, Кузнецов, другие члены расценили ее как „программную“. А в ней вновь, как Лениным когда-то, ставится вопрос о борьбе с „ведомственностью и бюрократизмом“. Андропов советует подумать над „коренным улучшением организации управления“ страной. Это должно стоять на первом плане в работе Центрального Комитета партии. Разработать все эти вопросы могла бы комиссия, которую следует возглавить М.С.Горбачеву¹⁵⁴.

Наивные люди все еще верили в возможность вылечить государство и общество от бюрократизма с помощью административных бюрократических мер. Бесплодность этого пути становилась все более очевидной все большему числу людей. Идеологические заклинания и привлечение все новых и новых ленинских цитат уже не помогали.

Рентгеновский аппарат истории все рельефнее высвечивал начало тотального кризиса ленинского общества.

Очередной „верный ленинец“ Константин Устинович Черненко, ставший после смерти Андропова 13 февраля 1984 года Генеральным секретарем, промелькнул на политическом небосклоне почти незаметно. Прилежный партийный чиновник стал во главе партии и государства. Люди еще надеялись, что парад геронтократов наконец прекратился. Но к очередному заседанию Политбюро, где следовало избрать Генерального секретаря, роли были уже распределены. По кремлевским неписаным правилам было важно, кто

выступит первым, кто предложит кандидатуру нового генсека первым. Ведь после этого выдвигать другую кандидатуру — это грозить расколом. Открыв заседание 10 февраля 1984 года, Черненко с председательского места демонстративно перешел за общий длинный стол заседаний на свое обычное место.

„Черненко: Какие будут предложения? Прошу товарищей высказаться. — И тут же посмотрел в сторону Тихонова.

Тихонов: Товарищи, мы все переживаем горестные минуты. Ушел из жизни выдающийся деятель нашей партии и государства — Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета Юрий Владимирович Андропов... Но наша партия располагает большим количеством хорошо подготовленных кадров. Я считаю, что в Политбюро ЦК у нас также имеются достойные товарищи. Поэтому я вношу предложение рекомендовать очередному пленуму ЦК КПСС избрать Генеральным секретарем ЦК т. Черненко Константина Устиновича...“¹⁵⁵

Самое главное было сделано. Теперь можно было только поддерживать. Любой, кто предложил бы другую кандидатуру, навесил бы на себя ярлык „раскольника“, посягнувшего на единство рядов руководства. Механика проста: подобное заседание открывает председатель комиссии по похоронам. Ему важно знать, кому дать слово первому. Ленинская традиция единства далее все оформляет почти автоматически.

После Тихонова, весьма близкого к Черненко человека, выступили Громько, Устинов, Гришин. Взял слово и Горбачев.

„...Обстановка требует того, чтобы наша партия и прежде всего руководящие органы — Политбюро, Секретариат были сплочены как никогда. И можно безошибочно сказать, что все мы, члены Политбюро, кандидаты в члены Политбюро и секретари ЦК, едины в том, что сохраним принцип преемственности, о котором здесь говорили товарищи, если примем предложение рекомендовать Константина Устиновича на должность Генерального секретаря ЦК КПСС... Единодушие, с которым мы сегодня говорили о кандидатуре Генерального секретаря, называя все однозначно кандидатуру

Константина Устиновича, свидетельствует о том, что у нас в Политбюро действительно существует в этом отношении полное единство“.

Горбачев сыграл роль, которая была уготована ему, как и другим, сложившимся партийным ритуалом. Выступившие следом Романов, Алиев, Соломенцев, Воротников, Кузнецов, Демичев, Пономарев, Долгих, Зимянин, Лигачев, Чебриков лишь искали слова, чтобы, не слишком повторяясь, выразить высказанную Н.А.Тихоновым мысль.

Если Андропов еще что-то пытался изменить в роковом ходе вещей, то Черненко, будучи самой обычной аппаратной посредственностью, был не в состоянии выдвинуть хоть какую-то новую идею. Фонд бумаг № 83 с его 428-ю делами свидетельствует об умопомрачительной карьере прилежного партийного чиновника.

Работая начальником секретариата Президиума Верховного Совета, заведующим общим отделом ЦК КПСС, Черненко имел постоянный доступ к самым высоким лицам партии и государства. Став фаворитом Брежнева, немолодой и большой чиновник, основным достоинством которого было усердие, Черненко неожиданно для многих совершил в конце жизни головокружительную карьеру. С 1977 года — кандидат в члены Политбюро, а 13 февраля 1984-го — уже Генеральный секретарь, трижды Герой Социалистического Труда, усыпан множеством орденов и титулов и даже лауреат Ленинской премии¹⁵⁶.

Чиновник партии стал главой государства и КПСС. То был апогей разложения ленинской системы.

Каждый член Политбюро обязан был быть „теоретиком“. Политическое издательство систематически наводняло книжные магазины пухлыми фолиантами трудов, которые, конечно, не сочиняли сами „ленинцы“, а писали их помощники и референты. Никто эти книги не покупал, и их централизованно рассылали по библиотекам. Не обошелся без своего „кирпича“ и Черненко. В отличие от других соратников половину своих „сочинений“ он посвятил ленинской тематике. Когда он был заведующим общим отделом ЦК, его подчиненные подготовили ему несколько вариантов книги „Некоторые вопросы ленинского наследия в работе партийного и государственного аппарата“. Но ничего, кроме тривиаль-

ной и бессмысленной идеи о „возрастании роли партии в современных условиях“, его сочинители придумать не смогли¹⁵⁷.

Единственное, что, пожалуй, он успел сделать, это перераспределить обязанности членов Политбюро. Себе, по сложившейся в ЦК традиции, взял курирование вопросов обороны и госбезопасности, кадры. Но не мог удержаться и „повесил“ на себя старые, знакомые по прежней работе чиновничьи обязанности по руководству общим отделом ЦК и Управлением делами ЦК...¹⁵⁸.

В душе этот невзрачный и больной человек остался пунктуальным чиновником. Сохранилось его директивное указание, которое он потребовал довести до всех исполнителей на местах, как только стал генсекком: какой ширины должны оставаться поля на деловых бумагах и сколько страниц (предельно) должна составлять докладная записка. Иначе — не принимать к рассмотрению...

Его референты, зная страсть Черненко к бюрократическим вопросам, рылись в ленинских рукописях, пытались найти нечто новое в борьбе с этим хроническим большевистским недугом. В статье „О возрастании руководящей роли КПСС“, опубликованной в „Вопросах истории КПСС“ № 4 за 1980 год, дотошные помощники украсили материал Черненко малоизвестным письмом Ленина, написанным в сентябре 1921 года Стомонянову. Ленин поучает: Вы „задавлены работой... Так нельзя. Это ошибка. И ошибка может стать роковой. В большом деле нельзя работать *не умея сваливать на других* все подсобное... Организуйте так, чтобы Вы только направляли и проверяли. Иначе провалитесь“¹⁵⁹.

За три года руководства страной, когда Ленин пытался своими записочками решать все и вся, он пришел к парадоксальному выводу: руководитель должен „уметь сваливать на других...“.

Бюрократическая система с ленинских времен искала рецепты своего оздоровления: то рабочий состав ЦК, то „суд за волокиту“, теперь вот — умение „сваливать“ на других...

Мне несколько раз приходилось встречаться с Черненко. Последний раз в ноябре 1984 года, за четыре месяца до его смерти. На большом правительственном приеме в честь очередной годовщины Октября в зале приемов Дворца съездов

он должен был зачитать казенный текст приветствия гостям. Руки у генсека тряслись. Он задыхался. Слова было трудно разобрать. Листы речи едва держались в трясущихся руках. Пропускал целые строчки текста; зал в гробовой тишине, испытывая неловкость, жалость и другие подобные чувства, внимал бессмыслице. Генсек, страдавший тяжелой эмфиземой легких, почти умирал на глазах блестящей толпы.

У микрофона в Кремле стоял человек, символизировавший собой глубокий кризис тоталитарной системы. То кончался период безвременья. Ленинская система подошла к рубежу, где было нужно что-то делать.

Наследники Идеи, особенно если она сама подвержена эрозии, всегда несут печать ущербности и вторичности.

Пришло время Горбачева, время больших надежд, какой-то эйфории. Это время имеет точное начало: 11 марта 1985 года. Верилось: наконец-то появился лидер, достойный великой нации! Вначале всех потрясло нечто, обычное для нормального общества: Горбачев, выступая, свободно говорил без бумажки! Складно, гладко, умно! Такого в советской стране уже не помнили. Правда, наиболее пронизательные уже тогда, в 1985 году, заметили, что, произнося речи в разных аудиториях, на разные темы, по разным поводам, он говорил почти одно и то же. Я, помню, возражал скептикам: он обуреваем одной реформаторской идеей и хочет, чтобы все в стране ее, эту главную идею, поняли и поддержали.

О Горбачеве — последнем „официальном“ ленинце в плееде генеральных и первых секретарей — говорить трудно. На Западе пишут бесчисленные апологетические книги о нем, а на его родине — чаще сомнительные статейки или грязные книжонки типа „Князь тьмы“, состряпанной Б.Олейником. Если судьба будет ко мне милостива и ответит еще некоторое время пожить в этом мире, я напишу хотя бы большой очерк о Горбачеве. Мне приходилось с ним несколько раз встречаться в различной обстановке: в период подготовки союзного договора, на презентациях, во время встреч Горбачева и Ельцина. Я был его горячим поклонником, да и сейчас считаю, что его роль полностью будет оценена лишь за порогом XXI века. Но я же был и одним из первых, кто в парламенте его критиковал за „созерцательное“ отношение к реформам, пассивность в карабахском кон-

фликте и многое другое. Назавтра после выступления меня пригласили в Министерство обороны и предложили написать рапорт об отставке...

А началось его время в духе давно заведенной традиции. Папы в Ватикане избираются по неизблемому обычаю. Последний Генеральный секретарь КПСС — тоже „короновался“ на должность по заведенному партийному ритуалу*.

При полном анклаве 11 марта 1985 года открылось заседание Политбюро. Среди моих близких товарищей в военной среде со страхом говорили: неужели будет очередной старик на год-полтора? Даже консервативный генералитет страшило такое продолжение перманентных похорон (не столько генеральных секретарей, сколько отечества). В зале заседаний было двадцать членов Политбюро, кандидатов в члены и секретарей ЦК (не прибыл только Щербицкий, опаздывал). Была реальная опасность того, что в кабинет первого лица войдет еще один старец — В.В.Гришин или, что еще хуже, Г.В.Романов.

Горбачев, как председатель комиссии по похоронам (это всегда очень много значило! Знак грядущего восхождения!), сразу же нарушил традицию, предоставив слово министру здравоохранения Чазову. Все услышали то, что уже знали о болезни Черненко, о том, что в 3 часа дня 10 марта больной потерял сознание, а в 19 часов 20 минут — скончался.

„Горбачев: Нам необходимо прежде всего решить вопрос о Генеральном секретаре ЦК КПСС. Прошу товарищей высказаться по этому вопросу“.

Громько А.А. ждал и уже поднял руку...

„Громько: ...какие бы чувства нас ни охватывали, мы должны смотреть в будущее, и ни на йоту нас не должен покидать исторический оптимизм, вера в правое дело нашей теории и практики.“

Скажу прямо. Когда думаешь о кандидатуре на пост

*Книга эта выйдет не раньше 1994 года. Я пишу эти строки в конце 1992 года. Идет процесс реанимации КПСС или ее разновидности. Думаю, что, если бы она смогла серьезно перейти на социал-демократические рельсы (о чем я пытался говорить, но меня согнали с трибуны XXVIII съезда), у нее могло быть какое-то историческое будущее. Но я слышал, как говорили новые лидеры коммунистов: „Это будет ленинская партия“. Тогда ждать ничего хорошего люди от нее не смогут. Появятся и новые генсеки, но история не может повториться. Даже на какое-то время.

Генерального секретаря ЦК КПСС, то, конечно, думаешь о Михаиле Сергеевиче Горбачеве. Это был бы, на мой взгляд, абсолютно правильный выбор...

Еще одно соображение. Когда заглядываем в будущее, а я не скрою, что многим из нас уже трудно туда заглядывать, мы должны ясно ощущать перспективу. А она состоит в том, что мы не имеем права допустить никакого нарушения нашего единства..."

Как видим, все проходило как всегда. Первый выступающий имеет решающее преимущество, к тому же Громыко исполнял безотказное ленинское правило о единстве рядов... Другим оставалось только поддерживать.

Тихонов, как бы извиняясь за прошлое выдвижение Черненко, говорит: „Мое безоговорочное мнение — Генеральным секретарем быть М.С.Горбачеву“. Гришин — „за“, Соломенцев, Кунаев, Алиев, Романов, Воротников, Пономарев, Чебриков — тоже все „за“. Последний, поддержав кандидатуру, между прочим, заявил: „Чекисты поручили мне назвать кандидатуру т. Горбачева М.С. на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Вы понимаете, что голос чекистов, голос нашего актива — это и голос народа“.

Добавлю — в полицейском государстве, возможно, это и так.

Поддержали кандидатуру Горбачева Кузнецов, Шеварднадзе, Демичев (он напирал на то, что кандидат в генсеки „особенно много сделал в области развития нашего агропромышленного комплекса“), Зимянин, Лигачев, Рыжков, Русаков.

Горбачев был краток, благодаря за свое выдвижение, с которым они были должны пойти на пленум ЦК, чтобы протрамбовать решение Политбюро.

Отмечу лишь несколько характерных моментов из пятиминутной речи Горбачева: „...Девять лет моей работы в Ставропольском крае и семь лет работы здесь со всей очевидностью показали мне, что в нашей партии заключен огромный творческий потенциал...“

Нам не нужно менять политику. *Она верная, правильная, подлинно ленинская политика* (курсив мой. — Д.В.). Нам надо набирать темпы, двигаться вперед, выявлять недостатки и преодолевать их, ясно видеть наше светлое будущее¹⁶⁰.

Не знаю, как напишет Михаил Сергеевич в своей книге воспоминаний об этом моменте. Я, следуя документам, которые стенографировались под руководством К.Боголюбова, вижу: Горбачев вел себя вначале абсолютно как все вновь избранные генсеки, клянясь в верности ленинскому курсу. Впрочем, иначе он и не мог, если бы что и „замышлял“. Он был просто обязан так говорить.

Однако Горбачев — не Брежнев, и не Черненко, и даже не Андропов. Это был партийный деятель, который, конечно, чувствовал сильнее других, что стране нужны, просто необходимы крупные перемены. Он также понимал, что сразу круто „забирать“, поворачивать опасно. Хотя, по моему мнению, Горбачев собирался не ломать старую систему, а хотел лишь попытаться основательно ее отремонтировать, кое-что переделать, изменить. Но и это было необычайно смелым делом для столь заскорузлого, догматического и бюрократического общества.

Я не собираюсь много писать в этой книге о Горбачеве как ленинце. Но скажу, что уже первые его даже мелкие шажки были по сути революционны. Так, в конце заседания Политбюро 4 апреля 1985 года он неожиданно, вне повестки дня, повел речь о борьбе с парадностью, чванством, славословием и подхалимством.

Чтобы облегчить себе задачу, он просто зачитал большое письмо старого коммуниста В.А.Завьялова из Ленинграда, в котором тот высмеял Брежнева за бесчисленные золотые звезды, почетные президиумы, о славословии в адрес генеральных секретарей.

Горбачев как бы озвучил глас народа и резюмировал: „Ленин говорил об авторитете руководителей, об авторитете вождей. Но его нельзя смешивать с авторитетом партии... Ведь не секрет, когда Хрущев довел критику действий Сталина до невероятных размеров, это принесло только ущерб, после которого мы до сих пор в какой-то мере не можем собрать черепки...“¹⁶¹

Как нетрудно заметить, в одной этой фразе триединый Горбачев. Он за ленинский подход, за спокойную критику сталинизма, за осторожность в политике.

С позиции сегодняшнего дня — это робкая и двусмысленная позиция. Но тогда иначе Горбачев говорить не мог, да, видимо, и не собирался.

Как я заметил, Горбачев к Ленину чаще всего обращался как к необходимому ритуалу, без излишней трескотни. Даже в своем программном докладе 23 апреля 1985 года на пленуме ЦК он сказал лишь несколько дежурных фраз типа: „Вся жизнь, весь ход истории убедительно подтверждают великую правоту ленинского учения“¹⁶². Его отношение к Ленину и ленинизму спокойное, без идеологической экзальтации, но и без малейших попыток критического пересмотра несостоятельных пророчеств вождя. Правда, иногда он о Ленине высказывался в период перестройки и весьма традиционно, апологетически. Так, на заседании Политбюро 15 октября 1987 года (два с половиной года перестройки прошло!), когда обсуждался проект доклада на торжественном заседании, посвященном 70-летию Октября, он назвал решение Ленина о переходе к социалистической революции „гениальным“¹⁶³. Хотя, по моему мнению, которое не было таким еще несколько лет назад, это была одна из крупнейших исторических ошибок XX века, если не самая крупная. Буржуазно-демократическая Россия сохранилась бы как великое государство по уровню как своей цивилизованности, так и социально-экономического развития, была бы одной из самых прогрессивных стран планеты. Горбачев в оценке Ленина мыслил очень традиционно, без учета глубокой ущербности ленинской социальной методологии. Но мы все тогда еще были в глубоком плену ленинизма. Никто не может „выскокить“ из своего времени, хотя бы на десятилетие вперед.

Таким был тогда Горбачев: сделав шаг вперед, тут же потихоньку — полшага назад. Он оказался человеком, который понял жизненную необходимость перемен, как он выразился, „перестройки“. Но в большинстве случаев его шаги были половинчатыми, нерешительными, иногда двусмысленными. Думаю, это не от ума, а от характера. Но для истории это оказалось в конце концов благом.

Правда, в некоторые решающие моменты у него доставало силы воли проявить государственную решимость. Например, в выводе войск из Афганистана, возвращении Сахарова из ссылки, принятии резкого решения в отношении военных после пролета в мае 1987 года самолета Руста. Порой эта решимость была сомнительного содержания по последствиям. Так, когда первый заместитель министра финан-

сов В.В.Деменцев пытался на заседании Политбюро возражать против огульного сокращения продажи водки, Горбачев его резко прервал: „В том, что Вы сказали, ничего нового нет. Каждому из нас известно, что имеющиеся на руках деньги покрывать нечем. Но Вы не предлагаете ничего другого, как спаивать народ. Так что докладывайте свои соображения короче: вы не в Минфине, а на заседании Политбюро...“¹⁶⁴

Горбачев часто поступает как типичный „идеологический боец“, подлаживаясь под голоса и мнения своих старших коллег (когда он еще не был генсеком).

И тем не менее это был, безусловно, новый во многих отношениях Генеральный секретарь, несвободный, однако, от груза партийных привычек цековской верхушки и стереотипов советского мышления, как и многие из нас. Вместе с тем Горбачев лишь где-то к началу 90-х годов постепенно освободился от сильно заметного вначале провинциализма.

Псевдопатриоты, большевики и националисты часто склоняют его имя в связи с распадом СССР. Но именно Горбачев до последнего пытался спасти Союз. Как и Б.Н.Ельцин, я это могу подтвердить, поскольку присутствовал на некоторых заседаниях по подготовке нового союзного договора.

Жаль, до бесконечности жаль, что погиб Союз. А ведь жизнеспособная конфедерация вполне могла сохраниться. Я и сейчас считаю, что время ее еще не ушло. Но не Горбачев и не Ельцин „развалили“ Союз. Глубинная мина под Союз была заложена еще Лениным в 1920 году, когда Политбюро стало ликвидировать губернии и создавать национальные формирования. Это — главная причина распада СССР. В условиях диктатуры это не грозило дезинтеграцией страны, но, как только начался демократический процесс, заработали центробежные силы...

Историческая логика вела к новому типу отношений республик, возможно, повторюсь, в форме демократической конфедерации. Но силы старого, консервативного мира коммунистического прошлого 19 августа 1991 года сделали необратимый шаг, который, независимо от их намерений, привел к распаду великой страны. То была вторая, производная, „вспомогательная“ причина краха Союза.

Роль Горбачева как последнего официального „ленинца“ заключается не в том, что он разрушил тоталитарную систему. Нет. Он ее не разрушал. Он просто не мешал ее самораспаду.

Ленинские „наследники“... Ленинское „наследство“... Все это уже принадлежит истории, хотя ленинизм еще не умер. Но любые попытки силой возродить его обернутся катастрофой, сопоставимой лишь с событиями 1917—1921 годов.

Мы с вами спокойно можем сегодня говорить о крестьянских вождях: Разине, Болотникове, Пугачеве. А настоящих пролетарских вождей в России никогда не было. Ленин, строго говоря, — вождь не классовый, хотя он три десятилетия не переставая говорил о диктатуре пролетариата. Это лидер бунта, смуты, катаклизма. Диктатура пролетариата для него была не целью, а средством.

Историческая сила Ленина в том, что он смог затронуть извечные струны надежд людей на счастье и справедливость.

Историческая слабость его в стремлении осуществить эти надежды неограниченным насилием, попранием всех свобод и прав людей.

Еще много граждан в России, которые и сегодня молятся Ленину. Пусть это не вызывает ни гнева, ни насмешек. Несвобода сидит глубоко в нас, и потребуются долгие годы, когда о Ленине, его наследстве и наследниках мы сможем говорить так же спокойно, как о российских крестьянских вождях, российском самодержавии, феврале 1917 года, ставших историческими предтечами великой трагедии свободы.

Исторический Ленин

В истории есть люди, о которых спорят целые эпохи. Ленин — один из них. Правда, до недавнего времени на родине Ульянова можно было говорить о нем лишь в превосходной, божественной степени. Затем, когда политический маятник качнулся в другую сторону, о вожде большевиков стали говорить совсем иное, часто явно вымышленное и явно незаслуженное.

Но каким все же был Ленин? Вы прочли несколько глав о нем, и я хотел бы сделать несколько завершающих мазков

на портрете вождя, человека, оставившего самый глубокий шрам в судьбе России. Работая над портретом и прочтя „кубические метры“ литературы, посвященные вождю, его партии и ее деяниям, я в конце концов пришел к парадоксальному выводу, что никакой „Ленинианы“ у нас нет; о большевиках мы знаем меньше, чем об эсерах и меньшевиках, об Октябрьской революции меньше, чем о Февральской. Почему?

Смещенный ракурс исследования, откровенная апологетика, умолчания, идеологическая заданность, а часто и фальсификации привели к тому, что есть гигантская по объему литература, но в высшей степени односторонняя, тенденциозная, пристрастная.

„Берясь“ за Ленина как часть трилогии „Вожди“, я понимал, что сказать что-то новое и честное можно лишь в том случае, если придерживаться принципа: ни хулы, ни апологетики. У вас, возможно, сложилось впечатление, что я подошел предвзято к личности выдающегося российского революционера. Смею вас уверить, что это не так. Просто я был вынужден сказать много такого, что не было известно простому читателю. Нельзя было создавать слащавую пастораль, их написано у нас множество. Мрачный портрет — вина не писателя, а той Системы, которой было выгодно сделать из Ленина идеологическую мумию: беспорочную, безгрешную, всевидящую, всезнающую, правую во всех случаях жизни. А Ленин был грешным человеком, очень грешным. Но этого греховного „величия“ мы не видели.

Исторический Ленин — это человек во плоти, в коем засела маниакальная мысль добиться с помощью революции утопического правила: „Каждый по способностям, каждому по потребностям“. А для этого, по Ленину, нужно было заставить людей, чтобы они „работали поровну, правильно соблюдали меру работы и получали поровну“. А контроль за соблюдением „меры работы“ будет такой, что „от него нельзя будет никак уклониться“, „некуда будет деться“¹⁶⁵. По поводу этих воззрений, стоящих в ряду с взглядами Фурье, Сен-Симона, Оуэна, не стоило бы много и говорить*. В человеческой истории всегда было немало мечтателей, про-

* Правда, эти великие утописты не делали, как Ленин, главной ставки на насилие.

стодушных людей, утопистов, прожектеров, большинство из которых помнят только самые дотошные историки. Не будь 1917 года, о Ленине сегодня знал бы один человек из тысячи, а может быть, и значительно меньше. Хотя в специальных изданиях, словарях М.М.Филиппова, Брокгауза и Эфрона (малый словарь), Ф.Павлекко фамилия Ульянова-Ленина упоминается уже с 1900 года. Но это весьма краткие сообщения, которые могли заинтересовать лишь самых узких специалистов-исследователей.

Исторический Ленин — это человек, который, кроме взращивания маниакальной идеи, оказался способным еще на два деяния: смог создать орудие для попытки реализовать коммунистическую идею на практике и проявить способность заметить, уловить уникальный момент фактического безвластия в России, когда ему ничего не оставалось другого, как поднять и подобрать эту власть.

Исторический Ленин — это революционер, который смог в момент кульминации проявить решительность на грани исторической авантюры, но которая, вопреки всеобщему скепсису буржуазных политических лидеров в России, была тогда вознаграждена. Это был самый крупный приз в XX веке — диктаторская безраздельная власть над великой страной.

Исторический Ленин, вопреки сложившимся стереотипам и мифам партийной пропаганды, — человек антигуманного склада, видевший высшую реальную ценность не в человеческой жизни, ее свободе и правах, а во власти. Ленин стал главой правительства страны, которую едва ли любил. Его уничижительные, язвительные филиппики о „русском человеке — плохом работнике“, о „русских дураках“ — наглядное тому свидетельство. Он не был патриотом России, ибо был готов пожертвовать огромной ее частью для сохранения большевистского господства. Могут возразить, что после большевистского переворота Ленин не раз заявлял: „Мы оборонили с 25 октября 1917 года. Мы за „защиту отечества...“¹⁶⁶.

Фарисейство этих слов поразительно. Нужно было бы точнее сказать: „Мы за защиту своей власти...“ Еще вчера желать поражения отечеству (хотя и прикрываемое словами „временного правительства“) — а сегодня уже диаметрально

противоположная позиция. Беспринципный прагматизм всегда был оружием большевиков.

Правда, в партийных воспоминаниях довольно часто мустируется идея: насколько Ленин любил Россию, настолько он ненавидел ее врагов. Приводят даже воспоминания А.К.Воронского (павшего, кстати, то ли от „любви“ ленинцев, то ли от большевистской „ненависти“ в годы большого террора), якобы заявившего: „Великая любовь рождает и великую ненависть. И то, и другое у Ленина до краев: ненависть к России царей, дворян и помещиков и любовь к России непрестанного, страдальческого труда“¹⁶⁷.

Великая любовь может рождать только любовь. У ненависти иные корни.

Ленин не сразу стал таким. Но его эволюция к тому, что я сказал выше, была без больших зигзагов.

Ранний Ленин на пороге века был почти типичный российский социал-демократ с радикальным уклоном. Это тот Ленин-Ульянов, который, наблюдая за Россией из-за рубежа, мог строить абстрактные революционные схемы, злобно поносить царя, давать советы из спокойной Европы по активизации революционных выступлений. На этом раннем этапе происходит размежевание Ленина с либеральной социал-демократией и переход на радикальные рельсы¹⁶⁸. Ленин еще со времени первой русской революции повел яростные атаки на либералов. В кадетях, либеральной интеллигенции, людях типа Струве, Кусковой, Прокоповича, Пешехонова, Анненского, Муромцева, Чупрова он увидел чуть ли не главную опасность своим планам. Антилиберализм Ленина (не все тогда это поняли) — это противостояние свободе как политической и нравственной ценности. Происходит „большевизация“ сознания. Похоже, что ранний Ленин, осев за рубежом, не видел для себя места в России. Только в случае революции. Но еще в январе 1917 года он мало в нее верил.

Зрелый Ленин — это лидер большевиков в годы империалистической войны. Ульянов-Ленин оказался одним из немногих социал-демократов, который увидел в империалистической войне своего союзника. Он понял раньше других, что самодержавие пало в результате неспособности довести войну „до победного конца“. Война же явилась и главной причиной поражения Февральской революции. Победители

Февраля не знали, как достойно выйти из войны. А Ленин — знал, даже если это недостойный путь. Ленин приходит к парадоксальному выводу, глубоко антипатриотическому по своей сути: войну нужно похоронить, даже ценой поражения России. Исторический Ленин — это человек, сделавший в революции главную ставку на поражение России в войне. До этого никто додуматься не смог. Ибо для этого нужно было не любить свое отечество. Он предал союзников России, они потом, победив Германию и без России, помогли вернуть Ленину гигантский кусок российского государства, который тот отдал немцам.

Весь вопрос тогда упирался в политическую методологию: как использовать войну для инициирования революционного взрыва. Ленин против мира — так может быть похоронена революционная идея. В октябре 1914 года, когда европейские социал-демократы лишь искали пути, как принудить свои правительства к миру, Ленин писал Шляпникову: „Неверен лозунг „мира“ — лозунгом должно быть превращение национальной войны в гражданскую войну“¹⁶⁹. На этом Ленин не остановится: будет добиваться поражения в войне собственного правительства. Это национальное преступление мы десятилетиями считали великой ленинской политической мудростью.

Этот момент для понимания исторического Ленина чрезвычайно важен: для достижения своей цели он готов переступить через святыни патриотизма, национальной чести и просто гражданской порядочности. Цель превыше всего!

Поздний Ленин (если так можно выразиться) — человек, ставший главой революционного правительства. Вооруженный только теоретическими схемами и никогда никем не управлявшийся, Ленин просто беспомощен перед обвалом проблем. Он может вначале выдвинуть лишь конфискационную идею: изъять, реквизировать, экспроприировать. На этом пути одно средство — беспощадная диктатура. Еще два-три месяца назад с серьезным видом рассуждавший об отмирании государства, Ленин вынужден лихорадочно создавать армию, трибуналы, наркоматы, инспекции, секретные отделы, дипломатическую службу. Лишь обращение к презренным буржуазным „спецам“ позволяет хоть как-то наладить функционирование государственных структур. Распоряже-

ния Ленина, как и Совнаркома, на первых порах поверхностны, случайны, непродуманны, но жестки и жестоки. А ведь сколько после появилось апологетических книг, сборников и диссертаций типа „Ленин о государственном строительстве“...

Исторические штрихи на портрет Ленина нанесли многие люди, как большевики, так и лица, которых нельзя заподозрить в ношении „пролетарских очков“ или классовом пристрастии. Эти свидетельства весьма важны, ибо многотомье партийных воспоминаний большевиков повторяет лишь на разные лады одно слово: „гений“. Только немногие из этих воспоминаний, и прежде всего Н.К.Крупской, Троцкого, Зиновьева, Каменева, Бухарина, Раскольниковца, Луначарского, Крестинского, Иоффе, Ганецкого, Малькова и некоторых других, привносят в палитру красок портрета некие новые человеческие черты исторического Ленина, а не большевистской иконы. Тем более что до недавнего времени воспоминания В.А.Антонова–Овсеенко, А.С.Бубнова, Н.П.Горбунова, М.С.Кедрова, Г.И.Ломова (Оппокова), В.И.Невского, И.А.Пятницкого, В.Я.Чубаря, А.В.Шотмана, И.С.Уншлихта, Б.З.Шумяцкого и некоторых других были сокрыты в секретных хранилищах (как же — ведь это „враги народа“) партии, прямо причастной к уничтожению этих и миллионов других людей. Даже после смерти Ленина не могли быть опубликованы честные воспоминания. Он еще при жизни был превращен партийной пропагандой в некоего идола, о котором можно было говорить и писать только в соответствии со сложившимися идеологическими канонами.

Справедливо писал после смерти Ленина большой российский интеллигент, лидер кадетов Павел Николаевич Миллюков, что „над самой личностью человека, совершившего над своей страной из убеждения величайшее злодеяние, которое когда-либо удавалось совершить профессиональному тирану, суждение истории сложится не сразу. Надо будет начать с отделения лица от легенды, которой успело густо покрыться его имя“¹⁷⁰.

Постараюсь к тому, что я написал в книге, добавить наиболее характерные мазки некоторых людей к портрету, эскиз которого — передо мной. Надеюсь, что это придаст больший исторический характер силуэту человека, которого нет среди нас уже семь десятилетий.

Н.К. Крупская. „Таких жестов, как битье кулаком по столу или угрозы пальцем, никогда не было... Говорил быстро. Стенографисты плохо записывали... стенографисты у нас были тогда плохие, и конструкция фраз у него трудная... После споров, дискуссий, когда возвращались домой, был часто сумрачен, молчалив, расстроен... Никак и никогда ничего не рисовал... Очень любил слушать музыку. Но страшно уставал при этом... Как правило, уходил после первого действия как больной... Перед всяким выступлением очень волновался: сосредоточен, неразговорчив, уклонялся от разговоров на другие темы, по лицу видно, что волнуется, продумывает. Обязательно писал план речи... Копанье и мучительнейший самоанализ в душе ненавидел... Адоратскому до деталей рассказывал, как будет выглядеть социалистическая революция...“¹⁷¹

Г.Е. Зиновьев. „...А было ли сознание (ощущение), что он (Ленин. — Д.В.) призван? Да, это было! Без этого он не стал бы Лениным. Без этого (именно ощущение) вообще нет вождя. Одно время (когда В.И. боролся еще за признание) отношение к нему лично (то есть именно не „лично“, а политически и теоретически) было для него критерием, мерой вещей...“

Ленин любил пугать: если будем делать ошибки — полетим и т.д.¹⁷².

М.И. Ульянова. „Больше чего-либо другого занимало Владимира Ильича в этот период (1922—1923 гг.) сельское хозяйство. „Если нельзя заниматься политикой, надо заняться сельским хозяйством“... Мысли о занятии чем-либо иным, а не политикой, приходили, однако, Владимиру Ильичу в голову лишь тогда, когда он чувствовал себя плохо и пессимистически смотрел на возможность выздоровления. Но стоило наступить хоть небольшому улучшению, как все мысли его направлялись опять-таки к политической деятельности“¹⁷³.

В.М. Чернов. „Ум Ленина был энергетический, но холодный. Я бы сказал даже: это был прежде всего насмешливый, язвительный, циничный ум. Для Ленина не могло быть ничего хуже сентиментальности...* Это был отличный революци-

* Ленин говорил: „Сентиментальность есть не меньшее преступление, чем на войне шкурничество“.

онный и государственный деловик, но исторический провидец это был просто никакой. Его „малый политический разум“ был блестящий; его „большой политический разум“ был перманентным банкротом... Как человек „с истиной в кармане“, он не ценил творческих исканий истины, не уважал чужих убеждений, не был проникнут пафосом свободы... Воля Ленина была сильнее его ума. И потому ум его в своих извилинах и зигзагах был угодливо покорен его воле... Ленин был добродушен. Но добродушие и доброта не одно и то же... Это добродушие есть просто побочный продукт благодушной удовлетворенности, происходящей от сознания силы. Таким же добродушием большого сенбернара по отношению к маленьким дворнягам был полон и Ленин по отношению к своим „ближним“¹⁷⁵.

Анжелика Балабанова. „Ленину нужны были соучастники, а не соратники. Верность означала для него абсолютную уверенность в том, что человек выполнит все приказы, даже те, которые находятся в противоречии с человеческой совестью... Ленин никогда не отрицал тех действий и поступков, за которые он нес ответственность, так же как не пытался он уменьшить тяжесть их последствий, потому что он всегда действовал с самонадеянностью в правоте своего дела и был пропитан уверенностью, что только его теория — большевизм — сможет восторжествовать... Он был нетерпимым, упрямым, жестоким и несправедливым в общении со своими оппонентами (оппонентами большевизма и никогда — личными врагами)“¹⁷⁶.

А.Д.Нагловский. „Ленин ходил по трибуне из угла в угол и, сильно картавя на „р“, говорил резко, отчетливо, ясно. Это была не митинговая речь... У Ленина была даже не речь. Ленин не был оратором, как, например, Плеханов, говоривший в французской манере с повышениями и понижениями голоса, с жестами рук. Ленин не обладал искусством речи. Ленин был только логик. Говоря ясно, резко, со всеми точками над *i*, он с огромной самоуверенностью расхаживал на трибуне и говорил обо всем таким тоном, что в истинности всего им высказываемого вообще не могло быть никаких сомнений...“¹⁷⁷

А.Ф.Керенский. „Везде с 11 ноября 1918 года — перемирие, мир. Только Россия постоянно мобилизуется, милитари-

зуется, обороняет „красное отечество“. Разве не большевики во имя немедленного мира подняли знамя бунта против все-народной революции и начали гражданскую войну?.. Не потому ли, что в России четвертый год свирепствует нелепый, выдуманный Лениным и его сподручными, коммунистический строй?¹⁷⁸

А.И.Куприн. „Из-за стола поднимается Ленин и делает навстречу несколько шагов. У него странная походка: он так переваливается с боку на бок, как будто хромот на обе ноги; так ходят кривоногие, прирожденные всадники.. Ни отталкивающего, ни величественного, ни глубокомысленного нет в наружности Ленина... Разговаривая, он делает руками близко к лицу короткие тыкающие жесты. Руки у него большие и очень неприятные: духовного выражения мне так и не удалось поймать...

Ночью, уже в постели, без огня, я опять обратился памятью к Ленину, с необычайной ясностью вызвал его образ и... испугался. Мне показалось, что на мгновение я как будто бы вошел в него, почувствовал себя им.

В сущности, подумал я, этот человек — такой простой, вежливый и здоровый — гораздо страшнее Нерона, Тиберия, Иоанна Грозного. Те, при всем своем душевном уродстве, были все-таки люди, доступные капризам дня и колебаниям характера. Этот же — нечто вроде камня, вроде утеса, который оторвался от горного кряжа и стремительно катится вниз, уничтожая все на своем пути. И притом — подумайте! — камень, в силу какого-то волшебства — *мыслящий!*¹⁷⁹

К.В.Радек. „Это было в марте 1916 года. Это было в Берне. В.И. ужасно устал, страдал бессонницей, и Надежда Константиновна попросила затащить его каким-нибудь образом в кабак, чтобы Ильич немного проветрился... Ильич любил пильзенское пиво. В марте месяце немцы, которые изобрели не только марксизм, но и самое лучшее пиво, производят самое чудеснейшее пиво, которое называется „Сальватор“. Вот этим „Сальватором“ я соблазнил Ильича. ...Нечего греха таить, мы выпили несколько крупных кувшинов этого пива, и, может быть, благодаря этому Ильич, несмотря на свою глубочайшую сдержанность, на одну минуту потерял ее. Это было ночью, когда я его проводил домой... тогда он сказал несколько слов, которые врезались мне в память

на всю жизнь: „Что же, я двадцать лет посылаю людей на нелегальную работу, проваливаются один за другим, сотни людей, но это необходимо...“¹⁸⁰

А.Н. Потресов. „Легенды о Ленине меняют легенды о Марксе. В самом деле: Маркс — он только создал учение, Ленин же создал дело. Пусть ошибался Ленин, но он ошибался, искренне веря и лично принося этой вере жертвы, которые редко кто приносил. Маркс — это Иоанн, создавший учение Христа, но Ленин — это сам Христос, который был распят на кресте... Он до сих пор еще жив, этот гипноз...“¹⁸¹

Думаю, хватит приводить свидетельства лиц, лично знавших, видевших Ленина, встречавшихся с ним. Этой мозаичной картиной впечатлений, воспоминаний и наблюдений я хотел лишь подчеркнуть, что любой самый тщательно выписанный портрет, даже профессиональная фотография, не в состоянии схватить все оттенки, полутона, черты, грани личности, ее характера и тем более интеллекта. Приведенные зарисовки (а их в литературе множество) не являются свидетельством того, что лишь Ленин обладал бесконечным личностным богатством. Нет. Каждая личность неповторима, уникальна, но так уж принято у людей, что прожектор своего внимания они направляют прежде всего на лидеров, вождей, полководцев, эстрадных див, олимпийских чемпионов, ясновидящих, выдающихся музыкантов, танцовщиц и художников. Такова особенность человеческой психологии.

Приведенной мозаикой наблюдений людей, которые и сами оставили заметный след на пыльных ступенях истории, автор стремился подчеркнуть, что Ленин, при всей своей интеллектуальной мощи, огромной воле, умении гибко маневрировать в самых безнадежных ситуациях, был одномоментным человеком. Он всю жизнь был в плену идеи революции, идеи диктатуры пролетариата. Это не может не „повредить“ человека. Жизнь свою он подчинил только революции, историческая ценность которой в XX веке по крайней мере сомнительна. Мое заключение не является ни одобрением, ни осуждением. Но человеческая история была бы слишком однообразной, если бы в ней не было подвижников, пионеров, бунтарей, первооткрывателей, мятеж-

ников, возмутителей. Людям остается лишь сожалеть, если вся эта сверхчеловеческая устремленность не приводит к Добру. В случае с Лениным все так, к сожалению, и произошло.

Смею утверждать, что Ленин не в полной мере стал только историческим, ибо его деяния, мысли, программы и принципы еще живут в сегодняшней политике, волнуют немало людей, становятся объектом идеологических и политических схваток. Ленин пока часть нашего взъерошенного бытия: в названиях колхозов, обесцененных ассигнациях, орденских колодочках, призывах новых коммунистических лидеров следовать ленинским путем. Ленин — глубоко в нас, нашем сознании. Многие из нас все еще пленники Ленина.

Века истории тушат страсти, хоронят мелкие бытовые детали, притупляют боль противостояния и борьбы. Пока Ленин не стал таким и, видимо, не скоро станет. Лишь время отольет его в нашей памяти историческим, каким он был. Хотя легенды и мифы обладают способностью жить очень долго. Одно ясно: великий мятежник Ленин навсегда вошел в историю человеческой цивилизации. За порогом XXI века взгляд на него станет более спокойным, взвешенным, пронизательным.

В историческом Ленине останется группа интеллектуальных и нравственных черт, которые, на мой взгляд, и делают его портрет цельным и монолитным. Он не может быть Янусом, как бы его ни изображали. Цельность характера — несомненна. Я бы назвал Ленина тотальным большевиком, который смог в себе аккумулировать, соединить, переплавить многие черты, которые сделали вождя неповторимым явлением. Хотя бы бегло назову некоторые качества.

Ленин — одержимый до исступления революционер. Он останется в памяти человеческой как Антихрист XX века, социальный еретик, основатель и проводник жестокой философии, посягнувший на вечную ценность — Свободу, соблазнивший людей стадным „раем“. Достаточно еще раз вспомнить те несколько дней до октябрьского переворота, когда лидер большевиков как будто советовался с Провидением, столь безгранична была его вера в наступление неповторимого момента. В критической ситуации он обычно тре-

бывал: „Если не сделаем — погибли!“ Его уверенность в успехе революции была фанатичной. „Мы должны помнить, — говорил Ленин, — что у нас должно быть либо величайшее напряжение сил в ежедневном труде, либо нас ждет неминуемая гибель“¹⁸². Он был готов ходить по самому острию ножа, сжигая все мосты, когда путей к отступлению уже не было. Хорошо сказал об этом Виктор Чернов: „Много раз Ленину удавалось выжить только благодаря просчетам его противников. Часто это была слепая удача, но она обычно приходит к тем, кто знает, как продержаться в периоды неудач...

Есть некий высший здравый смысл в человеке, который тратит последние капли своей энергии, несмотря на то что все против него — логика, судьба, обстоятельства. Этим „иррациональным здравым смыслом“ природа наделила Ленина в избытке. Благодаря такому упорству он неоднократно спасал партию в ситуациях, которые казались безнадежными“¹⁸³.

В решающий момент у Керенского не оказалось ни одной верной дивизии; Деникин рано поверил, что Москва в его руках; белые генералы не смогли договориться об элементарном — координации своих усилий на различных фронтах. О неожиданных подарках судьбы Ленину можно говорить долго. Казалось, слепой случай спас Ленина и большевиков. Но нужно было суметь использовать эти шансы. Ленинская одержимость, до иступления, порой почти до истерики, и готовность пожертвовать пол-Россией спасли его неправое дело.

Ленин при всей его внешней мягкости, даже добродушии, внутренне был готов к страшной жестокости во имя спасения революции. Вождь большевиков никогда в своих сочинениях не ссылается на Нечаева, хотя по своему духу — его глубокий единомышленник. Как вспоминал В.Бонч-Бруевич, Ленин говорил ему о Нечаеве с восторгом, в частности, о той части брошюры террориста, где он предлагал уничтожить всю царскую семью¹⁸⁴. Не удивляет в этой связи его роль в трагических событиях в Екатеринбурге летом 1918 года, множество личных распоряжений о расстрелах и даже повешениях.

В Ленине жил особый тип диктатора — верховного вы-

разителя революционной диктатуры. Если Сталин мог уничтожить человека лишь потому, что он когда-то заметил в нем личное сопротивление, строптивость или несогласие, то Ленин одобрял самые жестокие меры в уверенности, что без этого большевики не смогут осуществить диктатуру пролетариата. Ленин лично не был мстителем, но считал, что жернова диктатуры не должны ни на минуту останавливаться, иначе погибнет революция. Это якобинство души не менее опасно, чем сталинское вампирство, ибо как-то „облагораживало“ насилие, жестокость, придавало им революционный ореол. Для Ленина насилие — тотальный фактор.

В 51-м томе Полного собрания сочинений на странице 68 опубликовано письмо Ленина к Троцкому, написанное 22 октября 1919 года. Даже те, кто читал это письмо (повторю — ленинские труды по „своей охоте“ изучало очень мало людей), не могли видеть, что и здесь есть купюра. В этом письме Ленин убеждает Председателя Реввоенсовета Республики: „Покончить с Юденичем (именно покончить — добить) нам дьявольски важно“. Дает советы, как быстрее „добить“. Один из советов редакторы сочинений (но всегда такие вещи утверждались в ЦК партии) опустили. А он был такой: „...мобилизовать 10 тысяч буржуев, поставить позади их пулеметы, расстрелять несколько сот“, чтобы „добиться настоящего массового напора на Юденича...“.

У Ленина нашлись последователи. Через два десятилетия. ...Осенью 1941 года Жуков и Жданов докладывали Сталину из Ленинграда, что немецкие войска, атакуя наши войска, гнали перед собой женщин, детей, стариков, ставя тем самым в исключительно трудное положение обороняющихся. Дети и женщины кричали: „Не стреляйте!“, „Мы — свои!“, „Мы — свои!“.

Сталин среагировал немедленно. Ведь он был настоящим ленинцем. „Говорят, что немецкие мерзавцы, — диктовал Верховный Главнокомандующий, — идя на Ленинград, посылают вперед своих войск стариков, старух, женщин, детей... Мой совет: не сентиментальничать, а бить врага и его пособников, вольных или невольных, по зубам... Бейте вовсю по немцам и по их делегатам, кто бы они ни были, косите врагов, все равно, являются ли они вольными или невольными врагами...“¹⁸⁵

Комментировать эти красноречивые и страшные документы нет необходимости. Ленин, подчеркнем лишь, оказался в XX веке „пионером“ этого чудовищного „метода“.

Но Ленин полагал, что жестокость уместна не только на войне. На заседании коммунистической фракции ВЦСПС он говорил 12 января 1920 года: „Кровавая война окончена, а война бескровная, но настоящая война, с военной дисциплиной... не окончена“. Ленин хотел бросить армию на трудовой фронт, милитаризовав труд, и не испытывал в этом колебаний. „Если мы не останавливались перед тем, чтобы тысячи людей перестрелять, мы не остановимся и перед этим...“¹⁸⁶ Готовность к жестокости во имя революционной целесообразности была имманентно присуща Ленину. Только Сталин и Троцкий, из большевистских лидеров, могут быть сопоставимы с этой тотальной готовностью к жестокостям во имя достижения политических целей.

Для исторического Ленина присуще отсутствие нравственной щепетильности, если дело заходило об интересах партии и революции. В соотношении политики и морали последняя всегда занимала у Ленина подчиненное положение. Часто это касалось весьма важных вопросов. В июле 1921 года Ленин одобрил парафированное в Риге соглашение о поддержке дашнаков в вопросе о присоединении турецкой Армении к Армянской республике. Но по представлению Чичерина через неделю на сто восемьдесят градусов изменил свою точку зрения¹⁸⁷. В политике так бывает, но какова в этом случае мораль? Ленин всегда жертвовал моралью во имя политического выигрыша.

Вождь одобрил сватовство и женитьбу большевика Виктора Таратуты во имя получения в партийную кассу денег фабриканта Шмита.

— Но каков Виктор? Ведь это подло по отношению к девушке? — заметил профессор Рожков.

— Ни Вы, ни я не смогли бы жениться на богатой купчихе из-за денег. А Виктор смог, значит, он весьма полезный для партии человек! — заключил с улыбкой Ульянов.

Нравственный релятивизм Ленина глубоко осознан и подчинен делу, которому он посвятил свою жизнь. Ведь „нравственно все то“, гласит его знаменитая формула, „что

способствует победе коммунизма". Если бы все люди придерживались таких принципов (в соответствии со своими политическими убеждениями), то жизнь была бы всеобщим кошмаром. В том-то и сила человеческой цивилизации, что, несмотря на попрание людьми, группами, общностями различных масштабов различных моральных установлений, основная часть людей основные нормы общечеловеческой нравственности соблюдает.

Может быть, в конце концов, в XXI веке нашу цивилизацию спасут именно общепринятые нормы морали, а не политики перед глобальными угрозами экологической опасности, военной конфронтации, расовыми и национальными аномалиями. Это было бы, в известном смысле, планетарное сознание. Большевиков же волновала лишь планетарная революция.

Исторический Ленин предпочитал исторической стратегии стратегию момента. Часто он действовал без ясного плана, имея в виду лишь общие цели. Был готов диаметрально изменить политические лозунги, если видел, что это быстрее продвинет его к цели.

Поддерживая длительное время Учредительное собрание, решительно отказался от него, как только убедился, что большевики будут там в меньшинстве. Заявлял до революции, что сепаратный мир недопустим с немцами; придя к власти, сразу же стал искать пути сепаратного мира с Германией. Уже к 20-му году „военный коммунизм“, основанный на сплошных реквизициях, завел страну в голодный тупик. Казарменная методология ставила под вопрос существование страны. Даже радикальный Троцкий, приехав в январе 1920 года с Урала, стал говорить в ЦК: „Надо отказаться от „военного коммунизма“... Методы „военного коммунизма“, навязывавшиеся всей обстановкой гражданской войны, исчерпали себя, и для подъема хозяйства необходимо во что бы то ни стало ввести элемент личной заинтересованности, т.е. восстановить в той или другой степени внутренний рынок. Я представил Центральному Комитету проект замены продовольственной разверстки хлебным налогом и введения товарообмена“¹⁸⁸.

Ленин был решительно против ЦК поддержал Ленина. Еще почти год страна, благодаря ортодоксальному упор-

ству Ленина, умирала. Продовольственные отряды опустошали уже разграбленные деревни. Вождь большевиков все еще продолжал верить, что нажим, напор, угрозы, репрессии заставят мужика безвозмездно трудиться. Аргументы у него были прежние: „Мы уложили десятки тысяч лучших коммунистов за десять тысяч белогвардейских офицеров и этим спасли страну. Эти методы нужно сейчас применять — без этого хлеба не подвезете...“¹⁸⁹

Ленин продолжал упорствовать в сохранении курса „военного коммунизма“. И лишь когда погибли еще сотни тысяч людей — от расстрелов, мятежей, голода, — он сдался. Родился нэп. И Ленина стали считать „отцом новой экономической политики“. Но это совсем не так. Вождь большевиков был вынужден сделать шаг навстречу элементарному товарообороту. Иначе — гибель.

Однако уже через год Ленин и сам уверовал, что против нэпа он не выступал. Хотя и признавал, что „на экономическом фронте с попыткой перехода к коммунизму мы к весне 1921 года потерпели поражение более серьезное, чем какое бы то ни было поражение, нанесенное нам Колчаком, Деникиным или Пилсудским, поражение гораздо более серьезное, гораздо более существенное и опасное“¹⁹⁰. Всего через год после того, как Ленин настаивал на сохранении политики „военного коммунизма“, он уже уверенно говорил другое: „Мы не должны рассчитывать на непосредственно коммунистический переход...“¹⁹¹

Стратегия момента для Ленина всегда играла особое значение.

Я должен высказаться еще об одной черте исторического Ленина, изложение которой, вероятно, вызовет наибольшие возражения, протесты и опровержения. Но все же...

Все идеи Ленина совершить кардинальные экономические и социальные преобразования в России, создать общество коммунистического равенства и справедливости есть идея бредовая и безумная. Впрочем, Плеханов так и характеризовал ленинскую попытку*. Но тем не менее ленинский бред и безумие имели свою железную логику. Дело в том, что Ленин, затеявая российскую авантюру, видел в ней только начало. Россия должна была стать запалом, детонато-

*А.М.Горький также называл Ленина „безумным“.

ром, взрывателем мировой ситуации. А в условиях глубочайшего мирового кризиса, вызванного всеобщей войной, крушения ряда великих монархий, всеобщего смятения определенные шансы на возгорание (хотя бы временное) мирового пожара были: Китай, Индия, Россия, Персия, Италия, Венгрия, Германия... Ленин был готов пожертвовать Россией, чтобы инициировать хотя бы континентальный пожар. Поход на Варшаву, напомним, был осуществлен по личной инициативе вождя, и попытка эта, по словам Троцкого, „обошлась страшно дорого“. Он писал, что польская „ошибка“ не только „привела нас к рижскому миру, который отрезал нас от Германии, но и дала, наряду с другими событиями того же периода, могущественный толчок консолидации буржуазной Европы“¹⁹². И тем не менее Троцкий, такой же якобинец, как и Ленин, воспекает ленинское „мужество замысла. Риск был велик, но цель превосходила риск“¹⁹³.

Троцкий не пишет, что безумная идея зажечь революционный факел в Европе стоила жизни нескольким десяткам тысяч российских солдат. Я уже не говорю о том, что великое государство, благодаря бредовой политике Ленина, унижаясь, платило военную контрибуцию своей бывшей провинции — Польше (более 30 млн. рублей золотом)¹⁹⁴. Буквально за два месяца до военного краха Германии в 1918 году Ленин соглашается на отправку в Берлин 93 тонн царского золота (оговоренных брестскими соглашениями).

Для Ленина соображения морального порядка не имели никакого значения в его международных проектах и планах, имевших часто тоже просто бредовый характер. Если выразиться точнее и корректнее, вождь большевиков был главным носителем исторической безответственности. Идея сделать планету „красной“ основывалась на ложной послышке кабинетного человека, который на протяжении долгих лет строил многочисленные схемы мировой коммунистической революции, не учитывая множество таких факторов, как этнический, национальный, религиозный, географический, культурный, научный и т.д. Ленин признавал только классовые политику и экономику. Для него существовала лишь одна ценность, которую он был готов защищать какой угодно ценой, — власть. Именно с помощью этого рычага

вождь надеялся рано или поздно сделать российскую революцию международной.

Исторический Ленин чувствовал ответственность только перед большевистской властью. Но его никогда не смущали „химеры“ общечеловеческого, демократического, гуманистического характера. Как я мог установить (не нашел ни одного свидетельства!), Ленина никогда не мучили угрызения совести: за то, что он похоронил первое в истории России демократическое правительство; унизил Россию преступным миром; разогнал Учредительное собрание; ликвидировал имевшиеся гражданские свободы и права человека; разрушил экономику гигантской страны; низвел Советы до придатка партийных комитетов; изгнал цвет национальной интеллигенции за пределы отечества; ликвидировал российскую социал-демократию; уничтожил царскую семью; подавил в крови тамбовское, кронштадтское, донское, ярославское и другие народные восстания; почти уничтожил церковь; с помощью террора, голода и развязанной гражданской войны в стране погубил в России 13 миллионов человеческих жизней...

Перечень неполный. Но и Ленин пока не совсем „исторический“.

Ленин не был честолюбив. Он редкий тип человека, который искренне отождествлял себя с идеей, в которую он верил, с делом, которому он служил. Потерпев в конце концов историческое поражение, Ленин тем не менее смог добиться невозможного: превратил бредовость своей политики в программу миллионов людей на многие десятилетия. Произошло это прежде всего потому, что эпохальные, континентальные, исторические планы Ленина были густо замешаны на христианской идее социальной справедливости, которая вечна и бессмертна... Ну и, конечно, все это стало возможным благодаря неограниченному насилию — универсальному методу большевиков.

Ленин всегда претендовал на родство октябрьского переворота большевиков в 1917 году с Французской революцией. Но он, по крайней мере, неточен: российские ниспровергатели унаследовали лишь якобинский радикализм, отрицая идею свободы французских революционеров как основную ценность. Как выразился известный итальянский

ученый Витторио Страда, „траектория коммунистической революции окончена. Но историческая реальность говорит нам также, что живы ее последствия“¹⁹⁵. Они далеко не однозначны и не исчерпаны. Ленинизм жив и имеет много сторонников. Даже люди, многие годы служившие этим идеям и испытавшие горечь поражения и разочарований, не спешат с ним расстаться: они боятся духовного вакуума. Их можно понять.

Повторю: ленинский бастион в моей душе пал последним. Пал тогда, когда я осознал исторический крах ленинского „дела“. Попытка исторического опережения естественного хода событий обернулась огромным историческим отставанием. Этому способствовало и то, что я смог ознакомиться с тысячами ленинских документов, которые медленно, слишком медленно становятся доступными для критического анализа многих людей.

Приходу в нашу жизнь правды о Ленине мешала не только вся система идеологического манипулирования общественным сознанием людей, но и возведенные в ранг национальных событий годовщины и юбилеи ленинского дня рождения, конкретные даты появления его книг, статей, произнесения речей.

Как обычно это делалось?

Отдел пропаганды готовил кучу документов к памятной дате. Сталину, например, докладывали два:

„Товарищу Сталину И.В.

Представляю Вам проект доклада на торжественно-траурном заседании, посвященном 26-й годовщине со дня смерти В.И.Ленина.

Прошу указаний.

16 января 1950 г.

П.Поспелов.

Копии проекта доклада посланы: тт. Маленкову, Молотову, Берии, Микояну, Булганину¹⁹⁶.

Докладывался Сталину и проект постановления ЦК ВКП(б) „О 26-й годовщине со дня смерти В.И.Ленина“. В документе, который Сталин утверждал, и он публиковался, о Ленине говорилось мало. Несколько страниц живописали, как, „выполняя заветы Ленина под мудрым водительством товарища Сталина“, перевыполняют планы промышлен-

ность, сельское хозяйство, осуществляется сталинская программа преобразования природы, возводятся великие стройки коммунизма. И все это удается в условиях „милитаризации капиталистических обществ и снижения жизненного уровня трудящихся буржуазных государств“. Империалистические страны перешли от подготовки к прямым актам агрессии. И далее все в том же духе, с указанием, что все всемирно-исторические победы СССР стали возможны благодаря „гениальному руководству нашего вождя и учителя товарища Сталина“.

В конкретной части постановления указывалось: что печатать в газетах в честь этой даты, какие фильмы крутить, в какие сроки проводить собрания... Даже предписывалось „литературно-художественным журналам публиковать материалы, посвященные памяти В.И.Ленина“. В редакциях загодя, за несколько месяцев находили очевидцев исторических событий, видевших или слышавших Ленина и Сталина в годы революции и гражданской войны. Могли помочь и сами писатели своими воспоминаниями о Ленине; следовали звонки П.А.Арскому, „штурмовавшему“ Зимний дворец, А.И.Безыменскому, лицезревшему вождя на комсомольском съезде, В.Н.Биллю-Белоцерковскому, прошедшему дорогами гражданской войны, Е.Я.Драбкиной — бывшему секретарю Свердлова, А.М.Коллонтай, лично выполнявшей поручения Ленина, И.Г.Эренбургу, встречавшемуся с Лениным в Париже еще в начале века...

Тысячеустый и тысячеголовый легион рабочих, крестьян, писателей, военных, профессиональных революционеров, вспоминавших мельчайшие детали из жизни вождя, из года в год создавал героическую летопись необыкновенного человека с гениальным умом, радевшего о каждом человеке. С детского сада дети, еще говорившие мало слов, кроме „мама“ и „папа“, старательно выговаривали „дедушка Ленин“. До 1953 года — в дуэте с „дедушкой Сталиным“. Шло великое, неповторимое, непрерывное, массирующее обывание миллионов людей. Неважно, что многие из них не могли назвать ни одного выдающегося российского философа, историка начала XX века, считали всех меньшевиков предателями революционного дела, искренне верили, что в мире существует гигантское коммунистическое движе-

ние, которое вот-вот возьмет судьбы человечества в свои руки.

Хотя, когда начиналась эта многолетняя промывка мозгов нации, даже сами вожди были откровеннее.

...Институт Ленина в конце декабря 1924 года обратился к ряду вождей, в том числе к Сталину и Зиновьеву, с просьбой выступить на инструктивном собрании с установками, что и как рассказывать о Ленине. Сталин пишет записку Зиновьеву.

„Ей-ей, не могу, не хочу готовиться, и, вообще, хотелось бы уйти к черту, от всякой „подготовки к докладу“. Надоело хуже горькой редьки.

Ст.“.

Зиновьев отвечает Сталину в том же духе:

„Я тоже думаю, что сейчас у нас не выйдет. Давайте слушаем. Устал до черта.

Г.З.¹⁹⁷.

То, что „надоело“ сразу же вождям, регулярно предписывалось народу на протяжении почти семи десятилетий.

Были попытки увековечить Ленина не только в делах, но и в гигантских, циклопических монументах. Нужно было поразить воображение людей. В 1932 году Советское правительство объявило конкурс на сооружение скульптуры Ленина, которая, будучи высотой 110 метров, должна была выполнять функцию маяка в Ленинградском порту. Но нашлись дела поважнее в связи с разгоревшейся борьбой с „врагами народа“. Когда, разрушив храм Христа Спасителя, решили возвести Дворец Советов, то, естественно, встал вопрос и о гигантской скульптуре вождя. Это должен быть стометровый монумент... Хотели такого же гигантского идола соорудить и на Воробьевых горах в Москве.

Слава богу, решения об этих жутких гигантах-инопланетянах оказалось принять легче, чем соорудить их...

Особенно помпезно отмечалось в 1970 году 100-летие со дня рождения Ленина. Политбюро начало еще за два года до этого события регулярно обсуждать вопрос, все уточняя и уточняя план подготовки. Например, еще 20 июня 1968 года обсудили документ „О подготовке к столетию со дня рождения Ленина“. Члены „ленинского Политбюро“ внесли много нового в предложенный доку-

мент. Воронов удивился, почему „выпал вопрос о ленинском кооперативном плане, а это ведь важнейший этап в жизни партии и в заветах Ленина“. Гришин был озабочен фестивалем, Шелепин предлагал „провести ленинский призыв в партию“. Косыгин счел ошибочным писать, что „партия у нас стала руководящей силой. Я думаю, это неправильно, она всегда была руководящей силой“. Пельше предлагает усилить отпор ревизионизму. Все высказываются примерно в этом же духе.

Брежнев, резюмируя, педалирует на одну мысль: „Всю жизнь, всю свою работу мы строим по Ленину“¹⁹⁸.

Когда юбилей уже был, как говорится, „на носу“, на очередном заседании Председатель Совета Министров А.Н.Косыгин взмолился: в стране эпидемия увековечения Ленина, везде „идет повальное строительство памятников, бюстов и т.д. ...Мы начали эту волну“.

Денег действительно шло фантастическое количество. Посетовали, посетовали и... все оставили по-старому. Похоже, смирились с тем, что изобилие в стране должно начаться с множества ленинских памятников, его сочинений, книг и фильмов о нем.

Шли ленинские фестивали, ленинские субботники, ленинские производственные вахты, ленинские чтения, ленинские конференции, походы по ленинским местам, чеканились ленинские медали, открывались новые ленинские музеи, возводились новые памятники Ленину, защищались новые, бесчисленные диссертации по ленинскому теоретическому наследию, присваивались наименования „ленинских“ новым сотням улиц и поселков, выпускались фильмы, книги, марки и пластинки, посвященные Ленину. В стране работал завод, поставивший на конвейер отливку ленинских гипсовых, бронзовых, чугунных бюстов, барельефов, скульптур...

Люди в XXI веке назовут это выворачивание мозгов идеологическим безумством, которое, как СПИД, как некая тотальная эпидемия, охватило самую большую по площади страну на планете Земля...

А в Кремле между тем священнодействовали: на всю страну передавали ритуал вручения высшим партийным бонзам юбилейной медали в честь столетия со дня рождения В.И.Ленина.

Подгорный, прицепляя к лацкану брежневского пиджака очередной блестящий металлический кружок, молвит:

— Я не знаю точно, проводил ли заседание и работал ли в этом зале В.И. Ленин, но будем считать, что он присутствует вместе с нами в этот торжественный час...¹⁹⁹

После такого спиритического начала он нацепил по очереди медали всем ленинцам.

Само двухдневное действо — торжественное заседание, которое проходило 21 и 22 апреля 1970 года, впечатляло. Приехали делегации всех социалистических стран, представители 66 коммунистических и рабочих партий капиталистических и развивающихся государств, 18 делегаций национально-демократической ориентации, около десяти социалистических партий, множество делегаций полулегальных и нелегальных организаций, прибывших в Москву с помощью советских спецслужб. Руководство КПСС хотело поразить мировое общественное мнение размахом, влиянием и количеством ленинцев, населяющих нашу планету. Конечно, никогда публично не говорилось, что множество компартий, групп, движений находилось на содержании (как и во времена Ленина) КПСС, а их руководители годами тихо проживали в Москве. Некоторые приехали в надежде получить очередную долларовую инъекцию, ибо не секрет, что многие „генеральные секретари“ и „председатели партий“ давно состояли на содержании Москвы. Многие партии получали деньги у ленинцев не только сразу после образования Коминтерна, но и позже.

Вот только один обобщающий документ из множества таких. Именуется он „Денежные расписки“.

1. Две расписки от 27.IX.39г. на 20 000 000 фин. марок.
2. От т. Сулова: 1) Расписка Чжоу-Энь Лая от 16.X.46 г. 50 000 ам.дол.
- 2) Расписка Георгиу Дежа от 4.XI.46 г. 200 000 ам. дол.
3. От т. Сулова: расписка Захариадиса от 3.X.47 г. 100 000 ам. дол.
4. От т. Сулова: расписка Д.Ибаррури и др. от 12.VIII.48 г. 500 000 ам. дол.
5. От т. Сулова: 1) расписка т. Костова от 28.XI.45 г. 100 000 ам. дол.;

- 2) расписка Захариадиса от 2.VI.47 г. 100 000 ам. дол.;
 - 3) расписка Тореза от 2.II.48 г. 5 000 000 фр. франков; 208 350 ам. дол.;
 - 4) расписка Тореза (Жак Менье) на 1 млн. фр. и 5000 ам. дол.;
 - 5) расписка Менье (Тореза) на 45 000 ам. дол.;
 - 6) расписка П.Секкия (Рим) 1.IX.48 г. 40 000 ам. дол.;
 - 7) расписка П.Гроота, ноябрь 1948 г. 50 000 ам. дол.;
 - 8) расписка Захариадиса 30.IX.48 г. 100 000 ам.дол.
6. От т. Сулова четыре расписки В.Песси (1946—1948 гг.) на 55 000 000 фин. марок.
7. От т.Григорьяна и Х. 17.II.50 г. на 500 000 ам. дол.
8. От Г.Дежа расписка от 8.VIII.46 г. на 300 000 ам. дол.

Можно продолжать долго. Так было и до войны. Так — после войны. Так и в последующие десятилетия (правда, без китайцев). Но зато — множество других партий...²⁰⁰

Бурные аплодисменты заглушили слова Н.В.Подгорного — Председателя Президиума Верховного Совета СССР: „То, что свершил за свою светлую жизнь Владимир Ильич Ленин, то, что свершают миллионы последователей его дела, — это, товарищи, не на сто лет, это на века и тысячелетия“.

Многим казалось, что все это так и есть. Пройдет какое-то время, и планета просто станет советской, чего так страстно желал Ленин. По-прежнему в этот миф многие в СССР верили. К дню юбилея в партии состоял каждый одиннадцатый гражданин СССР старше восемнадцати лет. А когда Ленин начинал свое дело, в России было всего несколько десятков марксистов. Шаг, сделанный за две трети века, потрясает воображение.

„Дайте нам организацию революционеров, — говорил Ленин на пороге XX века, — и мы перевернем Россию!“²⁰¹

И перевернул. Вверх дном.

Но это только начало. У руководителей КПСС, хотя бы на словах, не умерла вера в то, что удастся рано или поздно „перевернуть“ и всю планету. Брежнев сказал в своем докладе 21 апреля 1970 года: „...если известны основные движущие силы всемирной истории, если выявлены главные тенденции исторического развития, то становится очевидным и конечный итог борьбы двух мировых систем — победа ком-

мунизма во всемирном масштабе". (Но аплодисменты здесь были уже неуверенными, у людей поиссякла ленинская вера в возможность создания Всемирной Советской Федерации.) Брежнев продолжал: у истоков этой „коммунистической цивилизации стоит исполинская фигура Ленина — мыслителя и революционера“²⁰².

Ленин и его последователи построили могучее государство. Но никто из них так и не понял, что мощь не обязательно рождает гуманизм и высокую мораль, а сила далеко не всегда означает торжество прав и свобод человека. Человечество, его самая цивилизованная часть, готовясь выйти из XX века, все больше убеждалась в исторических приоритетах свободы и ей сопутствующих ценностях. Коммунисты (а это миллионы землян) продолжали мыслить классовыми категориями, завещанными Лениным. Это одна из главных предпосылок эрозии и распада коммунистической идеологии и системы. Только те коммунистические организации могут выжить и иметь хоть какие-то исторические шансы, если они перейдут на социал-демократические рельсы. Но к этому готовы и способны совсем немногие.

Мы не все понимали еще четверть века назад: судьба Ленина — это судьба ленинизма. После долгой и мучительной агонии ему останется место только в мавзолее и музее социальных движений XX века. Там, где ленинизм живет и сегодня, это возможно лишь по двум причинам: сохраняется партийная диктатура и монополия на власть и мысль. Это причина первая. Вторая — если в процессе эволюции и реформ от ленинизма остается лишь название, от которого рано или поздно тоже освободятся.

А между тем до начала девяностых годов все шло так, как будто Ленин и вправду будет определять развитие человечества, как прозвучало на торжественном собрании в честь 100-летия со дня рождения Ленина, — века и тысячелетия.

В июне 1981 года ЦК КПСС решил начать подготовку нового, шестого собрания сочинений В.И.Ленина. В каждом новом издании прибавлялось по 10–15 томов. Теперь предполагалось издать примерно 70 томов! А первое было — всего два десятка. Вождь давно умер, а сочинения его росли. Безостановочно. Однако уверен, если бы и вышло очеред-

ное, шестое собрание сочинений Ленина, большинство из тех, замурованных в партийном архиве, 3725 ленинских документов света бы не увидели. Для этого нужно было бы спускать вождя с пьедестала.

Кстати, Горбачев, еще будучи относительным новичком на партийном Олимпе, предлагал: „Оставить пятое издание, а новые работы поместить в сборнике или дать дополнительный тираж к пятому изданию“²⁰³.

С ним не согласились. Институту марксизма–ленинизма при ЦК КПСС была поручена подготовка очередного издания. А к 120–летию со дня рождения Ленина решили выпустить еще и десяти томник воспоминаний (восемь томов успело выйти).

Редакция издания в духе перестроечных настроений даже решила позволить появиться на страницах мемуаров (конечно, в отрывочном, усеченном, тенденциозно подобранном виде) Троцкому, Мартову, Валентинову, Каутскому, некоторым другим еретикам.

Все изданное и издаваемое о Ленине до начала девяностых годов следовало принципу: пусть только Ленин лежит в мавзолее, ленинизм же продолжает шествовать по планете. Никто не мог и подумать, что рано или поздно для ленинизма тоже будет уготована судьба мавзолейной, музейной памяти.

Трогательное ленинское единство „ленинского Политбюро“ и приверженность его идеалам в народе, однако, разделялись уже далеко не всеми. Ленинизм давно начал подвергаться духовной эрозии. Власть, конечно, реагировала. В „Особых папках“ Политбюро множество документов подобного рода, часть которых я приведу. Почти в то же самое время, когда Брежнев читал доклад в Кремле, посвященный гениальному Ленину, или выписывал ему партбилет, а может, соглашался со строительством нового памятника вождю во Владивостоке, на Лубянке сочиняли другие документы. О ходе борьбы с антиленинизмом.

„ЦК КПСС

Об итогах работы в 1982 году по розыску авторов антисоветских анонимных документов.

...В истекшем году на территории страны проявили себя 1688 авторов, которыми было распространено 10 407 ано-

нимных документов антисоветского, националистического и политически вредного содержания, а также учинено 770 надписей.

Большое количество распространенных антисоветских документов было изготовлено анонимами с применением различных ухищрений: использование аэрозольных красок, самодельных клише, трафаретов и фоторепродукционных устройств...

В числе разысканных авторов 118 членов и кандидатов в члены КПСС и 204 комсомольца“.

Далее говорится, что мотивами антисоветской деятельности являются: „под влиянием идеологических диверсий противника“ — 498 человек; на основе „психических заболеваний“ — 228; из хулиганских целей — 220; материально-бытовых затруднений — 37 и т.д.

Председатель Комитета государственной безопасности докладывает далее, сколько человек „профилактировано“, арестовано или подвержено мерам „медицинского характера“²⁰⁴.

Все члены Политбюро привычно расписались о своем ознакомлении на документе, они давно привыкли к такой полицейской информации.

После XX съезда партии в 1956 году народ вздохнул, появилась надежда на раскрепощение. Однако период пост-сталинизма оказался равным трети века. Все это время люди как-то приспосабливались жить, формально исполняя ленинские, партийные ритуалы, не бунтуя, не митингуя, понемногу работая и на что-то надеясь. Бюрократическая корка общества осталась старой, а внизу, в гуще, все чаще проявлялись элементы свободомыслия, внутреннего диссидентства, попытки эзоповым языком сказать, что наболело. Возникло целое психологическое явление — „кухонные откровения“. То были едва заметные на поверхности процессы неумолимой эрозии ленинизма, трещины в его монолите.

Партийная элита на всех уровнях (чем выше — тем строже) пыталась сохранить большевистскую „чистоту“ ленинизма.

В ходе заседаний Политбюро и Секретариата ЦК существовала интересная практика: обсуждение некоторых текущих вопросов и проблем как бы за официальными скобками. И назывались эти обсуждения: „после повестки“.

Вот один пример разговора „после повестки“. Закончилось заседание Секретариата ЦК. Д.Ф. Устинов предложил обговорить вопрос „О Ленинских премиях в области литературы и искусства“, заявив при этом: „Недавно был опубликован список кандидатов на соискание Ленинских премий в области литературы и искусства. Странно было видеть среди кандидатов имя поэта Евтушенко, да и некоторых других, недостойных этой высокой премии“.

Его поддержал Демичев: „Конечно, массы не поймут, если Ленинская премия будет присуждена Евтушенко. Среди части писателей имеются нездоровые настроения, о чем свидетельствуют собрания, устраиваемые у памятника Маяковскому. Плохо действуют на читателей, особенно на молодежь, многие материалы, публикуемые в „Юности“ и „Новом мире“. Я думаю, что Твардовского больше не следует избирать в состав ЦК...“

В этом же духе продолжили Брежнев, Кириленко, Сулов.

Руководители не хотели осознать, что наступает не просто экономическая стагнация, а душевный разлад у людей, сомнения в „ценностях“, которым верили всю жизнь. В обществе все шире утверждался дуализм сознания, когда люди публично говорили одно, а думали другое.

Наступил период, когда в общественном сознании возникло состояние, схожее с положением Ленина после 10 марта 1923 года. Ленинизм как будто и жив, но не может выдвинуть из себя ни одной свежей, человеческой идеи. К началу процесса „перестройки“ ленинизм вступил в долгий период агонии.

Тогда, после 1985 года, мы не поняли главного: ленинизм — неподвластен реформам. Он или есть, такой, каким существовал десятилетия, или должен покинуть историческую сцену. Впрочем, делать этого он, к сожалению, пока не собирается.

ПОРАЖЕНИЕ В ПОБЕДЕ

*Ленин не верил в человека... Но он бесконечно верил
в общественную муштровку человека.*

Николай Бердяев

Мной замечено, что человеку на этом свете всегда не хватает одного, последнего темпа: частной удачи, еще одного земного шага, правильного решения, предвидения конкретного события. Ленину не хватило жизни. Хотя бы на три-пять лет активной деятельности. Так долго думали мы все.

Казалось (так считали советские люди, чье сознание было схвачено обручем марксистского мышления), проживи Ленин еще хоть немного, и он обязательно бы вывел пролетарский корабль на верный курс. В итоге мы не пришли бы в гавань Исторического тушика. Ленин в своей ослепительной святости, созданной партийной пропагандой, всегда казался нам человеком, у которого судьба не только обидно рано украла жизнь, но и не дала ему завершить им начатое. Думалось: Ленину действительно не хватило одного, последнего, но решающего темпа.

Но это такое же искреннее заблуждение, как когда мы полагали, что существует классовая истина. Однако есть только классовая ложь. Истина общечеловечна.

Выступая 23 апреля 1924 года на съезде горняков, Л.Б.Каменев заявил: залогом грядущего счастья „является сохранение точности и неукоснительности выполнения революционных пролетарских заветов Ленина...“. Соратник недавно умершего вождя с глубокой убежденностью заявил: „...только идя по дороге ленинизма, мы доживем до того момента, когда, подойдя к Мавзолею Ленина на Красной площади, принесем ему радостную весть о том, что ленинизм, а значит, и пролетарский коммунизм победил во всем мире“¹.

Давно уже стало ясно, что эту весть никто и никогда не принесет к мавзолею. Да едва ли там еще долго задержится и сама мумия вождя, заявившего еще в 1918 году, что победа мирового коммунизма обеспечена.

Еще в середине восьмидесятых годов мы верили (очень многие), что стоит „вернуться к Ленину“, и ускользающая

коммунистическая жар-птица победы вновь окажется в наших руках. Даже реформатор М.С.Горбачев, выступая на Политбюро ЦК КПСС в октябре 1987 года, убежденно заявил, что нужно „перекинуть мост от Ленина, связать ленинские идеи, ленинские подходы к событиям тех лет с делами сегодняшних наших дней. Ведь эта диалектика, с которой решал вопросы Ленин, — это ключ к решению нынешних задач“².

Дело в том, что стараниями партийной пропаганды в нашем сознании Ленин жил как человек, осуществивший исторический прорыв к новой, справедливой жизни, как творец нэпа, как идеолог кооперативного плана, инициатор мирного сосуществования, неустанный борец против бюрократизма... Нам никогда не разрешали думать над реальностью этих мифов. Ибо массовый каток большевистской Системы сплюснул личность, вдавив ее в одноцветный монолит, горделиво именуемый „массы“.

Мы не задумывались над тем, что октябрьский „прорыв“ 1917–го в значительной мере был контрреволюцией по отношению к Февралю. Исторический шанс, появившийся в связи с Февральской революцией, всенародным представительством в форме Учредительного собрания естественным разнообразием и многопартийностью, был ленинцами безжалостно ликвидирован.

Мы не хотели понять, что нэп был не экономической стратегией, а лишь вынужденным тактическим маневром в результате сокрушительного краха подлинно ленинского курса „военного коммунизма“. Ленин не только не является инициатором нэпа, а наоборот, человеком, который долго ему сопротивлялся. Выступая 5 декабря 1919 года на VII Всероссийском съезде Советов, когда уже витал призрак нэпа, Ленин с пафосом заявил, что тот, кто хочет „свободы торговли хлебом“, ошибается. „Против этого мы будем бороться до последней капли крови. Здесь не может быть никаких уступок“³. На пороге нэпа Ленин и не думал о нем!

Мы не понимали, что, несмотря на некоторые общие верные рассуждения о кооперации, линия Ленина, его курс всегда были антикрестьянскими. Хотя и без Ленина, в 1916 году кооперативное движение (в различных формах) в России насчитывало десять миллионов пятисот тысяч членов! Самой ставкой на решающую роль рабочего класса, диктатуру пролетариата Ленин обрекал крестьянство на роль строительного материала того сияющего здания коммунизма, которое вождь уже давно построил в своей голове. Именно его усили-

ями кровавая Вандея классовой борьбы была развернута и в российском крестьянстве. Были обычными ленинские советы типа того, который он давал исполкому в Ливнах: „...организовать бедноту везде, конфисковать весь хлеб и все имущество у восставших кулаков, повесить зачинщиков из кулаков, мобилизовать и вооружить бедноту при надежных вождях из нашего отряда, арестовать заложников из богатей и держать их, пока не будут собраны и ссыпаны в их волости все излишки хлеба“⁴. То был путь к ленинскому кооперативному плану и социалистической индустриализации. Расстреливали для этого, по словам вождя, тысячами⁵.

А ведь еще в 1916 году, когда социалист Хеглунд был посажен на несколько месяцев в тюрьму за пораженческую пропаганду, Ленин в письме к А.Коллонтай по этому поводу восклицает: „Свирепость неслыханная, невероятная!!!“⁶

У Ленина были разные критерии оценки поступков: для других — одни, для себя — другие.

Мы не учитывали, что мирное сосуществование стало вынужденной необходимостью, когда рухнула ставка на немедленный штурм капиталистической цитадели. Как писал в неопубликованных воспоминаниях А.А.Иоффе — крупный дипломат ленинской школы, „мировая революция казалась (и действительно была) столь близкой, что всякое соглашение с буржуазией считалось весьма недолговечным и было поэтому совершенно безразличным. Важно было не то, чего добьешься в переговорах с буржуазией, а только то, чтобы и переговоры, и сам договор действовали максимально революционизирующе на широкие массы... как бы для вящего подчеркивания своего безразличия к содержанию этих договоров и уверенности в их недолговечности. Владимир Ильич, когда я по окончании переговоров приносил ему переплетенный экземпляр договора, хитро прищурившись, похлопывая по крышке переплета, спрашивал: „Ну, а что, много тут гадостей понаписали?“⁷

Иоффе пишет, что лишь замедление темпа революции вызвало переход к политике „мирного наступления“ как вынужденной и временной тактике. Ленин никогда не отказывался и не отказался от будущего революционизирования планеты. „Когда в 1921 году ЦК направил меня на работу в Туркестан, Владимир Ильич в разговоре перед отъездом и потом в своих письмах ко мне в Ташкент постоянно внушал и подчеркивал: „Туркестан — это наша мировая политика. Туркестан — это Индия...“⁸

Десятилетиями в нашем сознании культивировалась мысль, что Ленин был представителем „подлинного“ коммунизма. „Образ Ленина, — писал проницательный английский историк Роберт Сервис, — как олицетворение советского коммунизма с человеческим лицом, был достаточно широко распространен и на Западе“⁹. Мы не хотели обращать внимания даже на давно известные заявления вождя, которые полностью дезавуируют эти представления.

Когда Мартов на VII Всероссийском съезде Советов предложил Демократическую Декларацию, Л.С.Сосновский, редактор „Бедноты“, язвительно бросил из президиума:

— Не прошлогодняя ли у Вас декларация?

На что Мартов с достоинством ответил:

— Декларация эта на „веки веков“...

Сосновскому было, конечно, неизвестно, что, высмеяв Мартова, восстававшего против безбрежного насилия большевиков, редактор „Бедноты“ падет в 1937 году от гильотины террора, который был освящен Лениным. Вождь же отреагировал на донкихотство Мартова предельно определенно:

— Когда мы слышим такие декларации от людей, заявлявших о сочувствии к нам, мы говорим себе: нет, и террор и ЧК — вещь абсолютно необходимая¹⁰.

В этой речи Ленин, полностью защищая курс на революционный террор, воскликнет под аплодисменты:

— Нет, ЧК у нас организована великолепно!¹¹

Нам долго внушали, что история подтвердила ленинскую правоту во многих вопросах. Но это только казалось для одномерного мышления, которым мы обладали.

Во внешнем Хаосе истории, если внимательно в него взглядеться, виден величайший Порядок, созданный неизбежностью, необходимостью, случайностями и закономерностями. Ленин победил в 1917 году политически, чтобы безоговорочно и навсегда проиграть исторически.

Вероятно, Ленин был единственным в истории человеком, который вознамерился осуществить коренные революционные перемены не в масштабе общины, региона, государства, континента, а всей планеты. Его мятежный дух не знал границ, не хотел ограничиваться национальными рамками и абсолютно не был связан соображениями морали и религии. Ленин был готов к самосожжению не только своей собственной души, но и всей человеческой цивилизации. Повторимся, вождь был готов на гибель огромной части русского народа, лишь бы оставшиеся на этом пепелище дожили до мирового

пожара. Можно сказать, что Ленин был не только тотальный большевик, но и планетарный реформатор. К счастью для людей, чрезмерное сбывается крайне редко, и экспериментальным полем истории стала лишь часть планеты, правда, очень большая.

Ленину не хватило главного темпа: не зажглась революция в Германии. Ленин так и не понял, что немецкая революция угасла, так и не разгоревшись, не в результате предательства „рenegата Каутского“ и германской социал-демократии, а потому что рабочие в нее не верили, интеллигенция ее не хотела, а крестьянам она была просто чужда. Я уж не говорю, что для армии и средних классов революция была враждебна. Немецкие миллионы марок помогли Ленину совершить революцию в России, а большевистские деньги (в еще большем количестве) оказались в Германии выброшенными на ветер. Революция в России стала в немалой степени возможной потому, что большевики разложили армию. Карлу Лиבקнехту с немецкими революционерами сделать это не удалось. Германская армия, уже неспособная противостоять Антанте, оказалась достаточно сильной, чтобы быстро подавить инспирированную революцию.

Так что, победив в октябре 1917 года и добившись главного: захватив власть в гигантском государстве, Ленин уже вскоре начал терпеть одно поражение за другим. Во внешней сфере это крах надежд в Германии, Венгрии, Персии, Индии, Китае, Польше, других странах. В силу ряда причин, среди которых большевики всегда выделяли „предательство рабочих вождей“, произошла, как пишет А.А.Иоффе, „задержка мировой революции“¹².

Но и в сфере внутренней поражения Ленина не заставила себя ждать: несостоятельность политики „военного коммунизма“, неистребимость новой бюрократии, глухая оппозиция всего общества большевизму, отсутствие партийного единства, которого так добивался вождь... Поэтому правильно будет сказать, что поражение ленинизма свершилось не через семь десятилетий после октябрьского триумфа, — оно обозначило свои роковые контуры еще при жизни вождя.

Это выразилось, в частности, в замене социалистического строительства строительством государственным. Большевики частью осознанно, а частью стихийно стали использовать крупнейший арсенал, накопленный самодержавием: всевластие чиновничества, жесткая централизация, государственное единоначалие, регламентация общественной жизни, опо-

ра на религию (большевики — на идеологию). Все это означало сохранение имперского стиля правления, к которому прибегли большевики. Ломая государственную машину самодержавия, буржуазии, Ленин быстро воссоздавал ее в зловещем большевистском виде.

Еще никому не удавалось показать кукиш Истории. Не смог этого сделать и Ленин. Разрушая самодержавную, а затем буржуазную диктатуру, лидер большевиков не придумал ничего другого, как заменить ее диктатурой своей партии. Исторические традиции крепко держали российских якобинцев за фалды. Неспособные к позитивной эволюции, они революционным путем заменили одну форму гнета на другую, более жестокую и отвратительную. А все это произошло потому, что *свобода как цель* никогда не была у Ленина в числе главных приоритетов. Побеждая меньшевиков, кадетов, эсеров, Ленин прямым путем шел к историческому поражению.

Я слышал много раз, когда честные люди, выращенные в условиях советской системы, с убежденностью говорили: „Проживи Ленин еще десяток лет, все пошло бы по-другому...“ В интонации часто слышались тоска и утраченная надежда.

Действительно, можно с немалой долей реального допустить, что едва ли Ленин стал бы уничтожать своих соратников по Политбюро, трудно представить, чтобы он провел коллективизацию ценой десяти миллионов крестьян, а устранение инакомыслия (даже потенциального) приняло бы такие размеры, как в конце тридцатых годов. Все это так.

Но даже более „умеренный“ коммунизм Ленина был бы большевистским! Несомненно! Были бы и террор, и коллективизация, и охота за „нечистыми“. Та система, которую создал Ленин, не могла действовать иначе, нюансы возможны лишь в масштабах и размерах. Но совершенно ясно одно: Ленин, как и его соратники, никогда не смог бы отказаться от диктатуры. Ибо верно отмечает Бердяев: „Ленин — антигуманист, как и антидемократ“¹³. Добавим — абсолютный.

Приверженность к диктатуре (неважно какой: пролетарской, партийной, идеологической, личностной) устраняет вначале политические, а затем и моральные ограничители. Это с неизбежностью ведет к трагедии свободы, которую Ленин никогда по-настоящему не ценил.

Естественно, генетические основы системы, заложенные Лениным, не дают оснований для прямых обвинений лидера

российских большевиков во множестве преступлений, ошибок и просчетов, которые совершили его последователи.

Ленин, например, не несет ответственности за чудовищный расстрел тысяч поляков в 1940 году по решению Политбюро. Мне говорил один большевистский старец, что Сталин не мог простить постыдного для Советской России Рижского мира с Польшей и, мол, это злодейское решение несет печать мести за позор поражения в 1920 году. А затем, уничтожив несчастных в Катыни, попытались все свалить на фашистов.

Но разве Ленин не давал в августе 1920 года поручения Склянскому, Дзержинскому „вешать кулаков, попов и помещиков“, имея в виду „свалить эти преступления на находившиеся в Польше части Булак-Балаховича“¹⁴. Разве эта методология насилия и лжи была забыта?

Ленин не несет, разумеется, ответственности за „подготовку и организацию террористического акта против Тито с использованием агента-незаконника Макса. Задание в Москве было сформулировано весьма ясно: „Поручите Макс (советский агент Григулевич имел статус дипломата третьей страны) добиться личной аудиенции у Тито, во время которой он должен будет из замаскированного в одежде бесшумно действующего механизма выпустить дозу бактерий легочной чумы, что гарантирует заражение и смерть Тито и присутствующих в помещении лиц. Сам Макс не будет знать о существовании применяемого препарата. В целях сохранения жизни Макс ему будет предварительно привита противочумная сыворотка“¹⁵.

Конечно, Ленин и здесь ни при чем, когда мы читаем о подобных бериевских методах. Но еще в 1920 году Ленин поучал своих руководителей в связи с конкретными событиями: „Тайно подготовить террор: необходимо и срочно“¹⁶. Долго размышляя над истоками и сущностью ленинской жестокости, закамуфлированной под внешнее добродушие, я пришел к выводу о ее особом типе. Это не криминальная, политическая или национальная черта, а жестокость всего ленинского мировоззрения, жестокость его философии. Ленин настолько подчиняет себя цели, что все остальное, даже социально значимое, теряет свою ценность. Этому способствует и верховенство его воли над собственным интеллектом.

Конечно, Ленин не может нести ответственность за подготовку интервенции в Польшу в 1980 году. В документе, подписанном М.А.Сусловым, А.А.Громыко, Ю.В.Андроповым,

Д.Ф.Устиновым и К.У.Черненко, перед ЦК КПСС ставится вопрос о приведении ряда соединений нескольких округов в полную боевую готовность, а также о разрешении дополнительно „призвать из народного хозяйства до 100 тысяч военнослужащих и 15 тысяч автомобилей...“¹⁷.

Впрочем, здесь стоит вспомнить об одном теперь уже известном факте, который рельефно характеризует ленинское мышление советских руководителей.

В мае 1960 года посол в ПНР Пономаренко сообщил в Москву, что после XX съезда КПСС в рядах Польской рабочей партии идет „бурление“. Хрущев, Микоян, Булганин, Молотов и Каганович решили лететь в Варшаву накануне пленума ЦК ПОРП. Охаб, Гомулка и другие польские руководители запротестовали. Тогда Хрущев с соратниками прилетели без приглашения.

Во дворце Бельведера, как явствует из стенографической записи, которую вел Микоян, после пленума состоялся бурный разговор. Гомулка и другие польские руководители хотели лишь одного — невмешательства во внутренние дела ПОРП, определения статуса советских войск в Польше, сокращения советских советников, отзыва маршала Рокоссовского с поста министра обороны в Варшаве.

Хрущев, Булганин, Молотов вели себя воинственно, кричали: „Вы хотите повернуться к Западу лицом, а к нам спиной...“, „Вы забыли, что в Германии находится наша огромная армия...“. Страсти накалялись.

„Во время этой беседы кто-то из польских товарищей передал Гомулке записку. Тот, обращаясь к Хрущеву, говорит: „Мне сообщили, что ваши части, находящиеся в западном районе Польши, движутся сейчас с танками на Варшаву“. Гомулка попросил вернуть их в места своей дислокации. Мы переглянулись, и Хрущев дал указание Коневу (Главкомандующий войсками Варшавского Договора. — Д.В.) остановить движение танков и вернуть их в места своего расположения“¹⁸.

Таковы были аргументы советских лидеров в переговорах даже со своими союзниками. „Танковое“ мышление...

Давно ушедший Ленин здесь ни при чем. Но по указанию вождя в свое время вводились войска в Грузию, рассматривались варианты и готовились конкретные акции по инициированию и поддержке революционных выступлений в Китае, Индии, Венгрии, Германии, Персии, других странах. Порой предлагал вождь акции и помельче: „Наказать Латвию и Эст-

ляндию военным образом“. Как? Путем обычных бандитских „экспедиций“ через границу¹⁹.

Разве Ленин ответствен за то, что высокое партийное руководство в республиках, краях и областях советского государства часто проворовывалось, коррумпировалось, разлагалось? Нет, конечно. Все это знали, но говорили шепотом. Этих людей просто передвигали на другие должности. Обычно не менее весомые, чем те, от которых они отрешались.

Но и у Ленина были замашки прикриты, спасти, защитить партийного руководителя. „Секретно. Тов. Орджоникидзе. Т. Серго, получил сообщение, что Вы плюс командарм 14 пьянствовали и гуляли с бабами неделю. Формальная бумага... Скандал и позор. А я то Вас направо-налево всем нахваливал... Ответьте тотчас. Лучше дадим Вам отдых. Но подтянуться надо. Нельзя. Пример подаете дурной.

Привет. Ваш Ленин“²⁰.

Кончилась долгая война в Афганистане, куда советское руководство бездумно вмешалось. Ведь оно до самого 1991 года не освободилось от коминтерновского мышления. Министр обороны СССР Д.Т.Язов докладывает в Политбюро „итоги“ десятилетнего „интернационального похода“ в соседнюю страну. С декабря 1979-го по февраль 1989-го по горным дорогам Афганистана прошло 546 255 советских военных служащих. Сложили свои головы, выполняя „интернациональный долг“, 13 826 человек, из них 1977 офицеров. Авантюра стоила десятков миллиардов рублей²¹.

При чем здесь Ленин? Но ведь он, пообещав мир народу в 1917 году, остался верен своему лозунгу превращения войны „империалистической в гражданскую“, которая стоила России миллионов жизней. В мироощущении советских руководителей с тех ленинских времен жизнь человеческая не более чем статистическая единица. Сталин часто добавлял лично фразу к своим приказам в годы минувшей войны: „Добиться выполнения задачи, не считаясь с жертвами...“

Подобные сравнения и аналогии можно продолжать до бесконечности. Мертвый Ленин, повторю еще раз, не может нести прямой ответственности за деяния его последователей. Многого можно было бы не допустить, много избежать. Это очевидно всем. Да и могут разве люди судить прошлое? Суд людей призрачен, суд Истории вечен. Она все и всех расставляет по своим местам.

Никому еще не удавалось создать рай на Земле. Но подопле ада уже знакомо людям.

Ленинский максимализм и радикализм, помноженные на его волю и одержимость, безусловно сыграли решающую роль в формировании диктаторской системы, которая долгие годы жила по имманентно присутствующим ей ленинским законам. Даже после оттепели, последовавшей в 1956 году после XX съезда партии, система внутренне мало в чем изменилась. Внешне проявилась лишь одна особенность: политическая диктатура одной партии стала избегать физического насилия. Но насилие духовное сохранилось.

Ленинская система, исторически обреченная на поражение, тем не менее оказалась исключительно живучей. И это объясняется не только социальной инерцией, монополией на власть и мысль одной политической силы, но и некими весьма привлекательными постулатами, которыми обладал ленинский „социализм“.

На всех производило большое впечатление наличие широких атрибутов элементарной социальной обеспеченности граждан: бесплатное образование, медицина, символическая плата за организованный отдых детей, граждан, за жилье. Отсутствие безработицы, обеспечение гарантированного минимума жизнеобеспечения людей и другое. И многое из этого заслуживает уважения. Лучшее из достигнутого важно сохранить. Это было бы разумно и естественно.

Разумеется, все это достигалось за счет сверхэксплуатации трудящихся и государственного перераспределения имеющихся национальных ресурсов. Идея социальной справедливости, казалось, нашла свое материальное воплощение. Но при внимательном рассмотрении всего социального блока жизни советских людей сразу же бросаются в глаза куцые права и свободы, которыми они обладали, фактическое довольствование уровнем гарантированной бедности и тотальной зависимости от идеологических постулатов единственной господствующей партии. И все же... идеальных обществ не было в истории и, видимо, никогда не будет. При всей уродливости и тотальности ленинской системы она могла держаться столько лет не только в результате насилия или угрозы его применения.

Некоторые социальные завоевания, часто элементарного уровня, заслуживают, безусловно, того, чтобы они были сохранены. Страна, идя по „ленинскому пути“, не могла игнорировать не только научно-технический прогресс, но и политические, социальные реалии западных демократий.

Тем не менее все, что пережили советские люди за семь

десятилетий, не было социализмом. Подпольщики и политическая эмиграция, возглавившие после октября 1917 года советское государство, не имели шансов сохранить свой контроль над огромной страной без диктатуры. Парламентаризм ими отвергался с самого начала, и отвергался бесповоротно. Ленин не колеблясь пошел на крайнее ужесточение диктатуры — единственного способа выживания его режима.

Отныне важнейшим качеством большевика стали ненависть к классовым врагам, непримиримость к империализму, враждебное отношение ко всему несоциалистическому, немарксистскому, неленинскому. Личные качества вождя сыграли здесь далеко не последнюю роль.

У Ленина не было аристократии ума. Аристократический интеллект не допускает оскорбительного унижения своих оппонентов, к чему всегда прибегал лидер российского большевизма. Весьма характерны в этом отношении письма Ленина к Горькому. Казалось бы, интеллигент пишет интеллигенту. Но необузданная, непримиримая враждебность Ленина к своим оппонентам выплескивается из каждого письма. Читая эти послания, невольно вспоминаешь суждение Бердяева о стиле большевистского вождя: „Ленин был почти гением грубости...“²² Впрочем, вот лишь несколько небольших фрагментов.

„Теперь „голосовцы“ (меньшевики. — Д.В.) отпадают. Сей нарыв надо удалить. Без склоки, скандалов, мести, грязи, накиши сего не сделаешь. Мы сейчас сидим в самой гуще этой склоки... Эмигрантщина и склока неразрывны...“

„Пятницкого надо засудить и без никаких. Ежели Вам будут за сие упреки — наплюйте в харю упрекающим“²³.

Ленинский словарь ругательств и общения неповторим и неистощим: „дайте мне полаяться“, „пустозвон Троцкий“, „шельмец Троцкий“, „ренегат Каутский“, „пиявка Пятницкий“, „Чужак — дура петая, махровая, с претензиями“, „болтун Суханов“, „надо русского дикаря учить с азав“, „ученые шалопаи, бездельники и прочая сволочь“, „профессорский вой“, „банда сволочей“, „идейное труположество“... Впрочем, хватит. Все стотомье (почти) ленинских сочинений (включая его „Сборники“) усыпано перлами, которые едва ли еще встретишь. Вера Засулич, сравнивая Ленина и Плеханова как полемистов, отмечала: „Жорж (Плеханов. — Д.В.) — борзая, — потреплет, потреплет и бросит, а вы — бульдог, у вас — мертвая хватка“²⁴. Как писал Виктор Чернов: „Обманывать врага сознательно, клеветать на него, очернять имя —

все это Ленин рассматривал как нормальные вещи. Он провозглашал их с жестокой циничностью. Совесть Ленина заключалась в том, что он ставил себя вне рамок человеческой совести по отношению к своим врагам²⁵. Но в данном случае я хотел бы не просто повторить слова Бердяева: „...в духовной культуре Ленин был очень отсталый и элементарный человек...“²⁶, а, прежде всего, отметить огромное влияние вождя в целом на нравственный характер отношения большевиков к своим оппонентам.

Одно бесспорно: Ленин умел ненавидеть сильнее, чем любить. Благодаря ему возник особый стиль партийной публицистики и полемики — беспощадной, уничтожающей, унижающей, оскорбляющей, циничной. Мы всегда учились у Ленина. В том числе и глубокой непримиримости ко всему несоциалистическому, несоветскому, немарксистскому. Мы до сих пор несем в себе эту духовную воинственность. Когда появился в августе 1991 года шанс создать подлинно новое, демократическое общество — мы не можем договориться между собой. Многие готовы к борьбе „до победного конца“. Мы привыкли по-ленински мыслить категориями побед и поражений, битв и врагов, диверсий и недоверия. А ведь сколько написано благоговейных, слащавых книг: „О языке Ленина“, „О полемическом искусстве Ленина“ и других подобных им, где грубость, хлесткость и элементарное неуважение к оппоненту возводились в ранг морального, политического и эстетического совершенства. Прославляя „гения грубости“, мы воспитывали в себе рабскую психологию, дурной вкус, догматические навыки.

Ленин — певец диктатуры. Для него мир был лишь состоянием подготовки к новому революционному натиску. Его „миротворчество“ (наподобие брестской эпопеи) было вынужденным. Если бы человечество не оказало сопротивления революционному экстремизму после октября 1917 года, то планета могла стать „советской федерацией“, о чем не раз заявляли сами большевики.

Только классовый слепотой или полной дезинформированностью можно расценивать факт выдвижения в ноябре 1917 года Ленина на присуждение ему Нобелевской премии мира. Выдвинула его норвежская социал-демократическая партия: „До настоящего времени для торжества идеи мира больше всего сделал Ленин, который не только всеми силами пропагандирует мир, но и принимает конкретные меры к его достижению“²⁷.

Комитет по Нобелевским премиям отклонил предложение в связи с тем, что оно „опоздало“ (принимались предложения к рассмотрению, поступившие до 1 февраля 1917 года). А может быть, в Комитете просто знали, что Ленин буквально накануне этого срока (в сотый раз) 31 января 1917 года заявил, что мы подтверждаем свой лозунг, выдвинутый осенью 1914 года: „Превращение империалистической войны в гражданскую за социализм“²⁸ Еще никто не мог знать тогда, что Ленину с его партией этот чудовищный лозунг удастся реализовать...

Ленин все еще в нас и едва ли скоро покинет наши души. Поражение ленинизма было ускорено изменением международного климата. Тоталитарная система всегда милитаризована. Это скрепы общества. Как только политика Горбачева на международной сцене стала приносить плоды в виде роста доверия между традиционными противниками (история еще не оценила его вклада в этом вопросе), эрозия ленинизма ускорилась. Ленин и его система могли существовать, лишь глядя на оппонентов через перекрестье прицела, лишь создавая все новые и новые редуты войны, лишь лихорадочно соревнуясь за военное превосходство. Коммунизму для его „процветания“ нужна военная угроза, нужно напряжение, нужны внутренние и внешние враги. Эту особенность пронизательно заметил еще в конце двадцатых годов А.Н.Потресов: „Коммунизм — это падающая волна той мертвой зыби, которая порождена мировой войной. Мертвая зыбь стихает, и с ней вместе умирает коммунизм, несмотря на все искусственные возбуждения...“²⁹

Поражение ленинизма было запрограммировано историей. У него, Ленина, был некоторый шанс только в одном случае: сохранив политический плюрализм после октября 1917 года и дав простор социал-демократическим устремлениям и традициям. Но это был бы уже не ленинизм...

Ленин умер на пятьдесят четвертом году жизни... стариком. Впрочем, он всегда оправдывал партийную кличку Старик, начиная с двадцатипятилетнего возраста, своей расчетливостью, умом и основательностью. История украла у вождя не только последний темп, но отобрала его и у ленинской партии. Эксперимент, спланированный в эпохальном и планетарном масштабе, закончился исторической неудачей. Еще раз подтверждена печальная истина: удел России — страдать, надеяться и снова страдать...

Все, что сказано в этой книге, будучи опубликованным, на какое-то время увеличит число моих недругов. А их и сейчас немало... Сколько в последние годы я получал писем с приговорами, угрозами, слушал злобные анонимные звонки и грязные слова в спину... Колоссальная апологетичность одностороннего взгляда на Ленина столь велика, что на многих совершенно не действуют даже самые достоверные документальные аргументы. Ленинская судьба стала роком миллионов людей. От ленинизма людей окончательно вылечит лишь время.

Возможно, что на Ленина как историческую личность мы спокойно сможем взглянуть лишь где-то в глубине XXI века. А пока Ленин еще „жив“ в России и рождает у разных людей либо поклонение, либо ненависть. А теперь — и равнодушие.

Луис Фишер (русское издание) и Роберт Кларк, написавшие честные книги о лидере большевиков, умерли еще до выхода книг в свет. Ленин как будто излучает поражающую радиацию в отношении тех, кто вознамерится правдиво сказать о нем.

Впрочем, порой Ленин буквально излучает... Как сообщила российская печать, ленинский памятник из гранита, поставленный вождем в Бишкеке, оказался радиоактивным. Он создает гамма-поле интенсивностью 80 микрорентген в час. Находиться рядом с памятником опасно. Факт весьма символический...³⁰ Я не мистик. И я не знаю, удастся ли мне увидеть эту книгу напечатанной. Но все же, думаю, я успел сказать: „Эпоха Ленина навсегда минула. Но мы еще долго будем испытывать ее влияние“.

Легенда гласит, что Александр Македонский, подойдя к могиле царя Кира, прочел: „Не лишай же меня той горстки земли, которая покрывает мое тело...“

Наследники Ленина, превратив вожда в земного бога, „лишили“ его этой „горстки“. С тех пор космический реквием вечности звучит не только над мумией, но и над его „делом“.

БИБЛИОГРАФИЯ

Глава 1. ОКРУЖЕНИЕ ЛЕНИНА

1. АМБРФ, арх. № Н-13614, т. 1, л. 100.
2. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 343–346.
3. Там же. С. 345.
4. АМБРФ, арх. № Р-33835, дело 3257, л. 237–271.
5. См.: Троцкий Л. Дневники и письма. Нью-Йорк, 1986. С. 31.
6. Зиновьев Г. Ленинизм. Л., 1925. С. 150.
7. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.
8. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 390.
9. РЦХИДНИ, ф. 325, оп. 1, д. 6, л. 1.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 270.
11. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 204.
12. Там же. С. 253.
13. Там же. С. 268–269.
14. Троцкий Л.Д. Соч. Т. XII. С. 59.
15. Троцкий Л. Дневники и письма. Нью-Йорк, 1986. С. 84–85.
16. РЦХИДНИ, ф. 325, оп. 2, д. 11, л. 21.
17. Посев. 1992. № 1. С. 100.
18. РЦХИДНИ, ф. 325, оп. 1, д. 347, л. 5.
19. См.: Там же. Л. 6.
20. РЦХИДНИ, ф. 325, оп. 1, д. 365, л. 59.
21. РЦХИДНИ, ф. 325, оп. 1, д. 282, л. 2–3.
22. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 187–188; Т. 48. С. 11; Т. 49. С. 387.
23. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 345.
24. Троцкий Л.Д. Сталинская школа фальсификаций. Берлин, 1932. С. 119.
25. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. II. С. 204, 205.
26. Троцкий Л.Д. Немецкая революция и сталинская бюрократия. Берлин, 1932. С. 99–100.
27. РЦХИДНИ, ф. 325, оп. 1, д. 365, л. 79.
28. Троцкий Л.Д. О Ленине. Материалы для биографа. М., 1924. С. 152, 154.
29. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 249.
30. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 43. С. 52.
31. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.
32. РЦХИДНИ, ф. 325, оп. 1, д. 365, л. 8.
33. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 17615, л. 1.
34. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 18517, л. 1.
35. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 23226, л. 1.

36. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 25996, л. 1.
37. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 1239, л. 1.
38. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 2, д. 41, л. 5.
39. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 1, д. 23, л. 18.
40. АМБРФ, ф. 1, оп. 4, д. 133, л. 10.
41. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 2, д. 86, л. 4.
42. Там же. Л. 27.
43. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 2, д. 32, л. 266.
44. АПРФ, ф. 64, оп. 1, д. 44, л. 21.
45. Троцкий Л. Дневники и письма. С. 167–168.
46. Там же. С. 160.
47. Там же. С. 102–103.
48. АМБРФ, ф. 1, оп. 4, д. 133.
49. Ленинский сборник. Т. XXXV. С. 55–56.
50. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 297, л. 64.
51. Там же. Л. 71.
52. Там же. Л. 114.
53. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 298, л. 71–72.
54. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 297, л. 166.
55. Протокол Политбюро от 5 марта 1940 г. № П 13/144.
56. АПРФ, ф. 45, оп. 1, д. 693, л. 100–101.
57. АПРФ, ф. 45, оп. 1, д. 694, л. 2.
58. Ленинский сборник. Т. XL. С. 100.
59. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 162.
60. Ленинский сборник. Т. XXXV. С. 175–176.
61. АПРФ, ф. 45, оп. 1, д. 694, л. 31.
62. Ленинский сборник. т. XXXVIII. С. 417.
63. АПРФ, ф. 45, оп. 1, д. 694, л. 112.
64. Там же. Л. 109.
65. Там же. Л. 101, 107–108.
66. Сталин И.В. Соч. Т. 4. С. 314.
67. Там же.
68. АПРФ, ф. 45, оп. 1, д. 694, л. 3–4.
69. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 101, 161.
70. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 369.
71. АПРФ, ф. 45, оп. 1, д. 694, л. 36.
72. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 100.
73. АПРФ, ф. 45, оп. 1, д. 694, л. 119.
74. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 1338, л. 1.
75. Ленинский сборник. Т. XVIII. С. 193.
76. АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 163, л. 179.
77. Там же. Л. 222–225.

78. АПРФ, ф. 45, оп. 1, д. 420, л. 8, 9 об., 22 об., 24, 25 об., 64.
79. Ленинский сборник. Т. XVIII. С. 146, 163, 166, 169, 180–181, 189, 202.
80. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 32–33.
81. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 456.
82. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 24278, л. 1.
83. АПРФ, ф. 45, оп. 1, д. 67–117.
84. РЦХИДНИ, ф. 324, оп. 1, д. 254, л. 3.
85. Сталин И.В. Соч. Т. 5. С. 134–136.
86. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 346.
87. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 674–675.
88. См.: АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 297, л. 64, 65.
89. Там же. Л. 68.
90. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 299, л. 87.
91. АМБРФ, арх. № Р–33833, т. 41, л. 49–68.
92. Там же. Л. 257.
93. ЦГАРФ, ф. 3316, оп. 2, д. 1842, л. 17.
94. АМБРФ, арх. № Р–33833, л. 256.
95. Там же. Л. 256–257.
96. АМБРФ, арх. № Р–33833, т. 41, л. 91.
97. Там же. Л. 112.
98. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 420.
99. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.
100. Посев. 1991. № 5. С. 92–99.
101. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 280.
102. РЦХИДНИ, ф. 324, оп. 1, д. 452.
103. XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.–Л., 1926. С. 274–275.
104. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 47. С. 188–189.
105. Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М., 1972. С. 166.
106. Дейч Г.М. Ленинские эскизы к портретам друзей и противников. Л., 1990. С. 125.
107. Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты. М., 1991. С. 295.
108. Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 171.
109. Там же. С. 172, 175.
110. АМБРФ, ф. 1, оп. 4, д. 133, л. 7.
111. Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 173, 172, 178.
112. Там же. С. 173.
113. РЦХИДНИ, ф. 324, оп. 1, д. 42, л. 5.
114. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 407, 478, 479, 486, 492 и др.

115. Луначарский А., Радек К., Троцкий Л. Силуэты. С. 300.
116. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 175.
117. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 10.
118. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 11. С. 692–693.
119. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 166.
120. См.: АПРФ, ф. 60, оп. 1, д. 43–46.
121. РЦХИДНИ, ф. 323, оп. 1, д. 37, 45, 47 и др.
122. РЦХИДНИ, ф. 324, оп. 1, д. 9, л. 22.
123. РЦХИДНИ, ф. 324, оп. 1, д. 12, л. 17.
124. РЦХИДНИ, ф. 324, оп. 1, д. 490, л. 2.
125. РЦХИДНИ, ф. 324, оп. 1, д. 489, л. 12.
126. Там же. Л. 12.
127. АМБРФ, арх. № Р-33834, т. 1, л. 107.
128. АМБРФ, арх. № Р-33833, т. 59, л. 38.
129. АМБРФ, арх. № Р-33834, т. 1, л. 120–121, 122.
130. АМБРФ, арх. № Р-33833, т. 15, л. 2.
131. 7 дней. 1935. 19 января.
132. АМБРФ, арх. № Р-33833, т. 12, л. 40–41.
133. АМБРФ, арх. № Р-33833, т. 59, л. 128.
134. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.
135. Бухарин Н.И. О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем. Л., 1924.
136. См.: Там же. С. 28, 32, 39, 43, 49, 52 и др.
137. АМБРФ, арх. № Н-13614, т. 5, л. 15.
138. Там же. Л. 18.
139. АМБРФ, арх. № Н-13614, т. 15, л. 19.
140. АМБРФ, арх. № Н-13614, т. 5. л. 20–21.
141. VII съезд Российской Коммунистической партии. Стенографический отчет 6–8 марта 1918 г. М.–Пг., 1923. С. 31, 32.
142. Там же. С. 42.
143. АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 301, л. 144.
144. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 24789, л. 4–4 об.
145. Бухарин Н.И. Избр. произведения. М., 1988. С. 1–17.
146. Там же. С. 428–429.
147. Там же. С. 400.
148. Лев Троцкий. Портреты революционеров. М., 1988. С. 141.
149. Там же. С. 142–143.
150. АПРФ, ф. 45, оп. 1, д. 710, л. 48.
151. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 891, л. 25–27.
152. АПРФ, ф. 45, оп. 1, д. 710, л. 78–78 об.

153. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 291.
154. АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 262, л. 29.
155. Там же. Л. 30.
156. РЦХИДНИ, ф. 4, оп. 1, д. 142, л. 476.
157. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 307, л. 175.
158. АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 291, л. 18–19.
159. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 51. С. 47.
160. АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 301, л. 135–156.
161. АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 427, л. 1–5.
162. ЦГАОР, ф. 7523, оп. 66, д. 58, л. 1–4.
163. АМБРФ, арх. № Н-13613, д. 53, л. 97.
164. РЦХИДНИ, ф. 76, оп. 3, д. 345, л. 2–2 об.
165. Там же. Л. 1–2.
166. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 128, л. 1.
167. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 155, л. 2–3.
168. Валентинов Н.В. Наследники Ленина. Вермонт, 1990. С. 82–158.
169. XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчет. М.–Л., 1926. С. 84–85.
170. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 194.
171. Ежов Н.И. Речь на собрании избирателей Горьковско-Ленинского округа в Горьком. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 4.
172. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 8, л. 1.
173. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 23, л. 2.
174. Там же. Л. 7.
175. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 9, л. 15–16.
176. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 8, л. 78.
177. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 23, л. 28.
178. Там же. Л. 37–38.
179. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 8, л. 7.
180. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 9, л. 51–53.
181. Там же. Л. 72–73.
182. Там же. Л. 74–78.
183. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 9, л. 1–2.
184. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 164, л. 2.
185. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 259, л. 1.
186. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 279, л. 1–3.
187. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 88–89.
188. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 152, л. 1–3.
189. РЦХИДНИ, ф. 80, оп. 19, д. 1, л. 6–14.
190. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 89.
191. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 136, л. 1–2.

192. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 345, л. 5–6.
193. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 53.
194. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 100, л. 1–5.
195. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 120, л. 3.
196. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 305, л. 6.
197. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 361, л. 15.
198. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 69, л. 2.
199. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 201, л. 4.
200. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 132, л. 2.
201. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 322, л. 1.
202. Протокол Политбюро от 8 февраля 1947 г. № П56/137.
203. Протокол Политбюро от 3 декабря 1934 г. № П17/89.
204. Ленинский сборник. Т. XVIII. С. 189.
205. Протокол Политбюро от 5 июля 1937 г. № П51/144.
206. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 2, д. 41, л. 63.
207. Ленинский сборник. Т. XVIII. С. 146.
208. АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 463, л. 33, 72.
209. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 18, д. 305, л. 20.
210. Протокол Политбюро от 5 марта 1940 г. № П13/144.
211. АПРФ, ф. 2, оп. 1, д. 259, л. 7.
212. Там же. Л. 9.
213. Там же. Л. 13.
214. Там же. Л. 14.
215. Там же. Л. 24.
216. Особая папка. Записка КГБ от 25.III.70, № 745–А/ов.
217. Протокол Политбюро от 27 марта 1970 г. № ПБ–158.
218. Особая папка. Документы Н.С.Хрущева, 1970.
219. Там же.
220. ЦХСД, ф. 5, оп. 61, л. 1–9.
221. Протокол Политбюро от 17 июня 1971 г.
222. Протокол Политбюро от 7 января 1974 г.
223. Протокол Политбюро от 2 сентября 1983 г.
224. Протокол Политбюро от 28 июля 1966 г. № П 12/XVII.
225. Протокол Политбюро от 24 марта 1983 г. № П 103/XII.
226. Протокол Политбюро от 2 октября 1986 г. № П30/64–ОП.
227. Там же.

Глава 2. ОДНОМЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

1. Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 189–190.
2. Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 134.
3. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 155, л. 2–3.

4. Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 159.
5. АПРФ. Протокол Политбюро от 15 октября 1987 г. С. 156.
6. РЦХИДНИ, ф. 44, оп. 1, д. 5, л. 15.
7. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 176, т. II, л. 360.
8. ЦГАОР, ф. 9401, оп. 2, д. 64, т. I, л. 263.
9. XII съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1923. С. 2–3.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 26–27.
11. Ленин и XX век. М., 1991. С. 111.
12. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 134.
13. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 109.
14. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 100.
15. Karl Kautsky. Social Democracy Versus Communism. N.Y., 1946.
16. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 86, л. 1–4.
17. Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 201.
18. См.: Протокол Политбюро № 137 от 10 мая 1933 г. Л. 31–32.
19. См.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 928, л. 48–49.
20. РЦХИДНИ, ф. 85, оп. 29, д. 357, л. 1.
21. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 999, л. 92–93.
22. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 102.
23. Сталин И.В. О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. С. 29.
24. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 374.
25. Струве П.Б. Размышления о русской революции. М., 1991. С. 42, 43.
26. Красноармейский политучебник. Ч. I. Военное изд-во Наркомата обороны, 1937. С. 293.
27. Стаханов А. Рассказ о моей жизни. ОГИЗ, 1937. С. 63.
28. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 289.
29. АПРФ. Особая папка, № 989. Л. 1–5.
30. АПРФ. Особая папка, № 1246. Л. 2.
31. АПРФ. Особая папка, № 397. Л. 1–3.
32. Там же.
33. АПРФ. Особая папка, № 583. Л. 1.
34. АПРФ. Особая папка, № 21. Л. 1–2.
35. АПРФ. Особая папка, № 6403. Л. 1.
36. ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 68, т. V, л. 383.
37. ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 68, л. 334–341.
38. АПРФ. Особая папка, № 433. Л. 1–2.
39. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 24.
40. См.: Там же. С. 27.

41. Там же. С. 264.
42. Там же.
43. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 369–373.
44. Ленинский сборник. Т. XVIII. С. 82.
45. Там же. С. 85.
46. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 265.
47. Чернов В. Рождение революционной России. Прага, 1934. С. 404.
48. Ленинский сборник. Т. XVIII. С. 141.
49. Там же. С. 87.
50. ЦГАСА, ф. 33388, оп. 2, д. 383, л. 14.
51. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 200–204.
52. ЦГАСА, ф. 33388, оп. 2, д. 383, л. 171.
53. Новый журнал. 1967. № 89. С. 211–212.
54. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 21244, л. 1.
55. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 325, л. 1–2.
56. Бердяев Н. Новое Средневековье. Берлин: Обелиск, 1924. С. 89.
57. АПРФ. Протокол Политбюро № 68 от 15 октября 1921 г.
58. РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 82, д. 1, л. 10–10 об.
59. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 21444, л. 56.
60. Там же. Л. 1–4.
61. Что дали большевики народу. М., 1921. С. 14–15.
62. Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 189.
63. Там же. С. 191.
64. Там же. С. 219, 231.
65. Там же. С. 233.
66. АПРФ, ф. 3, оп. 30, д. 196, л. 106.
67. АПРФ, ф. 3, оп. 30, д. 196, л. 109–111.
68. АПРФ, ф. 3, оп. 30, д. 196, л. 116–118.
69. Там же. Л. 97, 104, 105.
70. Там же. Л. 103.
71. АПРФ. Протокол Политбюро от 15 октября 1987 г.
72. Сталин И.В. Соч. Т. 11. С. 159.
73. История ВКП(б). Краткий курс. С. 291.
74. Ленинский сборник. Т. XVIII. С. 93–94.
75. Сталин И.В. Соч. Т. 12. С. 168.
76. АПРФ. Протокол Политбюро № 116 от 31 января 1930 г.
77. Там же.
78. W.S. Churchill. The Second World War. Vol. IV. London. P. 447–448.
79. АПРФ. Протокол Политбюро № 123 от 10 апреля 1930 г.

80. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 26, д. 55, л. 71–72.
81. АПРФ. Протокол Политбюро № 143 от 2 августа 1933 г.
82. Справочник советского работника. Под редакцией А.Я.Вышинского. М., 1939. С. 89.
83. Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 243.
84. Там же. С. 245.
85. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 42, д. 82, л. 82–83.
86. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 376.
87. АПРФ. Особая папка, № 743, л. 1–2.
88. Ленинский сборник. Т. XXI. С. 213.
89. Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М., 1989. С. 468.
90. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 253, л. 2.
91. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 110.
92. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. С. 402.
93. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 113, л. 1.
94. ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 3, л. 27.
95. Цит. по: Новый журнал. № 30. С. 198.
96. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 296, л. 6.
97. АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 175, л. 35–36.
98. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 1245, л. 2.
99. Там же. Л. 3.
100. АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 175, л. 37–56.
101. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 1343.
102. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 378.
103. См.: Новый журнал. № 38. С. 224–245.
104. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 11164, л. 7–8.
105. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 1338, л. 1–2.
106. Макиавелли Н. Избранные соч. М., 1982. С. 353.
107. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 1344, л. 1.
108. АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 175, л. 72.
109. Ленинский сборник. Т. VII. С. 171.
110. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 17. С. 209.
111. Там же. С. 213.
112. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 11164, л. 48.
113. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 329, л. 2.
114. Струве Г. Русская литература в изгнании. Париж, 1984. С. 7.
115. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 160, л. 4.
116. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 161, л. 2.
117. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 370, л. 13.
118. АМБРФ, арх. № 32490, т. 1.
119. АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 175, л. 5–5 об.

120. АПРФ, ф. 3, оп. 58, д. 175, л. 6.
121. Там же. Л. 6–16.
122. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 201, л. 4.
123. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 132, л. 1.
124. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 232, л. 7.
125. См.: Ленинский сборник. Т. XVI. С. 24–36.
126. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 329, л. 2.
127. Новый град. Париж, 1931. № 1. С. 1–7.
128. АПРФ, ф. 3, оп. 34, д. 188, л. 35–37.
129. АПРФ. Заседание Секретариата ЦК КПСС от 26.04.83 г. Л. 1–7.
130. АПРФ, ф. 3, оп. 34, д. 188, л. 80.
131. Цит. по: Новый журнал. 1944. № 7. С. 309.
132. Цит. по: Новый журнал. 1946. № 36. С. 182.
133. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 142.
134. Новый журнал. 1946. № 36. С. 198.
135. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 143–145.
136. Там же. С. 145.
137. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 261, л. 13–14.
138. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 20449, л. 1.
139. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 195, л. 1.
140. АПРФ, ф. 3, оп. 60, д. 23, л. 7–8.
141. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 244.
142. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 666–667.
143. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 22947.
144. АПРФ, ф. 3, оп. 60, д. 10, л. 87.
145. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 22947.
146. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 283, л. 6–7.
147. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 1166, л. 5.
148. АПРФ, ф. 3, оп. 6, д. 22, л. 32.
149. АПРФ, ф. 3, оп. 60, д. 22, л. 35–37.
150. Там же. Л. 53.
151. АПРФ, ф. 3, оп. 60, д. 23, л. 76–77.
152. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 153, л. 5.
153. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 184, л. 4.
154. АПРФ, ф. 3, оп. 60, д. 23, л. 57–58.
155. Там же. Л. 80–81.
156. АПРФ, ф. 3, оп. 60, д. 25, л. 5.
157. Там же. Л. 49.
158. АПРФ, ф. 3, оп. 60, д. 12, л. 37.
159. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 360, л. 9.

160. АПРФ, ф. 3, оп. 60, д. 12, л. 83–84.
161. АПРФ, ф. 3, оп. 60, д. 25, л. 58.
162. АПРФ, ф.3, оп. 60, д. 25, л. 59–60.
163. РЦХИДНИ, ф. 89, оп. 4, д. 115, л. 24.
164. АПРФ. Протокол Политбюро № 116 от 30 января 1930 г.
165. АПРФ., ф. 3, оп. 60, д. 23, л. 97–99.
166. Там же. Л. 100–102.
167. АПРФ, ф. 3, оп. 60, д. 9, л. 49.
168. Там же. Л. 60–63.
169. АПРФ, ф. 3, оп. 60, д. 10, л. 23, 58.
170. Там же. Л. 88.
171. ГАРФ, ф. 5446, оп. 55, д. 735, л. 51–54.
172. ГАРФ, ф. 9401, оп. 2, д. 265, т. II, л. 26–27.
173. Алферьев Е.Е. Император Николай II. Джорданвиль, 1983. С. 90–91.

Глава 3. ДУХОВНЫЙ КОСМОС

1. ГАРФ, ф. 17, оп. 3, д. 1001, л. 14.
2. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. 1955. С. 94, 96.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 1.
4. Ленин. Товарищ, человек. М., 1987. С. 218.
5. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 363–364.
6. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 28. С. 349–350.
7. РЦХИДНИ, ф. 3, оп. 1, д. 4445.
8. Троцкий Л.Д. О Ленине. М., 1924. С. 45.
9. Каутский К. Терроризм и коммунизм. Берлин, 1919. С. 158.
10. АПРФ, ф. 31, оп. 1, д. 4, л. 212.
11. В.И.Ленин в воспоминаниях писателей. М., 1980. С. 153, 154, 155.
12. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 228, л. 21.
13. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 344, л. 1.
14. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 259.
15. Известия ЦК КПСС. 1991. №3. С. 197.
16. См.: Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 101.
17. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 1.
18. Там же. С. 160.
19. Там же. С. 144.
20. Ленинский сборник Т. XVIII. С. 202.
21. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 33.
22. Зеньковский В.В. История русской философии. Т. II. Париж, 1950. С. 285.

23. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. С. 146.
24. Там же. С. 356, 363, 364.
25. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 97.
26. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 22899, л. 1.
27. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 44.
28. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 115–116.
29. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 381.
30. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 99.
31. См.: Шарапов Ю.П. Ленин как читатель. М., 1990. С. 185.
32. Горький М. Несвоевременные мысли. Париж, 1971. С. 102, 103.
33. Русский современник. 1924. № 1. С. 230.
34. Ленинский сборник. Т. 35. С. 148.
35. Ленин. Товарищ, человек. С. 212.
36. См.: Ульянова–Елизарова А.И. О В.И. Ленине и семье Ульяновых. М., 1988.
37. Ленин. Товарищ, человек. С. 216.
38. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 97.
39. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 298–318.
40. Штурман Д. В.И. Ленин. Париж, 1989. С. 75.
41. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 200, 201, 204.
42. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 1005, л. 1–3.
43. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 142, л. 1.
44. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 24543, л. 1–1 об.
45. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 941, л. 1.
46. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 22905, л. 1.
47. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 565, л. 1.
48. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 24278, л. 1.
49. ГАРФ, ф. 5459, д. 2, л. 235.
50. Там же. Л. 239.
51. Ленинский сборник. Т. XVIII. С. 163.
52. Там же. С. 165.
53. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 306.
54. Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 88–89.
55. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Т. 3. С. 244.
56. Там же. С. 243.
57. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 155–156.
58. ГАРФ, ф. 5459, оп. 5, д. 2, л. 242.
59. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 48. С. 285.
60. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 23697, л. 7.
61. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 307, л. 5, 6, 7, 9, 11.
62. См.: Валентинов Н. Малоизвестный Ленин. Париж, 1972. С. 63–75.

63. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 700, л. 1.
64. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Берлин, 1930. Т. II. С. 120.
65. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 17957, л. 1.
66. Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М., 1968. С. 33.
67. Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 102.
68. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 14802.
69. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 472.
70. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 348, л. 1.
71. Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 87.
72. РЦХИДНИ, ф. 44, оп. 1, д. 5, л. 9–36.
73. Там же. Л. 127–132.
74. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 1003, л. 1–2.
75. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. Л. 102.
76. См.: Там же. С. 96.
77. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 14. С. 378–379.
78. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 117
79. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 116.
80. См.: Новый журнал. 1959. № 54. С. 259–277.
81. АПРФ, ф. 3, оп. 20, д. 53, л. 55–59.
82. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 40. С. 209, 211.
83. АПРФ, ф. 3, оп. 20, д. 53, л. 1.
84. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 302–303.
85. АПРФ, ф. 31, оп. 1, д. 4, л. 211.
86. АПРФ, ф. 3, оп. 20, д. 52, л. 3, 4.
87. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 5, л. 1.
88. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 448, л. 1.
89. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 1299, л. 1.
90. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 255, л. 3–4.
91. АПРФ, ф. 3, оп. 20, д. 64, л. 171–176.
92. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 1318, л. 1–3.
93. Троцкий Л.Д. Пять лет Коминтерна. М.–Л., 1925. С. 73–99.
94. ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 32, л. 190–199.
95. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 186.
96. Там же. С. 321.
97. Троцкий Л.Д. Пять лет Коминтерна. С. 90.
98. Balabanoff A. Impressions of Lenin. University of Michigan Press, 1984, p. 29–30.
99. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 217.
100. Там же. С. 384, 388.
101. ГАРФ, ф. 130, оп. 1, д. 19, л. 13.
102. Там же. Л. 126–130, 96–98.
103. Троцкий Л.Д. Пять лет Коминтерна. С. 98.

104. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 2, д. 32, л. 279–279 об.
105. Там же. Л. 528.
106. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 293, л. 1–3.
107. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 329, л. 1–2.
108. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2 д. 183, л. 1–4.
109. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 24832, л. 1.
110. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 653, л. 1.
111. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 50. С. 185.
112. Троцкий Л.Д. Пять лет Коминтерна. С. 39.
113. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 38. С. 263.
114. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 1019, л. 1.
115. АПРФ, ф. 3, оп. 20, д. 64, л. 34–39.
116. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 235, л. 4–5.
117. АПРФ, ф. 3, оп. 20, д. 64.
118. АПРФ, ф. 3, оп. 20, д. 64, л. 45.
119. Там же.
120. Там же. Л. 67–69.
121. См.: РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 19, д. 15, л. 24.
122. РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 19, д. 18, л. 8.
123. РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 19, д. 15, л. 24.
124. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 226.
125. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 380, л. 1.
126. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 27065, л. 1–2.
127. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 405.
128. АПРФ, ф. 3, оп. 20, д. 73, л. 123.
129. АПРФ, ф. 3, оп. 20, д. 66, л. 8.
130. См.: Дан Ф.И. Происхождение большевизма. Нью-Йорк, 1946. С. 482.
131. АПРФ, ф. 3, оп. 20, д. 58, л. 91.
132. Там же. Л. 122.
133. АПРФ, ф. 3, оп. 20, д. 66, л. 19.
134. АПРФ, ф. 3, оп. 20, д. 54, л. 102.
135. Там же. Л. 114.
136. АПРФ, ф. 45, оп. 1, д. 319, л. 31.
137. Троцкий Л.Д. Дневники и письма. Нью-Йорк, 1986. С. 165.
138. РЦХИДНИ, ф. 127, оп. 1, д. 14, л. 2.
139. Цит. по: Фишер Л. Жизнь Ленина. Лондон, 1970. С. 123.
140. Ленинский сборник. Т. XXXVII. С. 233.
141. Ленинский сборник Т. XXXV. С. 143.
142. Цит. по: Фишер Л. Жизнь Ленина. С. 123.
143. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. М., 1989. Т. 2. С. 144, 148, 153, 175, 179.
144. Там же. С. 191.

145. РЦХИДНИ, ф. 127, оп. 1, д. 1, л. 1.
146. Подлящук П. Товарищ Инесса. М., 1987.
147. РЦХИДНИ, ф. 127, оп. 1, д. 2, л. 1–2.
148. РЦХИДНИ, ф. 127, оп. 1, д. 61, л. 18.
149. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 293, л. 30–38.
150. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 24299, л. 1.
151. Солженицын А. Ленин в Цюрихе. Париж, 1975. С. 24.
152. РЦХИДНИ, ф. 127, оп. 1, д. 61.
153. РЦХИДНИ, ф. 3, оп. 1, д. 4365.
154. РЦХИДНИ, ф. 3, оп. 1, д. 4401.
155. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 3. С. 268.
156. Ленинский сборник. Т. II. С. 195.
157. Там же. С. 180.
158. Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. С. 260.
159. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 49. С. 367.
160. Ленинский сборник. Т. XXI. С. 83.
161. Ленинский сборник. Т. XXXV. С. 108.
162. Там же.
163. См.: РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 24299.
164. Ленинский сборник. Т. XXXV. С. 109.
165. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 12862, л. 1–2.
166. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 4573, л. 1–2.
167. РЦХИДНИ, ф. 127, оп. 1, д. 61, л. 7–14.
168. РЦХИДНИ, ф. 127, оп. 1, д. 52, л. 12.
169. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 67.
170. РЦХИДНИ, ф. 127, оп. 1, д. 61.

Глава 4. МАВЗОЛЕЙ ЛЕНИНИЗМА

1. ЦГАОР, ф. 5459, оп. 5, д. 2, л. 262.
2. Потресов А. Н. В плену у иллюзий. Париж, 1927. С. 99.
3. Русская мысль. 1990. 21 декабря.
4. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 101.
5. См.: Плеханов Г.В. Год на родине. Т. 1. Париж, 1921.
6. АПРФ. Протоколы Секретариата ЦК КПСС (1967–1970 гг.).
7. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 307, л. 135.
8. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 10. С. 573–578.
9. ЦГАОР, ф. 5459, оп. 5, д. 2, л. 254.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 55. С. 368.
11. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 385, л. 1.

12. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 307, л. 136.
13. Пролог. № 5(56).
14. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 22947, л. 1–6.
15. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 1343, л. 1.
16. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 307, л. 137.
17. Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 189.
18. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 3, д. 314, л. 6.
19. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 307, л. 16.
20. Там же. Л. 17.
21. Там же. Л. 19.
22. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 52. С. 100.
23. Войтинский В.С. Годы побед и поражений. Кн. 2. Берлин, 1924. С. 100.
24. Известия ЦК КПСС. 1991. № 3. С. 185.
25. РЦХИДНИ, ф. 16, оп. 3, д. 6, л. 7.
26. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 278–294.
27. РЦХИДНИ, ф. 16, оп. 2, д. 13, л. 180–190.
28. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 307, л. 23.
29. РЦХИДНИ, ф. 16, оп. 2, д. 13, л. 189.
30. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 348.
31. Там же. С. 345, 346.
32. Бухарин Н.И. Политическое завещание Ленина. М., 1929.
33. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 376.
34. Там же. С. 403.
35. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 307, л. 139.
36. Воля России. № 3. 1924.
37. Там же.
38. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 307, л. 138.
39. Там же. Л. 42.
40. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329.
41. Там же. С. 330.
42. РЦХИДНИ, ф. 14, оп. 1, д. 398, л. 4–5.
43. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 329–330.
44. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 307, л. 138.
45. РЦХИДНИ, ф. 4, оп. 1, д. 142, л. 240.
46. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 307, л. 133–139.
47. Известия ЦК КПСС. 1989. № 4. С. 169.
48. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 308, л. 98.
49. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 307, л. 50.
50. Там же. Л. 172.
51. Там же. Л. 55.
52. Там же. Л. 77.

53. Там же. Л. 73.
54. Там же. Л. 62.
55. РЦХИДНИ, ф. 14, оп. 1, д. 398, л. 3–6.
56. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 307, л. 1–2.
57. Там же.
58. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 308, л. 7, 11.
59. Там же. Л. 61.
60. Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 159, 160.
61. РЦХИДНИ, ф. 16, оп. 2, д. 13.
62. Там же.
63. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 307, л. 140.
64. РЦХИДНИ, ф. 4, оп. 1, д. 142, л. 310–346.
65. Новый журнал. 1961. № 65. С. 149, 141 и 142.
66. Знание — сила. 1990. № 4. С. 22.
67. Там же. С. 24.
68. РЦХИДНИ, ф. 16, оп. 2, д. 13.
69. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 621.
70. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 307, л. 140.
71. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 308, л. 127–128.
72. РЦХИДНИ, ф. 4, оп. 1, д. 142, л. 406–407.
73. Цит. по: Фишер Л. Ленин. С. 92.
74. Новый журнал. 1961. № 65. С. 144.
75. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 2, д. 86, л. 5 и 5 об.
76. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 307, л. 175.
77. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 307, л. 174 (Известия ЦК КПСС. 1989. № 4).
78. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника Т. 12. С. 653.
79. ЦГАСА, ф. 4, оп. 14, д. 17, л. 290.
80. РЦХИДНИ, ф. 12, оп. 2, д. 254, л. 2, 3, 4, 9, 10.
81. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 308, л. 141.
82. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 307, л. 170.
83. Правда. 1924. 24 января.
84. Грани. 1987. № 146.
85. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 309, л. 1–2.
86. Там же. Л. 2.
87. Там же. Л. 5.
88. ЦГАСА, ф. 33987, оп. 3, д. 80, л. 587.
89. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 309, л. 15, 16, 21.
90. Там же. Л. 15.

91. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 12. С. 672–673.
92. Там же. С. 675.
93. Правда. 1924. 27 января.
94. Сталин И.В. Соч. Т. 6. С. 46–51.
95. Архив МБРФ, ф. 1, оп. 4, № 133, л. 10.
96. Правда. 1924. 27 января.
97. Правда. 1924. 24–27 января.
98. Правда. 1924. 30 января.
99. АПРФ, ф. 3, оп. 77, д. 526.
100. Winston S. Churchill. The World Crisis. Vol. IV. London, 1928.
101. Сталин И.В. Соч. Т. 10. С. 41, 56.
102. Правда. 1924. 27 июля.
103. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 309, л. 38.
104. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 307, л. 156.
105. Там же. Л. 49.
106. См.: Збарский Б.И. Мавзолей Ленина. М., 1944.
107. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 311, л. 3.
108. Там же. Л. 5.
109. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 11, л. 5–6.
110. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 311, л. 24.
111. Там же. Л. 31.
112. Там же. Л. 103.
113. АПРФ, ф. 3, оп. 77, д. 523, л. 1–11.
114. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 311, л. 120.
115. Там же. Л. 121.
116. Там же. Л. 45.
117. АПРФ, ф. 82, оп. 1, д. 17, л. 111.
118. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 310, л. 53.
119. Там же. Л. 54–64.
120. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 399.
121. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 36, л. 23.
122. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 381.
123. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 8.
124. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 12. С. 320.
125. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 32. С. 315.
126. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 13.
127. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 102.
128. Брежнев Л.И. Ленинским курсом. Т. 6. С. 533.
129. АПРФ. Особая папка. Протокол Политбюро № 77(П77/310) от 9 сентября 1950 г. Л. 1–14.

130. АПРФ. Особая папка. Протокол Политбюро от 20 июня 1968 г. Л. 6.
131. АПРФ. Особая папка. Протокол № 244 заседания Президиума ЦК от 15 октября 1959 г. (№ П244) Л. 36–38.
132. АПРФ. Протокол Политбюро от 27 декабря 1973 г. Л. 1–7.
133. Известия ЦК КПСС. 1989. № 3. С. 128–171.
134. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 35. С. 126.
135. Хрущев Н.С. Речи на собраниях избирателей Москвы. Партиздат ЦК ВКП(б). 1937. С. 3–21.
136. International Socialism, Summer, 1992, p. 77–81.
137. АПРФ. Особая папка. Запись беседы Хрущева 2 октября 1959 г. в Пекине. Л. 1–33.
138. АПРФ. Особая папка. Доклад на Пленуме ЦК КПСС 14 октября 1964 г. С. 59.
139. Там же. С. 4.
140. Брежнев Л.И. О коммунистическом воспитании трудящихся. М., 1974. С. 286–287.
141. Там же. С. 58.
142. Дневники императора Николая II. Орбита. 1991. С. 309.
143. АПРФ, ф. 80, оп. 11519, д. 86, л. 1–2.
144. АПРФ. Особая папка. Беседа Л.И.Брежнева с руководителями братских партий в Будалеште 18 марта 1975 г.
145. АПРФ. Особая папка. Протокол Политбюро от 18 ноября 1982. С. 464–465.
146. АПРФ, ф. 82, л. 1–2.
147. АПРФ. Особая папка. Протокол Политбюро от 7 января 1974 г. С. 19–34.
148. Андропов Ю.В. Избранные речи и статьи. М., 1983. С. 126.
149. АПРФ. Особая папка. Записка Ю.В.Андропова Л.И.Брежневу от 29 октября 1973 г. С. 1–5.
150. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 1119, л. 1–2.
151. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 123.
152. АПРФ, ф. 82, оп. 1, д. 2, л. 63.
153. АПРФ. Особая папка. Протокол Политбюро от 4 августа 1983 г. С. 66.
154. АПРФ. Особая папка. Протокол Политбюро от 20 октября 1983 г. С. 241–246.
155. АПРФ. Особая папка. Протокол Политбюро от 10 февраля 1984 г. С. 119–126.
156. АПРФ, ф. 83. Записка Ю.В. Андропова в ЦК КПСС. № 745–АОВ, л. 1–4.

157. См.: Черненко К.У. Избранные статьи и речи. М., 1984. С. 373.
158. АПРФ. Особая папка. Протокол Политбюро от 23 февраля 1984 г. С. 129–141.
159. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 1, д. 20706, л. 1.
160. АПРФ. Особая папка. Протокол Политбюро от 11 марта 1985 г. С. 125–137.
161. АПРФ. Особая папка. Протокол Политбюро от 4 апреля 1985 г. С. 248–251.
162. Горбачев М.С. Избранные речи и статьи. М., 1985. С. 9.
163. АПРФ. Особая папка. Протокол Политбюро от 15 октября 1987 г. С. 141.
164. АПРФ. Особая папка. Протокол Политбюро от 4 апреля 1985 г. С. 212.
165. См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 99, 101.
166. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 82.
167. Воспоминания о Ленине. Т. 6. С. 354.
168. Ленинский сборник. Т. XVI. С. 27–28.
169. Ленинский сборник. Т. II. С. 195.
170. Последние новости. Париж, 1924. 23 января.
171. См.: Крупская Н.К. Воспоминания о Ленине. М., 1968. С. 479–485.
172. РЦХИДНИ, ф. 324, оп. 1, л. 8, 9.
173. Известия ЦК КПСС. 1991. № 4. С. 177, 178.
174. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 166–167.
175. Воля России. 1924. № 3.
176. Balabanoff A. Impressions of Lenin. University of Michigan Press, 1984, p. 152.
177. Новая жизнь. 1967. № 88. С. 175.
178. Керенский А.Ф. Издалека. Сборник статей (1920–1921 гг.). Париж, 1922. С. 10.
179. Архив русской революции. Т. XIV. С. 119.
180. ЦГАОР, ф. 5459, оп. 5, д. 2, л. 256–257.
181. Дни. Париж, 1927. 10 декабря.
182. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 168.
183. Воля России. 1924. № 3.
184. Тридцать дней. 1934. № 1. С. 15–19.
185. ЦАМО, ф. 3, оп. 11556, д. 2, л. 252.
186. Архив МБРФ, ф. 1, оп. 4, № 133, л. 9.
187. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 776, л. 1; д. 803, л. 1.
188. Троцкий Л.Д. Моя жизнь. Т. II. Берлин, 1930. С. 198.
189. Архив МБРФ, ф. 1, оп. 4, № 133, л. 7.
190. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. С. 159.

191. Там же. С. 164.
192. Троцкий Л.Д. О Ленине. С. 87.
193. Там же. С. 88.
194. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 1166, л. 1–2.
195. Vittorio Strada. Book la questione russa, Chapter, is on pp. 78–95. Lenin: traiettoria di una rivoluzione. Venezia, 1991. P. 95.
196. АПРФ, ф. 3, оп. 22, д. 320, л. 106.
197. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 1239. л. 13.
198. АПРФ. Особая папка. Протокол Политбюро от 20 июня 1968 г. С. 1–8.
199. АПРФ. Особая папка. Протокол Политбюро от 17 апреля 1970 г. С. 1–2.
200. АПРФ. Особая папка. Пакет № 5.
201. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 127.
202. 100 лет со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Стенографический отчет. М., 1970. С. 6, 61, 62.
203. АПРФ. Протокол Секретариата ЦК КПСС от 2 июня 1981 г. С. 2.
204. АПРФ. Особая папка. Донесения КГБ. № 456–„Ч“, С. 162–164.

Вместо заключения. ПОРАЖЕНИЕ В ПОБЕДЕ

1. ЦГАОР, ф. 5459, оп. 5, д. 2, л. 232.
2. АПРФ. Протокол Политбюро от 15 октября 1987 г. С. 156.
3. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 408.
4. Ленинский сборник. Т. XVIII. С. 187.
5. Архив МБРФ, ф. 1, оп. 4, д. 133, л. 10.
6. Ленинский сборник. Т. II. С. 271.
7. АПРФ, ф. 31, оп. 1, д. 4, л. 25, 213.
8. Там же. Л. 214.
9. International Socialism, Summer, 1992, p. 415–416.
10. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 39. С. 415–416.
11. Там же.
12. АПРФ, ф. 31, оп. 1, д. 4, л. 27.
13. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 102.
14. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 380, л. 1.
15. АПРФ, ф. 3, оп. 24, д. 463, л. 148–149.
16. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 492, л. 1.
17. АПРФ. Особая папка. Записка в ЦК КПСС 682–„оп“ от 28 августа 1980 г. С. 1.

18. АПРФ. Особая папка. Запись беседы Н.С.Хрущева в Варшаве в мае 1960 г. № 233.
19. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 447, л. 1.
20. РЦХИДНИ, ф. 2, оп. 2, д. 231, л. 1.
21. АПРФ. Записка МО СССР 04311, л. 1–4.
22. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 131
23. Письма Ленина к Горькому. С. 24, 43, 90.
24. Литературный современник. 1937. № 2. С. 185.
25. Воля России. № 3. 1924.
26. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. С. 96.
27. Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 5. С. 68.
28. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 30. С. 346–347.
29. ЦГАОА, ф. 1345, оп. 1, д. 128, л. 18 об.
30. Новое русское слово. 1993. 29 июля.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Абакумов В.С. 387
Абрикосов А.И. 181, 365
Абуков Б. 281
Авенариус Р. 246
Авербах М.И. 361, 374
Агранов Я.С. 52, 66, 72
Адамович М. 192
Адлер В. 301, 305
Адоратский В.В. 31, 32, 427
Айхенвальд Ю.И. 182
Аквинский Ф. 318
Аксельрод А.Г. 265
Аксельрод Л.И. 48
Аксельрод П.Б. 12, 13, 106, 137, 194, 236, 271, 318
Алданов (Ландау) М.А. 190, 192, 318
Александров 267
Алексинский Г.А. 32
Алиев Г. 411, 412, 417
Аллилуев С.Я. 231
Алхимов В.С. 149
Андерсон 160
Андреев А.А. 87
Андропов Ю.В. 107, 112, 115, 116, 122, 335, 390, 400, 401, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 418, 457
Анненков Ю.П. 352, 356
Анненский Н.Ф. 424
Аношин 43
Антонов А.С. 91, 156, 158
Антонов–Овсеенко В.А. 91, 156, 426
Арманд А.Е. 298
Арманд И. (Е.Ф.) 7, 13, 62, 235, 262, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 339, 359
Аросев Л. 31, 32
Арский П.А. 440
Артамонов 409
Артоболовский И.А. 181
Архипов И.В. 148
Асад Х. 408
Асеев Н.Н. 200
Бебель А. 36
Багиров М.Д. 43
Багрицкий (Дзюбин) Э.Г. 381
Базаров (Руднев) В.А. 106, 194
Базилевич Г.Д. 213
Байбаков Н.К. 148, 149

- Бакаев И.П. 50
Бакунина Е.Н. 219
Балабанова А.И. 271,
277, 428
Балицкий В.А. 164
Бальмонт К.Д. 189,
190, 192
Барабаш Ю.Я. 197, 198
Барбюс А. 290, 381
Баштаков 112
Бауэр О. 323
Безыменский А.И. 440
Белавин В.И. (патриарх
Тихон) см. Тихон
(Белавин В.И.)
Беленький Г.Я. 231
Белобородов (Сапронов)
А.Г. 95, 213
Белый А. (Бугаев
Б.Н.) 381
Берберова Н.Н. 192
Бердяев Н.А. 7, 70, 129,
182, 190, 192, 202, 203,
229, 232, 233, 244, 246,
248, 252, 265, 317, 451,
456, 461, 462
Березовский Ф.А. 238
Берзин Я.А. 160
Берия Л.П. 33, 43, 109,
112, 115, 135, 141, 221,
224, 350, 376, 377,
399, 439
Бернштейн Э. 300
Берман Я.А. 114
Бетховен Л. ван 230, 259
Бехтерев В.М. 345,
358, 374
Билль—
Белоцерковский В.Н. 440
Бирилев 399
Бирюков 67
Блейк Д. 272, 273
Блок А.А. 189, 234, 249
Бобков 200
Богачев Н.М. 409
Богданов (Малиновский)
А.А. 246, 380, 381
Боголюбов К.М. 400, 417
Боди М.И. 296
Бокий Г.И. 374
Болдин В.И. 112
Болотников И.И. 421,
431
Бонч-Бруевич В.Д. 11,
231, 364, 432
Борхардт 374
Бош Е.Б. 44, 85, 231,
243, 310
Брандлер Г. 283
Брежнев Л.И. 54, 107,
112, 122, 148, 149, 150,
151, 173, 174, 335, 383,
386, 388, 390, 391, 397,
398, 399, 402, 403, 404,
405, 407, 408, 442, 444,
445, 446, 448
Брокгауз Ф.А. 423
Бронштейн см. Троцкий
(Бронштейн) Л.Д.

- Брюханов Н.П. 272, 324
Бубнов А.С. 95, 99,
231, 426
Буденный С.М. 114, 171
Буденный С.С. 409
Булак–Балахович
С.Н. 457
Булгаков С.Н. 244
Булганин Н.А. 113, 114,
439, 458
Бумке О. 338, 344, 345,
351, 374
Бунин И.А. 189, 190, 192
Бурцев В.Л. 192
Бусыгин А.Х. 145
Бухарин Н.И. 8, 9, 10, 11,
22, 23, 32, 45, 48, 69, 71,
72, 73, 74, 75, 76, 77, 78,
79, 80, 81, 82, 83, 84, 85,
86, 87, 88, 89, 90, 91, 92,
93, 97, 99, 104, 137, 178,
195, 196, 230, 250, 256,
257, 266, 271, 288, 289,
335, 337, 339, 346, 347,
358, 365, 366, 367,
372, 426
Бухарина Н.М. 86, 257
Быстров Ю.М. 409
- Валентинов (Вольский)
Н.В. 91, 232, 257, 261, 446
Вампилов 200
Ванеев А.А. 7
Ванников Б.Л. 377
Варнава 216
Васильев 156
Вацетис И.И. 231
- Ведерников 44
Вейсброд Б.С. 374
Велихов П.А. 181
Венгерова 189
Верхов 194
Верховский 194
Вигдорчик Н.А. 186, 193
Вильд Н. 298
Виноградова Е.В. 145
Виноградова М.В. 145
Виноградов 175
Винокуров А.Н. 213
Вислоух С.М. 182
Вишневский В.В. 200
Вишняк М.В. 192
Владимир (князь) 129
Владимиров М.К. 40
Войков П.Л. 324
Войтинский В.С. 330
Волков Г. 354
Володарский В.
(Гольдштейн М.М.)
14, 137
Володичева М.А. 69, 213,
334, 336, 343
Воробьев В.П. 375, 377
Воровский В.В. 271
Воронов Г.И. 121, 441
Воронский А.К. 358, 424
Воротников В.И. 412, 417
Ворошилов К.Е. 42, 49,
51, 81, 87, 108, 171, 321,
364, 366
Воскресенский Д.Н. 223
Врангель П.Н. 156, 191

- Вурм Э. 344
Вышинский А.Я. 52, 81
- Галай В.К. 409
Ганди И. 321
Ганецкий
(Фюрнстенберг) Я.С. 31,
48, 140, 230, 231, 305, 426
Гапон Г.А. 205
Гарибальди Дж. 249
Гарбузов В.Ф. 149
Гед Ж. 344
Гек А. 344
Геллер М. 318
Гельфанд см. Парвус
(Гельфанд) А.Л.
Гельфанд Т. 301
Геншен С.Э. 338, 344,
345, 351, 374
Герасимов М.П. 200
Герек Э. 404
Гете И.В. 63
Гетке 263
Гетье Ф.А. 343, 374
Гикало Н.Ф. 114
Гильбо А. 62
Гиппиус З.Н. 190, 192
Гитлер (Шикльгрубер)
А. 42, 110
Глазунов И.С. 350
Глебова Т.И. 65
Говин 196
Гоголь Н.В. 248, 319
Голль Ш. де 117
Голощекин Ф.И. 140
- Гольцман Э.С. 51
Гомулка В. 458
Гонт Е.И. 409
Гончаров И.А. 248
Горбачев М.С. 54, 107,
112, 123, 124, 133, 166,
197, 198, 199, 200, 201,
319, 320, 335, 390, 391,
404, 410, 411, 412, 413,
415, 416, 417, 418, 419,
420, 436, 446, 448,
452, 463
Горбулин 151
Горбунов Н.П. 35, 230,
246, 261, 368, 426
Горнфельд 185
Горький (Пешков) А.М.
42, 62, 85, 93, 178, 183,
184, 187, 231, 248, 249,
259, 260, 302, 339, 461
Горячева А.Д. 66
Гофман М. 75
Грановский А.А. 193
Грегори 194
Гречко А.А. 389
Гржебин З.И. 249
Грибоедов А.С. 248
Григорьев 239
Григорьян 444
Гришин В.В. 389, 400,
411, 412, 416, 442
Грищук 222
Громько А.А. 112, 122,
123, 124, 389, 400, 411,
412, 416, 417, 457

- Гроот П. 444
Губельман см.
Ярославский Е.М.
Гукасов 192
Гусак Г. 404
Гуткин 194
- Давидюк С.М. 403
Дан (Гурвич) Ф.И. 12, 13,
236, 290
Данилов Е. 326
Данте А. 203
Дауд М. 400
Деборин (Иоффе) А.М.
106, 194, 368
Деж Г. 443, 444
Дейч Г.М. 56
Деменцев В.В. 419
Демичев П.Н. 322, 389,
411, 413, 417, 448
Демут Е. (Ленхен) 300
Деникин А.И. 82, 156,
191, 432, 436
Дерибас Т.Д. 219
Джугашвили см. Сталин
(Джугашвили) И.В.
Дзержинский Ф.Э. 7, 11,
32, 34, 84, 89, 90, 91, 100,
106, 180, 181, 186, 191,
193, 256, 286, 333, 341,
364, 375, 457
Дивильковский А.А. 104
Димитров Г. 290, 291,
292, 378
Дмитриев 196
- Добровейн И. 260
Доброгаев С.М. 345,
351, 374
Добрынин А.Ф. 117
Догадов А.И. 101
Долгих В.И. 410, 413
Дорошина Г. 400, 401
Доршкевич 331, 374
Достоевский Ф.М.
203, 248
Драбкина Е.Я. 440
Дуров 113
- Евдоким
(митрополит) 368
Евдокимов Г.Е. 50, 65, 68
Евлогий 222
Евреинов Н.Н. 192
Евтушенко Е.А. 448
Ежов Н.И. 10, 43, 66, 72,
76, 93, 196, 399
Елизарова-Ульянова
А.И. см. Ульянова-
Елизарова А.И.
Елин Е.В. 409
Елистратов П.И. 338,
345, 361, 374
Ельцин Б.Н. 415, 420
Енукидзе А.С. 35, 40, 45,
272, 325, 364, 368,
373, 376
Ермолаев Н.И. 182
- Жданов А.А. 42, 49, 51,
399, 433

- Желябов А.И. 63, 233
Живков Т. 404
Жижка Я. 431
Жолио–Кюри Ф. 403
Жуков Г.К. 113, 119, 433
- Завадовский 101
Завьялов В.А. 418
Задемидко А.Н. 135
Зайцев Б.К. 190
Замятин Е.И. 182
Замятин Л.Д. 199
Заозерский А.И. 217
Засулич В.И. 12, 13, 461
Захариадис 443, 444
Збарский Б.И. 194, 371,
376, 377
Зеленский И.А. 104, 364
Зеньковский В.В. 244
Зимин 114
Зимянин М.В. 198,
413, 417
Зиновьев
(Радомысльский) Г.Е. 7,
8, 9, 11, 19, 38, 44, 46, 48,
49, 50, 51, 52, 53, 54, 55,
56, 57, 58, 59, 60, 63, 64,
65, 66, 67, 68, 70, 76, 81,
86, 95, 97, 98, 100, 104,
137, 139, 140, 230, 231,
256, 257, 266, 270, 272,
274, 282, 286, 288, 291,
329, 332, 334, 338, 342,
344, 347, 355, 365, 366,
368, 372, 426, 427, 441
- Золотухин Г.С. 149, 151
Зорге Р. 289, 290
Зорин 64
- Ибаррури Д. 321, 443
Иван IV Васильевич
Грозный 429
Иванов В.И. 190
Иванов Ю. 148
Иванов–Незнамов
В.И. 350
Игнатъев И.Г. 51, 52
Игоденко 43
Изгоев (Ланде) А.С.
43, 185
Ильин И.А. 244
Ипполитов–Иванов
М.М. 381
Иоффе А.А. 14, 40, 76,
238, 284, 285, 330, 426,
453, 455
- Каганович Л.М. 49, 87,
113, 114, 164, 171, 389,
399, 458
Кадар Я. 404
Какурин Н.Е. 132
Калинин М.И. 8, 9, 23,
80, 87, 95, 97, 99, 100,
101, 105, 171, 190, 195,
210, 213, 256, 257,
344, 368
Калмыкова А.М. 359
Калуш Б. 160

- Каменев (Розенфельд)
Л.Б. 7, 8, 9, 11, 23, 33, 34,
38, 39, 40, 47, 48, 49, 50,
51, 52, 53, 54, 55, 56, 58,
60, 61, 62, 63, 64, 65, 66,
67, 68, 70, 81, 84, 85, 91,
95, 97, 98, 99, 100, 101,
105, 136, 137, 161, 177,
178, 181, 188, 191, 194,
195, 230, 231, 239, 256,
257, 317, 329, 332, 335,
338, 342, 344, 347, 352,
360, 366, 367, 368, 372,
426, 451
Каменский В.В. 196
Кампанелла Т. 269
Кант И. 178
Канцель 194
Капитонов И.В. 116,
321, 389
Каплан (Ройтман) Ф.Е.
231, 340
Караваева А.А. 200
Карахан (Караханян)
Л.М. 35, 256, 257, 264,
273, 274, 275, 285, 374
Карпинский В.А. 38, 368
Карсавин Л.П. 190, 244
Катаев В.П. 200
Катаяма С. 381
Катушев К.Ф. 389
Каутский К. 14, 15, 38,
77, 139, 233, 236, 300,
446, 455, 461
Кедров М.С. 426
Кекконен У.К. 321
Керенский А.Ф. 239, 241,
428, 432
Керн А.И. 300
Кикнадзе Н.Д. 38
Кир 464
Кирий И.В. 409
Кириленко А.П. 118, 121,
122, 389, 448
Киров С.М. 42, 49, 65,
66, 108
Кишкин Н.М. 206
Кларк Р. 464
Клемперер Г. 345, 374
Кобулов Б.З. 112
Коган Л.И. 72, 73
Кожевников А.М. 240,
330, 331, 332, 333, 338,
345, 348, 349, 351, 374
Коллонтай А.М. 294, 296,
310, 430, 453
Колчак А.В. 82, 156, 191,
285, 436
Кон Ф.Я. 305
Кондратьев И.Д. 181
Конев И.С. 458
Копенкин А.Н. 401
Копп В.Л. 105, 324
Корнейчук А.Е. 200
Коробков Н.М. 181
Косиор И.В. 49, 165
Костов Т. 443
Косыгин А.Н. 122, 148,
149, 442
Котляров 160

- Кочемасов В.И. 199
Кравченко В.А. 68
Кравченко Г.С. 68
Краммер В.В. 323, 326, 328, 329, 331, 332, 333, 337, 340, 342, 345, 348, 354, 374
Красиков П.А. 213, 216, 225
Красин Л.Б. 40, 106, 201, 375
Краснов П.Н. 261
Краюшкин А.Б. 366
Крестинский Н.Н. 8, 9, 76, 91, 99, 105, 178, 256, 278, 286, 328, 344, 358, 374, 426
Кржижановский Г.М. 250, 368
Кривонос П.Ф. 145
Криницкий А.И. 114, 218
Кроль М.Б. 345, 374
Кропоткин П.А. 61
Крупская Н.К. 12, 41, 48, 61, 176, 178, 209, 231, 232, 264, 296, 297, 299, 300, 302, 305, 306, 307, 308, 309, 313, 326, 328, 338, 340, 341, 342, 343, 348, 351, 352, 353, 354, 356, 358, 359, 360, 361, 365, 369, 370, 371, 426
Крупская Е.В. 306
Крыленко Н.В. 11, 140
Крылов И.А. 248
Крючков 101
Кузнецов А.А. 113
Кузнецов В.В. 411, 413, 417
Куйбышев В.В. 42, 97, 98, 286, 344, 381
Куклин Г.А. 65
Кулаков Ф.Д. 389
Кун Б. 278
Кунаев Д.А. 417
Купала Я. (Луцевич И.Д.) 201
Куперин И.И. 350
Куприн А.И. 189, 192, 429
Курский Д.И. 11, 181, 194, 239
Кускова Е.К. 183, 206, 424
Кучук М. 280
Кшесинская М.Ф. 192
Лавров 156
Ланда см. Изгоев А.С.
Лаперуза Ж.Ф. 229
Ларин Ю. (Лурье М.З.) 368
Ларина Н. см. Бухарина Н.М.
Лафарги 338
Лебедев П.П. 280
Лебедев-Кумач В.И. 200
Левин Л.Г. 193, 345, 374
Левина Е. 276
Левицкий 267
Лежава А.М. 324

- Лежнев И.Г. 186
 Лепа А.К. 114
 Лермонтов М.Ю. 248
 Лесков Н.С. 178
 Либкнехт К. 455
 Лившиц 194
 Лигачев Е.К. 124, 413, 417
 Лилина З.И. 56, 304
 Лимонов Д.С. 409
 Литвинов (Валлах) М.М. 274
 Литкенс Е.А. 324
 Лифман Р. 235
 Лихачев 194
 Личкус Л.Г. 194
 Лозовский А. (Дридзо С.А.) 48, 334
 Ломов (Оппоков) Г.И. 426
 Ломоносов М.В. 63
 Лонго Л. 321
 Лосский Н.О. 181, 244
 Лукомский П.Е. 350
 Лукьянов А.И. 125
 Луначарский А.В. 7, 11, 14, 57, 59, 60, 61, 137, 174, 175, 177, 190, 234, 246, 251, 352, 381, 426
 Лурье Н.Л. 51
 Лутовинов Ю.Х. 101
 Любарский Н.М. 160, 274
 Людовик XVI 229

 Мазай М.Н. 145
 Мазуров К.Т. 389
 Македонский А. 464
 Макиавелли Н. 187, 212
 Максимова Е.А. 289
 Максимовский В.Н. 95
 Маленков Г.М. 11, 113, 114, 221, 439
 Малиновский Р.В. 54, 139, 140
 Мальков П.Д. 231, 426
 Мандельштам О.Э. 230
 Манульский Д.З. 14, 289
 Манучарьянц Ш.М. 325
 Манцев В.Н. 186
 Мао Цзэдун 394
 Марек З. 305
 Маркова 117
 Маркс К. 17, 18, 57, 58, 59, 176, 202, 233, 245, 246, 247, 268, 269, 300, 301, 319, 383, 403, 430
 Мартов О. (Цедербаум Ю.О.) 7, 12, 13, 63, 137, 140, 141, 188, 232, 319, 446, 454
 Мартынов Л.А. 409
 Мартынов А.С. 235
 Матулевич И.О. 49, 66
 Мах Э. 246
 Махарадзе Ф.Е. 341
 Маяковский В.В. 380, 381
 Мдивани П.Г. 341
 Медунов С.Ф. 401
 Мельгунов С.П. 192
 Мельников Р.Е. 117, 118, 119
 Менжинский В.Р. 32, 90, 141, 192

- Мережковский Д.С. 70,
190, 192
Меркулов В.Н. 112, 222
Мерецков К.А. 43
Мессинг В. 186
Мехлис Л.З. 83
- Миклухо–Маклай Н.Н.
133
Микоян А.И. 42, 87, 321,
439, 458
Милюков П.Н. 192, 243,
244, 426
Милютин В.П. 201
Минкин А.Е. 85
Мирбах В. 105
Мирский 192
Михаил (вел. князь) 225
Михайлов 282, 283
Михайловский Н.К. 298
Михов 101
Мичурин И.В. 381
Молотов (Скрябин) В.М.
42, 43, 97, 99, 100, 104,
110, 111, 113, 161, 171,
177, 206, 210, 213, 256,
257, 281, 282, 283, 334,
347, 364, 374, 375,
439, 458
Молчанов Г.А. 67
Мрачковский С.В. 68
- Муранов М.К. 95
Муромцев С.А. 424
Мюнцер Т.Ф. 249, 431
- Набоков В.В. 190, 192
Нагловский А.Д. 428
Надеждин Х. 217
Назаров 294
Накоряков Н.Н. 302
Нансен Ф. 217
Наполеон (Бонапарт) 383
Нариманов Н. 366
Невский В.И. 95, 231, 426
Некрасов Н.А. 248
Нерон 429
Нето А. 378
Нечаев С.Г. 233, 432
Никитченко И.Т. 49
Николай II (Романов)
220, 225, 229, 399, 401
Ницше Ф. 178
Нобс Э. 235
Нонне М. 338, 344, 345,
351, 374
Нуриев З.Н. 149
- Обух В.А. 45, 257, 374
Овчинников И.В. 409
Ожегов С.И. 230
Озеров И.Х. 185
Олейник Б.И. 415
Ольденбург С.Ф. 366
Орджоникидзе Г.К. 11,
49, 51, 137, 140, 141, 294,
295, 341, 349, 459
Осипов В.П. 84, 331, 345,
356, 361, 374
Осоргин М.А. 182, 190

- Оуэн Р. 269, 422
Охаб 458
- Павел (апостол) 208
Павленко П.А. 200
Павленков Ф.Ф. 423
Павлов И.П. 70, 71,
72, 381
Павлов Г.С. 400
Пайкес А.К. 44
Паколи П.П. 358
Паскевич 219
Парвус (Гельфанд) А.Л.
11, 231, 301
Патоличев Н.С. 148, 149
Паулул (митрополит) 22
Пельше А.Я. 117, 118,
119, 389
Первухин М.Г. 113, 377
Песси В. 444
Петр I Великий 229
Петровский Г.И. 368
Петрищев 185
Пешехонов А.В. 185, 424
Пешкова Е.П. 260
Пилсудский Ю. 436
Писарев Д.И. 248
Платон 178, 203
Платтен Ф. 235
Плеткис И.И. 409
Плетнев Э.М. 323
Плеханов Г.В. 38, 48, 52,
59, 233, 236, 244, 246,
319, 428, 436, 461
- Подгорный Н.В. 122, 389,
400, 401, 444
Подвойский Н.И. 7, 11
Подящук П. 298
Покровский М.Н. 105,
175, 194, 368
Полянский Д.С. 389
Пономарев Б.Н. 198, 322,
389, 417
Пономаренко П.К. 43
Пономаренко А.С. 409
Попов 283
Попков П.С. 114
Поскребышев А.Н. 43
Поспелов П.Н. 392, 439
Постовалов С.О. 117, 119
Постышев Н.Н. 49
Потресов А.Н. 12, 185,
188, 236, 318, 359,
430, 463
Преображенский Е.А. 91,
166, 188, 264, 368
Прокопович С.Н. 206,
424
Пугачев Е.И. 421
Пушкин А.С. 248
Пятаков Г.Л. 10, 60, 69,
99, 230
Пятницкий И.А. 274, 283,
285, 288, 289, 357, 358,
426, 461
Пятов Ю.М. 409
- Равдин Б. 339, 351, 352
Радек К.Б. 105, 137, 231,
272, 288, 317, 325, 429
Радищев А.Н. 176

- Радонежский С. 216
Радченко Л.Н. 186
Разин С.Т. 421, 431
Разумовская Л. 197,
198, 199
Ракоши М. 281, 394
Рамсей Дж. 244
Раскольников (Ильин)
Ф.Ф. 280, 426
Рашидов Р.М. 370
Рахья Э.А. 11, 273
Рейнгольд 50
Ремизов А.М. 190
Рескин Д. 178
Риббентроп И. 110
Рид Дж. 160
Родионов М.И. 113
Рожков Н.А. 186, 187,
434
Розанов В.Н. 356, 374
Розмирович Е.Ф. 35,
140, 256
Розов В.С. 198, 199
Розовский С.З. 160
Рокоссовский К.К. 458
Романов Г.В. 150, 410,
411, 413, 416, 417
Романовы 340
Россолимо Г.И. 374
Роше В. 321
Ротштейн Ф.А. 313
Ротхегель Р. 160
Рохлин 43
Рубцов 194
Рудзутак Я.Э. 91, 99, 106
Руднянский 160
Русаков К.В. 322, 417
Руссо Ж.Ж. 298
Руст 419
Рутковский 65
Рыжков Н.И. 123, 124,
410, 417
Рыков А.И. 9, 40, 60, 73,
83, 97, 99, 195, 216, 256,
264, 324, 333, 360
Рютин М.П. 230
Рязанов Д.Б. 300
Рябенко 401
Саваяма П. 325
Садат А. 408
Салтыков
(Салтыков-Щедрин)
М.Е. 248
Саляль 321
Самойлов Ф.И. 36
Саркисов С.А. 380, 381
Сафаров Г.И. 285, 297
Сахаров А.Д. 230, 418
Свердлов Я.М. 7, 25, 61,
94, 137, 282
Свешников М. 148
Свидерский А.И. 334
Святицкий Н.В. 96
Северянин И. (Лотарев
И.В.) 190
Секкия П. 444
Семашко Н.А. 193, 257,
348, 356, 363, 374
Сен-Симон К.А. 269, 422
Сергеев А.Н. 366

- Серебряков Л.П. 95
Середа С.П. 44
Сидоровкин А.И. 409
Симановский А. 344
Синека Ив. 160
Скворцов 101
Скворцов–Степанов И.И. 327, 357, 358, 360, 361, 380
Склянский Э.М. 256, 257, 272, 286, 457
Слащов Я.А. 194, 195
Сметанин Н.С. 145
Смилга И.Т. 40, 68, 76, 334
Смирнов И.Н. 50, 67
Смирнов 43, 101
Сморозин П.И. 366
Собинов Л.В. 381
Соболев Л.С. 200
Сойфер Я.Г. 114
Соколов В. 217
Соколов С.П. 353
Сокольников
(Бриллиант) Г.Я. 68, 95, 256, 285, 286
Солженицын А.И. 122, 230, 294, 302, 406, 407
Соловьев Вл. 178
Соловьев 101
Сологуб Ф.К. 189
Солозонова 117
Соломенцев М.С. 123, 199, 200, 412, 417
Сольц А.А. 282, 283
Сорокин П.А. 182
Сосновский Л.С. 454
Спандарян С.С. 140
Сперанский М.М. 178
Сталин (Джугашвили) И.В. 8, 9, 11, 12, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 26, 28, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 53, 54, 55, 57, 58, 60, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 70, 75, 76, 80, 81, 82, 83, 85, 86, 87, 88, 91, 92, 93, 95, 97, 99, 100, 101, 102, 104, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 119, 122, 124, 130, 131, 132, 135, 137, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 148, 151, 152, 161, 163, 164, 166, 167, 168, 169, 171, 172, 178, 180, 185, 186, 187, 190, 193, 195, 212, 213, 221, 222, 223, 224, 243, 256, 257, 262, 264, 266, 274, 285, 286, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 328, 329, 332, 334, 335, 336, 338, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 358, 362, 364, 366, 372, 374, 376, 380, 384, 385, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 404, 418,

- 432, 433, 439, 440, 441,
457, 459
Стаменов И.Т. 110
Стасова Е.Д. 11, 95,
140, 286
Стаханов А.Г. 145,
146, 147
Степун Ф.А. 182, 244,
246
Стефан Т. 298
Столыпин П.А. 249
Стомоняков Б.С. 333, 414
Сторожев 401
Стравинский И.Г. 192
Страда В. 439
Стратонов В.В. 181
Струве П.Б. 144, 202
Струве Г. 190, 424
Стукалин Б.И. 199
Стучка П.И. 283, 368
Судоплатов П.А. 110
Суслов М.А. 122, 149,
320, 321, 322, 386, 387,
389, 399, 443, 444,
448, 457
Суханов Н.Н. 16, 247,
461
- Тайлер У. 249
Таратута В. 434
- Телегин М. 217
Теодорович И.А. 325
Теплиц 194
Тер-Ваганян В.А. 50
Теффи 192
Тиберий 429
- Тимошенко С.К. 114
Титов 101
Тито (Броз Тито) И.
292, 457
Титоренко С.Л. 323
Тихменев Н.С. 265
Тихомиров С. 217
Тихомирнов 31, 32, 48
Тихон (Белавин В.И.)
204, 205, 206, 208, 209,
210, 211, 214, 216, 217,
218, 219, 220
Тихонов Н.А. 149,
412, 413
Ткачев П.Н. 233
Ткачев Р.А. 350
Толстой А.Н. 200, 248
Толстой Л.Н. 178, 188,
189, 203, 233
Тольятти П. 292, 293
Томский (Ефремов) М.П.
68, 73, 97, 99, 101, 193,
195, 256
Торез М. 443, 444
Троцкий (Бронштейн)
Л.Д. 8, 9, 11, 12, 13, 14,
15, 16, 17, 18, 19, 20, 21,
22, 23, 24, 25, 26, 27, 28,
29, 30, 33, 39, 41, 42, 52,
53, 56, 58, 61, 63, 64, 68,
70, 76, 78, 79, 83, 92, 95,
96, 97, 99, 100, 104, 105,
106, 109, 137, 161, 195,
206, 213, 214, 231, 235,
241, 256, 257, 258, 259,

- 261, 262, 263, 264, 274,
275, 276, 277, 280, 282,
286, 288, 293, 317, 335,
336, 338, 339, 341, 344,
346, 347, 349, 358, 359,
360, 364, 372, 374, 426,
432, 434, 435, 436, 437,
446, 461
Тургенев И.С. 248
Тухачевский М.Н. 91,
131, 132, 156, 158
Тучков 217, 220, 225
Тяжельников Е.М. 400
Тяпкин Н.Д. 181
- Ульрих В.В. 49, 51, 52, 66
Ульянов А.И. 237
Ульянов Д.И. 358,
363, 371
Ульянова М.И. 40, 257,
328, 329, 342, 345, 346,
356, 363, 427
Ульянова–Елизарова
А.И. 35, 363
Ульянов И.Н. 363
Ульяновы 298, 302,
304, 306
Уншлихт И.С. 44, 51,
161, 179, 180, 181, 182,
188, 189, 194, 205, 206,
207, 213, 242, 243, 246,
334, 426
Урицкий М.С. 11, 14, 137
Успенский Г.И. 248
Устинов Д.Ф. 322, 389,
400, 402, 405, 412,
448, 458
- Фадеев А.А. 110, 200, 201
Федин К.А. 200
Федоров 194
Федосеев Н.Е. 7
Федосеев Ф. 222
Федотов Г.П. 192, 202
Фельдберг 374
Ферстер О. 84, 329, 338,
344, 345, 348, 349, 361,
374, 375
Фигнер В.Н. 157
Филиппов М.М. 423
Фишер Л. 464
Флеров В. 363
Флоренский О.П. 70, 244
Фогт О. 344, 380
Фотиева Л.А. 47, 310,
325, 336
Франк С.Л. 182, 186, 190,
194, 244, 246
Франс Д. 324
Фрейбергер Л. 301
Фрейман 101
Фриновский 42
Фрумкин М.Н. 324
Фрунзе М.В. 11
Фурье Ш. 269, 422
- Хавкин 160
Харитонов С.М. 409
Харлов В.Н. 44
Хёглунд 453

- Хипчук Л.М. 324
Ходасевич В.Ф. 178, 190
Ходоровский 323
Хонеккер Э. 404
Хо Ши Мин 378
Хомутинников 42
Христос (Иисус Христос) 430
- Хрущев Н.С. 112, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 130, 131, 132, 148, 173, 221, 222, 224, 335, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 404, 418, 458
Хрущев С.Н. 116
- Цветаева М.И. 190
Цезарь Г.Ю. 244
Цеткин К. 300, 301, 345, 366, 381
Циолковский К.Э. 381
Цхакая М.Г. 38
Цюрупа А.Д. 11, 44, 109, 242, 256, 258, 333
- Чазов Е.И. 416
Чапчаев А. 281
Чаттодиа В. 274
Чаушеску Н. 401
Чебриков В.М. 124, 378, 413, 417
Чень И. 394, 395
Черненко К.У. 54, 107, 112, 335, 390, 400, 401, 404, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 458
Чернов В.М. 155, 338, 339, 427, 432, 462
Чернышевский Н.Г. 54, 63, 233, 248
Черчилль У. 169, 371, 385
Чехов А.П. 319
Чжоу Эньлай 443
Чичерин Г.В. 104, 161, 239, 267, 270, 272, 273, 274, 281, 284, 408, 434
Чубарь В.Я. 87, 426
Чупров А.И. 424
Чхеидзе Н.С. 13, 14
- Шабалин И.П. 409
Шагинян М.С. 231
Шаляпин Ф.И. 104, 191
Шаропудинов Г.Г. 409
Шауро В.Ф. 198
Шаховской (князь) 222
Шацкин 376
Швальбе 63
Шверник Н.М. 321
Шеварднадзе Э.А. 124, 401, 417
Шевелев 9, 89
Шелепин А.Н. 387, 389, 442
Шепилов Д.Т. 113

- Шестов Л.И. 190
Шефло О. 289
Ширяев Б.А. 409
Шкловский Г.Л. 36,
37, 302
Шкловская Н.А. 249
Шляпников А. 306
Шмелев И.С. 190, 192
Шмидт О.Ю. 101
Шмит Н.П. 36, 434
Шолохов М.А. 200
Шопенгауэр А. 178
Шотман А.В. 426
Шпенглер О. 246
Штейнберг И.З. 100
Штрюмпель А. фон 338,
344, 345, 351, 374
Штурман Д. 16, 52, 254
Шумяцкий Б.З. 426
- Щелкан И.С. 219
Щербицкий В.В. 150,
404, 416
- Щусев А.В. 366, 375
- Эберлейн Г. 160, 270
Эмбер-Дро Ж. 283
Энгельс Ф. 58, 59, 247,
300, 301
Энтин 194
Эренбург И.Г. 80, 301,
302, 430
Эсфирь Н.М. 86
Эфрон 194, 423
- Юденич Н.Н. 433
Юренив (Кротовский)
К.К. 14
- Ягода Г.Г. 8, 66, 141, 170,
180, 189, 219
Якубова (Брок) А.А. 309
Ясинский А.Н. 178
Ярославский Е.М.
(Губельман М.И.) 217,
225, 368

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. ОКРУЖЕНИЕ ЛЕНИНА

- „Самый способный человек... в ЦК“
- Человек с „необъятной властью“
- Большевистский тандем
- „Любимец всей партии“
- „Ленинское Политбюро“

Глава 2. ОДНОМЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

- Обманутый „гегемон“
- История — беспристрастный судья
- „Крестьянские хищники“
- Трагедия интеллигенции
- Ленин и церковь

Глава 3. ДУХОВНЫЙ КОСМОС

- Тайны интеллекта
- „Роковой человек“
- Пророк Коминтерна
- Инесса Арманд

Глава 4. МАВЗОЛЕЙ ЛЕНИНИЗМА	315
— Власть и болезнь	323
— Долгая агония	340
— Мумия и „бальзамирование“ идей	362
— Наследие и наследники	383
— Исторический Ленин	421
Вместо заключения. ПОРАЖЕНИЕ В ПОБЕДЕ	449
Библиография	465
Указатель имен	489

Издательство АСТ

представляет:

◆ *серия “Классики зарубежной психологии”:*

труды З. Фрейда, К.-Г. Юнга, В. Райха,
Э. Фромма и других основоположников психологической науки

◆ *серия “Всемирная история в лицах” –
настоящий подарок любителям истории*

В серии вышли:

А. Манфред “Наполеон Бонапарт”

Н. Павленко “Петр Великий”

Н. Павленко “Вокруг трона”

(издание 2-е, переработанное и дополненное)

С. Утченко “Цезарь. Циперон”

И. Стоун “Фрейд”

Д. Волкогонов “Семь вождей” (в 2 т.), “Сталин” (в 2 т.),

“Ленин” (в 2 т.), “Троцкий” (в 2 т.)

◆ альбомы по искусству и классика искусствоведения. Восьмисот-
страничная “Энциклопедия живописи” и “История искусства”
Эрнста Гомбриха – книга, мировой тираж которой превысил 5
млн. экземпляров

◆ многотомные “Энциклопедия литературных героев” и “Все ше-
девры мировой литературы в кратком изложении”

Все эти и многие другие издания вы можете
приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

по адресу: 107140, Москва, а/я 140. “Книги по почте”.

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские
фирменные магазины издательства “АСТ” по адресам:

Каретный ряд, д. 5/10. Тел. 299-6584.

Арбат, д. 12. Тел. 291-6101.

Татарская, д. 14. Тел. 235-3406.

Звездный б-р, д. 21. Тел. 974-1805

ЛУЧШИЕ

КНИГИ

ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Любителям крутого детектива** – романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра – А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

◆ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах".

◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** – серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

◆ **Поклонникам любовного романа** – произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Карлсенд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил - в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".

◆ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Kinga и Сидни Шелдона.

◆ **Почитателям фантастики** – циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Шашефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

◆ **Любителям приключенческого жанра** – "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К.Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

◆ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

◆ **Лучшие серии для самых маленьких** – "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

◆ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.

◆ **Школьникам и студентам** – книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

◆ **Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам.** А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

По адресу: 107140, Москва, д/я 140. "Книги по почте".

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательства "АСТ" по адресам:

Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584.

Арбат, д.12. Тел. 291-6101.

Татарская, д.14. Тел. 959-2095.

Звездный бульвар, д.21. Тел. 974-1805

Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.

Лутанская, д.7 Тел. 322-2822

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

ISBN 5-237-00906-9

Литературно-художественное издание

Волкогонov Дмитрий Антонович
Ленин
Книга 2

Заведующий редакцией Л.Д. Соболев
Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.А. Кудрявцев
Корректор М.К. Верховцева
Технический редактор Н.М. Блохина
Технологи В.Ф. Егорова, В.И. Руденко

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.02.99.
Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская. Печать офсетная.
Гарнитура Академия. Усл. печ. л. 32,0. Тираж 7000 экз.
Заказ 977.

**Налоговая льгота – общероссийский
классификатор продукции ОК-00-93, том
953000 – книги, брошюры**

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98 от 01.09.98 г.

ООО «Фирма «Издательство АСТ».
ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, РИ, г. Назрань, ул. Московская, 13а.
Наши электронные адреса: WWW.AST.RU. E-mail:
AST PUB@ ANA.RU.

АО «Издательство «Новости»».
ЛР № 040676 от 28.02.94.
107082, Москва, Б.Почтовая ул., 7

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35 — 305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ЛЕНИН

В российской истории, кажется, нет человека, о котором было бы известно столько, сколько о Ленине.

Но это чистейшая иллюзия, потому что в действительности о Ленине известно на удивление мало. Слишком многое искажалось, еще больше - утаивалось, слишком многие факты могли пролить на личность "вождя революции" неожиданный свет, а потому замалчивались. Книга Волкогонова представляет для современного читателя огромный интерес, так как в работе над нею автор, допущенный к секретным партийным архивам, использовал уникальные документы, впервые предстающие перед читателем...

ДМИТРИЙ ВОЛКОГОНОВ ВСЕМИРНАЯ ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ